20. 84. 2. 1/4

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ТУРГЕНЕВЪ

Томъ IV.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ТОМЪ IV.

Четвертое изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.

1897.

Собственность Глазунова.

ОТДѢЛЪ II.

РОМАНЫ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

	СТР.
НОВЪ.—Романъ въ XXXVIII главахъ	1
РУДИНЪ.—Романъ въ XII главахъ, съ эпилогомъ . .	337

НОВЬ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

[НАПИСАНО ВЪ 1876 ГОДУ].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ».

Изъ записокъ хозяина-агронома.

I.

Весною 1868 года, часу въ первомъ дня, въ Петербургѣ, взбирался по черной лѣстницѣ пятиэтажнаго дома въ Офицерской улицѣ человѣкъ лѣтъ двадцати-семи, небрежно и бѣдно одѣтый. Тяжело плёная стоптанными калошами, медленно покачивая грузное, неуклюжее тѣло, человѣкъ этотъ достигнулъ наконецъ самаго верха лѣстницы, остановился передъ оборванной полураскрытой дверью — и, не позвонивъ въ колокольчикъ, а только шумно вздохнувъ, ввалился въ небольшую темную переднюю.

— Неждановъ дома?—крикнулъ онъ густымъ и громкимъ голосомъ.

— Его нѣтъ—я здѣсь; войдите,—раздался въ сосѣдней комнатѣ другой, тоже довольно грубоватый женскій голосъ.

— Машурина?—переспросилъ новоприбывшій.

— Она самая и есть.—А вы—Остродумовъ?

— Нимень Остродумовъ,—отвѣчалъ тотъ, и старательно снявъ сперва калоши, а потомъ повѣсивъ на гвоздь

ветхую мышеловку, вошелъ въ комнату, откуда раздался женскій голосъ.

Низкая, непріятная, со стѣнами выкрашенными мутно-зеленой краской, комната эта едва освѣщалась двумя запыленными окошками. Только и было въ ней мебели, что желѣзная кроватка въ углу, да столъ по серединѣ, да нѣсколько стульевъ, да этажерка, заваленная книгами. — Возлѣ стола сидѣла женщина лѣтъ тридцати, простоволосая, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, и курила папироску. Увидѣвъ вошедшаго Остродумова, она молча подала ему свою широкую красную руку. Тотъ такъ же молча пожалъ ее и, опустившись на стулъ, досталъ изъ бокового кармана полусломанную сигару. Манурина дала ему огня — онъ закурилъ, и оба, не говоря ни слова и даже не мѣняясь взглядами, принялись пускать струйки синеватаго дыма въ тусклый воздухъ комнаты, уже безъ того достаточно пропитанный имъ.

Въ обоихъ курильщикахъ было нѣчто общее, хотя чертами лица они не походили другъ на друга. Въ этихъ неряшливыхъ фигурахъ съ крупными губами, зубами, носами (Остродумовъ къ тому-же еще былъ рябъ), сказывалось что-то честное, и стойкое, и трудолюбивое.

— Видѣли вы Нежданова?—спросилъ наконецъ Остродумовъ.

— Видѣла; онъ сейчасъ придетъ. Книги въ библіотеку понесъ.

Остродумовъ сплюнулъ въ сторону.

— Что это онъ все бѣгать сталъ? Никакъ его не поймаешь.

Манурина достала другую папироску.

— Скучаетъ,—промолвила она, тщательно ее разжигая.

— Скучаетъ!—повторилъ съ укоризной Остродумовъ.— Вотъ баловство! Подумаешь, занятій у насъ съ нимъ нѣту. Тутъ, дай Богъ всѣ дѣла обломать какъ слѣдуетъ—а онъ скучаетъ!

— Письмо изъ Москвы пришло?—спросила Машурина погодя немного.

— Пришло.... третьяго дня.

— Вы читали?

Остродумовъ только головой качнулъ.

— Ну.... и что же?

— Что?—скоро ѣхать надо будетъ.

Машурина вынула папироску изо рта.—Это отчего же? Тамъ, слышно, идетъ все хорошо.

— Идетъ, своимъ порядкомъ. Только человѣкъ одинъ подвернулся ненадежный. Такъ вотъ.... смѣстить его надо; а не то и вовсе устранить. Да и другія есть дѣла.—Васъ тоже зовутъ.

— Въ письмѣ?

— Да; въ письмѣ.

Машурина встряхнула своими тяжелыми волосами. Небрежно скрученныя сзади въ небольшую косу, они спереди падали ей на лобъ и на брови.

— Ну, что-жъ!—промолвила она:—коли выдетъ распоряженіе—разсуждать тутъ нечего!

— Извѣстно, нечего. Только безъ денегъ никакъ нельзя; а гдѣ ихъ взять, самыя эти деньги?

Машурина задумалась.

— Неждановъ долженъ достать, — проговорила она вполголоса, словно про себя.

— Я за этимъ самымъ и пришелъ, замѣтилъ Остродумовъ.

— Письмо съ вами?—спросила вдругъ Машурина.

— Со мной. Хотите прочесть?

— Дайте.... или нѣтъ, не нужно. Вмѣстѣ прочтемъ.... послѣ.

— Вѣрно говорю, — пробурчалъ Остродумовъ: — не сомнѣвайтесь.

— Да я и не сомнѣваюсь.

И оба затихли опять, и только струйки дыма по прежнему бѣжали изъ ихъ безмолвныхъ устъ и поднимались, слабо змѣясь, надъ ихъ волосистыми головами.

Въ передней раздался стукъ калошъ.

— Вотъ онъ!—шепнула Машурина.

Дверь слегка пріотворилась, и въ отверстіе просунулась голова—но только не голова Неждапова.

То была круглая головка съ черными, жесткими волосами, съ широкимъ, морщинистымъ лбомъ, съ карими, очень живыми глазками подъ густыми бровями, съ утинымъ, кверху вздернутымъ носомъ и маленькимъ, розовымъ, забавно-сложеннымъ ртомъ. Головка эта осмотрѣлась, закивала, засмѣялась—причемъ выказала множество крошечныхъ бѣлыхъ зубковъ—и вошла въ комнату вмѣстѣ со своимъ тщедушнымъ туловищемъ, короткими ручками и немного кривыми, немного хромыми ножками. И Машурина, и Остродумовъ, какъ только увидали эту головку, оба выразили на лицахъ своихъ нѣчто въ родѣ снисходительнаго презрѣнія, точно каждый изъ нихъ внутренно произнесъ: „А! *этотъ!*“ — и не проронили ни единаго слова, даже не пошевельнулись. Впрочемъ, оказанный ему пріемъ не только не смутилъ новоявившагося гостя, но, кажется, доставилъ ему нѣкоторое удовлетвореніе.

— Что сіе означаетъ?—произнесъ онъ пискливымъ голоскомъ.—Дуэтъ? Отчего же не тріо? И гдѣ же главный теноръ?

— Вы это о Неждановѣ любопытствуете, г-нъ Наклинъ?—проговорилъ съ серьезнымъ видомъ Остродумовъ.

— Точно такъ, г-нъ Остродумовъ: о немъ.

— Онъ вѣроятно скоро прибудетъ, г-нъ Наклинъ.

— Это очень пріятно слышать, г-нъ Остродумовъ.

Хроменькій человѣкъ обратился къ Машуриной. Она

сидѣла, насупившись—и продолжала, не спѣша, понюхивать изъ напироски.

— Какъ вы поживаете, любезнѣйшая.... любезнѣйшая.... Вѣдь вотъ, какъ это досадно! Всегда я забываю, какъ васъ по имени и по отчеству!

Машурина пожала плечами.

— И совсѣмъ это не нужно знать! Вамъ моя фамилія извѣстна. Чего же больше!—И что за вопросъ: какъ вы поживаете?—Развѣ вы не видите, что я живу?

— Совершенно, совершенно справедливо! — воскликнулъ Наклинъ, раздувая ноздри и подергивая бровями:—не были бы вы живы—вашъ покорный слуга не имѣлъ бы удовольствія васъ здѣсь видѣть и бесѣдовать съ вами!—Принимите мой вопросъ застарѣло-дурной привычкѣ. Вотъ и на счетъ имени и отчества.... Знаете: какъ-то неловко говорить прямо: Машурина!—Мнѣ, правда, извѣстно, что вы и подъ письмами вашими иначе не подписываетесь, какъ: Бонапартъ!—то́ бишь: Машурина!—Но все-таки, въ разговорѣ....

— Да кто васъ проситъ со мной разговаривать?

Наклинъ засмѣялся нервически, какъ-бы захлебываясь.

— Ну, полноте, милая, голубушка, дайте вашу руку, не сердитесь, вѣдь я знаю: вы предобрая—и я тоже добрый.... Ну?...

Наклинъ протянулъ руку.... Машурина посмотрѣла на него мрачно—однако подала ему свою.

— Если вамъ непремѣнно нужно знать мое имя,—промолвила она все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ —извольте: меня зовутъ Ѳеклой.

— А меня — Нименомъ, прибавилъ басомъ Остродумовъ.

— Ахъ! это очень.... очень поучительно! Но въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, о, Окла! и вы, о, Нименъ! скажите

мнѣ, отчего вы оба такъ недружелюбно, такъ постоянно-недружелюбно относитесь ко мнѣ, между тѣмъ какъ я....

— Манурина находитъ, — перебилъ Остродумовъ — и не она одна это находитъ — что, такъ какъ вы на всѣ предметы смотрите съ ихъ смѣшной стороны, то и положиться на васъ нельзя.

Наклинъ круто повернулся на каблукахъ.

— Вотъ она, вотъ постоянная ошибка людей, которые обо мнѣ судятъ, почтеннѣйшій Имянъ! Вопервыхъ: я не всегда смѣюсь; а во вторыхъ—это ничему не мѣшаетъ и положиться на меня можно, что и доказывается лестнымъ довѣріемъ, которымъ я не разъ пользовался въ вашихъ же рядахъ! Я честный человѣкъ, почтеннѣйшій Имянъ!

Остродумовъ промычалъ что-то сквозь зубы, а Наклинъ покачалъ головою и повторилъ, уже безъ всякой улыбки:

— Нѣтъ! я не всегда смѣюсь! Я вовсе не веселый человѣкъ! Вы посмотрите-ка на меня!

Остродумовъ посмотрѣлъ на него. — Дѣйствительно, когда Наклинъ не смѣялся, когда онъ молчалъ, лицо его принимало выраженіе почти унылое, почти запуганное: оно становилось забавнымъ и даже злымъ, какъ только онъ раскрывалъ ротъ. Остродумовъ однако ничего не сказалъ.

Наклинъ снова обратился къ Манурниной.

— Ну, а ученіе какъ подвигается? Дѣласте вы успѣхи въ вашемъ истинно-человѣколюбивомъ искусствѣ? Чай, штука трудная — помогать неопытному гражданину при его первомъ вступленіи на свѣтъ Божій?

— Ничего, труда нѣтъ, коли онъ не много больше васъ ростомъ,—отвѣтила Манурина, только-что сдавшая экзаменъ на повивальную бабушку,—и самодовольно ухмыльнулась. Года полтора тому назадъ, она, бросивъ свою родную, дворянскую, небогатую семью въ южной Россіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карма-

нѣ; поступила въ родоспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилась желаннаго аттестата. Она была дѣвица.... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажетъ иной скептикъ, вспомнивъ то, что было сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! позволимъ себѣ сказать мы.

Услышавъ ея отповѣдь, Паклинъ снова разсмѣялся.

— Вы молодецъ, моя милая!—воскликнулъ онъ.—Славно меня отбрили! Поздѣломъ мнѣ! Зачѣмъ я такимъ карликомъ остался! Однако, гдѣ же это пропадаетъ нашъ хозяинъ.

Паклинъ не безъ умысла перемѣнилъ предметъ разговора. Онъ никакъ не могъ помириться съ крохотнымъ своимъ ростомъ, со всей своей невзрачной фигуркой. Это было ему тѣмъ чувствительнѣе, что онъ страстно любилъ женщинъ. Чего бы онъ не далъ, чтобъ нравиться имъ! Сознаніе своей мизерной наружности гораздо больнѣе грызло его, чѣмъ его низменное происхожденіе, чѣмъ незавидное положеніе его въ обществѣ. Отецъ Паклина былъ простой мѣщанинъ, дослужившійся всякими неправдами до чина титулярнаго совѣтника, ходокъ по тяжебнымъ дѣламъ, аферистъ. Онъ управлялъ имѣніями, домами, и заживо-таки копѣйку; но сильно пилъ подъ конецъ жизни и ничего не оставилъ послѣ своей смерти. Молодой Паклинъ (звали его: Сила... Сила Самсонычъ, —что онъ такое считалъ насмѣшкой надъ собою)—воспитывался въ коммерческомъ училищѣ, гдѣ отлично выучился нѣмецкому языку. Послѣ различныхъ, довольно тяжелыхъ передрягъ, онъ попалъ, наконецъ, въ частную контору на 1,500 р. с. годового содержанія. Этими деньгами онъ кормилъ себя, больную тётку, да горбатую сестру. Во время нашего разсказа ему только-что пошелъ 28-й годъ. Паклинъ зналъ со множествомъ студентовъ, молодыхъ людей, которымъ онъ нравился своей цинической бойкостью, веселой желчью

самоувѣренной рѣчи, односторонней, не несомнѣнной начитанностью, безъ педантизма. Лишь изрѣдка ему доставалось отъ нихъ. Разъ онъ какъ-то опоздалъ на политическую сходку.... Войдя, онъ тотчасъ началъ торопливо извиняться....—„Трусовать былъ Наклинъ обѣдный“—запѣлъ кто-то въ углу—и всѣ расхохотались. Наклинъ наконецъ засмѣялся самъ, хоть и скребло у него на сердцѣ. „Правду сказалъ, мошенникъ!“—подумалъ онъ про себя. Съ Неждановымъ онъ познакомился въ греческой кухмистерской, куда ходилъ обѣдать, и гдѣ выражалъ подъ-часъ весьма свободныя и рѣзкія мнѣнія. Онъ увѣрялъ, что главной причиной его демократическаго настроенія была скверная греческая кухня, которая раздражала его печень.

— Да.... именно.... гдѣ пропадаетъ нашъ хозяинъ? — повторилъ Наклинъ. — Я замѣчаю: онъ съ нѣкоторыхъ поръ словно не въ духѣ. Ужъ не влюбленъ ли онъ, Боже сохрани?

Машурина нахмурилась.

— Онъ пошелъ въ библіотеку за книгами,—а влюбляться ему некогда и не въ-кого.

„А въ васъ?“ чуть-было не сорвалось съ губъ у Наклина.

— Я потому желаю его видѣть,—промолвилъ онъ громко — что мнѣ нужно переговорить съ нимъ по одному важному дѣлу.

— По какому это дѣлу?—вмѣшался Остродумовъ.—По нашему?

— А можетъ быть и по вашему.... т. е., по нашему, общему.

Остродумовъ хмыкнулъ. Въ душѣ онъ усумнился, но тутъ же подумалъ: „А чортъ его знаетъ! Вишь онъ какой пролазъ!“

— Да вотъ онъ идетъ наконецъ,—проговорила вдругъ

Машурина—и въ ея маленькихъ, некрасивыхъ глазахъ, устремленныхъ на дверь передней, промелькнуло что-то теплое и нѣжное, какое-то свѣтлое, глубокое, внутреннее нятнышко.

Дверь отворилась, и на этотъ разъ, съ картузомъ на головѣ, со связкой книгъ подъ мышкой, вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, самъ Нежлановъ.

II.

При видѣ гостей, находившихся въ его комнатѣ, онъ остановился на порогѣ двери, обвелъ ихъ всѣхъ глазами, сбросилъ картузъ, уронилъ книги прямо на полъ и молча, добравшись до кровати, прикорнулъ на ея краѣ. Его красивое бѣлое лицо, казавшееся еще бѣлѣе отъ темно-краснаго цвѣта волнистыхъ рыжихъ волосъ, выражало неудовольствіе и досаду.

Машурина слегка отвернулась и закусила губу; Остродумовъ проворчалъ:

— Наконецъ-то!

Наклинъ первый приблизился къ Нежданову.

— Что съ тобой, Алексѣй Дмитріевичъ, россійскій Гамлетъ? Огорчилъ кто тебя? Или такъ—безъ причины—взгрустнулось?

— Перестань пожалуйста, россійскій Мефистофель,—отвѣчалъ раздраженно Нежлановъ. — Мнѣ не до того, чтобы препираться съ тобою плоскими остротами.

Наклинъ засмѣялся.

— Ты неточно выражаешься: коли о́стро, такъ не плоско, коли плоско, такъ не о́стро.

— Ну, хорошо, хорошо... Ты, извѣстно, умница.

— А ты въ нервозномъ состояніи,—произнесъ съ разстановкою Наклинъ.—Али въ самомъ дѣлѣ что случилось?

— Ничего не случилось особеннаго;—а случилось то,

что нельзя носа на улицу высунуть, въ этомъ гадкомъ городѣ, въ Петербургѣ, чтобъ не наткнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху! Жить здѣсь больше невозможно.

— То-то ты въ газетахъ публиковалъ, что ищешь кондиціи и согласенъ на отъѣздъ,—проворчалъ опять Остродумовъ.

— И конечно; съ величайшимъ удовольствіемъ уѣду отсюда! Лишь бы нашелся дуракъ—мѣсто предложилъ!

— Сперва надо *здѣсь* свою обязанность исполнить,— значительно проговорила Машурина, не переставая глядѣть въ сторону.

— То-есть?—спросилъ Нежлановъ, круто обернувшись къ ней. Машурина стиснула губы.

— Вамъ Остродумовъ скажетъ.

Нежлановъ обернулся къ Остродумову. Но тотъ только крякнулъ и откашлялся:—„погоди-молъ“.

— Нѣтъ, не шутя, въ самомъ дѣлѣ,—вмѣшался Наклинъ:—ты узналъ что-нибудь, непріятность какую!

Нежлановъ подскочилъ на постели, словно его что́ подбросило.

— Какая тебѣ еще непріятность нужна? — закричалъ онъ внезапно зазвенѣвшимъ голосомъ. — Поль-Россіи съ голода помираетъ. „Московскія Вѣдомости“ торжествуютъ, классицизмъ хотятъ ввести, студенческія кассы запрещаются, вездѣ шпіонство, притѣсненія, доносы, ложь и фальшь—шагу намъ ступить некуда.... а ему все мало, онъ ждетъ еще новой непріятности, онъ думаетъ, что я шучу.... Басанова арестовали,—прибавилъ онъ, нѣсколько понизивъ тонъ:—мнѣ въ библіотекѣ сказывали.

Остродумовъ и Машурина оба разомъ приподняли головы.

— Любезный другъ, Алексѣй Дмитріевичъ, — началъ Наклинъ,—ты взволнованъ—дѣло понятное.... Да развѣ

ты забылъ, въ какое время и въ какой странѣ мы живемъ?—Вѣдь у насъ утопающій самъ долженъ сочинить ту соломинку, за которую ему приходится ухватиться!—Гдѣ ужъ тутъ миндальничать?! Надо, братъ, чорту въ глаза умѣть смотрѣть, а не раздражаться по-ребячьи....

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста!—перебилъ тоскливо Неждановъ, и даже сморщился, словно отъ боли.—Ты, извѣстное дѣло, энергическій мужчина,—ты ничего и никого не боишься....

— Я-то никого не боюсь?!—началъ-было Наклинъ....

— Кто только могъ выдать Басанова? — продолжалъ Неждановъ,—не понимаю!

— А извѣстное дѣло—пріятель. — Они на это молодцы,—пріятели-то. Съ ними держи ухо востро! Былъ у меня, напримѣръ, пріятель—и, казалось, хорошій человѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ....—„Представьте“, кричитъ: „какую объ васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего роднаго дядюшку отравили,—что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ сѣли спиной—и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды.—Вѣдь этакая чепуха! этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить!“—И что же? Годъ спустя, разссорился я съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: „Вы, который уморили своего дядю!—Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной!...“ и т. д. и т. д.—Вотъ каковы пріятели!

Остродумовъ переглянулся съ Машуриной.

— Алексѣй Дмитріевичъ!—брякнулъ онъ своимъ тяжелымъ басомъ,—онъ явно желалъ прекратить возникавшее безполезное словоизверженіе: отъ Василія Николаевича письмо изъ Москвы пришло.

Неждановъ слегка дрогнулъ и потупился.

— Что́ онъ пишетъ?—спросилъ онъ наконецъ?

— Да вотъ.... намъ вотъ съ ней....—Остродумовъ указалъ бровями на Машурину—ѣхать надо.

— Какъ? и ее зовутъ?

— Зовутъ и ее.

— Зачѣмъ же дѣло стало!

— Да извѣстно зачѣмъ.... за деньгами.

Неждановъ поднялся съ кровати и подошелъ къ окну.

— Много нужно?

— Пятьдесятъ рублей.... Меньше нельзя.

Неждановъ помолчалъ.

— У меня теперь ихъ нѣтъ,—процедилъ онъ наконецъ, постукивая пальцами по стеклу—но.... я могу достать. Я достану. Письмо у тебя?

— Письмо-то? Оно.... то-есть.... конечно....

— Да что вы все отъ меня хоронитесь?—воскликнулъ Наклинъ.—Неужто я не заслужилъ вашего довѣрія?—Если бы я даже не вполнѣ сочувствовалъ.... тому, что вы предпринимаете,—неужто же вы полагаете, что я въ состояніи измѣнить или разболтать?

— Безъ умысла.... пожалуй!—пробасилъ Остродумовъ.

— Ни съ умысломъ, ни безъ умысла!—Вотъ, г-жа Машурина глядитъ на меня и улыбается.... а я скажу....

— Я нисколько не улыбаюсь,—окрысилась Машурина.

— А я скажу,—продолжалъ Наклинъ,—что у васъ, господа, чутья нѣтъ: что вы не умѣете различить, кто ваши настоящіе друзья! Человѣкъ смѣется, вы и думаете: онъ несерьёзный....

— А то небось нѣтъ? — вторично окрысилась Машурина.

— Вы, вотъ, напримѣръ,—подхватилъ съ новой силой Наклинъ, на этотъ разъ даже не возражая Машуриной—вы нуждаетесь въ деньгахъ.... а у Нежданова ихъ теперь нѣтъ... Такъ я могу дать.

Нежда́новъ быстро отверну́лся отъ окна.

— Нѣ́тъ.... нѣ́тъ.... это къ чему́ же? Я достану́.... Я возьму́ часть пенсіи впередъ.... Помни́тся, *они* остались мнѣ́ должны. А вотъ что, Остродумовъ: покажи-ка письмо.

Остродумовъ остался сперва нѣ́которое время неподви́жнымъ; потомъ осмотрѣ́лся кругомъ; потомъ всталъ, нагну́лся всѣ́мъ тѣ́ломъ, и, засучивъ панталоны, вытащилъ изъ-за голени́ща сапога тща́тельно сложе́нный клочекъ синей бума́ги; вытащивъ этотъ клочекъ, неизвѣ́стно зачѣ́мъ поду́лъ на него и подалъ Нежда́нову.

Тотъ взялъ бума́жку, разверну́лъ ее, прочелъ внима́тельно и передалъ Мануриной.... Та сперва встала со стула, потомъ тоже прочла и возвратила бума́жку Нежда́нову, хотя Наклинъ протя́гивалъ за нею руку. Нежда́новъ пожа́лъ плечомъ и передалъ таинственное письмо Наклину. Наклинъ въ свою́ о́чередь пробѣ́жалъ глазами бума́жку и, многозначи́тельно сжа́въ гу́бы, торже́ственно и тихо положи́лъ ее на столъ. Тогда Остроумовъ взялъ ее, зажегъ большую спичку, распространи́вшую си́льный запахъ сѣ́ры, и сперва высоко подня́въ бума́жку надъ голово́ю, какъ бы показывая ее всѣ́мъ присутствующимъ, сжегъ ее до тла на спичкѣ́, не щадя своихъ пальцевъ, и бросилъ пепелъ въ печку. Никто не произнесъ слова, никто даже не пошевели́лся въ теченіи этой операціи. Глаза у всѣ́хъ были опущены. Остродумовъ имѣ́лъ видъ сосредоточе́нный и дѣ́льный, лицо Нежда́нова казалось злымъ, въ Наклинѣ́ проявилось напряже́ніе; Мануринa—священноде́йствовала.

Такъ прошло минуты двѣ́.... Потомъ всѣ́мъ стало немно́го неловко. Наклинъ первый почу́вствовалъ необходи́мость нарушить безмолвіе.

— Такъ что́-же?—началъ онъ.—Принима́ется моя же́ртва на алта́рь отече́ства или нѣ́тъ? Позволя́ется мнѣ́ поднести, если не всѣ́ пятьдеся́тъ, то хоть двадцать-пять или тридцать рублей на общее дѣ́ло?

Неждановъ вдругъ вспыхнулъ весь. Казалось, въ немъ накипѣла досада.... Торжественное сжиганіе письма ея не уменьшило,—она ждала только предлога, чтобы вырваться наружу.

— Я уже сказалъ тебѣ, что это не нужно, не нужно.... не нужно! Я этого не допущу и не приму. Я достану деньги, я сейчасъ же ихъ достану. Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи!

— Ну, братъ,—промолвилъ Наклинъ—я вижу: ты хоть и революціонеръ, а не демократъ!

— Скажи прямо, что я аристократъ!

— Да ты и точно аристократъ.... до нѣкоторой степени.

Неждановъ принужденно засмѣялся.

— То-есть, ты хочешь намекнуть на то, что я незаконный сынъ. Напрасно трудишься, любезный.... Я и безъ тебя этого не забываю.

Наклинъ всплеснулъ руками.

— Алёша, помилуй, что съ тобою! Какъ можно такъ понимать мои слова! Я не узнаю тебя сегодня.—Неждановъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой и плечами.— Арестъ Басанова тебя разстроилъ, но вѣдь онъ самъ такъ неосторожно велъ себя....

— Онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій, — сумрачно вмѣшалась Машурина:—не намъ его осуждать!

— Да: только ему слѣдовало бы тоже подумать о другихъ, которыхъ онъ теперь скомпрометтировать можетъ.

— Почему вы такъ о немъ полагаете?.... — загудѣлъ въ свою очередь Остродумовъ: — Басановъ человѣкъ съ характеромъ твердымъ; онъ никого не выдастъ. А что до осторожности.... знаете что? Не всякому дано быть осторожнымъ, г-нъ Наклинъ!

Наклинъ обидѣлся и хотѣлъ-было возразить, но Неждановъ остановилъ его.

— Господа!—воскликнулъ онъ,—сдѣлайте одолженіе, бросимте на время политику!

Наступило молчаніе.

— Я сегодня встрѣтилъ Скоропихина,—заговорилъ наконецъ Наклинъ,—нашего всероссійскаго критика и эстетика, и энтузіаста. Что за несносное созданіе! Вѣчно закипаетъ и шипитъ, ни дать ни взять бутылка дрянныхъ кислыхъ щей.... Половой на бѣгу заткнулъ ее пальцемъ вмѣсто пробки, въ горлышкѣ застрялъ пухлый изюмъ — она все брызжетъ и свиститъ—а какъ вылетитъ изъ нея вся пѣна—на днѣ остается всего нѣсколько капель пресквернои жидкости, которая не только не утоляетъ ничьей жажды, но причиняетъ одну лишь рѣзь.... Превредный для молодыхъ людей индивидуй!

Сравненіе, употребленное Наклинымъ, хотя вѣрное и мѣткое, не вызвало улыбки ни на чьемъ лицѣ. Одинъ Остродумовъ замѣтилъ, что о молодыхъ людяхъ, которые способны интересоваться эстетикой, жалѣть нечего, даже если Скоропихинъ и собьетъ ихъ съ толку.

— Но помилуйте, постойте,—воскликнулъ съ жаромъ Наклинъ; онъ тѣмъ болѣе горячился, чѣмъ менѣе встрѣчалъ себѣ сочувствія:—тутъ вопросъ, положимъ, не политическій, но все-таки важный. Послушать Скоропихина, всякое старое художественное произведеніе умъ по тому самому не годится никуда, что оно старо.... Да въ такомъ случаѣ художество, искусство вообще — не что иное какъ мода—и говорить серьезно о немъ не стóитъ! Если въ немъ нѣтъ ничего незыблемаго, вѣчнаго—такъ чортъ съ нимъ! Въ наукѣ, въ математикѣ, напримѣръ: не считаете же вы Эйлера, Лапласа, Гаусса за отжившихъ пошляковъ? Вы готовы признать ихъ авторитетъ, а Рафаэль или Моцартъ—дураки? И ваша гордость возмущается противъ ихъ авторитета? Законы искусства труднѣе уловить, чѣмъ законы науки.... согласенъ; но

они существуютъ—и кто ихъ не видитъ, тотъ слѣпецъ; добровольный или недобровольный—все равно!

Наклинъ умолкъ.... и никто ничего не промолвилъ, точно всѣ въ ротъ воды набрали—точно всѣмъ было немножко совѣстно за него. Одинъ Остродумовъ проворчалъ:

— И все-таки я тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ сбиваетъ Скоропихинъ,—нисколько не жалѣю.

„А ну васъ съ Богомъ!“ подумалъ Наклинъ. „Уйду!“

Онъ принелъ-было къ Нежданову съ тѣмъ, чтобы сообщить ему свои соображенія на-счетъ доставки „Полярной Звѣзды“ изъ-заграницы („Колоколъ“ уже не существовалъ)—но разговоръ принялъ такой оборотъ, что лучше было и не поднимать этого вопроса. Наклинъ уже взялся за шапку, какъ вдругъ, безъ всякаго предварительнаго шума и стука, въ передней раздался удивительно пріятный, мужественный и сочный баритонъ, отъ самаго звука котораго вѣяло чѣмъ-то необыкновенно-благороднымъ, благовоспитаннымъ и даже благоуханнымъ.

— Господинъ Неждановъ дома?

Всѣ переглянулись въ изумленіи.

— Дома господинъ Неждановъ?—повторилъ баритонъ.

— Дома,—отвѣчалъ наконецъ Неждановъ.

Дверь отворилась скромно и плавно, и медленно снимая вылощенную шляпу съ благообразной, коротко остриженной головы, въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ, высокаго росту, стройный и величавый. Одѣтый въ прекраснѣйшее драповое пальто съ превосходнѣйшимъ бобровымъ воротникомъ, хотя апрѣль мѣсяцъ уже близился къ концу—онъ поразилъ всѣхъ, Нежданова, Наклина, даже Машурину.... даже Остродумова!—изящной самоувѣренностью осанки и ласковымъ спокойствіемъ привѣта. Всѣ невольно поднялись при его появленіи.

III.

Изящный мужчина подошелъ къ Нежданову и, благосклонно осклабясь, проговорилъ; „Я уже имѣлъ удовольствіе встрѣтиться и даже бесѣдовать съ вами, г-нъ Нежановъ, третьяго дня, если изволите припомнить — въ театрѣ. (Посѣтитель остановился, какъ бы выжидая; Нежановъ слегка кивнулъ головою и покраснѣлъ).—Да!.... а сегодня я явился къ вамъ вслѣдствіе объявленія, помѣщеннаго вами въ газетахъ. Я бы желалъ переговорить съ вами, если только не стѣсню гг. присутствующихъ.... (Посѣтитель поклонился Машуриной и повелъ рукой, облеченной въ сѣроватую шведскую перчатку, въ направленіи Наклина и Остродумова)—и не помѣшаю имъ....“

— Нѣтъ.... отчего же....—отвѣчалъ не безъ нѣкотораго труда Нежановъ. — Эти господа позволятъ.... Не угодно ли вамъ присѣсть?

Посѣтитель пріятно перегнулъ станъ, и, любезно взявшись за спинку стула, приблизилъ его къ себѣ, но не сѣлъ— такъ какъ всѣ въ комнатѣ стояли,— а только повелъ кругомъ своими свѣтлыми, хотя и полузакрытыми глазами.

— Прощайте. Алексѣй Дмитричъ,—проговорила вдругъ Машурина:—я зайду послѣ.

— И я.—прибавилъ Остродумовъ.—Я тоже.... послѣ.

Минуя посѣтителя, и какъ-бы въ пику ему, Машурина взяла руку Нежданова, сильно тряхнула ее и пошла вонъ, никому ни поклонившись. Остродумовъ отправился вслѣдъ за нею, безъ нужды стуча сапогами и даже фыркнувъ раза два: „вотъ-молъ тебѣ, бобровый воротникъ!“ Посѣтитель проводилъ ихъ обоихъ, учтивымъ, слегка любопытнымъ взоромъ. Онъ устремилъ его потомъ на Наклина, какъ-бы ожидая, что и тотъ послѣдуетъ примѣру двухъ удалившихся гостей; но Наклинъ, на лицѣ котораго, съ самаго появленія незнакомца, засѣтилась особенная сдер-

жанная улыбка, отошелъ въ сторону и пріютился въ уголку. Тогда посѣтитель опустился на стулъ. Неждановъ сѣлъ тоже.

— Моя фамилія—Синягинъ, можетъ быть слыхали.—съ горделивой скромностью началъ посѣтитель.

Но прежде слѣдуетъ разсказать, какимъ образомъ Неждановъ встрѣтился съ нимъ въ театрѣ.

По случаю пріѣзда Садовскаго изъ Москвы, давали пьесу Островскаго: „Не въ свои сани не садись“. Роль Русакова была, какъ извѣстно, одной изъ любимыхъ ролей знаменитаго актера. Передъ обѣдомъ Неждановъ зашелъ въ кассу, гдѣ засталъ довольно много народу. Онъ собирался взять билетъ въ партеръ; — но въ ту минуту какъ онъ подходилъ къ отверстію кассы, стоявшій за нимъ офицеръ закричалъ кассиру, протягивая черезъ голову Нежданова три рублевыхъ ассигнаціи: „Имъ (т. е. Нежданову) вѣроятно придется получать сдачу—а мнѣ не надо;—такъ вы дайте мнѣ, пожалуйста, поскорѣй билетъ въ первомъ ряду.... мнѣ къ спѣху!“—„Извините, г-нъ офицеръ, — промолвилъ рѣзкимъ голосомъ Неждановъ, — я самъ желаю взять билетъ въ первомъ ряду“.—и тутъ же бросилъ въ окошко три рубля—весь свой наличный капиталъ. Кассиръ выдалъ ему билетъ—и вечеромъ Неждановъ очутился въ аристократическомъ отдѣленіи Александрійскаго театра.

Онъ былъ плохо одѣтъ, безъ перчатокъ, въ нечищенныхъ сапогахъ — чувствовалъ себя смущеннымъ и досадовалъ на себя за самое это чувство. Возлѣ него, съ правой стороны, сидѣлъ усѣянный звѣздами генералъ; — съ лѣвой—тотъ самый изящный мужчина, тайный совѣтникъ Синягинъ, появленіе котораго, два дня спустя, такъ взволновало Мануршну и Остродумова. Генералъ изрѣдка взглядывалъ на Нежданова, какъ на нѣчто неприличное, неожиданное и даже оскорбительное; Синягинъ, на-

противъ бросалъ на него хотя косвенные, но не враждебные взоры.—Всѣ лица, окружавшія Нежданова, казались, во первыхъ, болѣе особами, нежели лицами; во вторыхъ, они всѣ очень хорошо знали другъ друга и мѣнялись короткими разговорами, словами или даже простыми восклицаніями и привѣтами—иные опять-таки черезъ голову Нежданова; а онъ сидѣлъ неподвижно и неловко въ своемъ широкомъ, покойномъ креслѣ,—точно парія какой. Горько и стыдно и скверно было у него на душѣ; мало наслаждался онъ комедіей Островскаго и игрою Садовскаго. И вдругъ—о, чудо! во время одного антракта, сосѣдъ его съ лѣвой стороны — не звѣздоносный генералъ, а другой, безъ всякаго знака отличія на груди,—заговорилъ съ нимъ учтиво и мягко, съ какой-то заискивавшей снисходительностью. Онъ заговорилъ о піесѣ Островскаго, желая узнать отъ Нежданова, какъ отъ „одного изъ представителей молодого поколѣнія“,—какое было его мнѣніе о ней? Изумленный, чуть не испуганный, Нежановъ отвѣчалъ сперва отрывисто и односложно.... даже сердце у него застучало: но потомъ ему стало досадно на себя: съ чего это онъ волнуется? Не такой же ли онъ человѣкъ, какъ всѣ? И онъ пустился излагать свое мнѣніе, не стѣсняясь, безъ утайки, подъ-конецъ даже такъ громко и съ такимъ увлеченіемъ, что явно обезпоконвалъ сосѣда-звѣздоносца. Нежановъ былъ горячимъ поклонникомъ Островскаго;—но при всемъ уваженіи къ таланту, выказанному авторомъ въ комедіи: „Не въ свои сани не садись“, не могъ одобрить въ ней явное желаніе унизить цивилизацію въ карикатурномъ лицѣ Вихорева.—Учтивый сосѣдъ слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, съ участіемъ—и въ слѣдующій антрактъ заговорилъ съ нимъ опять, но уже не о комедіи Островскаго, а вообще о разныхъ житейскихъ, научныхъ и даже политическихъ предметахъ. Онъ, очевидно, интересовался своимъ молодымъ

и краснорѣчивымъ собесѣдникомъ. Неждановъ, по прежнему, не только не стѣснялся, но даже нѣсколько надувалъ, какъ говорится, пáру. „Коли, молъ, любопытствуешь,—такъ нá же вотъ!“ Въ сосѣдѣ-генералѣ онъ возбуждалъ уже не простое безпокойство, а негодованіе и подозрительность. Но окончаніи піесы, Синягинъ весьма благосклонно распростился съ Неждановымъ—но не пожелалъ узнать его фамилію и самъ не назвалъ себя. Дожидаясь кареты на лѣстницѣ, онъ столкнулся съ хорошимъ своимъ пріятелемъ, флигель-адъютантомъ княземъ Г. — Я смотрѣлъ на тебя изъ ложи,—сказалъ ему князь, посмѣиваясь сквозь раздушенные усы:—знаешь ли ты, съ кѣмъ ты это бесѣдовалъ?—Нѣтъ, не знаю; а ты?—Не глупый, небось, малый, а?—Очень неглупый: кто онъ такой? — Тутъ князь наклонился ему на ухо и шепнулъ по-французски:— Мой братъ. Да; онъ мой братъ. Побочный сынъ моего отца.... зовутъ его Неждановымъ. Я тебѣ когда-нибудь разскажу.... Отецъ никакъ этого не ожидалъ, оттого онъ и Неждановымъ его прозвалъ. Однако устроилъ его судьбу.... il lui a fait un sort.... Мы выдаемъ ему пенсію. Малый съ головой.... получилъ, опять-таки, по милости отца, хорошее воспитаніе. Только совсѣмъ съ толку сбился, республиканецъ какой-то.... Мы его не принимаемъ.... Il est impossible! Однако прощай; мою карету кричать.—Князь удалился, а на слѣдующій день Синягинъ прочелъ въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе, помѣщенное Неждановымъ—и поѣхалъ къ нему....

— Моя фамилія—Синягинъ,—говорилъ онъ Нежданову, сидя передъ нимъ на соломенномъ стулѣ и озирая его своимъ внушительнымъ взглядомъ:—я узналъ изъ газетъ, что вы желаете ѣхать на кондицію, и я пришелъ къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Я женатъ; у меня одинъ сынъ—девяти лѣтъ: мальчикъ, скажу прямо, очень даровитый. Большую часть лѣта и осени мы проводимъ въ де-

ревнѣ, въ С....ой губерніи, въ пяти верстахъ отъ губернскаго города. Такъ вотъ: неугодно ли вамъ будетъ ѣхать туда съ нами на время вакаціи, учить моего сына россійскому языку и исторіи—тѣмъ предметамъ, о которыхъ вы упомянете въ вашемъ объявленіи? Смѣю думать, что вы останетесь довольны мною, моимъ семействомъ и самымъ мѣстоположеніемъ усадьбы. Прекрасный садъ, рѣка, воздухъ хорошій, помѣстительный домъ.... Согласны вы? Въ такомъ случаѣ остается только узнать ваши условія, хотя я не полагаю,—прибавилъ Синягинъ съ легкой улыбкой,—чтобы на этотъ счетъ могли возникнуть у насъ съ вами какія-либо затрудненія.

Во все время, пока Синягинъ говорилъ, Неждановъ неотступно глядѣлъ на него, на его небольшую, нѣсколько назадъ закинутую головку, на его узкій и низкій, но умный лобъ, тонкій римскій носъ, пріятные глаза, правильныя губы, съ которыхъ такъ и лилась умильная рѣчь, на его длинные, на англійскій манеръ висячіе бакены—глядѣлъ и недоумѣвалъ. „Что это такое? думалъ онъ. Зачѣмъ этотъ человѣкъ словно заискиваетъ во мнѣ? Этотъ аристократъ—и я?! Какъ мы сошлись? И что его привело ко мнѣ?“

Онъ до того погрузился въ свои думы, что не разинулъ рта даже тогда, когда Синягинъ, окончивъ свою рѣчь, умолкъ, ожидая отвѣта. Синягинъ скользнулъ взглядомъ въ уголъ, гдѣ, пожирая его глазами не хуже Нежданова, пріютился Наклинъ. — Ужъ не присутствіе ли этого третьяго лица мѣшало Нежданову высказаться?—Синягинъ возвелъ брови горѣ, какъ-бы подчиняясь странности той обстановки, въ которую попалъ, по собственной вине волѣ,—и, вслѣдъ за бровями возвысивъ голосъ, повторилъ свой вопросъ.

Неждановъ встрепенулся.

— Конечно, — заговорилъ онъ нѣсколько утороплен-

нымъ образомъ; — я.... согласенъ.... съ охотой.... хотя я долженъ признаться.... что не могу не чувствовать нѣкотораго удивленія.... такъ какъ у меня нѣтъ никакой рекомендаціи.... да и самыя мнѣнія, которыя я высказалъ третьяго дня въ театрѣ, должны были скорѣй отклонить васъ....

— Въ этомъ вы совершенно ошибаетесь, любезный Алексѣй.... Алексѣй Дмитричъ! такъ, кажется?—промолвилъ, осклабясь, Синягинъ.—Я, смѣю сказать, извѣстенъ какъ человѣкъ убѣжденій либеральныхъ, прогрессивныхъ; и напротивъ, ваши мнѣнія, за устраненіемъ всего того, что въ нихъ свойственно молодости, склонной—не взыщите!—къ нѣкоторому преувеличенію —эти ваши мнѣнія нисколько не противорѣчатъ моимъ — и даже нравятся мнѣ своимъ юношескимъ жаромъ!

Синягинъ говорилъ безъ малѣйшей запинки: какъ мёдъ по маслу катилась его круглая, плавная рѣчь.

— Жена моя раздѣляетъ мой образъ мыслей,—продолжалъ онъ:—ея воззрѣнія, быть можетъ, даже ближе подходятъ къ вашимъ, чѣмъ къ моимъ; понятное дѣло: она моложе!—Когда, на другой день послѣ нашего свиданія, я прочёлъ въ газетахъ ваше имя, которое вы, замѣчу кстати, противъ общаго обыкновенія опубликовали вмѣстѣ съ вашимъ адресомъ (а узнать я ваше имя уже въ театрѣ), то.... это.... этотъ фактъ меня поразилъ. Я увидалъ въ немъ—въ этомъ сопоставленіи—нѣкій.... извините суевѣрность выраженія.... нѣкій, такъ сказать, перстъ рока! — Вы упомянули о рекомендаціи: по мнѣ никакой рекомендаціи не нужно.—Ваша наружность, ваша личность возбуждаютъ мою симпатію. Сего мнѣ довольно. Я привыкъ вѣрить своему глазу. Итакъ—я могу надѣяться? Вы согласны?

— Согласенъ.... конечно....—отвѣчалъ Неждановъ—и постараюсь оправдать ваше довѣріе.—Только объ одномъ

позвольте мнѣ теперь же васъ предувѣдомить: быть учителемъ вашего сына я готовъ, но не гувернёромъ. Я на это неспособенъ—да и не хочу закабалиться, не хочу лишиться моей свободы.

Синягинъ легонько повелъ по воздуху рукою, какъ-бы отгоняя муху.

— Будьте спокойны, мой любезнѣйшій.... Вы не изъ той муки, изъ которой пекутся гувернёры;—да мнѣ гувернёра и не нужно. Я ищу учителя—и нашёлъ его. Ну, а какъ же условія? Денежныя условія? презрѣнный металлъ.

Нежановъ затруднялся, что сказать....

— Послушайте, — промолвилъ Синягинъ, нагнувшись впередъ всѣмъ корпусомъ и ласково тронувъ концами пальцевъ колѣно Нежданова:—между порядочными людьми подобные вопросы разрѣшаются двумя словами. Предлагаю вамъ сто рублей въ мѣсяцъ: путевыя издержки туда и назадъ, конечно, на мой счетъ.—Вы согласны?

Нежановъ опять покраснѣлъ.

— Это гораздо больше, чѣмъ я намѣренъ былъ запросить.... потому что.... я....

— Прекрасно, прекрасно.... — перебилъ Синягинъ.... Я смотрю на это дѣло, какъ на рѣшённое.... а на васъ—какъ на домочадца.—Онъ приподнялся со стула и вдругъ весь повеселѣлъ и распустился, словно подарокъ получилъ. Во всѣхъ его движеніяхъ проявилась нѣкоторая пріятная фамильярность и даже шутливость.—Мы уѣзжаемъ на-дняхъ,—заговорилъ онъ развязнымъ тономъ:—я люблю встрѣчать весну въ деревнѣ, хотя я, по роду своихъ занятій, прозаическій человѣкъ и прикованъ къ городу.... А потому позвольте считать первый вашъ мѣсяцъ, начиная съ нынѣшняго же дня. Жена моя съ сыномъ теперь уже въ Москвѣ. Она отправилась впередъ. Мы ихъ найдемъ въ деревнѣ.... на лонѣ природы. Мы съ вами по-

ѣдемъ вмѣстѣ.... холостяками.... Хе, хе!—Синягинъ кокетливо и коротко посмѣялся въ носъ.—А теперь....

Онъ досталъ изъ кармана пальто серебряный съ чернью портфельчикъ и вынулъ оттуда карточку.

— Вотъ мой здѣшній адресъ.—Зайдите—хоть завтра. Такъ.... часовъ въ двѣнадцать. Мы еще потолкуемъ. Я разовью вамъ кое-какіе свои мысли на счётъ воспитанія.... Ну—и день отъѣзда мы рѣшимъ.—Синягинъ взялъ руку Неждановa.— И знаете что?—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и искоса поставивъ голову:—если вы нуждаетесь въ задаткѣ.... Пожалуйста, не церемоньтесь! хоть мѣсяцъ впередъ.

Нежданову просто не зналъ, что́ отвѣчать—и съ тѣмъ же недоумѣньемъ глядѣлъ на это свѣтлое, привѣтное—и въ то же время столь чуждое лицо, которое такъ близко на него надвинулось и такъ снисходительно улыбалось ему.

— Не нуждаетесь?—а? шепнулъ Синягинъ.

— Я, если позволите, вамъ это завтра скажу,—произнесъ наконецъ Нежданов.

— Отлично! Итакъ—до свиданья! До завтра!—Синягинъ выпустилъ руку Нежданова — и хотѣлъ-было удалиться....

— Позвольте васъ спросить,—промолвилъ вдругъ Нежданов, — вы вотъ сейчасъ сказали мнѣ, что уже въ театрѣ узнали, ка́къ меня зовутъ? — Отъ кого вы это узнали?

— Отъ кого?—Да отъ одного вашего хорошаго знакомаго—и, кажется, родственника, князя.... князя Г.

— Флигель-адъютанта?

— Да; отъ него.

Нежданов покраснѣлъ — сильнѣе прежняго— и раскрылъ ротъ.... но ничего не сказалъ. Синягинъ снова пожалъ ему руку— только молча на этотъ разъ — и, поклонившись сперва ему, а потомъ Наклину, надѣлъ шляпу

передъ самой дверью, и вышелъ вонъ, унося на лицѣ своемъ самодовольную улыбку; въ ней выражалось сознаніе глубокаго впечатлѣнія, которое не могъ не произвести его визитъ.

IV.

Не успѣлъ Синягинъ переступить порогъ двери, какъ Наклинъ соскочилъ со стула и, бросившись къ Нежданову, принялся его поздравлять.

— Вотъ какого ты осетра залучилъ! — твердилъ онъ, хихикая и тоноча ногами.—Вѣдь это, ты знаешь ли, кто́? Извѣстный Синягинъ, каммергеръ, въ нѣкоторомъ родѣ общественный столбъ, будущій министръ!

— Мнѣ онъ совершенно неизвѣстенъ.— угрюмо промолвилъ Нежда́новъ.

Наклинъ отчаянно взмахнулъ руками.

— Въ томъ-то наша и бѣда, Алексѣй Дмитричъ, что мы никого не знаемъ! Хотимъ дѣйствовать, хотимъ цѣлый міръ кверху дномъ перевернуть, а живёмъ въ сторонѣ отъ самаго этого міра, водимся только съ двумя-тремя пріятелями, толчёмся на мѣстѣ въ узенькомъ кружкѣ....

— Извини, перебилъ Нежда́новъ: это—неправда. Мы только съ врагами нашими знаться не хотимъ, а съ людьми нашего ко́ренья, съ народомъ, вы вступаемъ въ постоянныя сношенія.

— Стой, стой, стой, стой!—въ свою очередь перебилъ Наклинъ.—Вопервыхъ что касается враговъ, то позволь тебѣ припомнить стихъ Гёте:

Wer den Dichter will versteh'n
Muss im Dichter's Lande geh'n....

— а я говорю:

Wer die *Feinde* will versteh'n
Muss im *Feindes* Lande geh'n....

Чуждаться враговъ своихъ, не знать ихъ обычая и быта нелѣпо!—Не....лѣ....по!... Да! да! Коли я хочу подстрѣлить волка въ лѣсу—я должень знать всѣ его лазы.... Во-вторыхъ, ты вотъ сейчасъ сказалъ: сближаться съ народомъ.... Душа моя!—Въ 1862 году, поляки уходили „до лясу“—въ лѣсъ;—и мы уходимъ теперь въ тотъ же лѣсъ, спрѣчь въ народъ, который для насъ глухъ и тёменъ не хуже любого лѣса!

— Такъ что-жъ, по твоему, дѣлать?

— Индійцы бросаются подъ колесницу Джаггернаута,—продолжалъ Наклинъ мрачно;—она ихъ давитъ, и они умираютъ—въ блаженствѣ.—У насъ есть тоже свой Джаггернаутъ.... Давитъ-то онъ насъ давитъ, но блаженства не доставляетъ.

— Такъ что-жъ, по твоему, дѣлать?—повторилъ чуть не съ крикомъ Неждановъ. Повѣсти съ „направленіемъ“ писать, что-ли?

Наклинъ разставилъ руки и наклонилъ головку къ лѣвому плечу.

— Повѣсти—во всякомъ случаѣ—писать ты бы могъ, такъ какъ въ тебѣ есть литературная жилка.... Ну, не сердись, не буду! Я знаю, ты не любишь, чтобы на это намекали; но я съ тобою согласенъ: сочинять такія штучки съ „начинкой“, да еще съ новомодными оборотами:—„Ахъ! я васъ люблю! *поскочила* она....“. „Мнѣ все равно! *почесался* онъ“—дѣло куда не веселое!—Оттого-то я повторяю: сближайтесь со всѣми сословіями, начиная съ высшаго! Не все же полагаться на однихъ Остродумовыхъ! Честные они, хорошіе люди—за то глупы! глупы!! Ты посмотри на нашего пріятеля. Самыя подошвы его сапоговъ—и тѣ не такія, какія бываютъ у умныхъ людей! Вѣдь отчего онъ сейчасъ ушелъ отсюда?—Онъ не хотѣлъ остаться въ одной комнатѣ, дышать однимъ воздухомъ съ аристократомъ!

— Прошу тебя не отзываться такъ объ Остродумовѣ при мнѣ,—съ запальчивостью подхватилъ Неждановъ.— Сапоги онъ носитъ толстые, потому что они дешевле.

— Я не въ томъ смыслѣ,—началъ-было Наклинъ....

— Если онъ не хочетъ остаться въ одной комнатѣ съ аристократомъ, — продолжалъ, возвысивъ тонъ, Неждановъ,—то я его хвалю за это;—а главное: онъ собой пожертвовать съумѣетъ—и, если нужно, на смерть пойдетъ, чего мы съ тобой никогда не сдѣлаемъ!

Наклинъ скорчилъ жалкую рожицу и указалъ на хроменькія, тоненькія свои ножки.

— Гдѣ же мнѣ сражаться, другъ мой, Алексѣй Дмитричъ!—Помилуй! Но въ сторону все это.... Повторяю: я душевно радъ твоему сближенію съ г-мъ Сипягинымъ— и даже предвижу большую пользу отъ этого сближенія— для нашего дѣла. Ты попадешь въ высшій кругъ! Увидишь этихъ львицъ, этихъ женщинъ съ бархатнымъ тѣломъ на стальныхъ пружинахъ, какъ сказано въ „Письмахъ объ Испаніи“; изучай ихъ, брать, изучай! Еслибъ ты былъ эпикурейцемъ, я бы даже боялся за тебя.... право!—Но вѣдь ты не съ этой цѣлью ѣдешь на кондицію?

— Я ѣду на кондицію, — подхватилъ Неждановъ, — чтобы зубовъ не положить на по́лку.... „И чтобъ отъ васъ всѣхъ на время удалиться“, прибавилъ онъ про себя.

— Ну, конечно! конечно!—Потому я и говорю тебѣ: изучай! Какой однако запахъ за собою этотъ баринъ оставилъ! Наклинъ потянулъ воздухъ носомъ.—Вотъ оно, настоящее-то „амбре“, о которомъ мечтала городничиха въ „Ревизорѣ“!

— Онъ обо мнѣ князя Г. разспрашивалъ, глухо заговорилъ Неждановъ, снова уткнувшись въ окно;—ему, должно быть, теперь вся моя исторія извѣстна.

— Не должно-быть, а — навѣрное! Что-жъ такое? — Нари держу, что ему именно отъ этого и пришла въ го-

лову мысль взять тебя въ учители. Что́ тамъ ни толкуй, а вѣдь ты самъ аристократъ —по крови. Ну, и значитъ: свой человѣкъ! Однако я у тебя засидѣлся; мнѣ пора въ мою контору, къ эксплуататорамъ! — До свиданія, братъ!

Наклинъ подошелъ-было къ двери, но остановился и вернулся.

— Послушай, Алёша, — сказалъ онъ вкрадчивымъ тономъ:—ты мнѣ вотъ сейчасъ отказалъ — у тебя теперь деньги будутъ, я знаю, но все-таки позволь мнѣ пожертвовать хотя малость на общее дѣло!—Ничѣмъ другимъ не могу, такъ хоть карманомъ! Смотри: я кладу на столъ десятирублевую бумажку! Принимается?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ и не шевельнулся.

— Молчаніе—знакъ согласія! Спасибо! — весело воскликнулъ Наклинъ и исчезъ.

Неждановъ остался одинъ.... Онъ продолжалъ глядѣть черезъ стекло окна на сумрачный узкій дворъ, куда не заглядали лучи даже лѣтняго солнца и сумрачно было и его лицо.

Неждановъ родился, какъ мы уже знаемъ, отъ князя Г., богача, генералъ-адъютанта, и отъ гувернантки его дочерей, хорошенькой институтки, умершей въ самый день родовъ. Первоначальное воспитаніе Неждановъ получилъ въ пансіонѣ одного швейцарца, дѣльнаго и строгаго педагога,—а потомъ поступилъ въ университетъ. Самъ онъ желалъ сдѣлаться юристомъ; — но генералъ, отецъ его, ненавидѣвшій нигилистовъ, пустилъ его „по эстетикѣ“, какъ съ горькой усмѣшкой выражался Неждановъ, т.-е. по историко-филологическому факультету. Отецъ Неждановa видѣлся съ нимъ всего три-четыре раза въ годъ, но интересовался его судьбою—и, умирая, завѣщалъ ему—„въ память Настеньки“ (его матери)—капиталъ въ 6,000 р. с., проценты съ котораго, подъ именемъ „пенсіи“, выдавались

ему его братьями, князьями Г.—Наклинъ не даромъ обзывалъ его аристократомъ; все въ немъ изобличало породу: маленькія уши, руки, ноги, нѣсколько мелкія, но тонкія черты лица, нѣжная кожа, пушистые волосы, самый голосъ, слегка картавый, но пріятный. Онъ былъ ужасно нервенъ, ужасно самолюбивъ, впечатлителенъ, и даже капризенъ; фальшивое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ съ самаго дѣтства, развило въ немъ обидчивость и раздражительность; но прирожденное великодушіе не давало ему сдѣлаться подозрительнымъ и недовѣрчивымъ.—Тѣмъ же самымъ фальшивымъ положеніемъ Незданова объяснились и противорѣчія, которыя сталкивались въ его существѣ. Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и тоже время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами. Сердце онъ имѣлъ нѣжное и чуждался людей; легко озлоблялся—и никогда не помнилъ зла. Онъ негодовалъ на своего отца за то, что тотъ пустилъ его „по эстетикѣ“; онъ явно, на виду у всѣхъ, занимался одними политическими и соціальными вопросами, исповѣдывалъ самыя крайнія мнѣнія—(въ немъ они не были фразой!)—и втайнѣ наслаждался художествомъ, поэзіей, красотой во всѣхъ ея проявленіяхъ.... даже самъ писалъ стихи. Онъ тщательно прятал тетрадку, въ которую онъ заносилъ ихъ—и изъ петербургскихъ друзей только Наклинъ, и то по свойственному ему чутью, подозрѣвалъ ея существованіе. Ничто такъ не обижало, не оскорбляло Незданова, какъ малѣйшій намёкъ на его стихотворство, на эту его, какъ онъ полагалъ, непростительную слабость. По милости воспитателя швейцарца, онъ зналъ довольно много фактовъ и не боялся труда; онъ даже охотно работалъ—нѣсколько, правда, лихорадочно

и непослѣдовательно. Товарищи его любили.... ихъ привлекала его внутренняя правдивость и доброта и чистота: но не подъ счастливою звѣздою родился Нежлановъ; не легко ему жилось.—Онъ самъ глубоко это чувствовалъ — и сознавалъ себя одинокимъ, несмотря на привязанность друзей.

Онъ продолжалъ стоять передъ окномъ — и думалъ, грустно и тяжко думалъ о предстоявшей ему поѣздкѣ, объ этомъ новомъ, неожиданномъ поворотѣ его судьбы.... Онъ не жалѣлъ о Петербургѣ; онъ не оставлялъ въ немъ ничего особенно ему дорогого; притомъ же онъ зналъ, что вернется къ осени. А все-таки раздумье его брало: онъ ощущалъ невольную унылость.

„Какой я учитель!" приходило ему въ голову;—„какой педагогъ?!" — Онъ готовъ былъ упрекнуть себя въ томъ, что принялъ обязанность преподавателя. А между тѣмъ — подобный упрёкъ былъ бы несправедливъ.—Нежлановъ обладалъ достаточными свѣдѣніями—и, несмотря на его неровный нравъ, дѣти или къ нему безъ принужденья — и онъ самъ легко привязывался къ нимъ. Грусть, овладѣвшая Нежлановымъ, была то чувство, присущее всякой перемѣнѣ мѣстопребыванія, чувство, которое испытываютъ всѣ меланхолики, всѣ задумчивые люди; людямъ характера бойкаго, сангвиническаго, оно незнакомо: они скорѣй готовы радоваться, когда нарушается повседневный ходъ жизни, когда мѣняется ея обычная обстановка. Нежлановъ до того углубился въ свои думы, что понемногу, почти безсознательно, началъ ихъ передавать словами; бродившія въ немъ ощущенія уже складывались въ мѣрныя созвучія....

— Фу, ты, чортъ!—воскликнулъ онъ громко, — я, кажется, собираюсь стихи сочинять!— Онъ встрепенулся, отошелъ отъ окна; увидавъ лежащую на столѣ десятирублевую бумажку Наклина, сунулъ ее въ карманъ и принялся расхаживать по комнатѣ.

— Надо будетъ взять задатокъ, размышлять онъ самъ съ собою.... благо этотъ баринъ предлагаетъ.—Сто рублей.... да у братьевъ—у нихъ сіятельствъ—сто рублей.... Пятьдесятъ на долги, пятьдесятъ или семьдесятъ на дорогу.... а остальныя Остродумову. Да вотъ, что Наклинъ далъ—тоже ему.... Да еще съ Меркулова надо будетъ что-нибудь получить....

Пока онъ велъ въ головѣ эти разсчеты—прежнія созвучія опять заневелились въ немъ. Онъ остановился, задумался.... и, устремивъ глаза въ сторону, замеръ на мѣстѣ.... Потомъ руки его, какъ-бы ощупью, отыскали и открыли ящикъ стола, достали изъ самой его глубины исписанную тетрадку....

Онъ опустился на стулъ, все не мѣняя направленія взгляда, взялъ перо и, мурлыча себѣ подъ носъ, изрѣдка взмахивая волосами, перечеркивая, марая, принялся выводить строку за строкою....

Дверь въ переднюю отворилась на половину—и показалась голова Машуриной. Неждановъ не замѣтилъ ея и продолжалъ свою работу. Машурина долго, пристально посмотрѣла на него—и, направо и налѣво покачавъ головою, подалась назадъ.... Но Неждановъ вдругъ выпрямился, оглянулся и, промолвивъ съ досадой:

— А! Вы!—швырнулъ тетрадку въ ящикъ стола.

Тогда Машурина твердой поступью вошла въ комнату.

— Остродумовъ прислалъ меня къ вамъ,—проговорила она съ разстановкой,—затѣмъ, чтобы узнать, когда можно будетъ получить деньги. — Если вы сегодня достанете, такъ мы сегодня же вечеромъ уѣдемъ.

— Сегодня нельзя, — возразилъ Неждановъ и нахмурилъ брови:—приходите завтра.

— Въ которомъ часу?

— Въ два часа.

— Хорошо.

Машурина помолчала немного и вдругъ протянула руку Нежданову....

— Я, кажется, вамъ помѣшала; извините меня. Да притомъ.... я вотъ уѣзжаю. Кто знаетъ, увидимся ли мы? Я хотѣла проститься съ вами.

Неждановъ пожалъ ея красные, холодные пальцы.

— Вы видѣли у меня этого господина?—началъ онъ.—Мы съ нимъ условились. Я ѣду къ нему на кондицію. Его имѣніе въ С....ой губерніи, возлѣ самаго С*.

По лицу Машуриной мелькнула радостная улыбка.

— Возлѣ С*! Такъ мы, можетъ быть, еще увидимся. Можетъ быть, насъ туда пошлютъ. — Машурина вздохнула.—Ахъ, Алексѣй Дмитричъ....

— Что́—спросилъ Неждановъ.

Машурина приняла сосредоточенный видъ.

— Ничего.—Прощайте! Ничего.

Она еще разъ стиснула Нежданову руку и удалилась.

„А во всемъ Петербургѣ никто ко мнѣ такъ не привязанъ, какъ эта.... чудачка!“ подумалось Нежданову. „Но нужно-жъ ей было мнѣ помѣшать.... Впрочемъ, все къ лучшему!“

Утромъ слѣдующаго дня Неждановъ отправился на городскую квартиру Сипягина, и тамъ въ великолѣпномъ кабинетѣ, наполненномъ мебелью строгаго стиля, вполнѣ сообразной съ достоинствомъ либеральнаго государственнаго мужа и джентльмена, сидя передъ громаднымъ бюро, на которомъ въ стройномъ порядкѣ лежали никому и ни на что́ не нужныя бумаги, рядомъ съ исполинскими ножками изъ слоновой кости, никогда ничего не разрѣзывавшими — онъ, въ теченіе цѣлаго часа, выслушивалъ свободомыслящаго хозяина, обдавался слезмъ его мудрыхъ, благосклонныхъ, снисходительныхъ рѣчей, получилъ, наконецъ, сто рублей задатка, а десять дней спустя, тотъ же Неждановъ, полулежа на бархатномъ диванѣ въ осо-

бомъ отдѣленіи первокласснаго вагона, о-бокъ съ тѣмъ же мудрымъ, либеральнымъ государственнымъ мужемъ и джентльменомъ, мчался въ Москву по трескимъ рельсамъ Николаевской дороги.

V.

Въ гостиной большого каменнаго дома съ колоннами и греческимъ фронтономъ, построеннаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, извѣстнымъ агрономомъ и „дантистомъ"—отцомъ Синягина, жена его, Валентина Михайловна, очень красивая дама, ждала съ часу на часъ прибытія мужа, возвѣщеннаго телеграммой.—Убранство гостиной носило отпечатокъ новѣйшаго, деликатнаго вкуса: все въ ней было мило и привѣтно, все, отъ пріятной пестроты кретонныхъ обоевъ и драпри до разнообразныхъ очертаній фарфоровыхъ, бронзовыхъ, хрустальныхъ бездѣлушекъ, разсѣянныхъ по этажеркамъ и столамъ, все мягко и стройно выдавалось—и сливалось—въ веселыхъ лучахъ майскаго дня, свободно струившихся сквозь высокія, настежь раскрытыя окна. Воздухъ гостиной, напоенный запахомъ ландышей (большіе букеты этихъ чудесныхъ весеннихъ цвѣтовъ бѣлѣли тамъ и сямъ)—по временамъ едва колыхался, возмущенный приливомъ легкаго вѣтра, тихо кружившаго надъ нынѣраскинутымъ садомъ.

Прелестная картина! И сама хозяйка дома, Валентина Михайловна Синягина, довершала эту картину, придавала ей смыслъ и жизнь. Это была высокаго росту женщина, лѣтъ тридцати, съ темно-русыми волосами, смуглымъ, но свѣжимъ, одноцвѣтнымъ лицомъ, напоминавшимъ обликъ Сикстинской Мадонны, съ удивительными, глубокими, бархатными глазами.—Ея губы были немножко широки и блѣдны, плечи немного высоки, руки немного ве-

лики.... Но за всѣмъ тѣмъ, всякій, кто бы увидалъ, какъ она свободно и граціозно двигалась по гостиной, то наклоняя къ цвѣтамъ свой тонкій, едва перетянутый станъ и съ улыбкой нюхая ихъ, то переставляя какую-нибудь китайскую вазочку, то быстро поправляя передъ зеркаломъ свои лоснистые волосы и чуть-чуть прищуривая свои дивные глаза,—всякій, говоримъ мы, навѣрное воскликнулъ бы, про себя или даже громко, что онъ не встрѣчалъ болѣе плѣнительнаго созданія!

Хорошенькій, кудрявый мальчикъ лѣтъ девяти, въ шотландскомъ костюмѣ, съ голыми ножками, сильно напомаженный и завитой, вбѣжалъ стремительно въ гостиную и внезапно остановился при видѣ Валентины Михайловны.

— Что тебѣ, Коля? — спросила она. — Голосъ у ней былъ такой же мягкій и бархатный, какъ и глаза.

— Вотъ что, мама,—началъ съ замѣшательствомъ мальчикъ,—меня тётушка прислала сюда.... велѣла принести ландышей.... для ея комнаты.... у нея нѣту....

Валентина Михайловна взяла своего сынишку за подбородокъ и приподняла его напомаженную головку.

— Скажи тетушкѣ, чтобы она послала за ландышами къ садовнику;—а эти ландыши—мои.... Я не хочу, чтобы ихъ трогали. Скажи ей, что я не люблю, чтобы нарушались мои порядки. Съумѣешь ли ты повторить мои слова?

— Съ умѣю....—прошепталъ мальчикъ.

— Ну-ка—скажи.

— Я скажу.... я скажу.... что ты не хочешь.

Валентина Михайловна засмѣялась.—И смѣхъ у нея былъ мягкій.

— Я вижу, тебѣ еще нельзя давать никакихъ порученій. Ну, все равно, скажи, что вздумается.

Мальчикъ быстро поцѣловалъ руку матери, всю украшенную кольцами, и стремглавъ бросился вонъ.

Валентина Михайловна проводила его глазами, вздохнула, подошла къ золоченой проволочной клѣткѣ, по стѣнкамъ которой, осторожно цѣпляясь клювомъ и лапками, пробирался зеленый попугайчикъ, подразнила его концомъ пальца; потомъ опустилась на низкій диванчикъ и, взявши съ круглаго рѣзного столика послѣдній № „Revue des Deux Mondes“,—принялась его перелистывать.

Почтительный кашель заставилъ ее оглянуться. На порогѣ двери стоялъ благообразный слуга въ ливрейномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Чего тебѣ,—Агаѳонъ? спросила Валентина Михайловна все тѣмъ же мягкимъ голосомъ.

— Семенъ Петровичъ Каломѣйцевъ пріѣхали-съ. Прикажете принять?

— Проси; разумѣется, проси.—Да вели сказать Маріаннѣ Викентьевнѣ, чтобы она пожаловала въ гостиную.

Валентина Михайловна бросила на столикъ № „Revue des Deux Mondes“—и, прислонившись къ спинкѣ дивана, подняла глаза кверху и задумалась,—что̀ очень къ ней шло.

Уже по тому, какъ Семенъ Петровичъ Каломѣйцевъ, молодой мужчина лѣтъ 32-хъ, вошелъ въ комнату—развязно, небрежно и томно,—какъ онъ вдругъ пріятно просвѣтлѣлъ, какъ поклонился немного въ бокъ—и какъ эластически выпрямился потомъ, какъ заговорилъ не то въ носъ, не то слащаво,—какъ почтительно взялъ, какъ внушительно поцѣловалъ руку Валентины Михайловны—уже по всему этому можно было догадаться, что новоприбывшій гость не былъ житель провинціи, не деревенскій, случайный, хоть и богатый сосѣдъ, а настоящій петербургскій „гранжанръ“ высшаго полета. —Къ тому же и одѣтъ онъ былъ на самый лучшій англійскій манеръ: цвѣтной кончикъ бѣлаго батистоваго платка торчалъ маленькимъ трехъугольникомъ изъ плоскаго боковаго кармана нѣст-

ренькой жакетки; на довольно широкой черной ленточкѣ болталась одноглазая лорнетка; блѣдно-матовый тонъ шведскихъ перчатокъ соотвѣтствовалъ блѣдно-сѣрому колеру клѣтчатыхъ панталонъ. Остриженъ былъ г-нъ Каломбѣйцевъ коротко, выбритъ гладко; лицо его, нѣсколько женоподобное, съ небольшими, близко другъ къ другу поставленными глазками, съ тонкимъ вогнутымъ носомъ, съ пухлыми красными губками, выражало пріятную вольность высокообразованнаго дворянина. Оно дышало привѣтомъ.... и весьма легко становилось злымъ, даже грубымъ; стоило кому-нибудь, чѣмъ-нибудь задѣть Семена Петровича, задѣть его консерваторскіе, патріотическіе и религіозные принципы,—о! тогда онъ дѣлается безжалостнымъ! Все его изящество испарялось мгновенно;—нѣжные глазки зажигались недобрымъ огонькомъ;—красивый ротикъ выпускалъ некрасивыя слова—и взывалъ—съ ниском взывалъ къ начальству!

Фамилія Семена Петровича происходила отъ простыхъ огородниковъ. Прадѣдъ его назывался, по мѣсту происхожденія: Колóменцовъ.... Но уже дѣдъ его переименовалъ себя въ Коломейцева; отецъ писалъ: Каломейцевъ, наконецъ Семенъ Петровичъ поставилъ букву *ь* на мѣсто *е*—и, не шутя, считалъ себя чистокровнымъ аристократомъ; даже намекалъ на то, что ихъ фамилія происходитъ собственно отъ барановъ фонъ-Галленмейеръ, изъ коихъ одинъ былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ въ Тридцатилѣтнюю войну. Семенъ Петровичъ служилъ въ министерствѣ двора, имѣлъ званіе каммеръ-юнкера; патріотизмъ помѣшалъ ему пойти по дипломатической части, куда, казалось, все его призывало: и воспитаніе, и привычка къ свѣту, и успѣхи у женщинъ, и самая наружность.... mais quitter la Russie?—jamais!—У Каломбѣйцева было хорошее состояніе, были связи; онъ слылъ за человѣка надежнаго и преданнаго—„un peu trop.... féodal dans ses opi-

mions", какъ выражался о немъ извѣстный князь Б., одно изъ свѣтилъ петербургскаго чиновничьяго міра. Въ с....ую губернію Калломѣйцевъ пріѣхалъ на двухмѣсячный отпускъ, чтобы хозяйствомъ позаняться, т. е. „кого пугнуть, кого поприжать".—Вѣдь безъ этого невозможно!

— Я полагалъ, что найду уже здѣсь Бориса Андреича,—началъ онъ, любезно покачиваясь съ ноги на ногу—и внезапно глядя въ бокъ, въ подражаніе одному очень важному лицу.

Валентина Михайловна слегка прищурилась.

— А то бы вы не пріѣхали?

Калломѣйцевъ даже назадъ запрокинулся, до того вопросъ г-жи Синягиной показался ему несправедливымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ!

— Валентина Михайловна!—воскликнулъ онъ,—помилуйте, возможно ли предполагать....

— Ну, хорошо, хорошо, садитесь; Борисъ Андреичъ сейчасъ здѣсь будетъ. Я за нимъ послала коляску на станцію. Подождите немного.... Вы увидите его. Который теперь часъ?

— Половина третьяго,—промолвилъ Калломѣйцевъ, вынувъ изъ кармана жилета большіе золотые часы, украшенные эмалью. Онъ показалъ ихъ Синягиной.—Вы видѣли мои часы? Мнѣ ихъ подарилъ Михаилъ, знаете.... сербскій князь.... Обреновичъ. Вотъ его шифръ,—посмотрите. Мы съ нимъ большіе пріятели. Вмѣстѣ охотились. Прекрасный малый! И рука желѣзная; какъ слѣдуетъ правителю. О, онъ шутить не любитъ! Нѣ-хѣ-хѣтъ!

Калломѣйцевъ опустился на кресло, скрестилъ ноги и началъ медленно стаскивать свою лѣвую перчатку.

— Вотъ намъ бы здѣсь, въ нашей губерніи, такого Михаила.

— А что? вы развѣ чѣмъ недовольны?

Калломѣйцевъ наморщилъ носъ.

— Да все это земство! Это земство! Къ чему оно? Только ослабляетъ администрацію и возбуждаетъ.... линія мысли.... (Калломѣйцевъ поболталъ въ воздухѣ обнаженной лѣвой рукой, освобожденной отъ давленія перчатки).... и несбыточныя надежды (Калломѣйцевъ подулъ себѣ на руку). Я говорилъ объ этомъ въ Петербургѣ.... mais, bah! Вѣтеръ не туда тянетъ. Даже супругъ вашъ.... представьте! Впрочемъ, онъ извѣстный либералъ!

Синягина выпрямилась на диванчикѣ.

— Какъ? И вы, мсьё Калломѣйцевъ, вы дѣлаете оппозицію правительству?

— Я? Оппозицію? Никогда! Ни за что! Mais j'ai mon franc parler. Я иногда критикую, но покоряюсь всегда!

— А я такъ напротивъ: не критикую, и не покоряюсь.

— Ah! mais, c'est un mot! Я, если позволите, сообщу ваше замѣчаніе моему другу—Ladislas, vous savez, онъ собирается написать романъ изъ большого свѣта, и уже прочелъ мнѣ нѣсколько главъ. Это будетъ прелесть! Nous aurons enfin le grand monde russe peint par lui-même.

— Гдѣ это появится?

— Конечно, въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Это наша „Revue des Deux Mondes". Я вотъ внизу, вы ее читаете.

— Да; но, знаете ли, она очень скучна становится.

— Можетъ быть.... можетъ быть.... И „Русскій Вѣстникъ", пожалуй, тоже съ нѣкоторыхъ поръ— говоря современнымъ языкомъ,—кроначку подгулялъ.

Калломѣйцевъ засмѣялся во весь ротъ; ему показалось, что это очень забавно сказать: „подгулялъ" да еще „кроначку".—Mais c'est un journal, qui se respecte,—продолжалъ онъ!—А это главное. Я, доложу вамъ, я.... русской литературой интересуюсь мало; въ ней теперь все какіе-то разночинцы фигурируютъ. Дошли, наконецъ до того, что героиня романа—кухарка, простая кухарка, parole d'honneur! Но романа Ладисласа я прочту непремѣнно.

Il y aura le petit mot pour rire.... и направленіе! направленіе. Нигилисты будутъ посрамлены—въ этомъ мнѣ порукой образъ мыслей Ладисласа,—qui est très correct.

— Но не его прошедшее, замѣтила Синягина.

— Ah! jetons un voile sur les erreurs de sa jeunesse!—воскликнулъ Каломѣйцевъ и стащилъ правую перчатку.

Г-жа Синягина опять слегка прищурилась. Она немного кокетничала своими удивительными глазами.

— Семенъ Петровичъ, — промолвила она, — позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы это, говоря по-русски, употребляете такъ много французскихъ словъ? Мнѣ кажется, что.... извините меня.... это устарѣлая манера.

— Зачѣмъ? зачѣмъ? Не всѣ же такъ отлично владѣютъ роднымъ нарѣчіемъ, какъ, напримѣръ, вы. Что касается до меня, то я признаю языкъ россійскій, языкъ указовъ и постановленій правительственныхъ; я дорожу его чистотою! Передъ Карамзинымъ я склоняюсь!... Но русскій, такъ сказать, ежедневный языкъ.... развѣ онъ существуетъ? Ну, напримѣръ, какъ бы вы перевели мое восклицаніе—de tout à l'heure: „C'est un mot!“ Это—слово!?... Помилуйте!

— Я бы сказала: это—удачное слово.

Каломѣйцевъ засмѣялся.

— „Удачное слово“! Валентина Михайловна! Да развѣ вы не чувствуете, что тутъ.... семинаріей сейчасъ запахло.... Всякая соль исчезла....

— Ну, вы меня не переубѣдите. Да что же это Маріанна!?—Она позвонила въ колокольчикъ: вошелъ казачекъ.

— Я велѣла попросить Маріанну Викентьевну сойдти въ гостиную. Развѣ ей не доложили?

Казачекъ не успѣлъ отвѣтить, какъ за его спиной, на порогѣ двери, появилась молодая дѣвушка, въ широкой

темной блузѣ, остриженная въ кружокъ, Маріанна Викентьевна Синецкая, племянница Синягина по матери.

VI.

— Извините меня, Валентина Михайловна, — сказала она, приблизившись къ Синягиной,—я была занята и замѣшкалась.

Потомъ она поклонилась Калломѣйцеву, и, отойдя немного въ сторону, сѣла на маленькое пате, въ сосѣдствѣ попугайчика, который, какъ только увидѣлъ ее, захлопалъ крыльями и потянулся къ ней.

— Зачѣмъ же это ты такъ далеко сѣла, Маріанна,— замѣтила Синягина, проводивъ ее глазами до самаго пате.—Тебѣ хочется быть поближе къ твоему маленькому другу? Представьте, Семенъ Петровичъ,—обратилась она къ Калломѣйцеву,—попугайчикъ этотъ просто влюбленъ въ нашу Маріанну....

— Это меня не удивляетъ!

— А меня терпѣть не можетъ.

— Вотъ это удивительно! Вы его, должно быть, дразните.

— Никогда; напротивъ. Я его сахаромъ кормлю. Только онъ изъ рукъ моихъ ничего не беретъ. Нѣтъ.... это симпатія.... и антипатія....

Маріанна исподлобья глянула на Синягину.... и Синягина глянула на нее.

Эти двѣ женщины не любили другъ друга.

Въ сравненіи съ теткой, Маріанна могла казаться почти „дурнушкой". Лицо она имѣла круглое, носъ большой, орлиный,—сѣрые, тоже большіе и очень свѣтлые глаза,— тонкія брови, тонкія губы. Она стригла свои русые и густые волосы и смотрѣла букой. Но отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то сильнымъ и смѣлымъ, чѣмъ-то стремитель-

нымъ и страстнымъ. Ноги и руки у ней были крошечныя; ея крѣпко и гибко сложенное маленькое тѣло напоминало флорентійскія статуэтки XVI вѣка; двигалась она стройно и легко.

Положеніе Синецкой въ домѣ Сипягиныхъ было довольно тяжелое. Ея отецъ, очень умный и бойкій человѣкъ полупольскаго происхожденія, дослужился генеральскаго чина, но сорвался вдругъ, уличенный въ громадной казенной кражѣ; его судили.... осудили, лишили чиновъ, дворянства, сослали въ Сибирь. Потомъ простили.... вернули; но онъ не успѣлъ выкарабкаться вновь и умеръ въ крайней бѣдности. Его жена, родная сестра Сипягина, мать Маріанны (кромѣ ея у нея не было дѣтей)—не перенесла удара, разгромившаго все ея благосостояніе, и умерла вскорѣ послѣ мужа. Дядя Сипягинъ пріютилъ Маріанну у себя въ домѣ.—Но жить въ зависимости было ей тошно; она рвалась на волю всѣми силами неподатливой души—и между ея теткою и ею кипѣла постоянная, хотя скрытая борьба. Сипягина считала ее нигилисткой и безбожницей; съ своей стороны, Маріанна ненавидѣла въ Сипягиной свою невольную притѣснительницу. Дяди она чуждалась, какъ и всѣхъ другихъ людей.—Она именно чуждалась ихъ, а не боялась: нравъ у нея былъ не робкій.

— Антипатія, — повторилъ Калломѣйцевъ, — да, это странная вещь. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что я глубоко-религіозный человѣкъ, православный въ полномъ смыслѣ слова; а поповскую косичку, пучёкъ—видѣть не могу равнодушно: такъ и закипаетъ во мнѣ что-то, такъ и закипаетъ.

Калломѣйцевъ при этомъ даже представилъ, поднявши раза два сжатую руку, какъ у него въ груди закипаетъ.

— Васъ вообще волосы безпокоятъ, Семенъ Петровичъ,—замѣтила Маріанна:—я увѣрена, что вы тоже не можете видѣть равнодушно, если у кого они острижены, какъ у меня.

Синягина медленно приподняла брови и преклонила голову, какъ-бы удивляясь той развязности, съ которой нынѣшнія молодыя дѣвушки вступаютъ въ разговоръ, — а Калломѣйцевъ снисходительно осклабился.

— Конечно, промолвилъ онъ, я не могу не сожалѣть о тѣхъ прекрасныхъ кудряхъ, подобныхъ вашимъ, Маріанна Викентьевна, которыя падаютъ подъ безжалостнымъ лезвіемъ ножницъ: но антипатіи во мнѣ нѣтъ: и во всякомъ случаѣ.... вашъ примѣръ могъ бы меня.... меня.... конвертировать!

Калломѣйцевъ не нашелъ русскаго слова,—а по французски не хотѣлъ говорить, послѣ замѣчанія хозяйки.

— Слава Богу, Маріанна у меня еще очковъ не носитъ, вмѣшалась Синягина, — и съ воротничками, и съ рукавчиками пока еще не разсталась:—за то естественными науками, къ искреннему моему сожалѣнію, занимается; и женскимъ вопросомъ интересуется тоже.... Не правда ли, Маріанна?

Все это было сказано съ цѣлію смутить Маріанну; но она не смутилась.

— Да, тётушка, — отвѣчала она, — я читаю все, что объ этомъ написано: я стараюсь понять, въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ.

— Что значитъ молодость! — обратилась Синягина къ Калломѣйцеву:—вотъ мы съ вами уже этимъ не занимаемся—а?

Калломѣйцевъ сочувственно улыбнулся: надо-жъ было поддержать веселую шутку любезной дамы.

— Маріанна Викентьевна — началъ онъ — исполнена еще тѣмъ идеализмомъ.... тѣмъ романтизмомъ юности.... который.... со временемъ....

— Впрочемъ, я клевещу на себя,—перебила его Синягина:—вопросы эти меня интересуютъ тоже. Я вѣдь не совсѣмъ еще состарѣлась.

— И я всѣмъ этимъ интересуюсь,—поспѣшно воскликнулъ Калломѣйцевъ:—только я запретилъ бы объ этомъ говорить!

— Запретили бы объ этомъ говорить? — переспросила Маріанна.

— Да!—Я бы сказалъ публикѣ: интересоваться не мѣшаю.... но говорить.... тссъ!—Онъ поднесъ палецъ къ губамъ.—Во всякомъ случаѣ, *печатно* говорить — запретилъ бы!—безусловно!

Синягина засмѣялась.

— Что-жъ? По вашему, не коммиссію ли назначить при министерствѣ для разрѣшенія этого вопроса?

— А хоть бы и коммиссію. Вы думаете, мы бы разрѣшили этотъ вопросъ хуже, чѣмъ всѣ эти голодные щелкопёры, которые дальше своего носа ничего не видятъ и воображаютъ, что они.... первые геніи?—Мы бы назначили Бориса Андреевича предсѣдателемъ.

Синягина еще пуще засмѣялась.

— Смотрите, берегитесь: Борисъ Андреичъ иногда такимъ бываетъ якобинцемъ....

— Какó, какó, какó,—затрещалъ попугай.

Валентина Михайловна махнула на него платкомъ.

— Не мѣшай умнымъ людямъ разговаривать!... Маріанна, уйми его.

Маріанна обернулась къ клѣткѣ и принялась чесать ногтемъ попугайчика по шеѣ, которую тотъ ей тотчасъ подставилъ.

— Да, — продолжала Синягина, — Борисъ Андреичъ иногда меня самое удивляетъ. Въ немъ есть жилка.... жилка.... трибуна.

— C'est parce qu'il est orateur! — сгоряча подхватилъ по-французски Калломѣйцевъ. — Вашъ мужъ обладаетъ даромъ слова, какъ никто, ну, и блестѣть привыкъ.... ses propres paroles le grisent.... а къ тому же и желаніе по-

пулярности.... Впрочемъ, онъ теперь нѣсколько разсержень, не правда ли? Il boude? Eh?

Синягина повела глазами на Маріанну.

— Я ничего не замѣтила,—промолвила она послѣ небольшого молчанія.

— Да, — продолжалъ задумчивымъ тономъ Каломѣйцевъ.—его немножко обошли на Святой.

Синягина опять указала ему глазами на Маріанну.

Каломѣйцевъ улыбнулся и прищурился: — „я, моль, понялъ“.

— Маріанна Викентьевна! — воскликнулъ онъ вдругъ, безъ нужды громко:—вы въ нынѣшнемъ году опять намѣрены давать уроки въ школѣ?

Маріанна отвернулась отъ клѣтки.

— И *это* васъ интересуетъ, Семенъ Петровичъ?

— Конечно; очень даже интересуетъ.

— Вы бы *этого* не запретили?

— Нигилистамъ запретилъ бы даже думать о школахъ; а подъ руководствомъ духовенства — и съ надзоромъ за духовенствомъ—самъ бы заводилъ!

— Вотъ какъ! А я не знаю, что буду дѣлать въ нынѣшнемъ году. Въ прошломъ все такъ дурно шло. — Да и какая школа лѣтомъ!

Когда Маріанна говорила, она постепенно краснѣла, какъ будто ея рѣчь ей стоила усилія, какъ будто она заставляла себя ее продолжать. Много еще въ ней было самолюбія.

— Ты не довольно подготовлена? спросила Синягина съ ироническимъ трепетаніемъ въ голосѣ.

— Можетъ быть.

— Какъ! снова воскликнулъ Каломѣйцевъ. — Что я слышу!! О, боги! Для того, чтобы учить крестьянскихъ дѣвочекъ азбукѣ — нужна подготовка?

Но въ эту минуту въ гостиную съ крикомъ: „Мама! ма-

ма! папа ѣдетъ!" —вбѣжалъ Коля, а вслѣдъ за нимъ, переваливаясь на толстыхъ ножкахъ, появилась сѣдовласая дама въ чепцѣ и желтой шали — и тоже объявила, что Боринька сейчасъ будетъ!

Эта дама была тётка Синягина, Анна Захаровна по имени.—Всѣ находившіяся въ гостиной лица повскакали съ своихъ мѣстъ и устремились въ переднюю, а оттуда спустились по лѣстницѣ на главное крыльцо. Длинная аллея стриженыхъ ёлокъ вела отъ большой дороги прямо къ этому крыльцу: по ней уже скакала коляска, запряженная четверней.—Валентина Михайловна, стоявшая впереди всѣхъ, замахала платкомъ, Коля запищалъ пронзительно; кучеръ лихо осадилъ разгорячённыхъ лошадей, лакей слетѣлъ кубаремъ съ козелъ да чуть не вырвалъ дверецъ коляски вмѣстѣ съ петлями и замкомъ—и вотъ, съ снисходительной улыбкой на устахъ, въ глазахъ, на всемъ лицѣ, однимъ ловкимъ движеніемъ плечъ сбросивъ съ себя шинель, Борисъ Андреевичъ спустился на землю. Валентина Михайловна красиво и быстро вскинула ему объ руки вокругъ шеи—и трижды съ нимъ поцѣловалась. Коля топалъ ногами и дергалъ отца сзади за полы сюртука.... но тотъ сперва облобызался съ Анной Захаровной, предварительно снявъ съ головы препоудобный и безобразный шотландскій дорожный картузъ, потомъ поздоровался съ Маріанной и Каломбѣйцевымъ, которые тоже вышли на крыльцо—(Каломбѣйцеву онъ далъ сильный англійскій shakehands, „въ раскачку" — словно въ колоколъ позвонилъ)—и только тогда обратился къ сыну; взялъ его подъ мышки, поднялъ и приблизилъ къ своему лицу.

Пока все это происходило, изъ коляски, тихонько, словно виноватый, вылѣзъ Нежановъ и остановился близъ передняго колеса, не снимая шапки и посматривая исподлобья.... Валентина Михайловна, обнимаясь съ мужемъ,

зорко глянула черезъ его плечо на эту новую фигуру;—Синягинъ предупредилъ ее, что привезетъ съ собою учителя.

Все общество, продолжая мѣняться привѣтами и рукопожатіями съ прибывшимъ хозяиномъ, двинулось вверхъ по лѣстницѣ, уставленной съ обѣихъ сторонъ главными слугами и служанками.—Къ ручкѣ они не подходили—эта „азіятщина“ была давно отмѣнена—и только кланялись почтительно; а Синягинъ отвѣчалъ ихъ поклонамъ—больше бровями и носомъ, чѣмъ головою.

Неждановъ тоже поплелся вверхъ по широкимъ ступенямъ. Какъ только онъ вошелъ въ переднюю, Синягинъ, который уже искалъ его глазами, представилъ его женѣ, Аннѣ Захаровнѣ, Маріаннѣ; а Колѣ сказалъ: „Это твой учитель, прошу его слушаться! Подай ему руку!“—Коля робко протянулъ руку Нежданову, потомъ уставился на него; но видно, не найдя въ немъ ничего особеннаго или пріятнаго, снова ухватился за своего „пану“.—Неждановъ чувствовалъ себя неловко, такъ же, какъ тогда въ театрѣ. На немъ было старое, довольно невзрачное пальто; дорожная пыль пасѣла ему на все лицо и на руки.—Валентина Михайловна сказала ему что-то любезное; но онъ хорошенько не разслышалъ ея словъ и не отвѣчалъ, а только замѣтилъ, что она особенно свѣтло и ласково взирала на своего мужа и жалась къ нему.—Въ Колѣ ему не понравился его завитой, напомаженный хохолъ; при видѣ Каломбѣцева онъ подумалъ: „экая облизанная мордочка!“—а на другія лица онъ вовсе не обратилъ вниманія. Синягинъ раза два съ достоинствомъ повертѣлъ головою, какъ-бы осматривая свои пенаты, причемъ удивительно отчеканивались его длинныя висячія бакенбарды и нѣсколько крутой, маленькій затылокъ.—Потомъ онъ сильнымъ, вкуснымъ, отъ дороги нисколько не охрипшимъ голосомъ крикнулъ одному изъ лакеевъ:

„Иванъ! проводи г-на учителя въ зеленую комнату, да чемоданъ ихъ туда снеси"—и объявилъ Нежданову, что онъ можетъ теперь отдохнуть и разобраться и почиститься—а обѣдъ у нихъ въ домѣ подаютъ ровно въ пять часовъ. Неждановъ поклонился и отправился вслѣдъ за Иваномъ въ „зеленую" комнату, находившуюся во второмъ этажѣ.

Все общество перешло въ гостиную. Тамъ еще разъ повторились привѣтствія;—полуслѣпая старушка-нянька явилась съ поклономъ.—Этой, изъ уваженія къ ея лѣтамъ, Сипягинъ далъ поцѣловать свою руку, и, извинившись передъ Калломбѣцевымъ, удалился въ спальню, сопровождаемый своей супругой.

VII.

Обширная и опрятная комната, въ которую слуга ввелъ Неждапова, выходила окнами въ садъ. Онѣ были раскрыты, и легкій вѣтеръ слабо надувалъ бѣлыя шторы: онѣ округлялись какъ паруса, приподнимались и падали снова. По потолку тихо скользили золотистые отблески; во всей комнатѣ стоялъ весенній, свѣжій, немного сырой запахъ.—Неждановъ началъ съ того, что услалъ слугу, выложилъ вещи изъ чемодана, умылся и переодѣлся. Путешествіе его уморило; двухдневное постоянное присутствіе человѣка незнакомаго,—съ которымъ онъ говорилъ много, разнообразно—и безплодно, раздражило его нервы: что-то горькое, не то скука, не то злость, тайно забралось въ самую глубь его существа; онъ негодовалъ на свое малодушіе—а сердце все ныло!

Онъ подошелъ къ окну—и сталъ глядѣть на садъ. То былъ прадѣдовскій черноземный садъ, какого не увидишь по-сю сторону Москвы. — Расположенный по длинному скату пологаго холма, онъ состоялъ изъ четырехъ ясно

обозначенныхъ отдѣленій. Передъ домомъ, шаговъ на двѣсти, разстилался цвѣтникъ, съ песчаными прямыми дорожками, группами акацій и сиреней и круглыми „клумбами“; налѣво, минуя конный дворъ, до самаго гумна тянулся фруктовый садъ, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной и малиной; прямо напротивъ дома возвышались большимъ сплошнымъ четырехъугольникомъ липовыя скрещенныя аллеи. Направо видъ преграждался дорогой, заслоненной двойнымъ рядомъ серебристыхъ тополей; изъ-за купы плакучихъ березъ виднѣлась крутая крыша оранжереи. Весь садъ нѣжно зеленѣлъ первой красою весенняго разцвѣтанія: не было еще слышно лѣтняго, сильнаго гудѣнья насѣкомыхъ: молодые листья лепетали—да вяблики кое-гдѣ пѣли, да двѣ горлинки ворковали все на одномъ и томъ же деревѣ, да куковала одна кукушка, перемѣщаясь всякій разъ, — да издалека, изъ-за мельничнаго пруда, приносился дружный гамъ грачиный, подобный скрипу множества телѣжныхъ колесъ. И надо всей этой молодою, уединенной, тихой жизнью, округляя свои груди, какъ большія, лѣнивыя птицы, тихо плыли свѣтлыя облака.—Неждановъ глядѣлъ, слушалъ, втягивалъ воздухъ сквозь раскрытыя, похолодѣвшія губы...

И ему словно легче становилось; тишина находила и на него.

А между тѣмъ внизу, въ спальнѣ, рѣчь шла тоже о немъ. Сипягинъ разсказывалъ женѣ, какъ онъ съ нимъ познакомился, и что ему сказалъ князь Г., и какіе разговоры они вели во время путешествія.

— Умная голова!—повторилъ онъ,—и съ свѣдѣніями: правда, онъ красный, да вѣдь у меня, ты знаешь, это ничего не значитъ; по крайней мѣрѣ у этихъ людей есть амбиція. Да и Коля слишкомъ молодъ; никакихъ глупостей онъ отъ него не перейметъ.

Валентина Михайловна слушала своего мужа съ лас-

ковой и въ то же время насмѣшливой улыбкой, точно онъ каялся ей въ немного странной, но забавной выходкѣ; ей даже какъ будто пріятно было, что ея „seigneur et maître", такой солидный человѣкъ и важный чиновникъ, все еще въ состояніи вдругъ взять да выкинуть шалость, не хуже двадцатилѣтняго. Стоя передъ зеркаломъ въ бѣлой какъ снѣгъ рубашкѣ, въ голубыхъ шелковыхъ помочахъ, Сипягинъ принялся причесывать свою голову на англійскій фасонъ, въ двѣ щетки;—а Валентина Михайловна, взобравшись съ ботинками на турецкую низкую кушетку, начала сообщать ему разныя свѣдѣнія о хозяйствѣ, о бумажной фабрикѣ, которая—увы!—не шла такъ хорошо, какъ бы слѣдовало, о поварѣ, котораго надо будетъ перемѣнить, о церкви, съ которой свалилась штукатурка, о Маріаннѣ, о Калломѣйцевѣ....

Между обоими супругами существовало нелицемѣрное довѣріе и согласіе; они дѣйствительно жили въ „любви и совѣтѣ", какъ говаривалось въ старину; и когда Сипягинъ, окончивъ свой туалетъ, рыцарски попросилъ у Валентины Михайловны „ручку", когда она подала ему обѣ, и съ нѣжной гордостью глядѣла, какъ онъ поперемѣнно цѣловалъ ихъ, — то чувство, которое выразилось на лицахъ у обоихъ, было чувство хорошее и правдивое, хотя у ней оно свѣтилось въ очахъ, достойныхъ Рафаэля, а у него въ простыхъ генеральскихъ „глядѣлкахъ".

Ровно въ пять часовъ Неждановъ сошелъ внизъ къ обѣду, возвѣщенному даже не звукомъ колокола, а протяжнымъ завываньемъ китайскаго „гонга". Все общество уже собралось въ столовой. Сипягинъ снова его привѣтствовалъ съ высоты своего галстука, и указалъ ему мѣсто за столомъ между Анной Захаровной и Колей. Анна Захаровна была перезрѣлая дѣва, сестра покойнаго старика Сипягина; отъ нея попахивало камфорой, какъ отъ залежалаго платья, и видъ она имѣла безпокойный и уны-

лый. Она исполняла въ домѣ роль Колинаго дядьки или гувернёра; ея сморщенное лицо выказало неудовольствіе, когда Неждànова посадили между ею и ея питомцемъ. Коля сбоку поглядывалъ на своего новаго сосѣда: умный мальчикъ скоро догадался, что учителю неловко, что онъ конфузился; онъ же не поднималъ глазъ и почти ничего не ѣлъ. Колѣ это понравилось: онъ до тѣхъ поръ боялся, какъ бы учитель не оказался строгимъ и сердитымъ. Валентина Михайловна тоже поглядывала на Неждànова.

„Онъ смотритъ студентомъ—думалось ей—и въ свѣтъ онъ не жилъ, но лицо у него интересное, и оригинальный цвѣтъ волосъ, какъ у того апостола, котораго старые итальянскіе мастера всегда писали рыжимъ,—и руки чистыя". Впрочемъ, всѣ за столомъ поглядывали на Неждànова, и какъ-бы щадили его, оставляя его въ покоѣ, на первыхъ порахъ; онъ это чувствовалъ, и былъ этимъ доволенъ, и въ то же время почему-то злился. Разговоръ за столомъ велъ Каломѣйцевъ и Синягинъ. Рѣчь шла о земствѣ, о губернаторѣ, о дорожной повинности, о выкупныхъ сдѣлкахъ, объ общихъ петербургскихъ и московскихъ знакомыхъ, о только-что входившемъ въ силу лицеѣ г-на Каткова, о трудности достать рабочихъ, о штрафахъ и потравахъ, а также о Бисмаркѣ, о войнѣ 66-го года и о Наполеонѣ III, котораго Каломѣйцевъ величалъ молодцомъ. Юный каммеръ-юнкеръ высказывалъ мнѣнія весьма ретроградныя: онъ договорился наконецъ до того,—что привелъ, правда, въ видѣ шутки,—тостъ одного знакомаго ему барина, за нѣкоторымъ именинымъ банкетомъ: „Ныо за единственные принципы, которые признаю",—воскликнулъ этотъ разгорячennый помѣщикъ — „за кнутъ и за Рёдереръ!"

Валентина Михайловна наморщила брови и замѣтила, что эта цитата—de très mauvais gout.—Синягинъ выражалъ, напротивъ, мнѣнія весьма либеральныя; вѣжливо и

нѣсколько небрежно опровергалъ Калломѣйцева; даже подтруниваль надъ нимъ.

— Ваши страхи на счетъ эмансипаціи, любезный Семенъ Петровичъ,—сказалъ онъ ему, между прочимъ, — напоминаютъ мнѣ записку, которую нашъ почтеннѣйшій и добрѣйшій Алексѣй Иванычъ Тверитиновъ подалъ въ 1860 году, и которую онъ всюду читалъ по петербургскимъ салонамъ. Особенно хороша была тамъ одна фраза о томъ, какъ нашъ освобожденный мужикъ непремѣнно пойдетъ, съ факеломъ въ рукѣ, по лицу всего отечества. Надо было видѣть, какъ нашъ милый Алексѣй Ивановичъ, надувая щёчки и таращя глазёнки, произносилъ своимъ младенческимъ ротикомъ: „ффакель! ффакель! пойдетъ съ ффакеломъ!“ Ну, вотъ совершилась эмансипація.... Гдѣ же мужикъ съ факеломъ?

— Тверитиновъ,—возразилъ сумрачнымъ тономъ Калломѣйцевъ,—ошибся только въ томъ, что не мужики пойдутъ съ факелами, а другіе.

При этихъ словахъ Неждановъ, который до того мгновенія почти не замѣчалъ Маріанны—она сидѣла отъ него наискосъ—вдругъ переглянулся съ нею, и тотчасъ почувствовалъ, что они оба, эта угрюмая дѣвушка и онъ,—одинихъ убѣжденій и одного пошиба. Она не произвела никакого впечатлѣнія на него, когда Сипягинъ представилъ его ей; почему же онъ теперь переглянулся именно съ нею? Онъ тутъ же поставилъ себѣ вопросъ: не стыдно ли, не позорно ли сидѣть и слушать подобныя мнѣнія, и не протестовать, и давать своимъ молчаніемъ поводъ думать, что самъ ихъ раздѣляешь? Неждановъ вторично глянулъ на Маріашу, и ему показалось, что онъ въ ея глазахъ прочелъ отвѣтъ на свой вопросъ: „погоди-моль; теперь еще не время.... не стóитъ.... послѣ; всегда успѣешь....“

Ему пріятно было думать, что она его понимаетъ. Онъ опять прислушался къ разговору.... Валентина Михай-

ловна смѣнила своего мужа, и высказывалась еще свободнѣе, еще радикальнѣе, нежели онъ. Она не постигала „рѣшительно не пос...ти...га...ла", какъ человѣкъ образованный и молодой можетъ придерживаться такой застарѣлой рутины!

— Впрочемъ, прибавила она,—я увѣрена, что вы это говорите только такъ, для краснаго словца! Что же касается до васъ, Алексѣй Дмитричъ,—обратилась она съ любезной улыбкой къ Нежданову (онъ внутренно изумился тому, что его имя и отчество были ей извѣстны),—я знаю, вы не раздѣляете опасеній Семена Петровича: мнѣ Борисъ передалъ ваши бесѣды съ нимъ во время дороги.

Нежановъ покраснѣлъ, склонился надъ тарелкой и пробормоталъ что-то невнятное: оно не то́, чтобы оробѣлъ, а не привыкъ онъ перекидываться рѣчами съ такими блестящими особами. Синягина продолжала улыбаться ему: мужъ покровительственно поддакивалъ ей.... За то Калломѣйцевъ воткнулъ, не спѣша, свое круглое стеклышко между бровью и носомъ и уставился на студентика, который осмѣливается не раздѣлять его „опасеній".—Ну, —*этимъ* смутить Нежданова было трудно: напротивъ: онъ тотчасъ выпрямился и уставился въ свою очередь на великосвѣтскаго чиновника:—и такъ же внезапно, какъ почувствовалъ въ Маріанѣ товарища, онъ въ Калломѣйцевѣ почувствовалъ врага! И Калломѣйцевъ это почувствовалъ; выронилъ стеклышко, отвернулся и попытался усмѣхнуться.... но ничего не вышло; одна Анна Захаровна, тайно благоговѣвшая передъ нимъ, мысленно стала на его сторону, и еще болѣе возненодовала на непрошеннаго сосѣда, отдѣлившаго ее отъ Коли.

Вскорѣ затѣмъ обѣдъ кончился. Общество перешло на террасу пить кофе: Синягинъ и Калломѣйцевъ закурили сигары. Синягинъ предложилъ-было одну настоящую регалію Нежданову, но тотъ отказался.

— Ахъ, да!—воскликнулъ Сипягинъ: я и забылъ: — вы курите только свои папиросы!

— Странный вкусъ,—замѣтилъ сквозь зубы Каломѣйцевъ.

Нежлановъ чуть не вспылилъ. —„Разницу между регаліей и папиросой я очень хорошо знаю, но я одолжаться не хочу“—чуть не сорвалось у него съ языка.... Однако онъ удержался; но тутъ же занесъ эту вторую дерзость своему врагу въ „дебетъ“.

— Маріанна!—вдругъ громкимъ голосомъ промолвила Сипягина:—ты не церемонься передъ новымъ лицомъ.... кури съ Богомъ свою пахитоску. Тѣмъ болѣе,—прибавила она, обращаясь къ Нежданову,—что, я слышала, въ вашемъ обществѣ всѣ барышни курятъ?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ сухо Нежлановъ.—То было первое слово, сказанное имъ Сипягиной.

— А я вотъ не курю,—продолжала она, ласково прищуривъ свои бархатные глаза.... Отстала отъ вѣка.

Маріанна медлительно и обстоятельно, словно на зло тёткѣ, достала пахитоску, коробочку со спичками, и начала курить. Нежлановъ тоже закурилъ папиросу, позаимствовавъ огня у Маріанны.

Вечеръ стоялъ чудесный. Коля съ Анной Захаровной отправились въ садъ; остальное общество оставалось еще около часа на террасѣ, наслаждаясь воздухомъ. Бесѣда шла довольно оживленная.... Каломѣйцевъ нападалъ на литературу; Сипягинъ и тутъ явился либераломъ, отстаивалъ ея независимость, доказывалъ ея пользу, упомянулъ даже о Шатобріанѣ и о томъ, что императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго! Нежлановъ не вмѣшивался въ это словопреніе: Сипягина посматривала на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто, съ одной стороны, она одобряла его скромную воздержность, а съ другой— немного удивлялась ей.

Къ чаю всѣ перешли въ гостиную.

— У насъ, Алексѣй Дмитричъ, — сказалъ Синягинъ Нежданову, такая скверная привычка: по вечерамъ мы играемъ въ карты, да еще въ запрещенную игру—въ стуколку.... представьте! — Я васъ не приглашаю.... но, впрочемъ, Маріанна будетъ такъ добра, сыграетъ намъ что-нибудь на фортепіано. Вы вѣдь, надѣюсь, любите, музыку—а? И, не дожидаясь отвѣта, Синягинъ взялъ въ руку колоду картъ. Маріанна сѣла за фортепіано и сыграла, ни хорошо ни худо, нѣсколько „пѣсенъ безъ словъ“ Мендельсона. — Charmant! Charmant? quel touché! — закричалъ издали, словно ошпаренный, Калломбѣйцевъ; но восклицаніе это было имъ пущено болѣе изъ вѣжливости; да и Неждановъ, несмотря на надежду, выраженную Синягинымъ, никакого пристрастія къ музыкѣ не имѣлъ.

Между тѣмъ Синягинъ съ женой, Калломбѣйцевъ, Анна Захаровна усѣлись за карты.... Коля пришелъ проститься и, получивъ благословеніе отъ родителей да большой стаканъ молока вмѣсто чаю, отправился спать; отецъ крикнулъ ему вслѣдъ, что завтра же онъ начнетъ свои уроки съ Алексѣемъ Дмитричемъ. Немного спустя, увидавъ, что Нежановъ торчитъ безъ дѣла посреди комнаты и напряженно переворачиваетъ листы фотографическаго альбома, Синягинъ сказалъ ему, чтобъ онъ не стѣснялся и шелъ бы къ себѣ отдохнуть, такъ какъ онъ вѣроятно усталъ послѣ дороги; что у нихъ въ домѣ главный девизъ: свобода.

Нежданов воспользовался даннымъ позволеніемъ и, раскланявшись со всѣми, пошелъ вонъ: въ дверяхъ онъ столкнулся съ Маріанной и, снова заглянувъ ей въ глаза, снова убѣдился, что будетъ съ ней какъ товарищъ, хотя она не только не улыбнулась ему, но даже нахмурила брови.

Онъ нашелъ комнату свою всю наполненную душистой свѣжестью: окна оставались открытыми цѣлый день. Въ

саду, прямо противъ его окна, коротко и звучно щелкалъ соловей; ночное небо тускло и тепло краснѣло надъ округленными верхушками липъ: то готовилась выплыть луна. Неждановъ зажегъ свѣчку; почныя сѣрыя бабочки такъ и посыпались изъ темнаго сада и пошли на огонь, кружась и толкаясь, а вѣтеръ ихъ отдувалъ, и колебалъ синеже.лтое пламя свѣчи.

„Странное дѣло!“ думалъ Неждановъ, уже лежа въ постели.... „Хозяева—люди, кажется, хорошіе, либеральные, даже гуманные.... а томно что-то на душѣ. Каммертеръ.... каммеръ-юнкеръ.... Ну, утро вечера мудренѣе.... Сантиментальничать нечего“.

Но въ это мгновеніе въ саду сторожъ настойчиво и громко застучалъ въ доску—и раздался протяжный крикъ: „Слуша....а....ай!“

— Примѣча....а....й!—отозвался другой заунывный голосъ.

— Фу ты, Боже мой!—точно въ крѣпости!

VIII.

Неждановъ проснулся рано и, не дожидаясь появленія слуги, одѣлся и сошелъ въ садъ. Очень онъ былъ великъ и красивъ, этотъ садъ, и содержался въ отличномъ порядкѣ: нанятые работники скребли лопатами дорожки; въ яркой зелени кустовъ мелькали красные платки на головахъ крестьянскихъ дѣвушекъ, вооруженныхъ граблями. Неждановъ добрался до пруда: утренній туманъ съ него слетѣлъ—но онъ еще дымился мѣстами, въ тѣнистыхъ излучинахъ береговъ. Невысокое солнце было розовымъ свѣтомъ по шелковистому свинцу его широкой глади. Человѣкъ пять плотниковъ возилось около плота: тутъ же колыхалась, слабо переливаясь съ боку на бокъ и пуская отъ себя легкую рябь по водѣ, новая, раскрашенная

лодка. Людскіе голоса звучали рѣдко и сдержанно: ото всего вѣяло утромъ, тишиной и спокойствіемъ утренней работы, вѣяло порядкомъ и правильностью установленной жизни. И вотъ, на поворотѣ аллеи, Нежданову предстало само олицетвореніе порядка и правильности — предсталъ Синягинъ.

На немъ былъ сюртукъ гороховаго цвѣта, въ родѣ плаща, и пестрый картузъ; онъ опирался на англійскую бамбуковую трость, и только-что выбритое лицо его дышало довольствомъ; онъ шелъ осматривать свое хозяйство. Синягинъ привѣтливо поздоровался съ Неждановымъ.

— Ага!—воскликнулъ онъ;—я вижу, вы изъ молодыхъ, да ранній! (Онъ, вѣроятно, хотѣлъ этой не совсѣмъ умѣстной поговоркой выразить свое одобреніе Нежданову за то, что тотъ такъ же, какъ и онъ самъ, недолго оставался въ постели).—Мы въ восемь часовъ пьемъ общій чай въ столовой, а въ двѣнадцать завтракаемъ; въ десять часовъ вы дадите Колѣ вашъ первый урокъ въ русскомъ языкѣ, а въ два—въ исторіи. Завтра, 9-го мая, онъ именинникъ, и уроковъ не будетъ; но сегодня прошу начать!

Неждановъ наклонилъ голову, а Синягинъ простился съ нимъ на французскій манеръ, нѣсколько разъ съ ряду быстро поднеся руку къ собственнымъ губамъ и носу — и пошелъ далѣе, бойко размахивая тростью и посвистывая — вовсе не какъ важный чиновникъ или сановникъ—а какъ добрый русскій country gentleman.

До 8-ми часовъ Неждановъ оставался въ саду, наслаждаясь тѣнью старыхъ деревьевъ, свѣжестью воздуха, пѣньемъ птицъ; зазыванія гонга призвали его въ домъ— и онъ нашелъ все общество въ столовой. Валентина Михайловна очень ласково обошлась съ нимъ: въ утреннемъ туалетѣ она показалась ему совершенной красавицей. Лицо Маріанны выражало обычную сосредоточенность и

суровость. Ровно въ десять часовъ произошелъ первый урокъ въ присутствіи Валентины Михайловны: она сперва освѣдомилась у Нежданова, не будетъ ли она мѣшать? и все время очень скромно держала себя. Коля оказался мальчикомъ понятливымъ: послѣ неизбѣжныхъ первыхъ колебаній и неловкостей, урокъ сошелъ благополучно. Валентина Михайловна осталась, повидимому, весьма довольна Неждановымъ, и нѣсколько разъ привѣтливо заговаривала съ нимъ.—Онъ упирался.... но не слишкомъ. Валентина Михайловна присутствовала также на второмъ урокѣ—изъ русской исторіи. Она съ улыбкой объявила, что по этому предмету нуждается въ наставникѣ не хуже самого Коли—и такъ же чинно и тихо держала себя, какъ въ теченіе перваго урока. Отъ 2-хъ до 5-ти Неждановъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, писалъ письма въ Петербургъ—и чувствовалъ себя.... такъ себѣ: скуки не было, не было и тоски: натянутые нервы по-немножку смягчались. Они напряглись снова во время обѣда, хотя Каломбѣцевъ отсутствовалъ и ласковая предупредительность хозяйки не измѣнялась: но самая эта предупредительность нѣсколько сердила Нежданова.—Къ тому же, его сосѣдка, старая дѣвица Анна Захаровна, явно враждовала и дулась, а Маріанна продолжала серьёзничать, и самый Коля уже слишкомъ безцеремонно толкалъ его ногами. Сипягинъ также казался не въ духѣ. Онъ былъ очень недоволенъ управляющимъ своей писчебумажной фабрики, нѣмцемъ, котораго нанялъ за большія деньги. Сипягинъ принялся бранить всѣхъ вообще нѣмцевъ, причемъ объявилъ, что онъ до нѣкоторой степени славянофилъ, хотя и не фанатикъ, и упомянулъ объ одномъ молодомъ русскомъ, нѣкоемъ Соломинѣ, который, по слухамъ, на отличную ногу поставилъ фабрику сосѣда-купца: очень ему хотѣлось познакомиться съ этимъ Соломинымъ. Къ вечеру пріѣхалъ Каломбѣцевъ, имѣніе котораго находилось всего въ де-

сяти верстахъ отъ „Аржаного“; такъ называлась деревня Синягина. Пріѣхалъ также мировой посредникъ, помѣщикъ изъ числа тѣхъ, которыхъ столь мѣтко охарактеризовалъ Лермонтовъ двумя извѣстными стихами:

Весь спрятанъ въ галстухъ, фракъ до пятъ....
Усы, дискантъ—и мутный взглядъ.

Пріѣхалъ другой сосѣдъ съ унылымъ, беззубымъ лицомъ, но чрезвычайно чисто одѣтый: пріѣхалъ уѣздный докторъ, весьма плохой врачъ, любившій щеголять учеными терминами: онъ увѣрялъ, напримѣръ, что предпочитаетъ Кукольника Пушкину, потому что въ Кукольникѣ много „протоплазмы“. Сѣли играть въ стуколку.—Неждановъ удалился къ себѣ въ комнату—и за полночь читалъ и писалъ.

На слѣдующій день, 9-го мая, были Колины именины. Цѣлымъ домомъ, въ трехъ открытыхъ коляскахъ, съ лакеями на запяткахъ, отправились „господа“ къ обѣднѣ, а до нея и четверти версты не было. Все произошло очень парадно и пышно. Синягинъ возложилъ на себя ленту; Валентина Михайловна одѣлась въ прелестное парижское платье блѣдно-сиреневаго цвѣта—и въ церкви, во время обѣдни, молилась по крошечной книжечкѣ, переплетенной въ малиновый бархатъ; книжечка эта смущала иныхъ стариковъ; одинъ изъ нихъ не воздержался и спросилъ у своего сосѣда: „Что это она, прости Господи, колдуетъ, что ли?“ —Благовоніе цвѣтовъ, наполнявшихъ церковь, сливалось съ сильнымъ запахомъ новыхъ насѣренныхъ армяковъ, дегтярныхъ сапоговъ и котовъ—и надъ тѣми и другими испареніями удушливо-пріятно царилъ ладанъ. Дьячки и пономари на клиросахъ пѣли удивительно-старательно. Съ помощью присоединившихся къ нимъ фабричныхъ, они покусились даже на концертъ! Была минута, когда всѣмъ присутствовавшимъ стало нѣсколько.... жутко. Теноровый голосъ (онъ принадлежалъ фабричному Климу, человѣку въ злѣйшей чахоткѣ) выводилъ одинъ, безъ всякой под-

держки, хроматическіе, минорные и бемольные тоны;—они были ужасны, эти тоны!—но оборвись они—и весь концертъ немедленно бы провалился.... Однако, дѣло.... ничего.... обошлось. Отецъ Кипріанъ, священникъ самой почтенной наружности, съ набедренникомъ и камилавкой, произнесъ проповѣдь весьма поучительную, по тетрадкѣ: къ сожалѣнію, старательный батюшка счелъ за нужное привести имена какихъ-то премудрёныхъ ассирійскихъ царей, чѣмъ весьма себя затруднилъ въ произношеніи—и хотя выказалъ нѣкоторую ученость, однако вспотѣлъ же сильно! Нежлановъ, давно не бывавшій въ церкви, забился въ уголокъ между бабами: онѣ только изрѣдка косились на него, истово крестясь, низко кланяясь и степенно утирая носы своихъ малютокъ; за то крестьянскія дѣвочки въ новыхъ армячёнкахъ, съ подпизями на лбахъ, и мальчики въ подпоясанныхъ рубашенкахъ, съ расшитыми оплечьями и красными ластовицами, внимательно оглядывали новаго богомольца, повернувшись прямо къ нему лицомъ.... И Нежлановъ смотрѣлъ на нихъ и думалъ—разныя думы.

Послѣ обѣдни, длившейся весьма долго,—молебенъ Николаю Чудотворцу, какъ извѣстно, едва ли не самый продолжительный изъ всѣхъ молебновъ православной церкви, все духовенство, по приглашенію Сипягина, двинулось къ господскому дому и, совершивъ еще нѣсколько приличныхъ случаю обрядовъ, окропивъ даже комнаты святой водой,—получило обильный завтракъ, въ теченіе котораго велись обычные, благонадежные, но нѣсколько утомительные разговоры. И хозяинъ, и хозяйка—хотя въ этотъ часъ дня никогда не завтракали—однако тутъ и прикусили, и пригубили. Сипягинъ даже разсказалъ анекдотъ, вполнѣ пристойный, но смѣхотворный — что, при его красной лентѣ и сановитости, произвело впечатлѣніе, можно сказать, отрадное,—а въ отцѣ Кипріанѣ возбудило чувство и благодарности, и удивленія. Въ „отместку“, а также

для того, чтобъ показать, что и онъ при случаѣ можетъ сообщить нѣчто любознательное, — отецъ Кириѣнъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ „архіереемъ“, когда тотъ, объѣзжая епархію, вызвалъ всѣхъ священниковъ уѣзда къ себѣ въ городъ, въ монастырь.—Онъ у насъ строгій, престрогій,—увѣрялъ отецъ Кириѣнъ:—сперва распроситъ о приходѣ, о порядкахъ, а потомъ экзаменъ дѣлаетъ.... Обратился онъ тоже ко мнѣ. — Твой какой храмовой праздникъ?—Спаса Преображенія, говорю.—А тропарь на этотъ день знаешь?—Еще бы не знать!—Ной!—Ну, я сейчасъ: „Преобразился еси на горѣ, Христе Боже нашъ....“—Стой! Что̀ есть преображеніе и какъ надо его понимать?—Одно слово, говорю: хотѣлъ Христосъ ученикамъ славу свою показать!—Хорошо, говоритъ; вотъ тебѣ отъ меня образокъ на память.—Я ему въ ноги.—Благодарю-молъ, Владыко!... Такъ я отъ него не тощъ вышелъ.

— Я имѣю честь лично знать преосвященнаго, — съ важностью замѣтилъ Синягинъ.—„Достойнѣйшій пастырь!

— „Достойнѣйшій!—подтвердилъ и отецъ Кириѣнъ.—Благочинные напрасно только слишкомъ довѣряется....

Валентина Михайловна упомянула о крестьянской школѣ и указала при этомъ на Маріанну, какъ на будущую учительницу; дьяконъ—(ему былъ порученъ надзоръ надъ школой)—человѣкъ атлетическаго сложенія и съ длинной волнистой косою, смутно напоминавшей расчесанный хвостъ орловскаго рысака, хотѣлъ-было выразить свое одобреніе; но, не сообразивъ силы своей гортани, такъ густо крякнулъ, что и самъ оробѣлъ, и другихъ испугалъ.—Послѣ этого духовенство скоро удалилось.

Коля, въ своей новой курточкѣ съ золотыми пуговками, былъ героемъ дня: ему дѣлали подарки, его поздравляли, цѣловали ему руки и съ передняго крыльца, и съ задняго: фабричные, дворовые, старухи и дѣвки; мужики,—тѣ больше по старой крѣпостной памяти, гудѣли передъ домомъ

вокругъ столовъ, уставленныхъ пирогами и штофами съ водкой.—Коля и стыдился, и радовался, и гордился, и робѣлъ, и ластился къ родителямъ, и выбѣгалъ изъ комнаты; а за обѣдомъ Синягинъ велѣлъ подать шампанскаго,—и прежде чѣмъ выпить за здоровье сына, произнесъ спичъ. Онъ говорилъ о томъ, что значитъ: „служить землѣ“,—и по какой дорогѣ онъ желалъ бы, чтобы пошелъ его Николай!... (онъ именно такъ его назвалъ),—и чего въ правѣ ожидать отъ него: вопервыхъ,—семья, вовторыхъ, сословіе, общество; въ третьихъ, народъ—да, милостивые государи, народъ,—и въ четвертыхъ—правительство! Постепенно возвышаясь, Синягинъ достигъ наконецъ истиннаго краснорѣчія, причемъ, на подобіе Роберта Пиля, закладывалъ руку за фалду фрака; пришелъ въ умиленіе отъ слова „наука“, и кончилъ свой спичъ латинскимъ восклицаніемъ: Laboremus! которое тутъ же перевелъ на русскій языкъ. Коля съ бокаломъ въ рукѣ отправился вдоль стола благодарить отца и цѣловаться со всѣми.

Нежданову опять пришлось помѣняться взглядами съ Маріанной.... Оба они, вѣроятно, ощущали одно и то же.... Но другъ съ другомъ они не говорили.

Впрочемъ, Нежданову все, что онъ видѣлъ, казалось болѣе смѣшнымъ и даже занимательнымъ, нежели досаднымъ или противнымъ, а любезная хозяйка, Валентина Михайловна, являлась ему умной женщиной, которая знаетъ, что разыгрываетъ роль, и въ то же время тайно радуется, что есть другое лицо, тоже умное и догадливое, которое ее постигаетъ.... Нежановъ, вѣроятно, самъ не подозрѣвалъ, до какой степени его самолюбіе было польщено ея обхожденіемъ съ нимъ.

На слѣдующій день уроки возобновились, и жизнь побѣжала обычной колеей.

Недѣля прошла незамѣтно.... О томъ, что испыталъ, что передумалъ Нежановъ, лучше всего можетъ дать по-

нятіе отрывокъ изъ его письма къ нѣкоему Силину, бывшему его товарищу по гимназіи и лучшему его другу. Силинъ этотъ жилъ не въ Петербургѣ, а въ отдаленномъ губернскомъ городѣ, у зажиточнаго родственника, отъ котораго зависѣлъ вполнѣ. Положеніе его опредѣлилось такъ, что ему нечего было и думать когда-нибудь вырваться оттуда; человѣкъ онъ былъ немощный, робкій и недальній, но замѣчательно чистой души. Политикой онъ не занимался, почитывалъ кое-какія книжки, игралъ отъ скуки на флейтѣ и боялся барышень. Силинъ страстно любилъ Неждановa—сердце у него было вообще привязчивое. Ни передъ кѣмъ Неждановъ такъ безхитростно не высказывался, какъ передъ Владиміромъ Силинымъ; когда онъ писалъ къ нему, ему всегда казалось, что онъ бесѣдуетъ съ существомъ близкимъ и знакомымъ, — но жильцомъ другого міра, или съ собственной совѣстью. Неждановъ не могъ даже представить себѣ, какъ бы онъ снова зажилъ съ Силинымъ, по-товарищески, въ одномъ городѣ.... Онъ, вѣроятно, тотчасъ охладѣлъ бы къ нему: очень мало было у нихъ общаго; но писалъ онъ къ нему охотно и много—и вполнѣ откровенно. Съ другими онъ—на бумагѣ, по крайней мѣрѣ,—все какъ будто фальшивилъ или рисовался; съ Силинымъ—никогда! Плохо владѣя перомъ, Силинъ отвѣчалъ мало, короткими неловкими фразами; но Неждановъ и не нуждался въ пространныхъ отвѣтахъ: онъ зналъ и безъ того, что другъ его поглощаетъ каждое его слово, какъ дорожная пыль брызги дождя, хранитъ его тайны, какъ святыню—и, затерянный въ глухомъ и безвыходномъ уединеніи, только и живетъ, что его жизнью. Никому въ свѣтѣ Неждановъ не говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ нимъ и дорожилъ ими чрезвычайно.

„Ну, дружище, — чистый Владиміръ!“—такъ писалъ онъ ему: онъ всегда называлъ его чистымъ, и не даромъ!— „поздравь меня: попалъ я на подножный кормъ и могу те-

перь отдохнуть и собраться съ силами. Я живу на кондиціи у богатаго сановника Синягина, учу его сынишку, ѣмъ чудесно (я въ жизни такъ не ѣдалъ!), сплю крѣпко, гуляю всласть по прекраснымъ окрестностямъ—а главное: вышелъ на время изъ-подъ опеки петербургскихъ друзей: и хоть сначала скука грызла лихо, но теперь какъ будто легче стало. Въ скорости придется надѣть извѣстную тебѣ лямку, т.-е. полѣзть въ кузовъ, такъ какъ я назвался груздемъ (меня собственно затѣмъ и отпустили сюда): но, пока, я могу жить драгоцѣнной животной жизнью, рости въ брюхо—и, пожалуй, стихи сочинять, коли присничитъ охота. Такъ называемыя наблюденія отлагаются до другого времени: имѣніе мнѣ кажется благоустроеннымъ, вотъ только развѣ фабрика подгуляла: отдѣленные по выкупу мужики—какіе-то недоступные: нанятые дворовые—ужъ очень всѣ пристойныя физіономіи. Но мы это разберемъ впослѣдствіи. Хозяева — учтивые, либеральные; баринъ все снисходитъ, все снисходитъ—а то вдругъ возьметъ и воспаритъ: преобразованный мужчина! Барыня — писанная красавица и очень, должно быть, себѣ на умѣ: такъ и караулитъ тебя, — а ужъ какъ мягка! — Совсѣмъ безкостная! Я ея побаиваюсь: ты вѣдь знаешь, какой я дамскій кавалеръ!—Сосѣди есть—скверные: старуха одна меня притѣсняетъ.... Но больше всѣхъ меня занимаетъ одна дѣвушка, родственница ли, компаньонка ли,—Господь ее знаетъ!—съ которой я почти двухъ словъ не сказалъ, но въ которой я чувствую своего поля ягоду...."

Тутъ слѣдовало описаніе наружности Маріанны—всей ея повадки; а потомъ онъ продолжалъ:

„Что она несчастна, горда, самолюбива, скрытна, а главное, несчастна,—это для меня не подлежитъ сомнѣнію. Почему она несчастна,—этого я до сихъ поръ еще не знаю. Что она натура честная,—это мнѣ ясно; добра ли она,—это еще вопросъ. Да и существуютъ ли вполнѣ

добрыя женщины—если онѣ не глупы? И нужно ли это? Впрочемъ, я женщинъ вообще мало знаю. Хозяйка ее не любитъ.... И она ей платитъ тѣмъ же.... Но кто изъ нихъ правъ,—неизвѣстно. Я полагаю, что скорѣй хозяйка не права.... такъ какъ ужъ очень она вѣжлива съ нею; а у *той* даже брови нервически подергиваются, когда она говоритъ съ своей патроншей. Да; очень она нервическое существо: это тоже по моей части. И *выпивши* она такъ же, какъ я, —хотя вѣроятно не однимъ и тѣмъ же манеромъ.

„Когда все это немножко распутается,—напишу тебѣ...

„Она со мной почти никогда не бесѣдуетъ, какъ я уже сказалъ тебѣ; но въ немногихъ ея словахъ, ко мнѣ обращенныхъ—(всегда внезапно и неожиданно)—звучитъ какая-то жесткая откровенность.... Мнѣ это пріятно.

„Кстати, что, родственникъ твой все еще держитъ тебя на сухожденіи—и не собирается умирать?

„Читалъ ли ты въ „Вѣстникѣ Европы" статью о послѣднихъ самозванцахъ въ Оренбургской губерніи? Въ 34-мъ году это происходило, брать! Журналъ я этотъ не люблю, и авторъ—консерваторъ; но вещь интересная, и можетъ навести на мысли...."

IX.

Май уже перевалился за вторую половину: стояли первые жаркіе лѣтніе дни.—Окончивъ урокъ исторіи, Неждановъ отправился въ садъ, а изъ сада перешелъ въ березовую рощу, которая примыкала къ нему съ одной стороны.—Часть этой рощи свели купцы лѣтъ пятнадцать тому назадъ: но всѣмъ вырубленнымъ мѣстамъ засѣлъ сплошной березнякъ. Нѣжно-матовыми серебряными столбиками, съ сѣроватыми поперечными кольцами, стояли частые стволы деревьевъ: мелкіе листья ярко и дружно зе-

лѣли, словно кто ихъ вымылъ и лакъ на нихъ навелъ; весенняя травка пробивалась острыми язычками сквозь ровный слой прошлогодней темнопалевой листвы. Всю рощу прорѣзали узкія дорожки; желтоносые черные дрозды съ внезапнымъ крикомъ, словно испуганные, перелетывали черезъ эти дорожки, низко, надъ самой землей,—и бросались въ чащу, сломя голову. Погулявши съ полчаса, Неждановъ присѣлъ наконецъ на срубленный пень, окруженный сѣрыми, старыми щепками: онѣ лежали кучкой такъ, какъ упали, отбитыя когда-то топоромъ. Много разъ ихъ покрывалъ зимній снѣгъ—и сходилъ съ нихъ весною, — и никто ихъ не трогалъ. Неждановъ сидѣлъ спиною къ сплошной стѣнѣ молодыхъ березъ, въ густой, но короткой тѣни; онъ не думалъ ни о чемъ, онъ отдавался весь тому особенному весеннему ощущенію, къ которому—и въ молодомъ, и въ старомъ сердцѣ—всегда примѣшивается грусть.... взволнованная грусть ожиданія—въ молодомъ, неподвижная грусть сожалѣнія — въ старомъ....

Нежданову вдругъ послышался шумъ приближавшихся шаговъ.

То шелъ не одинъ человѣкъ—и не мужикъ въ лаптяхъ или тяжелыхъ сапогахъ—и не босоногая баба. Казалось, двое или не сильна, мѣрно.... Женское платье промелькнуло слегка....

Вдругъ раздался глухой голосъ, голосъ мущины:

— И такъ, это ваше послѣднее слово? Никогда?

— Никогда!—повторилъ другой, женскій голосъ, показавшійся Нежданову знакомымъ, — и мгновеніе спустя, изъ-за угла дорожки, огибавшей въ этомъ мѣстѣ молодой березнякъ,—выступила Маріанна въ сопровожденіи человѣка смуглаго, черноглазаго, котораго Неждановъ до того мгновенія не видалъ.

Оба остановились, какъ вкопанные, при видѣ Неждановъ

нова:—а онъ до того удивился, что даже не поднялся съ нія, на которомъ сидѣлъ.... Маріанна покраснѣла до корней волосъ, но тотчасъ же презрительно усмѣхнулась.... Къ кому относилась эта усмѣшка—къ ней самой за то, что она покраснѣла—или къ Нежданову?.... А спутникъ ея нахмурилъ свои густыя брови—и сверкнулъ желтоватыми бѣлками безпокойныхъ глазъ. Потомъ онъ переглянулся съ Маріанной—и оба, повернувшись спиною къ Нежданову, пошли прочь, молча, не прибавляя шагу, между тѣмъ какъ онъ провожалъ ихъ изумленнымъ взоромъ.

Полчаса спустя, онъ вернулся домой, въ свою комнату.—и когда, призванный завываньями гонга, вошелъ въ гостиную, онъ увидалъ въ ней того самаго черномазаго незнакомца, который натянулся на него въ роще. Синягинъ подвелъ къ нему Неждапова и представилъ его, какъ своего beau-frère'a, брата Валентины Михайловны—Сергѣя Михайловича Маркелова.

— Прошу васъ, господа, любить другъ друга и жаловать!—воскликнулъ Синягинъ съ столь свойственной ему величественно-привѣтной и въ то же время разсѣянной улыбкой.

Маркеловъ отвѣсилъ безмолвный поклонъ: Неждановъ отвѣчалъ таковымъ же.... а Синягинъ, слегка закидывая назадъ свою небольшую головку и подергивая плечами, отошелъ въ сторону.—„Я, моль, васъ свелъ, а будете ли вы точно любить и жаловать другъ друга—это для меня довольно индифферентно!“

Тогда Валентина Михайловна приблизилась къ неподвижно-стоявшей четѣ, снова представила ихъ другъ другу—и съ особенной, ласковой свѣтлостью взгляда, которая, словно по командѣ, приливала къ ея чудеснымъ глазамъ, заговорила съ братомъ.

— Что это, cher Serge, ты насъ совсѣмъ забываешь! даже на именины Коли не пріѣхалъ. Или занятій у тебя

такъ много накопилось? — Онъ со своими крестьянами какіе-то новые порядки заводитъ, — обратилась она къ Нежданову—преоригинальные: имъ три четверти всего— а себѣ одну четверть; и то онъ еще находитъ, что много ему достается.

— Сестра любитъ шутить,—обратился въ свою очередь Маркеловъ къ Нежданову: — но я готовъ съ ней согласиться, что *одному* человѣку взять четверть того, что́ принадлежитъ цѣлой *сотнѣ*,—дѣйствительно много.

— А вы, Алексѣй Дмитріевичъ, замѣтили, что я люблю шутить? — спросила Синягина все съ тою же ласковой мягкостью и взора, и голоса.

Неждановъ не нашелся, что́ отвѣтить: — а тутъ доложили о пріѣздѣ Каломбѣйцева. Хозяйка пошла къ нему на встрѣчу,—и нѣсколько минутъ спустя, дворецкій появился и нѣвучимъ голосомъ провозгласилъ, что — кушанье готово.

За обѣдомъ Неждановъ невольно все посматривалъ на Маріанну и на Маркелова. — Они сидѣли рядомъ, оба съ опущенными глазами, со стиснутыми губами, съ сумрачнымъ и строгимъ, почти озлобленнымъ выраженіемъ лица. Неждановъ особенно дивился тому, какимъ образомъ могъ Маркеловъ быть братомъ Синягиной? Такъ мало сходства замѣчалось между ними.—Одно развѣ: у обоихъ кожа была смуглая; но у Валентины Михайловны матовый цвѣтъ лица, рукъ и плечъ составлялъ одну изъ ея прелестей.... у ея брата онъ переходилъ въ ту черноту, которую вѣжливые люди величаютъ бронзой, но которая русскому глазу напоминаетъ—голенище. Волосы Маркеловъ имѣлъ курчавые, носъ нѣсколько крючковатый, губы крупныя, впалыя щеки, втянутый животъ и жилистыя руки. Весь онъ былъ жилистый, сухой, — и говорилъ мѣднымъ, рѣзкимъ, отрывочнымъ голосомъ. Сонный взглядъ — угрюмый видъ,—какъ есть желчевикъ!

Онъ ѣлъ мало, больше катал шарики изъ хлѣба — и лишь изрѣдка вскидывал глазами на Каломѣйцева, который только-что вернулся изъ города, гдѣ видѣл губернатора — но не совсѣмъ пріятному для него, Каломѣйцева, дѣлу, о которомъ онъ впрочемъ тщательно умалчивал, — и заливался соловьемъ.

Синягинъ, по прежнему осаживал его, когда онъ черезъ-чуръ заносился, но много смѣялся его анекдотамъ и бон-мо́, хотя и находилъ—„qu'il est un affreux réactionnaire“. Каломѣйцевъ увѣрял между прочимъ, что пришелъ въ совершенный восторгъ отъ названія, которое мужики—oui, oui! les simples mougiks!—даютъ адвокатамъ. „Брехунцы! брехунцы!“ — повторял онъ съ восхищеніемъ: — ce peuple russe est délicieux! — Потомъ онъ разсказал, какъ, посѣтивъ однажды народную школу, онъ поставилъ ученикамъ вопросъ: Что́ есть строфокамиль?— И такъ какъ никто не умѣлъ отвѣтить, ни даже самъ учитель,—то онъ, Каломѣйцевъ, поставилъ другой вопросъ: Что́ есть пионикъ?—причемъ привелъ стихъ Хемницера: „И пионикъ слабоумъ, списатель звѣрскихъ лицъ!“ — И на это ему никто не отвѣтилъ. — Вотъ вамъ и народныя школы!

— Но позвольте—замѣтила Валентина Михайловна,— я сама не знаю, что это за звѣри такіе?

— Сударыня! воскликнул Каломѣйцевъ,—вамъ этого и не нужно знать!

— А для чего же это народу нужно?

— А для того, что лучше ему знать пионика или строфокамила, — чѣмъ какого-нибудь Прудона — или даже Адама Смита!

Но тутъ Синягинъ снова осадил Каломѣйцева, объявивъ, что Адамъ Смитъ — одно изъ свѣтилъ человѣческой мысли, и что было бы полезно всасывать его принципы.... (онъ налилъ себѣ рюмку шато д'икему....) вмѣстѣ съ молокомъ.... (онъ провелъ у себя подъ носомъ и

понюхалъ вино....) матери! — Онъ проглотилъ рюмку. Каломѣйцевъ тоже выпилъ и похвалилъ вино.

Маркеловъ не обращалъ особеннаго вниманія на разглагольствованія петербургскаго каммеръ-юнкера, но раза два вопросительно посмотрѣлъ на Неждановa и, подбросивъ хлѣбный шарикъ, чуть было не попалъ имъ прямо въ носъ краснорѣчивому гостю....

Сипягинъ оставлялъ своего зятя въ покоѣ; Валентина Михайловна также не заговаривала съ нимъ; — видно было, что они оба, и мужъ и жена, привыкли считать Маркелова за чудака, котораго лучше не задирать.

Послѣ обѣда Маркеловъ отправился въ биллiардную курить трубку, — а Неждановъ пошелъ въ свою комнату.—Въ коридорѣ онъ наткнулся на Маріанну. Онъ хотѣлъ-было пройти мимо.... она остановила его рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Г-нъ Нежданов,—заговорила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—мнѣ, по настоящему, должно быть все равно, что́ вы обо мнѣ ни думаете; но я все-таки полагаю.... я полагаю.... (она не находила слова....) Я полагаю умѣстнымъ сказать вамъ, что когда вы встрѣтили сегодня въ рощѣ меня съ г-мъ Маркеловымъ.... Скажите, вы, вѣроятно, подумали: отчего это они оба смутились и зачѣмъ это они пришли сюда,—словно на свиданіе?

— Мнѣ дѣйствительно показалось немного страннымъ... началъ было Нежданов.

— Г-нъ Маркеловъ,—подхватила Маріанна,—сдѣлалъ мнѣ предложеніе; — и я ему отказала. Вотъ все, что я имѣла сказать вамъ; засимъ—прощайте. И думайте обо мнѣ, что́ хотите.

Она быстро отвернулась и пошла скорыми шагами по корридору.

Нежданов вернулся къ себѣ въ комнату и, присѣвъ передъ окномъ, задумался.— Что́ за странная дѣвушка—

и къ чему эта дикая выходка, эта непрошенная откровенность? Что это такое—желаніе оригинальничать—или просто фразерство—или гордость? Вѣрнѣе всего, что гордость. Ей не въ терпежъ малѣйшее подозрѣніе.... Она не выноситъ мысли, что другой можно судить о ней.—Странная дѣвушка!

Такъ размышлялъ Неждановъ: а внизу на террасѣ шелъ разговоръ о немъ: и онъ очень хорошо все слышалъ.

— Чуетъ мой носъ,— увѣрялъ Каломбѣйцевъ—чуетъ, что это—красный. Я, еще въ бытность мою чиновникомъ по особымъ порученіямъ у московскаго генералъ-губернатора—avec Ladislas—навострился на этихъ господъ—на красныхъ, да вотъ еще на раскольниковъ. Чутьемъ, бывало, беру, верхнимъ.— Тутъ Каломбѣйцевъ „кстати" разсказалъ, какъ онъ однажды, въ окрестностяхъ Москвы, поймалъ *за кобуру* старика-раскольника, на котораго нагрянулъ съ полиціей и который едва было не выскочилъ изъ окна избы.... „И такъ до той минуты смирно сидѣлъ на лавкѣ, бездѣльникъ!"

Каломбѣйцевъ забылъ прибавить, что этотъ самый старикъ, посаженный въ тюрьму, отказался отъ всякой пищи—и уморилъ себя голодомъ.

— А вашъ новый учитель,— продолжалъ ретивый камеръ-юнкеръ—красный, непремѣнно! Обратили-ли вы вниманіе на то, что онъ никогда первый не кланяется?

— Да зачѣмъ же онъ станетъ первый кланяться? —замѣтила Синягина:—мнѣ это, напротивъ, въ немъ нравится.

— И гость въ домѣ, гдѣ онъ служитъ,— воскликнулъ Каломбѣйцевъ — да, да служитъ, за деньги, comme un salarié.... Стало-быть, я ему старшій.—И онъ *долженъ* мнѣ кланяться первый.

— Вы очень взыскательны, мой любезнѣйшій, — вмѣшался Синягинъ, съ удареніемъ на *ый;* — все это нахъ-

нетъ, извините, чѣмъ то весьма отсталымъ. Я куплю его услуги, его работу, но онъ остался человѣкомъ свободнымъ.

— Узды онъ не чувствуетъ, — продолжалъ Каломѣйцевъ.—узды: le frein! Всѣ эти красные—таковы. Говорю вамъ: у меня на нихъ носъ чудный!—Вотъ развѣ Ladislas со мной—въ этомъ отношеніи—потягаться можетъ.—Попадись онъ мнѣ, этотъ учитель, въ руки,—я бы его подтянулъ! Я бы его вотъ какъ подтянулъ! Онъ бы у меня запѣлъ другимъ голосомъ; — и какъ бы шапку ломать передо мной сталъ.... прелесть!

— Дрянь, хвастунишка!—чуть было не закричалъ сверху Неждановъ.... Но въ это мгновеніе дверь его комнаты растворилась—и въ нее, къ немалому изумленію Неждановa,—вошелъ Маркеловъ.

X.

Неждановъ приподнялся съ своего мѣста ему на встрѣчу, а Маркеловъ прямо подошелъ къ нему и, безъ поклона и безъ улыбки, спросилъ его: точно ли онъ Алексѣй Дмитріевъ Неждановъ, студентъ С.-Петербургскаго университета?

— Да.... точно,—отвѣчалъ Неждановъ.

Маркеловъ досталъ изъ боковаго кармана распечатанное письмо.—Въ такомъ случаѣ—прочтите это. Отъ Василія Николаевича,—прибавилъ онъ, значительно понизивъ голосъ.

Неждановъ развернулъ и прочелъ письмо. Это было нѣчто въ родѣ полу-оффиціальнаго циркуляра, въ которомъ податель, Сергѣй Маркеловъ, рекомендовался, какъ одинъ изъ „нашихъ“, вполнѣ заслуживавшихъ довѣрія; далѣе слѣдовало наставленіе о безотлагательной необходимости взаимнодѣйствія, о распространеніи извѣстныхъ правилъ.

Циркуляръ былъ между прочимъ адресованъ и Нежданову, тоже какъ вѣрному человѣку.

Нежда́новъ протянулъ руку Маркелову, попросилъ его сѣсть и самъ опустился на стулъ. Маркеловъ началъ съ того, что, ни слова не говоря, закурилъ папиросу. Нежда́новъ послѣдовалъ его примѣру.

— Вы съ здѣшними крестьянами уже успѣли сблизиться?—спросилъ наконецъ Маркеловъ.

— Нѣтъ; пока еще не успѣлъ.

— Да вы давно ли сюда прибыли?

— Скоро двѣ недѣли будетъ.

— Занятій много?

— Не слишкомъ.

Маркеловъ угрюмо кашлянулъ.

— Гмъ! Народъ здѣсь довольно пустой,—продолжалъ онъ;—темный народъ. Поучать надо. Бѣдность большая, а растолковать некому, отчего эта самая бѣдность происходитъ.

— Бывшіе мужики вашего зятя, сколько можно судить, не бѣдствуютъ,—замѣтилъ Нежда́новъ.

— Зять мой—хитрецъ; глаза отводить—мастеръ. Крестьяне здѣшніе—точно, ничего; но у него есть фабрика. Вотъ гдѣ нужно стараніе приложить. Тутъ только копни: что́ въ муравьиной кучкѣ, сейчасъ заворошатся.—Книжки у васъ съ собою есть?

— Есть.... да не много.

— Я вамъ доставлю. Какъ же это вы такъ?

Нежда́новъ ничего не отвѣчалъ. — Маркеловъ тоже умолкъ и только дымъ пускалъ ноздрями.

— Какой однако мерзавецъ этотъ Калломѣйцевъ.—промолвилъ онъ вдругъ.—Я за обѣдомъ думалъ: встать, подойти къ этому барину—и расшибить въ прахъ всю его нахальную физіономію, чтобы другимъ повадно не было. Да нѣтъ! Теперь есть дѣла поважнѣе, чѣмъ бить каммерь-

юнкеровъ.—Теперь не время сердиться на дураковъ за то́, что они говорятъ глупыя слова; теперь время мѣшать имъ глупыя дѣла дѣлать.

Нежда́новъ качнулъ головой утвердительно,—а Маркеловъ опять принялся за напироску.

— Тутъ, между всей этой дворовой челядью, есть одинъ малый дѣльный — началъ онъ снова; — не слуга вашъ Иванъ.... это—рыба какая-то, а другой.... ему имя Кириллъ, онъ при буфетѣ. (Кириллъ этотъ былъ извѣстенъ, какъ горькій пьяница).—Вы обратите на него вниманіе. Забубенная голова.... да вѣдь намъ деликатничать не приходится. А что́ объ моей сестрѣ скажете?—прибавилъ онъ, внезапно поднявъ голову и уставивъ свои желтые глаза на Нежданова.—Эта еще похитрѣе будетъ, чѣмъ мой зятёкъ. Какъ вы объ ней полагаете?

— Я полагаю, что она очень пріятная и любезная дама.... И къ тому же она очень красива.

— Гмъ! Какъ это вы, господа, въ Петербургѣ тонко выражаетесь.... Удивляюсь!—Ну.... а на счетъ....—началъ-было онъ, но вдругъ насупился, потемнѣлъ въ лицѣ и не докончилъ начатой фразы.—Намъ, я вижу, надо съ вами хорошенько потолковать,—заговорилъ онъ опять.—Здѣсь невозможно. Чортъ ихъ знаетъ! Подъ дверьми, пожалуй, подслушиваютъ. Знаете ли, что́ я вамъ предлагаю? Сегодня суббота; завтра вы, чай, моему племяннику уроковъ не даете?... Не правда ли?

— У меня завтра съ нимъ репетиція въ три часа.

— Репетиція! Точно въ театрѣ. Это должно быть, моя сестрица такія слова выдумываетъ. Ну, все равно. Хотите? Поѣдемте сейчасъ ко мнѣ. Моя деревня отсюда въ десяти верстахъ. Лошади у меня хорошія: сомчатъ духомъ—вы у меня переночуете, проведете утро,—а завтра къ тремъ часамъ я васъ обратно доставлю. Согласны?

— Извольте,—промолвилъ Нежда́новъ. Съ самаго при-

хода Маркелова онъ находился въ возбужденномъ и стѣсненномъ состояніи.—Внезапное сближеніе съ нимъ его смущало: и въ то же время его влекло къ нему.—Онъ чувствовалъ, онъ понималъ, что передъ нимъ существо, вѣроятно тупое, но несомнѣнно честное—и сильное.—Къ тому же эта странная встрѣча въ рощѣ, это неожиданное объясненіе Маріанны....

— Ну, и прекрасно!—воскликнулъ Маркеловъ.—Вы, пока, приготовьтесь: а я пойду, велю заложить тарантасъ. Вѣдь вамъ, я надѣюсь, нечего спрашиваться у здѣшнихъ хозяевъ?

— Я ихъ предувѣдомлю. Безъ этого, я полагаю, мнѣ отлучиться нельзя.

— Я имъ скажу, — подхватилъ Маркеловъ. — Вы не безпокойтесь.— Они теперь дуются въ карты—и не замѣтятъ вашего отсутствія. Мой зять все въ государственные люди мѣтитъ, а только за нимъ и есть, что въ карты отлично играетъ. Ну, и то сказать: черезъ этотъ фортель многіе выходятъ!... Такъ будьте готовы. Я сейчасъ распоряжусь.

Маркеловъ удалился: а часъ спустя, Неждановъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ на большой кожаной подушкѣ, въ широкомъ, развалистомъ, очень старомъ и очень покойномъ тарантасѣ: приземистый кучеро́къ на облучкѣ непрестанно свисталъ какимъ-то удивительно-пріятнымъ, птичьимъ свистомъ: тройка нѣгихъ лошадокъ съ заплетенными черными гривами и хвостами быстро неслась по ровной дорогѣ; и уже застланные первою ночною тѣнью (въ минуту отъѣзда пробило десять часовъ) плавно проносились—иные взадъ, другіе впередъ, смотря по отдаленію—отдѣльныя деревья, кусты, поля, луга и овраги.

Небольшая деревенька Маркелова (въ ней было всего двѣсти десятинъ и приносила она около 700 р. дохода—звали ее Борзёнково) находилась въ трехъ верстахъ отъ

губернскаго города, отъ котораго имѣніе Сипягина отстояло въ семи верстахъ. Чтобы попасть въ Борзёнково, надо было проѣхать черезъ городъ. — Не успѣли новые знакомцы обмѣняться и полусотней словъ,—какъ уже замелькали передъ ними дряные подгородные мѣщанскіе домишки съ продавленными тесовыми крышами, съ тусклыми пятнами свѣта въ перекривленныхъ окошкахъ, а тамъ загремѣли подъ колесами камни губернской мостовой, тарантасъ запрыгалъ, заметался изъ стороны въ сторону.... и, подпрыгивая при каждомъ толчкѣ, поплыли мимо глухіе каменные двухъ-этажные купеческіе дома съ фронтонами, церкви съ колоннами, трактирныя заведенія.... Дѣло было подъ воскресенье; на улицахъ уже не было прохожихъ, но въ кабакахъ еще толпился народъ. Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяныя пѣсни, гнусливые звуки гармоникъ: изъ внезапно раскрытыхъ дверей било грязнымъ тепломъ, ѣдкимъ запахомъ спирта, краснымъ отблескомъ ночниковъ. Почти передъ каждымъ кабакомъ стояли крестьянскія телѣжёнки, запряженныя мохнатыми, пузатыми клячами: покорно понуривъ кудластыя головы, онѣ, казалось, спали; растерзанный, распоясанный мужикъ въ пухлой зимней шапкѣ, свѣсившейся мѣшкомъ на затылокъ, выходилъ изъ кабака — и, прислонившись грудью къ оглоблямъ, пребывалъ недвижимъ, что-то слабо ощупывая и разводя и шаря руками: или худощавый фабричный въ картузѣ на бекрень, съ выпущенной китайчатой рубахой и босой—сапоги-то остались въ заведеніи—дѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, останавливался, чесалъ спину — и, внезапно ахнувъ, возвращался вспять....

— Одолѣваетъ вино русскаго человѣка! — сумрачно замѣтилъ Маркеловъ.

— Съ горя, батюшка Сергѣй Михайловичъ!—промолвилъ, не оборачиваясь, кучеръ, который передъ каждымъ

кабакомъ переставалъ свистать и словно въ себя углублялся.

— Пошелъ! пошелъ!—отвѣтилъ Маркеловъ, съ сердцемъ потрясая воротникомъ шинели. Тарантасъ перебрался черезъ обширную базарную площадь, всю провонявшую капустой и рогожей, миновалъ губернаторскій домъ съ пестрыми будками у воротъ, частный домъ съ башней, бульваръ съ только-что посаженными и уже умиравшими деревцами, гостиный дворъ, наполненный собачьимъ лаемъ и лязгомъ цѣпей и, понемногу выбравшись за заставу, обогналъ длинный, длинный обозъ, выступившій въ путь по холодку, снова очутился въ вольномъ загородномъ воздухѣ, на большой, вербами обсаженной дорогѣ — и снова покатилъ шибче и ровнѣй.

Маркеловъ—надо же сказать о немъ нѣсколько словъ—былъ шестью годами старше своей сестры, Спягиной. Воспитывался онъ въ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ офицеромъ; но уже въ чинѣ поручика онъ подалъ въ отставку, по непріятности съ командиромъ—нѣмцемъ. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ, особенно русскихъ нѣмцевъ. Отставка разсорила его съ отцомъ, съ которымъ онъ такъ и не видѣлся до самой его смерти; а унаслѣдовавъ отъ него деревеньку, поселился въ ней. Въ Петербургѣ онъ часто сходился съ разными умными, передовыми людьми, передъ которыми благоговѣлъ: они окончательно опредѣлили его образъ мыслей. Читалъ Маркеловъ немного—и больше все книги, идущія къ дѣлу:—Герцена въ особенности. Онъ сохранилъ военную выправку, жилъ спартанцемъ и монахомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ страстно влюбился въ одну дѣвушку; но та измѣнила ему самымъ безцеремоннымъ манеромъ и вышла за адъютанта—тоже изъ нѣмцевъ. Маркеловъ возненавидѣлъ также и адъютантовъ. Онъ пробовалъ писать спеціальныя статьи о недостаткахъ нашей артиллеріи, но у него не

было никакого таланта изложенія:—ни одной статьи онъ не могъ даже довести до конца—и все-таки продолжалъ исписывать большіе листы сѣрой бумаги своимъ крупнымъ, неуклюжимъ, истинно-дѣтскимъ почеркомъ. Маркеловъ былъ человѣкъ упрямый, неустрашимый до отчаянности, не умѣвшій ни прощать, ни забывать, постоянно оскорбляемый за себя, за всѣхъ угнетенныхъ—и на все готовый. Его ограниченный умъ билъ въ одну и ту же точку: чего онъ не понималъ, то для него не существовало; но презиралъ онъ и ненавидѣлъ фальшь и ложь. Съ людьми высшаго полёта, „съ реаками“, какъ онъ выражался, онъ былъ крутъ и даже грубъ; съ народомъ — простъ; съ мужикомъ обходителенъ, какъ съ своимъ братомъ. Хозяинъ онъ былъ посредственный; у него въ головѣ вертѣлись разные соціалистическіе планы, которые онъ такъ же не могъ осуществить, какъ не умѣлъ закончить начатыхъ статей о недостаткахъ артиллеріи. Ему вообще не везло—никогда и ни въ чемъ: въ корпусѣ онъ носилъ названіе „неудачника“. Человѣкъ искренній, прямой, натура страстная и несчастная, онъ могъ, въ данномъ случаѣ, оказаться безжалостнымъ, кровожаднымъ, заслужить названіе изверга—и могъ такъ же пожертвовать собою, безъ колебанія и безъ возврата.

Тарантасъ, на третьей верстѣ отъ города, внезапно въѣхалъ въ мягкій мракъ осиновой рощи, съ шорохомъ и трепетаніемъ незримыхъ листьевъ, съ свѣжей горечью лѣсного запаха, съ неяснымъ прóсвѣтами вверху, съ перепутанными тѣнями внизу. Луна уже встала на небосклонѣ, красная и широкая, какъ мѣдный щитъ. Вынырнувъ изъ-подъ деревьевъ, тарантасъ очутился передъ небольшой помѣщичьей усадьбой. Три освѣщенныхъ окна яркими четырехъугольниками выступали на переднемъ фасѣ низенькаго дома, заслонившаго собою дискъ луны: настежь раскрытыя ворота, казалось, не запирались никогда. На дво-

рѣ, въ полумракѣ, видѣлась высокая кибитка, съ привязанными сзади къ балчуку двумя бѣлыми ямскими лошадьми: два щенка, тоже бѣлыхъ, выскочили откуда-то и залились пронзительнымъ, но не злобнымъ лаемъ. Въ домѣ зашевелились люди —тарантасъ подкатилъ къ крыльцу —и съ трудомъ вылѣзая и отыскивая ногою желѣзную подножку, придѣланную, какъ водится, доморощеннымъ кузнецомъ на самомъ неудобномъ мѣстѣ,—Маркеловъ сказалъ Нежданову:

— Вотъ, мы и дома—и вы найдете здѣсь гостей, которыхъ знаете хорошо, но никакъ не ожидаете встрѣтить.— Пожалуйте!

XI.

Этими гостями оказались наши старинные знакомые. Остродумовъ и Машурина. Оба сидѣли въ небольшой, крайне-плохо убранной гостиной Маркеловскаго дома—и при свѣтѣ керосиновой лампы пили пиво и курили табакъ. Они не удивились прибытію Нежданова: они знали, что Маркеловъ намѣревался привезти его съ собою; но Неждановъ очень удивился имъ. Когда онъ вошелъ, Остродумовъ промолвилъ: „здравствуй, братъ!"—и только; Машурина сперва побагровѣла вся, потомъ протянула руку. Маркеловъ объяснилъ Нежданову, что Остродумовъ и Машурина присланы по „общему дѣлу", которое теперь скоро должно осуществиться; что они съ недѣлю тому назадъ выѣхали изъ Петербурга; что Остродумовъ остается въ С—й губерніи для пропаганды,— а Машурина ѣдетъ въ К. для свиданія съ однимъ человѣкомъ.

Маркеловъ внезапно раздражился, хотя никто ему не противорѣчилъ:—сверкая глазами, кусая усы, онъ началъ говорить взволнованнымъ, глухимъ, но отчетливымъ голосомъ о совершаемыхъ безобразіяхъ, о необходимости безот-

лагательнаго дѣйствія, о томъ, что въ сущности все готово и мѣшкать могутъ одни трусы; что нѣкоторая насильственность необходима, какъ ударъ ланцета по нарыву, какъ бы зрѣлъ этотъ нарывъ ни былъ! Онъ нѣсколько разъ повторилъ это сравненіе съ ланцетомъ: оно ему очевидно нравилось, онъ его не придумалъ, а вычиталъ гдѣ-то.— Казалось, что, потерявъ всякую надежду на взаимность со стороны Маріанны, онъ уже ничего не жалѣлъ, а только думалъ о томъ, какъ бы приняться поскорѣй „за дѣло“. Онъ говорилъ, точно топоромъ рубилъ, безо всякой хитрости, рѣзко, просто и злобно; слова однообразно и вѣско выскакивали одно за другимъ изъ побѣдитовыхъ его губъ, напоминая отрывистый лай строгой и старой дворовой собаки. Онъ говорилъ о томъ, что хорошо знаетъ окрестныхъ мужиковъ, фабричныхъ — и что есть между ними дѣльные люди,—какъ напр. голоплёцкій Еремѣй—которые сію минуту пойдутъ на что́ угодно. Этотъ голоплёцкій Еремѣй, Еремѣй изъ деревни Голоплёкъ, безпрестанно приходилъ ему на языкъ. Черезъ каждыя десять словъ онъ ударялъ правой рукою—не ладонью, а ребромъ руки—по столу; а лѣвой тыкалъ въ воздухъ, отдѣливъ указательный палецъ.—Эти волосатыя, сухія руки, этотъ палецъ, этотъ гудѣвшій голосъ, эти пылавшіе глаза производили впечатлѣніе сильное. Въ теченіе дороги Маркеловъ съ Неждановымъ говорилъ мало; въ немъ желчь накопилась.... но тутъ его прорвало.— Машурина и Остродумовъ одобряли его улыбкой, взоромъ, иногда короткимъ восклицаніемъ; а съ Неждановымъ произошло нѣчто странное. Сперва онъ пытался возражать; упомянулъ о вредѣ поспѣшности, преждевременныхъ, необдуманныхъ поступковъ; главное— онъ дивился тому, что какъ это ужъ такъ все рѣшено — и сомнѣній нѣтъ— и не для чего ни справляться съ обстоятельствами, ни даже стараться узнать, чего собственно хочетъ народъ?... Но потомъ всѣ нервы

его натянулись какъ струны— затрепетали—и онъ съ какимъ-то отчаяніемъ, чуть не со слезами ярости на глазахъ, съ прорывавшимся крикомъ въ голосѣ, принялся говорить въ томъ же духѣ, какъ и Маркеловъ, понелъ даже дальше, чѣмъ тотъ.—Что́ побудило его къ этому — сказать трудно: раскаяніе ли въ томъ, что онъ какъ будто ослабѣлъ въ послѣднее время, досада ли на себя и на другихъ, потребность ли заглушить какой-то внутренній червь, желаніе ли, наконецъ, показать себя передъ новоприбывшими эмиссарами....—или слова Маркелова точно подѣйствовали на него, зажгли въ немъ кровь? До самой зари продолжалась бесѣда; Остродумовъ и Машурина не вставали съ своихъ стульевъ, а Маркеловъ и Неждановъ не садились. Маркеловъ стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, ни дать, ни взять часовой: а Неждановъ все расхаживалъ по комнатѣ— неровными шагами, то медленно, то торопливо. Говорили о предстоящихъ мѣрахъ и средствахъ, о роли, которую каждый долженъ былъ взять на себя, разбирали и связывали въ пачки разныя книжонки и отдѣльные листы; упомянули о купцѣ изъ раскольниковъ, нѣкоемъ Голушкинѣ, весьма надежномъ, хотя и необразованномъ человѣкѣ, о молодомъ пропагандистѣ Кисляковѣ, который очень-молъ знаетъ, но уже черезчуръ юрокъ и слишкомъ высокаго мнѣнія о собственныхъ талантахъ: произнесли также имя Соломина....

—Это тотъ, что́ бумагопрядильной фабрикой завѣдываетъ? спросилъ Неждановъ вспомнивъ сказанное о немъ за столомъ у Сипягиныхъ.

—Онъ самый и есть,—промолвилъ Маркеловъ;—надо вамъ съ нимъ познакомиться; мы его еще не раскусили, но дѣльный, дѣльный человѣкъ.

Еремѣй изъ Голопёкъ опять явился на сцену. Къ нему присоединился Сипягинскій Кирило- и еще какой-то

Мендельѣй, по прозвищу „Дутикъ; только на этого „Дутика положиться было трудно: въ трезвомъ видѣ храбръ, а въ пьяномъ трусливъ; и почти всегда пьянъ бываетъ.

— Ну, а собственно изъ вашихъ людей—спросилъ Нежда новъ Маркелова—есть на кого положиться?

Маркеловъ отвѣчалъ, что есть; однако ни одного изъ нихъ не назвалъ по имени—и пустился толковать о городскихъ мѣщанахъ и семинаристахъ, которые были, впрочемъ, болѣе полезны тѣмъ, что очень крѣпки тѣлесной силой—и ужъ какъ примутся дѣйствовать кулаками,—такъ ужъ ну!—Нежданов полюбопытствовалъ на счетъ дворянъ. Маркеловъ отвѣчалъ ему, что есть человѣкъ пять-шесть изъ молодыхъ—одинъ изъ нихъ даже нѣмецъ—и самый радикальный; только извѣстное дѣло: на нѣмца разсчитывать нечего.... какъ разъ надуетъ или продастъ! — „Да вотъ, надо подождать, какія свѣдѣнія доставитъ Кисляковъ. — Нежданов полюбопытствовалъ также на счетъ военныхъ. Тутъ Маркеловъ зашушукался, подергалъ свои длинныя бакенбарды и объявилъ наконецъ, что ничего — пока— рѣшительнаго нѣтъ.... вотъ развѣ что́ Кисляковъ откроетъ.

— Да кто такой этотъ Кисляковъ? —нетерпѣливо воскликнулъ Нежданов.

Маркеловъ значительно усмѣхнулся и сказалъ, что это человѣкъ.... такой человѣкъ....

— Я его, впрочемъ, знаю мало, — прибавилъ онъ: — всего два раза съ нимъ видѣлся; но какія письма этотъ человѣкъ пишетъ, какія письма!! Я вамъ покажу.... Вы удивитесь! просто — огонь! И какая дѣятельность! Разъ пять или шесть всю Россію вдоль и поперекъ проскакалъ.... и съ каждой станціи письмо въ десять —двѣнадцать страницъ!!

Нежданов вопросительно посмотрѣлъ на Остродумова; но тотъ сидѣлъ какъ истуканъ и даже бровью не шевель-

нуль: а Машурина сложила губы въ горькую усмѣшку— и тоже—хоть бы чукнула! Неждановъ вздумалъ-было поразспросить Маркелова на счетъ его преобразованій въ соціальномъ духѣ,— по хозяйству.... но тутъ Остродумовъ вмѣшался.

— Къ чему объ этомъ толковать теперь — замѣтилъ онъ: — все равно — надо будетъ все потомъ передѣлать.

Разговоръ возвратился опять на политическую почву. Тайный внутренній червь продолжалъ точить и грызть Неждановa; но чѣмъ эта грызь была сильнѣй, тѣмъ громче и безповоротнѣе говорилъ онъ.—Онъ выпилъ всего одинъ стаканъ пива; но ему отъ времени до времени казалось, что онъ совсѣмъ опьянѣлъ—и голова его кружилась, и сердце стучало съ болѣзненной потягой. Когда же наконецъ, въ четвертомъ часу ночи, прения прекратились, и собесѣдники, минуя спавшаго въ передней казачка, разбрелись по своимъ угламъ, Неждановъ, прежде чѣмъ лечь въ постель, долго стоялъ неподвижно, вперивъ глаза передъ собою въ полъ. Ему чудился постоянный, горестный, душу щемившій звукъ во всемъ, что произносилъ Маркеловъ: самолюбіе этого человѣка не могло не быть оскорбленнымъ, онъ *долженъ* былъ страдать, его надежды на личное счастіе рушились, — и однако какъ онъ себя забывалъ, какъ отдавался тому, что признавалъ за истину! Ограниченный субъектъ, думалось Неждановy.... Но не во сто ли разъ лучше быть такимъ ограниченнымъ субъектомъ, чѣмъ такимъ.... такимъ, какимъ я, напримѣръ, чувствую себя?!

Но тутъ онъ возмутился противъ собственнаго уничиженія.

„Почему же такъ? Развѣ я тоже не съумѣю собой пожертвовать? Погодите, господа.... И ты, Наклинъ, убѣдишься со временемъ, что я, хоть и эстетикъ, хоть и пишу стихи....“

Онъ сердито вскинулъ волосы рукою, скрипнулъ зубами и, торопливо сдернувъ съ себя одежду, бросился въ холодную и сырую постель.

— Спокойной ночи!—раздался за дверью голосъ Машуриной:—я ваша сосѣдка.

— Прощайте,—отвѣчалъ Нежлановъ, и тутъ же вспомнилъ, что она въ теченіе вечера не спускала съ него глазъ.

— Чего ей нужно? —шепнулъ онъ про себя—и стыдно ему стало. „Ахъ, хоть бы поскорѣе заснуть!"

Но съ нервами сладить трудно.... и солнце стояло уже довольно высоко на небѣ, когда онъ, наконецъ, заснулъ тяжелымъ и безотраднымъ сномъ.

На другое утро онъ всталъ поздно, съ головною болью. Онъ одѣлся, подошелъ къ окну мезонина, въ которомъ находилась его комната—и увидалъ, что у Маркелова собственно и усадьбы не было никакой: флигелекъ его стоялъ на юру, недалеко отъ рощи. Амбарчикъ, конюшня, погребокъ, избушка съ полуобвалившейся соломенной крышей—съ одной стороны; съ другой—крохотный прудъ, огородецъ, конопляничекъ и другая избушка съ такою же крышей; вдали рига, молотильный сарайчикъ и пустое гумно—вотъ и вся „благодать", представлявшаяся взорамъ. Все казалось бѣднымъ, утлымъ—и не то, чтобы заброшеннымъ или одичалымъ—а такъ-таки никогда не расцвѣтшимъ, какъ плохо принявшееся деревцо. Нежлановъ сошелъ внизъ. Машурина сидѣла въ столовой за самоваромъ,—и, повидимому, его дожидалась. Онъ узналъ отъ нея, что Остродумовъ уѣхалъ по дѣлу—и раньше двухъ недѣль не вернется; а хозяинъ пошелъ возиться съ батраками. Такъ какъ май уже близился къ концу, и спѣшныхъ работъ никакихъ не было,—то Маркеловъ вздумалъ собственными средствами свести небольшую березовую рощу—и отправился туда съ утра.

Нежлановъ чувствовалъ страшную усталость на душѣ.

Наканунѣ такъ много было говорено о невозможности долѣе медлить, о томъ, что оставалось только „приступить“. Но какъ приступить, къ чему—да еще безотлагательно?—У Машуриной нѣчего было спрашивать: она не вѣдала колебаній; она не сомнѣвалась въ томъ, что̀ ей нужно было дѣлать, а именно: ѣхать въ К. Дальше она не заглядывала. Неждановъ не зналъ, что̀ сказать ей—и, напившись чаю, надѣлъ шапку и пошелъ по направленію березовой рощи. На дорогѣ ему попались мужики, ѣхавшіе съ навозницы, бывшіе крестьяне Маркелова. Онъ заговорилъ съ ними.... толку больного онъ отъ нихъ не добился. Они тоже казались усталыми—но физической, обыкновенной усталостью, нисколько не похожею на то чувство, которое испытывалъ онъ.—Прежній ихъ помѣщикъ, по ихъ словамъ, былъ баринъ простой, только чудаковатый; они пророчили ему разореніе—потому: порядковъ не знаетъ и все на свой салтыкъ норовитъ, не такъ, какъ отцы. И мудренъ тоже бываетъ—не поймешь его, хоть ты что!—а добрѐ добръ!—Неждановъ отправился дальше и наткнулся на самого Маркелова.

Онъ шелъ, окруженный цѣлой толпою работниковъ; издали можно было видѣть, какъ онъ имъ что-то поясняетъ, толкуетъ—а потомъ махнулъ рукой.... значитъ: бросилъ! Рядомъ съ нимъ выступалъ его приказчикъ, малый молодой и подслѣповатый, безъ всякой представительности въ осанкѣ. Приказчикъ этотъ безпрестанно повторялъ: „Это какъ будетъ вамъ угодно-съ“—къ великой досадѣ его начальника, который ожидалъ отъ него больше самостоятельности. Неждановъ подошелъ къ Маркелову—и увидалъ на лицѣ его выраженіе такой же душевной усталости, какую ощущалъ онъ самъ. — Они поздоровались; Маркеловъ тотчасъ заговорилъ —правда, вкратцѣ —о вчерашнихъ „вопросахъ“, о близости переворота; но выраженіе усталости не покидало его лица. Онъ былъ весь въ

ныли, въ ноту; древесныя стружки, зеленыя нити моху прицѣпились къ его платью, голосъ его охрипъ.... Окружавшіе его люди помалчивали: они не то трусили, не то посмѣивались.... Неждановъ глядѣлъ на Маркелова — и слова Остродумова снова зазвучали въ его головѣ: „Къ чему это? Все равно—надо будетъ потомъ все передѣлать!“ Одинъ провинившійся работникъ началъ упрашивать Маркелова, чтобы тотъ снялъ съ него штрафъ.... Маркеловъ сначала разсердился—и закричалъ неистово—а потомъ простилъ.... „Все равно, надо будетъ потомъ все передѣлать....“ Неждановъ попросилъ у него лошадей и экипажа, чтобы вернуться домой; Маркеловъ словно удивился его желанію, однако отвѣчалъ, что все тотчасъ будетъ готово.

Онъ вернулся домой вмѣстѣ съ Неждановымъ.... Онъ на ходу шатался отъ изнеможенія.

— Что съ вами?—спросилъ Неждановъ.

— Измучился! — свирѣпо проговорилъ Маркеловъ. — Какъ ты съ этими людьми ни толкуй, сообразить они ничего не могутъ—и приказаній не исполняютъ.... Даже по-русски не понимаютъ.—Слово: „участокъ“ имъ хорошо извѣстно.... а „участіе“.... Что такое участіе? Не понимаютъ! А вѣдь тоже русское слово, чортъ возьми. — Воображаютъ, что я хочу имъ участокъ дать! (Маркеловъ вздумалъ разъяснить крестьянамъ принципъ ассоціаціи и ввести ее у себя—а они упирались. — Одинъ изъ нихъ даже сказалъ по этому поводу: „Была яма глубока.... а теперь и дна не видать....“, а всѣ прочіе крестьяне испустили глубокій, дружный вздохъ, что совсѣмъ уничтожило Маркелова).

Воротившись въ домъ, онъ отпустилъ свою свиту — и сталъ распоряжаться на счетъ экипажа и лошадей—и на счетъ завтрака.—Прислуга его состояла изъ казачка, кухарки, кучера и какого-то очень древняго старика съ заросши-

ми унами, въ длинноломъ мухояровомъ кафтанѣ, бывшаго камердинера его дѣда.—Этотъ старикъ постоянно, съ глубокой унылостью глядѣлъ на своего барина—а впрочемъ ничего не дѣлалъ—и врядъ ли былъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь; но присутствовалъ неотлучно, прикорнувъ на рундучкѣ.

Позавтракавши яйцами въ крутую, кильками и окрошкой (горчицу подалъ казачокъ въ старой помадной банкѣ, уксусъ въ одеколонной стклянкѣ)—Нежда́новъ сѣлъ въ тотъ же самый тарантасъ, въ которомъ пріѣхалъ наканунѣ: но вмѣсто трехъ лошадей ему заложили только двухъ: третью заковали—и она охромѣла. Въ теченіе завтрака Маркеловъ говорилъ мало, ничего не ѣлъ и дышалъ усиленно.... Произнесъ два-три горькихъ слова о своемъ хозяйствѣ—и опять махнулъ рукой.... „Все равно, надо будетъ потомъ все передѣлать“. Машурина попросила Нежданова довезти ее до города; ей понадобилось съѣздить туда для нѣкоторыхъ покупокъ;—„а вернуться изъ города я могу пѣшкомъ—а не то къ обратному мужичку на телѣгу подсяду“.—Провожая ихъ обоихъ до крыльца, Маркеловъ упомянулъ о томъ, что въ скорости опять приплетъ за Неждановымъ—и тогда.... тогда—(онъ встрепенулся и опять пріободрился)—надо будетъ окончательно условиться; что Соломинъ тоже тогда пріѣдетъ; что онъ, Маркеловъ, ждетъ только извѣстія отъ Василья Николаевича—и тогда останется одно: немедленно „приступить“—такъ какъ народъ (тотъ самый народъ, который не понимаетъ слова: „участіе“) дольше ждать не согласенъ!

—А что же, вы хотѣли показать мнѣ письма этого.... какъ бишь его?—Кислякова?—спросилъ Нежда́новъ.

—Послѣ.... послѣ, —поспѣшно проговорилъ Маркеловъ.—Тогда ужъ все—разомъ.

Тарантасъ тронулся.

—Будьте готовы!—раздался въ послѣдній разъ голосъ

Маркелова. Онъ стоялъ на крыльцѣ,—а рядомъ съ нимъ, съ тою же неизмѣнной унылостью во взглядѣ, вытянувъ сгорбленный станъ, заложивъ обѣ руки за спину, распространяя запахъ ржаного хлѣба и мухояра—и ничего не слыша,—стоялъ „изъ слугъ слуга“, дряхлый дѣдовскій каммердинеръ.

До самаго города Машурина молчала, только покуривала папиросу. Приближаясь къ заставѣ, она вдругъ громко вздохнула.

— Жаль мнѣ Сергѣя Михайловича,—промолвила она—и лицо ея омрачилось.

— Захлопотался онъ совсѣмъ, -замѣтилъ Неждановъ:—мнѣ кажется, хозяйство его идетъ плохо.

— Мнѣ не оттого его жаль.

— Отчего же?

— Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!... Умъ на что лучше его.... анъ нѣтъ! Не годится!

Неждановъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Да вамъ развѣ что нибудь извѣстно!

— Ничего мнѣ не извѣстно.... а всякій чувствуетъ по себѣ. Прощайте, Алексѣй Дмитричъ.

Машурина вылѣзла изъ тарантаса—а часъ спустя, Неждановъ уже въѣзжалъ на дворъ Синягинскаго дома.—Не очень хорошо онъ себя чувствовалъ.... Ночь онъ провелъ безъ сна.... и потомъ всѣ эти словопренія.... эти толки....

Красивое лицо выглянуло изъ окна и дружелюбно ему улыбнулось.... Это Синягина привѣтствовала его возвращеніе.

„Какіе у ней глаза! подумалось ему.

XII.

Къ обѣду наѣхало много народу—а послѣ обѣда. Неждановъ, воспользовавшись общей суетой, ускользнулъ къ

себѣ въ комнату. Ему хотѣлось остаться наединѣ съ самимъ собою, хотя бы для того только, чтобы привести въ порядокъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ его поѣздки.—За столомъ Валентина Михайловна нѣсколько разъ внимательно посмотрѣла на него—но, повидимому, не имѣла возможности заговорить съ нимъ: а Маріанна, послѣ той неожиданной выходки, столь его удивившей, какъ будто совѣстилась и избѣгала его.—Неждановъ взялъ-было перо въ руки; ему захотѣлось побесѣдовать на бумагѣ съ своимъ другомъ Силинымъ;—но онъ не нашелъ, что́ сказать даже другу; или, быть можетъ, такъ много противоположныхъ мыслей и ощущеній столпилось у него въ головѣ, что онъ не попытался ихъ распутать — и отложилъ все до другого дня.—Въ числѣ обѣдавшихъ былъ также г. Каломѣйцевъ; никогда онъ не выказывалъ болѣе высокомѣрія и джентльменской презрительности; но его развязныя рѣчи нисколько не дѣйствовали на Нежданова: онъ не замѣчалъ ихъ. Его окружало какое-то облако; полутусклой завѣсой стояло оно между нимъ и остальнымъ міромъ—и, странное дѣло!—сквозь эту завѣсу видѣлись ему только три лица—и всѣ три женскихъ—и всѣ три упорно устремлялн на него свои глаза. Это были: Синягина, Машурина и Маріанна. Что это значило? И почему именно эти три лица? Что́ между ними общаго? И что́ хотятъ они отъ него?

Онъ легъ спать рано—но заснуть не могъ. Его посѣтили—не то-что печальныя—а темныя мысли.... мысли о неизбѣжномъ концѣ, о смерти.—Онѣ были ему знакомы. Долго онъ переворачивалъ ихъ и такъ, и сякъ, то содрагаясь передъ вѣроятностью ничтожества, то привѣтствуя ее, почти радуясь ей.—Онъ почувствовалъ наконецъ особенное, ему знакомое волненіе.... Онъ всталъ, сѣлъ за письменный столъ и, немного подумавъ, почти безъ поправки, записалъ слѣдующее стихотвореніе въ свою завѣтную тетрадку:

Милый другъ, когда я буду
Умирать—вотъ мой приказъ:
Всѣхъ моихъ писаній груду
Истреби ты въ тотъ же часъ!
Окружи меня цвѣтами,
Солнца въ комнату впусти—
За закрытыми дверями
Музыкантовъ помѣсти.
Запрети имъ плачъ печальный!
Пусть, какъ будто въ часъ пировъ,
Рѣзко взвизгнетъ вальсъ нахальный
Подъ ударами смычковъ!
Слухомъ гаснущимъ внимая
Замираніямъ струны,
Самъ замру я, засыпая....
И предсмертной тишины
Не смутивъ напраснымъ стономъ,
Перейду я въ міръ иной,
Убаюканъ легкимъ звономъ
Легкой радости земной!

Когда онъ писалъ слово: „другъ“— онъ думалъ о томъ же Силинѣ. Онъ продекламировалъ въ полголоса свое стихотвореніе—и самъ удивился тому, что̀ у него вышло изъ подъ пера. Этотъ скептицизмъ, это равнодушіе, это легкомысленное безвѣріе—какъ согласовалось все это съ его принципами? съ тѣмъ, что онъ говорилъ у Маркелова? — Онъ бросилъ тетрадку въ ящикъ стола — и вернулся къ своей постели.—Но заснулъ онъ передъ самымъ утромъ, когда уже первые жаворонки зазвенѣли въ побѣлѣвшемъ небѣ.

На другой день—онъ только-что кончилъ урокъ и сидѣлъ въ бильіардной—Синягина вошла, оглянулась, и съ улыбкой подойдя къ нему, позвала его къ себѣ въ кабинетъ.—На ней было легкое, барежевое платье, очень простенькое и очень миленькое: обшитые рюшемъ рукава доходили только до локтей, широкая лента охватывала ея станъ, волосы падали густыми косами на шею. Все въ ней дышало привѣтомъ и лаской, бережной, ободряющей

лаской—все: и укрощенный блескъ полузакрытыхъ глазъ, и мягкая лѣность голоса, движеній, самой походки. Синягина привела Неждапова въ свой кабинетъ, уютный, пріятный, весь пропитанный запахомъ цвѣтовъ и духовъ, чистой свѣжестью женскихъ одеждъ, постояннаго женскаго пребыванія; посадила его на кресло, сѣла сама возлѣ него и начала его разспрашивать объ его поѣздкѣ, о житьѣ-бытьѣ Маркелова—и такъ осторожно, коротко, хорошо! Она выказала искреннее участіе къ судьбѣ брата, о которомъ до тѣхъ поръ—при Неждановѣ—не упоминала ни разу; изъ иныхъ ея словъ можно было понять, что отъ ея вниманія не ускользнуло чувство, внушенное ему Маріанной; она слегка погрустила.... о томъ ли, что со стороны Маріанны не проявилось взаимности, — о томъ ли, что выборъ брата палъ на дѣвушку, въ сущности ему чуждую — это осталось неразъясненнымъ. Но главное: она явно старалась приручить Неждапова, возбудить въ немъ довѣріе къ ней, заставить его перестать дичиться.—Валентина Михайловна даже немножко понеяла на него за то, что онъ имѣетъ о ней ложное понятіе.

Неждановъ слушалъ ее, глядѣлъ ей на руки, на плечи, изрѣдка бросалъ взоръ на ея розовыя губы, на чуть-чуть колебавшіяся пряди волосъ.—Сперва онъ отвѣчалъ очень кратко; онъ ощущалъ нѣкоторое стѣсненіе въ горлѣ и въ груди.... но мало-по-малу ощущеніе это смѣнилось другимъ, все еще неспокойнымъ, но не лишеннымъ нѣкоторой сладости: онъ никакъ не ожидалъ, что такая важная и красивая барыня, такая аристократка, въ состояніи заинтересоваться имъ, простымъ студентомъ; а она не только имъ интересовалась — она какъ будто немножко кокетничала съ нимъ. Неждановъ спрашивалъ себя, для чего она это все дѣлаетъ?—и не находилъ отвѣта; да, правду сказать, онъ и не нуждался въ немъ. Г-жа Синягина заговорила о Колѣ; она даже начала увѣрять Неждапова,

что собственно для того только и пожелала съ нимъ сблизиться, чтобы серьёзно побесѣдовать о своемъ сынѣ -вообще, чтобы узнать его мысли на счетъ воспитанія русскихъ дѣтей. Нѣсколько странною могла показаться внезапность, съ которою возникло въ ней это желаніе. Но дѣло было вовсе не въ томъ, что именно говорила Валентина Михайловна, а въ томъ, что на нее набѣжало нѣчто въ родѣ чувственной струи, явилась потребность покорить, пагнуть къ ногамъ своимъ эту непокорную голову....

Но здѣсь приходится вернуться нѣсколько назадъ.

Валентина Михайловна была дочь очень ограниченнаго и не бойкаго генерала съ одной звѣздой и пряжкой за пятидесятилѣтнюю службу,—и очень пронырливой и хитрой малороски, одаренной, какъ многія ея соотечественницы, крайне простодушной и даже глуповатой наружностью, изъ которой она умѣла извлечь всю возможную пользу. Родители Валентины Михайловны были люди небогатые; однако она попала въ Смольный монастырь, гдѣ хотя и считалась республиканкой, но была на виду и на хорошемъ счету, потому что прилежно училась и примѣрно вела себя. По выходѣ изъ Смольнаго, она поселилась вмѣстѣ съ матерью — (братъ уѣхалъ въ деревню, отецъ, генералъ со звѣздою и пряжкою, уже умеръ)—въ опрятной, но очень холодной квартирѣ: когда въ этой квартирѣ говорили, можно было видѣть паръ, выходившій изъ устъ; Валентина Михайловна смѣялась и увѣряла, что это — „какъ въ церкви“. Она храбро переносила всѣ неудобства бѣднаго, стѣсненнаго житья:—у ней былъ удивительно ровный нравъ. Съ помощью матери ей удалось поддержать и пріобрѣсти знакомства и связи: о ней говорили всѣ, даже въ высшихъ сферахъ, какъ о дѣвушкѣ очень милой, очень образованной—и очень приличной. У Валентины Михайловны было нѣсколько жениховъ: изъ всѣхъ изъ нихъ она выбрала Синягина—и влюбила его въ

себя очень просто, быстро и ловко.... Впрочемъ, онъ и самъ скоро понялъ, что ему лучше жены не найти. Она была умна, не зла... скорѣй добра, въ сущности холодна и равнодушна... и не допускала мысли, чтобы кто-нибудь могъ остаться равнодушнымъ къ ней. Валентина Михайловна была проникнута той особенной граціей, которая свойственна „милымъ" эгоистамъ;—въ этой граціи нѣтъ ни поэзіи, ни истинной чувствительности, но есть мягкость, есть симпатія, есть даже нѣжность. Только перечить этимъ прелестнымъ эгоистамъ не слѣдуетъ: они властолюбивы — и не выносятъ чужой самостоятельности. Женщины, подобныя Синягиной, возбуждаютъ и волнуютъ людей неопытныхъ и страстныхъ; сами онѣ любятъ правильность и тишину жизни. Добродѣтель имъ легко дается — онѣ невозмутимы; но постоянное желаніе повелѣвать, привлекать и нравиться придаетъ имъ подвижность и блескъ: воля у нихъ крѣпкая —и самое ихъ обаяніе частью зависитъ отъ этой крѣпкой воли... Трудно устоять человѣку, когда по такому ясному, нетронутому существу забѣгаютъ огоньки какъ-бы невольной, тайной нѣги; онъ такъ и ждетъ, что вотъ-вотъ наступитъ часъ — и ледъ растаетъ; но свѣтлый ледъ только играетъ лучами—и не растаетъ, и не помутится ему никогда!

Кокетничать немногаго стоило Синягиной: она очень хорошо знала, что опасности для нея нѣтъ и не можетъ быть. А между тѣмъ—заставить чужіе глаза то померкнуть, то заблистать, чужія щеки разгорѣться желаніемъ и страхомъ, чужой голосъ задрожать и оборваться, смутить чужую душу — о, какъ это было сладко *ея* душѣ! Какъ весело было вспоминать поздно вечеромъ, ложась въ свое чистое ложе на безмятежный сонъ,—вспоминать всѣ эти взволнованныя слова, и взгляды, и вздохи. Съ какой довольной улыбкой уходила она тогда вся въ себя, въ сознательное ощущеніе своей неприступности, своей недося-

гаемости—и снисходительно отдавалась законнымъ ласкамъ благовоспитаннаго супруга! Это было такъ пріятно, что она даже умилялась подъ часъ и готова была сдѣлать доброе дѣло, помочь ближнему.... Она однажды основала маленькую богадѣльню послѣ того, какъ одинъ до безумія въ нее влюбленный секретарь посольства попытался застрѣлиться! Она искренно молилась за него, хотя религіозное чувство съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ ней было слабо.

Итакъ, она бесѣдовала съ Неждановымъ и всячески старалась покорить его себѣ „подъ нóзи“. Она допускала его до себя, она какъ-бы раскрывалась передъ нимъ, и съ милымъ любопытствомъ, съ полу-материнской нѣжностью смотрѣла, какъ этотъ очень недурной и интересный и суровый радикалъ тихонько и неловко шелъ ей на встрѣчу. День, часъ, минуту спустя все это исчезнетъ безъ слѣда—но, пока ей весело, ей немножко смѣшно, немножко жутко—и немножко даже грустно. Позабывъ его происхожденіе, и зная, какъ подобное вниманіе цѣнится одинокими, отчужденными людьми, Валентина Михайловна начала было разспрашивать Нежданова объ его молодости, объ его семьѣ.... Но мгновенно догадавшись по его смущеннымъ и рѣзкимъ отзывамъ, что попала въ просакъ, Валентина Михайловна постаралась загладить свою ошибку и распустилась еще немножко больше передъ нимъ.... Такъ въ томный жаръ лѣтняго полудня расцвѣтшая роза распускаетъ свои душистые лепестки, которые вскорѣ снова сожметъ и сверетъ крѣпительная прохлада ночи.

Вполнѣ загладить свою ошибку ей однако не удалось.—Затронутый за больное мѣсто, Нежданов уже не могъ довѣриться по прежнему. То горькое, что онъ всегда носилъ, всегда ощущалъ на днѣ души,—шевельнулось опять; проснулись демократическія подозрѣнія и укоризны.—„Не для этого пріѣхалъ я сюда“,—подумалось ему: вспомнились ему насмѣшливыя наставленія Наклина.... и онъ

воспользовался первой минутой молчанія, всталъ, поклонился короткимъ поклономъ—и вышелъ „очень глупо“, какъ онъ невольно шепнулъ самому себѣ.

Его смущеніе не ускользнуло отъ Валентины Михайловны.... но, судя по улыбочкѣ, съ которой она проводила его взоромъ — она растолковала это смущеніе выгоднымъ для себя образомъ.

Въ бильярдной Нежданову попалась Маріанна. Она стояла спиной къ окну, недалеко отъ двери кабинета, тѣсно скрестивъ руки. Лицо ея находилось въ почти черной тѣни;—но такъ вопросительно, такъ настойчиво глядѣли на Неждановa ея смѣлые глаза, такое презрѣніе, такую обидную жалость выражали ея сжатыя губы, что онъ остановился въ недоумѣніи....

— Вы хотите мнѣ что-то сказать? — невольно проговорилъ онъ.

Маріанна не тотчасъ отвѣтила.

— Нѣтъ.... или да: хочу. Только не теперь.

— Когда же?

— А вотъ, погодите. Можетъ быть—завтра; можетъ быть — никогда. Я вѣдь очень мало знаю — кто вы собственно такой?

— Однако, — началъ Неждановъ, — мнѣ иногда казалось.... что между нами....

— А вы меня совсѣмъ не знаете,—перебила Маріанна.—Да вотъ, погодите. Завтра, можетъ быть. Теперь мнѣ надо идти къ моей.... госпожѣ. До-завтра.

Неждановъ ступилъ раза два—но вдругъ вернулся.

— Ахъ, да! Маріанна Викентьевна.... я все хотѣлъ васъ спросить: не позволите ли вы мнѣ пойти съ вами въ школу,—посмотрѣть, какъ вы тамъ занимаетесь—пока ее не закрыли.

— Извольте.... Только я не о школѣ хотѣла съ вами говорить.

— А о чемъ же?

— До-завтра,—повторила Маріанна.

Но она не дождалась завтрашняго дня — и разговоръ между ею и Неждановымъ произошелъ въ тотъ же вечеръ— въ одной изъ липовыхъ аллей, начинавшихся недалеко отъ террасы.

XIII.

Она сама первая приблизилась къ нему.

— Г-нъ Нежда́новъ,—начала она торопливымъ голосомъ,—вы, кажется, совершенно очарованы Валентиной Михайловной?

Она повернулась, не дождавшись отвѣта, — и пошла вдоль аллеи; и онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Почему вы это думаете?—спросилъ онъ, погодя немного.

— А развѣ нѣтъ? Въ такомъ случаѣ она дурно распорядилась сегодня. Воображаю, какъ она хлопотала, какъ разставляла свои маленькія сѣти!

Нежда́новъ ни слова не промолвилъ и только съ боку посмотрѣлъ на свою странную собесѣдницу.

— Послушайте,—продолжала она:—я не стану притворяться: я не люблю Валентины Михайловны—и вы это очень хорошо знаете. Я могу вамъ показаться несправедливой.... но вы сперва подумайте....

Голосъ пресѣкся у Маріанны. Она краснѣла, она волновалась.... Волненіе у ней всегда принимало такой видъ, какъ-будто она злится.

— Вы, вѣроятно, спрашиваете себя,—начала она снова,—зачѣмъ эта барышня мнѣ все это разсказываетъ? Вы, должно быть, то же самое подумали, когда я вамъ сообщила извѣстіе.... на счетъ г-на Маркелова.

Она вдругъ нагнулась, сорвала небольшой грибокъ, переломила его пополамъ и отбросила въ сторону.

— Вы ошибаетесь, Маріанна Викентьевна, — промолвилъ Неждановъ:—я, напротивъ, подумалъ, что я внушаю вамъ довѣріе—и эта мысль мнѣ была очень пріятна.

Неждановъ сказалъ неполную правду: эта мысль только теперь пришла ему въ голову.

Маріанна мгновенно глянула на него. До тѣхъ поръ она все отворачивалась.

— Вы не то, чтобы внушали мнѣ довѣріе,—проговорила она, какъ-бы размышляя:— вы вѣдь мнѣ совсѣмъ чужой.—Но ваше положеніе—и мое—очень схожи. Мы оба одинаково несчастливы; вотъ что́ насъ связываетъ.

— Вы несчастливы?—спросилъ Неждановъ.

— А вы—нѣтъ?—отвѣчала Маріанна.

Онъ ничего не сказалъ.

— Вамъ извѣстна моя исторія?—заговорила она съ живостью:—исторія моего отца? его ссылка? — нѣтъ? Ну, такъ знайте же, что онъ былъ взятъ подъ-судъ, найденъ виноватымъ, лишенъ чиновъ.... и всего—и сосланъ въ Сибирь. Потомъ онъ умеръ.... мать моя тоже умерла. Дядя мой, г-нъ Синягинъ, братъ моей матери, призрѣлъ меня—я у него на хлѣбахъ—онъ мой благодѣтель и—Валентина Михайловна моя благодѣтельница—а я имъ плачу черной неблагодарностью,—потому что у меня, должно быть, сердце чёрствое—и чужой хлѣбъ горекъ—и я не умѣю переносить снисходительныхъ оскорбленій—и покровительства не терпло.... и не умѣю скрывать—и когда меня безпрестанно колятъ булавками—я только оттого не кричу, что я очень горда.

Произнося эти отрывочныя рѣчи, Маріанна шла все быстрѣй и быстрѣй.

Она вдругъ остановилась.

— Знаете ли, что моя тётка, чтобы только сбыть меня

сь рукъ, прочитъ меня.... за этого гадкаго Калломѣйцева?—Вѣдь ей извѣстны мои убѣжденья—вѣдь я въ глазахъ ея нигилистка—а онъ!—Я, конечно, ему не нравлюсь, я вѣдь не красива—но продать меня можно. Вѣдь это тоже благодѣяніе!

— Зачѣмъ же вы....—началъ-было Неждановъ—и запнулся.

Маріанна мгновенно глянула на него.

— Зачѣмъ я не приняла предложеніе г-на Маркелова—хотите вы сказать? Не такъ ли? Да; но что же дѣлать? Онъ хорошій человѣкъ. Но я не виновата: я не люблю его.

Маріанна снова пошла впередъ, какъ-бы желая избавить своего собесѣдника отъ обязанности чѣмъ-нибудь отозваться на это нежданное признаніе.

Они оба достигли конца аллеи. Маріанна проворно свернула на узкую дорожку, проложенную сквозь сплошной ельникъ—и пошла по ней.—Неждановъ отправился за Маріанной.—Онъ ощущалъ двойное недоумѣніе: чудно́ ему казалось, какимъ образомъ эта дикая дѣвушка вдругъ такъ откровенничаетъ съ нимъ—и еще больше дивился онъ тому, что откровенность эта нисколько его не поражаетъ, что онъ находитъ ее естественной.

Маріанна вдругъ обернулась—и стала посреди дорожки, такъ что ея лицо пришлось на разстояніи аршина отъ лица Неждановa — и глаза ея вонзились прямо въ его глаза.

— Алексѣй Дмитричъ,—заговорила она—не думайте, что моя тётка зла.... Нѣтъ! она вся—ложь, она комедіантка, она позёрка—она хочетъ, чтобы всѣ ее обожали—какъ красавицу—и благоговѣли передъ нею, какъ передъ святою! Она придумаетъ задушевное слово, скажетъ его одному—а потомъ повторяетъ это же слово другому и третьему—и все съ такимъ видомъ, какъ-будто она сей-

часть это слово придумала — и тутъ же кстати играть своими чудесными глазами!—Она самоё себя очень хорошо знаетъ—она знаетъ, что похожа на Мадонну, и никого не любитъ! Притворяется, что все возится съ Колей—а только всего и дѣлаетъ, что говоритъ о немъ съ умными людьми. Сама она никому зла не желаетъ.... Она вся—благоволеніе!—Но пускай вамъ въ ея присутствіи всѣ кости въ тѣлѣ переломаютъ.... ей ничего!—Она пальцемъ не пошевельнетъ, чтобы васъ избавить;—а если ей это нужно или выгодно.... тогда.... о, тогда!

Маріанна умолкла. Желчь душила ее, она рѣшилась дать ей волю, она не могла удержаться—но рѣчь ея невольно обрывалась. Маріанна принадлежала къ особенному разряду несчастныхъ существъ (въ Россіи они стали попадаться довольно часто).... Справедливость удовлетворяетъ, но не радуетъ ихъ—а несправедливость, на которую они страшно чутки, возмущаетъ ихъ до дна души.—Пока она говорила, Неждановъ глядѣлъ на нее внимательно; ея покраснѣвшее лицо, съ слегка разбросанными короткими волосами, съ трепетнымъ подергиваньемъ тонкихъ губъ, показалось ему и угрожающимъ, и значительнымъ, — и красивымъ. Солнечный свѣтъ, перехваченный частой сѣткой вѣтвей, лежалъ у ней на лбу золотымъ косымъ пятномъ—и этотъ огненный языкъ шелъ къ возбужденному выраженію всего ея лица, къ широко раскрытымъ, недвижнымъ и блестящимъ глазамъ, къ горячему звуку ея голоса.

— Скажите,—спросилъ ее наконецъ Неждановъ:—отчего вы меня назвали несчастливымъ? Развѣ вамъ извѣстно мое прошедшее?

Маріанна кивнула головою.

— Да.

— То-есть.... какъ же такъ извѣстно? Вамъ кто-нибудь говорилъ обо мнѣ?

— Мнѣ извѣстно.... ваше происхожденіе.

— Вамъ извѣстно.... Кто же вамъ сказалъ?

— Да все та же—та же Валентина Михайловна, которою вы такъ очарованы. Она не приминула замѣтить при мнѣ—по обыкновенію вскользь, но внятно—не съ сожалѣніемъ, а какъ либералка, которая выше всякихъ предразсудковъ — что вотъ-молъ какая существуетъ случайность въ жизни нашего новаго учителя! Не удивляйтесь, пожалуйста: Валентина Михайловна точно также вскользь и съ сожалѣніемъ, чуть не всякому посѣтителю сообщаетъ, что вотъ-молъ въ жизни моей племянницы какая существуетъ.... случайность: ея отца за взятки сослали въ Сибирь? Какою аристократкой она себя ни воображай—она просто сплетница и позёрка—это ваша Рафаэлевская Мадонна!

— Позвольте,—замѣтилъ Неждановъ:—почему же она „моя?“

Маріанна отвернулась и пошла опять по дорожкѣ.

— У васъ съ ней былъ такой большой разговоръ, — произнесла она глухо.

— Я почти ни одного слова не вымолвилъ,—отвѣтилъ Неждановъ:—она одна все время говорила.

Маріанна шла впередъ молча. Но вотъ дорожка повернула въ сторону,—ельникъ словно разступился, и открылась впереди небольшая поляна съ дуплистой плакучей березой посрединѣ и круглой скамьей, охватывавшей стволъ стараго дерева. Маріанна сѣла на эту скамью; Неждановъ помѣстился рядомъ. Надъ головами обоихъ тихонько покачивались длинные пучки висячихъ вѣтокъ, покрытыхъ мелкими зелеными листочками. Кругомъ въ жидкой травѣ бѣлѣли ландыши—и отъ всей поляны поднимался свѣжій запахъ молодой травы, пріятно облегчавшій грудь, все еще стѣсненную смолистыми испареніями елей.

— Вы хотите пойти со мной посмотрѣть здѣшнюю школу,—начала Маріанна;—что-жъ? пойдемте.—Только.... я не знаю. Удовольствія вамъ будетъ мало. Вы слышали: нашъ главный учитель—діаконъ. Онъ человѣкъ добрый,—но вы не можете себѣ представить, о чемъ онъ бесѣдуетъ съ учениками! Межъ ними есть мальчикъ.... его зовутъ Гарасей—онъ сирота, десяти лѣтъ,—и, представьте! онъ учится лучше всѣхъ!

Перемѣнивъ внезапно предметъ разговора, Маріанна сама какъ-будто измѣнилась: она поблѣдиѣла, утихла—и лицо ея выразило смущеніе, словно ей совѣстно стало всего, что́ она наговорила. Ей видимо, хотѣлось навести Неждапова на какой-нибудь „вопросъ“—школьный, крестьянскій—лишь бы только не продолжать въ прежнемъ тонѣ. Но ему въ эту минуту было не до „вопросовъ“.

— Маріанна Викентьевна, началъ онъ,—скажу вамъ откровенно: я никакъ не ожидалъ всего того.... что́ теперь произошло между нами.—(При словѣ: „произошло“ она слегка насторожилась). Мнѣ кажется, мы вдругъ—очень.... очень сблизились. Да оно такъ и слѣдовало. Мы давно подходимъ другъ къ другу; только голосу не подавали.—А потому я буду съ вами говорить безъ утайки.—Вамъ тяжело и тошно въ здѣшнемъ домѣ: но дядя вашъ—онъ хотя ограниченный, однако, насколько я могу судить, гуманный человѣкъ? развѣ онъ не понимаетъ вашего положенія, не становится на вашу сторону?

— Мой дядя? Во-первыхъ—онъ вовсе не человѣкъ: онъ чиновникъ—сенаторъ, или министръ.... Я ужъ не знаю. А во-вторыхъ.... я не хочу напрасно жаловаться и клеветать: мнѣ вовсе не тошно и не тяжело здѣсь, то-есть, меня здѣсь не притѣсняютъ; малепькія шпильки моей тётки въ сущности для меня ничто.... Я совершенно свободна.

Неждановъ съ изумленіемъ глянулъ на Маріанну.

— Въ такомъ случаѣ.... все, что́ вы мнѣ сейчасъ говорили....

— Вы вольны смѣяться надо мною,—подхватила она:—но если я несчастна—то не своимъ несчастьемъ.—Мнѣ кажется иногда, что я страдаю за всѣхъ притѣсненныхъ, бѣдныхъ, жалкихъ на Руси.... нѣтъ, не страдаю—а негодую за нихъ, возмущаюсь.... что я за нихъ готова.... голову сложить. Я несчастна тѣмъ, что я барыння, приживалка, что я ничего, ничего не могу и не умѣю! Когда мой отецъ былъ въ Сибири, а я съ матушкой оставалась въ Москвѣ—ахъ, какъ я рвалась къ нему!—и не то, чтобы я очень его любила или уважала—но мнѣ такъ хотѣлось извѣдать самой, посмотрѣть собственными глазами, какъ живутъ ссыльные.... загнанные.... И какъ мнѣ было досадно на себя и на всѣхъ этихъ спокойныхъ, зажиточныхъ, сытыхъ!.... А потомъ, когда онъ вернулся, надломанный, разбитый—и началъ унижаться, хлопотать и заискивать.... ахъ.... какъ это было тяжело! Какъ хорошо онъ сдѣлалъ, что умеръ.... и матушка тоже! Но вотъ, я осталась въ живыхъ.... Къ чему? Чтобы чувствовать, что у меня дурной нравъ; что я неблагодарна, что со мной ладу нѣтъ—и что я ничего, ничего—не могу ни для чего, ни для кого!

Маріанна отклонилась въ сторону—рука ея скользнула на скамью. Нежданову стало очень жаль ея; онъ прикоснулся къ этой повисшей рукѣ.... но Маріанна тотчасъ ее отдернула, не потому, чтобы движеніе Неждановa показалось ей неумѣстнымъ—а чтобы онъ—сохрани Богъ—не подумалъ, что она напрашивается на участіе.

Сквозь вѣтки ельника мелькнуло вдали женское платье.

Маріанна выпрямилась. — Посмотрите, ваша Мадонна выслала свою шпіонку. Эта горничная должна наблюдать за мною—и доносить своей барынѣ. гдѣ я бываю и съ кѣмъ!—Тётка вѣроятно сообразила, что я съ вами,— и

находить, что это неприлично — особенно, послѣ сантиментальной сцены, которую она передъ вами разыграла. Да и въ самомъ дѣлѣ —пора вернуться. Пойдемте.

Маріанна встала; Неждановъ тоже поднялся со своего мѣста. Она глянула на него черезъ плечо и вдругъ по ея лицу мелькнуло выраженіе почти дѣтское, миловидное, немного смущенное.

— Вы вѣдь не сердитесь на меня? Вы не думаете, что я тоже порисовалась передъ вами?—Нѣтъ, вы этого не думаете,—продолжала она, прежде чѣмъ Неждановъ ей что-нибудь отвѣтилъ.—Вы вѣдь такой же, какъ я—несчастный—и нравъ у васъ тоже.... дурной, какъ у меня.—А завтра мы пойдемъ вмѣстѣ въ школу, потому что мы вѣдь теперь хорошіе пріятели.

Когда Маріанна и Неждановъ приблизились къ дому, Валентина Михайловна посмотрѣла на нихъ въ лорнетку съ высоты балкона—и съ своей обычной, кроткой улыбкой тихонько покачала головою; а возвращаясь, черезъ раскрытую стеклянную дверь, въ гостиную, въ которой Синягинъ уже сидѣлъ за преферансомъ съ завершувшимъ на часъ беззубымъ сосѣдомъ, промолвила громко и протяжно, отставляя слогъ отъ слога:

— Какъ сыро на воздухѣ! Это нездорово!

Маріанна переглянулась съ Неждановымъ; а Синягинъ, который только-что обремизилъ своего партнера, бросилъ на жену истинно-министерскій взоръ въ бокъ и вверхъ черезъ щеку — и потомъ перевелъ тотъ-же сонливо-холодный, но проницательный взоръ на входившую изъ темнаго сада молодую чету.

XIV.

Минуло еще двѣ недѣли.—Все шло своимъ порядкомъ. Синягинъ распредѣлялъ ежедневныя занятія — если не

какъ министръ, то уже навѣрное, какъ директоръ департамента—и держался по прежнему—высоко, гуманно и нѣсколько брезгливо; Коля бралъ уроки, Анна Захаровна терзалась постоянной, угнетенной злобой, гости наѣзжали, разговаривали, сражались въ карты—и, повидимому, не скучали; Валентина Михайловна продолжала заигрывать съ Неждановымъ—хотя къ ея любезности стало примѣшиваться нѣчто въ родѣ добродушной иронiи. Съ Маріанной Неждановъ окончательно сблизился—и къ удивленію своему, нашелъ, что у ней характеръ довольно ровный и что съ ней можно говорить обо всемъ, не натыкаясь на слишкомъ рѣзкія противорѣчія.—Вмѣстѣ съ нею онъ раза два посѣтилъ школу—но съ перваго же посѣщенія убѣдился, что ему тутъ дѣлать нечего. Отецъ діаконъ завладѣлъ ею вдоль-и-поперегъ, съ разрѣшенія Сипягина и по его волѣ. Отецъ діаконъ училъ грамотѣ недурно, хотя по старинному способу — но на экзаменахъ предлагалъ вопросы — довольно несообразные; напр., онъ спросилъ однажды Гарасю: „какъ-моль онъ объяснятъ выраженіе: „темна вода во облацѣхъ?“—па что Гарася долженъ былъ, по указанію самого отца діакона, отвѣтствовать: „сіе есть необъяснимо“. Впрочемъ, школа скоро и такъ закрылась — по случаю лѣтняго времени — до осени. — Памятуя наставленіе Наклина и другихъ, Неждановъ старался также ближаться съ крестьянами; но въ скорости замѣтилъ, что онъ просто изучаетъ ихъ, насколько хватало наблюдательности—а вовсе не пропагандируетъ! Онъ почти всю свою жизнь провелъ въ городѣ—и между нимъ и деревенскимъ людомъ существовалъ оврагъ, или ровъ, черезъ который онъ никакъ не могъ перескочить. Нежданову пришлось обмѣняться нѣсколькими словами съ пьяницей Кирилой и даже съ Менделѣемъ Дутикомъ — но, странное дѣло!—онъ словно робѣлъ передъ ними—и кромѣ очень общей и очень короткой ругани, онъ отъ нихъ

ничего не услышалъ. Другой мужикъ—звали его Онтюевымъ—просто въ тупикъ его поставилъ. Лицо у этого мужика было необычайно энергическое, чуть не разбойничье.... „Ну, этотъ—навѣрное, надежный!—думалось Нежданову.... И что же? Онтюевъ оказался бобылемъ; и него міръ отобралъ землю, потому что онъ—человѣкъ здоровый и даже сильный—*не могъ* работать.—„Не могу!“—вскликнывалъ Онтюевъ самъ, съ глубокимъ, внутреннимъ стономъ — и протяжно вздыхалъ: — „не могу работать! убейте меня!—А то я на себя руки наложу!“—И кончалъ тѣмъ, что просилъ милостыньки — грошика на хлѣбушко.... А лицо—какъ у Риналъдо Риналъдини!—Фабричный народъ—такъ тотъ совсѣмъ не дался Нежданову: всѣ эти ребята были либо ужасно-бойкіе, либо ужасно-мрачные.... и у Нежданова съ ними тоже не вышло ничего. Онъ по этому поводу написалъ другу своему, Силину, большое письмо, въ которомъ горько жаловался на свою неумѣлость и приписывалъ ее своему скверному воспитанію и никостной эстетической натурѣ! Онъ вдругъ вообразилъ, что его призваніе—въ дѣлѣ пропаганды—дѣйствовать не живымъ, устнымъ словомъ,—а письменнымъ; но задуманныя имъ брошюры не клеились. Все, что́ онъ пытался выводить на бумагѣ, производило на него самого впечатлѣніе чего-то фальшиваго, натянутаго, невѣрнаго въ тонѣ, въ языкѣ,—и онъ раза два—о, ужасъ!—невольно сворачивалъ на стихи или на скептическія, личныя изліянія. Онъ даже рѣшился (важный признакъ довѣрія и сближенія!)—говорить объ этой своей неудачѣ съ Маріанной.... и, опять-таки къ удивленію своему,—нашелъ въ ней сочувствіе—разумѣется, не къ своей беллетристикѣ—а къ той нравственной болѣзни, которой онъ страдалъ и которая не была ей чужда. Маріанна не хуже его возставала на эстетику;—а собственно потому и не полюбила Маркелова и не пошла за него, что въ немъ не существовало и

слѣда той самой эстетики?—Маріанна, конечно, въ этомъ даже себѣ самой не смѣла сознаться; но вѣдь только то и сильно въ насъ, что́ остается для насъ самихъ полуподозрѣнной тайной.

Такъ или дни—туго, неровно—но не скучно.

Нѣчто странное происходило съ Неждановымъ. Онъ былъ недоволенъ собою, своей дѣятельностью — то есть, своимъ бездѣйствіемъ; рѣчи его почти постоянно отзывались желчью и ѣдкостью самобичеванія; а на душѣ у него, гдѣ-то тамъ, очень далеко внутри—было недурно: онъ испытывалъ даже нѣкоторое успокоеніе. Было ли то слѣдствіемъ деревенскаго затишья, воздуха, лѣта, вкусной пищи, удобнаго житья,—происходило ли оно отъ того, что ему въ первый разъ отъ роду случилось извѣдать сладость соприкосновенія съ женскою душою?—сказать трудно: но ему въ сущности было даже легко, хотя онъ и жаловался—искренно жаловался—другу своему, Силину.

Впрочемъ, это настроеніе Неждапова было внезапно и насильственно прервано—въ одинъ день.

Утромъ того дня онъ получилъ записку отъ Василія Николаевича, въ которой предписывалось ему вмѣстѣ съ Маркеловымъ—въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій — немедленно познакомиться и сговориться съ ужé поименованнымъ Соломинымъ и нѣкоторымъ купцомъ Голушкинымъ, старообрядцемъ, проживавшимъ въ С*. Записка эта перетревожила Неждапова: упрекъ его бездѣйствію послышался ему въ ней. Горечь, которая все это время кипѣла у него на однихъ словахъ, теперь снова поднялась со дна его души.

Къ обѣду пріѣхалъ Калломбѣйцевъ, разстроенный и раздраженный.—Представьте,— закричалъ онъ почти слезливымъ голосомъ, — какой ужасъ я сейчасъ вычиталъ въ газетѣ:—моего друга, моего милаго Михаила, сербскаго князя, какіе-то злодѣи убили въ Бѣлградѣ!—До чего на-

конецъ дойдутъ эти якобинцы и революціонеры, если имъ не положатъ твердый предѣлъ!—Синягинъ „позволилъ себѣ замѣтить“, что это гнусное убійство, вѣроятно, совершено не якобинцами — „коихъ въ Сербіи не предполагается“—а людьми партіи Карагеоргіевичей, врагами Обреновичей.... Но Калломѣйцевъ ничего слышать не хотѣлъ и тѣмъ же слезливымъ голосомъ началъ снова разсказывать, какъ покойный князь его любилъ, и какое ему подарилъ ружье!.... Понемногу расходившись и придя въ азартъ, Калломѣйцевъ отъ заграничныхъ якобинцевъ обратился къ доморощеннымъ нигилистамъ и соціалистамъ—и разразился наконецъ цѣлой филиппикой. Обхвативъ, по модному, большой бѣлый хлѣбъ обѣими руками и переламывая его пополамъ надъ тарелкой супа, какъ это дѣлаютъ завзятые парижане въ „Café-Riche“—онъ изъявлялъ желаніе раздробить, превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются—чему бы и кому бы то ни было!... Онъ именно такъ выразился.—„Пора! пора!“—твердилъ онъ, занося себѣ ложку въ ротъ;—„пора! пора!“—повторялъ онъ, подставляя рюмку слугѣ, разливавшему хересъ. Съ благоговѣніемъ упомянулъ онъ о великихъ московскихъ публицистахъ — и Ladislas, notre bon et cher Ladislas, не сходилъ у него съ языка.—И при этомъ онъ то-и-дѣло устремлялъ взоръ на Нежданова, словно тыкалъ его имъ. —„Вотъ, моль, тебѣ! Получай загвоздку! это я на твой счетъ! А вотъ еще!“ — Тотъ не вытерпѣлъ наконецъ—и началъ возражать—немного, правда, трепетнымъ (конечно, не отъ робости) и хриповатымъ голосомъ; началъ защищать надежды, принципы, идеалы молодёжи. Калломѣйцевъ немедленно защищалъ — негодованіе въ немъ всегда выражалось фальцетомъ—и сталъ грубить. Синягинъ величественно принялъ сторону Нежданова; Валентина Михайловна тоже соглашалась съ мужемъ; Анна Захаровна старалась отвлечь вниманіе Коли—и бросала, ку-

да ни попало, яростные взгляды изъ-подъ нависшаго чепца; Маріанна не шевелилась, словно окаменѣла.

Но вдругъ, услышавъ въ двадцатый разъ произнесенное имя Ladislas'a — Неждановъ вспыхнулъ весь и, ударивъ ладонью по столу, воскликнулъ:

— Вотъ нашли авторитетъ! —Какъ-будто мы не знаемъ, что́ такое этотъ Ladislas? Онъ — прирожденный клеветъ и больше ничего!

— А.... а.... а.... во.... вотъ какъ.... вотъ ку.... куда!— простоналъ Калломѣйцевъ, запикаясь отъ бѣшенства....— Вы вотъ какъ позволяете себѣ отзываться о человѣкѣ, котораго уважаютъ такія особы, какъ графъ Блазенкрамфъ и князь Ковришкинъ!

Неждановъ пожалъ плечами. — Хороша рекомендація: князь Ковришкинъ, этотъ лакей-энтузіастъ....

— Ladislas—мой другъ,—закричалъ Калломѣйцевъ,— онъ мой товарищъ—и я....

— Тѣмъ хуже для васъ,—перебилъ Неждановъ;—значитъ, вы раздѣляете его образъ мыслей, и мои слова относятся такъ же къ вамъ.

Калломѣйцевъ помертвѣлъ отъ злости. — Ка.... какъ? Что? Какъ вы смѣете? На.... надобно васъ.... сейчасъ....

— Что́ вамъ угодно сдѣлать со мною *сейчасъ*?—вторично, съ иронической вѣжливостью, перебилъ Неждановъ.

Богъ вѣдаетъ, чѣмъ бы разрѣшилась эта схватка между двумя врагами, если бы Сипягинъ не прекратилъ ея въ самомъ началѣ. Возвысивъ голосъ и принявъ осанку, въ которой неизвѣстно что́ преобладало: важность ли государственнаго человѣка, или же достоинство хозяина дома—онъ съ спокойной твердостью объявилъ, что не желаетъ слышать болѣе у себя за столомъ подобныя неумѣренныя выраженія; что онъ давно поставилъ себѣ правиломъ (онъ поправился: священнымъ правиломъ) уважать всякаго рода убѣжденія, но только съ тѣмъ —(тутъ онъ

поднялъ указательный палецъ, украшенный гербовымъ кольцомъ), чтобы онѣ удерживались въ извѣстныхъ границахъ благопристойности и благоприличія; что если онъ, съ одной стороны, не можетъ не осудить въ г. Неждановѣ нѣкоторую невоздержанность языка, извиняемую, впрочемъ, молодостью его лѣтъ, то съ другой стороны, не можетъ также одобрить въ г-нѣ Калломѣйцевѣ ожесточеніе его нападокъ на людей противнаго лагеря—ожесточеніе, объясняемое, впрочемъ, его рвеніемъ къ общему благу.

— Подъ моимъ кровомъ,—такъ кончилъ онъ,—подъ кровомъ Синягиныхъ нѣтъ ни якобинцевъ, ни клевретовъ, а есть только добросовѣстные люди, которые, однажды понявъ другъ друга, непремѣнно кончатъ тѣмъ, что подадутъ другъ другу руки!

Неждановъ и Калломѣйцевъ умолкли оба—однако руки другъ другу не подали; видно, часъ взаимнаго пониманія не наступилъ для нихъ. Напротивъ: они никогда еще не чувствовали такой сильной взаимной ненависти. Обѣдъ кончился въ непріятномъ и неловкомъ молчаніи; Синягинъ попытался разсказать какой-то дипломатическій анекдотъ —но такъ и бросилъ его на полъ-пути. Маріанна упорно глядѣла на свою тарелку. Ей не хотѣлось выказать сочувствія, возбужденнаго въ ней рѣчами Нежданова, не изъ трусости—о, нѣтъ! но надо было прежде всего не выдать себя Синягиной. Она чувствовала на себѣ ея проницательный, пристальный взоръ. И дѣйствительно, Синягина не спускала съ нея глазъ—съ нея и съ Нежданова. Его неожиданная вспышка сперва поразила умную барыню; а потомъ её какъ-будто что́ озарило—да такъ, что она невольно шепнула:—А!... Она вдругъ догадалась, что Неждановъ отвернулся отъ нея, тотъ самый Неждановъ, который еще недавно шелъ къ ней въ руки.—Тутъ что́-то произошло.... Ужъ не Маріанна ли? Да, навѣрное Маріанна.... Онъ ей нравится.... да и онъ....

„Надо принять мѣры“, такъ заключила она свои разсужденія, а между тѣмъ Калломѣйцевъ—задыхался отъ негодованія. Даже играя въ преферансъ, часа два спустя, онъ произносилъ слова: пасъ! или: покупаю! съ паболѣвшимъ сердцемъ —и въ голосѣ его слышалось глухое трéморо обиды, хотя онъ и показывалъ видъ, что „презираетъ!“—Одинъ Синягинъ былъ собственно даже очень доволенъ всей этой сценой. Ему пришлось выказать силу своего краснорѣчія, усмирить начинавшуюся бурю.... Онъ зналъ латинскій языкъ, и Виргиліевское: Quos ego! (я васъ!) не было ему чуждымъ. Сознательно онъ не сравнивалъ себя съ Нептуномъ; но какъ-то сочувственно вспомнилъ о немъ.

XV.

Какъ только оказалось возможнымъ, Неждановъ отправился къ себѣ въ комнату и заперся!—Ему не хотѣлось ни съ кѣмъ видѣться—ни съ кѣмъ, кромѣ Маріанны. Ея комната находилась на самомъ концѣ длиннаго коридора, пересѣкавшаго весь верхній этажъ. Неждановъ только разъ — и то на нѣсколько минутъ — заходилъ туда; но ему казалось, что она не разсердится, если онъ къ ней постучится, что она даже желаетъ переговорить съ нимъ. Было уже довольно поздно, часовъ около десяти; хозяева, послѣ сцены за обѣдомъ, не считали нужнымъ его тревожить и продолжали играть въ карты съ Калломѣйцевымъ. Валентина Михайловна раза два навѣдалась о Маріаннѣ, такъ какъ она тоже исчезла скоро послѣ стола.—Гдѣ же Маріанна Викентьевна?—спросила она сперва по-русски, потомъ по-французски, не обращаясь ни къ кому въ особенности, а болѣе къ стѣнамъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ очень удивленные люди; впрочемъ, она вскорѣ сама занялась игрой.

Неждановъ прошелся нѣсколько разъ по своей комнатѣ, потомъ отправился по корридору до Маріаниной двери— и тихонько постучался. Отвѣта не было. Онъ постучался еще разъ — попытался отворить дверь.... Она оказалась запертою. Но не успѣлъ онъ вернуться къ себѣ, сѣсть на стулъ, какъ его собственная дверь слабо скрыпнула и послышался голосъ Маріанны:

— Алексѣй Дмитричъ, это *вы* приходили ко мнѣ?

Онъ тотчасъ вскочилъ и бросился въ корридоръ; Маріанна стояла передъ дверью, со свѣчей въ рукѣ, блѣдная и неподвижная.

— Да.... я....—шепнулъ онъ.

— Пойдемте, — отвѣчала она и пошла по корридору; но, не дойдя до конца, остановилась и толкнула рукою низкую дверь. Неждановъ увидалъ небольшую, почти пустую комнату. — Войдемте лучше сюда, Алексѣй Дмитричъ, здѣсь намъ никто не помѣшаетъ.—Неждановъ повиновался. Маріанна поставила свѣчку на подоконникъ и обернулась къ Нежданову.

— Я понимаю, почему вамъ именно меня хотѣлось видѣть—начала она:—вамъ очень тяжело жить въ этомъ домѣ—и мнѣ тоже.

— Да; я хотѣлъ васъ видѣть, Маріанна Викентьевна,— отвѣчалъ Неждановъ; — но мнѣ не тяжело здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ я сблизился съ вами.

Маріанна улыбнулась задумчиво.

— Спасибо, Алексѣй Дмитричъ—но скажите, неужели вы намѣрены остаться здѣсь послѣ всѣхъ этихъ безобразій?

— Я думаю, меня здѣсь не оставятъ—мнѣ откажутъ!— отвѣчалъ Неждановъ.

— А сами вы не откажетесь?

— Самъ.... Нѣтъ.

— Почему?

— Вы хотите знать правду? Потому что *вы* здѣсь.

Маріанна наклонила голову и отошла немного въ глубь комнаты.

— И къ тому же,—продолжалъ Неждановъ,—я *обязанъ* остаться здѣсь. Вы ничего не знаете—но я хочу, я чувствую, что долженъ вамъ все сказать.—Онъ подступилъ къ Маріаннѣ и схватилъ ее за руку.—Она ея не приняла — и только посмотрѣла ему въ лицо. — Послушайте!—воскликнулъ онъ съ внезапнымъ, сильнымъ порывомъ.—Послушайте меня!—И тотчасъ же, не садясь ни на одинъ изъ двухъ-трехъ стульевъ, находившихся въ комнатѣ, продолжая стоять передъ Маріанной и держать ея руку, Неждановъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, съ неожиданнымъ для него самаго краснорѣчіемъ, сообщилъ Маріаннѣ свои планы, намѣренія, причину, заставившую его принять предложеніе Сипягина—всѣ свои связи, знакомства, свое прошедшее, все, что онъ скрывалъ, что никому не высказывалъ! Онъ упомянулъ о полученныхъ письмахъ, о Васильѣ Николаевичѣ, обо всемъ—даже о Силинѣ! — онъ говорилъ торопливо, безъ запинки, безъ малѣйшаго колебанья—словно онъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ не посвятилъ Маріанны во всѣ свои тайны—словно извинялся передъ нею.—Она его слушала внимательно, жадно; на первыхъ порахъ она изумилась.... Но это чувство тотчасъ исчезло. Благодарность, гордость, преданность, рѣшимость — вотъ чѣмъ переполнялась ея душа. Ея лицо, ея глаза засіяли; она положила другую свою руку на руку Неждановa—ея губы раскрылись восторженно.... Она вдругъ страшно похорошѣла!

Онъ остановился наконецъ — глянулъ на нее, и какъ будто впервые увидалъ *это* лицо, которое въ то же время такъ было и дорого ему, и такъ знакомо.

Онъ вздохнулъ сильно, глубоко....

— Ахъ, какъ я хорошо сдѣлалъ, что вамъ все сказалъ!— едва могли шепнуть его губы.

— Да, хорошо.... хорошо!—повторила она тоже шопотомъ. Она невольно подражала ему — да и голосъ ея угасъ.—И значитъ, вы знаете,—продолжала она, что я въ вашемъ распоряженіи. что я хочу быть тоже полезной вашему дѣлу, что я готова сдѣлать все, что́ будетъ нужно, пойти куда прикажутъ. что я всегда, всею душою, желала того же, что́ и вы....

Она тоже умолкла. Еще одно слово—и у ней брызнули бы слёзы умиленія. Все ея крѣпкое существо стало внезапно мягко какъ воскъ. Жажда дѣятельности, жертвы, жертвы немедленной—вотъ чѣмъ она томилась.

Чьи-то шаги послышались за дверью—осторожные, быстрые, легкіе шаги.

Маріанна вдругъ выпрямилась, освободила свои руки— и вся тотчасъ перемѣнилась и повеселѣла. Что-то презрительное, что-то удалое мелькнуло по ея лицу.

— Я знаю, кто насъ подслушиваетъ въ эту минуту,— проговорила она такъ громко, что въ корридорѣ явственнымъ отзвучіемъ раздавалось каждое ея слово—г-жа Синягина подслушиваетъ насъ.... но мнѣ это совершенно все равно.

Шорохъ шаговъ прекратился.

— Такъ какъ же?—обратилась Маріанна къ Нежданову:—что же мнѣ дѣлать? какъ помочь вамъ? Говорите.... говорите скорѣй! Что дѣлать?

- Что?—промолвилъ Неждановъ.—Я еще не знаю.... Я получилъ отъ Маркелова записку....

— Когда? Когда?

– Сегодня вечеромъ. Надо мнѣ ѣхать завтра съ нимъ къ Соломину на заводъ.

— Да.... да.... Вотъ еще славный человѣкъ—Маркеловъ. Вотъ настоящій другъ!

— Такой же, какъ я?

Маріанна глянула прямо въ лицо Неждапову.

— Нѣтъ—не такой же.

— Какъ?...

Она вдругъ отвернулась.

— Ахъ! да развѣ вы не знаете, чѣмъ вы для меня стали и что я чувствую въ эту минуту....

Сердце Неждапова сильно забилось, и взоръ опустился невольно. Эта дѣвушка, которая полюбила его—его, бездомнаго горемыку,—которая ему довѣряется, которая готова идти за нимъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ одной и той же цѣли—эта чудесная дѣвушка—Маріанна — въ это мгновенье стала для Неждапова воплощеніемъ всего хорошаго, правдиваго на землѣ — воплощеніемъ неиспытанной имъ семейной, сестриной, женской любви, – воплощеніемъ родины, счастья, борьбы, свободы!

Онъ поднялъ голову — и увидалъ ея глаза, снова на него обращенные....

О, какъ проникалъ ихъ свѣтлый, славный взглядъ въ самую глубь его души!

— Итакъ,—началъ онъ невѣрнымъ голосомъ,—я ѣду завтра.... И когда я вернусь оттуда, я скажу.... вамъ.... (ему вдругъ стало неловко говорить Маріаннѣ: вы)—скажу вамъ, что узнаю, что будетъ рѣшено. Отнынѣ все, что́ я буду дѣлать, все, что́ я буду думать—все, все сперва узнаешь.... ты.

— О, мой другъ! — воскликнула Маріанна — и опять схватила его руку. Я то же самое обѣщаю тебѣ!

Это „тебѣ“ вышло у ней такъ легко и просто, какъ будто иначе и нельзя было—какъ будто это было товарищеское: „ты“.

— А письмо можно видѣть?

— Вотъ оно, вотъ.

Маріанна пробѣжала письмо и чуть не съ благоговѣніемъ подняла на него взоръ.

— На тебя возлагаютъ такія важныя порученія?

Онъ улыбнулся ей въ отвѣтъ и спряталъ письмо въ карманъ.

— Странно,—промолвилъ онъ:—вѣдь мы объяснились другъ другу въ любви — мы любимъ другъ друга—а ни слова объ этомъ между нами не было.

— Къ чему?—шепнула Маріанна и вдругъ бросилась къ нему на шею, притиснула свою голову къ его плечу.... Но они даже не поцѣловались—это было бы пошло и почему-то жутко—такъ, по крайней мѣрѣ, чувствовали они оба—и тотчасъ же разошлись, крѣпко-крѣпко стиснувъ другъ другу руку.

Маріанна вернулась за свѣчой, которую оставила на подоконникѣ пустой комнаты—и только тутъ нашло на нее нѣчто въ родѣ недоумѣнія. Она погасила ее и, въ глубокой темнотѣ, быстро скользнувъ по коридору, вернулась въ свою комнату—раздѣлась, и легла въ той же для нея почему-то отрадной темнотѣ.

XVI.

На другое утро, когда Неждановъ проснулся, онъ не только не почувствовалъ никакого смущенія при воспоминаніи о томъ, что произошло наканунѣ,—но, напротивъ, онъ исполнился какой-то хорошей и трезвой радостью, точно онъ совершилъ дѣло, которое, по-настоящему, давно слѣдовало совершить. Отпросившись на два дня у Сипягина, который согласился на его отлучку немедленно, но строго,—Неждановъ уѣхалъ къ Маркелову. Передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ свидѣться съ Маріанной.—Она тоже нисколько не стыдилась и не смущалась, глядѣла спокойно и рѣшительно, и спокойно говорила ему:

ты. Волновалась она только о томъ, что̀ онъ узнаетъ у Маркелова, и просила сообщить ей все.

— Это само-собою разумѣется,— отвѣчалъ Нежда̀новъ.

„И въ самомъ дѣлѣ,—думалось ему:—чего намъ тревожиться? Въ нашемъ сближеніи личное чувство играло роль.... второстепенную—а соединились мы безвозвратно. Во имя дѣла? Да, во имя дѣла!“

Такъ думалось Нежда̀нову,— и онъ самъ не подозрѣвалъ, сколько было правды—и неправды—въ его думахъ.

Онъ засталъ Маркелова въ томъ же усталомъ и суровомъ настроеніи духа. Нообѣдавши кое-какъ и кое-чѣмъ, они отправились въ извѣстномъ уже намъ тарантасѣ — (вторую пристяжную, очень молодую и не бывавшую еще въ упряжкѣ лошадь, взяли на-прокатъ у мужика—Маркеловская еще хромала)—на большую бумаго-прядильную фабрику купца Фалѣева, гдѣ жилъ Соломинъ. Любопытство Нежда̀нова было возбуждено: ему очень хотѣлось поближе познакомиться съ человѣкомъ, о которомъ въ послѣднее время онъ слышалъ такъ много. Соломинъ былъ предупрежденъ; какъ только оба путешественника остановились у воротъ фабрики и назвались—ихъ немедленно провели въ невзрачный флигелёкъ, занимаемый „механикомъ-управляющимъ“. Самъ онъ находился въ главномъ фабричномъ корпусѣ; пока одинъ изъ рабочихъ бѣгалъ за нимъ, Нежда̀новъ и Маркеловъ успѣли подойти къ окну и осмотрѣться. Фабрика, очевидно, была въ полномъ расцвѣтаніи и завалена работой; отовсюду неся бойкій гамъ и гулъ непрестанной дѣятельности: машины пыхтѣли и стучали, скрыпѣли станки, колёса жужжали, хлопали ремни, катились и исчезали тачки, бочки, нагруженныя телѣжки; раздавались повелительные крики, звонки, свистки; торопливо пробѣгали мастеровые въ подпоясанныхъ рубахахъ, съ волосами прихваченными ремешкомъ, рабочія дѣвки въ ситцахъ; двигались запряженныя лошади....

.Людская тысячеголовая сила гудѣла вокругъ, натянутая какъ струна. Все шло правильно, разумно, полнымъ махомъ: но не только щегольства или аккуратности, даже опрятности не было замѣтно нигдѣ и ни·въ чемъ; напротивъ—всюду поражала небрежность, грязь, коноть: тамъ стекло въ окнѣ разбито, тамъ облупилась штукатурка, доски вывалились, зіяетъ настежь растворенная дверь: большая лужа, черная, съ радужнымъ отливомъ гнили, стоитъ посреди главнаго двора; дальше торчатъ груды разбросанныхъ кирпичей: валяются остатки рогожъ, циновокъ, ящиковъ, обрывки веревокъ; шершавыя собаки ходятъ съ подтянутыми животами и даже не лаютъ: въ уголку, подъ заборомъ, сидитъ мальчикъ лѣтъ четырехъ, съ огромнымъ животомъ и взъерошенной головой, весь вымачканный въ сажѣ,—сидитъ и безпадежно плачетъ, словно оставленный цѣлымъ міромъ; рядомъ съ нимъ, замаранная той же сажей, свинья, окруженная пестрыми поросятами, пожираетъ капустныя кочерыжки; дырявое бѣлье болтается на протянутой веревкѣ—а какой смрадъ, какая духота всюду! — Русская фабрика — какъ есть: не нѣмецкая и не французская мануфактура.

Неждановъ глянулъ на Маркелова.

— Мнѣ столько наголковали объ отмѣнныхъ способностяхъ Соломина. — началъ онъ, — что, признаюсь, меня весь этотъ безпорядокъ удивляетъ; я этого не ожидалъ.

— Безпорядка тутъ нѣтъ. — отвѣчалъ угрюмо Маркеловъ,—а неряшливость русская. Все-таки — милліонное дѣло! А ему приспособляться приходится: и къ старымъ обычаямъ, — и къ людямъ, — и къ самому хозяину. Вы имѣете ли понятіе о Фалѣевѣ?

— Никакого.

— Первый по Москвѣ алтынникъ. Буркуй — одно слово!

Въ эту минуту Соломинъ вошелъ въ комнату. Нежда-

нову пришлось разочароваться въ немъ, такъ же какъ и въ фабрикѣ. На первый взглядъ Соломинъ производилъ впечатлѣніе чухонца, или скорѣе шведа. Онъ былъ высокаго роста, бѣлобрысъ, сухопаръ, плечистъ; лицо имѣлъ длинное, желтое, носъ короткій и широкій, глаза очень небольшіе, зеленоватые, взглядъ спокойный, губы крупныя и выдвинутыя впередъ; зубы бѣлые, тоже крупные и раздвоенный подбородокъ, чуть-чуть обросшій пухомъ. Одѣтъ онъ былъ ремесленникомъ, кочегаромъ: на туловищѣ старый пиджакъ съ отвислыми карманами, на головѣ клеенчатый помятый картузъ, на шеѣ шерстяной шарфъ, на ногахъ дегтярные сапоги. Его сопровождалъ человѣкъ лѣтъ сорока, въ простой чуйкѣ, съ чрезвычайно-подвижнымъ, цыганскимъ лицомъ и черными какъ смоль, пронзительными глазами, которыми онъ, какъ только вошелъ, такъ разомъ и окинулъ Нежданова... Маркелова онъ уже зналъ. Звали его Павломъ; онъ слылъ фактотумомъ Соломина.

Соломинъ подошелъ, не спѣша, къ обоимъ посѣтителямъ, давануль, молча, руку каждаго изъ нихъ своей мозолистой, костлявой рукой, вынулъ изъ стола запечатанный пакетъ и передалъ его, тоже молча, Павлу, который тотчасъ и вышелъ вонъ изъ комнаты. Потомъ онъ потянулся, крякнулъ; сбросивъ картузъ съ затылка долой однимъ взмахомъ руки, — присѣлъ на деревянный крашеный стульчикъ,—и, указавъ Маркелову и Нежданову на такой же диванъ, промолвилъ:—Прошу!

Маркеловъ сперва познакомилъ Соломина съ Неждановымъ; тотъ ему снова давануль руку. — Потомъ Маркеловъ началъ говорить о „дѣлѣ“, упомянулъ о письмѣ Василія Николаевича. Неждановъ подалъ это письмо Соломину. Пока онъ читалъ, внимательно и не торопясь, переводя глаза со строки на строку.—Неждановъ глядѣлъ на него. Соломинъ сидѣлъ близъ окна: уже низкое солнце

ярко освѣщало его загорѣлое, слегка вспотѣвшее лицо, его бѣлокурые, запыленные волосы, зажигая въ нихъ множество золотистыхъ точекъ. Его ноздри подрагивали и раздувались во время чтенія, и губы шевелились, какъ бы произнося каждое слово: онъ держалъ письмо крѣпко и высоко обѣими руками. Все это, Богъ вѣдаетъ почему, нравилось Нежданову. Соломинъ возвратилъ письмо Нежданову, улыбнулся ему, и опять принялся слушать Маркелова. Тотъ говорилъ, говорилъ—и умолкъ наконецъ.

— Знаете ли что́,—началъ Соломинъ, и голосъ его, немного сиплый, но молодой и сильный, тоже понравился Нежданову,—у меня здѣсь несовсѣмъ удобно: поѣдемте-ка къ вамъ—до васъ всего семь верстъ. Вѣдь вы въ тарантасѣ пріѣхали?

— Да.

— Ну.... мѣсто мнѣ будетъ. Черезъ часъ у меня работы кончаются, и я свободенъ. Мы и потолкуемъ. Вы тоже свободны?—обратился онъ къ Нежданову.

— До послѣ-завтра.

— И прекрасно. Мы вотъ заночуемъ у нихъ.—Можно будетъ, Сергѣй Михайлычъ?

— Что́ за вопросъ! Конечно, можно.

— Ну — я сейчасъ. Дайте только пообчиститься немного.

— А какъ у васъ по фабрикѣ?—значительно спросилъ Маркеловъ.

Соломинъ глянулъ въ сторону.

— Мы потолкуемъ.—промолвилъ онъ вторично.—Погодите-ка.... Я сейчасъ.... Я кое-что забылъ.

Онъ вышелъ. Если бы не хорошее впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Неждановa—тотъ бы, пожалуй, подумалъ, и даже, быть можетъ, спросилъ бы у Маркелова: „Ужъ не отлыниваетъ ли онъ?“ Но ему ничего подобнаго въ голову не пришло.

Часъ спустя, въ то время, когда изъ всѣхъ этажей громаднаго зданія по всѣмъ лѣстницамъ спускалась и во всѣ двери выливалась шумная фабричная толпа,—тарантасъ, въ которомъ сидѣли Маркеловъ, Нежлановъ и Соломинъ, выѣзжалъ изъ воротъ на дорогу.

— Василій Федотычъ! Дѣйствовать?—закричалъ Соломину напослѣдяхъ Павелъ, проводившій его до воротъ.

— Понридержи....—отвѣчалъ Соломинъ.—Это насчетъ одной ночной операціи. — пояснилъ онъ своимъ товарищамъ.

Пріѣхали они въ Борзёнково; поужинали—больше приличія ради,—а тамъ запылали сигары и начались разговоры, тѣ ночные, неутомимые русскіе разговоры, которые въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ видѣ едва ли свойственны другому какому народу. Впрочемъ, и тутъ Соломинъ не оправдалъ ожиданій Нежданова. Онъ говорилъ замѣчательно мало.... такъ мало, что почти, можно сказать, постоянно молчалъ; но слушалъ пристально, и если произносилъ, какое-либо сужденіе или замѣчаніе, то оно было и дѣльно, и вѣско, и очень коротко. Оказалось, что Соломинъ не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи; но, не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ—не издали, а сбоку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ — и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ—ибо былъ самъ изъ народа: но онъ понималъ невольное отсутствіе этого самаго народа, безъ котораго „ничего ты не подѣлаешь", и котораго долго готовить надо—да и не такъ и не тому, какъ *тѣ*. Вотъ онъ и держался въ сторонѣ, не какъ хитрецъ и вилыка, а какъ малый со смысломъ, который не хочетъ даромъ губить ни себя, ни другихъ. — А послушать.... отчего не послушать — и даже поучиться, если такъ придется. Соломинъ былъ единственный сынъ дьячка; у него было пять сестеръ—всѣ замужемъ за попами

и дьяконами; но онъ, съ согласія отца, стѣсненнаго и трезваго человѣка, бросилъ семинарію, сталъ заниматься математикой и особенно пристрастился къ механикѣ; попалъ на заводъ къ англичанину, который полюбилъ его какъ сына—и далъ ему средства съѣздить въ Манчестеръ, гдѣ онъ пробылъ два года и выучился англійскому языку. На фабрику московскаго купца онъ попалъ недавно, и хотя съ подчиненныхъ взыскивалъ—потому что въ Англіи на эти порядки насмотрѣлся,—но пользовался ихъ расположеніемъ: свой, дескать, человѣкъ! Отецъ былъ имъ очень доволенъ, называлъ его „обстоятельнымъ“ и только жалѣлъ о томъ, что сынъ жениться не желаетъ.

Въ теченіе ночного разговора у Маркелова, Соломинъ, какъ мы уже сказали, почти все молчалъ; но когда Маркеловъ принялся толковать о надеждахъ, возлагаемыхъ имъ на фабричныхъ, Соломинъ, по своему обыкновенію, лаконически замѣтилъ, что у насъ на Руси фабричные не то, что за границей—самый тихóня народъ.

— А мужики?—спросилъ Маркеловъ.

— Мужики? Кулаковъ межъ ними ужъ теперь завелось довольно, и съ каждымъ годомъ больше будетъ—а кулаки только свою выгоду знаютъ: остальные—овцы, темнота.

— Такъ гдѣ же искать?

Соломинъ улыбнулся.

— Ищите и обрящете.

Онъ почти постоянно улыбался—и улыбка его была тоже какая-то безхитростная—но не безотчетная, какъ и весь онъ. — Съ Неждановымъ онъ обходился особеннымъ образомъ: молодой студентъ возбуждалъ въ немъ участіе, почти нѣжность.

Въ теченіе того же ночного разговора, Неждановъ вдругъ разгорячился и пришелъ въ азартъ; Соломинъ тихонько всталъ и, перейдя своей развалистой походкой че-

резъ всю комнату, заперъ открывшееся за головой Нежданова окошко....

— Какъ бы вы не простудились,—добродушно промолвилъ онъ въ отвѣтъ на изумленный взглядъ оратора.

Неждановъ сталъ разспрашивать его о томъ, какія соціальныя идеи онъ пытается провести во ввѣренной ему фабрикѣ, и намѣренъ ли онъ устроить дѣло такъ, чтобы работники участвовали въ барышѣ?

— Душа моя!—отвѣчалъ Соломинъ—мы школу завели и больницу маленькую—да и то патронъ упирался какъ медвѣдь!

Разъ только Соломинъ разсердился не на шутку и такъ ударилъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, что все на немъ подпрыгнуло, не исключая пудовой гирьки, пріютившейся возлѣ чернильницы. Ему разсказали о какой-то несправедливости на судѣ, о притѣсненіи рабочей артели....

Когда же Неждановъ и Маркеловъ принимались говорить, какъ „приступить“, какъ привести планъ въ дѣйствіе, Соломинъ продолжалъ слушать съ любопытствомъ, даже съ уваженіемъ—но самъ уже не произносилъ ни слова. До четырехъ часовъ длилась эта ихъ бесѣда.—И о чемъ, о чемъ они не перетолковали! Маркеловъ, между прочимъ, таинственно намекнулъ на неутомимаго путешественника Кислякова, на его письма, которыя становятся все интереснѣе, да интереснѣе; онъ обѣщалъ показать Нежданову нѣкоторыя изъ нихъ и даже дать ему на-домъ, такъ какъ онѣ очень пространны и писаны не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ; да и сверхъ того въ нихъ много учености и даже стихи попадаются—но не какіе нибудь легкомысленные — а съ соціалистическимъ направленіемъ. — Отъ Кислякова Маркеловъ перешелъ къ солдатамъ, къ адъютантамъ, къ нѣмцамъ—договорился наконецъ до артиллерійскихъ статей; Неждановъ упомянулъ

объ антагонизмѣ Гейне и Бёрне, о Прудонѣ, о реализмѣ въ искусствѣ; а Соломинъ слушалъ, слушалъ, вникалъ, покуривалъ—и не переставая улыбаться, не сказавъ ни одного остроумнаго слова, казалось, лучше всѣхъ понималъ, въ чемъ состояла собственно вся суть.

Пробило четыре часа.... Неждановъ и Маркеловъ едва держались на ногахъ отъ усталости—а Соломинъ хоть бы въ одномъ глазѣ!—Пріятели разошлись: но прежде было сообща положено: на слѣдующій день отправиться въ городъ къ старовѣру купцу Голушкину, для пропаганды: самъ Голушкинъ былъ очень ретивъ—да и обѣщалъ прозелитовъ! Соломинъ высказалъ-было сомнѣніе: стóитъ ли посѣщать Голушкина? Однако потомъ согласился, что стóитъ.

XVII.

Гости Маркелова еще спали, когда къ нему явился посланецъ съ письмомъ отъ его сестры, г-жи Синягиной.—Въ этомъ письмѣ Валентина Михайловна говорила ему о какихъ-то хозяйственныхъ пустячкахъ, просила его прислать ей взятую имъ книгу—да кстати въ постъ-скриптумѣ сообщала ему „забавную" новость: его бывшая пассія, Маріанна, влюбилась въ учителя Неждановa—а учитель въ нее; и это она, Валентина Михайловна, не сплетни передаетъ—а видѣла все собственными глазами и слышала собственными ушами. Лицо Маркелова стало темнѣе ночи.... но онъ ни слова не промолвилъ; — велѣлъ отдать посланцу книгу—и, увидѣвши сошедшаго сверху Неждановa, обычнымъ образомъ съ нимъ поздоровался—даже передалъ ему обѣщанную пачку Кисляковскихъ посланій: — но не остался съ нимъ, а ушелъ „по хозяйству".—Неждановъ вернулся къ себѣ въ комнату и пробѣжалъ отданныя ему письма: молодой пропагандистъ въ

нихъ толковалъ постоянно о себѣ, о своей судорожной дѣятельности: по его словамъ, онъ въ послѣдній мѣсяцъ обскакалъ одиннадцать уѣздовъ, былъ въ девяти городахъ, двадцати-девяти селахъ, пятидесяти-трехъ деревняхъ, одномъ хуторѣ и восьми заводахъ: шестнадцать ночей провелъ въ сѣнныхъ сараяхъ, одну въ конюшнѣ, одну даже въ коровьемъ хлѣвѣ (тутъ онъ замѣтилъ въ скобкахъ съ *потребе*, что блоха его не береть); лазилъ по землянкамъ, по казармамъ рабочихъ, вездѣ поучалъ, наставлялъ, книжки раздавалъ и на-лету собиралъ свѣдѣнія: иныя записывалъ на мѣстѣ, другія заносилъ себѣ въ память, по новѣйшимъ пріемамъ мнемоники; написалъ четырнадцать большихъ писемъ, двадцать-восемь малыхъ и восемнадцать записокъ, изъ коихъ четыре карандашемъ, одну кровью, одну сажей, разведенной на водѣ); и все это онъ успѣвалъ сдѣлать, потому что научился систематически распредѣлять время, принимая въ руководство Квинтина Дюконсона, Сверлицкаго, Карреліуса и другихъ публицистовъ и статистиковъ.—Потомъ онъ говорилъ опять-таки о себѣ, о своей звѣздѣ, о томъ, какъ и въ чемъ именно онъ дополнилъ теорію страстей Фуріэ: увѣрялъ, что онъ первый отыскалъ наконецъ „почву“, что онъ „не пройдетъ надъ міромъ безо всякаго слѣда“ — что онъ самъ удивляется тому, какъ это онъ, двадцати-двухъ-лѣтній юноша, уже рѣшилъ всѣ вопросы жизни и науки—и что онъ перевернетъ Россію, даже „встряхнетъ“ ее!—Dixi!!—приписывалъ онъ въ строку.—Это слово: Dixi—попадалось часто у Кислякова и всегда съ двумя восклицательными знаками. Въ одномъ изъ писемъ находилось и соціалистическое стихотвореніе, обращенное къ одной дѣвушкѣ и начинавшееся словами:

Люби не меня—но идею!

Неждановъ внутренно подивился не столько самохвальству г-на Кислякова—сколько честному добродушію Мар-

келова.... но тутъ же подумалъ: „По-боку эстетику! и г-нъ Кисляковъ можетъ быть полезенъ“.—Къ чаю всѣ три пріятеля сошлись въ столовой: но вчерашнее словопреніе между ними не возобновилось.—Никому изъ нихъ не хотѣлось говорить—но одинъ Соломинъ молчалъ спокойно; и Неждановъ, и Маркеловъ казались внутренно взволнованными.

Послѣ чаю они отправились въ городъ; старый слуга Маркелова, сидя на рундучкѣ, сопровождалъ своего бывшаго барина обычнымъ унылымъ взоромъ.

Купецъ Голушкинъ, съ которымъ предстояло познакомиться Нежданову,—былъ сынъ разбогатѣвшаго торговца москательнымъ товаромъ—изъ старовѣровъ-осдосѣвцевъ. Самъ онъ не увеличилъ отцовскаго состоянія, ибо былъ, какъ говорится, жуиръ, эпикурецъ на русскій ладъ—и никакой въ торговыхъ дѣлахъ сообразительности не имѣлъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, довольно тучный и некрасивый, рябой, съ небольшими свиными глазками; говорилъ онъ очень посѣдшно и какъ-бы путаясь въ словахъ, размахивалъ руками, ногами сѣменилъ, похохатывалъ.... вообще производилъ впечатлѣніе парня дурковатаго, избалованнаго и крайне самолюбиваго. Самъ онъ почиталъ себя человѣкомъ образованнымъ, потому что одѣвался по-нѣмецки и жилъ хотя грязненько, да открыто, зналъся съ людьми богатыми—и въ театръ ѣздилъ, и протежировалъ каскадныхъ актрисъ, съ которыми изъяснялся на какомъ-то необычномъ, якобы французскомъ языкѣ. Жажда популярности была его главною страстью: гремимъ, молъ, Голушкинъ, по всему свѣту!—То Суворовъ или Потемкинъ—а то Кантонъ Голушкинъ! — Эта же самая страсть, побѣдившая въ немъ прирожденную скупость, бросила его, какъ онъ не безъ самодовольства выражался—въ оппозицію (прежде онъ говорилъ просто: „въ позицію“—но потомъ его научили)—свела его съ нигили-

стами: онъ высказывалъ самыя крайнія мнѣнія, трунилъ надъ собственнымъ старовѣрствомъ, ѣлъ въ постъ скоромное, игралъ въ карты—а шампанское пилъ какъ воду. И все сходило ему съ рукъ:—потому, говорилъ онъ—у меня всякое, гдѣ слѣдуетъ, начальство закуплено, всякая прорѣха занята, всѣ рты заткнуты, всѣ уши завѣшены.—Онъ былъ вдовъ, бездѣтенъ; сыновья его сестры съ подобострастнымъ трепетомъ вились около него.... но онъ обзывалъ ихъ непросвѣщенными олухами, варварами, и едва пускалъ ихъ къ себѣ на глаза.—Жилъ онъ въ большомъ, каменномъ, довольно неряшливо содержанномъ домѣ; въ иныхъ комнатахъ мебель была заграничная—а въ иныхъ ничего не было кромѣ крашенныхъ стульевъ да клеенчатаго дивана. Картины висѣли вездѣ—и вездѣ прескверныя: рыжіе ландшафты, лиловые морскіе виды — „Поцѣлуй“ Моллера, толстыя голыя женщины съ красными колѣнками или локтями. Хоть у Голушкина и не было семьи—но много разной челяди и приживальщиковъ ютилось подъ его кровлей: не изъ щедрости принималъ онъ ихъ, а опять таки изъ популярничанья—да чтобъ было надъ кѣмъ командовать и ломаться. „Мои кліенты“, говорилъ онъ, когда желалъ пыль пустить въ глаза: книгъ онъ не читалъ, а ученыя выраженія запоминалъ отлично.

Молодые люди застали Голушкина въ его кабинетѣ. Облеченный въ долгополое пальто, съ сигарой во рту, онъ притворялся, что читаетъ газету. При видѣ ихъ онъ тотчасъ вскочилъ, заметался, покраснѣлъ, закричалъ, чтобы скорѣй подавали закуску, что-то спросилъ, чему-то засмѣялся —и все это разомъ. Маркелова и Соломина онъ зналъ; Неждановъ былъ для него новое лицо. Услышавъ, что онъ студентъ, Голушкинъ опять засмѣялся, пожалъ ему вторично руку, и промолвилъ:

— Славно! славно! нашего полку прибыло.... Ученіе

свѣтъ, неученіе тьма—я самъ на мѣдные гроши ученъ, но понимаю, потому достигъ!

Нежданову показалось, что г-нь Голушкинъ робѣетъ и конфузится.... да оно дѣйствительно и было такъ. — „Смотри, братъ Каинтонъ! не ударь лицомъ въ грязь!“— было его первой мыслью при видѣ каждаго новаго лица. Онъ однако скоро оправился, и тѣмъ же торопливо-неделявымъ, спутанымъ языкомъ началъ говорить о Васильѣ Николаевичѣ, объ его характерѣ, о необходимости про....на....ганды—(онъ это слово хорошо зналъ, но выговаривалъ медленно); о томъ, что у него, Голушкина, открылся новый молодецъ, пренадежный; что, кажется, время теперь уже близко, назрѣло для.... для ланцета (при этомъ онъ глянулъ на Маркелова, который однако даже бровью не повелъ); — потомъ, обратясь къ Нежданову, онъ принялся расписывать самого себя, не хуже чѣмъ самъ великій корреспондентъ, Кисляковъ. Что онъ, молъ, изъ самодуровъ вышелъ давно, что онъ хорошо знаетъ права пролетаріевъ (и это слово онъ помнилъ твердо), что хотя онъ собственно торговлю бросилъ и занимается банковыми операціями — для наращенія капитала — но это только для того, чтобы капиталъ сей въ данную минуту могъ послужить—въ пользу.... въ пользу общему движенію, въ пользу—такъ сказать —народу; а что онъ, Голушкинъ, въ сущности презираетъ капиталъ! Тутъ вошелъ человѣкъ съ закуской, и Голушкинъ значительно крякнулъ и попросилъ, не угодно-ли пройтись по рюмочкѣ? —и самъ первый „хлопнулъ“ внушительную чарочку перцовки.

Гости принялись за закуску. Голушкинъ запихивалъ себѣ въ ротъ громадные куски паюсной икры и пилъ неправно, приговаривая:—Пожалуйте, господа, пожалуйте, хорошій маконичекъ! Снова обратившись къ Нежданову, онъ спросилъ его, откуда онъ прибылъ, надолго ли, и гдѣ обрѣтается: а узнавъ, что онъ живетъ у Синягина, воскликнулъ:

— Знаю я этого барина! Пустой! — И тутъ же началъ бранить всѣхъ землевладѣльцевъ с....ой губерніи, за то, что въ нихъ не только нѣтъ ничего гражданственнаго, но даже собственныхъ интересовъ они не чувствуютъ.... — Только—чудное дѣло!—самъ бранится,—а глаза бѣгаютъ, и видно въ нихъ безпокойство.—Неждановъ не могъ себѣ хорошенько отдать отчета, что̀ это за человѣкъ—и зачѣмъ онъ имъ нуженъ? Соломинъ, по обыкновенію, помалчивалъ; а Маркеловъ принялъ такой сумрачный видъ, что Неждановъ спросилъ его наконецъ: что̀ съ нимъ?— На что̀ Маркеловъ отвѣчалъ, что съ нимъ — ничего; но такимъ тономъ, какимъ обыкновенно отвѣчаютъ люди когда хотятъ дать понять, что есть-моль что-то, — да не про тебя.—Голушкинъ опять принялся сперва бранить кого-то, а потомъ хвалить молодежь: какіе, дескать, теперь умницы пошли! У-умницы! У!—Соломинъ перебилъ его вопросомъ: кто, моль, тотъ молодецъ надежный, о которомъ онъ говорилъ,—и гдѣ онъ его отыскалъ? Голушкинъ расхохотался, повторилъ раза два: а вотъ, увидите, увидите,—и началъ разспрашивать его объ его фабрикѣ, и объ ея „плутѣ“ владѣльцѣ, на что̀ Соломинъ отвѣчалъ весьма односложно. Тогда Голушкинъ налилъ всѣмъ шампанскаго—и наклонясь къ уху Нежданова, шепнулъ: — За республику! и выпилъ бокалъ залпомъ. Неждановъ пригубилъ. Соломинъ замѣтилъ, что онъ вина утромъ не пьетъ; Маркеловъ злобно и рѣшительно выпилъ свой бокалъ до дна. Казалось, нетерпѣнье грызло его: вотъ-моль, мы все прохлаждаемся—а къ настоящему разговору не приступаемъ.... Онъ ударилъ по столу, сурово промолвилъ:—Господа!—и собрался-было говорить....

Но въ это мгновенье вошелъ въ комнату прилизанный человѣкъ съ кувшиннымъ рыльцемъ и чахоточный на видъ, въ купеческомъ нанковомъ кафтанчикѣ, объ руки

на отлётъ. Поклонившись всей компаніи, человѣкъ доложилъ что-то вполголоса Голушкину.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣчалъ тотъ торопливо. — Господа, — прибавилъ онъ,—я долженъ спросить извиненія.... Мнѣ Вася вотъ, мой приказчикъ, одну таку „вещію“ сказалъ (Голушкинъ выразился такъ нарочно, шутки ради), что мнѣ безпремѣнно предстоитъ на время отлучиться; но надѣюсь, господа, что вы согласитесь у меня сегодня откушать—въ три часа: и гораздо тогда намъ будетъ свободнѣе!

Ни Соломинъ, ни Нежлановъ не знали, что́ отвѣтить; но Маркеловъ тотчасъ промолвилъ, съ той же суровостью на лицѣ и въ голосѣ:

— Конечно, будемъ; а то— что же это за комедія?

— Благодаримъ покорно,— подхватилъ Голушкинъ— и, нагнувшись къ Маркелову, присовокупилъ: — „Тѣщу“ рублевъ во всякомъ случаѣ на дѣло жертвую.... въ этомъ не сомнѣвайся!

И при этомъ онъ раза три двинулъ правою рукой съ оттопыреннымъ мизинцемъ и большимъ пальцемъ: „вѣрно, значитъ!“

Онъ проводилъ гостей до двери,—и, стоя на порогѣ, крикнулъ:

— Буду ждать въ три часа!

— Жди!—отвѣчалъ одинъ Маркеловъ.

— Господа! —промолвилъ Соломинъ,— какъ только всѣ трое очутились на улицѣ. —Я возьму извощика — и поѣду на фабрику. Что мы будемъ дѣлать до обѣда?—Бить баклуши? Да и купецъ нашъ.... Мнѣ кажется—отъ него, какъ отъ козла,—ни шерсти, ни молока.

— Ну, шерсть-то будетъ, — замѣтилъ угрюмо Маркеловъ. Онъ вотъ деньги обѣщаетъ. Или вы имъ брезгаете? Намъ во всё входить нельзя.—Мы—не разборчивыя невѣсты.

Стану я брезгать! спокойно проговорилъ Соломинъ. Я только себя спрашиваю, какую пользу мое присутствіе можетъ принести. А впрочемъ,—прибавилъ онъ, глянувъ на Нежданова и улыбнувшись:—извольте; останусь. На людяхъ и смерть красна.

Маркеловъ поднялъ голову.

— Пойдемъ, пока, въ городской садъ;—погода хорошая. На людей посмотримъ.

— Пойдемъ.

Они пошли—Маркеловъ и Соломинъ впереди, Неждановъ за ними.

XVIII.

Странное было состояніе его души. Въ послѣдніе два дня сколько новыхъ ощущеній, новыхъ лицъ.... Онъ въ первый разъ въ жизни сошелся съ дѣвушкой, которую — по всей вѣроятности—полюбилъ; онъ присутствовалъ при начинаніяхъ дѣла, которому—по всей вѣроятности—посвятилъ всѣ свои силы.... И что же? —радовался онъ?— Нѣтъ.—Колебался онъ? трусилъ? смущался?—О, конечно, нѣтъ. Такъ чувствовалъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, то напряженіе всего существа, то стремленіе впередъ, въ первые ряды бойцовъ, которое вызывается близостью борьбы?—Тоже нѣтъ. Да вѣритъ ли онъ, наконецъ, въ это дѣло? Вѣритъ ли онъ въ свою любовь?—О, эстетикъ проклятый! Скептикъ! беззвучно шептали его губы.—Отчего эта усталость, это нежеланіе даже говорить, какъ только онъ не кричитъ и не бѣснуется?—Какой внутренній голосъ желаетъ онъ заглушить въ себѣ этимъ крикомъ? Но Маріанна, этотъ славный, вѣрный товарищъ, эта чистая, страстная душа, эта чудесная дѣвушка, развѣ она его не любитъ? Не великое развѣ это счастье, что онъ встрѣтился съ нею, что онъ заслужилъ ея дружбу, ея любовь? И эти

два существа, которыя теперь идутъ передъ нимъ. Этотъ Маркеловъ, этотъ Соломинъ, котораго онъ знаетъ еще мало, но къ которому чувствуетъ такое влеченіе—развѣ они не отличные образцики русской сути, русской жизни — и знакомство, близость съ ними не есть ли также счастье?—Такъ отчего же это неопредѣленное, смутное, ноющее чувство? Къ чему, зачѣмъ эта грусть?—Коли ты рефлектёръ и меланхоликъ,—снова шептали его губы—какой же ты къ чорту революціонеръ? Ты нини стишки, да кисни, да возись съ собственными мыслишками и ощущеньицами—да копайся въ разныхъ психологическихъ соображеньицахъ и тонкостяхъ,—а, главное, не принимай твоихъ болѣзненныхъ, нервическихъ раздраженій и капризовъ за мужественное негодованіе, за честную злобу убѣжденнаго человѣка! — О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выдти изъ твоей тѣни? Какъ перестать подражать тебѣ во всемъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?

— Алексѣй! Другъ! россійскій Гамлетъ! — раздался вдругъ, какъ-бы въ отзвучіе всѣмъ этимъ размышленіямъ, знакомый, писклявый голосъ.—Тебя ли я вижу?!

Неждановъ поднялъ глаза—и съ изумленіемъ увидѣлъ передъ собою Наклина!—Наклина въ образѣ пастушка, облеченнаго въ лѣтнюю одежду бланжеваго цвѣту, безъ галстука на шеѣ, въ большой соломенной шляпѣ, обвязанной голубой лентой и надвинутой на самый затылокъ—и въ лаковыхъ башмачкахъ!

Онъ тотчасъ подковылялъ къ Нежданову и ухватился за его руки.

— Вопервыхъ,—началъ онъ,—хотя мы въ публичномъ саду, надо, по старинному обычаю; обняться.... и поцѣловаться.... Разъ! два! три! — Вовторыхъ, ты знай, что если бы я тебя не встрѣтилъ сегодня, ты бы навѣрное завтра улицезрѣлъ меня,—ибо мнѣ извѣстно твое мѣсто-

пребываніе, и я даже нарочно прибылъ въ сей городъ.... какимъ манеромъ—объ этомъ послѣ; втретьихъ, познакомь меня съ твоими товарищами. Скажи мнѣ вкратцѣ, кто они, а имъ—кто я, и будемъ наслаждаться жизнью!

Неждановъ исполнилъ желаніе своего друга, назвалъ его, Маркелова, Соломина—и сказалъ о каждомъ изъ нихъ, кто онъ такой, гдѣ живетъ, что́ дѣлаетъ и т. п.

— Прекрасно! воскликнулъ Наклинъ;—а теперь позвольте мнѣ отвести васъ всѣхъ вдаль отъ толпы, которой, впрочемъ, нѣтъ,—на уединенную скамейку, сидя на которой я, въ часы мечтаній, наслаждаюсь природой—Удивительный тамъ видъ: губернаторскій домъ, двѣ полосатыхъ будки, три жандарма и ни одной собаки!—Не удивляйтесь, однако, слишкомъ моимъ рѣчамъ, которыми я столь тщетно стараюсь разсмѣшить васъ!—Я, по мнѣнію моихъ друзей, представляю русское остроуміе.... оттого-то, вѣроятно, я и хромаю.

Наклинъ повелъ пріятелей къ „уединенной скамейкѣ“, и усадилъ ихъ на ней, предварительно согнавъ съ нея двухъ салопницъ. Молодые люди „обмѣнялись мыслями....“ занятіе бо́льшей частью довольно скучное—особенно, на первыхъ порахъ—и необыкновенно безплодное.

— Стой!—воскликнулъ вдругъ Наклинъ, обернувшись къ Неждапову,—надо тебѣ объяснить, почему я здѣсь. Ты знаешь, я свою сестру каждое лѣто увожу куда-нибудь; когда я узналъ, что ты отправляешься въ сосѣдство здѣшняго города,—я и вспомнилъ, что въ самомъ этомъ городѣ живутъ два удивительнѣйшихъ субъекта: мужъ и жена, которые намъ доводятся съ-родни.... по матери. Мой отецъ былъ мѣщанинъ—(Неждановъ это зналъ, но Наклинъ сказалъ это *для тѣхъ двухъ*)—а она дворянка. И давнымъ давно они насъ къ себѣ зазываютъ!—Стой! думаю я.... Это мнѣ на руку. Люди они добрѣйшіе, сестрѣ у нихъ будетъ—лафа; чего же больше? Вотъ, мы и прикатили. И

ужъ точно! Такъ намъ здѣсь хорошо.... сказать нельзя!— Но что́ за субъекты! Что за субъекты!—Вамъ непремѣнно надо съ ними познакомиться! Что вы здѣсь дѣлаете? Гдѣ вы обѣдаете? И зачѣмъ вы собственно сюда пріѣхали?

— Мы обѣдаемъ сегодня у одного Голушкина.... Здѣсь есть такой купецъ,—отвѣчалъ Нежлановъ.

— Въ которомъ часу?

— Въ три часа.

— И вы видитесь съ нимъ на счетъ.... на счетъ....— Наклинъ обвелъ взоромъ Соломина, который улыбался, и Маркелова, который все темнѣлъ да темнѣлъ....

— Да ты имъ, Алеша, скажи.... сдѣлай какой-нибудь фармазонскій знакъ, право.... скажи, что со мной вѣдь чиниться нечего.... Вѣдь я вашъ.... вашего общества....

— Голушкинъ тоже нашъ,—замѣтилъ Нежлановъ.

— Ну, вотъ и чудесно!— До трехъ часовъ еще времени много. —Послушайтесь меня—пойдемте къ моимъ родственникамъ!

— Да ты съ ума сошелъ! Какъ же можно такъ....

— Объ этомъ ты не безпокойся! ужъ это я на себя беру.—Представь: оазисъ! Ни политика, ни литература, ни что́ современное туда и не заглядываетъ. — Домикъ какой-то пузатенькій, какихъ теперь и не видать нигдѣ; запахъ въ немъ—антикъ; люди—антикъ; воздухъ—антикъ.... за что́ ни возьмись—антикъ, Екатерина Вторая, пудра, фижмы, XVIII-й вѣкъ! — Хозяева.... представь: мужъ и жена, оба старенькіе-престаренькіе, одинолѣтки— и безъ морщинъ: кругленькіе, пухленькіе, опрятненькіе, настоящіе попугайчики-перикликки: а добры до глупости, до святости, безконечно! Мнѣ скажутъ: „безконечная“ доброта часто бываетъ сопряжена съ отсутствіемъ нравственнаго чувства.... Но я въ эти тонкости не вхожу и знаю только, что мои старички—добрячки! И дѣтей никогда не имѣли. Блаженные! Ихъ такъ въ городѣ блаженными и

зовутъ. Одѣты оба одинаково, въ какіе-то полосатые капоты—и матерія такая добротная: такой тоже теперь нигдѣ не сыщешь.—Похожи другъ на друга ужасно—только вотъ что у одной на головѣ чепецъ, а у другого колпакъ—и съ такими же рюшами какъ на чепцѣ, только безъ банта. Не будь этого банта—такъ и не узнаешь: кто—кто́; къ тому-жъ и мужъ-то безбородый. И зовутъ ихъ: одного—Оомушка, а другую—Онмушка.—И тебѣ говорю—деньги слѣдовало бы платить, чтобъ только посмотрѣть на нихъ. Любятъ другъ друга до невозможности: а посѣтитъ ихъ кто—милости просимъ!—И такіе податливые: сейчасъ всѣ свои штучки покажутъ. Только одно: курить у нихъ нельзя: не то́, чтобы они были раскольники—но ужъ очень имъ табакъ мерзитъ.... Да вѣдь въ ихъ времена кто же и курилъ?—За то и канареекъ они не держатъ—потому что птица эта тоже мало была тогда распространена.... И это великое счастіе—согласитесь!—Ну, что-жъ? идете вы?

— Я, право же, не знаю,—началъ Неждановъ.

— Стой: я еще не все сообщилъ. — Голоса у нихъ одинаковые: закрой глаза, такъ и не знаешь, кто́ говоритъ. Только у Оомушки рѣчь какъ будто почувствительнѣй.—Вотъ вы, господа, собираетесь теперь на великое дѣло,—быть можетъ, на страшную борьбу... Что́ бы вамъ прежде чѣмъ броситься въ эти бурныя волны—окунуться....

— Въ стоячую воду?—перебилъ Маркеловъ.

— А хоть бы и такъ?—Стоячая она, точно; только не гнилая.—Такіе есть стенные прудки; они хоть и не проточные, а никогда не зацвѣтаютъ, потому что на днѣ у нихъ есть ключи.—И у монахъ старичковъ есть ключи—тамъ, на днѣ сердца, чистые-пречистые.—Ужъ одно то: хотите вы узнать, какъ жили сто, полтораста лѣтъ тому назадъ?—такъ сѣшите, идите за мною. А то придетъ вдругъ день и часъ—одинъ и тотъ же часъ непремѣнно

для обоихъ—и свалятся мои периклитки со своихъ жердочекъ—и всякій антикъ тотчасъ съ ними прекратится—и пузатенькій домъ пропадетъ—и выростетъ на его мѣстѣ то, что́, по словамъ моей бабушки, всегда выростаетъ на мѣстѣ, гдѣ была „человѣчина"—а именно: крапива, репейникъ, осотъ, полынь и конскій щавель; самой улицы не будетъ—и придутъ люди, и ничего уже больше такого не найдутъ во вѣки вѣковъ!...

— А что́?—воскликнулъ Неждановъ:—и впрямь пойти!

— Я съ великимъ даже удовольствіемъ готовъ,—промолвилъ Соломинъ;—не по моей это части—а все-таки любопытно;—и коли г. Паклинъ точно можетъ поручиться, что мы своимъ приходомъ никого не обезпокоимъ, то.... почему же....

— Да ужъ не сомнѣвайтесь! — воскликнулъ въ свою очередь Паклинъ:—восторгъ произведете—и больше ничего. Какія тутъ церемоніи! Говорятъ вамъ: они—блаженные, мы ихъ пѣть заставимъ.—А вы, г. Маркеловъ, согласны?

Маркеловъ сердито повелъ плечами.

— Не оставаться же мнѣ тутъ одному!—Извольте вести.—Молодые люди поднялись со скамейки.

— Какой это у тебя баринъ грозный,—шепнулъ Паклинъ Нежданову, указывая на Маркелова:—ни дать ни взять Іоаннъ Предтеча, наѣвшійся акридъ.... однѣхъ акридъ, безъ меда!—А тотъ,—прибавилъ онъ, кивнувъ головой на Соломина,—чудесный! Какъ это онъ славно улыбается!—Я замѣтилъ, такъ улыбаются только такіе люди, которые выше другихъ—а сами этого не знаютъ.

— Развѣ бываютъ такіе люди?—спросилъ Неждановъ.

— Рѣдко; но бываютъ,—отвѣчалъ Паклинъ.

XIX.

Ломушка и Онмушка,—Ѳома Лаврентьевичъ и Евпомія Павловна Субочевы—принадлежали оба къ одному и тому же коренному русскому дворянскому роду—и считались чуть ли не самыми старинными обитателями города С*.—Они вступили въ бракъ очень рано—и очень давно тому назадъ поселились въ дѣдовскомъ деревянномъ домѣ на краю города — никогда оттуда не выѣзжали — и ни въ чемъ никогда не измѣнили ни своего образа жизни, ни своихъ привычекъ. Время, казалось, остановилось для нихъ; никакое „новшество“ не проникало за границу ихъ „оазиса“. Состояніе у нихъ было не большое; но мужички ихъ по прежнему привозили имъ по нѣскольку разъ въ годъ домашнюю живность и провизію; староста въ указанный срокъ являлся съ оброчными деньгами и парой рябчиковъ, будто бы застрѣленныхъ въ господскихъ лѣсныхъ, въ дѣйствительности давно исчезнувшихъ, дачахъ; его поили чаемъ на порогѣ гостиной, дарили ему баранью шапку, пару зеленыхъ замшевыхъ рукавицъ—и отпускали съ Богомъ.—Дворовые люди по-прежнему наполняли Субочевскій домъ. Старый слуга Калліопычъ, облеченный въ камзолъ изъ необычайно-толстаго сукна съ стоячимъ воротникомъ и маленькими стальными пуговицами, по прежнему докладывалъ на-расѣвъ, что „кушанье на столѣ“, и засыпалъ, стоя за кресломъ барыни. Буфетъ былъ у него на рукахъ;—онъ завѣдывалъ „разной бакаліей, кардамонами и лимонами“,—а на вопросъ: не слыхалъ ли онъ, что для всѣхъ крѣпостныхъ вышла воля,—всякій разъ отвѣчалъ, что мало ли кто какія мелетъ враки; это, молъ, у турковъ бываетъ воля—а его, слава Богу, она миновала. Дѣвка Пуфка, изъ карлицъ, держалась для развлеченія, а старая няня Васильевна во время обѣда входила съ большимъ темнымъ платкомъ на головѣ—и раз-

сказывала шамкавшимъ голосомъ про всякія новости: — про Наполеона, двѣнадцатый годъ, про антихриста и бѣлыхъ арановъ;—а не то, подперши рукою подбородокъ, словно горюя, сообщала, какой она видѣла сонъ и что онъ означалъ,—и что у ней на картахъ вышло. Самый домъ Субочевыхъ отличался ото всѣхъ другихъ домовъ въ городѣ: онъ былъ весь построенъ изъ дуба, и окна имѣли въ видѣ равносторонних четырехъ-угольниковъ; двойныя рамы никогда не вынимались! И были въ немъ всевозможныя сѣницы и горенки, и свѣтлицы и хоромники, и рундучки съ перильцами, и голубцы на точёныхъ столбикахъ, и всякіе задніе переходцы и камо́рки. Спереди находился палисадникъ—а сзади садъ; а въ саду—что клѣтушекъ, нужекъ, амбарчиковъ, погребковъ, ледничковъ... — какъ есть гнѣздо! И не то, чтобы во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ сохранилось много добра—иныя уже и завалились;—да заведено все это было изстари—ну, и держалось. Лошадей у Субочевыхъ было только двѣ, древнія, сѣдлистыя, косматыя: по одной отъ старости даже бѣлыя пятна выступили; звали ее Недвигой. Закладывались онѣ—много-много разъ въ мѣсяцъ—въ необычайный, всему городу извѣстный экипажъ, представлявшій подобіе земного глобуса съ вырѣзанной спереди четвертою частью и обитый снутри заграничной желтой матеріей, сплошь усѣянной крупными пупырушками въ видѣ бородавокъ. Послѣдній аршинъ этой матеріи былъ вытканъ въ Утрехтѣ илиЛіонѣ еще во времена императрицы Елизаветы! И кучеръ у Субочевыхъ былъ чрезвычайно древній, пропитанный запахомъ ворвани и дегтя старикъ; борода начиналась у него близъ самыхъ глазъ—а брови падали маленькимъ каскадомъ на бороду. Онъ до того былъ медлителенъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, что употреблялъ цѣлыхъ пять минутъ на понюшку табаку, двѣ минуты на то, чтобы заткнуть кнутъ за поясъ, и два часа сплошь на то́, чтобы зало-

жить одну Недвигу. А звали его Перфишкой. Если Субочевымъ случалось выѣхать и экипажу приходилось хоть чуточку подниматься въ-гору—то они непремѣнно пугались — (спускаясь съ-горы, они, впрочемъ, тоже пугались) — цѣплялись за каретные ремни и твердили оба вслухъ: „Конямъ—конямъ.... сила Самуила:—а мы—а мы, легче пуха, легче духа!!...“ Субочевыхъ всѣ въ городѣ С* считали за чудаковъ, чуть не за сумасшедшихъ:—да они и сами сознавали, что не подходятъ къ настоящимъ порядкамъ.... но не больно объ этомъ печалились: въ какомъ быту родились они, выросли и сочетались бракомъ—въ томъ и остались. Одна только особенность того быта къ нимъ не пристала: отъ-роду они никогда никого не наказали, не взыскали ни съ кого. Коли слуга у нихъ оказывался отъявленнымъ пьяницей или воромъ—они сперва долго терпѣли и переносили—вотъ какъ переносятъ дурную погоду; а наконецъ старались отдѣлаться отъ него, спустить его другимъ господамъ: пускай же, дескать, и тѣ помаются маленько! Только эта бѣда случалась съ ними рѣдко,—до того рѣдко, что становилась въ ихъ жизни эпохой—и они говаривали, напримѣръ: „Этому очень давно; это приключилось тогда, когда у насъ проживалъ Алдошка озорникъ“; или „когда у насъ украли мѣховую дѣдушкину шапку съ лисьимъ хвостомъ....“ У Субочевыхъ еще водились такія шапки.—Другая, впрочемъ, отличительная черта стариннаго быта въ нихъ также не замѣчалась: ни Онмушка, ни Оомушка не были слишкомъ религіозными людьми. Оомушка такъ даже придерживался Вольтеріанскихъ правилъ: а Онмушка смертельно боялась духовныхъ лицъ; у нихъ, по ея примѣтамъ, глазъ былъ дурной. „Попъ у меня посидитъ, говаривала она: — глядь! анъ сливки-то и скислись“. — Въ церковь они выѣзжали рѣдко — и постились по-католически, т.-е. употребляли яйца, масло и молоко. Въ городѣ это знали—и,

конечно, это не поправляло ихъ репутаціи. Но доброта ихъ все побѣждала; и надъ чудаками Субочевыми хоть и смѣялись, хоть и считали ихъ юродивыми и блаженными—а все-таки, въ сущности, уважали ихъ.

Да; ихъ уважали.... но ѣздить къ нимъ никто не ѣздилъ. Впрочемъ, они объ этомъ также не тужили. Вмѣстѣ они никогда не скучали—а потому не разлучались никогда, и никакого другого общества не желали. Ни Омушка, ни Онмушка ни-разу не болѣли; а если съ однимъ изъ нихъ и приключалась какая легкая немощь—то они *оба* пили настой липоваго цвѣту, натирались теплымъ масломъ по поясницѣ—или капали горячимъ саломъ на подошвы—и въ скорости все проходило.—День они проводили всегда одинаково. Вставали поздно, кушали утромъ шоколадъ изъ кронечныхъ чашекъ въ видѣ ступокъ; „чай—увѣряли они—ужъ послѣ насъ въ моду-то вошелъ"; —садились другъ передъ другомъ—и либо бесѣдовали—(и всегда находили о чемъ!)—либо читали изъ „*Пріятнаго препровожденія времени*", „*Зеркала Свѣта*", или „*Іоиноъ*"; либо просматривали старенькій альбомъ, переплетенный въ красный сафьянъ съ золотою каёмкой, принадлежавшій нѣкогда, какъ гласила надпись, одной M-me Barbe de Kabyline.—Какъ и когда попалъ этотъ альбомъ къ нимъ въ руки—они сами не знали. Въ немъ находилось нѣсколько французскихъ и много русскихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго „краткаго" размышленія о „Цицеронѣ":

„Въ каковомъ расположеніи Цицеронъ вступилъ въ чинъ квестора, объявляетъ онъ слѣдующее. Засвидѣтельствовавши богами чистосердіе своихъ чувственностей во всѣхъ чинахъ, коими дотолѣ почтенъ былъ, мнилъ себя обязана самыми священными узами къ достойному оныхъ исполненію и въ семъ намѣреніи не попускался онъ, Цицеронъ, не токмо въ сладости законопреступныя, но и

убѣгать отъ таковыхъ увеселеній, кои кажутся быть всеконечно необходимы“.—Внизу стояло: Записано въ Сибири, въ глядѣ и хладѣ“. Хорошо было также стихотвореніе, озаглавленное: „Тирсисъ“, гдѣ встрѣчались такія строфы:

Покой вселенной управляетъ,
Роса съ пріятностью блеститъ,
Природу нѣжитъ, прохлаждаетъ,
Ей нову жизнь собой дарить!

Одинъ Тирсисъ съ душой уныдой
Страдаетъ, мучится, груститъ...
Когда съ нимъ нѣтъ Анеты милой—
Его ничто не веселитъ!

—и экспромтъ проѣзжаго капитана въ 1790 году, „Маія въ шестый день“:

Никогда я не забуду!
Тебя, любезное село!
И вѣчно помнить буду!
Пріятно время какъ текло!
Которое имѣлъ я честь!

У владѣлицы твоей!
Пять лучшихъ въ жизни дней!
Въ почтеннѣйшемъ кругу провесть!
Среди множества дамъ и дѣвицъ,
И прочихъ *ин*тереснихъ лицъ!

На послѣдней страницѣ альбома стояло—вмѣсто стиховъ—рецепты отъ желудка, спазмовъ — и увы!—даже отъ глистовъ. Субочевы обѣдали ровно въ двѣнадцать часовъ, и ѣли все старинныя кушанья: сырники, пигусы, соляпки, разсольники, саламаты, кокурки, кисели, взвары, верченую курятину съ шафраномъ, аладьи съ мёдомъ; послѣ обѣда отдыхали—часикъ, не больше,—просыпались, опять садились другъ передъ другомъ и пили брусничную водицу, а иногда и шипучку, прозванную „сорокоумомъ“, которая, однако, почти всякій разъ выдетала

вся вонъ изъ бутылки и причиняла много смѣху господамъ — а Калліонычу много досады: надо было подтирать „всюду“—и онъ долго ворчалъ на ключницу и на повара, которые будто бы выдумали этотъ напитокъ.... „И какое въ немъ удовольствіе? Только *небель* портитъ!“—Потомъ супруги Субочевы опять что-нибудь читали или пересмѣивались съ карлицей Пуфкой, или пѣли вдвоемъ старинные романсы (голоса у нихъ были совершенно одинакіе, высокіе, слабые, нѣсколько дрожащіе и хриплые — особенно послѣ сна — но не лишенные пріятности — или наконецъ играли въ карты, но тоже всё въ старинныя игры: въ кребсъ, въ ламушъ или даже въ бостонъ сампрандеръ! Потомъ появлялся самоваръ; по вечерамъ они пили чай... *Эту* уступку духу времени они сдѣлали; однако всякій разъ находили, что это баловство —и что народъ отъ „оной китайской травки“ становится нарочито слабѣе. —Вообще же они удерживались отъ порицаній новаго времени и отъ восхваленій стараго: иначе они отроду не живали, но что другіе люди могли жить другимъ манеромъ—и даже лучше—это они допускали; лишь бы ихъ не заставляли мѣняться! —Часамъ къ восьми Калліонычъ подавалъ ужинъ съ неизбѣжной окрошкой, а въ девять часовъ полосатые высокіе пуховики уже принимали въ свои рыхлыя объятія утучненныя тѣла Оомушки и Оимушки, и безмятежный сонъ не медлилъ спуститься на ихъ вѣжды. —И все утихало въ старенькомъ домѣ: лампадка теплилась, пахло выхухолью, мелиссой, сверчокъ трюкалъ—и спала добрая, смѣшная, невинная чета.

Вотъ къ этимъ-то юродивымъ или, какъ онъ выражался, периклиткамъ, пріютившимъ его сестру,—и привелъ Паклинъ своихъ знакомыхъ.

Сестра его была дѣвушка умная и недурная лицомъ—глаза у ней были удивительные; но несчастный ея горбъ сокрушалъ ее, отнималъ всякую самонадѣянность и весе-

лость, сдѣлать ее недовѣрчивой, и чуть не злою. И имя ей пожалось премудреное: Спандулія! — Наклинъ хотѣлъ было перекрестить ее въ Софію; но она упорно держалась своего страннаго имени, говоря, что горбатой такъ и слѣдуетъ называться Спандуліей. Она была хорошая музыкантша и порядочно играла на фортепіано —„по милости моихъ длинныхъ пальцевъ“,—замѣчала она, не безъ горечи: „у горбатыхъ они всегда такіе бываютъ“.

Гости застали Осмушку и Онмушку въ самую ту минуту, когда они просыпались отъ послѣ-обѣденнаго сна и или водицу.

— Вступаемъ въ XVIII-й вѣкъ! — воскликнулъ Наклинъ, какъ только переступилъ порогъ Субочевскаго дома.

И дѣйствительно: XVIII-й вѣкъ встрѣтилъ гостей уже въ передней, въ видѣ низенькихъ, спиненькихъ ширмочекъ, оклеенныхъ вырѣзанными черными силуэтками напудренныхъ дамъ и кавалеровъ. Съ легкой руки Лафатера силуэтки были въ большой модѣ въ Россіи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Внезапное появленіе такого большого числа посѣтителей—цѣлыхъ четыре!—произвело волненіе въ рѣдко-посѣщаемомъ домѣ. Послышался топотъ обутыхъ и босыхъ ногъ, нѣсколько женскихъ лицъ мгновенно высунулось и исчезло — кого-то гдѣ-то пришерли, кто-то охнулъ, кто-то фыркнулъ, кто-то судорожно прошепталъ: — Ну васъ!

Наконецъ появился Каліопычъ въ своемъ паршавомъ камзолѣ — и, растворивъ дверь въ „залю“, громогласно воскликнулъ:

— Государь, эта будетъ Сила Самсоныч съ другими господами!

Хозяева гораздо меньше перетревожились, чѣмъ ихъ прислуга. Вторженіе четырехъ взрослыхъ мужчинъ въ ихъ, довольно впрочемъ просторную, гостиную—нѣсколько, правда, изумило ихъ;—но Наклинъ немедленно ихъ

успокоить, представивъ имъ поочередно, съ разными прибаутками Нежданова, Соломина и Маркелова — какъ людей смирныхъ и не „коронныхъ“.

Омушка и Онмушка особенно не жаловали коронныхъ, т. е. чиновныхъ людей.

Появившаяся на призывъ брата, Спандулія гораздо больше волновалась и чинилась, чѣмъ старички Субочевы. Они попросили — оба вмѣстѣ — и въ одинхъ и тѣхъ же выраженіяхъ гостей сѣсть и пожелали узнать, чѣмъ ихъ подчивать: чаемъ, шоколадомъ или нашучей водицей съ вареньемъ? Когда же узнали, что гостямъ ничего не требуется, такъ какъ они незадолго передъ тѣмъ завтракали у купца Голушкина и скоро будутъ тамъ обѣдать — то перестали угощать ихъ — и, сложивъ одинаковымъ образомъ ручки на брюшкѣ, приступили къ бесѣдѣ.

Сперва она шла немного вяло — но скоро оживилась. — Наклинъ, чрезвычайно разсмѣшилъ старичковъ извѣстнымъ Гоголевскимъ анекдотомъ о городничемъ, проникнувшемъ въ набитую биткомъ церковь — и о пирогѣ, который оказался тѣмъ же городничимъ; хохотали они до слезъ. Смѣялись они тоже одинаковымъ образомъ: очень визгливо, кончая кашлемъ и краснотой да испариной по всему лицу. Наклинъ вообще замѣтилъ, что на людей въ родѣ Субочевыхъ цитаты изъ Гоголя дѣйствуютъ весьма сильно и какъ-то порывисто; но такъ какъ ему не столько хотѣлось ихъ потѣшать самихъ, сколько показать ихъ своимъ знакомымъ, то онъ перемѣнилъ баттареи и повелъ дѣло такъ, что старички вскорѣ совсѣмъ раскуражились. Омушка досталъ и показалъ гостямъ свою любимую деревянную рѣзную табакерку, на которой когда-то можно было счесть тридцать-шесть человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ: всѣ онѣ давно стёрлись — но Омушка ихъ видѣлъ, видѣлъ до сихъ поръ, и перечесть ихъ могъ, и указывалъ на нихъ. — „Смотрите — говорилъ онъ — вонъ

одинъ изъ окошка глядитъ — смотрите: онъ голову высунулъ....“ А то мѣсто, на которое указывалъ его пухленькій палецъ съ приподнятымъ ноготкомъ—такъ же было гладко, какъ и вся остальная крыша табакерки. Потомъ онъ обратилъ вниманіе посѣтителей на висѣвшую надъ его головой картину, писанную масляными красками: она изображала охотника въ профиль, скачущаго во весь духъ на буланой лошади—тоже въ профиль —по снѣжной равнинѣ. На охотникѣ была высокая бѣлая баранья шапка съ голубымъ языкомъ, черкеска изъ верблюжьей шерсти съ бархатной оторочкой, перетянутая кованымъ золоченымъ поясомъ; расшитая шелкомъ рукавица была заткнута за тотъ поясъ; кинжалъ въ серебряной оправѣ съ чернью висѣлъ на немъ. Въ одной рукѣ охотникъ, на видъ очень молодцавый и полный, держалъ огромный рогъ, украшенный красными кистями —а въ другой—поводья и нагайку; всѣ четыре ноги у лошади висѣли на воздухѣ;—и на каждой изъ нихъ живописецъ тщательно изобразилъ подкову, обозначивъ даже гвозди. „И замѣтьте“, промолвилъ Осмушка, указывая тѣмъ же пухленькимъ пальцемъ на четыре полукруглыхъ пятна, выведенныхъ на бѣломъ фонѣ позади лошадиныхъ ногъ —„слѣды на снѣгу —и тѣ представилъ!“—Почему этихъ слѣдовъ было всего четыре—а дальше позади не было видно ни одного—объ этомъ Осмушка умалчивалъ.

— А вѣдь это — я! прибавилъ онъ, погодя немного, съ стыдливой улыбкой.

— Какъ?—воскликнулъ Неждановъ.—Вы были охотникомъ?

— Былъ.... да недолго. Разъ, на всемъ скаку, черезъ голову лошади покатился, да курней себѣ зашибъ. Ну, Осмушка испугалась.... ну,—и запретила мнѣ. Я съ тѣхъ поръ и бросилъ.

— Что́ вы зашибли? —спросилъ Неждановъ.

— Куней,—повторилъ Оомушка, понизивъ голосъ.

Гости молча переглянулись. Никто не зналъ, что́ такое куней,—то-есть Маркеловъ зналъ, что куземъ зовется мохнатая кисть на казачьей или черкесской шапкѣ; да не могъ же *это* зашибить себѣ Оомушка! А спросить его, что́ именно онъ понималъ подъ словомъ куней—никто такъ и не рѣшился.

— Ну, ужъ коли ты такъ расхвастался, — заговорила вдругъ Оомушка,—такъ похвастаюсь и я.

Изъ крохотнаго „бонёрдюкура“,—такъ называлось старинное бюро́ на маленькихъ кривыхъ ножкахъ съ подъёмной круглой крышей, которая входила въ спинку бюро́,—она достала миніатюрную акварель въ бронзовой овальной рамкѣ, представлявшую совершенно голенькаго, четырехлѣтняго младенца съ колчаномъ за плечами и голубой ленточкой черезъ грудку, пробующаго кончикомъ пальчика остріе стрѣлы. Младенецъ былъ очень курчавъ, немного кось и улыбался. Оомушка показала акварель гостямъ.

— Это была—я... —промолвила она.

— Вы?

— Да, я. Въ юности. Къ моему батюшкѣ покойному ходилъ живописецъ-французъ, отличный живописецъ!— Такъ вотъ, онъ меня написалъ ко дню батюшкиныхъ именинъ. И какой хорошій былъ французъ! Онъ и послѣ къ намъ ѣзжалъ.—Войдетъ, бывало—шаркнетъ ножкой, потомъ дрыгнетъ ею, дрыгнетъ, и ручку тебѣ поцѣлуетъ, а уходя—свои собственные пальчики поцѣлуетъ,—ей-ей!— И направо-то онъ поклонится — и налѣво, и назадъ — и впередъ! Очень хорошій былъ французъ!

Гости похвалили его работу; Наклинъ даже нашелъ, что есть еще какое-то сходство.

А тутъ Оомушка началъ говорить о теперешнихъ французахъ и выразилъ мнѣніе, что они, должно быть, всѣ презлые стали! —Почему же это такъ, Ома Лаврентьевичъ?—

Да помилуйте!... Какія у нихъ пошли имена! — Напримѣръ?—Да вотъ, напримѣръ: Ножанъ-Центъ-Лорранъ!—прямо разбойникъ!—Омушка кстати полюбопытствовалъ: кто, моль, теперь въ Парижѣ царствуетъ?—Ему сказали: что Наполеонъ.—Это его, кажется, и удивило—и опечалило.—Какъ же такъ?... Старика такого....—началъ было онъ и умолкъ, оглянувшись съ смущеніемъ. Омушка плохо зналъ по-французски, и Вольтера читалъ въ переводѣ (подъ его изголовьемъ, въ завѣтномъ ящикѣ, сохранялся рукописный Кандидъ)—но у него иногда вырывались выраженія въ родѣ: „это, батюшка, фосъ-нарко!“ (въ смыслѣ: „это подозрительно“, „невѣрно“)—надъ которыми много смѣялись, пока одинъ ученый французъ не объяснилъ, что это есть старое парламентское выраженіе, употреблявшееся въ его родинѣ до 1789 года.

Такъ какъ рѣчь зашла о Франціи да о французахъ, то и Омушка рѣшилась спросить о нѣкоторой вещи, которая у ней осталась на душѣ.—Сперва она подумала обратиться къ Маркелову, но ужъ очень онъ смотрѣлъ сердито: Соломина бы она спросила.... только нѣтъ! — подумала она,—этотъ простой; должно быть, по-французски не разумѣетъ. Вотъ она и обратилась къ Нежданову.

— Что́, батюшка, я отъ васъ узнать желаю,—начала она;—извините вы меня! Да вотъ, мой родственничекъ, Сила Самсонычъ, знать, трунитъ надо мной старухой, надъ моимъ невѣдѣньемъ бабьимъ.

— А что?

— А вотъ что. Если кто на французскомъ діалектѣ хочетъ вопросъ такой поставить: „Что́, моль, это такое?“ — долженъ онъ сказать: „Кесе-кесе-кесе-ля?“

— Точно такъ.

— А можетъ онъ тоже сказать такъ: кесе-кесе-ля?

— Можетъ.

— И просто: кесе-ля?

— И такъ можетъ.

— И все это—едино будетъ?

— Да.

Онмушка задумалась и руками развела.

— Ну, Силушка,—промолвила она, наконецъ,—виновата я, а ты правъ. Только ужъ французы!... Вѣдовые!

Наклинъ началъ просить старичковъ спѣть какой-нибудь романсикъ.... Они оба посмѣялись и удивились, какая это ему пришла мысль; однако, скоро согласились, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Сандулія сѣла за клавесйнъ и аккомпанировала имъ—она ужъ знаетъ что́. Въ одномъ углу гостиной оказалось крошечное фортепіано, котораго никто изъ гостей сначала не замѣтилъ. Сандулія сѣла за этотъ „клавесйнъ“, взяла нѣсколько аккордовъ.... Такихъ беззубенькихъ, кисленькихъ, дряхленькихъ, дрябленькихъ звуковъ Неждановъ не слыхивалъ отъ роду; но старички немедленно запѣли:

«На толь, чтобы печали —

началъ Онмушка —

«Въ любви намъ находить,
«Намъ боги сердце дали
«Способное любить?

«Одно лишь чувство страсти —

отвѣчала Онмушка —

«Безъ бѣдъ, безъ злой напасти
«На свѣтѣ есть ли гдѣ?»

«Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ!» —

подхватилъ Онмушка; —

«Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ!» —

повторила Онмушка; —

«Съ нимъ горести жестоки
«Вездѣ, вездѣ, вездѣ!» —

проиѣли они вдвоемъ; —

«Вездѣ, вездѣ, вездѣ!» —

протянулъ одинъ Онмушка.

— Браво! закричалъ Наклинъ:—это—первый куплетъ: а второй?

— Извольте, — отвѣчалъ Ѳомушка:— только, Спандулія Самсоновна, что́ же трель? Послѣ моего стишка нужна трель.

— Извольте,—отвѣчала Спандулія,—будетъ вамъ трель.

Ѳомушка опять началъ:

«Любилъ ли кто въ вселенной
«И мукъ не испыталъ?
«Какой, какой влюбленный
«Не плакалъ, не вздыхалъ?»

А тутъ Ѳомушка:

«Такъ сердце страшно въ горѣ,
«Какъ лодка гибнетъ въ морѣ....
«На-что-жъ оно дано?»

„На зло, на зло, на зло!“—воскликнулъ Ѳомушка—и подождалъ, чтобы дать время Спандуліи пустить трель.

Спандулія пустила ее.

„На зло, на зло, на зло!“—повторила Ѳомушка.

А тамъ оба вмѣстѣ:

«Возьмите, боги сердце,
«Назадъ, назадъ, назадъ!
«Назадъ, назадъ, назадъ!»

И все опять заключилось трелью.

— Браво! браво! — закричали всѣ, за исключеніемъ Маркелова, и даже въ ладоши забили.

„А что́—подумалъ Нежда́новъ, какъ только рукоплесканья унялись — чувствуютъ ли они, что разыгрываютъ роль.... какъ-бы шутовъ?—Быть можетъ, нѣтъ: —а быть можетъ, и чувствуютъ, да думаютъ: „что за бѣда? вѣдь зла мы никому не дѣлаемъ. Даже потѣшаемъ другихъ!“ И какъ поразмыслишь хорошенько —правы они, сто разъ правы!“

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, онъ началъ вдругъ го-

ворить имъ любезности, въ отвѣтъ на которыя они только слегка присѣдали, не покидая своихъ креселъ.... Но въ это мгновеніе, изъ сосѣдней комнаты, вѣроятно спальней или дѣвичьей, гдѣ уже давно слышался шопотъ и шелестъ, внезапно появилась карлица Пуфка, въ сопровожденіи няюшки Васильевны.—Пуфка принялась пищать и кривляться — а няюшка то уговаривала ее, то пуще дразнила.

Маркеловъ, который уже давно подавалъ знаки нетерпѣнія—(Соломинъ тотъ только улыбался шире обыкновеннаго)—Маркеловъ вдругъ обратился къ Обломикѣ:

— А я отъ васъ не ожидалъ,—началъ онъ съ своей рѣзкой манерой, — что вы, съ вашимъ просвѣщеннымъ умомъ,—вѣдь вы, я слышалъ, поклонникъ Вольтера?—можете забавляться тѣмъ, что́ должно составлять предметъ жалости—а именно:—увѣчьемъ.... Тутъ онъ вспомнилъ сестру Наклина и прикусилъ языкъ;—а Обломка покраснѣлъ: „Да.... да вѣдь не я.... она сама....“ За то Пуфка такъ и накинулась на Маркелова.

— И съ чего ты эту выдумалъ,—затрещала она своимъ картавымъ голосомъ,—нашихъ господъ обижать? Меня убогую призрѣли, приняли, кормятъ, по́ятъ—такъ тебѣ завидно! Знать, у тебя на чужой хлѣбъ глазъ коробитъ?—И откуда взялся, черномазый, паскудный, нудный, усы какъ у таракана.... Тутъ Пуфка показала своими толстыми, короткими пальцами, какіе у него усы.—Васильевна засмѣялась во весь свой беззубый ротъ—и въ сосѣдней комнатѣ послышался отголосокъ.

— Я, конечно, вамъ не судья—обратился Маркеловъ къ Обломкѣ—убогихъ да увѣчныхъ призрѣвать—дѣло хорошее. Но позвольте вамъ замѣтить: жить въ довольствѣ, какъ сыръ въ маслѣ кататься—да не заѣдать чужого вѣка, да палецъ о палецъ не ударить для блага ближняго.... это еще не значитъ быть добрымъ; я, по крайней,

мѣрѣ, такой добротѣ, правду говоря, никакой цѣны не придаю!

Тутъ Пуфка завизжала оглушительно: она ничего не поняла изо всего, что́ сказалъ Маркеловъ; но „черномазый“ бранился.... какъ онъ смѣлъ!—Васильевна тоже что-то забормотала—а Окомушка сложилъ ручки передъ грудью—и повернувшись лицомъ къ своей женѣ—„Окомушка, голубушка,—сказалъ онъ, чуть не всхлипывая—слышишь, что́ господинъ гость говоритъ? Мы съ тобой грѣшники, злодѣи, фарисеи.... какъ сыръ въ маслѣ катаемся, ой! ой! ой!... На улицу насъ съ тобою надо, изъ дому вонъ—да по метлѣ въ руки дать, чтобы мы жизнь свою заработывали—о, хо-хо!“ Услышавъ такія печальныя слова, Пуфка завизжала пуще прежняго, Окомушка съёжила глаза, перекосила губы — и уже воздуху въ грудь набрала, чтобы хорошенько пріударить — заголосить....

Богъ знаетъ, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ Наклипъ не вмѣшался.

— Что это! помилуйте,—началъ онъ, махая руками и громко смѣясь, — какъ не стыдно? — Господинъ Маркеловъ пошутить хотѣлъ:—но такъ какъ видъ у него очень серьёзный — оно и вышло немного строго.... а вы и повѣрили!—Полноте!—Евоимія Павловна, милочка, мы вотъ сейчасъ уйти должны—такъ знаете что? на прощанье—погадайте-ка намъ всѣмъ.... вы на это мастерица.—Сестра! достань карты!

Окомушка глянула на своего мужа; а ужъ тотъ сидѣлъ совсѣмъ успокоенный;—и она успокоилась.

— Карты, карты....—заговорила она:—да разучилась я, отецъ; забыла — давно въ руки ихъ не брала....

А сама уже принимала изъ рукъ Спандулін колоду какихъ-то древнихъ, необыкновенныхъ, ломберныхъ картъ.

— Кому погадать-то?

— Да всѣмъ, — подхватилъ Наклинъ — а самъ подумалъ: „Ну, что-жъ это за подвижная старушка! куда хочешь поверни.... Просто прелесть!“—Всѣмъ, бабушка, всѣмъ, — прибавилъ онъ громко. — Скажите намъ нашу судьбу, характеръ нашъ, будущее.... все скажите!

Онмушка стала-было раскладывать карты — да вдругъ бросила всю колоду.

— И не нужно мнѣ гадать!—воскликнула она: я и такъ характеръ каждаго изъ васъ знаю.—А каковъ у кого характеръ, такова и судьба.—Вотъ этотъ—(она указала на Соломина) —прохладный человѣкъ, постоянный; —вотъ этотъ — (она погрозилась Маркелову) — горячій, погубительный человѣкъ.... (Нуфка высунула ему языкъ);—тебѣ (она глянула на Наклина)—и говорить нечего: самъ себя ты знаешь: вертопрахъ! А этотъ....

Она указала на Нежданова—и запнулась.

—Чтожъ?—промолвилъ онъ—говорите, сдѣлайте одолженіе: какой я человѣкъ!

— Какой ты человѣкъ....—протянула Онмушка: — жалкій ты—вотъ что!

Неждановъ встрепенулся.

— Жалкій! Почему такъ?

— А такъ! Жалокъ ты мнѣ—вотъ что!

— Да почему?

— А потому! Глазъ у меня такой. — Ты думаешь, я дура? Анъ я похитрѣй тебя—даромъ что ты рыжій.—Жалокъ ты мнѣ.... вотъ тебѣ и сказъ!

Всѣ помолчали.... переглянулись—и опять помолчали.

— Ну, прощайте, други, — брякнулъ Наклинъ. — Засидѣлись мы у васъ — и вамъ, чай, надоѣли. — Этимъ господамъ пора идти.... да и я отправлюсь. — Прощайте спасибо на ласкѣ.

— Прощайте, прощайте, заходите, не брезгуйте, — за-

говорили въ одинъ голосъ Ѳомушка и Опимушка.... А Ѳомушка, какъ затянетъ вдругъ:

— Многая, многая, многая лѣта, многая....

— Многая, многая, — совершенно неожиданно забасилъ Калліонычъ, отворяя дверь молодымъ людямъ....

И всѣ четверо вдругъ очутились на улицѣ, передъ пузатенькимъ домомъ;—а за окнами раздавался пискливый голосъ Пуфки.

— Дураки....—кричала она,—дураки!...

Паклинъ громко засмѣялся; но никто не отвѣчалъ ему, Маркеловъ даже оглядѣлъ поочередно всѣхъ, какъ-бы ожидая, что услышитъ слово негодованія....

Одинъ Соломинъ улыбался по обыкновенію.

XX.

— Ну, что-жъ!—началъ, первый, Паклинъ.—Были въ XVIII-мъ вѣкѣ—валяй теперь прямо въ XX-й!—Голушкинъ такой передовой человѣкъ, что его въ XIX-мъ считать неприлично.

— Да онъ развѣ тебѣ извѣстенъ? — спросилъ Нежда-новъ.

— Слухомъ земля полнится:—а сказалъ я: валяй! потому что намѣренъ отправиться вмѣстѣ съ вами.

— Какъ же такъ? Вѣдь ты съ нимъ незнакомъ?

— Вона! А съ моими периклитками вы развѣ были знакомы?

— Да ты насъ представилъ!

— А ты меня представь!—Тайнъ у васъ отъ меня быть не можетъ—и Голушкинъ человѣкъ широкій.—Онъ, посмотри, еще обрадуется новому лицу.—Да и у насъ, здѣсь въ С*... просто!

— Да,—проворчалъ Маркеловъ,—люди у васъ здѣсь безцеремонные.

Паклинъ покачалъ головою.

— Это вы, можетъ быть, на мой счетъ.... Что дѣлать! Я этотъ упрекъ заслужилъ.—Но знаете ли что, новый мой знакомецъ, отложите-ка на время мрачныя мысли, которыя внушаетъ вамъ вашъ желчный темпераментъ! — А главное....

— Господинъ мой новый знакомецъ,—перебилъ его съ запальчивостью Маркеловъ — скажу вамъ въ свою очередь.... въ видѣ предостереженія: я никогда ни малѣйшаго расположенія къ шуткамъ не имѣлъ—а особливо сегодня! —И почему вамъ извѣстенъ мой темпераментъ! (онъ ударилъ на послѣдній слогъ).—Кажется, мы не такъ давно — въ первый разъ увидали другъ друга.

— Ну, постойте, постойте, не сердитесь—и не божитесь—я и такъ вамъ вѣрю,—промолвилъ Паклинъ — и, обратившись къ Соломину: —О, вы,—воскликнулъ онъ,— вы, котораго сама провορливая Онмушка назвала прохладнымъ человѣкомъ—и въ которомъ точно есть нѣчто успокоительное — скажите, имѣлъ ли я въ мысляхъ сдѣлать кому-нибудь непріятность—или пошутить некстати? —Я только напросился идти съ вами къ Голушкину—а впрочемъ—я существо безобидное.—Я не виноватъ, что у г. Маркелова желтый цвѣтъ лица.

Соломинъ повелъ сперва однимъ плечомъ—потомъ другимъ;—у него была такая повадка, когда онъ не тотчасъ рѣшался отвѣчать.

— Безъ сомнѣнія,—промолвилъ онъ наконецъ, — вы, г-нъ Паклинъ, обиды никому причинить не можете— и не желаете; и къ г-ну Голушкину почему же вамъ не пойдти? Мы, я полагаю, тамъ съ такимъ же удовольствіемъ проведемъ время, какъ и у вашихъ родственниковъ;—да и съ такой же пользой.

Паклинъ погрозилъ ему пальцемъ.

— О! да и вы, я вижу, злой!—Однако же, вѣдь вы тоже пойдете къ Голушкину?

— Конечно, пойду. Сегодняшній день у меня и безъ того пропалъ.

— Ну такъ—„en avant, marchons!“—къ XX-му вѣку! къ XX-му вѣку!—Нежлановъ, передовой человѣкъ, веди!

— Хорошо;—ступай;—да не повторяй своихъ остротъ. Какъ бы кто не подумалъ, что онѣ у тебя на исходѣ.

— На вашего брата еще за глаза хватитъ,—весело возразилъ Наклинъ — и пустился впередъ, какъ онъ говорилъ—не въ припрыжку, а „въ прихромку“.

— Презанятный господинъ! — замѣтилъ, идя за нимъ подъ-руку съ Нежлановымъ, Соломинъ: —коли насъ, сохрани Богъ, сошлютъ всѣхъ въ Сибирь, будетъ кому развлекать насъ.

Маркеловъ шелъ, молча, позади всѣхъ.

А между тѣмъ въ домѣ купца Голушкина были приняты всѣ мѣры, чтобы задать обѣдъ съ „форсомъ“—или съ „шикомъ“. Сварена была уха, прежирная — и прескверная: заготовлены были разные „патиó и фрыкасѣи“ — (Голушкинъ, какъ человѣкъ стоящій на высотѣ европейскаго образованія, хотя и старовѣръ, придерживался французской кухни, и повара взялъ изъ клуба, откуда его выгнали за нечистоплотность) -а главное: было припасено и заморожено нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Хозяинъ встрѣтилъ нашихъ молодыхъ людей съ свойственными ему неуклюжими ужимками, утрированнымъ видомъ да похохатываніемъ.—Очень обрадовался Наклину, какъ тотъ и предсказывалъ; спросилъ про него: вѣдь нашъ? —и не дожидаясь отвѣта, воскликнулъ: —Ну, конечно! еще бы! Потомъ разсказалъ, что онъ сейчасъ былъ у этого „чудака“ губернатора, который все пристаетъ къ нему изъ-за какихъ-то —чортъ его знаетъ!- -благотворительныхъ

заведеній.... И рѣшительно нельзя было понять, чѣмъ онъ, Голушкинъ, больше доволенъ: тѣмъ ли, что его принимаютъ у губернатора—или же тѣмъ, что ему удалось ругнуть его въ присутствіи молодыхъ передовыхъ людей? Потомъ онъ познакомилъ ихъ съ обѣщаннымъ прозелитомъ. И кто же оказался этимъ прозелитомъ? Тотъ самый приглазный, чахоточный человѣчекъ съ кувшиннымъ рыльцемъ, который поутру вошелъ съ докладомъ, и котораго Голушкинъ звалъ Васей—его приказчикъ.—Не краснорѣчивъ, увѣрялъ Голушкинъ, указывая на него всей пятерней—но нашему дѣлу всей душой преданъ.—А Вася только кланялся, да краснѣлъ, да моргалъ, да скалилъ зубы съ такимъ видомъ, что опять-таки нельзя было понять—что́ онъ такое: полный ли дурачокъ—или напротивъ—всесовершеннѣйшій выжига и плутъ?

—Ну, однако, за столъ, господа, за столъ,—залопошилъ Голушкинъ.—Сѣли за столъ, закусивъ сперва вилотную. Тотчасъ послѣ ухи, Голушкинъ велѣлъ подать шампанское. Мерзлыми кусками льдистаго сала вывалилось оно изъ горлышка бутылки въ подставленные бокалы. „За наше.... наше предпріятіе!“ воскликнулъ Голушкинъ, мигая при этомъ глазомъ и указывая головою на слугу, какъ-бы давая знать, что въ присутствіи чужого надо быть осторожнымъ? Прозелитъ Вася продолжалъ молчать—и хотя сидѣлъ на краюшкѣ стула и вообще держался съ подобострастіемъ, уже вовсе несвойственнымъ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ онъ, по словамъ его хозяина, былъ преданъ всею душою—но хлопалъ вино отчаянно!... За то другіе всѣ говорили; то-есть, собственно, говорилъ хозяинъ—да Наклинъ; Наклинъ особенно. Неждановъ внутренно досадовалъ; Маркеловъ злился и негодовалъ—иначе, но такъ же сильно, какъ у Субочевыхъ; Соломинъ наблюдалъ.

Наклинъ потѣшался!—Своею бойкой рѣчью онъ през-

вычайно понравился Голушкину, который и не подозрѣвалъ того, что этотъ самый „хромушка“ то-и-дѣло шепчетъ на ухо сидѣвшему возлѣ него Нежданову — самыя злостныя замѣчанія на счетъ его, Голушкина!—Онъ даже полагалъ, что это—малый простой, и что его можно „третировать“ свысока.... оттого-то онъ ему и понравился, между прочимъ. Сиди Наклинъ возлѣ него—онъ бы давно ткнулъ его пальцемъ въ ребра или ударилъ по плечу; онъ и то кивалъ ему черезъ столъ и моталъ головою въ его направленіи.... но между Нежда новымъ и имъ возсѣдалъ, во первыхъ, Маркеловъ—эта „мрачная туча“; а тамъ Соломинъ. — За то Голушкинъ закатисто смѣялся каждому слову Наклина, смѣялся на вѣру, напередъ, хлопая себя по животу, выказывая свои синеватыя дёсны. Наклинъ скоро понялъ, чего отъ него требовалось, и началъ все бранить—(оно же для него было дѣломъ подхо-
дящимъ)—все и всѣхъ: и консерваторовъ, и либераловъ, и чиновниковъ, и адвокатовъ, и администраторовъ, и помѣщиковъ, и земцевъ, и думцевъ, и Москву, и Петербургъ!

— Да, да, да, да—подхватывалъ Голушкинъ; —такъ, такъ, такъ, такъ!—Вотъ, напримѣръ, у насъ голова—совершенный оселъ! Тупица непроходимая!—Я ему говорю и то, и то... а онъ ничего не понимаетъ; не хуже нашего губернатора!

— А вашъ губернаторъ—глупъ? — полюбопытствовалъ Наклинъ.

— Я-жъ вамъ говорю: оселъ!

— Вы не замѣтили: онъ хрипитъ, или гнуситъ?

— Какъ?—спросилъ Голушкинъ не безъ недоумѣнья.

— Да развѣ вы не знаете? У насъ на Руси важные штатскіе хрипятъ; важные военные гнусятъ въ носъ;—и только самые высокіе сановники и хрипятъ, и гнусятъ въ одно и то же время.

Голушкинъ захохоталъ съ ревомъ, даже прослезился.

— Да, да, — лепеталъ онъ:—гнуситъ.... гнуситъ.... Онъ военный!

„Ахъ, ты, олухъ!“—думалъ про себя Наклинъ.

— У насъ все гнило, гдѣ ни тронь!—кричалъ Голушкинъ, немного спустя. —Все, все гнило!

— Почтенѣйшій Каинтонъ Андреичъ — внушительно замѣчалъ Наклинъ —а самъ тихонько говорилъ Нежданову: „Что это онъ все руками разводитъ, точно сортукъ ему подъ мышками рѣжетъ?“—Почтенѣйшій Каинтонъ Андреичъ, повѣрьте мнѣ: тутъ полумѣры ничего не помогутъ!

— Какія полумѣры!—вскричалъ Голушкинъ, внезапно переставая смѣяться и принимая свирѣпый видъ: —тутъ одно: съ корнемъ вонъ! —Васька, пей, с....ъ с....ъ!

— И то ньо-съ, Каинтонъ Андреичъ,—отвѣчалъ приказчикъ, опрокидывая себѣ въ горло стаканъ.

Голушкинъ тоже „ухнулъ“.

— И какъ только онъ не лопнетъ!—шепталъ Наклинъ Нежданову.

— Привычка!—отвѣчалъ тотъ.

Но не одинъ приказчикъ пилъ вино. Понемногу оно разобрало всѣхъ. —Нежановъ, Маркеловъ, даже Соломинъ вмѣшались понемногу въ разговоръ.

Сперва, какъ-бы съ пренебреженіемъ, какъ-бы съ досадой противъ самого себя, что вотъ, моль, и онъ не выдерживаетъ характера и пускается толочь воду, Нежановъ началъ толковать о томъ, что пора перестать забавляться одними словами, пора „дѣйствовать“;—упомянулъ даже объ отысканной почвѣ!!—И тутъ же, не замѣчая, что онъ себѣ противорѣчитъ, началъ требовать, чтобы ему указали тѣ существующіе, реальные элементы, на которые можно опереться, что онъ ихъ не видитъ.—„Въ обществѣ нѣтъ сочувствія, въ народѣ нѣтъ сознанія... вотъ тутъ и бейся!“ Ему, конечно, не возражали; не потому,

что возражать было нечего—но каждый уже началъ говорить тоже свое. — Маркеловъ забарабанилъ глухимъ и злобнымъ голосомъ, настойчиво, однообразно, — („ни дать, ни взять—капусту рубитъ“,—замѣтилъ Наклинъ). О чемъ собственно онъ говорилъ, не совсѣмъ было понятно; слово: „артиллерія“ послышалось изъ его устъ въ моментъ затишья.... онъ, вѣроятно, вспомнилъ тѣ недостатки, которые открылъ въ ея устройствѣ. Досталось также нѣмцамъ и адъютантамъ. Соломинъ— и тотъ замѣтилъ, что есть двѣ манеры выжидать: выжидать и ничего не дѣлать—и выжидать, да подвигать дѣло впередъ.

— Намъ не нужно постепеновцевъ,— сумрачно проговорилъ Маркеловъ.

— Постепеновцы до сихъ поръ или сверху,—замѣтилъ Соломинъ,—а мы попробуемъ снизу.

— Не нужно, къ чорту! не нужно,—рьяно подхватывалъ Голушкинъ:—надо разомъ, разомъ!

— То-есть, вы хотите въ окно прыгнуть?

— И прыгну! — завопилъ Голушкинъ. — Прыгну! — и Васька прыгнетъ! — Прикажу — прыгнетъ! А?—Васька? Вѣдь прыгнешь?

Приказчикъ долилъ стаканъ шампанскаго.

— Куда вы, Капитонъ Андреичъ, туда и мы.— Развѣ мы разсуждать смѣемъ?

— А! то-то!—Въ бар-раній р-ротъ согну!

Въ скорости наступило то, что́ на языкѣ пьяницъ носитъ названіе столпотворенія вавилонскаго. Поднялся гамъ и шумъ „велій“. — Какъ первыя снѣжинки кружатся, быстро смѣняясь и нестрѣя еще въ тепломъ осеннемъ воздухѣ—такъ, въ разгоряченной атмосферѣ Голушкинской столовой, завертѣлись, толкая и тѣсня другъ дружку, всѣческія слова: прогрессъ, правительство, литература: податной вопросъ, церковный вопросъ, женскій вопросъ, судебный вопросъ, классицизмъ, реализмъ, нигилизмъ,

коммунизмъ; интернаціоналъ, клерикалъ, либералъ, капиталъ; администрація, организація, ассоціація и даже кристаллизація! Голушкинъ, казалось, приходилъ въ восторгъ именно отъ этого гама: въ немъ-то, казалось, и заключалась для него настоящая суть.... Онъ торжествовалъ!—„Знай-моль, нашихъ! Разступись—убью!... Капитонъ Голушкинъ ѣдетъ!“ — Приказчикъ Вася до того, наконецъ, нализался, что началъ фыркать и говорить въ тарелку,—и вдругъ, какъ бѣшеный, закричалъ:—„Что за дьяволъ такой—прогимназія?!?“

Голушкинъ внезапно поднялся, — и, закинувъ назадъ свое побагровѣвшее лицо, на которомъ къ выраженію грубаго самовластія и торжества страннымъ образомъ примѣшивалось выраженіе другого чувства, похожаго на тайный ужасъ и даже на трепетаніе—гаркнулъ: „Жертвую еще *тыщу!*—Васька, тащи!“ на что Васька вполголоса отвѣтствовалъ: — „Малина“! А Паклинъ, весь блѣдный и въ поту (онъ въ послѣднія четверть часа пилъ не хуже приказчика), — Паклинъ, вскочивъ съ своего мѣста и поднявъ объ руки надъ головою, проговорилъ съ разстановкой:—„Жертвую! Онъ произнесъ: жертвую!—О! осквернніе святого слова!—Жертва! Никто не дерзаетъ возвыситься до тебя, никто не имѣетъ силы исполнить тѣ обязанности, которыя ты налагаешь, по крайней мѣрѣ никто изъ насъ, здѣсь предстоящихъ,—а этотъ самодуръ, этотъ дряннoй мѣшокъ тряхнулъ своей раздутой утробой, высыпалъ пригоршню рублей и кричитъ: жертвую! И требуетъ благодарности; лаврового вѣнка ожидаетъ—подлецъ!!“ Голушкинъ либо не разслышалъ, либо не понялъ того, что́ сказалъ Паклинъ, или, быть можетъ, принялъ его слова за шутку, потому что еще разъ провозгласилъ: „Да! *тыщу* рублевъ! Что́ Капитонъ Голушкинъ сказалъ — то свято!“ Онъ вдругъ запустилъ руку въ боковой карманъ.—„Вотъ они, денежки-то! —На-те,

рвите; да помните Капитона!“—Онъ какъ только приходилъ въ нѣкоторый азартъ, говорилъ о себѣ, какъ маленькія дѣти, въ третьемъ лицѣ. Нежданов подобралъ брошенныя на залитую скатерть бумажки. Но послѣ этого ужъ нечего было оставаться; да и поздно становилось. Всѣ встали, взяли шапки—и убрались.

На вольномъ воздухѣ у всѣхъ закружились головы—особенно у Паклина.

— Ну?—куда-жъ мы теперь?—не безъ труда проговорилъ онъ.

— Не знаю, куда вы,—отвѣчалъ Соломинъ,—а я къ себѣ домой.

— На фабрику?

— На фабрику.

— Теперь, ночью, пѣшкомъ?

— Что-жъ такое?—Здѣсь ни волковъ, ни разбойниковъ нѣтъ,—а ходить я здоровъ.—Ночью-то еще свѣжѣе.

— Да тутъ четыре версты!

— А хоть бы и всѣ пять.—До свиданья господа!

Соломинъ застегнулся, надвинувъ картузъ на лобъ, закурилъ сигару и зашагалъ большими шагами по улицѣ.

— А ты куда? —обратился Паклинъ къ Нежданову.

— Я вотъ къ нему.—Онъ указалъ на Маркелова, который стоялъ неподвижно, скрестивъ руки на груди. —У насъ здѣсь и лошади, и экипажъ.

— Ну, прекрасно.... а я, братъ, въ оазисъ, къ Омушкѣ да къ Омушкѣ. И знаешь, что я тебѣ скажу, братъ? И тамъ чепуха—и здѣсь чепуха.... Только та чепуха,—чепуха XVIII-го вѣка, ближе къ русской сути. чѣмъ этотъ XX-й вѣкъ.—Прощайте, господа; я пьянъ.... не взыщите.—Послушайте, что я вамъ еще скажу! Добрѣй и лучше моей сестры.... Сиандулін.... на свѣтѣ женщины нѣтъ; а вотъ она—и горбатая, и Сиандулія. И всегда такъ на свѣтѣ бываетъ!—А впрочемъ, ей и слѣдъ такъ называться.—

Вы знаете ли, кто была святая Снандулія?—„Добродѣтельная жена, которая ходила по тюрьмамъ и врачевала раны узникамъ и больнымъ.—Ну, однако, прощайте! Прощай, Неждановъ—жалкій человѣкъ! И ты, офицеръ.... у! бука! прощай!

Онъ поплелся, прихрамывая и попятываясь, въ „оазисъ",—а Маркеловъ, вмѣстѣ съ Неждановымъ, отыскали постоялый дворъ, въ которомъ они оставили свой тарантасъ, велѣли заложить лошадей—и полчаса спустя уже катили по большой дорогѣ.

XXI.

Небо заволокло низкими тучами—и хотя не было совсѣмъ темно и накатанныя колеи на дорогѣ видѣлись, блѣдно поблескивая, впереди, однако направо, налѣво все застилалось, и очертанія отдѣльныхъ предметовъ сливались въ смутныя большія пятна.—Была тусклая, невѣрная ночь; вѣтеръ набѣгалъ порывистыми сырыми струйками, принося съ собою запахъ дождя и широкихъ хлѣбныхъ полей. Когда, проѣхавъ дубовый кустъ, служившій примѣтой, пришлось свернуть на просёлокъ, дѣло стало еще неладнѣе: узкая путина по временамъ совсѣмъ пропадала.... Кучеръ поѣхалъ тише.

— Какъ бы не сбиться намъ! —замѣтилъ молчавшій до тѣхъ поръ Неждановъ.

— Нѣтъ! не собьемся! — промолвилъ Маркеловъ. — Двухъ бѣдъ въ одинъ день не бываетъ.

— Да какая же была первая бѣда?

— Какая? А что мы день напрасно потеряли—это вы ни за что́ считаете?

— Да.... конечно.... Этотъ Голушкинъ!! — Не слѣдовало такъ много вина пить. Голова генерь болитъ.... смертельно.

— Я не о Голушкинѣ говорю, онъ по крайней мѣрѣ денегъ далъ;—стало быть, хоть какая-нибудь отъ нашего посѣщенія польза была!

— Такъ неужели вы сожалѣете о томъ, что Наклинъ свелъ насъ къ своимъ.... какъ онъ называлъ ихъ.... периклиткамъ?

— Жалѣть объ этомъ нечего.... да и радоваться нечему. Я вѣдь не изъ тѣхъ, которые интересуются подобными игрушками.... Я не на эту бѣду намекалъ.

— Такъ на какую же?

Маркеловъ ничего не отвѣчалъ — и только повозился немного въ своемъ уголку, словно кутаясь. Неждановъ не могъ хорошенько разобрать его лица; одни усы выдавались черной поперечной чертой; но онъ съ самаго утра чувствовалъ въ Маркеловѣ присутствіе чего-то такого, до чего было лучше не касаться—какого-то глухого и тайнаго раздраженія.

— Послушайте, Сергѣй Михайловичъ, — началъ онъ, погодя немного, — неужели вы, не шутя, восхищаетесь письмами этого г-на Кислякова, которыя вы мнѣ дали прочесть сегодня? Вѣдь это, извините рѣзкость выраженія,— это—дребедень!

Маркеловъ выпрямился.

— Во первыхъ,—заговорилъ онъ гнѣвнымъ голосомъ,— я нисколько не раздѣляю вашего мнѣнія насчетъ этихъ писемъ—и нахожу ихъ весьма замѣчательными.... и добросовѣстными! А во вторыхъ, Кисляковъ трудится, работаетъ—и главное, онъ *вѣритъ:* вѣрить въ наше дѣло, вѣрить въ ре-во-люцію! Я долженъ вамъ сказать одно, Алексѣй Дмитріевичъ,—я замѣчаю, что *вы*,—вы охладѣваете къ нашему дѣлу;—вы не вѣрите въ него!

— Изъ чего вы это заключаете?—медлительно произнесъ Нежда новъ.

— Изъ чего? Да изо всѣхъ вашихъ словъ, изъ всего ва-

шего поведенія!!—Сегодня, у Голушкина, кто говорилъ, что онъ не видитъ, на какія элементы можно опереться?—Вы!—Кто требовалъ, чтобъ ихъ ему указали? — Опять-таки вы! И когда этотъ вашъ пріятель, этотъ пустой балагуръ и зубоскалъ, г. Паклинъ, сталъ, поднимая глаза къ небу, увѣрять, что никто изъ насъ не въ силахъ принести жертву, кто ему поддакивалъ, кто одобрительно покачивалъ головою? Развѣ не вы?—Говорите о себѣ, какъ хотите, думайте о себѣ, какъ знаете.... это ваше дѣло.... но мнѣ извѣстны люди, которые съумѣли оттолкнуть отъ себя все, чѣмъ жизнь прекрасна—самое блаженство любви—для того, чтобъ служить своимъ убѣжденіямъ, чтобъ не измѣнить имъ!—Ну, *вамъ* сегодня.... конечно, было не до того!

— Сегодня? Почему же именно сегодня?

— Да не притворяйтесь, ради Бога, счастливый Донъ-Жуанъ, увѣнчанный миртами любовникъ!—вскричалъ Маркеловъ, совершенно забывъ о кучерѣ, который хоть и не оборачивался съ козель, но могъ отлично все слышать. Правда, кучера въ эту минуту гораздо болѣе озабочивала дорога, чѣмъ всѣ пререканья сидѣвшихъ за его спиною господъ—и онъ осторожно и даже нѣсколько робко отпрукивалъ коренника, который моталъ головою и садился на задъ, спуская тарантасъ съ какой-то кручи, которой и не слѣдовало совсѣмъ тутъ быть.

— Позвольте—я васъ что-то не понимаю,—промолвилъ Неждановъ.

Маркеловъ захохоталъ принужденно и злобно.

— Вы меня не понимаете! Ха, ха, ха!—Я все знаю, милостивый государь! Знаю, съ кѣмъ вы объяснялись вчера въ любви; знаю, кого вы плѣнили вашей счастливой наружностью и краснорѣчіемъ; знаю, кто допускаетъ васъ къ себѣ въ комнату.... послѣ десяти часовъ вечера!

— Баринъ!—обратился вдругъ кучеръ къ Маркелову.—

Подержите-ка возжи.... Я слѣзу, посмотрю.... Мы, кажись, съ дороги сбились.... Водомоина тутъ, что-ль, какая....

Тарантасъ, дѣйствительно, стоялъ совсѣмъ на боку.

Маркеловъ ухватилъ возжи, переданныя ему кучеромъ, —и продолжалъ все такъ же громко:

— Я васъ нисколько не виню, Алексѣй Дмитричъ! Вы воспользовались.... Вы были правы. Я говорю только о томъ, что не удивляюсь вашему охлажденію къ общему дѣлу: у васъ, я опять-таки скажу,—не то на умѣ. И прибавлю кстати отъ себя: гдѣ тотъ человѣкъ, который можетъ заранѣе предугадать, что́ именно нравится дѣвическимъ сердцамъ—или постигнуть, чего онѣ желаютъ!!..

— Я теперь понимаю васъ,—началъ-было Нежда́новъ: —понимаю ваше огорченіе, догадываюсь, кто насъ подкараулилъ и поспѣшилъ сообщить вамъ....

— Тутъ не заслуги—продолжалъ Маркеловъ, притворяясь, что не слышитъ Нежданова, и съ намѣреніемъ растягивая и какъ-бы расщѣвая каждое слово — не какія-нибудь необыкновенныя душевныя или физическія качества.... Нѣтъ! Тутъ просто.... треклятое счастье всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей.... всѣхъ в.....ъ!

Послѣднюю фразу Маркеловъ произнесъ отрывисто и быстро—и вдругъ умолкъ, словно замеръ.

А Нежда́новъ даже въ темнотѣ почувствовалъ, что весь поблѣднѣлъ, и мурашки забѣгали по его щекамъ. Онъ едва удержался, чтобы не броситься на Маркелова, не схватить его за горло.... „Кровью надо смыть эту обиду, кровью....“

— Призпалъ дорогу! — воскликнулъ кучеръ, появившись у праваго передняго колеса—маленько ошибся, влѣво взялъ.... теперь ничего!—духомъ представимъ; и версты до насъ не будетъ. Извольте сидѣть!

Онъ взобрался на облучекъ, взялъ у Маркелова возжи,

повернулъ коренника въ сторону.... Тарантасъ сильно тряхнуло раза два — потомъ онъ покатился ровнѣе и ниже—мгла какъ-будто разступилась и приподнялась—потянуло дымкомъ — впереди выросъ какой-то бугоръ. Вотъ мигнулъ огонёкъ.... онъ исчезъ.... Мигнулъ другой.... Собака залаяла....

— Наши выселки,—промолвилъ кучеръ; эхъ, вы, котята любезные!

Чаще и чаще неслись на встрѣчу огоньки.

— Послѣ того оскорбленія,—заговорилъ наконецъ Неждановъ,—вы легко поймете, Сергѣй Михайловичъ, что мнѣ невозможно ночевать подъ вашимъ кровомъ; а потому, мнѣ остается просить васъ, какъ это мнѣ ни непріятно; чтобы вы, пріѣхавши домой, дали мнѣ вашъ тарантасъ, который довезетъ меня до города; завтра я уже найду способъ, какъ добраться до дому: — а тамъ вы получите отъ меня увѣдомленіе, котораго, вѣроятно, ожидаете.

Маркеловъ не тотчасъ отвѣчалъ.

— Неждановъ, — сказалъ онъ вдругъ негромкимъ, но почти отчаяннымъ голосомъ: — Неждановъ! Ради самого Бога, войдите ко мнѣ въ домъ—хоть бы только для того, чтобы я могъ на колѣняхъ попросить у васъ прощенія!— Неждановъ! Забудьте.... забудь, забудь мое безумное слово! Ахъ, еслибъ кто-нибудь могъ почувствовать, до какой степени я несчастливъ!—Маркеловъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь—и въ ней словно что́ застонало.—Неждановъ? будь великодушенъ! Дай мнѣ руку.... Не откажись простить меня!

Неждановъ протянулъ ему руку — нерѣшительно, но протянулъ.—Маркеловъ стиснулъ ее такъ, что тотъ чуть не вскрикнулъ.

Тарантасъ остановился у крыльца Маркеловскаго дома.

— Слушай, Неждановъ, — говорилъ ему Маркеловъ

четверть часа спустя, у себя въ кабинетѣ....—Слушай. (онъ уже не говорилъ ему иначе какъ: „ты“, и въ этомъ неожиданномъ: *ты*—обращеніи къ человѣку, въ которомъ онъ открылъ счастливаго соперника, котораго онъ только что оскорбилъ кровно, котораго онъ готовъ былъ убить, разорвать на части—въ этомъ „ты“ было и безповоротное отреченіе — и моленіе смиренное, горькое — и какое-то право.... Неждановъ это право призналъ тѣмъ, что самъ началъ говорить Маркелову: *ты*).

— Слушай! Я тебѣ сейчасъ сказалъ, что я отъ счастья любви отказался, оттолкнулъ его, чтобы только служить своимъ убѣжденіямъ.... Это вздоръ, бахвальство! Никогда мнѣ ничего подобнаго не предлагали, нечего мнѣ было отталкивать! Я какъ родился безталаннымъ, такъ и остался имъ.... Или, можетъ быть, оно такъ и слѣдовало.—Потому, руки у меня не туда поставлены—мнѣ предстоитъ дѣлать иное! Коли ты можешь соединить и то и другое.... любить и быть любимымъ.... и въ то же время служить дѣлу.... ну, такъ ты молодецъ!—я тебѣ завидую.... но самъ я—нѣтъ. Я не могу. Ты счастливецъ! Ты счастливецъ!—А я не могу.

Маркеловъ говорилъ все это тихимъ голосомъ, сидя на низкомъ стулѣ, понуривъ голову и свѣсивъ объ руки, какъ плети. Неждановъ стоялъ передъ нимъ, погруженный въ какое-то задумчивое вниманіе, и хотя Маркеловъ и величалъ его счастливцемъ—онъ не смотрѣлъ и не чувствовалъ себя такимъ.

— Меня въ молодости обманула одна....—продолжалъ Маркеловъ;—была одна дѣвушка чудесная и все-таки измѣнила мнѣ.... для кого-же? Для нѣмца! для адъютанта!!—А Маріанна....

Онъ пріостановился.... Онъ въ первый разъ произнесъ ея имя, и оно какъ-будто обожгло его губы.

— Маріанна не обманула меня: она прямо объявила мнѣ,

что я не нравлюсь ей.... Да и чему тутъ нравиться?—Ну—отдалась она тебѣ.... Ну, что-жъ? Развѣ она не была свободна?

— Да постой, постой!—воскликнулъ Неждановъ.—Что ты такое говоришь?!—Какое: отдалась?—Я не знаю, что тебѣ написала твоя сестра; но увѣряю тебя....

— Я не говорю: физически; но нравственно отдалась—сердцемъ, душою,—подхватилъ Маркеловъ, которому почему-то видимо понравилось восклицаніе Нежданова.—И прекрасно сдѣлала. А моя сестра.... Конечно, она не имѣла намѣренія меня огорчить.... То-есть, въ сущности это ей все равно; но она, должно быть, тебя ненавидитъ—и Маріанну тоже.—Она не солгала.... а впрочемъ, Господь съ ней!

„Да“,—подумалъ про себя Неждановъ:—„она насъ ненавидитъ“.

— Все къ лучшему, продолжалъ Маркеловъ, не перемѣнявъ положенія.—Теперь съ меня послѣднія путы сняты; теперь—уже ничего мнѣ не помѣшаетъ! Ты не смотри на то, что Голушкинъ—самодуръ: это ничего. И письма Кислякова.... онѣ, можетъ быть, смѣшны.... точно; но надо обращать вниманіе на главное. По его словамъ.... вездѣ все готово.—Ты вотъ, пожалуй, и этому не вѣришь?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ.

— Ты, можетъ быть, правъ;—но вѣдь если ждать минуты, когда все, рѣшительно все будетъ готово—никогда не придется начинать.—Вѣдь если взвѣшивать напередъ *всѣ* послѣдствія,—навѣрное между ними будутъ какія-либо дурныя. Напримѣръ: когда наши предшественники устроили освобожденіе крестьянъ—что-жъ? могли они предвидѣть, что однимъ изъ послѣдствій этого освобожденія будетъ появленіе цѣлаго класса помѣщиковъ-ростовщиковъ, которые продаютъ мужику четверть прѣлой ржи за шесть рублей—а получаютъ съ него (тутъ Маркеловъ прищулъ одинъ палецъ): во первыхъ, работу на всѣ шесть рублей,

да сверхъ того—(Маркеловъ пригнулъ другой палецъ)—цѣлую четверть хорошей ржи—да еще (Маркеловъ пригнулъ третій) съ прибавкомъ! т.-е. высасываютъ послѣднюю кровь изъ мужика! Вѣдь это эмансипаторы наши предвидѣть не могли—согласись! И все-таки, если даже они это предвидѣли, хорошо они сдѣлали, что освободили крестьянъ—и не взвѣшивали всѣхъ послѣдствій! А потому я.... рѣшился!

Неждановъ вопросительно, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Маркелова; но тотъ отвелъ свой взглядъ въ сторону, въ уголъ. Его брови сдвинулись и закрыли зрачки; онъ кусалъ губы и жевалъ усы.

— Да, я рѣшился!—повторилъ онъ, съ размаху ударивъ по колѣну своимъ волосатымъ, смуглымъ кулакомъ.—Я вѣдь упрямый.... Я не даромъ наполовину малороссъ.

Потомъ онъ всталъ и, шаркая ногами, точно онѣ у него ослабѣли, пошелъ въ свою спальню и вынесъ оттуда небольшой портретъ Маріанны подъ стекломъ.

— Возьми,—промолвилъ онъ печальнымъ, но ровнымъ голосомъ;—это *я* когда-то сдѣлалъ. Рисую я плохо; но ты посмотри, кажется, похожъ — (портретъ, сдѣланный карандашемъ, въ профиль, былъ дѣйствительно похожъ).— Возьми, братъ; это мое завѣщаніе. Вмѣстѣ съ этимъ портретомъ я тебѣ передаю не мои права.... у меня ихъ не было.... а, знаешь—все! Я тебѣ все передаю—и ее. Она, братъ, хорошая....

Маркеловъ молчалъ: грудь его замѣтно поднималась.

— Возьми. Вѣдь ты на меня не сердишься? Ну, такъ возьми. А мнѣ теперь ужъ ничего.... этакого не нужно.

Неждановъ взялъ портретъ; но странное чувство стѣснило его грудь. Ему казалось, что онъ не имѣлъ права принять этотъ подарокъ; что если бы Маркеловъ зналъ, что́ у него, Неждановa, на́-сердцѣ, онъ бы, можетъ быть, ему этого портрета не отдалъ. Неждановъ держалъ въ

рукѣ этотъ маленькій круглый кусочекъ картона, тщательно обведенный по черной рамкѣ узкой полоской золотой бумаги—и не зналъ, что́ дѣлать съ нимъ.—Вѣдь это тутъ цѣлая жизнь человѣка въ моей рукѣ, — думалось ему. Онъ понималъ, какую жертву приноситъ Маркеловъ, но зачѣмъ, зачѣмъ именно ему?—И отдать портретъ? Нѣтъ! Это было бы оскорбленіе еще злѣйшее.... И, наконецъ, вѣдь ему дорого это лицо, вѣдь онъ любитъ ее!

Неждановъ не безъ нѣкотораго внутренняго страха возвелъ глаза на Маркелова.... не глядитъ ли тотъ на него—не старается ли уловить его мысли?—Но Маркеловъ опять уставился на уголъ и жевалъ усы.

Старикъ слуга вошелъ въ комнату со свѣчкой въ рукѣ.

Маркеловъ встрепенулся.

— Спать пора, братъ Алексѣй!—воскликнулъ онъ. — Утро вечера мудренѣе. Дамъ тебѣ завтра лошадей — ты покатишь домой—и прощай.

— Прощай, и ты, старина! — прибавилъ онъ вдругъ, обратившись къ слугѣ и ударивъ его по плечу.—Не поминай лихомъ!

Старикъ до того изумился, что чуть не выронилъ свѣчки, и взглядъ его, устремленный на своего барина, выразилъ нѣчто другое—и бо́льшее, чѣмъ обычную его унылость.

Неждановъ ушелъ къ себѣ въ комнату. Ему было нехорошо. Голова его все еще болѣла отъ выпитаго вина, въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ мерещилось, хотя онъ и закрывалъ ихъ. Голушкинъ, Васька приказчикъ, Оомушка, Онмушка—вертѣлись передъ нимъ; вдали образъ Маріанны, какъ-бы не довѣряя, не рѣшался приблизиться. Все, что́ онъ дѣлалъ и говорилъ самъ—казалось ему такою фальшью и ложью, такимъ ненужнымъ и приторнымъ вздоромъ.... а то, что́ надо дѣлать, къ чему надо стре-

миться,—неизвѣстно гдѣ, недоступно, за десятью замка́ми, зарыто въ преисподнюю....

И безпрестанно ему хотѣлось встать, сойти къ Маркелову, сказать ему: возьми свой подарокъ—возьми его назадъ!

— Фу! Какая скверность—жизнь!—воскликнулъ онъ наконецъ.

На другое утро онъ уѣхалъ рано. Маркеловъ уже былъ на крыльцѣ, окруженный крестьянами. Созвалъ ли опъ ихъ, пришли ли они сами собою—Нежда́новъ такъ и не узналъ: Маркеловъ очень односложно и сухо простился съ нимъ.... но казалось, что онъ собирался сообщить имъ нѣчто важное. Старый слуга тутъ же торчалъ съ своимъ неизмѣннымъ взоромъ.

Тарантасъ скоро проскочилъ городъ — и, выбравшись въ поля, покатилъ лихо.—Лошади были тѣ же самыя; но кучеръ — потому ли, что Нежда́новъ жилъ въ богатомъ домѣ, по другимъ ли соображеніямъ, разсчитывалъ на хорошую „на водку“.... а извѣстно: когда кучеръ выпилъ водки или съ увѣренностью ждетъ ея—лошади бѣгутъ отлично. Погода была іюньская, хоть и свѣжая: высокія, рѣзвыя облака по синему небу, сильный, ровный вѣтеръ, дорога не пылитъ, убитая вчерашнимъ дождёмъ, ракиты шумятъ, блестятъ и струятся,—все движется, все летитъ,—перепелиный крикъ приносится жидкимъ посвистомъ съ отдаленныхъ холмовъ, черезъ зеленые овраги, точно и у этого крика есть крылья, и онъ самъ прилетаетъ на нихъ,—грачи лоснятся на солнцѣ,—какія-то темныя блохи ходятъ по ровной чертѣ обнаженнаго небосклона.... это мужики двоятъ поднятый паръ.

Но Нежда́новъ пропускалъ все это мимо.... мимо.... онъ и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Сипягинскаго имѣнья,—до того имъ овладѣли думы....

Однако опъ вздрогнулъ, когда увидѣлъ крышу дома,

верхній этажъ, окно Маріаннной комнаты.—„Да,—сказалъ онъ себѣ—и тепло ему стало на-сердцѣ:—*она* правъ—она хорошая—и я люблю ее“.

XXII.

Онъ наскоро переодѣлся и пошелъ давать урокъ Колѣ.—Синягинъ, котораго онъ встрѣтилъ въ столовой, поклонился ему холодно и учтиво — и, процѣдивъ сквозь зубы: „Хорошо ли съѣздили?“— прослѣдовалъ въ свой кабинетъ.—Государственный человѣкъ уже рѣшилъ въ своемъ министерскомъ умѣ, что, какъ только кончатся вакаціи, онъ немедленно отправитъ въ Петербургъ этого—„положительно слишкомъ краснаго“ — учителя, а пока, будетъ наблюдать за нимъ.—„Je n'ai pas eu la main heureuse cette fois-ci, подумалъ онъ про себя; а впрочемъ.... j'aurais pu tomber pire“. — Чувства Валентины Михайловны къ Неждапову были гораздо энергичнѣе и опредѣленнѣе. Она его уже совсѣмъ терпѣть не могла.... Онъ, этотъ мальчишка!—онъ оскорбилъ ее.—Маріанна не ошиблась: это она, Валентина Михайловна, подслушивала ее и Неждапова въ корридорѣ.... Знатная барыня этимъ не побрезгала. Въ теченіи тѣхъ двухъ дней, въ которые продолжалось его отсутствіе—она, хотя ничего не сказала своей „легкомысленной“ родственницѣ—но безпрестанно давала ей понять, что ей все извѣстно, что она негодовала бы, еслибъ частью не презирала, частью не сожалѣла.... Сдержанное, внутреннее презрѣніе наполняло ея щеки, что-то насмѣшливое и въ то же время сожалительное приподнимало ея брови, когда она глядѣла на Маріанну, говорила съ нею; ея чудесные глаза съ мягкимъ недоумѣньемъ, съ грустной гадливостью останавливались на самонадѣянной дѣвушкѣ, которая, послѣ всѣхъ своихъ „фантазій и эксцентричностей“ кончила тѣмъ, что цѣ....

лу....ет....ся въ темныхъ комнатахъ съ какимъ-то недоучившимся студентомъ!

Бѣдная Маріанна! Ея строгія, гордыя губы не вѣдали еще ничьихъ лобзаній.

Впрочемъ, мужу своему Валентина Михайловна не намекнула о сдѣланномъ ею открытіи; она удовольствовалась тѣмъ, что сопровождала немногія слова, обращенныя ею къ Маріаннѣ въ *его* присутствіи—значительной усмѣшкой, которая нисколько не обусловливалась ихъ содержаніемъ.—Валентина Михайловна даже нѣсколько раскаявалась въ томъ, что написала письмо брату.... Но въ концѣ-концевъ она предпочла: раскаяваться — и чтобъ это было сдѣлано,—чѣмъ не раскаяваться—и чтобъ письмо осталось не написаннымъ.

Съ Маріанной Нежлановъ увидѣлся мелькомъ, въ столовой, за завтракомъ. Онъ нашелъ, что она похудѣла и пожелтѣла: она была нехороша собой въ тотъ день; но быстрый взглядъ, который она бросила на него, какъ только онъ вошелъ въ комнату, проникъ въ самое его сердце.—За то Валентина Михайловна посматривала на него такъ, какъ будто постоянно внутренно твердила: „Поздравляю! Прекрасно! Очень ловко!“—и въ то же время ей хотѣлось вычитать на его лицѣ: показалъ ли ему Маркеловъ ея письмо или нѣтъ?—Она рѣшила наконецъ, что показалъ.

Синягинъ, узнавъ, что Нежлановъ ѣздилъ на фабрику, которою завѣдывалъ Соломинъ, началъ разспрашивать его объ этомъ „во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ промышленномъ заведеніи“; — но, въ скорости убѣдившись изъ отвѣтовъ молодого человѣка, что онъ собственно тамъ ничего не видѣлъ, умолкъ величественно, какъ-бы упрекая самого себя въ томъ, что могъ ожидать какихъ либо дѣльныхъ свѣдѣній отъ такого еще незрѣлаго субъекта!—Выходя изъ столовой, Маріанна успѣла шепнуть Нежланову:—

„Жди меня въ старой березовой рощѣ, на концѣ сада;—я приду туда—какъ только будетъ возможно".—Нежда-новъ подумалъ: „и она говоритъ мнѣ: „ты — такъ же, какъ тотъ".—И какъ это было ему пріятно, хоть и нѣ-сколько жутко!.... и какъ было бы странно—да и невоз-можно — еслибъ она вдругъ снова начала говорить ему: „вы"—еслибъ она отодвинулась отъ него....

Онъ почувствовалъ, что это было бы для него несчасть-емъ.—Былъ ли онъ влюбленъ въ нее—этого онъ еще не зналъ; но что она стала ему дорогóю—и близкой—и нуж-ной.... главное: нужной—это онъ чувствовалъ всѣмъ су-ществомъ своимъ.

Роща, куда послала его Маріанна, состояла изъ сотни высокихъ, старыхъ, бóльшей частью плакучихъ березъ. Вѣтеръ не переставалъ: длинныя пачки вѣтвей качались, метались какъ распущенныя косы: облака по-прежнему неслись быстро и высоко:—и когда одно изъ нихъ нале-тало на солнце, все кругомъ становилось—не темно, но одноцвѣтно.—Но вотъ, оно пролетѣло—и всюду, внезап-но, яркія пятна свѣта мятежно колыхались снова: они путались, пестрѣли, мѣшались съ пятнами тѣни.... шумъ и движеніе были тѣ же: но какая-то праздничная радость прибавлялась къ нему. Съ такимъ же радостнымъ насиліемъ врывается страсть въ потемнѣвшее, взволнованное сердце.... И такое именно сердце принесъ въ груди своей Неждановъ.

Онъ прислонился къ стволу березы—и началъ ждать.—Онъ собственно не зналъ, что́ онъ чувствовалъ—да и не желалъ это знать: ему было и страшнѣе—и легче, чѣмъ у Маркелова. Онъ хотѣлъ прежде всего ее видѣть, говорить съ нею: тотъ узелъ, который внезапно связываетъ два жи-выхъ существа, уже захватилъ его.—Неждановъ вспом-нилъ веревку, которая летитъ на набережную съ парохо-

да, когда тотъ собирается причалить.... Вотъ, ужъ она обвилась около столба—и пароходъ остановился....

Въ пристани! Слава Богу!

Онъ вдругъ вздрогнулъ. Женское платье замелькало вдали по дорожкѣ. Это она. Но идетъ ли она къ нему, уходитъ ли отъ него—онъ не зналъ, пока не увидѣлъ, что пятна свѣта и тѣни скользили по ея фигурѣ *снизу вверхъ*.... значитъ, она приближается. Они бы спускались *сверху внизъ;* еслибъ она удалялась. Еще нѣсколько мгновеній—и она стояла возлѣ него, передъ нимъ, съ привѣтнымъ, оживленнымъ лицомъ, съ ласковымъ блескомъ въ глазахъ, съ слабо, но весело улыбавшимися губами.—Онъ схватилъ ея протянутыя руки—однако тотчасъ не могъ вымолвить ни слова;—и она ничего не сказала. Она очень скоро шла и немного задыхалась; но видно было, что она очень обрадовалась тому, что онъ обрадовался ей.

Она первая заговорила.

— Ну, что́,—начала она—сказывай скорѣй, чѣмъ вы рѣшили?

Неждановъ удивился.

— Рѣшили.... Да развѣ надо было теперь же рѣшить?

— Ну, ты понимаешь меня.—Разсказывай, о чемъ вы говорили? Кого ты видѣлъ? Познакомился ли ты съ Соломинымъ?—Разсказывай все.... все! Постой, пойдемъ туда, подальше. Я знаю мѣсто.... тамъ не такъ видно.

Она повлекла его за собою. Онъ послушно шелъ за ней цѣликомъ по высокой, рѣдкой, сухой травѣ.

Она привела его, куда хотѣла. Тамъ лежала, повалленная бурей, большая береза. Они усѣлись на ея стволѣ.

— Разсказывай!—повторила она, но тотчасъ же прибавила:—Ахъ, какъ я рада тебя видѣть! Мнѣ казалось, что эти два дня никогда не кончатся. Ты знаешь, я теперь убѣждена въ томъ, что Валентина Михайловна насъ подслушала.

— Она написала объ этомъ Маркелову,—промолвилъ Неждановъ.

— Ему?!

Маріанна помолчала и понемногу покрасѣла вся,—не отъ стыда, а отъ другого, болѣе сильнаго чувства.

— Злая, дурная женщина! — медленно процѣдила она:—она не въ правѣ была это сдѣлать.... Ну, все равно! Разсказывай, разсказывай.

Неждановъ началъ говорить.... Маріанна слушала его съ какимъ-то окаменѣлымъ вниманіемъ—и только тогда прерывала его, когда она замѣчала, что онъ спѣшитъ, не останавливается на подробностяхъ. — Впрочемъ, не всѣ подробности его поѣздки были одинаково интересны для нея: надъ Ѳомушкой и Ѳимушкой она посмѣялась, но они ея не занимали. Ихъ быть былъ слишкомъ отъ нея далекъ.

— Ты мнѣ точно о Навуходоносорѣ свѣдѣнія сообщаешь,—замѣтила она.

А вотъ, что́ говорилъ Маркеловъ, что́ думаетъ даже Голушкинъ (хотя она тотчасъ поняла, что́ это за птица)—а главное: какого мнѣнія Соломинъ—и что онъ самъ за человѣкъ—вотъ что ей нужно было знать, вотъ о чемъ она сокрушалась. „Когда же? когда?“—этотъ вопросъ постоянно вертѣлся у ней въ головѣ, просился на уста во все время, пока говорилъ Неждановъ. А онъ какъ будто избѣгалъ всего, что́ могло дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ самъ сталъ замѣчать, что налегаетъ именно на тѣ подробности, которыя менѣе интересовали Маріанну.... нѣтъ-нѣтъ—да и возвратится къ нимъ. Юмористическія описанія возбуждали въ ней нетерпѣніе; тонъ разочарованный или унылый ее огорчалъ.... Надо было постоянно обращаться къ „дѣлу“, къ „вопросу“. Тутъ никакое многословіе ее не утомляло. Вспомнилось Нежданову время, когда онъ, еще не будучи студентомъ, и живя лѣтомъ на дачѣ у однихъ хорошихъ знакомыхъ, вздy-

малъ разсказывать ихъ дѣтямъ сказки:—и они также не цѣнили ни описаній, ни выраженія личныхъ, собственныхъ ощущеній.... они также требовали дѣла, фактовъ!—Маріанна не была ребенкомъ, но прямотою и простотою чувства она походила на ребенка.

Неждановъ искренно и горячо похвалилъ Маркелова—и съ особеннымъ сочувствіемъ отозвался о Соломинѣ. Говоря о немъ чуть не въ восторженныхъ выраженіяхъ, онъ спрашивалъ самого себя: что́ собственно заставляло его быть такого высокаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ? Ничего особенно-умнаго онъ не высказалъ: нныя его слова даже какъ-будто шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями его, Неждановa.... „Уравновѣшенный характеръ,—думалось ему:—вотъ что́; обстоятельный, свѣжій, какъ говорила Онмушка;—крупный человѣкъ; спокойная, крѣпкая сила: знаетъ, что́ ему нужно, и себѣ довѣряетъ—и возбуждаетъ довѣріе; тревоги нѣтъ.... и равновѣсіе! равновѣсіе!... Вотъ это главное: именно, чего у меня нѣтъ“. Неждановъ умолкъ, предавшись размышленію.... Вдругъ онъ почувствовалъ прикосновеніе руки на своемъ плечѣ.

Онъ поднялъ голову: Маріанна глядѣла на него заботливымъ и нѣжнымъ взоромъ.

— Другъ! Что съ тобою?—спросила она.

Онъ снялъ ея руку съ плеча и въ первый разъ поцѣловалъ эту маленькую, но крѣпкую руку. Маріанна слегка засмѣялась, какъ-бы удивившись: съ чего могла ему придти въ голову такая любезность? — Потомъ она въ свою очередь задумалась.

— Маркеловъ показалъ тебѣ письмо Валентины Михайловны?—спросила она наконецъ.

— Да.

— Ну.... и что же онъ.

— Онъ? —Онъ благороднѣйшее, самоотверженное существо! Онъ.... Неждановъ хотѣлъ-было сказать Марі-

анiѣ о портретѣ—да удержался, и только повторилъ: — благороднѣйшее существо!

— О, да, да!

Маріанна опять задумалась—и вдругъ, повернувшись къ Нежданову на стволѣ березы, служившей имъ обоимъ сидѣньемъ, съ живостью промолвила:

— Ну, такъ чѣмъ же вы рѣшили?

Нежановъ пожалъ плечами.

— Да я тебѣ сказалъ уже, что—пока—ничѣмъ; надо будетъ еще подождать.

— Подождать еще.... Чего же?

— Послѣднихъ инструкцiй. („А вѣдь я вру"—думалось Нежданову).

— Отъ кого?

— Отъ того.... ты знаешь.... отъ Василья Николаевича. Да вотъ, еще надо подождать, чтобы Остродумовъ вернулся.

Маріанна вопросительно посмотрѣла на Нежданова.

— Скажи, ты когда-нибудь видѣлъ этого Василія Николаевича?

— Видѣлъ раза два.... мелькомъ.

— Что онъ.... замѣчательный человѣкъ?

— Какъ тебѣ сказать! Теперь онъ голова—ну, и орудуетъ. А безъ дисциплины въ нашемъ дѣлѣ нельзя; повиноваться нужно. („И *это* все вздоръ"—думалось Нежданову).

— Какой онъ изъ себя?

— Какой?—приземистый, грузный, черноватый.... Лицо скуластое, калмыцкое.... грубое лицо. Только глаза очень живые.

— А говоритъ онъ какъ?

— Онъ не столько говоритъ, сколько командуетъ.

— Отчего же онъ сдѣлался головою?

— А съ характеромъ человѣкъ. Ни предъ чѣмъ не отступитъ. Если нужно—убьетъ. Ну—его и боятся.

— А Соломинъ каковъ изъ себя?—спросила Маріанна, погодя немного.

— Соломинъ тоже не очень красивъ; только у этого славное лицо, простое, честное. Между семинаристами—хорошими—такія попадаются лица.

Неждановъ подробно описалъ Соломина. Маріанна посмотрѣла на Неждановa долго.... долго.... потомъ промолвила, словно про себя:

— У тебя тоже хорошее лицо. Съ тобою, думаю, можно жить.

Это слово тронуло Неждановa; онъ снова взялъ ея руку—и поднесъ-было ее къ губамъ....

— Погоди любезничать, — промолвила, смѣясь, Маріанна—она всегда смѣялась, когда у ней цѣловали руку;—ты не знаешь: я передъ тобой виновата.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какъ. — Я въ твоемъ отсутствіи вошла къ тебѣ въ комнату — и тамъ, на твоемъ столѣ, увидала тетрадку со стихами.... (Неждановъ дрогнулъ: онъ вспомнилъ, что онъ, точно, забылъ эту тетрадку на столѣ своей комнаты)—и каюсь передъ тобою: не съумѣла побѣдить свое любопытство—и прочла.—Вѣдь это твои стихи?

— Мои; и знаешь ли что, Маріанна? Лучшимъ доказательствомъ, до какой степени я къ тебѣ привязанъ и какъ я тебѣ довѣряю—можетъ служить то, что я почти не сержусь на тебя.

— Почти? Стало-быть, хоть немного, да сердишься?—Кстати, ты меня зовешь Маріанной; не могу же я тебя звать Неждановымъ! Буду звать тебя Алексѣемъ. А стихотвореніе, которое начинается такъ: „Милый другъ, когда я буду умирать....“ тоже твое?

— Мое.... мое.—Только, пожалуйста, брось это.... Не мучь меня.

Маріанна покачала головою.

— Оно очень печально. — Это стихотвореніе.... Надѣюсь, что ты его написалъ до сближенія со мною. Но стихи хороши—насколько я могу судить. Мнѣ сдается, что ты могъ бы сдѣлаться литераторомъ, только я *навѣрное* знаю, что у тебя есть призваніе лучше и выше литературы. Этимъ хорошо было заниматься прежде,—когда другое было невозможно.

Неждановъ кинулъ на нее быстрый взглядъ.

— Ты думаешь? Да, я съ тобой согласенъ. Лучше гибель тамъ—чѣмъ успѣхъ здѣсь.

Маріанна стремительно встала.

— Да, мой милый, ты правъ!—воскликнула она—и все лицо ея просіяло, вспыхнуло огнемъ и блескомъ восторга, умиленіемъ великодушныхъ чувствъ:—ты правъ! — Но, можетъ быть, мы и не погибнемъ тотчасъ: мы успѣемъ, ты увидишь, мы будемъ полезны, наша жизнь не пропадетъ даромъ, мы пойдемъ въ народъ.... Ты знаешь какое-нибудь ремесло? Нѣтъ? Ну, все равно—мы будемъ работать, мы принесемъ имъ, нашимъ братьямъ, все, что́ мы знаемъ—я, если нужно, въ кухарки пойду, въ швеи, въ прачки.... Ты увидишь, ты увидишь.... И никакой тутъ заслуги не будетъ—а счастье, счастье....

Маріанна умолкла; но взоръ ея, устремленный въ даль, не въ ту, которая разстилалась передъ нею—а въ другую, невѣдомую, еще не бывалую, но видимую ей,—взоръ ея горѣлъ....

Неждановъ склонился къ ея стану....

— О, Маріанна!—шепнулъ онъ,—я тебя не сто́ю!

Она вдругъ вся встрепенулась.

— Пора домой—пора!—промолвила она,—а то сейчасъ опять насъ отыскивать станутъ. Впрочемъ, Валентина Ми-

хайловна, кажется, махнула на меня рукой. И въ ея глазахъ—пропащая!

Маріанна произнесла это слово съ такимъ свѣтлымъ, радостнымъ лицомъ, что и Нежановъ, глядя на нее, не могъ не улыбнуться и не повторить: пропащая!

— Только она очень оскорблена тѣмъ, — продолжала Маріанна,—какъ же это ты не у ея ногъ?—Но это все ничего—а вотъ что́.... Вѣдь здѣсь оставаться мнѣ нельзя будетъ.... Надо будетъ бѣжать.

— Бѣжать?—повторилъ Нежановъ.

— Да, бѣжать.... Вѣдь и ты не останешься? — Мы уйдемъ вмѣстѣ.—Намъ надо будетъ работать вмѣстѣ.... Вѣдь ты пойдешь со мною?

— На край свѣта!—воскликнулъ Нежановъ—и голосъ его внезапно зазвенѣлъ отъ волненія и какой-то порывистой благодарности. — На край свѣта! — Въ эту минуту онъ точно ушелъ бы съ нею, безъ оглядки, куда бы она ни пожелала!

Маріанна поняла его—и коротко и блаженно вздохнула.

— Такъ возьми же мою руку.... только не цѣлуй ея—а пожми ее крѣпко, какъ товарищу, какъ другу.... вотъ такъ!

Они пошли вмѣстѣ домой, задумчивые, счастливые,— молодая трава ластилась подъ ихъ ногами, молодая листва шумѣла кругомъ; пятна свѣта и тѣни побѣжали, проворно скользя по ихъ одеждѣ—и оба они улыбались и тревожной ихъ игрѣ, и веселымъ ударамъ вѣтра, и свѣжему блистанью листьевъ—и собственной молодости, и другъ другу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXIII.

Заря уже занималась на небѣ, когда, въ ночь послѣ Голушкинскаго обѣда, Соломинъ, бодро пропагавъ около пяти верстъ, постучался въ калитку высокаго забора, окружавшаго фабрику. Сторожъ тотчасъ впустилъ его—и въ сопровожденіи трехъ цѣпныхъ овчарокъ, широко размахивавшихъ мохнатыми хвостами, съ почтительной заботливостью довелъ его до его флигеля.—Онъ видимо радовался благополучному возвращенію начальника.

— Какъ же это вы ночью, Василій Ѳедотычъ? Мы васъ ждали только завтра.

— Ничего, Гаврила; еще лучше ночью-то прогуляться.

Хорошія, хотя и не совсѣмъ обыкновенныя, отношенія существовали между Соломинымъ и фабричными: они уважали его какъ старшаго — и обходились съ нимъ какъ съ равнымъ, какъ со своимъ: только ужъ очень онъ былъ знающъ въ ихъ глазахъ! — „Что́ Василій Ѳедотовъ сказалъ“—толковали они—„ужъ это свято! потому онъ всяку мудрость произошелъ—и нѣтъ такого а́нгличана, котораго онъ бы за поясъ не заткнулъ!—Дѣйствительно: какой-то важный англійскій мануфактуристъ посѣтилъ однажды фабрику; и отъ того ли, что Соломинъ съ нимъ по-англійски говорилъ—или онъ точно былъ пораженъ его свѣдѣніями—только онъ все его по плечу хлопалъ, и смѣялся, и звалъ его съ собою въ Ливерпуль; —а фабричные твердили на своемъ ломаномъ языкѣ: „Караша́ оу васъ

эта! Оу! караша!“—чему фабричные въ свою очередь много смѣялись, не безъ гордости: „Вотъ молъ нашъ-то каковъ!—Нашъ-то!“

И онъ точно былъ ихъ—и ихній.

На другое утро рано вошелъ къ Соломину въ комнату его любимецъ, Павелъ; разбудилъ его, подалъ ему умыться, кое-что разсказалъ, кое-о-чемъ разспросилъ. Потомъ они вмѣстѣ наскоро напились чаю — и Соломинъ, натянувъ на себя свой замасленный сѣрый рабочій пиджакъ, отправился на фабрику—и завертѣлась опять его жизнь, какъ большое маховое колесо.

Но ей было суждена новая остановка.

Дней пять спустя послѣ возвращенія Соломина во-свояси, на дворъ фабрики вкатился красный фаэтончикъ, запряженный четверней отличныхъ лошадей,—и ливрейный, бѣло-гороховой лакей, введенный Павломъ во флигель, торжественно вручилъ Соломину письмо съ гербовою печатью—отъ „Его превосходительства Бориса Андреевича Сипягина“.—Въ этомъ письмѣ, пропитанномъ не духами—фи!—а какой-то необычайно-приличной англійской водою, и писанномъ—хоть и въ третьемъ лицѣ,—но не секретарской, а собственной генеральской рукою, просвѣщенный владѣлецъ села Аржанаго, извинившись сперва, что обращается къ человѣку, лично ему не знакомому—но о которомъ онъ, Сипягинъ, наслышанъ съ самой лестной стороны,—бралъ на себя „смѣлость“ пригласить къ себѣ въ деревню г-на Соломина, совѣты котораго могли быть чрезвычайно полезны для него, Сипягина, въ нѣкоторомъ значительномъ промышленномъ предпріятіи; и въ надеждѣ на любезное согласіе г-на Соломина—онъ, Сипягинъ, посылаетъ ему экипажъ.—Въ случаѣ же невозможности со стороны г-на Соломина отлучиться въ тотъ день, онъ, Сипягинъ, покорнѣйше проситъ г-на Соломина назначить ему другой, какой будетъ ему угодно,—и тотъ

же экипажъ будетъ съ радостью предоставленъ имъ, Синягинымъ, въ распоряженіе г-на Соломина. За симъ слѣдовали обычныя заявленія,—а въ концѣ письма находилось post-scriptum, уже въ первомъ лицѣ: „Надѣюсь, что вы не откажетесь откушать у меня *запросто*, въ сюртукѣ". (Слово „запросто" было подчеркнуто). Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ бѣло-гороховый лакей съ нѣкоторымъ какъ бы смущеніемъ подалъ Соломину простую, даже не запечатанную, а заклеенную записку отъ Нежданова, въ которой стояло только нѣсколько словъ: „Пріѣзжайте пожалуйста, вы здѣсь очень нужны—и можете быть очень полезны;—только, конечно, не г-ну Синягину".

Прочтя письмо Синягина, Соломинъ подумалъ: „А какъ же мнѣ иначе ѣхать, какъ не запросто; фрака то у меня въ заводѣ нѣту.... Да и на кой чортъ мнѣ туда таскаться.... только время терять!"—но, пробѣжавъ записку Неждановa, онъ почесалъ у себя въ затылкѣ и подошелъ, въ нерѣшительности, къ окну.

— Какой же изволите отвѣтъ дать?—степенно вопросилъ бѣло-гороховый лакей.

Соломинъ постоялъ еще немного у окна—и наконецъ, встряхнулъ волосами и проведя рукой по лбу,—промолвилъ:

— Ѣду.—Дайте мнѣ время одѣться.

Лакей благопристойно вышелъ, а Соломинъ велѣлъ позвать Павла, потолковалъ съ нимъ, сбѣгалъ еще разъ на фабрику—и, надѣвъ чёрный сюртукъ съ очень длинной таліей, сшитый ему губернскимъ портнымъ, и нѣсколько порыжѣлый цилиндръ, немедленно придавшій его лицу деревянное выраженіе, сѣлъ въ фаэтончикъ—но вдругъ вспомнилъ, что не взялъ съ собой перчатокъ; кликнулъ „вездѣсущаго" Павла—и тотъ принесъ ему пару только-что вымытыхъ замшевыхъ бѣлыхъ перчатокъ, каждый палецъ которыхъ, расширенный къ концу, походилъ на бис-

квитъ. Соломинъ сунулъ перчатки въ карманъ и сказалъ, что можно ѣхать. Тогда лакей съ какой-то внезапной, совершенно ненужной отвагой вскочилъ на ко́зла—благовоспитанный кучеръ пискнулъ фальцетомъ—и лошади побѣжали.

Пока онѣ постепенно приближали Соломина къ имѣнію Синягина—этотъ государственный мужъ, сидя у себя въ гостиной, съ полуразрѣзанной политической брошюрой на колѣняхъ, бесѣдовалъ о немъ съ своей женой. Онъ повѣрялъ ей, что выписалъ его собственно за тѣмъ, чтобы попытаться, нельзя ли сманить его съ купеческой фабрики на свою собственную, такъ какъ она идетъ изъ рукъ вонъ плохо и нужны коренныя преобразованія!—На мысли, что Соломинъ откажется пріѣхать или даже назначитъ другой день, Синягинъ и останавливаться не хотѣлъ; хоть самъ же, въ своемъ письмѣ къ Соломину, предлагалъ ему выборъ дня.

— Да вѣдь фабрика у насъ писчебумажная, не прядильная,—замѣтила Валентина Михайловна.

— Все равно, душа моя: и тамъ машины—и здѣсь машины.... а онъ—механикъ!

— Да вѣдь онъ, быть можетъ, спеціалистъ!

— Душа моя, во-первыхъ — на Руси нѣтъ спеціалистовъ; а во-вторыхъ—я повторяю тебѣ:—онъ механикъ!

Валентина Михайловна улыбнулась.

— Смотри, мой другъ: тебѣ уже разъ не посчастливилось съ молодыми людьми; какъ бы тебѣ во второй разъ не ошибиться!

— Это ты на счетъ Неждановa?—Но, мнѣ кажется, цѣли своей я все-таки достигъ: репетиторъ для Коли онъ хорошій. А потомъ,—ты знаешь: non bis in idem! Извини, пожалуйста, мой педантизмъ.... Это значитъ что двѣ вещи сряду не повторяются.

— Ты полагаешь?—А *я* такъ думаю, что все на свѣтѣ

повторяется.... особенно то, что̀ въ натурѣ вещей.... и особенно между молодыми людьми.

— Que voulez vous dire?—спросилъ Синягинъ, округленнымъ жестомъ бросая брошюру на столъ.

— Ouvrez les yeux—et vous verrez!—отвѣтила ему Синягина; по-французски они, конечно, говорили другъ другу вы.

— Гмъ!—произнесъ Синягинъ. — Это ты про студентика?

— Про г-на студента.

— Гмъ!—развѣ у него тутъ.... (онъ повертѣлъ рукою около лба....) что-нибудь завелось? А?

— Открой глаза!

— Маріанна? А?—(Второе „А?“— было произнесено болѣе въ носъ, чѣмъ первое).

— Открой глаза, говорятъ тебѣ!

Синягинъ нахмурилъ брови.

— Ну, это мы все разберемъ впослѣдствіи.—А теперь я хотѣлъ только одно сказать.... Этотъ Соломинъ, вѣроятно, будетъ нѣсколько конфузиться.... ну, понятное дѣло, не привыкъ.—Такъ надо будетъ этакъ съ нимъ поласковѣе.... чтобы не запугать. Я это не для тебя говорю; ты у меня—золото; и кого захочешь—мигомъ очаровать можешь.—J'en sais quelque chose, madame! — Я это говорю для другихъ;—вотъ хоть бы для этого....

Онъ указалъ на модную сѣрую шляпу, стоявшую на этажеркѣ: эта шляпа принадлежала г. Каломбѣцеву, который съ утра находился въ Арзаномъ.

— Il est très cassant, ты знаешь: очень ужъ онъ презираетъ народъ, что̀ я весьма.... осуждаю! Къ тому же, я съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаю въ немъ какую-то раздражительность, придирчивость.... Или его дѣла — *тамъ* — (Синягинъ качнулъ куда-то неопредѣленно головою.... но жена поняла его)—не подвигаются? А?

— Открой глаза.... опять скажу я тебѣ.

Синягинъ приподнялся.

— А?—(Это „А?“ было уже совсѣмъ другого свойства и въ другомъ тонѣ... гораздо ниже).—Вотъ какъ?!—Какъ бы я ужъ ихъ тогда слишкомъ не открылъ!

— Это твое дѣло;—а на счетъ твоего новаго молодого — если онъ только пріѣдетъ сегодня — ты не безпокойся; будутъ приняты всѣ мѣры предосторожности.

И что же? Оказалось, что никакихъ мѣръ предосторожности вовсе не требовалось: — Соломинъ нисколько не сконфузился и не испугался.—Когда слуга доложилъ о немъ, Синягинъ тотчасъ всталъ, промолвилъ громко, такъ, чтобъ въ передней было слышно: „проси! разумѣется, проси!“ — направился къ двери гостиной и остановился вилоть передъ нею. Лишь только Соломинъ переступилъ порогъ, Синягинъ, на котораго онъ едва не наткнулся, протянулъ ему обѣ руки и, любезно осклабясь и помахивая головою, радушно приговаривая—„вотъ какъ мило.... съ вашей стороны.... какъ я вамъ благодаренъ“—подвелъ его къ Валентинѣ Михайловнѣ.

— Вотъ эта жёнка моя,—проговорилъ онъ, мягко нажимая своею ладонью спину Соломина — и какъ-бы надвигая его на Валентину Михайловну,— а вотъ, моя милая, нашъ первый здѣшній механикъ и фабрикантъ, Василій.... Осдосѣевичъ Соломинъ. — Синягина приподнялась и красиво взмахнувъ снизу вверхъ своими чудесными рѣсницами, сперва улыбнулась ему — добродушно — какъ знакомому; потомъ протянула ему свою ручку ладонью вверхъ, прижимая локотокъ къ стану и наклонивъ головку въ сторону ручки.... словно просительница. Соломинъ далъ и мужу и женѣ продѣлать надъ нимъ всѣ ихнія штучки, пожалъ руку и ему, и ей — и сѣлъ по первому приглашенію. Синягинъ сталъ безпокоиться — не нужно ли ему чего? Но Соломинъ отвѣчалъ, что ничего ему не

нужно, что онъ нисколько не усталъ съ дороги—и находится въ полномъ его распоряженіи.

— Такъ, что можно васъ попросить пожаловать на фабрику?—воскликнулъ Синягинъ, какъ-бы совѣстясь и не смѣя вѣрить такой большой снисходительности со стороны гостя.

— Хоть сейчасъ,—отвѣчалъ Соломинъ.

— Ахъ, какой же вы обязательный! Прикажете дрожки заложить?—или, можетъ быть, вы желаете пѣшкомъ....

— Да вѣдь она, чай, недалеко отсюда, ваша фабрика?

— Съ поль-версты, не больше!

— Такъ на что же экипажъ закладывать?

— Ну, такъ прекрасно. Человѣкъ,—шляпу, мнѣ, палку, поскорѣе!—А ты, хозяюшка, хлопочи, обѣдъ намъ припасай!—Шляпу!

Синягинъ волновался гораздо болѣе, чѣмъ его гость. Повторивъ еще разъ:—„да что-жъ это мнѣ шляпу!“ онъ—сановникъ! — выскочилъ вонъ — совсѣмъ какъ рѣзвый школьникъ. Пока онъ разговаривалъ съ Соломинымъ, Валентина Михайловна посматривала украдкой, но внимательно, на этого „новаго молодого“.—Онъ спокойно сидѣлъ на креслѣ, положивъ объ обнаженныя руки себѣ на колѣни (онъ такъ-таки и не надѣлъ перчатокъ—и спокойно, хотя съ любопытствомъ, оглядывалъ мебель, картины.—Это что такое? думала она.—Плебей.... явный плебей.... а какъ просто себя держитъ!—Соломинъ дѣйствительно держалъ себя очень просто, не такъ, какъ иной, который прость-то прость — но съ форсомъ: „Смотри-молъ на меня и понимай, каковъ я есть!“—а какъ человѣкъ, у котораго и чувства, и мысли несложныя, хоть и крѣпкія. Синягина хотѣла-было заговорить съ нимъ—и, къ изумленію своему, не тотчасъ нашлась.

„Господи!“ подумала она: „неужели же этотъ фабричный мнѣ импонируетъ?“

— Борисъ Андреичъ долженъ быть вамъ очень благодаренъ,—промолвила она наконецъ — что вы согласились пожертвовать для него частью вашего драгоцѣннаго времени....

— Не такъ ужъ оно драгоцѣнно сударыня,—отвѣчалъ Соломинъ;—да вѣдь я и не надолго къ вамъ.

„Voila uù l'ours a montré sa patte", подумала она по-французски; но въ эту минуту ея мужъ появился на порогѣ раскрытой двери, съ шляпой на головѣ и „стикомъ" въ рукѣ. Стоя въ полуоборотъ, онъ развязно воскликнулъ.

— Василій Осдосѣичъ! Угодно пожаловать?

Соломинъ всталъ, поклонился Валентинѣ Михайловнѣ— и пошелъ вслѣдъ за Синягинымъ.

— За мной, сюда, сюда, Василій Осдосѣичъ! твердилъ Синягинъ, точно онъ пробирался по какимъ-то дебрямъ— и Соломину нуженъ былъ проводникъ.—Сюда! здѣсь ступеньки, Василій Ѳедосѣичъ!

— Коли ужъ вамъ угодно меня величать по отчеству,— промолвилъ, не спѣша, Соломинъ....—я не Осдосѣичъ,— а Ѳедотычъ.

Синягинъ оглянулся на него назадъ, черезъ плечо, почти съ испугомъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста. Василій Ѳедотычъ!

— Ничего-съ; не-стóитъ.

Они вышли на дворъ.— Имъ на встрѣчу попался Каллом-бѣйцевъ.

— Куда это вы?—спросилъ онъ, покосившись на Соломина.—На фабрику? C'est la l'individu en question?

Синягинъ вытаращилъ глаза и легонько потрясъ головою, въ знакъ предостереженія.

— Да, на фабрику.... показывать мои грѣхи да прорѣхи—вотъ г-ну механику. Позвольте васъ познакомить: г-нъ Калломбѣйцевъ здѣшній помѣщикъ: г-нъ Соломинъ....

Калломбѣйцевъ кивнулъ раза два головою— едва замѣтно

—совѣмъ не въ сторону Соломина—и не-глядя на него. —А тотъ вóзрѣлся въ Калломѣйцева—и въ его полузакрытыхъ глазахъ мелькнуло нѣчто....

— Можно присоединиться къ вамъ?—спросилъ Калломѣйцевъ.—Вы знаете, я люблю поучиться.

— Конечно, можно.

Они вышли со двора на дорогу—и не успѣли пройдти и двадцати шаговъ, какъ увидѣли приходскаго священника, въ подоткнутой рясѣ, пробиравшагося во-свояси, въ такъ-называемую „поповскую слободку“. Калломѣйцевъ немедленно отдѣлился отъ своихъ двухъ товарищей — и твердыми, большими шагами подойдя къ священнику, который никакъ этого не ожидалъ и нѣсколько оробѣлъ—попросилъ его благословенія, звучно поцѣловалъ его потную, красную руку.—и, обернувшись къ Соломину, бросилъ ему вызывающій взглядъ. Онъ, очевидно, зналъ про него „кое-что“—и хотѣлъ показать себя и „носъ наклеить“ ученому проходимцу.

— C'est une manifestation, mon cher? — процѣдилъ сквозь зубы Сипягинъ.

Калломѣйцевъ фыркнулъ.

— Oui, mon cher, une manifestation nécessaire par le temps qui court!

Они пришли на фабрику. Ихъ встрѣтилъ малороссъ съ громадивѣшей бородой и фальшивыми зубами, замѣнившій прежняго управляющаго, нѣмца, котораго Сипягинъ окончательно прогналъ. Этотъ малороссъ былъ временной: онъ явно ничего не смыслилъ и только безпрестанно говорилъ: „отó....“ да „байдужке“—и все вздыхалъ.

Начался осмотръ заведенія. Нѣкоторые фабричные знали Соломина въ лицо и кланялись ему.—Одному онъ даже сказалъ: „А, здравствуй, Григорій! Ты здѣсь?“—Онъ скоро убѣдился, что дѣло велось плохо. Денегъ было потрачено пропасть, да бéзъ толку. Машины оказались дур-

ного качества; много было лишняго и ненужнаго; много нужнаго недоставало. Синягинъ постоянно заглядывалъ въ глаза Соломину, чтобы угадать его мнѣніе, дѣлалъ робкіе запросы, желалъ узнать, доволенъ ли онъ по крайней мѣрѣ порядкомъ?

— Порядокъ-то есть,—отвѣчалъ Соломинъ, — но можетъ ли быть доходъ?—сомнѣваюсь.

Не только Синягинъ, даже Калломѣйцевъ чувствовалъ, что Соломинъ на фабрикѣ—какъ дома, что ему тутъ все извѣстно и знакомо, до послѣдней мелочи; что онъ тутъ хозяинъ. Онъ клалъ руку на машину, какъ ѣздокъ на шею лошади; тыкалъ пальцемъ колесо—и оно останавливалось или начинало вертѣться; бралъ на ладонь изъ чана немного того мѣсива, изъ котораго выдѣлывается бумага—и оно тотчасъ показывало всѣ свои недостатки. Соломинъ говорилъ мало, а на бородатаго малороса даже не глядѣлъ вовсе; молча вышелъ онъ также изъ фабрики. Синягинъ и Калломѣйцевъ отправились вслѣдъ за нимъ.

Синягинъ не велѣлъ никому провожать себя.... даже ногою топнулъ и зубомъ скрипнулъ! Очень онъ былъ разстроенъ.

— Я по вашей физіономіи вижу,—обратился онъ къ Соломину, что вы моей фабрикой недовольны,—и я самъ знаю, что она у меня въ неудовлетворительномъ состояніи и недоходна; однако, собственно.... вы, пожалуйста, не церемоньтесь.... какія ея важнѣйшія погрѣшности? И что бы сдѣлать такое, дабы улучшить ее?

— Писчебумажное производство не по моей части.— отвѣчалъ Соломинъ: но одно могу сказать вамъ: — промышленныя заведенія—не дворянское дѣло.

— Вы считаете эти занятія унизительными для дворянства?—вмѣшался Калломѣйцевъ.

Соломинъ улыбнулся своей широкой улыбкой.

— О, нѣтъ! Помилуйте! Что тутъ унизительнаго? Да

еслибъ и было что подобное—дворянство вѣдь этимъ не брезгаетъ.

— Какъ-съ? Что такое-съ?

— Я хочу только сказать,—спокойно продолжалъ Соломинъ,—что дворяне не привыкли къ этого рода дѣятельности. — Тутъ нуженъ коммерческій разсчетъ; тутъ все надо поставить на другую ногу; выдержка нужна. Дворяне этого не соображаютъ. Мы и видимъ сплошь да рядомъ, что они затѣваютъ суконныя, бумажныя и другія фабрики,— а въ концѣ-концовъ кому всѣ эти фабрики попадаютъ въ руки? купцамъ. Жаль: потому купецъ—та же піявка, а только дѣлать нечего.

— Послушать васъ,—вскричалъ Калломбійцевъ,—дворянамъ нашимъ недоступны финансовые вопросы?

— О, напротивъ! дворяне на это мастера. Концессію на желѣзную дорогу получить, банкъ завести, льготу какую себѣ выпросить—или тамъ что-нибудь въ такомъ родѣ—никто на это какъ дворяне! Большіе капиталы составляютъ. Я именно на это намекалъ—вотъ когда вы изволили разсердиться. Но я имѣлъ въ виду правильныя промышленныя предпріятія; говорю: правильныя — потому что заводить собственные кабаки, да промѣнныя мелочныя лавочки, да ссужать мужичковъ хлѣбомъ и деньгами за сто и за полтораста процентовъ — какъ теперь дѣлаютъ многіе изъ дворянъ-владѣльцевъ — я подобныя операціи не могу считать настоящимъ финансовымъ дѣломъ.

Калломбійцевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ принадлежалъ именно къ этой новой породѣ помѣщиковъ-ростовщиковъ, о которой упомянулъ Маркеловъ въ послѣднемъ своемъ разговорѣ съ Неждановымъ,—и онъ былъ тѣмъ безчеловѣчнѣе въ своихъ требованіяхъ, что лично съ крестьянами дѣла никогда не имѣлъ—не допускать же ихъ въ свой раздушенный европейскій кабинетъ!—а вѣдался съ ними черезъ прикащика. Слушая неторопливую, какъ бы безу-

частную рѣчь Соломина, онъ весь внутренно закипалъ.... но промолчалъ на этотъ разъ, и только одна игра мускуловъ на щекахъ, произведенная стиснутіемъ челюстей изобличала то, что̀ въ немъ происходило.

— Однако, позвольте, позвольте, Василій Оедотычъ,— заговорилъ Сипягинъ:—все, что̀ вы намъ излагаете, было совершенно справедливо въ прежнія времена, когда дворяне пользовались.... совсѣмъ другими правами, и вообще находились въ другомъ положеніи. Но теперь, послѣ всѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, въ нашъ промышленный вѣкъ, почему же дворяне не могутъ обратить свое вниманіе, свои способности, наконецъ, на подобныя предпріятія? Почему же они не могутъ понять того, что̀ понимаетъ простой, часто даже безграмотный купецъ? Не страдаютъ же они недостаткомъ образованности—и даже можно съ удостовѣрительностью утверждать, что они въ нѣкоторомъ родѣ представители просвѣщенія и прогресса!

Очень хорошо говорилъ Борисъ Андреевичъ; его краснорѣчіе имѣло бы большой успѣхъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ—въ департаментѣ—или даже повыше, но на Соломина оно не произвело никакого впечатлѣнія.

— Не могутъ дворяне этими дѣлами орудовать,—повторилъ онъ.

— Да почему же? почему?—чуть не закричалъ Каломѣйцевъ.

— А потому, что они тѣ же чиновники.

— Чиновники?—Каломѣйцевъ захохоталъ язвительно. —Вы, вѣроятно, г. Соломинъ, не отдаете себѣ отчета въ томъ, что̀ вы изволите говорить?

Соломинъ не переставалъ улыбаться.

— Отчего вы такъ полагаете, г. Калóменцевъ? (Каломѣйцевъ даже дрогнулъ, услышавъ подобное „искаженіе“ своей фамиліи).—Нѣтъ, я себѣ въ своихъ словахъ отчетъ всегда отдаю.

— Такъ объясните то, что́ вы хотѣли сказать вашей фразой.

— Извольте: по моему, всякій чиновникъ—чужакъ, и быть всегда такимъ, а дворянинъ теперь *сталъ* чужакомъ.

Калломѣйцевъ захохоталъ еще пуще.

— Ну, ужъ извините, милостивый государь; этого я совсѣмъ не понимаю!

— Тѣмъ хуже для васъ. Понатужьтесь.... можетъ быть и поймете.

— Милостивый государь!

— Господа, господа,—поспѣшно заговорилъ Синягинъ, какъ-бы ища кого-то сверху глазами.—Пожалуйста, пожалуйста.... Kallomeïtzeff, je vous prie de vous calmer. Да и обѣдъ, должно быть, скоро будетъ готовъ. Прошу, господа, за мною!

— Валентина Михайловна! — вошелъ Калломѣйцевъ, пять минутъ спустя, вбѣгая въ ея кабинетъ.—Это ни на что не похоже, что вашъ мужъ дѣлаетъ! Одинъ у васъ нигилистъ завелся, теперь онъ привелъ другого! И этотъ еще хуже!

— Почему такъ?

— Помилуйте, онъ чортъ-знаетъ что́ проповѣдуетъ; и притомъ—замѣтьте одно: цѣлый часъ говорилъ съ вашимъ мужемъ и ни разу, *ни разу* не сказалъ ему: ваше превосходительство!—Le vagabond!

XXIV.

Передъ обѣдомъ Синягинъ отозвалъ жену свою въ библіотеку. Ему нужно было переговорить съ нею наединѣ. Онъ казался озабоченнымъ. Онъ сообщилъ ей, что фабрика положительно плоха, что этотъ Соломинъ кажется ему человѣкомъ очень толковымъ, хоть и немного.... рѣзкимъ, и что надо продолжать съ нимъ быть aux petits soins.—

„Ахъ, какъ бы хорошо было его сманить!“ повторилъ онъ раза два. Сипягинъ очень досадовалъ на присутствіе Калломѣйцева.... Чортъ его принесъ! Всюду видитъ нигилистовъ—и только о томъ и думаетъ, какъ бы ихъ уничтожить! Ну, уничтожай ихъ у себя дома! Не можетъ никакъ языкъ за зубами подержать!

Валентина Михайловна замѣтила, что она рада быть „aux petits soins“ съ этимъ новымъ гостемъ; только онъ, кажется, въ этихъ „petits soins“ не нуждается и не обращаетъ на нихъ вниманія; не грубъ, а какъ-то ужъ очень равнодушенъ, что́ весьма удивительно въ человѣкѣ — du comtun.

— Все равно.... постарайся!—взмолился Сипягинъ.

Валентина Михайловна обѣщала постараться — и постаралась. Она начала съ того, что поговорила — en tête-a-tête — съ Калломѣйцевымъ. Неизвѣстно, что́ она ему сказала, но онъ пришелъ къ столу съ видомъ человѣка, который „взялъ на себя“ быть смирнымъ и скромнымъ, что́ бы онъ ни услыхалъ. Эта заблаговременная „резиньяція“ придавала всему его существу оттѣнокъ легкой грусти; за то сколько достоинства.... о! сколько достоинства было въ каждомъ его движеніи! Валентина Михайловна познакомила Соломина со всѣми своими домочадцами.... (пристальнѣе, чѣмъ на другихъ, посмотрѣлъ онъ на Маріанну)—и за столомъ посадила его возлѣ себя, о правую руку. Калломѣйцевъ сидѣлъ о лѣвую. Развертывая салфетку, онъ прищурился и улыбнулся такъ, какъ бы желалъ сказать: „Ну-съ, будемте играть комедію!“ Сипягинъ сидѣлъ напротивъ и съ нѣкоторой тревогой слѣдилъ за нимъ взоромъ. По новому распоряженію хозяйки, Неждановъ очутился не возлѣ Маріанны, а между Анной Захаровной и Сипягинымъ. Маріанна нашла свой билетикъ (такъ какъ обѣдъ былъ парадный) на салфеткѣ между мѣстами Калломѣйцева и Коли.—Обѣдъ былъ сервированъ

отлично; было даже мэю“: разрисованный листикъ лежалъ передъ каждымъ приборомъ. Тотчасъ послѣ супа, Синягинъ навелъ опять рѣчь на свою фабрику—вообще на фабричное производство въ Россіи; Соломинъ отвѣчалъ, по своему обыкновенію, очень кратко. Какъ только онъ заговорилъ, Маріанна устремила на него глаза. Сидѣвшій возлѣ нея Калломѣйцевъ началъ-было обращаться къ ней съ разными любезностями (такъ какъ его попросили „не возбуждать полемики“), но она не слушала его; да и онъ произносилъ эти любезности вяло, для очистки совѣсти: онъ сознавалъ, что между молодой дѣвушкою и имъ существовало нѣчто недоступное.

Что же касается до Нежданова—то нѣчто еще худнее установилось внезапно между имъ и хозяиномъ дома.... Для Синягина Неждановъ сталъ просто мебелью—или воздушнымъ пространствомъ, котораго онъ совсѣмъ—такъ-таки совсѣмъ—не замѣчалъ! Эти новыя отношенія такъ быстро и такъ несомнѣнно опредѣлились, что когда Неждановъ въ теченіе обѣда произнесъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на замѣчаніе своей сосѣдки, Анны Захаровны,—Синягинъ съ удивленіемъ оглянулся, какъ-бы спрашивая себя: „Откуда идетъ сей звукъ?“

Очевидно, Синягинъ обладалъ нѣкоторыми изъ качествъ, отличающихъ русскихъ крупно-сановныхъ людей.

Послѣ рыбы, Валентина Михайловна, которая съ своей стороны расточала всѣ свои обаянія и приманки направо, т.-е. передъ Соломинымъ, замѣтила по-англійски черезъ столъ своему супругу, что „нашъ гость не пьетъ вина, можетъ быть онъ желаетъ пива....“ Синягинъ громко потребовалъ „элю“, а Соломинъ, спокойно обратившись къ Валентинѣ Михайловнѣ, сказалъ ей, что вы-мол, вѣроятно, сударыня, не знаете, что я слишкомъ два года пробылъ въ Англіи—и понимаю и говорю по-англійски; и что я васъ объ этомъ предупреждаю въ случаѣ, если-бъ вамъ

угодно было что-нибудь сказать по секрету въ моемъ присутствіи! Валентина Михайловна засмѣялась и начала увѣрять его, что предостереженіе это безполезно, такъ какъ онъ не услышалъ бы о себѣ ничего, кромѣ выгоднаго; сама же она нашла поступокъ Соломина нѣсколько страннымъ, но, по-своему, деликатнымъ.

Калломѣйцевъ тутъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Вотъ, вы были въ Англіи,—началъ онъ—и вѣроятно, наблюдали тамошніе нравы. Позвольте спросить, признаете ли вы ихъ достойными подражанія?

— Иное да, иное—нѣтъ.

— Коротко—и не ясно,—замѣтилъ Калломѣйцевъ, стараясь не обращать вниманія на знаки, которые дѣлалъ ему Синягинъ.—Но вотъ, вы сегодня говорили о дворянахъ.... Вы, конечно, имѣли случай изучать на мѣстѣ то, что въ Англіи называется landed gentry?

— Нѣтъ, я этого случая не имѣлъ; я вращался совсѣмъ въ другой сферѣ,—но понятіе объ этихъ господахъ себѣ составилъ.

— И что-жъ? Вы полагаете, что такое landed gentry у насъ невозможно? И что, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ этого желать?

— Во первыхъ, я, точно, полагаю, что оно невозможно; а во вторыхъ—и желать-то этого не стоитъ.

— Почему же-съ такъ-съ? — проговорилъ Калломѣйцевъ. — Эти два „слово-ерь“ должны были служить къ тому, чтобы успокоить Синягина, который очень волновался и даже ёрзалъ на своемъ стулѣ.

— А потому, что лѣтъ черезъ двадцать-тридцать вашей landed gentry и безъ того не будетъ.

— Но позвольте-съ; почему-съ такъ-съ?

— Потому, что въ то время земля будетъ принадлежать владѣльцамъ —безъ разбора происхожденія.

— Купцамъ-съ?

— Вѣроятно, бо́льшею частью купцамъ.

— Какимъ это манеромъ?

— А такимъ, что купятъ они ее—эту самую землю.

— У дворянъ?

— У господъ дворянъ.

Каллом'Ѣйцевъ снисходительно осклабился. — Вы, помнится, говорили прежде то же самое о фабрикахъ и заводахъ, а теперь обо всей земл'Ѣ.

— А теперь говорю обо всей земл'Ѣ.

— И вы, вѣроятно, будете этому очень рады!

— Нисколько, какъ я уже вамъ докладывалъ, народу отъ этого легче не будетъ.

Каллом'Ѣйцевъ чуть-чуть поднялъ одну руку. — Какая заботливость о народ'Ѣ, подумаешь!

— Василій Ѳедотычъ! закричалъ во всю голову Синягинъ.—Вамъ пива принесли!—Voyons, Siméon! — прибавилъ онъ въ полголоса.

Но Каллом'Ѣйцевъ не унимался.

— Вы, я вижу, заговорилъ онъ опять, обращаясь къ Соломину—не слишкомъ лестнаго мн'Ѣнія о купцахъ; но в'Ѣдь они принадлежатъ, по происхожденію, народу?

— Такъ что-же-съ?

— Я полагалъ, что все народное или относящееся къ народу—вы находите прекраснымъ.

— О, н'Ѣтъ-съ! Напрасно вы это полагали. Народъ нашъ во многомъ можно упрекнуть, хоть онъ и не всегда виноватъ бываетъ. Купецъ у насъ до сихъ поръ хищникъ; онъ и своимъ-то, собственнымъ добромъ влад'Ѣетъ, какъ хищникъ.... Что будешь д'Ѣлать! Тебя грабятъ.... и ты грабишь. А народъ....

— Народъ? переспросилъ фистулой Каллом'Ѣйцевъ.

— Народъ—со́ня.

— И вы желаете его разбудить?

— Это было бы ни худо.

— Ага! ага! вотъ какъ-съ....

— Позвольте, позвольте, — промолвилъ повелительно Сипягинъ. Онъ понялъ, что наступила минута положить, такъ-сказать, предѣлъ.... остановить! И онъ положилъ предѣлъ. Онъ остановилъ! Помавая кистью правой руки, локоть которой оставался опертымъ о столъ, онъ произнесъ длинную, обстоятельную рѣчь. Съ одной стороны, онъ похвалилъ консерваторовъ, — а съ другой одобрилъ либераловъ, отдавая симъ послѣднимъ нѣкоторый преферансъ и причисляя себя къ ихъ разряду; превознесъ народъ—но указалъ на нѣкоторыя его слабыя стороны; выразилъ полное довѣріе къ правительству — но спросилъ себя: исполняютъ ли *всѣ* подчиненные его благія предначертанія? Призналъ пользу и важность литературы, но объявилъ, что безъ крайней осторожности она немыслима! Взглянулъ на западъ: сперва порадовался — потомъ усомнился; взглянулъ на востокъ: сперва отдохнулъ—но томъ воспрянулъ! И, наконецъ, предложилъ выпить тостъ за процвѣтаніе тройственнаго союза:

религіи, земледѣлія и промышленности:

— Подъ эгидой власти!—строго прибавилъ Каломѣйцевъ!

— Подъ эгидой мудрой и снисходительной власти, — поправилъ его Сипягинъ.

Тостъ былъ выпитъ въ молчаніи.—Воздушное пространство, налѣво отъ Сипягина, называемое Неждановымъ, произнесло, правда, нѣкоторый неодобрительный звукъ—но, не возбудивъ ничьего вниманія, затихло снова,—и, не возмущенный уже никакимъ новымъ пріемъ, обѣдъ благополучно достигнулъ конца.

Валентина Михайловна съ самой прелестной улыбкой подала чашку кофе Соломину: онъ ее выпилъ—и уже искалъ глазами своей иліяны.... но мягко подхваченный подъ руку Сипягинымъ, былъ немедленно увлеченъ въ его ка-

бинетъ—и получилъ: сперва отличнѣйшую сигару, а потомъ предложеніе перейти къ нему, Синягину, на фабрику на выгоднѣйшихъ условіяхъ!—„Полнымъ властелиномъ вы будете, Василій Ѳедотычъ, полнымъ властелиномъ!“—Сигару Соломинъ принялъ; отъ предложенія отказался.—Онъ такъ и остался при своемъ отказѣ, какъ Синягинъ ни настаивалъ.

— Не говорите прямо: „нѣтъ!“—любезнѣйшій Василій Ѳедотычъ!—Скажите, по крайней мѣрѣ, что вы подумаете до завтра.

— Да вѣдь все равно—я принять ваше предложеніе не могу.

— До завтра! Василій Ѳедотычъ!—Что́ вамъ сто́итъ?

Соломинъ согласился, что стоитъ это ему ничего не будетъ.... однако вышелъ изъ кабинета и снова сталъ искать свою шляпу. Но Нежда́новъ, которому, до того мгновенія, не удалось помѣняться съ нимъ единымъ словомъ, приблизился къ нему и торопливо шепнулъ:

— Ради Бога не уѣзжайте, а то намъ невозможно будетъ переговорить!

Соломинъ оставилъ свою шляпу въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что Синягинъ, замѣтивъ его нерѣшительныя движенія взадъ и впередъ по гостиной, воскликнулъ:

— Вѣдь вы, конечно, почуете у насъ?

— Какъ прикажете,—отозвался Соломинъ.

Благодарный взглядъ, брошенный ему Маріанной,—она стояла у окна гостиной—заставилъ его призадуматься.

XXV.

До пріѣзда Соломина, Маріанна воображала его себѣ совсѣмъ инымъ. На первый взглядъ онъ ей показался какимъ-то неопредѣленнымъ, безличнымъ.... Рѣшительно: она на своемъ вѣку видала много такихъ бѣлокурыхъ,

жилистыхъ, сухопарыхъ людей! Но чѣмъ больше она въ него всматривалась, чѣмъ больше вслушивалась въ его рѣчи, тѣмъ сильнѣе становилось въ ней чувство довѣрія къ нему,—именно довѣрія.—Этотъ спокойный, не то, чтобы неуклюжій, а тяжеловатый человѣкъ, не только не могъ солгать или прихвастнуть; на него можно было положиться, какъ на каменную стѣну.... Онъ не выдастъ: мало того: онъ пойметъ и поддержитъ.—Маріаннѣ казалось даже, что не въ ней одной, что во всѣхъ присутствующихъ лицахъ Соломинъ возбуждалъ подобное чувство. Тому, что онъ говорилъ, она особеннаго значенія не придавала; всѣ эти толки о купцахъ, о фабрикахъ, мало интересовали ее; но какъ онъ говорилъ, какъ онъ при этомъ глядѣлъ и улыбался—это нравилось ей чрезвычайно....

Правдивый человѣкъ.... вотъ главное! вотъ что ее трогало.—Извѣстное, хоть не совсѣмъ понятное, дѣло: русскіе люди—самые изолгавшіеся люди въ цѣломъ свѣтѣ; а ничего такъ не уважаютъ, какъ правду—ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей.—Къ тому-же на Соломинѣ, въ глазахъ Маріанны—лежала особая печать; на немъ почилъ ореолъ человѣка, котораго самъ Василій Николаевичъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ. Въ теченіи обѣда Маріанна нѣсколько разъ переглянулась „на его счетъ“ съ Нежлановымъ, а подъ-конецъ вдругъ сама себя поймала на томъ, что невольно сравниваетъ ихъ обоихъ—и не въ пользу Нежданова. Черты лица у Нежданова были, правда, гораздо красивѣе и пріятнѣе, чѣмъ у Соломина;—но самое лицо выражало смѣсь различныхъ тревожныхъ ощущеній: досады, смущенія, нетерпѣнія.... даже уныніе; онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, пытался говорить—и умолкалъ, усмѣхался нервически.... Соломинъ, напротивъ, производилъ такое впечатлѣніе, что онъ, пожалуй, скучаетъ немного, но что, впрочемъ, онъ какъ дома;—и что „то, какъ онъ“, никогда и ни въ чемъ не зависитъ

отъ „того, какъ другіе“.—Рѣшительно, надо попросить совѣта у этого человѣка — думалось Маріанѣ: онъ непремѣнно скажетъ что-нибудь полезное. — Нежданова послѣ обѣда подослала къ нему *она*.

Вечеръ прошелъ довольно вяло; къ счастью, обѣдъ кончился поздно—и до ночи оставалось недолго. Калломѣйцевъ учтиво дулся и безмолвствовалъ.

— Что̀ съ вами?—полунасмѣшливо спросила его Синягина.—Или вы что̀ потеряли?

— Именно-съ, отвѣчалъ Калломѣйцевъ.—Объ одномъ изъ нашихъ начальниковъ гвардіи разсказываютъ, будто онъ горевалъ о томъ, что его солдаты потеряли „носо́къ....“ „Отыщите мнѣ носо́къ!“ А я говорю: отыщите мнѣ „слово-во-ерикъ-съ!“—„Слово-ерикъ-съ“ пропало—и вмѣстѣ съ нимъ всякое уваженіе и чинопочитаніе!

Синягина объявила Калломѣйцеву, что не станетъ помогать ему въ его по́искахъ.

Ободренный успѣхомъ своего обѣденнаго „спича“, Синягинъ произнесъ нарочку другихъ, причемъ пустилъ въ ходъ нѣсколько государственныхъ соображеній о необходимыхъ мѣропріятіяхъ; — пустилъ также нѣсколько словъ—des mots—не столько острыхъ, сколько вѣскихъ—приготовленныхъ имъ собственно для Петербурга.—Одно изъ этихъ словъ онъ даже повторилъ, предославъ фразу: „если позволительно такъ выразиться“. А именно: объ одномъ изъ тогдашнихъ министровъ онъ сказалъ, что у него непостоянный и праздный умъ, направленный къ мечтательнымъ цѣлямъ.—Съ другой стороны, Синягинъ, не забывая, что онъ имѣетъ дѣло съ русскимъ человѣкомъ—изъ народа—не преминулъ щегольнуть нѣкоторыми изрѣченіями, долженствовавшими доказать, что и онъ самъ—не только русскій человѣкъ — по „русакъ“, — и близко знакомъ съ самою сутью народной жизни!—Такъ напр., на замѣчаніе Калломѣйцева, что дождь можетъ по-

мѣшать уборкѣ сѣна, онъ немедленно отвѣчалъ, что „пусть будетъ сѣно черно—за то греча бѣла“;—употребилъ также поговорки въ родѣ: „товаръ безъ хозяина сирота“; десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь“; —„когда хлѣбъ—тогда и мѣра“;—„коли къ Егорью на березѣ листъ въ полушку—на Казанской клади хлѣбъ въ кадушку“.—Правда, иногда съ нимъ случалось, что онъ вдругъ промахнется и скажетъ, напр.:—„знай куликъ свой шестокъ,“—или: „красна изба углами!“—Но общество, въ средѣ котораго эти бѣды съ нимъ случались, бо́льшею частію и не подозрѣвало, что тутъ „notre bon русакъ“ далъ промахъ; да и, благодаря князю Ковригкину, оно уже привыкло къ подобнымъ россійскимъ „натакэсамъ“. — И всѣ эти поговорки и изрѣченія Спиягинъ произносилъ какимъ-то особеннымъ, здоровеннымъ, даже сиповатымъ голосомъ—d'une voix rustique.—Подобныя изрѣченія, во-время и у мѣста пущенныя имъ въ Петербургѣ, заставляли высокопоставленныхъ, вліятельныхъ дамъ восклицать:—„Comme il connait bien les moeurs de notre peuple!“ А высокопоставленные, вліятельные сановники прибавляли: — „Les moeurs et les besoins!“

Валентина Михайловна очень старалась около Соломина: но видимый неуспѣхъ ея стараній ее обезкураживалъ;—и, проходя мимо Калломѣйцева, она невольно проговорила въ полголоса: Mon Dieu, que je me sens fatiguée!

На что́ тотъ отвѣчалъ съ пронческимъ поклономъ:

— Tu l'as voulu, Georges Dandin!

Наконецъ, послѣ этой обычной вспышки любезности и привѣта, которыя являются на всѣхъ лицахъ поскучавшаго общества въ самый моментъ разставанія; послѣ внезапныхъ рукопожатій, улыбокъ и дружескихъ хмыканій въ носъ—усталые гости, усталые хозяева разошлись.

Соломинъ, которому отвели едва ли не лучшую комнату во второмъ этажѣ, съ англійскими туалетными принад-

ложностями и купальнымъ шкафомъ, — отправился къ Нежданову.

Тотъ началъ съ того, что горячо поблагодарилъ его за согласіе остаться.

— Я знаю.... это для васъ жертва....

— О! полноте! — отвѣчалъ неторопливо Соломинъ. — Какая тутъ жертва!—Да притомъ, *вамъ* я не могу отказать.

— Почему же!

— Да потому, что я полюбилъ васъ.

Нежданов обрадовался и удивился, а Соломинъ пожалъ ему руку. Потомъ онъ сѣлъ верхомъ на стулъ, закурилъ сигару, и, опершись обѣими локтями о спинку, промолвилъ:

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло?

Нежданов тоже сѣлъ верхомъ на стулъ противъ Соломина—но сигары не закурилъ.

— Въ чемъ дѣло—спрашиваете вы?... А въ томъ, что я хочу бѣжать отсюда.

— То-есть — вы хотите оставить этотъ домъ! Ну, Что-жъ? съ Богомъ!

— Не оставить.... а бѣжать.

— Развѣ васъ удерживаютъ? Вы, можетъ быть.... забрали денегъ впередъ? Такъ вамъ стоитъ только слово сказать.... Я съ удовольствіемъ....

— Вы меня не понимаете, любезный Соломинъ.... Я сказалъ: бѣжать—а не оставить — потому что я отсюда удаляюсь—не одинъ.

Соломинъ приподнялъ голову.

— Съ кѣмъ же это?

— А съ той дѣвушкой, которую вы видѣли здѣсь сегодня....

— Съ этой!—У ней хорошее лицо. Что-жъ? Вы полю-

били другъ друга?... Или только такъ—рѣшаетесь вмѣстѣ оставить домъ, гдѣ вамъ обоимъ нехорошо?

— Мы любимъ другъ друга.

— А!—Соломинъ помолчалъ.—Она родственница здѣшнимъ господамъ?

— Да.—Но она вполнѣ раздѣляетъ наши убѣжденія—и готова идти на все.

Соломинъ улыбнулся.

— А вы, Неждановъ, готовы?

Неждановъ нахмурился слегка.

— Къ чему этотъ вопросъ? Я вамъ докажу мою готовность на дѣлѣ.

— Я не сомнѣваюсь въ васъ, Неждановъ; я только потому спросилъ васъ, что, кромѣ васъ, я полагаю, никто не готовъ.

— А Маркеловъ?

— Да! вотъ развѣ Маркеловъ.—Да тотъ, чай, родился готовымъ.

Въ это мгновенье кто-то тихо и быстро застучалъ въ дверь—и, не дожидаясь отзыва, отворилъ ее.—То была Маріанна. Она тотчасъ подошла къ Соломину.

— Я увѣрена—начала она,—вы не удивитесь, увидѣвши меня здѣсь, въ эту пору.—Онъ (Маріанна указала на Неждановa)—вамъ, конечно, все сказалъ. —Дайте мнѣ вашу руку—и знайте, что передъ вами честная дѣвушка.

— Да, я это знаю,—серьёзно промолвилъ Соломинъ.—Онъ поднялся со стула, какъ только Маріанна появилась. —Я уже за столомъ смотрѣлъ на васъ и думалъ: вотъ, какіе у этой барышни честные глаза.—Мнѣ Неждановъ—точно—сказывалъ о вашемъ намѣреніи. Но, собственно—зачѣмъ вы хотите бѣжать?

— Какъ зачѣмъ?—Дѣло, которому я сочувствую.... не удивляйтесь: Неждановъ ничего не скрылъ отъ меня.... это дѣло должно начаться на-дняхъ.... а я останусь въ

этомъ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ все—ложь и обманъ?—Люди, которыхъ я люблю, будутъ подвергаться опасности, а я....

Соломинъ остановилъ ее движеніемъ руки.

— Не волнуйтесь.—Сядьте, и я сяду! Сядьте и вы, Незкдановъ. —Послушайте: если у васъ нѣтъ другой причины—то бѣжать еще вамъ отсюда не́ для чего. Дѣло это еще не такъ скоро начнется, какъ вы думаете. — Тутъ нужно еще нѣкоторое благоразумiе. Нечего соваться впередъ, зря. Повѣрьте мнѣ.

Маріанна сѣла и запахнулась большимъ платкомъ, который она накинула себѣ на плечи.

— Но я не могу остаться здѣсь больше! Меня здѣсь всѣ оскорбляютъ. Сегодня еще, эта глупая Анна Захаровна, при Колѣ, сказала мнѣ, намекая на моего отца, что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ! Коля даже удивился и спросилъ, что это значитъ?—Я уже не говорю о Валентинѣ Михайловичѣ!

Соломинъ опять остановилъ ее—и на этотъ разъ улыбнулся. — Маріанна поняла, что онъ немножко посмѣивается надъ нею, но его улыбка никогда никого оскорбить не могла.

— Что-жъ это вы, милая барышня? Я не знаю, кто такая Анна Захаровна, ни о какой яблонѣ вы говорите.... но помилуйте: вамъ глупая женщина скажетъ что-нибудь глупое, а вы это снести не можете? Какъ же вы жить-то будете? Весь свѣтъ на глупыхъ людяхъ стоитъ. Нѣтъ, это не резонъ. Развѣ что другое?

— Я убѣжденъ,—вмѣшался глухимъ голосомъ Незкдановъ,—что не нынче, завтра, г. Синягинъ мнѣ самъ откажетъ отъ дома. Ему навѣрное донесли; онъ обращается со мною.... самымъ презрительнымъ образомъ.

Соломинъ обернулся къ Незкданову.

— Такъ для чего же вамъ бѣжать, коли вамъ безъ того откажутъ?

Нежановъ не тотчасъ нашелся, что отвѣтить.

— Я уже говорилъ вамъ,—началъ онъ....

— Онъ такъ выразился,—подхватила Маріанна,—потому что я ухожу съ нимъ.

Соломинъ посмотрѣлъ на нее и добродушно покачалъ головою.

— Такъ, такъ, милая барышня;—но опять-таки скажу вамъ: если вы точно хотите оставить этотъ домъ, потому что полагаете, что революція сейчасъ вспыхнетъ....

— Мы именно для этого и выписали васъ,—перебила Маріанна, чтобы узнать достовѣрно, въ какомъ положеніи находятся дѣла?

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Соломинъ—повторяю: вы можете еще сидѣть дома—довольно долго.—Если же вы хотите бѣжать, потому что любите другъ друга и иначе вамъ соединиться нельзя—тогда....

—Ну, что тогда?

—Тогда мнѣ остается только пожелать вамъ, какъ говаривалось въ старину—любовь да совѣтъ;—да если нужно и можно—оказать вамъ посильную помощь. Потому что и васъ, милая барышня—и его—я съ перваго раза полюбилъ какъ родныхъ.

И Маріанна, и Нежановъ, оба подошли къ нему, справа и слѣва,—и каждый изъ нихъ взялъ одну его руку.

— Скажите намъ только, что намъ дѣлать?—промолвила Маріанна.—Положимъ, революція еще далека.... но подготовительныя работы, труды, которые въ этомъ домѣ, при этой обстановкѣ, невозможны—и на которые мы такъ охотно пойдёмъ—вдвоемъ.... вы намъ укажете ихъ;—вы только скажите намъ, куда намъ идти.... Пошлите насъ!

—Вѣдь вы пошлете насъ?

— Куда?

— Въ народъ.... Куда же идти, какъ не въ народъ?

„До лясу“, подумалъ Неждановъ.... Ему вспомнилось слово Паклина.

Соломинъ поглядѣлъ пристально на Маріанну.

— Вы хотите узнать народъ?

— Да, то-есть—не узнать народъ хотимъ мы только;—но и дѣйствовать.... трудиться для него.

— Хорошо, я вамъ обѣщаю, что вы его узнаете. Я доставлю вамъ возможность дѣйствовать—и трудиться для него.— И вы, Неждановъ, готовы идти.... за него.... и за него?

— Конечно, готовъ, — произнесъ онъ посѣщно. — „Дкаттернаутъ“—вспомнилось ему другое слово Паклина. —„Вотъ она катится, громадная колесница.... и я слышу трескъ и грохотъ ея колесъ“...

— Хорошо, — повторилъ задумчиво Соломинъ. — Но когда же вы намѣрены бѣжать?

— Хоть завтра, воскликнула Маріанна.

— Хорошо. Но куда?

— Тссъ.... тише....—шепнулъ Неждановъ. — Кто-то ходитъ по корридору.

Всѣ помолчали.

— Куда же вы намѣрены бѣжать? — спросилъ опять Соломинъ, понизивъ голосъ.

— Мы не знаемъ—отвѣчала Маріанна.

Соломинъ перевелъ глаза на Неждановa. Тотъ только потрясъ отрицательно головою.

Соломинъ протянулъ руку и осторожно снялъ со свѣчки.

— Вотъ что, дѣти мои,—проговорилъ онъ наконецъ.— Ступайте ко мнѣ на фабрику.—Некрасиво тамъ ... да неопасно. Я васъ спрячу. У меня тамъ есть комнатка. Никто васъ не отыщетъ.—Понадите только туда.... а мы васъ не выдадимъ. Вы скажете: на фабрикѣ людно. Это-

то и хорошо. Гдѣ людно—тамъ-то и можно спрятаться.—Идетъ, что-ль?

— Намъ остается только благодарить васъ,—промолвилъ Неждановъ; а Маріанна, которую мысль о фабрикѣ сначала смутила, съ живостью прибавила:—Конечно! конечно! Какой вы добрый! Но, вѣдь, вы насъ недолго тамъ оставите? Вы пошлете насъ?

— Это будетъ отъ васъ зависѣть.... А въ случаѣ, если бы вамъ вздумалось сочетаться бракомъ, и на этотъ счетъ у меня на фабрикѣ удобно. Тамъ у меня, близехонько, есть сосѣдъ — двоюроднымъ братомъ мнѣ приходится — попъ, по имени Зосима, преподатливый. Онъ васъ духомъ обвѣнчаетъ.

Маріанна улыбнулась про себя, а Неждановъ еще разъ стиснулъ руку Соломину, да погодя немного, полюбопытствовалъ:

— А что, скажите: хозяинъ, владѣлецъ вашей фабрики, не будетъ претендовать? Никакихъ непріятностей вамъ не сдѣлаетъ?

Соломинъ покосился на Неждановa.

— Обо мнѣ вы не заботьтесь.—Это вы совсѣмъ напрасно. Лишь бы фабрика шла какъ слѣдуетъ, а въпрочемъ моему хозяину—все едино. И вамъ, и вашей милой барышнѣ отъ него никакихъ непріятностей не будетъ. И рабочихъ вамъ опасаться нечего. Только предувѣдомьте меня: около какого времени васъ ждать?

Неждановъ и Маріанна переглянулись.

— Послѣ завтра, утромъ рано, или день спустя,—проговорилъ, наконецъ, Неждановъ.—Мѣшкать болѣе нельзя. Того и гляди, мнѣ завтра отъ дома откажутъ.

— Ну....—промолвилъ Соломинъ—и поднялся со стула. Я буду васъ ждать каждое утро. Да и всю недѣлю я изъ дома не отлучусь. Всѣ мѣры будутъ приняты —какъ слѣдуетъ.

Маріанна приблизилась къ нему.... (Она подошла-было къ двери). — Прощайте, милый, добрый, Василій Ѳедотычъ.... Вѣдь васъ такъ зовутъ?

— Такъ.

— Прощайте.... или нѣтъ: до свиданія! И спасибо, спасибо вамъ!

— Прощайте.... Доброй ночи, моя голубушка!

— Прощайте и вы. Неждановъ! До завтра....—прибавила она.

Маріанна быстро вышла.

Оба молодыхъ человѣка остались нѣкоторое время неподвижны—и оба молчали.

— Неждановъ.... — началъ, наконецъ, Соломинъ — и умолкъ.—Неждановъ.... началъ онъ опять.—разскажите мнѣ объ этой дѣвушкѣ.... что́ вы можете разсказать. Какая была ея жизнь до сихъ поръ?... Кто она?... почему она находится здѣсь?

Неждановъ въ короткихъ словахъ сообщилъ Соломину, что́ зналъ.

— Неждановъ....—заговорилъ онъ, наконецъ....—Вы должны беречь эту дѣвушку. Потому.... что если.... что-нибудь.... Вамъ будетъ очень грѣшно. Прощайте.

Онъ удалился, а Неждановъ постоялъ немного посреди комнаты, и прошептавъ: „ахъ! лучше не думать!“ бросился лицомъ на постель.

А Маріанна, вернувшись къ себѣ въ комнату, нашла на столикѣ небольшую записку слѣдующаго содержанія:

„Мнѣ жаль васъ. Вы губите себя. Опомнитесь. Въ ка„кую бездну бросаетесь вы съ закрытыми глазами? Для „кого и для чего?—В“.

Въ комнатахъ пахло особенно тонкимъ и свѣжимъ запахомъ: очевидно, Валентина Михайловна только-что вышла оттуда.—Маріанна взяла перо и, приписавъ внизу: „Не жалѣйте меня. Богъ вѣдаетъ, кто изъ насъ двухъ болѣе

„достойна сожалѣнія; знаю только, что не хотѣла бы „быть на вашемъ мѣстѣ. М.“—оставила записку на столѣ. Она не сомнѣвалась въ томъ, что отвѣтъ ея попадетъ въ руки Валентины Михайловны.

А на другое утро Соломинъ, повидавшись съ Неждановымъ и окончательно отказавшись отъ управленія Синягинской фабрикой, уѣхалъ къ себѣ домой.—Онъ размышлялъ во все время дороги, что́ съ нимъ случалось рѣдко: качка экипажа обыкновенно погружала его въ легкую дремоту. Онъ размышлялъ о Маріаннѣ, а также и о Неждановѣ; ему казалось, что будь *онъ* влюбленъ, онъ, Соломинъ,—онъ имѣлъ бы другой видъ, говорилъ и глядѣлъ бы иначе.—Но, подумалъ онъ, такъ какъ этого никогда со мной не случалось, то я и не знаю, какой бы я имѣлъ при этомъ видъ.—Онъ вспомнилъ одну ирландку, которую онъ видѣлъ разъ въ одномъ магазинѣ, за прилавкомъ; вспомнилъ, какіе у ней были чудесные, почти черные волосы, и синіе глаза, и густыя рѣсницы,—и какъ она вопросительно и печально посмотрѣла на него, и какъ онъ долго ходилъ потомъ по улицѣ передъ ея окнами, и какъ волновался и спрашивалъ самого себя: познакомиться ли ему съ нею или нѣтъ? Онъ былъ тогда проѣздомъ въ Лондонѣ; патронъ прислалъ его туда за покупками и далъ ему денегъ. — Соломинъ чуть-было не остался въ Лондонѣ, чуть-было не послалъ этихъ денегъ назадъ патрону; такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на него прекрасной Полли.... (Онъ узналъ ея имя: одна изъ ея товарокъ назвала ее).—Однакожъ преодолѣлъ себя—и вернулся къ своему патрону. Полли была красивѣе Маріанны; но у этой былъ такой же вопросительный и печальный взглядъ.... и она русская....

— Однако, что-жъ это я? — проговорилъ Соломинъ вполголоса:—о чужихъ невѣстахъ забочусь!—и встряхнулъ воротникомъ шинели, какъ-бы желая отбросить отъ

себя всѣ ненужныя мысли. Кстати-жъ, онъ подъѣзжалъ къ своей фабрикѣ, и на порогѣ его флигелька мелькнула фигура вѣрнаго Павла.

XXVI.

Отказъ Соломина очень оскорбилъ Синягина: онъ даже вдругъ нашелъ, что этотъ доморощенный Стефенсонъ ужъ не такой замѣчательный механикъ, и что онъ, пожалуй, не позируетъ, но ломается, какъ истый плебей.—„Всѣ эти русскіе, когда вообразятъ, что знаютъ что́-нибудь — изъ рукъ вонъ!—Au fond, Калломѣйцевъ правъ!“ Подъ вліяніемъ подобныхъ непріязненныхъ и раздражительныхъ ощущеній, государственный мужъ—en herbe—еще безучастнѣе и отдаленнѣе взглянулъ на Нежданова; сообщилъ Колѣ, что онъ можетъ не заниматься сегодня съ своимъ учителемъ, что ему надо привыкать къ самостоятельности.... Однако, самому учителю этому не отказалъ, какъ тотъ ожидалъ. Онъ продолжалъ его игнорировать! За то Валентина Михайловна не игнорировала Маріанны. — Между ними произошла страшная сцена.

Часа за два до обѣда онѣ какъ-то вдругъ очутились одни въ гостиной. Каждая изъ нихъ немедленно почувствовала, что минута неизбѣжнаго столкновенія настала, и потому, послѣ мгновеннаго колебанія, обѣ тихонько подошли другъ къ дружкѣ. Валентина Михайловна слегка улыбалась; Маріанна стиснула губы; обѣ были блѣдны. Переходя черезъ комнату, Валентина Михайловна посматривала направо, налѣво, сорвала листокъ гераніума.... Глаза Маріанны были прямо устремлены на приближавшееся къ ней улыбавшееся лицо.

Синягина первая остановилась, и, похлопывая концами пальцевъ по спинкѣ стула:

— Маріанна Викентьевна, — заговорила она небреж-

нымъ голосомъ,—мы, кажется, находимся въ корреспонденціи другъ съ другомъ.... Живя подъ одной крышей, это довольно странно; а вы знаете, я не охотница до странностей.

— Не я начала эту корреспонденцію, Валентина Михайловна.

— Да.... Вы правы. Въ странности на этотъ разъ виновата я. Только я не нашла другого средства, чтобы возбудить въ васъ чувство.... какъ бы это сказать? — чувство....

— Говорите прямо, Валентина Михайловна: не стѣсняйтесь,—не бойтесь оскорбить меня.

— Чувство.... приличія.

Валентина Михайловна умолкла: одинъ легкій стукъ ея пальцевъ по спинкѣ стула слышался по комнатѣ.

— Въ чемъ же вы находите, что я не соблюла приличія?—спросила Маріанна.

Валентина Михайловна пожала плечами.

— Ma chére, vous n'êtes plus un enfant — и вы меня очень хорошо понимаете. Неужели вы полагаете, что ваши постуки могли остаться тайной для меня, для Анны Захаровны, для всего дома наконецъ? Впрочемъ, вы и не слишкомъ заботились о томъ, чтобъ, чтобъ они остались тайной. Вы, просто, бравировали.—Одинъ Борисъ Андреичъ, можетъ быть, не обратилъ на нихъ вниманія.... Онъ занятъ другими, болѣе интересными и важными дѣлами. Но, кромѣ его, всѣмъ извѣстно ваше поведеніе, всѣмъ!

Маріанна все болѣе и болѣе блѣдиѣла.

— Я бы попросила васъ, Валентина Михайловна, выразиться опредѣлительнѣе. — Чѣмъ вы собственно недовольны?

„L'insolente!“—подумала Синягина—однако еще удержалась.

— Вы желаете знать, чѣмъ я недовольна, Маріанна?—

Извольте!—Я недовольна вашими продолжительными свиданіями съ молодымъ человѣкомъ, который и по рожденію, и по воспитанію, и по общественному положенію стоитъ слишкомъ низко для васъ: я недовольна.... нѣтъ! это слово не довольно сильно—я возмущена вашими поздними.... вашими ночными визитами у этого самаго человѣка.—И гдѣ же? подъ моимъ кровомъ! Или вы находите, что это такъ и слѣдуетъ, и что я должна молчать—и какъ-бы оказывать покровительство вашему легкомыслію? — Какъ честная женщина.... Oui, mademoiselle. je l'ai été, je le suis et le serai toujours!—я не могу не чувствовать негодованія!

Валентина Михайловна бросилась въ кресло, какъ будто подавленная тяжестью этого самаго негодованія.

Маріанна усмѣхнулась въ первый разъ.

— Я не сомнѣваюсь въ вашей честности, прошедшей, настоящей и будущей,—начала она:—и говорю это совершенно искренне. — Но вы напрасно негодуете. Я не нанесла никакого позора вашему крову. Молодой человѣкъ, на котораго вы намекаете.... да, я дѣйствительно.... полюбила его....

— Вы полюбили мсьё Неждапова?

— Я люблю его.

Валентина Михайловна выпрямилась на креслѣ.

— Да, помилуйте. Маріанна! вѣдь онъ студентъ, безъ роду, безъ племени; — вѣдь онъ моложе васъ! (Не безъ злорадства были произнесены эти послѣднія слова).—Что же изъ этого можетъ выдти?—И что́бы, съ вашимъ умомъ, нашли въ немъ? Онъ, просто, пустой мальчикъ.

— Вы не всегда о немъ такъ думали, Валентина Михайловна.

— О. Боже мой! моя милая, оставьте меня въ сторонѣ.... Pas tant d'ésprit que ça, je vous prie. Тутъ дѣло

идетъ о васъ, о вашей будущности. Подумайте! какая же это партія для васъ?

— Признаюсь вамъ, Валентина Михайловна, я не думала о партіи.

— Какъ? Что? Какъ мнѣ васъ понять? Вы слѣдовали влеченію вашего сердца, положимъ.... Но вѣдь все это должно же кончиться бракомъ?

— Не знаю.... я объ этомъ не думала.

— Вы объ этомъ не думали?—Да вы съ ума сошли! Маріанна немного отвернулась.

— Прекратимъ этотъ разговоръ, Валентина Михайловна. Онъ ни къ чему не можетъ повести. Мы все-таки не поймемъ другъ друга.

Валентина Михайловна порывисто встала.

— Я не могу, я не должна прекратить этотъ разговоръ! Это слишкомъ важно.... я отвѣчаю за васъ передъ.... Валентина Михайловна хотѣла-было сказать: передъ Богомъ! но запнулась—и сказала: передъ цѣлымъ свѣтомъ!—Я не могу молчать, когда я слышу подобныя безумія! И почему это я не могу понять васъ? Что за несносная гордость у всѣхъ этихъ молодыхъ людей! Нѣтъ.... я васъ очень хорошо понимаю; я понимаю, что вы пропитались этими новыми идеями, которыя васъ непремѣнно поведутъ къ погибели! Но тогда уже будетъ поздно.

— Можетъ быть; но повѣрьте мнѣ: мы, и погибая, не протянемъ вамъ—пальца, чтобы вы спасли насъ!

— Опять эта гордость, эта ужасная гордость! Ну, послушайте, Маріанна, послушайте меня,—прибавила она, внезапно перемѣнивъ тонъ.... Она хотѣла-было притянуть Маріанну къ себѣ—но та отшатнулась назадъ.—Ecoutez-moi, je vous en conjure!—Вѣдь я, наконецъ, не такъ же ужъ стара—и не такъ глупа, чтобы нельзя было сойтись со мною!—Je ne suis pas une encroutée. Меня въ молодости даже считали республиканкой.... не хуже васъ.—По-

слушайте: я не стану притворяться; материнской нѣжности я къ вамъ никогда не питала;—да и не въ вашемъ характерѣ объ этомъ сожалѣть.... Но я знала, и знаю, что у меня есть обязанности въ отношеніи къ вамъ—и я всегда старалась ихъ исполнить. Быть можетъ, та партія, о которой я мечтала для васъ — и для которой и Борисъ Андреичъ, и я—мы бы не отступили ни передъ какими жертвами.... эта партія не вполнѣ отвѣчала вашимъ идеямъ.... но въ глубинѣ моего сердца....

Маріанна глядѣла на Валентину Михайловну, на эти чудные глаза, на эти розовыя, чуть-чуть разрисованныя губы, на эти бѣлыя руки, на слегка растопыренные пальцы, украшенные перстнями, которые изящная дама такъ выразительно прижимала къ корсажу своего шелковаго платья.... и вдругъ перебила ее:

— Партія, говорите вы, Валентина Михайловна? Вы называете „партіей"—этого вашего воздушнаго, пошлаго друга, г-на Калломѣйцева?

Валентина Михайловна отняла пальцы отъ корсажа.

— Да, Маріанна Викентьевна! я говорю о г-нѣ Калломѣйцевѣ—объ этомъ образованномъ, отличномъ молодомъ человѣкѣ, который навѣрное составитъ счастье своей жены—и отъ котораго можетъ отказаться одна только сумасшедшая! Одна сумасшедшая!

— Что̀ дѣлать, ma tante! Видно, я такая!

— Да въ чемъ можешь ты—серьёзно—упрекнуть его?

— О, ни въ чемъ!—Я презираю его.... вотъ и всё.

Валентина Михайловна нетерпѣливо покачала головою съ боку на бокъ—и снова опустилась на кресло.

— Оставимъ его. Retournons à nos moutons.—И такъ, ты любишь г-на Нежданова?

— Да.

— И намѣрена продолжать.... свои свиданья съ нимъ?

— Да, намѣрена.

— Ну.... а если я тебѣ это запрещу?

— Я васъ не послушаюсь.

Валентина Михайловна подпрыгнула на креслѣ.

— А! вы не послушаетесь! Вотъ какъ!... И это мнѣ говоритъ облагодѣтельствованная мною дѣвушка, которую я призрѣла у себя въ домѣ, это мнѣ говоритъ.... говоритъ мнѣ....

— Дочь обезчещеннаго отца, — сумрачно подхватила Маріанна—продолжайте, не церемоньтесь!

— Ce n'est pas moi qui vous le fait dire, mademoiselle! —Но, во всякомъ случаѣ, *этимъ* гордиться нечего! Дѣвушка, которая ѣстъ мой хлѣбъ....

— Не попрекайте меня вашимъ хлѣбомъ, Валентина Михайловна! — Вамъ бы дороже стоило нанять француженку Колѣ.... Вѣдь *я* ему даю уроки французскаго языка!

Валентина Михайловна приподняла руку, въ которой она держала раздушенный иланъ-илангомъ батистовый платокъ съ огромнымъ бѣлымъ вензелемъ въ одномъ изъ угловъ,—и хотѣла что-то вымолвить;—но Маріанна стремительно продолжала:

— Вы были бы правы, тысячу разъ правы, если вмѣсто всего того, что́ вы теперь насчитали, вмѣсто всѣхъ этихъ мнимыхъ благодѣяній и жертвъ, вы бы въ состояніи были сказать: „та дѣвушка, которую я любила....“ Но вы настолько честны, что *такъ* солгать не можете!—Маріанна дрожала какъ въ лихорадкѣ.—Вы всегда меня ненавидѣли.—Вы даже теперь, въ самой глубинѣ вашего сердца, о которой въ сію минуту упомянули, рады—да, рады тому, что вотъ, я оправдываю ваши всегдашнія предсказанія, покрываю себя скандаломъ, позоромъ— и вамъ непріятно только то, что часть этого позора должна пасть на вашъ аристократическій, *честный* домъ.

— Вы меня оскорбляете, — шепнула Валентина Михайловна:—извольте выдти вонъ!

Но уже Маріанна не могла совладать съ собою.

— Вашъ домъ, сказали вы, весь вашъ домъ, и Анна Захаровна, и всѣ знаютъ о моемъ поведеніи!—И всѣ приходятъ въ ужасъ и негодованіе.... Но развѣ я что-нибудь прошу у васъ, у нихъ, у всѣхъ этихъ людей? Развѣ я могу дорожить ихъ мнѣніемъ? Развѣ этотъ вашъ хлѣбъ не горекъ? Какую бѣдность не предпочту я этому богатству? Развѣ между вашимъ домомъ и мною не цѣлая бездна, бездна, которую ничто, ничто закрыть не можетъ? Неужели вы—вы тоже умная женщина—вы этого не сознаете? И если *вы* питаете ко мнѣ чувство ненависти, то неужели вы не понимаете того чувства, которое *я* питаю къ вамъ, и котораго я не называю по имени только потому, что оно слишкомъ явно?

— Sortez, sortez, vous dis-je.... повторила Валентина Михайловна и тонула при этомъ своей хорошенькой, узенькой ножкой.

Маріанна шагнула въ направленіи двери.

— Я сейчасъ избавлю васъ отъ моего присутствія; но знаете ли что, Валентина Михайловна? Говорятъ, даже Рашели въ „Баязетѣ“ Расина не удавалось это „sortez!“—а ужъ вамъ подавно! Да еще вотъ что: какъ, бишь, это вы сказали.... Je suis une honnête femme, je l'ai été et le serai toujours? Представьте: я увѣрена въ томъ, что я гораздо честнѣе васъ! Прощайте!

Маріанна поспѣшно вышла, а Валентина Михайловна вскочила съ кресла, хотѣла-было закричать, хотѣла заплакать.... Но что закричать—она не знала; и слезы не повиновались ей.

Она ограничилась тѣмъ, что помахала на себя платкомъ; но распространяемое имъ благовоніе еще сильнѣе подѣйствовало на ея нервы.... Она почувствовала себя не-

счастной, обиженной.... Она сознавала нѣкоторую долю правды въ томъ, что́ она сейчасъ слышала. Но какъ же можно было такъ несправедливо судить о ней? „Неужели же я такая злая“, подумала она—и поглядѣла на себя въ зеркало, находившееся прямо противъ нея, между двумя окнами. Зеркало это отразило прелестное, нѣсколько искаженное, съ выступившими красными пятнами, но все-таки очаровательное лицо, чудесные, мягкіе, бархатные глаза.... „Я? я злая?“—подумала она опять.... „Съ такими глазами!“

Но въ это мгновеніе вошелъ ея супругъ—и она снова закрыла платкомъ лицо.

— Что́ съ тобою?—заботливо спросилъ онъ.—Что́ съ тобою, Валя? (Онъ придумалъ для нея это уменьшительное имя, которое однако позволялъ себѣ употреблять лишь въ совершенномъ tête-à-tête, преимущественно въ деревнѣ).

Она сперва отнѣкивалась, увѣряла, что съ ней ничего.... но кончила тѣмъ, что какъ-то очень красиво и трогательно повернулась на креслѣ, бросила ему руки на плечи—(онъ стоялъ, наклонившись къ ней) — спрятала свое лицо въ разрѣзѣ его жилета—и разсказала все; безо всякой хитрости и безъ задней мысли постаралась—если не извинить, то до нѣкоторой степени оправдать Маріанну; сваливала всю вину на ея молодость, страстный темпераментъ, на недостатки перваго воспитанія; также до нѣкоторой степени—и также безъ задней мысли упрекала самое себя. „Съ моей дочерью этого бы не случилось!—Я бы не такъ за ней присматривала!“ Сипягинъ выслушалъ ее до конца снисходительно, сочувственно — и строго; держалъ свой станъ согбеннымъ, пока она не сняла своихъ рукъ съ его плечъ и не отодвинула своей головы; — назвалъ ее ангеломъ, поцѣловалъ ее въ лобъ, объявилъ, что знаетъ теперь, какой образъ дѣйствія предписываетъ

ему его роль — роль хозяина дома — и удалился такъ, какъ удаляется человѣкъ гуманный, но энергическій, который собирается исполнить непріятный, но необходимый долгъ....

Часу въ восьмомъ послѣ обѣда, Неждановъ, сидя въ своей комнатѣ, писалъ своему другу, Силину.

— „Другъ Владиміръ, я пишу тебѣ въ минуту рѣшительнаго переворота въ моемъ существованіи. — Мнѣ отказали отъ здѣшняго дома, я ухожу отсюда. Но это бы ничего.... Я отхожу отсюда не одинъ. Меня сопровождаетъ та дѣвушка, о которой я тебѣ писалъ. Насъ все соединяетъ: сходство жизненныхъ судебъ, одинаковость убѣжденій, стремленій—взаимность чувства, наконецъ.— Мы любимъ другъ друга: по крайней мѣрѣ, я убѣжденъ, что не въ состояніи испытать чувство любви подъ другою формой, чѣмъ та, подъ которой она мнѣ представляется теперь.—Но я бы солгалъ передъ тобою, если-бъ сказалъ; что не ощущаю ни тайнаго страха, ни даже какого-то страннаго сердечнаго замиранія.... Все темно впереди—и мы вдвоемъ устремляемся въ эту темноту. Мнѣ не нужно тебѣ объяснять, на что мы идемъ и какую дѣятельность избрали. Мы съ Маріанной не ищемъ счастія; не наслаждаться мы хотимъ,—а бороться вдвоемъ, рядомъ, поддерживая другъ друга. Наша цѣль намъ ясна: но какіе пути ведутъ къ ней—мы не знаемъ. Найдемъ-ли мы, если не сочувствіе, не помощь, то хоть возможность дѣйствовать?— Маріанна—прекрасная, честная дѣвушка; если намъ суждено погибнуть, я не буду упрекать себя въ томъ, что я ее увлекъ, потому что для нея другой жизни уже не было.—Но, Владиміръ, Владиміръ! мнѣ тяжело.... Сомнѣніе меня мучитъ, не въ моемъ чувствѣ къ ней, конечно, а.... я не знаю!—Только теперь вернуться уже поздно. Протяни намъ обоимъ издалека руки — и пожелай намъ терпѣнья, силы самопожертвованья, и любви.... больше

любви. А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ — не слишкомъ безучастно — и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя?

„Прощай, Владиміръ, прощай!“

Написавши эти немногія строки, Нежда́новъ отправился на деревню. — Въ слѣдующую ночь, заря чуть-чуть брезжила—а онъ уже стоялъ на опушкѣ березовой рощи, не въ дальнемъ разстояніи отъ Сипягинскаго сада. Немного позади его, изъ-за спутанной зелени широкаго орѣховаго куста, едва видѣлась крестьянская телѣжка, запряженная парой разнузданныхъ лошадокъ; въ телѣгѣ, подъ веревочнымъ переплетомъ, спалъ, лежа на клочкѣ сѣна и натянувъ на голову заплатанную свитку, старенькій, сѣдой мужичекъ. Нежда́новъ неотступно глядѣлъ на дорогу, на купы ракитъ вдоль сада: сѣрая, тихая ночь еще лежала кругомъ, звѣздочки слабо, въ перебивку, мигали, затерянныя въ небесной пустой глубинѣ. По круглымъ нижнимъ краямъ протянутыхъ тучекъ шла съ востока блѣдная алость, и оттуда же тянуло первымъ холодкомъ утренней рани. Вдругъ Нежда́новъ вздрогнулъ и насторожился: гдѣ-то близко скрипнула, потомъ стукнула калитка; маленькое женское существо, окутанное платкомъ, съ узелкомъ на голой рукѣ, выступило, не спѣша, изъ неподвижной тѣни ракитъ на мягкую пыль дороги—и, перейдя ее вкось, словно на цыпочкахъ, направилось къ рощѣ. Нежда́новъ бросился къ нему.

— Маріанна?—шепнулъ онъ.

— Я!—послышался тихій отзывъ изъ-подъ нависнаго платка.

— Сюда, за мной,—отвѣчалъ Нежда́новъ, неловко хватая ее за голую руку съ узелкомъ.

Она пожималась, какъ-бы чувствуя ознобъ.—Онъ подвелъ ее къ телѣгѣ, разбудилъ мужичка.—Тотъ проворно

вскочилъ, тотчасъ перебрался на облучокъ, вдѣлъ свитку въ рукава, подхватилъ веревочныя возжи.... Лошади зашевелились; онъ ихъ осторожно отпрукнулъ охрипшимъ отъ крѣпкаго сна голосомъ. Неждановъ посадилъ Маріанну на телѣжный перешлетъ, подостлавъ снерва свой плащъ; окуталъ ей ноги одѣяломъ — сѣно на днѣ было волжко—умѣстился возлѣ нея—и, нагнувшись къ мужику, тихо сказалъ: „Пошелъ, куда знаешь“.—Мужичокъ задергалъ возжами, лошади выбрались изъ опушки, фыркая и ёжась:—и, подпрыгивая и постукивая узкими, старыми колесами, покатилась телѣга по дорогѣ. Неждановъ придерживалъ одной рукой станъ Маріанны; она приподняла платокъ своими холодными пальцами—и, обернувшись къ нему лицомъ и улыбаясь, промолвила:

— Какъ славно свѣжо, Алёша!

— Да,—отвѣчалъ мужичокъ,—роса будетъ сильная!

Такъ была уже сильна роса, что втулки телѣжныхъ колесъ, цѣпляясь за верхушки высокихъ придорожныхъ былинокъ, сбивали съ нихъ цѣлыя гроздья тончайшихъ водяныхъ брызгъ—и зелень травы казалась сизо-сѣрой.

Маріанна опять пожалась отъ холода.

— Свѣжо́, свѣжо́, — повторила она веселымъ голосомъ.—И воля, Алёша, воля!

XXVII.

Соломинъ выскочилъ къ воротамъ фабрики, какъ только прибѣжали ему сказать, что какой-то господинъ съ госпожей пріѣхали въ телѣжкѣ и спрашиваютъ его.—Не поздоровавшись съ своими гостями, а только кивнувъ имъ нѣсколько разъ головою, онъ тотчасъ приказалъ мужичку-кучеру въѣзжать на дворъ—и, направивъ его прямо къ своему флигельку, ссадилъ съ телѣги Маріанну. Неждановъ спрыгнулъ вслѣдъ за нею. Соломинъ повелъ обоихъ

черезъ длинный и темный корридорчикъ—да по узенькой, кривой лѣсенкѣ—въ заднюю часть флигелька—во второй этажъ. Тамъ онъ отворилъ низенькую дверь—и всѣ трое вошли въ небольшую, довольно опрятную комнатку съ двумя окнами.

— Добро пожаловать!—проговорилъ Соломинъ съ своей завсегдашней улыбкой, которая на этотъ разъ казалась и шире, и свѣтлѣе обыкновеннаго.

— Вотъ вамъ квартира.—*Эта* комната—да вотъ, рядомъ, еще другая.—Неказисто, да ничего: жить можно. И глазѣть здѣсь на васъ будетъ некому. Тутъ, подъ окнами у васъ—по увѣренію хозяина—цвѣтникъ—а по моему огородъ; упирается онъ въ стѣну—а направо да налѣво заборы.—Тихое мѣстечко!—Ну, здравствуйте вторично! милая барышня,—и вы, Нежановъ, здравствуйте!

Онъ пожалъ имъ обоимъ руки. — Они стояли неподвижно, не раздѣваясь—и съ молчаливымъ, полу-изумленнымъ, полурадостнымъ волненіемъ глядѣли оба прямо передъ собою.

— Ну, что-жъ вы? началъ опять Соломинъ.—Разоблачайтесь!—Какія съ вами есть вещи?

Маріанна показала узелокъ, который она все еще держала въ рукѣ.

— У меня вотъ только это.

— А у меня сакъ-вояжъ и мѣшокъ въ телѣгѣ остались.—Да вотъ, я сейчасъ....

— Оставайтесь, оставайтесь. — Соломинъ отворилъ дверь!—Павелъ!—крикнулъ онъ въ темноту лѣсенки — сбѣгай, братъ.... Тамъ вещи въ телѣгѣ.... принеси.

— Сейчасъ —послышался голосъ вездѣсущаго.

Соломинъ обратился къ Маріаннѣ, которая сбросила съ себя платокъ и начала разстегивать мантилью.

— И все удалось благополучно?—спросилъ онъ.

— Все.... никто насъ не увидѣлъ.—И оставила письмо

г-ну Синягину.—Я, Василій Ѳедотычъ, оттого не взяла съ собою ни платьевъ, ни бѣлья, что такъ какъ вы насъ посылать будете.... (Маріанна почему-то не рѣшилась прибавить: въ народъ)—вѣдь все равно: то́ бы не годилось. А деньги у меня есть, чтобы купить, что́ будетъ нужно.

— Все это мы устроимъ впослѣдствіи. .. а вотъ, промолвилъ Соломинъ, указывая на входившаго съ Нежда-новскими вещами Павла — рекомендую вамъ моего лучшаго здѣшняго друга: на него вы можете положиться вполнѣ.... какъ на самого меня.—Ты Татьянѣ на счетъ самовара сказалъ?—прибавилъ онъ вполголоса.

— Сейчасъ будетъ, отвѣтилъ Павелъ; и сливки—и всё.

— Татьяна—это его жена,—продолжалъ Соломинъ—и такая же неизмѣнная, какъ онъ.—Пока вы сами.... ну, тамъ, привыкнете, что-ли—онъ вамъ, моя барышня, прислуживать будетъ.

Маріанна бросила свою мантилью на стоявшій въ уголку кожаный диванчикъ. — Зовите меня Маріанной, Василій Ѳедотычъ—я не хочу быть барышней. И прислужницы мнѣ не надо.... Я не для того ушла—оттуда, чтобы имѣть прислужницъ. Не глядите на мое платье: у меня—тамъ—другого не было. Это все надо будетъ перемѣнить.

Платье это, изъ коричневаго драдедама, было очень просто; но, сшитое петербургской портнихой, оно красиво прилегало къ стану и къ плечамъ Маріанны—и вообще имѣло видъ модный.

— Ну, не прислужница—такъ помощница, по-американски.—А чаю вы все-таки напейтесь. Теперь еще рано — да и вы оба, должно-быть, устали. Я теперь отправляюсь по фабричнымъ дѣламъ;—позднѣе мы опять увидимся.—Что́ нужно будетъ—скажите Павлу или Татьянѣ.

Маріанна быстро протянула ему обѣ руки.

— Чѣмъ намъ отблагодарить васъ, Василій Осдотычъ? — Она съ умиленіемъ глядѣла на него.

Соломинъ тихонько погладилъ ей одну руку. — Я бы сказалъ вамъ: „не стоитъ благодарности“.... да это будетъ неправда. Лучше же я скажу вамъ, что ваша благодарность мнѣ доставляетъ великое удовольствіе. — Вотъ мы и квиты. До свиданья! Павелъ, пойдемъ.

Маріана и Неждановъ остались одни.

Она бросилась къ нему;—и глядя на него тѣмъ же взглядомъ, какъ на Соломина, только еще радостнѣе, еще умиленнѣй и свѣтлѣй,—о, мой другъ!—проговорила она:—Мы начинаемъ новую жизнь... Наконецъ! наконецъ! Ты не повѣришь, какъ эта бѣдная квартирка, въ которой намъ суждено прожить всего нѣсколько дней, мнѣ кажется любезна и мила въ сравненіи съ тѣми ненавистными палатами! скажи, ты радъ?

Неждановъ взялъ ея руки и прижалъ ихъ къ своей груди.

— Я счастливъ, Маріанна, тѣмъ, что я начинаю эту новую жизнь съ тобою вмѣстѣ!—Ты будешь моей путеводной звѣздой, моей поддержкой, моимъ мужествомъ....

— Милый Алёша! Но постой—надо немножко почиститься и туалетъ свой привести въ порядокъ.—Я пойду въ свою комнату.... а ты—останься здѣсь.—Я сію минуту....

Маріанна вышла въ другую комнату, заперлась — и, минуту спустя, отворивъ до половины дверь, высунула голову и проговорила: — А какой Соломинъ славный! — Потомъ она опять заперлась — и послышался щелкъ ключа.

Неждановъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на садикъ.... одна старая, престарая яблонь почему-то привлекла его особое вниманіе. — Онъ встряхнулся, потянулся, ра-

скрыть свой сакъ-воякъ — и ничего оттуда не вынуть; онъ задумался....

Черезъ четверть часа вернулась и Маріанна съ оживленнымъ, свѣже-вымытымъ лицомъ, вся веселая и подвижная; а нѣсколько мгновеній спустя появилась Павлова жена, Татьяна, съ самоваромъ, чайнымъ приборомъ, булками, сливками.

Въ противоположность своему цыганообразному мужу — это была настоящая русская женщина, дородная, русая, простоволосая, съ широкой косой, туго завернутой около рогового гребня, съ крупными, но пріятными чертами лица, съ очень добрыми сѣрыми глазами. Одѣта она была въ опрятное, хоть и полинялое ситцевое платье; — руки у ней были чистыя и красивыя, хоть и большія. Она спокойно поклонилась, произнесла твердымъ, отчетливымъ выговоромъ, безо всякой нѣмучести: „Здравы будете“— и принялась устанавливать самоваръ, чашки и т. д.

Маріанна подошла къ ней.

— Позвольте, Татьяна, я помогу вамъ. — Дайте мнѣ хоть салфетку.

— Ничего, барышня, мы къ этому пріобыкли.—Мнѣ Василій Осдотычъ сказывалъ. Коли что потребуется, извольте приказать. мы со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

— Татьяна, не зовите меня, пожалуйста, барышней.... Одѣта я по барски,—а впрочемъ я.... я совсѣмъ....

Пристальный взглядъ Татьяниныхъ зоркихъ глазъ смутилъ Маріанну;—она умолкла.

— А кто же вы такая будете?—спросилъ Татьяна своимъ ровнымъ голосомъ.

— Коли вы хотите.... я, точно.... я изъ дворянокъ; только я хочу все это бросить—и сдѣлаться какъ всѣ.... какъ всѣ простыя женщины.

— А, вотъ что́! Ну, теперь знаю. Вы стало, изъ тѣхъ, что́ опро́ститься хотятъ.—Ихъ теперь довольно бываетъ.

— Какъ вы сказали, Татьяна? Опро́ститься?

— Да.... такое у насъ теперь слово пошло. Съ простымъ народомъ, значитъ, за-одно быть. Опро́ститься.— Что-жъ? Это дѣло хорошее—народъ поучить уму разуму.—Только трудное это дѣло? Ой, тру-удное?—Дай Богъ часъ.

— Опро́ститься! — повторяла Маріанна. — Слышишь, Алёша, мы съ тобой теперь опростѣлые!

Неждановъ засмѣялся и даже повторилъ:

— Опро́ститься! опростѣлые!

— А что́ это у васъ, мужичёкъ будетъ — али братъ? спросила Татьяна, осторожно перемывая чашки своими большими, ловкими руками и съ ласковой усмѣшкой поглядывая то на Нежданова, то на Маріанну.

— Нѣтъ,—отвѣчала Маріанна,—онъ мнѣ не мужъ и не братъ.

Татьяна приподняла голову.

— Стало, такъ, по вольной милости живете?—Теперь и это—тоже часто бываетъ.—Допрежь больше у раскольниковъ водилось,—а нонѣ и у прочихъ людей. —Лишь бы Богъ благословилъ—да жилось бы ладно!—А то понъ и не нужонъ. На фабрикѣ у насъ тоже такіе есть. Не изъ худшихъ ребятъ.

— Какія у васъ хорошія слова, Татьяна!... „По вольной милости....“ Очень это мнѣ нравится. — Вотъ что, Татьяна, я о чемъ васъ просить буду. Мнѣ нужно себѣ платье сшить или купить, такое вотъ, какъ ваше, или еще попроще.—И башмаки, и чулки, и косынка—все, чтобы было какъ у васъ. —Деньги у меня на это есть.

— Что же, барышня, это все можно.... Ну, не буду, не извольте гнѣваться. — Не буду васъ барышней называть. Только какъ мнѣ васъ звать-то?

— Маріанной.

— А по отчеству какъ васъ величаютъ?

— Да на что́ вамъ мое отчество? Зовите меня просто Маріанной. Зову же я васъ Татьяной.

— И то́—да не то́. Вы ужъ лучше скажите.

— Ну, хорошо. Моего отца звали Викентьемъ. — А вашего какъ?

— А моего—Осипомъ.

— Ну, такъ я буду васъ звать Татьяной Осиповной.

— А я васъ Маріанной Викентьевной. Вотъ оно какъ славно будетъ!

— Что́ бы вамъ съ нами чайку выпить, Татьяна Осиповна?

— На первый случай можно, Маріанна Викентьевна. Чашечкой себя побалую. А то́ Егорычъ забро́нитъ.

— Кто это Егорычъ?

— Павелъ, мужъ мой.

— Садитесь, Татьяна Осиповна.

— И то́ сяду, Маріанна Викентьевна.

Татьяна присѣла на стулъ и начала пить чай въ прикуску, безпрестанно поворачивая въ пальцахъ кусочекъ сахара и щурясь глазомъ съ той стороны, съ какой она прикусывала сахаръ. Маріанна вступила съ нею въ разговоръ. Татьяна отвѣчала не чинясь и сама разспрашивала и разсказывала. На Соломина она чуть не молилась, а мужа своего ставила тотчасъ послѣ Василія Ѳедотыча. Фабричнымъ житьемъ она однако тяготилась.

— Ни тебѣ городъ здѣсь, ни деревня.... безъ Василія Ѳедотыча и часу бы я не осталась!

Маріанна слушала ея разсказы внимательно. Усѣвшійся въ сторонкѣ Нежлановъ наблюдалъ за своей подругой, и не удивлялся ее вниманію: для Маріанны это все было внове—а ему казалось, что онъ подобныхъ Татьянъ видѣлъ цѣлыя сотни—и говорилъ съ ними сотни разъ.

— Вотъ что, Татьяна Осиповна, - сказала наконецъ Маріанна: — вы думаете, что мы хотимъ учить народъ; нѣтъ—мы служить ему хотимъ.

— Какъ такъ служить?—Учите его; вотъ вамъ и служба. Я хоть съ себя примѣръ возьму. Я какъ за Егорыча вышла—ни читать, ни писать не умѣла; а теперь вотъ знаю, спасибо Василію Седотычу. Не самъ онъ училъ меня,—а заплатилъ одному старичку. Тотъ и выучилъ. — Вѣдь я еще молодая, даромъ что рослая.

Маріанна помолчала.

— Мнѣ, Татьяна Осиповна, начала она опять, — хотѣлось бы выучиться какому-нибудь ремеслу.... да мы еще поговоримъ объ этомъ съ вами.—Шью я плохо; если-бъ я выучилась стрянать—можно бы въ кухарки пойти.

Татьяна задумалась.

— Какъ же такъ, въ кухарки?—Кухарки у богатыхъ бываютъ, у купцовъ; а бѣдные сами стрянаютъ.—А на артель готовить, на рабочихъ.... Ну, ужъ это совсѣмъ послѣднее дѣло!

— Да мнѣ бы хоть у богатаго жить, а съ бѣдными знаться. А то какъ я съ ними сойдусь!—Не все же такой случай выдетъ, какъ съ вами.

Татьяна опрокинула пустую чашку на блюдечко.

— Это дѣло мудреное, промолвила она наконецъ со вздохомъ;— около пальца не обвертишь. Что́ умѣю—покажу,—а многому я сама не учена́. Съ Егорычемъ потолковать надо. Вѣдь онъ какой? Книжки всякія читаетъ!—и все можетъ сейчасъ какъ руками развести.—Тутъ она взглянула на Маріанну, которая свертывала папироску.... И вотъ еще что́, Маріанна Викентьевна: извините меня; но коли вы точно опро́ститься желаете,—такъ это ужъ вамъ придется бросить. —Она указала на папироску. — Потому въ тѣхъ званіяхъ, хоть бы вотъ въ кухаркахъ —

этого не полагается: —и васъ сейчасъ всякій признаетъ, что вы есть барышня.—Да.

Маріанна выбросила папироску за окно.

— Я курить не буду.... отъ этого легко отвыкнуть.—Простыя женщины не курятъ: стало-быть, и мнѣ не слѣдъ курить.

— Это вы вѣрно сказали, Маріанна Викентьевна. Мужской полъ этимъ балуетъ и у насъ;—а женскій—нѣтъ. Такъ-то!... Э! да вотъ и самъ Василій Федотычъ сюда жалуетъ. Его это шаги. Вы его спросите: онъ вамъ сейчасъ все опредѣлитъ—лучшимъ манеромъ.

И точно: за дверью раздался голосъ Соломина.

— Можно войти?

— Войдите, войдите,—закричала Маріанна.

— Это у меня англійская привычка,—сказалъ, входя, Соломинъ. Ну, каково́ вы себя чувствуете? Не заскучали еще пока?—Я вижу, вы здѣсь чайничаете съ Татьяной.—Вы слушайте ее: она разумница.... А ко мнѣ сегодня мой хозяинъ пріѣзжаетъ.... вотъ не кстати! И обѣдать остается.—Что дѣлать! На то онъ хозяинъ.

— Что за человѣкъ!—спросилъ Неждановъ, выходя изъ своего уголка.

— Ничего.... Тряпки не сосетъ. Изъ новыхъ. Вѣжливъ очень—и рукавчики носитъ,—а глазъ всюду запускаетъ, не хуже стараго. Самъ шкурку деретъ—и самъ приговариваетъ: „Повернитесь-ка на этотъ бочекъ, сдѣлайте одолженіе;—тутъ есть еще живое мѣстечко.... Надо его пообчистить!“—Ну, да со мной онъ шелковый; я ему нужонъ! Только я пришелъ вамъ сказать, что ужъ сегодня врядъ ли удастся свидѣться.—Обѣдъ вамъ принесутъ. А на дворъ не показывайтесь. Какъ вы думаете, Маріанна, Синягины будутъ васъ отыскивать, за вами гнаться?

— Я думаю, что нѣтъ,—отвѣтила Маріанна.

— А я такъ увѣренъ, что да,—сказалъ Неждановъ.

— Ну, все равно—продолжалъ Соломинъ:—надо быть осторожнымъ на первыхъ порахъ. Потомъ обойдется.

— Да; только вотъ что́,—замѣтилъ Неждановъ!—о моемъ мѣстопребываніи долженъ знать Маркеловъ; — надо его извѣстить.

— Зачѣмъ!

— Нельзя иначе, для нашего дѣла. — Онъ долженъ всегда знать, гдѣ я. Слово дано. Да онъ не проболтается!

— Ну, хорошо. Пошлёмъ Павла.

— А платье мнѣ будетъ готово?—спросилъ Неждановъ.

— То-есть, костюмъ?—какъ-же.... какъ-же.—Тотъ-же маскарадъ. Спасибо—недорого. Прощайте, отдохните.—Татьяна, пойдемъ.

Маріанна и Неждановъ опять остались одни.

XXVIII.

Сперва они опять крѣпко пожали другъ другу руки;—потомъ Маріанна воскликнула: „Постой, я помогу тебѣ убрать твою комнату“—и начала выкладывать еще вещи изъ сакъ-вояжа и мѣшка. Неждановъ хотѣлъ-было помочь ей; но она объявила, что все сдѣлаетъ одна.—„Потому что надо привыкать служить“. И дѣйствительно: сама развѣсила платье на гвоздики, которые нашла въ ящикѣ стола и вбила собственноручно въ стѣну оборотной стороною щётки, за неимѣніемъ молотка; уложила бѣлье въ старенькій комодецъ, находившійся между оконъ.

— Что это?—спросила она вдругъ:—револьверъ? Онъ заряженъ? На что́ онъ тебѣ?

— Онъ не заряженъ.... а впрочемъ, дай его сюда. Ты спрашиваешь: на что? Какъ же безъ револьвера въ нашемъ-то званіи!

Она засмѣялась и продолжала свою работу, встряхивая каждую отдѣльную вещь, и хлопая по ней ладонью: по-

ставила даже двѣ пары сапогъ подъ диванъ;—а нѣсколько книгъ, пачку бумагъ и маленькую тетрадку со стихами расположила торжественно на трехногомъ угловомъ столѣ, назвавъ его письменнымъ и рабочимъ, въ противность другому, круглому, который назвала обѣденнымъ и чайнымъ. Потомъ, взявъ стихотворную тетрадь въ обѣ руки, приподнявъ ее въ уровень своего лица—и глядя черезъ ея край на Неждановa, она съ улыбкой промолвила:

— Вѣдь мы все это перечтёмъ вмѣстѣ въ свободное отъ занятій время!—А?

— Дай мнѣ эту тетрадь! я ее сожгу! — воскликнулъ Неждановъ.—Она другого не сто́итъ!

— Зачѣмъ же ты ее взялъ съ собою, коли такъ?—Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ ее не дамъ на сожженіе. А впрочемъ, говорятъ, сочинители только грозятся—и никогда своихъ вещей не жгутъ. Но я все-таки лучше унесу ее къ себѣ!

Неждановъ хотѣлъ протестовать—но Маріанна выскочила въ сосѣднюю комнату съ тетрадью — и вернулась безъ нея.

Она подсѣла къ Неждановy—и тотчасъ же встала.—Ты у меня еще не былъ.... въ моей комнатѣ. Хочешь посмотрѣть?—Она не хуже твоей. Пойдемъ—я тебѣ покажу.

Неждановъ тоже всталъ — и послѣдовалъ за Маріанной.—Комнатка *ея*, какъ она выражалась, была немного меньше *его* комнаты; но мебель въ ней была какъ будто почище и поновѣй; на окнѣ стояла хрустальная вазочка съ цвѣтами, а въ углу—желѣзная кроватка.

— Видишь, какой онъ милый, Соломинъ,—воскликнула Маріанна:—только не надо себя слишкомъ нѣжить: такія квартиры намъ не часто попадаться будутъ. — А вотъ что́ я думаю: вотъ было бы хорошо: такъ устроиться, чтобы намъ обоимъ, не разставаясь, на какое-нибудь мѣсто поступить!—Трудно это будетъ, —прибавила она, по-

годя немного;—ну, тамъ подумаемъ. Вѣдь все равно: въ Петербургъ ты не вернешься?

— Что мнѣ въ Петербургѣ дѣлать?—Въ университетъ ходить—да уроки давать? Это ужъ никуда не годится.

— Вотъ, что́ Соломинъ скажетъ,—промолвила Маріанна!—онъ лучше рѣшитъ, какъ и что́.

Они вернулись въ первую комнату и опять сѣли другъ подлѣ друга. Похвалили Соломина, Татьяну, Павла; упомянули о Сипягинѣ, о томъ, какъ прежняя жизнь вдругъ такъ далеко отъ нихъ ушла, словно туманомъ покрылась; потомъ опять пожали другъ другу руки—обмѣнялись радостными взглядами; потомъ поговорили о томъ, въ какіе слои должно стараться проникать и какъ имъ надо будетъ держаться, чтобы ихъ не подозрѣвали.

Нежановъ увѣрялъ, что чѣмъ меньше объ этомъ думать, чѣмъ проще себя держать—тѣмъ лучше.

— Конечно! — воскликнула Маріанна. — Вѣдь мы хотимъ опро́ститься, какъ говоритъ Татьяна.

— Я не въ этомъ смыслѣ,—началъ-было Нежановъ. Я хотѣлъ сказать, что не надо принуждать себя....

Маріанна вдругъ засмѣялась.

— Я вспомнила, Алёша, какъ это я насъ обоихъ назвала: опростѣлые!

Нежановъ тоже посмѣялся, повторилъ: „опростѣлые....“—а потомъ задумался.

И Маріанна задумалась.

— Алёша!—промолвила она.

— Что́?

— Мнѣ кажется, намъ обоимъ немного неловко. — Молодые—des nouveaux mariés, —пояснила она—въ первый день своего брачнаго путешествія должны чувствовать нѣчто подобное. — Они счастливы.... имъ очень хорошо— и немножко неловко.

Нежановъ улыбнулся —принужденной улыбкой.

— Ты очень хорошо знаешь, Маріанна, что мы не молодые—въ твоемъ смыслѣ.

Маріанна поднялась съ своего мѣста и стала прямо передъ Неждановымъ.

— Это отъ тебя зависитъ.

— Какъ?

— Алёша, ты знаешь, что когда ты мнѣ скажешь, какъ честный человѣкъ—а я тебѣ вѣрю, потому что ты точно честный человѣкъ;—когда ты мнѣ скажешь, что ты меня любишь той любовью.... ну, той любовью, которая даетъ право на жизнь другого,—когда ты мнѣ это скажешь—я твоя.

Нежданов покраснѣлъ и отвернулся немного.

— Когда я тебѣ это скажу....

— Да, тогда! Но вѣдь ты самъ видишь, ты мнѣ теперь этого не говоришь.... О, да, Алёша, ты, точно, честный человѣкъ. Ну, и давай толковать о вещахъ болѣе серьёзныхъ.

— Но вѣдь я люблю тебя, Маріанна!

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.... и буду ждать. Постой, я еще не совсѣмъ привела въ порядокъ твой письменный столъ. Вотъ тутъ что-то завернуто, что-то жесткое...

Нежданов рванулся со стула.

— Оставь это, Маріанна.... Это.... пожалуйста, оставь.

Маріанна повернула къ нему голову черезъ плечо—и съ изумленіемъ приподняла брови.

— Это—тайна? Секретъ? У тебя есть секретъ?

— Да.... да,—промолвилъ Нежданов,—и, весь смущенный, прибавилъ—въ видѣ объясненія:—Это.... портретъ.

Слово это вырвалось у него невольно. Въ бумажкѣ, которую Маріанна держала въ рукахъ, былъ дѣйствительно завернутъ ея портретъ, данный Нежданову Маркеловымъ.

— Портретъ? — произнесла она протяжнымъ голосомъ....—Женскій?

Она подала ему пакетецъ; но онъ неловко его взялъ; онъ чуть не выскользнулъ у него изъ рукъ, и раскрылся.

— Да это.... мой портретъ! — воскликнула Маріанна съ живостью....—Ну—свой-то портретъ я имѣю право взять.—Она выхватила его у Неждапова.

— Это—ты нарисовалъ?

— Нѣтъ.... не я.

— Кто же? Маркеловъ?

— Ты угадала.... Онъ.

— Какимъ же образомъ онъ у тебя?

— Онъ мнѣ подарилъ его.

— Когда?

Неждановъ разсказалъ, когда и какъ. Пока онъ говорилъ, Маріанна взглядывала то на него, то на портретъ.... и у обоихъ, у Неждапова и у ней, мелькнула одна и та же мысль въ головѣ. „Если бы *онъ* былъ въ этой комнатѣ, *онъ* бы имѣлъ право потребовать....“ Но ни Маріанна, ни Неждановъ не высказали громко своей мысли.... быть можетъ потому, что каждый изъ нихъ почувствовалъ ее въ другомъ.

Маріанна тихонько завернула портретъ въ бумажку—и положила ее на столъ.

— Добрый человѣкъ!—прошептала она.... Гдѣ-то онъ теперь?

— Какъ гдѣ?....—Дома, у себя. Я завтра или послѣзавтра пойду къ нему за книжками, за брошюрами. Онъ хотѣлъ мнѣ дать—да видно, забылъ при отъѣздѣ.

— И ты, Алёша, того мнѣнія, что, отдавая тебѣ этотъ портретъ, онъ уже ото всего отказывался.... рѣшительно ото всего?

— Мнѣ такъ показалось.

— И ты надѣешься его найти дома?

— Конечно.

— А!—Маріанна опустила глаза—уронила руки.—А вотъ, намъ обѣдъ Татьяна несетъ. — вскрикнула она вдругъ.—Какая она славная женщина!

Татьяна явилась съ приборами, салфетками, судками.—Пока она накрывала на столъ, она разсказывала о томъ, что происходило на фабрикѣ.

— Хозяинъ пріѣхалъ изъ Москвы по чугункѣ—и пошелъ бѣгать по всѣмъ этажамъ, какъ ограненный; да вѣдь онъ ничего какъ есть, не смыслитъ; а только такъ, для виду дѣйствуетъ, для примѣру.—А Василій Ѳедотычъ съ нимъ какъ съ малымъ младенцемъ;—а хозяинъ хотѣлъ какую-то противность учинить,—такъ его Василій Ѳедотычъ сейчасъ отчеканилъ: брошу, говоритъ, сейчасъ все; тотъ сейчасъ хвостъ и поджалъ.—Теперь вмѣстѣ кушаютъ: а хозяинъ съ собой кумпаньона привезъ.... Такъ тотъ только всему удивляется. А денежный, должно быть, человѣкъ, этотъ кумпаньонъ, потому все больше молчитъ да головой потряхиваетъ. А самъ толстый, претолстый!—Тузъ московскій! Не даромъ пословица такая слыветъ, что—Москва у всей Россіи подъ горою: все въ нее катится.

— Какъ вы все примѣчаете!—воскликнула Маріанна.

— Я и то замѣтливая,—возразила Татьяна.—Вотъ, готовъ вамъ обѣдъ. Кушайте на здоровье. А я тутъ малость посижу, на васъ погляжу.

Маріанна и Нежлановъ принялись ѣсть; Татьяна прикорнула на подоконникъ и подперла щеку рукою.

— Погляжу я на васъ,—повторила она....—и какіе же вы оба молоденькіе да кволенькіе.... Такъ пріятно на васъ глядѣть, что даже печально! Ахъ, голубчики мои! Берете вы на себя тяготу не въ моготу! Такихъ-то, какъ васъ, приставá царскіе—охочи въ куролеску сажать!

— Ничего, тётушка, не пугайте насъ,—замѣтилъ Неж-

дановъ.—Вы знаете поговорку: „Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ“.

— Знаю.... знаю; да кузовья-то пошли нонѣ тѣсные да невылазные?...

— Есть у васъ дѣти?—спросила Маріанна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Есть; сынокъ. Въ школу ходить началъ. Была и дочка, да не стало ея сердешной! Несчастье съ ней приключилось: попала подъ колесо. И хоть бы разомъ ее убило! А то—мучилась долго. Съ тѣхъ поръ я жалостливая стала; а прежде—что́ жимолость—что́ я,—какъ есть дерево!

— Ну, а какъ же вы Навла Егорыча-то вашего—развѣ не любили?

— Э! То́ особь-статья; то́—дѣло дѣвичье. Вѣдь вотъ и вы—вашего-то любите? Аль нѣтъ?

— Люблю.

— Очень любите?

— Очень.

— Чтой-то....—Татьяна посмотрѣла на Неждданова, на Маріанну—и ничего не прибавила.

Маріаннѣ опять пришлось перемѣнить разговоръ. Она объявила Татьянѣ, что бросила табакъ курить; та ее похвалила.—Потомъ Маріанна вторично попросила ее на счетъ платья; напомнила ей, что она обѣщалась показать, какъ стряпаютъ....

— Да вотъ еще что́: нельзя ли мнѣ достать толстыхъ, суровыхъ нитокъ! Я буду чулки вязать.... простые.

Татьяна отвѣчала, что все будетъ исполнено, какъ слѣдуетъ, и, убравъ со стола, вышла изъ комнаты — своей твердой, спокойной походкой.

— Ну, а мы что́ будемъ дѣлать?—обратилась Маріанна къ Неждданову;—и, не давши ему отвѣтить:—Хочешь? такъ какъ только завтра начнется настоящее дѣло, посвятимъ

нынѣшній вечеръ литературѣ.—Перечтемъ твои стихи! Я судья буду строгій.

Неждановъ долго не соглашался.... Однако кончилъ тѣмъ, что уступилъ—и сталъ читать изъ тетрадки. Маріанна сѣла близко возлѣ него—и глядѣла ему въ лицо, пока онъ читалъ.—Она сказала правду: судьей она оказалась строгимъ. Немногія стихотворенія ей понравились: она предпочитала чисто-лирическія, короткія и, какъ она выражалась—не нравоучительныя. Читалъ Неждановъ не совсѣмъ хорошо: не рѣшался декламировать и не хотѣлъ впадать въ сухой тонъ; выходило: — ни рыба, ни мясо. Маріанна вдругъ перервала его вопросомъ: знаетъ ли онъ удивительное стихотвореніе Добролюбова, которое начинается такъ: „Пускай умру — печали мало“ *) — и тутъ же прочла его—тоже не совсѣмъ хорошо—какъ-то немножко по-дѣтски.

Неждановъ замѣтилъ, что оно горько и горестно до-нельзя — и потомъ прибавилъ, что онъ, Неждановъ, не могъ бы написать это стихотвореніе уже потому, что ему нечего бояться слезъ надъ своей могилой.... ихъ не будетъ.

---

*) Пускай умру—печали мало:
Одно страшитъ мой умъ больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ;

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я.

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я—живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Соч. Д-ва, IV т., стр. 615.

— Будетъ, если я тебя переживу—произнесла медленно Маріанна—и, поднявши глаза къ потолку да помолчавъ немного, вполголоса, какъ бы говоря съ самой собою, спросила:

— Какъ же это онъ съ меня портретъ нарисовалъ? По памяти?

Неждановъ быстро обернулся къ ней....

— Да: по памяти.

Маріанна удивилась, что онъ отвѣчалъ ей. Ей казалось, что она этотъ вопросъ только подумала.

— Это удивительно.... продолжала она тѣмъ же голосомъ. Вѣдь у него и таланта къ живописи нѣтъ. —Что я хотѣла-сказать.... прибавила она громко:—да! на счетъ стиховъ Добролюбова. — Надо такіе стихи писать, какъ Пушкинъ—или вотъ такіе, какъ эти Добролюбовскіе:—это не поэзія.... но что-то не хуже ея.

— А такіе, какъ мои,—спросилъ Неждановъ.—вовсе не слѣдуетъ писать?—Не правда ли?

— Такіе стихи, какъ твои, нравятся друзьямъ, не потому, что они очень хороши,—но потому, что *ты* хорошій человѣкъ—и они на тебя похожи.

Неждановъ усмѣхнулся.

— Похоронила же ты ихъ—да и меня кстати!

Маріанна ударила его по рукѣ и назвала злымъ.... Скоро потомъ она объявила, что она устала и пойдетъ спать.

— Кстати, ты знаешь—прибавила она, встряхнувъ своими короткими, но густыми кудрями,—у меня 137 рублей,—а у тебя?

— 98.

— О! да мы богаты.... для опростѣлыхъ. — Ну — до завтра!

Она ушла; но черезъ нѣсколько мгновеній ея дверь чуть-чуть отворилась—и изъ за узкой щели послышалось

сперва: Прощай!—потомъ болѣе тихо: Прощай!—И ключъ щёлкнулъ въ замкѣ.

Неждановъ опустился на диванъ и закрылъ глаза рукою.... Потомъ онъ быстро всталъ, подошелъ къ двери—и постучался.

— Чего тебѣ?—раздалось оттуда.

— Не *до* завтра—Маріанна.... а—завтра!

— Завтра,—отозвался тихій голосъ.

XXIX.

На другой день по-утру рано Неждановъ постучался опять въ дверь къ Маріаннѣ.

— Это я,—отвѣчалъ онъ на ея вопросъ: кто тамъ?—Можешь ты ко мнѣ выдти?

— Погоди.... сейчасъ.

Она вышла—и ахнула. Въ первую минуту она его не узнала. На немъ былъ истаскашный, желтоватый нанковый кафтанъ съ кроше́чными пуговками и высокой тальей; волосы онъ причесалъ по-русски — съ прямымъ проборомъ; шею повязалъ синимъ платочкомъ; въ рукѣ держалъ картузъ съ изломаннымъ козырькомъ; на ногахъ у него были нечищенные, выростковые сапоги.

— Господи!—воскликнула Маріанна;—какой ты.... некрасивый! и тутъ же быстро обняла его—и еще быстрѣй поцѣловала.—Да зачѣмъ же ты *такъ* одѣлся? Ты смотришь какимъ-то плохимъ городскимъ мѣщаниномъ.... или разнощикомъ, или отставнымъ дворовымъ. Отчего этотъ кафтанъ—а не поддёвка или просто крестьянскій армякъ?

— То-то и есть,—началъ Неждановъ, который въ своемъ костюмѣ дѣйствительно смахивалъ на мелкаго прасола изъ мѣщанъ—и самъ это чувствовалъ, и въ душѣ досадовалъ и смущался;—онъ до того смущался, что все потрогивалъ себя по груди растопыренными пальцами обѣихъ

рукѣ. словно обчищался....—Въ поддёвкѣ или въ армякѣ меня бы сейчасъ узнали, по увѣренію Навла; — а эта одёжка—по его словамъ... словно я другой отъ роду и не нашивалъ: Что не очень лестно для моего самолюбія, замѣчу въ скобкахъ.

— Развѣ ты хочешь сейчасъ идти.... начинать? — съ живостью спросила Маріанна.

— Да; я попытаюсь, хотя.... по настоящему....

— Счастливецъ!—перебила Маріанна.

— Этотъ Навелъ какой-то удивительный,—продолжалъ Нежлановъ:—все-то онъ знаетъ, такъ тебя глазами насквозь и нижетъ; а то вдругъ такое скорчитъ лицо, словно онъ отъ всего въ сторонѣ—и ни во что не мѣшается! Самъ услуживаетъ—а самъ все подемѣшивается.—Книжки мнѣ принесъ отъ Маркелова; онъ и его знаетъ, и Сергѣемъ Михайловичемъ величаетъ. А за Соломина и въ огонь, и въ воду готовъ.

— И Татьяна тоже—промолвила Маріанна. — Отчего это ему люди такъ преданы.

Нежлановъ не отвѣчалъ?

— Какія книжки принесъ тебѣ Навелъ?—спросила Маріанна.

— Да.... обыкновенныя.—„Сказка о четырехъ братьяхъ...“ Ну, еще тамъ... обыкновенныя, извѣстныя. — Впрочемъ—эти лучше.

Маріанна тоскливо оглянулась.

— Но что-жъ это Татьяна? Обѣщала, что придетъ ранёхонько....

— А вотъ она и я,—проговорила Татьяна, входя въ комнату съ узелкомъ въ рукѣ.—Она стояла за дверью—и слышала восклицаніе Маріанны.

— Успѣете еще.... вотъ нѣвидаль!

Маріанна такъ и бросилась ей на встрѣчу.

— Принесли?

Татьяна ударила рукой по узелку.

— Все тутъ.... въ полномъ составѣ.... Стóитъ только примѣрить.... да и стунай щеголять—народъ удивлять!

— Ахъ, пойдемте, пойдемте, Татьяна Осиповна, милая....

Маріанна увлекла ее въ свою комнату.

Оставшись одинъ, Неждановъ прошелся раза два взадъ и впередъ какой-то особенной, имитающей походкой.... (Онъ почему-то воображалъ, что мѣщане именно такъ ходятъ) — понюхалъ осторожно свой собственный рукавъ, внутренность фуражки — и поморщился: посмотрѣлъ на себя въ маленькое зеркальце, прикрѣпленное на стѣнѣ возлѣ окна, и помоталъ головою: очень ужъ онъ былъ неказистъ.—(„А впрочемъ, тѣмъ лучше“, подумалъ онъ.) Потомъ онъ досталъ нѣсколько брошюръ, запихнулъ ихъ себѣ въ задній карманъ — и произнесъ въ полголоса: „итошъ.... робята.... іефто... ничаво... потому-што“...— „Кажется, похоже“, подумалъ онъ опять; „да и что за актерство! за меня мой нарядъ отвѣчаетъ“. И вспомнилъ тутъ Неждановъ одного ссыльнаго нѣмца, которому нужно было бѣжать черезъ всю Россію—а онъ и по-русски плохо говорилъ; но благодаря кунеческой шапкѣ съ коначьимъ околышемъ, которую онъ купилъ себѣ въ одномъ уѣздномъ городѣ—его всюду принимали за куица—и онъ благополучно пробрался за границу.

Въ это мгновеніе вошелъ Соломинъ.

— Ага!—воскликнулъ онъ;—экипировался! — Извини, братъ; въ этомъ нарядѣ нельзя же тебѣ „вы“ говорить.

— Да сдѣлайте.... сдѣлай одолженіе.... я и то́ хотѣлъ тебя просить.

— Только рано ужъ больно: а то, развѣ вотъ что: пріобыкнуть желаешь.—Ну, тогда—ничего. Все-таки подождать нужно: хозяинъ еще не уѣхалъ. Спитъ.

— Я попозже выйду,—отвѣчалъ Нежановъ, похожу по окрестностямъ—пока получится какое распоряженіе.

— Резонъ! Только вотъ что, братъ Алексѣй.... вѣдь такъ я говорю: Алексѣй?

— Алексѣй.—Если хочешь: Ликсѣй,—прибавилъ, смѣясь, Нежановъ.

— Нѣтъ; зачѣмъ пересаливать.—Слушай: уговоръ лучше денегъ.—Книжки, я вижу—у тебя есть; раздавай ихъ кому хочешь,—только на фабрикѣ—ни-ни!

— Отчего же?

— Оттого, во-первыхъ, что оно для тебя же опасно;—во-вторыхъ, я хозяину поручился, что этого здѣсь не будетъ; вѣдь фабрика все-таки его; въ третьихъ: у насъ кое-что началось—школы тамъ и прочее.... Ну—ты испортить можешь. Дѣйствуй на свой страхъ, какъ знаешь,—я не препятствую; а фабричныхъ моихъ не трогай.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ.... ась?—съ язвительной полуусмѣшкой замѣтилъ Нежановъ.

Соломинъ широко улыбнулся, по-своему.

— Именно, братъ Алексѣй; не мѣшаетъ никогда.—Но кого это я вижу? Гдѣ мы?

Эти послѣднія восклицанія относились къ Маріаннѣ, которая въ ситцевомъ, пёстренькомъ, много разъ мытомъ платьецѣ, съ желтымъ платочкомъ на плечахъ, съ краснымъ на головѣ, появилась на порогѣ своей комнаты.—Татьяна выглядывала изъ-за ея спины и добродушно любовалась ею. Маріанна казалась и свѣжей и моложе въ своемъ простенькомъ нарядѣ: онъ пристали ей гораздо больше, чѣмъ долгополый кафтанъ Нежанову.

— Василій Оедотычъ, пожалуйста, не смѣйтесь,—взмолилась Маріанна—и покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ.

— Ай-да парочка!—воскликнула межъ тѣмъ Татьяна—и въ ладоши ударила.—Только ты, мой голубчикъ, паре-

нѣкъ, не прогнѣвись: хорошъ ты, хорошъ; а противъ моей молодухи—фигурой не вышелъ.

„И въ самомъ дѣлѣ, она—прелесть“,—подумалъ Неждановъ;—„о! какъ я ее люблю!“

— И глянь-ка,—продолжала Татьяна:—колечками со мной помѣнялась.—Мнѣ дала свое золотое,—а сама взяла мое серебряное.

— Дѣвушки простыя золотыхъ колецъ не носятъ, — промолвила Маріанна.

Татьяна вздохнула.

— Я вамъ его сохраню, голубушка, не бойтесь.

— Ну, сядьте: сядьте оба,—началъ Соломинъ, который все время, наклонивъ нѣсколько голову, глядѣлъ на Маріанну:—въ прежнія времена, вы помните, люди всегда сажывались, когда въ путь-дорогу отправлялись.—А вамъ обоимъ дорога предстоитъ длинная и трудная.

Маріанна, все еще красная, сѣла: сѣлъ и Неждановъ; сѣлъ Соломинъ... сѣла, наконецъ, и Татьяна на „тычкѣ“, т.-е. на стоявшее стоймя толстое полѣно.—Соломинъ посмотрѣлъ по очереди на всѣхъ:

— Отойдемъ — да поглядимъ,
Какъ мы хорошо сидимъ....

—промолвилъ онъ, слегка приподнявшись,—и вдругъ захохоталъ, да такъ славно, что не только никто не обидѣлся, а напротивъ, всѣмъ очень стало пріятно.

Но Неждановъ впезапно поднялся.

— Я пойду,—сказалъ онъ,— теперь же; а то́ это все очень любезно — только слегка на водевиль съ переодѣваньемъ смахиваетъ.—Не безпокойся,—обратился онъ къ Соломину:—я твоихъ фабричныхъ не трону. Поболтаюсь по окрестностямъ, вернусь,—и тебѣ, Маріанна, разскажу мои похожденія, если только будетъ что́ разсказывать. Дай руку на счастье!

— Чайку бы сперва, замѣтила Татьяна.

— Нѣтъ, что́ за чайничанье!—Если нужно—я въ трактиръ зайду, или просто въ кабакъ.

Татьяна качнула головой.

— У насъ теперь по большимъ-то по дорогамъ трактировъ этихъ развелось, что́ блохъ въ овечьей шубѣ. Сёла все пространныя—вотъ, хоть бы Балмасово....

— Прощайте, до свиданья.... счастливо оставаться!—поправилъ себя Неждановъ, входя въ свою мѣщанскую роль.—Но не успѣлъ онъ приблизиться къ двери, какъ изъ корридора, передъ самымъ его носомъ, вынырнулъ Павелъ—и вручая ему высокій, тонкій посохъ съ вырѣзанной въ видѣ винта, во всю его длину, полосой коры,—промолвилъ:

— Извольте получить, Алексѣй Дмитричъ,—поднимайтесь на ходу, — и чѣмъ вы эту самую палочку дальше отъ себя отставлять будете, тѣмъ пріятнѣе будетъ.

Неждановъ взялъ посохъ молча и удалился; за нимъ и Павелъ. — Татьяна хотѣла-было уйти также; Маріанна приподнялась и остановила ее:

— Погодите, Татьяна Осиповна: мнѣ вы нужны.

— А я сейчасъ вернусь, да съ самоваромъ. Вашъ товарищъ ушелъ безъ чаю; вишь—ужъ очень ему присичило.... А вамъ-то съ чего себя казнить?—Дальше—видно будетъ.

Татьяна вышла, Соломинъ тоже всталъ. Маріанна стояла къ нему спиной;—и когда она наконецъ обернулась къ нему,—такъ какъ онъ очень долго не промолвилъ ни единаго слова,— то увидѣла на его лицѣ, въ его глазахъ, на нее устремленныхъ, выраженіе, какого она прежде у него не замѣчала: выраженіе вопросительное, безпокойное, почти любопытствующее.—Она смутилась и опять покраснѣла.—А Соломину словно стало совѣстно того, что́ она уловила на его лицѣ—и онъ заговорилъ громче обыкновеннаго.

— Такъ та́къ-то, Маріанна.... Вотъ, вы и начали.

— Какое: начала́, Василій Седотычъ! —Что эта за начало? Мнѣ что-то вдругъ очень неловко становится. Алексѣй правду сказалъ: мы точно какую-то комедію играемъ.

Соломинъ сѣлъ опять на стулъ.

— Да, позвольте, Маріанна.... Ка́къ же вы себѣ это представляете: *начать?*—Не баррикады же строить со знаменемъ наверху—да: ура! за республику!—Это же и не женское дѣло.—А вотъ, вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму научите;—и трудно вамъ это будетъ, потому что не легко понимаетъ Лукерья, и васъ чуждается,—да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно то́, чему вы ее учить собирается:—а недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей помучитесь; а пока—ребеночка вы помоете, или азбуку ему покажете,—или больному лекарство дадите.... вотъ вамъ и начало.

— Да вѣдь это сестры милосердія дѣлаютъ, Василій Седотычъ! Для чего-жъ мнѣ тогда.... все это?—Маріанна указала на себя и вокругъ себя неопредѣленнымъ движеніемъ руки.—Я о другомъ мечтала.

— Вамъ хотѣлось собой пожертвовать?

Глаза у Маріанны заблистали.

— Да.... да.... да!

— А Неждановъ?

Маріанна пожала плечомъ.

— Что́ Неждановъ! Мы пойдемъ вмѣстѣ.... или я пойду одна.

Соломинъ пристально посмотрѣлъ на Маріанну.

— Знаете что́, Маріанна.... Вы извините неприличность выраженія.... но по моему: шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую не многіе способны.

— Да я отъ этого не отказываюсь, Василій Седотычъ.

— Я знаю, что не отказываетесь! Да, *вы* на это способ-

ны.—И вы будете—пока—дѣлать это; а потомъ, пожалуй—и другое.

— Но для этого надо поучиться у Татьяны!

— И прекрасно.... учитесь. — Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать курь.... А тамъ, кто знаетъ, можетъ быть, спасете отечество!

— Вы смѣетесь надо мною, Василій Осдотычъ.

Соломинъ медленно потрясъ головою.

— О, моя милая Маріанна, повѣрьте: не смѣюсь я надъ вами; и въ моихъ словахъ—простая правда. Вы уже теперь, всѣ вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ.

Маріанна подняла опустившіеся глаза.

— Я бы хотѣла оправдать ваши ожиданія, Соломинъ.... а тамъ—хоть умереть!

Соломинъ всталъ.

— Нѣтъ, живите.... живите! Это главное.—Кстати, не хотите ли вы узнать, что́ происходитъ теперь въ вашемъ домѣ по поводу вашего бѣгства?—Не принимаютъ ли мѣръ какихъ? Сто́итъ только слово шепнуть Павлу:—все развѣдаетъ мигомъ.

Маріанна изумилась.

— Какой онъ у васъ необыкновенный человѣкъ!

— Да.... довольно удивительный. — Вотъ, когда васъ нужно будетъ бракомъ сочетать съ Алексѣемъ—онъ тоже это устроитъ съ Зосимой.... Помните, я вамъ говорилъ, есть такой попъ.... Да вѣдь—пока—еще не нужно? Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А нѣтъ—такъ нѣтъ.—Соломинъ подошелъ къ двери, раздѣлявшей обѣ комнатки—Неждановa и Маріанны—и нагнулся къ замку.

— Что́ вы тамъ смотрите?—спросила Маріанна.

— А запираетъ ли ключъ?

— Запираетъ,—шепнула Маріанна.

Соломинъ обернулся къ ней.—Она не поднимала глазъ.

— Такъ не нужно развѣдывать, какія намѣренія Синягиныхъ? весело промолвилъ онъ:—не нужно?

Соломинъ хотѣлъ удалиться.

— Василій Ѳедотычъ....

— Что́ прикажете?

— Скажите пожалуйста, отчего вы, всегда такой молчаливый, такъ разговорчивы со мной? Вы не повѣрите, какъ это меня радуетъ.

— Отчего?—Соломинъ взялъ объ ея маленькія, мягкія руки въ свои большія, жосткія. Отчего?—Ну, да должно быть, оттого, что я васъ очень люблю. Прощайте.

Онъ вышелъ.... Маріанна постояла, поглядѣла ему въ слѣдъ, подумала — и отправилась къ Татьянѣ, которая еще не успѣла принести ей самоваръ, и у которой она—правда—напилась чаю—но также мыла чумичкой горшки, и курь щипала, и—даже разчесала какому-то мальчику его вихрястую голову.

Къ обѣденному времени она вернулась на свою квартирку.... Ей не пришлось долго дожидаться Нежданова.

Онъ возвратился, усталый, запыленный — и такъ и упалъ на диванъ. Она тотчасъ подсѣла къ нему.—Ну, что? Ну, что? Разсказывай!

Ты помнишь эти два стиха, отвѣчалъ онъ ей слабымъ голосомъ:

«Все это было бы смѣшно —
«Когда бы не было такъ грустно....»

— Помнишь?

— Конечно, помню.

Ну, вотъ, эти самые стихи отлично примѣняются къ моему первому выходу.—Но, нѣтъ! Рѣшительно, смѣшного въ немъ было больше. Во-первыхъ, я убѣдился, что ничего нѣтъ легче, какъ разыгрывать роль: никто и не думалъ подозрѣвать меня.—Только вотъ чего я не сообра-

знать: надо сочинить напередъ какую-нибудь исторію.... а то спрашиваютъ: откуда? почему? —а у тебя ничего не готово. Впрочемъ, и это почти не нужно. Предложи только шкалику водки въ кабакъ—и ври, что̀ угодно.

— И ты.... врать? спросила Маріанна.

— Врать.... какъ умѣть. — Во-вторыхъ: всѣ, рѣшительно всѣ люди, съ которыми я разговаривалъ — недовольны; и никому не хочется даже знать, какъ пособить этому недовольству! — Но въ пропагандѣ я оказался — ни-ахъ; двѣ брошюрки просто тайкомъ оставилъ въ горницахъ—одну засунулъ въ телѣгу.... Что̀ изъ нихъ выдетъ— Ты единъ, Господи, вѣсн!—Четыремъ человѣкамъ предлагалъ брошюры. Одинъ спросилъ—божественная-ли эта книга?— и не взялъ; другой сказалъ, что не знаетъ грамотѣ—и взялъ для дѣтей—потому на обложкѣ есть рисунокъ; третій сперва все мнѣ поддакивалъ—„то-акъ, то-акъ....“ потомъ вдругъ выругалъ меня самымъ неожиданнымъ образомъ, и тоже не взялъ; четвертый, наконецъ, взялъ — и много благодарилъ меня: — но, кажется, ни бельмеса не понялъ изо всего того, что̀ я ему говорилъ. Кромѣ того, одна собака укусила мнѣ ногу; одна баба съ порога своей избы погрозилась мнѣ ухватомъ, прибавивъ: „у! постылый!—Шалопуты вы московскіе!— Погибели на васъ нѣтути!“ — Да еще одинъ солдатъ безсрочный все мнѣ въ слѣдъ кричалъ: „Погоди, постой! мы тебя, братъ, распатронимъ!“— А на мои же деньги напился.

— А еще что?

— Еще что? — Я натеръ себѣ мозоль: одинъ сапогъ ужасно великъ. А теперь я голоденъ, —и голова трещитъ отъ водки.

— Да развѣ ты много пилъ?

— Нѣтъ, немного—для примѣра: по былъ въ пяти кабакахъ. —Только я совсѣмъ этой мерзости—водки —не переношу. И какъ это нашъ народъ ее пьетъ — непости-

жимо! Если нужно пить водку, чтобы опро́ститься — слуга покорный!

— И такъ-таки никто тебя не заподозрилъ?

— Никто.—Одинъ цѣловальникъ, толстый такой, блѣдный человѣкъ съ бѣлыми глазами, былъ единственный человѣкъ, взглянувшій на меня подозрительно. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ своей женѣ: „Ты наблюдай этого рыжаго.... косого“. (А и я не зналъ до тѣхъ поръ, что я косъ). „Это — жуликъ. Вишь ты, какъ пьетъ вальяжно!“—Что́ въ подобномъ случаѣ значитъ: „вальяжно“ — я не понялъ; но едва-ли это похвала.—Въ родѣ Гоголевскаго „моветона“,—помнишь, въ „Ревизорѣ“. Развѣ то́, что я старался потихоньку расплескивать водку подъ столъ. Охъ, трудно, трудно эстетику соприкасаться съ дѣйствительной жизнью!

— Въ другой разъ будетъ удачнѣе,—утѣшала Неждан-нова Маріанна—но я рада, что ты взглянулъ на первую свою попытку съ юмористической точки зрѣнія.... Вѣдь, въ сущности, ты не скучалъ?

— Нѣтъ, не скучалъ; даже забавлялся.—Но я знаю навѣрное, что буду теперь обо всемъ этомъ думать — и мнѣ будетъ гадко и грустно.

— Нѣтъ, нѣтъ! я не дамъ тебѣ думать—я буду разсказывать тебѣ, что́ я дѣлала. Сейчасъ намъ принесутъ обѣдъ; кстати, знай, что я отлично.... вымыла горшокъ, въ которомъ Татьяна намъ сварила щи.—И я буду тебѣ разсказывать.... все, все, за каждымъ кускомъ.

Такъ она и сдѣлала. Неждановъ слушалъ ея разсказы— и глядѣлъ, глядѣлъ на нее.... такъ, что она нѣсколько разъ останавливалась, чтобы дать ему сказать, зачѣмъ онъ такъ на нее глядитъ.... Но онъ молчалъ.

Послѣ обѣда она предложила ему читать вслухъ изъ Шпильгагена. Но не успѣла она кончить первую страницу, какъ онъ стремительно всталъ—и, подойдя къ ней,

упалъ къ ея ногамъ. Она приподнялась, онъ обхватилъ ея колѣни обѣими руками—и началъ говорить страстныя, безсвязныя, отчаянныя слова! „Онъ хотѣлъ умереть, онъ зналъ, что умретъ скоро“....—Она не шевелилась, не сопротивлялась; спокойно покорялась его порывистому объятію, спокойно, даже ласково глядѣла на него сверху внизъ. Она возложила обѣ руки на его голову, бившуюся въ складкахъ ея одежды.—Но самое это спокойствіе сильнѣе подѣйствовало на него, чѣмъ если бы она его оттолкнула. Онъ всталъ; промолвилъ: „Прости меня, Маріанна, за сегодняшнее и вчерашнее; повтори мнѣ, что ты готова ждать, пока я стану достойнымъ твоей любви,—и прости меня“.

— Я дала тебѣ слово.... и не умѣю мѣняться.

— Ну, спасибо; прощай.

Неждановъ вышелъ; — Маріанна заперлась въ своей комнатѣ.

XXX.

Двѣ недѣли спустя, на той же самой квартирѣ, вотъ что́ писалъ Неждановъ другу Силину, нагнувшись надъ своимъ трехножнымъ столикомъ, на которомъ скупо и тускло горѣла сальная свѣча.—(Было уже далеко за полночь. На диванѣ, на полу валялась въ-торопяхъ сброшенная, загрязненная одежда; въ стекло оконъ постукивалъ мелкій непрерывный дождь—и широкій теплый вѣтеръ пробѣгалъ большими вздохами по крышѣ).

— „Милый Владиміръ, пишу тебѣ, не выставляя адреса, и даже это письмо будетъ послано съ нарочнымъ до отдаленной почтовой станціи; потому что мое пребываніе здѣсь—тайна; и выдать ее—значитъ, погубить не одного меня.—Съ тебя довольно будетъ знать, что я живу на большой фабрикѣ, вдвоемъ съ Маріанной, вотъ уже двѣ

недѣли. Мы бѣжали отъ Синягиныхъ въ тотъ самый день, когда я писалъ тебѣ. Насъ здѣсь пріютилъ одинъ пріятель: буду звать его Василіемъ. Онъ здѣсь главное лицо—отличнѣйшій человѣкъ. Пребываніе наше въ этой фабрикѣ—временное. Мы находимся здѣсь, пока наступитъ время дѣйствовать:—хотя, если судить по тому, что́ произошло до сихъ поръ—время это едва ли когда наступитъ! Владиміръ, мнѣ очень, очень тяжело. Прежде всего я долженъ тебѣ сказать, что хотя мы съ Маріанной бѣжали вмѣстѣ—но мы до сихъ поръ—какъ брать съ сестрою. Она меня любитъ.... и сказала мнѣ, что будетъ моею, если.... я почувствую себя въ правѣ потребовать этого отъ нея.

„Владиміръ, я этого права за собой не чувствую! Она вѣритъ мнѣ, моей честности—я ея обманывать не стану. Я знаю, что я никого не любилъ и не полюблю—(это-то ужъ навѣрно!) больше, чѣмъ ее. Но все-таки! Какъ могу я присоединить навсегда ея судьбу къ моей! Живое существо—къ трупу?—Ну, не къ трупу,—къ существу полумертвому?—Гдѣ же будетъ совѣсть?—Ты скажешь: была бы сильная страсть—совѣсть замолчала бы. — Въ томъ-то и дѣло, что я трупъ; честный, благопамѣренный трупъ, коли хочешь. — Пожалуйста, не кричи, что я всегда преувеличиваю.... Все, что я тебѣ говорю—правда! правда!—Маріанна — натура очень сдержанная — и теперь вся поглощена своей дѣятельностью, въ которую вѣритъ.... А я!

„Ну — бросимъ любовь и личное счастье — и все такое.—Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я хожу „въ народъ“—и, ей-же-ей, ничего глупѣй и представить себѣ нельзя. Конечно, вина тутъ моя—а не самаго дѣла. Положимъ, я не славянофилъ; я не изъ тѣхъ, которые *лечатся* народомъ, соприкосновеніемъ съ нимъ;—я не прикладываю его къ своей больной утробѣ, какъ фланелевый набрюшникъ....

я хочу самъ дѣйствовать нашего ;—но какъ??—Какъ это совершить? Оказывается, что, когда я съ народомъ, я все только принимаю— да прислушиваюсь,—а коли придется самому что́ сказать—изъ рукъ вонъ! Самъ чувствую, что не гожусь. Точно скверный актеръ въ чужой роли. Тутъ и добросовѣстность некстати, и скептицизмъ—и даже какой-то мизерный, на самого себя обращенный юморъ... Гроша мѣднаго все это не сто́итъ!—Даже гадко вспоминать;—гадко глядѣть на эту ветошь, которую я таскаю,—на этотъ маскарадъ, какъ выражается Василій! — Увѣряютъ, что нужно сперва выучиться языку народа, узнать его обычаи и нравы.... Вздоръ! вздоръ! вздоръ! Нужно *вѣрить* въ то, что́ говоришь—а говори, какъ хочешь! Мнѣ разъ пришлось слышать нѣчто въ-родѣ проповѣди одного раскольничьяго пророка. Чортъ знаетъ, что́ онъ мололъ, какая это была смѣсь церковнаго языка, книжнаго, простонароднаго—да еще не русскаго—а бѣлорусскаго какого-то.... „Щобъ“ вмѣсто „тебѣ“; — „исть“ вмѣсто „ѣсть“;—„ы“ вмѣсто „и“—и вѣдь все одно и тоже долбилъ, какъ тетеревъ какой! „Накатылъ духъ.... накатылъ духъ....“—За то глаза горятъ, голосъ глухой и твердый, кулаки сжаты—и весь онъ какъ желѣзный! Слушатели не понимаютъ—а благоговѣютъ! И идутъ за нимъ.—А я начну говорить, — точно виноватый, все прощенія прошу. Хоть въ раскольники бы пошелъ—право; мудрость ихъ не велика.... да гдѣ вѣры-то взять, вѣры!! — Вонъ Маріанна вѣритъ. Съ утра работаетъ, возится съ Татьяной—тутъ есть одна такая баба, добрая и неглупая: кстати, она про насъ говоритъ, что мы опро́ститься желаемъ и зоветъ насъ опростѣлыми;—такъ вотъ, съ этой-то бабой Маріанна возится, минуты не посидитъ—настоящій муравей!—Радуется, что руки покраснѣли да заскорузли; и ждетъ, что, вотъ-вотъ, и она, сейчасъ, коли нужно, на плаху! Да что на плаху! Она даже башмаки съ себя пробовала снять: хо-

дила куда-то босая, и вернулась босая. Слышу—потомъ — ноги себѣ долго мыла; вижу, наступаетъ на нихъ съ осторожностью—потому съ непривычки — больно; а лицомъ вся радостная и свѣтлая, словно кладъ нашла, словно солнце её озарило. Да—Маріанна молодецъ! —А я, какъ стану съ ней говорить о моихъ чувствахъ—такъ, во-первыхъ, мнѣ какъ-то стыдно станетъ, точно я на чужое руку заношу; а во-вторыхъ, этотъ взглядъ... о, этотъ ужасный, преданный, непротивящійся взглядъ.... „Возьми, моль, меня.... но *помни!*... Да и къ чему все это? Развѣ нѣтъ лучшаго, высшаго на землѣ?“—То-есть, другими словами: надѣвай вонючій кафтанъ, иди въ народъ.... И вотъ, я иду въ этотъ народъ....

„О, какъ я проклинаю тогда эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наслѣдіе моего аристократическаго отца! Какое право имѣлъ онъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу—да и пихнулъ ее въ воду?—Эстетика—да въ грязь! демократа, народолюбца, въ которомъ одинъ запахъ этой поганой водки—„зелена вина“—возбуждаетъ тошноту, чуть не рвоту?...

„Вотъ до чего я договорился: сталъ бранить моего отца! — И демократомъ сдѣлался я самъ: тутъ онъ ни причемъ.

„Да, Владиміръ, худо мнѣ. Стали посѣщать меня какія-то сѣрыя, скверныя мысли!—Такъ неужто-же, спросишь ты меня, я даже въ теченіи этихъ двухъ недѣль не наткнулся на какое-нибудь отрадное явленіе, на какого-нибудь хорошаго, живого, хоть и темнаго человѣка?—Какъ тебѣ сказать? Встрѣчалъ я нѣчто подобное.... Одинъ даже очень хорошій попался—славный, бойкій малый.—Да какъ я ни вертѣлся—не нуженъ я ему съ моими брошюрами—и все тутъ! У здѣшняго фабричнаго Павла—

(онъ правая рука Василія, прежмный и прехитрый, будущая „голова“.... я тебѣ, кажется, о немъ писалъ) —у него есть пріятель изъ мужиковъ. Елизаромъ его зовутъ.... тоже свѣтлый умъ—и душа свободная, безо всякихъ путъ: но какъ только онъ со мною — точно стѣна между нами!—такъ и смотритъ „нѣтомъ!“ А то еще вотъ на какого я наскочилъ.... впрочемъ, этотъ былъ изъ сердитыхъ.— „Ужъ ты“, говоритъ, „баринъ, не размазывай— а прямо скажи: отдашь ли ты всю свою землю, какъ есть— аль нѣтъ?“—„Что ты“, отвѣчаю я ему,—„какой я баринъ?“ (И еще, помнится, прибавилъ: Христосъ съ тобою!)—„А коли ты изъ простыхъ“, говоритъ—„такъ какой въ тебѣ толкъ? И оставь ты меня, сдѣлай милость!“

„И вотъ еще что.—Я замѣтилъ: коли кто ужъ очень охотно тебя слушаетъ, книжки сейчасъ береть,—знай: этотъ изъ плохенькихъ, вѣтеркомъ подбитъ.—Или на какого краснобая наткнешься—изъ образованныхъ, который только и знаетъ, что одно облюбленное слово твердитъ.— Одинъ, напримѣръ, просто замучилъ меня: все у него „прызводство?“—Что ему не говори, а онъ: „такое—значитъ—прызводство!—А! чортъ тебя побери!—Еще одно замѣчаніе.... Помнишь, была когда-то — давно тому назадъ—рѣчь о „лишнихъ“ людяхъ, о Гамлетахъ? — Представь: такіе „лишніе люди“ попадаются теперь между крестьянами!—Конечно, съ особымъ оттѣнкомъ.... притомъ они, большей частью, чахоточнаго сложенія.—Интересные субъекты—и идутъ къ намъ охотно; но собственно для дѣла—непригодные; такъ же, какъ и прежніе Гамлеты. Ну, что тутъ будешь дѣлать? —Типографію завести секретную? Да вѣдь книжекъ и безъ того ужъ довольно, и такихъ, что говорятъ: „перекрестись, да возьми топоръ“, и такихъ, что говорятъ: „возьми топоръ просто“. Повѣсти изъ народнаго быта, съ начинкой, сочинять? Не напечатаютъ, пожалуй.—Или ужъ точно взять топоръ?...

А на кого идти, съ кѣмъ, зачѣмъ?—Чтобы казенный солдатъ тебя убубухалъ изъ казеннаго ружья? Да вѣдь это какое-то сложное самоубійство! Ужъ лучше же я самъ съ собой покончу. Но крайней мѣрѣ, буду знать, когда и какъ,—и самъ выберу, въ какое мѣсто выпалить.

„Право, мнѣ кажется, что если бы гдѣ-нибудь теперь происходила народная война—я бы отправился туда, не для того, чтобы освобождать кого бы то ни было (освобождать другихъ, когда свои не свободны!!)—но чтобы покончить съ собою....

„Нашъ пріятель Василій, тотъ, что́ здѣсь насъ пріютилъ, счастливый человѣкъ: онъ изъ нашего лагеря—да спокойный какой-то.—Ему не къ спѣху. Другого я бы выбранилъ.... а его не могу. И оказывается, что вся суть не въ убѣжденіяхъ—а въ характерѣ. У Василія характеръ такой, что иголки не подпустишь.—Ну, вотъ, онъ и правъ.—Онъ много съ нами сидитъ, съ Маріанной.—И вотъ, что́ удивительно. Я ее люблю, и она меня любитъ (я вижу, какъ ты улыбаешься при этой фразѣ—но ей-Богу же это—такъ!);—а говорить мнѣ съ нею почти не о чемъ.—А съ нимъ она и спорить, и толкуетъ, и слушаетъ его.—Не ревную я ее къ нему;—онъ же собирается ее куда-то помѣстить—по крайней мѣрѣ, она его объ этомъ проситъ;—только горько мнѣ, глядя на нихъ.—И вѣдь представь: заикнись я словомъ о женитьбѣ—она бы сейчасъ согласилась—и понъ Зосима выступилъ бы на сцену—„Исаія, ликуй!“—и все какъ слѣдуетъ. Только отъ этого мнѣ бы не было легче—и *ничего бы не измѣнилось*.... Куда ни кинь—все клинъ!—Окургузила меня жизнь, мой Владиміръ, какъ, помнишь, говаривалъ нашъ знакомый, пьяничужка портной, жалуясь на свою жену.

„Впрочемъ я чувствую, что это долго не продлится. Чувствую я, что готовится что-то....

„Не самъ ли я требовалъ и доказывалъ, что надо „приступить?"—Ну, вотъ, мы и приступимъ.

„Я не помню, писалъ ли я тебѣ о другомъ моемъ знакомомъ, черномазомъ—родственникѣ Снѣгиныхъ? Тотъ можетъ, пожалуй, заварить такую кашу, что и не расхлебаешь.

„Совсѣмъ уже хотѣлъ кончить это письмо—да что!—Вѣдь я все нѣтъ, нѣтъ—да настрочу стихи. Маріанѣ я ихъ не читаю—она ихъ не очень жалуетъ—а ты.... иногда и похваливши: а главное никому не разболтаешь. Поражень я былъ однимъ всеобщимъ явленіемъ на Руси.... А впрочемъ, вотъ они, эти стихи:

Сонъ.

Давненько не бывалъ я въ сторонѣ родной....
Но не нашелъ я въ ней замѣтной перемѣны.
Все тотъ же мертвенный, безсмысленный застой,
Строенія безъ крышъ, разрушенныя стѣны,
И та же грязь, и вонь, и бѣдность, и тоска!
И тотъ же рабскій взглядъ, то дерзкій, то унылый....
Народъ нашъ вольнымъ сталъ; и вольная рука
Виситъ, по прежнему, какой-то плеткой хилой.
Все, все по прежнему.... И только лишь въ одномъ
Европу, Азію, весь свѣтъ мы перегнали....
Нѣтъ! никогда еще такимъ ужаснымъ сномъ
Мои любезные соотчичи не спали!

Все спитъ кругомъ: вездѣ, въ деревняхъ, въ городахъ,
Въ телѣгахъ, на саняхъ, днемъ, ночью, сидя, стоя....
Купецъ, чиновникъ спитъ; спитъ сторожъ на часахъ,
Подъ снѣжнымъ холодомъ—и на пригекѣ зноя!
И подсудимый спитъ—и дрыхнетъ судія;
Мертво спятъ мужики: жнутъ, пашутъ—спятъ; молотятъ—
Спятъ тоже; спитъ отецъ, спитъ мать, спитъ вся семья....
Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого колотятъ!
Одинъ царевъ кабакъ—тотъ не смыкаетъ глазъ;
И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!

„Пожалуйста, извини меня; я не хотѣлъ послать тебѣ такое грустное письмо, не насмѣшивъ тебя хоть подъ конецъ (ты навѣрное замѣтишь нѣсколько натянутыхъ рифмъ: „молотятъ—колотятъ....“ да мало ли чего!)—Когда я напишу тебѣ слѣдующее письмо? И напишу ли? Что бы со мною ни было, я увѣренъ, ты не забудешь—

„Твоего вѣрнаго друга—
А. Н.

„P. S.—Да, нашъ народъ спитъ.... Но, мнѣ сдается, если что его разбудитъ—это будетъ не то, что *мы* думаемъ....“

Дописавъ послѣднюю строку, Неждановъ бросилъ перо—и, сказавъ самому себѣ: „Ну—теперь постарайся заснуть и забыть всю эту чушь, стихотворь!“—легъ на постель.... но сонъ долго бѣжалъ его глазъ.

На другое утро Маріанна разбудила его, проходя черезъ его комнату къ Татьянѣ; но онъ только-что успѣлъ одѣться, какъ она уже вернулась снова. Ея лицо выражало радость и тревогу: она казалась взволнованной.

— Знаешь что, Алёша: говорятъ, въ т....мъ уѣздѣ—близко отсюда—уже началось!

— Какъ? Что началось? Кто это говоритъ?

— Павелъ.—Говорятъ, крестьяне поднимаются—не хотятъ платить податей, собираются толпами.

— Ты сама это слышала?

— Мнѣ Татьяна сказывала.—Да вотъ и самъ Павелъ. Спроси у него.

Павелъ вошелъ и подтвердилъ сказанное Маріанной.

— Въ т....мъ уѣздѣ безпокойно—это вѣрно!—промолвилъ онъ, потряхивая бородкой и прищуривая свои блестящіе черные глаза.—Сергѣя Михайловича, должно полагать, работа. Вотъ уже пятый день, какъ ихъ нѣту дома.

Неждановъ взялся за шапку.

— Куда ты?—спросила Маріанна.

— Да.... туда,—отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ и сдвинувъ брови.—Въ т....ій уѣздъ.

— Такъ и *я* съ тобой. Вѣдь ты меня возьмешь? Дай мнѣ только большой платокъ надѣть.

— Это не женское дѣло.—сумрачно промолвилъ Неждановъ, по прежднему глядя внизъ, точно озлобленный.

— Нѣтъ.... нѣтъ!... Ты хорошо дѣлаешь, что идешь;— а то Маркеловъ счелъ бы тебя за труса.... И я иду съ тобой.

— Я не трусъ,—такъ же сумрачно промолвилъ Неждановъ.

— Я хотѣла сказать, что онъ насъ обоихъ за трусовъ бы принялъ. Я иду съ тобой.

Маріанна отправилась за платкомъ въ свою комнату— а Павелъ произнесъ изподтишка и какъ-бы втягивая въ себя воздухъ: „Эге-ге!“ и немедленно исчезъ.—Онъ побѣжалъ предупредить Соломина.

Маріанна еще не появилась, какъ уже Соломинъ вошелъ въ комнату Неждапова. — Онъ стоялъ лицомъ къ окну, опершись лбомъ о руку, а рукой о стекло. Соломинъ тронулъ его за плечо. Онъ быстро обернулся. — Взъерошенный, немытый, Неждановъ имѣлъ видъ дикій и странный. Впрочемъ, и Соломинъ измѣнился въ послѣднее время. Онъ пожелтѣлъ, лицо его вытянулось, верхніе зубы обнажились слегка.... Онъ тоже казался встревоженнымъ, насколько могла тревожиться его „уравновѣшенная“ душа.

— Маркеловъ таки не выдержалъ,—началъ онъ.—Это можетъ кончиться худо; для него—во-первыхъ.... ну, и для другихъ.

— Я хочу пойти посмотрѣть, что тамъ такое.... —промолвилъ Неждановъ.

— И я,—прибавила Маріанна, показавшись на порогѣ двери.

Соломинъ медленно обратился къ ней.

— Я бы вамъ не совѣтовалъ, Маріанна.—Вы можете выдать себя—и насъ: невольно и безо всякой нужды.—Пускай Неждановъ идетъ да понюхаетъ немножко воздухъ, коли онъ хочетъ.... и то немножко!—а вы-то зачѣмъ?

— Я не хочу отстать отъ него.

— Вы его свяжете.

Маріанна глянула на Неждановa. Онъ стоялъ неподвижно, съ неподвижнымъ, угрюмымъ лицомъ.

— Но если будетъ опасность? спросила она.

Соломинъ улыбнулся.

— Не бойтесь.... когда будетъ опасность—я васъ кликну.

Маріанна молча сняла платокъ съ головы—и сѣла.

Тогда Соломинъ обратился къ Нежданову.

— А ты, братъ, въ самомъ дѣлѣ, посмотри-ка немножко. Можетъ быть, все это преувеличено.—Только, пожалуйста, осторожнѣе.—Впрочемъ, тебя подвезутъ. И вернись поскорѣе. Ты обѣщаешь? Неждановъ? обѣщаешь?

— Да.

— Да,—навѣрное?

— Коли тебѣ здѣсь всѣ покоряются, начиная съ Маріанны.

Неждановъ вышелъ въ корридоръ — не простившись. Навелъ вынырнулъ изъ темноты и побѣжалъ впередъ по лѣстницѣ, стуча кованными подкогами сапоговъ. — *Онъ* долженъ былъ подвезти Неждановa?

Соломинъ подсѣлъ къ Маріаннѣ.

— Вы слышали послѣднія слова Неждановa.

— Да: онъ досадуетъ, что я слушаюсь васъ больше, чѣмъ его. И въ этомъ правда.—Я люблю *его*, а слушаюсь *васъ*. Онъ мнѣ дороже.... а вы мнѣ ближе.

Соломинъ осторожно погладилъ своей рукой ея руку.

— Эта исторія.... очень непріятная, — промолвилъ онъ наконецъ.—Если Маркеловъ въ ней замѣшанъ—онъ погибъ.

Маріанна вздрогнула.

— Погибъ?

— Да.—Онъ ничего не дѣлаетъ въ половину — и не прячется за другихъ.

— Погибъ!—шепнула Маріанна снова—и слезы побѣжали по ея лицу.—Ахъ, Василій Осипычъ! мнѣ очень жаль его. Но почему же онъ не можетъ восторжествовать? Почему онъ долженъ непремѣнно погибнуть?

— Потому, Маріанна, что въ подобныхъ предпріятіяхъ первые всегда погибаютъ, даже если они удаются.... А въ этомъ дѣлѣ, что *онъ* затѣялъ, нетолько первые и вторые погибнутъ—но и десятые.... и двадцатые....

— Такъ мы и не дождемся?

— Того, что вы думаете?—Никогда. Глазами мы этого не увидимъ: вотъ этими, живыми глазами.—Ну—духовными.... Это другое дѣло. Любуйся хоть теперь, сейчасъ.—Тутъ контроля нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же вы, Соломинъ....

— Что?

— Зачѣмъ вы идете по этой дорогѣ?

— Потому, что нѣтъ другой.—То-есть, собственно цѣль у насъ съ Маркеловымъ одна:—дорога другая.

— Бѣдный Сергѣй Михайловичъ!—уныло промолвила Маріанна. Соломинъ опять осторожно погладилъ ее.

— Ну — полноте: еще нѣтъ ничего вѣрнаго. Посмотримъ, какія извѣстія привезетъ Павелъ.—Въ нашемъ.... званіи надо быть твердымъ. Англичане говорятъ: „Never say die“. — Хорошая поговорка. Лучше русской: „Пришла бѣда, растворяй ворота!“ —Заранѣе горевать нечего.

Соломинъ поднялся со стула.

— А мѣсто, которое вы хотѣли мнѣ достать?—спросила вдругъ Маріанна.—Слезы блестѣли еще у ней на щекахъ—но въ глазахъ уже не было печали.

Соломинъ сѣлъ опять.

— Развѣ вамъ такъ хочется поскорѣй уѣхать отсюда?

— О, нѣтъ! но я желала бы быть полезной.

— Маріанна, вы очень полезны и здѣсь. Не покидайте насъ, подождите.—Чего вамъ?—спросилъ Соломинъ вошедшую Татьяну.—(Онъ говорилъ: „ты“ одному Павлу—и то потому, что тотъ былъ бы слишкомъ несчастливъ, если-бъ Соломинъ вздумалъ говорить ему „вы“).

— Да тутъ какой-то женскій полъ спрашиваетъ Алексѣя Дмитрича,—отвѣчала Татьяна, посмѣиваясь и разводя руками;—я-было сказала, что̀ его нѣтъ у насъ, совсѣмъ нѣту. — Мы молъ, и не знаемъ, что̀ за человѣкъ такой?—Но тутъ онъ....

— Да кто—онъ?

— Да самый этотъ женскій полъ.—Взялъ да написалъ свое имя на этой вотъ бумагѣ—и говоритъ, чтобы я показала—и что его пустятъ; и что если точно Алексѣя Дмитрича дома нѣтъ, такъ онъ и подождать можетъ.

На бумагѣ стояло крупными буквами: Машурина.

— Впустите, сказалъ Соломинъ.—Васъ Маріанна, не стѣснитъ, если она сюда войдетъ?—Она тоже—изъ нашихъ.

— Нисколько, помилуйте.

Черезъ нѣсколько мгновеній на порогѣ показалась Машурина—въ томъ же самомъ платьѣ, въ какомъ мы ее видѣли въ началѣ первой главы.

XXXI.

— Неждапова нѣтъ дома? спросила она; потомъ, увидѣвъ Соломина, подошла къ нему и подала ему руку.—

Здравствуйте, Соломинъ!—На Маріанну она только кинула косвенный взглядъ.

— Онъ скоро вернется,—отвѣчалъ Соломинъ.—Но позвольте спросить, отъ кого вы узнали....

— Отъ Маркелова. — Впрочемъ, оно и въ городѣ.... двумъ-тремъ лицамъ уже извѣстно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Кто-нибудь проболталъ.—Да и Нежданова, говорятъ, самого узнали.

— Вотъ-те и переодѣванія! проворчалъ Соломинъ. — Позвольте васъ познакомить,—прибавилъ онъ громко. — Г-жа Синецкая, г-жа Машурина! —Присядьте.

Машурина слегка кивнула головою и сѣла.

— У меня къ Нежданову есть письмо; а къ вамъ, Соломинъ, словесный запросъ.

— Какой? И отъ кого?

— Отъ извѣстнаго вамъ лица.... Что, у васъ.... все готово?

— Ничего у меня не готово.

Машурина раскрыла, насколько могла, свои крохотные глазки.

— Ничего?

— Ничего.

— Такъ-таки рѣшительно ничего?

— Рѣшительно ничего.

— Такъ и сказать?

— Такъ и скажите.

Машурина подумала и вынула папироску изъ кармана.

— Огня—можно?

— Вотъ вамъ спичка.

Машурина закурила свою папироску.

— „Они“ другого ждали. — начала она. — Да и кругомъ—не такъ, какъ у васъ. Впрочемъ, это ваше дѣло. А

я къ вамъ ненадолго. Только вотъ съ Неждановымъ повидаться, да письмо передать.

— Куда же вы ѣдете?

— А далеко отсюда. (Она отправлялась собственно въ Женеву, но не хотѣла сказать это Соломину. Она его находила несовсѣмъ надежнымъ, да и „чужая" сидѣла тутъ. Манурину, которая едва знала по-нѣмецки, посылали въ Женеву для того, чтобы вручить тамъ неизвѣстному ей лицу половину куска картона съ нарисованной виноградной вѣткой и 279 руб. сер.).

— А Остродумовъ гдѣ? Съ вами?

— Нѣтъ. Онъ тутъ близко.... застрялъ. Да этотъ отзовется. Имѣнье—не пропадетъ. Безпокоиться нечего.

— Вы какъ сюда пріѣхали?

— На телѣгѣ.... А то какъ? Дайте-ка еще спичку.... Соломинъ подалъ ей зажженную спичку....

— Василій Осдотычъ!—пропищалъ вдругъ чей-то голосъ изъ-за двери.—Пожалуйте!

— Кто тамъ? Чего нужно?

— Пожалуйте,—повторилъ голосъ внушительно и настойчиво.—Тутъ пришли чужіе работники, что-й-то толкуютъ, а Павла Егорыча нѣту.

Соломинъ извинился, всталъ и вышелъ.

Манурина принялась глядѣть на Маріанну и глядѣла долго, такъ что той неловко стало.

— Простите меня, — промолвила она вдругъ своимъ грубымъ, отрывистымъ голосомъ,—я простая, не умѣю.... этакъ.—Не сердитесь: коли хотите—не отвѣчайте. *Вы* та дѣвица, что́ ушла отъ Синягиныхъ?

Маріанна нѣсколько изумилась, однако промолвила:

— Я.

— Съ Неждановымъ?

— Ну, да.

— Позвольте.... дайте мнѣ руку. Простите меня, по-

жалуйста. Вы, стало-быть, хорошая, коли онъ полюбилъ васъ.

Маріанна пожала руку Машуриной.

— А вы коротко знаете Неждапова?

— Я его знаю. Я въ Петербургѣ его видала. Оттого-то я и говорю. Сергѣй Михайлычъ тоже мнѣ сказывалъ....

— Ахъ, Маркеловъ? Вы его недавно видѣли?

— Недавно. Теперь онъ ушелъ.

— Куда?

— Куда приказано.

Маріанна вздохнула.

— Ахъ, г-жа Машурина, я боюсь за него.

— Во-первыхъ, что́ я за господа? Эти манеры бросить надо. А во-вторыхъ.... вы говорите: „я боюсь". И это тоже не годится. За себя не будешь бояться—и за другихъ перестанешь. Ни думать о себѣ, ни бояться за себя—не надо вовсе. Вотъ что́ развѣ.... вотъ что́ мнѣ приходитъ въ голову: мнѣ. Окалъ Машуриной. легко этакъ говорить. Я дурна собою. А вѣдь вы.... вы красавица. Стало-быть, это вамъ все труднѣе. (Маріанна потупилась и отвернулась). Мнѣ Сергѣй Михайлычъ говорилъ.... Онъ зналъ, что у меня есть письмо къ Неждапову.... „Не ходи ты на фабрику,—говорилъ онъ мнѣ,—не носи письма: оно тамъ все взбудоражитъ. Оставь! Они тамъ оба счастливы.... Такъ пусть ихъ! Не мѣшай!" Я бы рада не мѣшать.... да какъ быть съ письмомъ!

— Надо отдать его непремѣнно.—подхватила Маріанна.—Но только, какой же онъ добрый, Сергѣй Михайловичъ! Неужели онъ погибнетъ, Машурина.... или въ Сибирь пойдетъ?

— Что-жъ? Изъ Сибири-то развѣ не уходятъ? А жизнь потерять?! Кому она сладка, кому горька.—Его-то жизнь—тоже не рафпадъ.

Машурина снова взглянула на Маріанну пристально и пытливо.

— А точно, красавица вы, — воскликнула она наконецъ, — настоящая птичка! Я ужъ думаю: Алексѣй не идетъ.... Не отдать ли вамъ письмо? Чего ждать?

— Я ему передамъ, будьте увѣрены.

Машурина подперла щеку одной рукой и долго-долго молчала.

— Скажите, — начала она.... — извините меня.... вы очень его любите?

— Да.

Машурина встряхнула своей тяжелой головой.

— Ну, а о томъ, и спрашивать нечего—любитъ ли онъ васъ? Я, однако, уѣду, а то запоздаю пожалуй. Вы ему скажите, что я была здѣсь.... кланялась ему. Скажите: была Машурина. Вы моего имени не забудете? Нѣтъ? Машурина. А письмо.... Постой, куда же это я его сунула?...

Машурина встала, отвернулась, дѣлая видъ, что шаритъ у себя въ карманахъ, а между тѣмъ быстро поднесла ко рту маленькую свернутую бумажку и проглотила ее.—Ай, батюшки! Вотъ глупость-то! Неужто-жъ я его обронила? Обронила и есть. Ай, бѣда! Не нашелъ бы кто.... Нѣту: нигдѣ нѣту. Вотъ и вышло такъ, какъ желалъ Сергѣй Михайлычъ!

— Поищите еще,—шепнула Маріанна.

Машурина махнула рукой.

— Нѣтъ! что искать! Потеряла!

Маріанна пододвинулась къ ней.

— Ну, такъ поцѣлуйте меня!

Машурина вдругъ обняла Маріанну и съ неженской силой прижала ее къ своей груди.

— Ни для кого бы я этого не сдѣлала, — проговорила она глухо,—противъ совѣсти.... въ первый разъ. Скажите ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе.... И вы тоже. Смотрите! Здѣсь скоро всѣмъ худо будетъ, очень худо. Уходите-

ка оба, пока....—Прощайте! — прибавила она громко и рѣзко.—Да вотъ еще что.... скажите ему.... Нѣтъ, ничего не надо. Ничего.

Машурина ушла, стукнувъ дверью, а Маріанна осталась въ раздумьѣ посреди комнаты.

— Что это такое?—промолвила она наконецъ:—вѣдь эта женщина больше его любитъ, чѣмъ я его люблю! И что́ значатъ ея намёки? И отчего Соломинъ вдругъ ушелъ и не возвращается?

Она начала ходить взадъ и впередъ. — Странное чувство—смѣсь испуга и досады — и изумленія — овладѣло ею.—Зачѣмъ она не пошла съ Неждановымъ?—Соломинъ ее отговорилъ.... но гдѣ же онъ самъ? И что́ такое происходитъ кругомъ?—Машурина, конечно, изъ участія къ Нежданову, не передала ей того опаснаго письма.... Но какъ могла она рѣшиться на такое непослушаніе?—Хотѣла показать свое великодушіе? Съ какого права? И почему *она*, Маріанна, была такъ тронута этимъ поступкомъ? Да и была ли она тронута?—Некрасивая женщина интересуется молодымъ человѣкомъ.... Въ сущности—что́ же въ этомъ необыкновеннаго? И почему Машурина предполагаетъ, что привязанность Маріанны къ Нежданову сильнѣе чувства долга? Можетъ быть, Маріанна вовсе не требовала этой жертвы? И что́ могло заключаться въ томъ письмѣ?—Призывъ къ немедленной дѣятельности? Такъ что-жъ!!

А Маркелова?—Онъ въ опасности.... а мы-то что дѣлаемъ?—Маркеловъ щадитъ насъ обоихъ, даетъ намъ возможность быть счастливыми, не разлучаетъ насъ.... что́ это? Тоже великодушіе.... или презрѣніе?

И развѣ мы для этого бѣжали изъ того ненавистнаго дома, чтобы оставаться вмѣстѣ и ворковать голубками?

Такъ размышляла Маріанна.... И все сильнѣе и сильнѣе разыгрывалась въ ней та взволнованная досада. Къ

тому же ея самолюбіе было задѣто. Почему всѣ ее оставили—*ее*?—Эта „толстая“ женщина назвала ее птичкой, красоткой.... почему не прямо куколкой? И отчего это Неждановъ отправился не одинъ, а съ Павломъ? Точно ему нужень онекунъ! Да и какія собственно убѣжденія Соломина? Онъ вовсе не революціонеръ? И неужели же кто-нибудь можетъ думать, что она относится ко всему этому не серьёзно?

Вотъ какія мысли кружились, перегоняя одна другую и путаясь, въ разгоряченной головѣ Маріанны. Стиснувъ губы и скрестивъ по-мужски руки,— сѣла она, наконецъ, возлѣ окна и осталась опять неподвижной, не прислоняясь къ спинкѣ стула,—вся настороженная, напряженная, готовая тотчасъ вскочить. Къ Татьянѣ идти, работать—она не хотѣла: она хотѣла одного: ждать! — И она ждала, упорно, почти злобно.—Отъ времени до времени ей самой казалось страннымъ и непонятнымъ ея собственное настроеніе.... Но все равно! Разъ ей даже пришло въ голову: ужъ не отъ ревности ли это все въ ней? Но вспомнивъ фигуру бѣдной Машуриной, она только пожала плечомъ и махнула рукою.... не въ дѣйствительности — а соотвѣтственнымъ этому жесту внутреннимъ движеніемъ.

Маріаннѣ долго пришлось ждать; наконецъ, она услышала стукъ отъ двухъ людей, взбиравшихся по лѣстницѣ. Она устремила глаза на дверь.... шаги приближались.— Дверь отворилась—и Неждановъ, поддерживаемый подъ руку Павломъ, появился на порогѣ. Онъ былъ смертельно блѣденъ, безъ картуза; растрепанные волосы падали мокрыми клочьями на лобъ: глаза глядѣли прямо, ничего не видя.—Павелъ перевелъ его черезъ комнату (ноги Неждановa двигались невѣрно и слабо) и посадилъ его на диванъ.

Маріанна вскочила съ мѣста.

— Что это значитъ? Что съ нимъ? Онъ боленъ?

Но усаживавшій Неждановa Павелъ, отвѣчалъ ей съ улыбкой, въ полуоборотъ черезъ плечо:

— Не извольте безпокоиться: это сейчасъ пройдетъ.... Это только съ непривычки.

— Да что́ такое? —настойчиво переспросила Маріанна.

— Охмѣлѣли маленько. — Выпили натощакъ; ну, оно и того!

Маріанна нагнулась къ Нежданову. Онъ полулежалъ поперёкъ дивана; голова его спустилась на грудь, глаза застилались.... Отъ него пахло водкой: онъ былъ пьянъ.

— Алексѣй! сорвалось у ней съ языка.

Онъ съ усиліемъ приподнялъ отяжелѣвшія вѣки и попытался усмѣхнуться.

— А! Маріанна!—проленеталъ онъ;—ты все говорила: о.... опрос.... опростѣлые;—вотъ, теперь я настоящій опростѣлый.—Потому весь народъ нашъ всегда пьянъ.... значитъ....

Онъ умолкъ; — потомъ пробурчалъ что-то невнятное, закрылъ глаза—и заснулъ.—Павелъ заботливо уложилъ его на диванъ.

— Вы не безпокойтесь, Маріанна Викентьевна. — повторилъ онъ: — часика два соснетъ — и встанетъ, какъ встрепанный.

Маріанна намѣревалась-было спросить, какъ это случилось, но ея разспросы удержали бы Павла; а ей хотѣлось быть одной.... то-есть, ей не хотѣлось, чтобы Павелъ долѣе видѣлъ его въ такомъ безобразіи передъ нею. Она отошла къ окну—а Павелъ, который тотчасъ все постигъ, бережно закрылъ ноги Неждановa полами его кафтана, подложилъ ему подъ голову подушечку, еще разъ промолвилъ: ничего!—и вышелъ на цыпочкахъ.

Маріанна оглянулась. — Голова Неждановa тяжело упала въ подушку: на блѣдномъ лицѣ замѣчалось недвижимое напряженіе, какъ у трудно больного.

„Какъ же это случилось?“—думала она.

XXXII.

А случилось это дѣло вотъ какъ.

Садясь на телѣгу къ Павлу, Неждановъ вдругъ пришелъ въ весьма возбужденное состояніе; а какъ только они выѣхали съ фабричнаго двора и покатили по дорогѣ въ направленіи къ т....у уѣзду,—онъ началъ окликать, останавливать проходившихъ мужиковъ, держать имъ краткія, но несообразныя рѣчи.—„Что, моль, вы спите? Поднимайтесь! Пора!—Долой налоги! Долой землевладѣльцевъ!“ —Иные мужики глядѣли на него съ изумленіемъ; другіе шли дальше, мимо, не обращая вниманія на его возгласы;—они принимали его за пьянаго; одинъ—такъ даже, придя домой, разсказывалъ, что ему на встрѣчу французъ попался, который кричалъ — „непонятно таково, картаво“. — У Неждановa было довольно ума, чтобы понять, какъ несказанно-глупо и даже безсмысленно было то, что онъ дѣлалъ; но онъ постепенно до того „взвинтилъ“ себя, что уже пересталъ понимать, что умно и что глупо. Павелъ старался успокоить его, говорилъ, что этакъ, помилуйте, нельзя: что вотъ скоро будетъ большое село, первое на границѣ т....го уѣзда—„Бабьи-Ключи“; что тамъ можно будетъ поразвѣдать.... Но Неждановъ не унимался.... и въ то же время лицо у него было какое-то печальное, почти отчаянное.—Лошадка у нихъ была пребойкая, кругленькая, съ остриженной гривой на зарѣзистой шеѣ; она очень хлопотливо перебирала своими крѣпкими ножками—и все просила поводьевъ, точно на дѣло снѣшила и нужныхъ людей везла.—Не доѣзжая „Бабьихъ Ключей“, Неждановъ замѣтилъ—въ сторонѣ отъ дороги, передъ раскрытымъ хлѣбнымъ амбаромъ — человѣкъ восемь мужиковъ; онъ тотчасъ соскочилъ съ телѣги, подбѣжалъ къ нимъ и минутъ съ пять говорилъ поспѣшно, съ внезапными криками, на-отмашь двигая руками. — Слова: „За

свободу! Впередъ! „Двинемся грудью!“ вырывались хрипло и звонко изъ множества другихъ, менѣе понятныхъ словъ. Мужики, которые собрались передъ амбаромъ, чтобы потолковать о томъ, какъ бы его опять насыпать—хоть для примѣра — (онъ былъ мірской, слѣдовательно пустой)—уставились на Неждановa и, казалось, съ большимъ вниманіемъ слушали его рѣчь; — но едва ли что-нибудь въ толкъ взяли—потому что когда онъ, наконецъ, бросился отъ нихъ прочь, крикнувъ послѣдній разъ: „Свобода!“—одинъ изъ нихъ, самый прозорливый, глубокомысленно покачавъ головою, промолвилъ: „Какой строгій!“—а другой замѣтилъ: „Знать, начальникъ какой!“—на что прозорливецъ возразилъ: „Извѣстное дѣло — даромъ глотку драть не станетъ“.—„Заплачутъ теперича наши денежки!“ — Самъ Неждановъ, взлѣзая на телѣгу и садясь возлѣ Павла, подумалъ про себя: „Господи! какая чепуха! — Но вѣдь никто изъ насъ не знаетъ, какъ именно слѣдуетъ бунтовать народъ—можетъ быть, оно и такъ?—Разбирать тутъ некогда! Валяй! На душѣ скребётъ? Пускай!“

Въѣхали они на улицу. По самой серединѣ ея, передъ кабакомъ, толпилось довольно много народу. Павелъ хотѣлъ-было удержать Неждановa; но ужъ онъ кувыркомъ слетѣлъ съ телѣги—да съ воплемъ: „братцы!“ въ толпу.... — Она разступилась немного; и Неждановъ пустился опять проповѣдывать, не глядя ни на кого — и какъ-бы сердясь и плача.—Но результатъ тутъ вышелъ другой, чѣмъ передъ амбаромъ.—Какой-то громадный парень, съ безбородымъ, но свирѣпымъ лицомъ, въ короткомъ, засаленномъ полушубкѣ, высокихъ сапогахъ и бараньей шапкѣ, подошелъ къ Нежданову—и, съ размаху тряхнувъ его по плечу:—„Ладно! Молодца!“—гаркнулъ онъ зычнымъ голосомъ;—„только стой! аль не знаешь, сухая ложка ротъ деретъ? Ходь сюда! Тутъ разговаривать много ловчѣй“.—Онъ потащилъ Неждановa въ кабакъ: — осталь-

ная толпа повалила за ними гурьбой.—„Михечъ—крикнулъ парень:—ну-тка—десятикопѣечную! Мою любимую стопку! Пріятеля угощаю! Кто онъ такой, чьего роду и племени—обѣсь его вѣдаетъ—да боярь честитъ лихо.—„Ней"—обратился онъ къ Неждànову, подавая ему тяжелый, полный, мокрый снаружи, словно потный, стаканъ;—„ней,—коли ты точно о нашемъ братѣ печалуешься!"—„Ней!"—зашумѣли голоса. Неждановъ схватилъ стопку (онъ былъ какъ въ чаду)—закричалъ: „за васъ, ребята!" и выпилъ ее разомъ.—Ухъ! Онъ выпилъ ее съ той-же отчаянной отвагой, съ какой онъ бросился бы на штурмъ батареи или на строй штыковъ.... Но что̀ съ нимъ сдѣлалось!—Что-то ударило вдоль спины да по ногамъ, обожгло ему горло, грудь, желудокъ, выдавило слезы на глаза.... Судорога отвращенія пробѣжала по всему его тѣлу,—и онъ едва сладилъ съ нею.... Онъ закричалъ во всю голову, чтобы только чѣмъ-нибудь утишить ее.—Въ темной комнатѣ кабака стало вдругъ жарко, и лишко, и душно: что̀ народу набралось!—Неждановъ началъ говорить, говорить долго, кричать съ ожесточеньемъ, съ яростью, хлопать по какимъ-то широкимъ деревяннымъ ладонямъ, цѣловать какія-то осклизлыя бороды.... Громадный парень въ полушубкѣ тоже цѣловался съ нимъ—чуть ребра ему не продавилъ. Но этотъ оказался какимъ-то звѣремъ.—„Нереву глотку!" рычалъ онъ:—„нереву глотку всякому, кто нашего брата забижаетъ!—А не то̀—мякну его по макушкѣ.... Онъ у меня запищитъ! Вѣдь мнѣ что̀: я мясникомъ былъ;—дѣла-то эти знаю хорошо!"—И при томъ онъ показывалъ свой громадный, покрытый веснушками кулакъ.... И вотъ—Господи!—опять кто-то заревѣлъ: „Ней!"—и Неждановъ опять выпилъ этотъ гадкій ядъ.—Но этотъ второй разъ былъ ужасенъ! Его точно рвануло по внутренностямъ тупыми крючьями.—Голова поплыла—пошли зелёные круги.—Гамъ поднялся, звонъ....

О, ужасъ!... Третья стопка.... Неужто онъ и ее проглотилъ? Багровые носы полѣзли къ нему, пыльные волосы, загорѣлыя шеи, затылки, изсѣченные сѣтками морщинъ.—Костлія руки хватали его.—„Усердствуй!“ орали неистовые голоса.—„Бесѣдуй! Позавчера такой же чудакъ расписывалъ важно.—Валяй, такой-сякой!“.... Земля заколыхалась подъ ногами Нежданова.—Собственный голосъ казался ему чужимъ, какъ-бы извнѣ приходящимъ.... Смерть это, что ли?

И вдругъ.... впечатлѣніе свѣжаго воздуха на лицѣ—и нѣтъ уже ни толкотни, ни красныхъ рожъ, ни смрада отъ вина, отъ овчинъ, отъ дегтя, отъ кожи.... И онъ опять уже сидитъ на телѣгѣ съ Павломъ, сперва порывается и кричитъ: „Куда? Стой! Я еще ничего не успѣлъ сказать имъ—надо растолковать“.... а потомъ прибавляетъ: „Да ты самъ, чортъ, лукавый человѣкъ, какія твои мнѣнія?—А Павелъ ему отвѣчаетъ: „Хорошо бы, кабы не было господъ и земли всѣ были бы наши—чего бы лучше?—да приказа такого еще не вышло“:—а самъ тихонько заворачиваетъ лошадь назадъ—да вдругъ бьетъ ее возжами по спинѣ—да прочь во всю прыть отъ того гвалта и гула.... да на фабрику....

Дремлетъ Нежановъ—и покачивается онъ—а вѣтеръ ему пріятно дуетъ въ лицо—и не даетъ возникать дурнымъ мыслямъ....

Только досадно ему, что какъ же это ему не дали высказаться.... И опять вѣтеръ ласкаетъ его воспаленное лицо.

А тамъ—мгновенное явленіе Маріанны—мгновенное, жгучее чувство позора—и сонъ, глубокій, мертвый сонъ....

Все это разсказывалъ Павелъ потомъ Соломину. Не скрылъ онъ также и того, что самъ не помѣшалъ Нежданову выпить.... а то такъ-таки не вывелъ бы его изъ кружала.—Другіе бы его не пустили.

—„Ну, а какъ заслабѣлъ-то онъ очень, я и попросилъ съ поклонами: „Господа, молъ, честные, отпустите паренька; видите, младъ больно“.... Ну, и отпустили; только полтинникъ магарыча, говорятъ, подавай!—Я такъ и далъ“.

—И хорошо сдѣлалъ,—похвалилъ его Соломинъ.

Неждановъ спалъ; а Маріанна сидѣла подъ окномъ и глядѣла въ палисадникъ.—И, странное дѣло! —Нехорошія, почти злыя чувства и мысли, волновавшія ее до прибытія Нежданова съ Навлюмъ, —покинули ее разомъ; самъ Неждановъ нисколько не былъ ни противенъ ей, ни гадокъ: она жалѣла его.—Она знала очень хорошо, что онъ не развратникъ и не пьяница—и уже думала о томъ, что́ сказать ему, когда онъ проснется: что-нибудь дружелюбное, чтобы онъ не слишкомъ совѣстился и огорчался. „Надо такъ сдѣлать, надо—чтобы онъ самъ разсказалъ, какъ эта бѣда стряслась надъ нимъ“.

Она не волновалась; но ей было грустно.... безотрадно-грустно. На нее, какъ будто, повѣяло настоящимъ запахомъ того міра, куда она стремилась.... и содрогнулась она отъ этой грубости и темноты.—Какому Молоху собиралась она принести себя въ жертву?

Однако—нѣтъ! Быть не можетъ! —Это—такъ; это случайно, и сейчасъ пройдетъ. —Мгновенное впечатлѣніе, которое потому только ее поразило, что было слишкомъ неожиданно. —Она встала, подошла къ дивану, на которомъ лежалъ Неждановъ, утерла платкомъ его блѣдный, даже во снѣ мучительно стянутый лобъ, откинула назадъ его волосы....

Ей снова стало жалко его; такъ мать жалѣетъ своего больного ребенка. Но глядѣть на него ей было немного жутко—и она тихонько ушла въ свою комнату, оставивъ дверь незапертою.

Никакой работы не взяла она въ руки; —и сѣла опять—

и опять нашли на нее думы. — Она чувствовала, какъ время таяло, какъ минута исчезала за минутой, и ей было даже пріятно это чувствовать—и сердце у ней билось—и она опять принялась ждать чего-то.

Куда это Соломинъ дѣлся?

Дверь тихонько скрипнула—и Татьяна вошла въ комнату.

— Что вамъ?—спросила Маріанна почти съ досадой.

— Маріанна Викентьевна,—начала Татьяна вполголоса.—Вотъ что. Вы не огорчайтесь! потому, дѣло житейское;—и еще слава Богу....

— Я нисколько не огорчаюсь, Татьяна Осиповна,—перебила ее Маріанна.—Алексѣй Дмитричъ не совсѣмъ здоровъ, важность не велика!...

— Ну, и чудесно!—А то, я думаю: не идетъ моя Маріанна Викентьевна: думаю: что съ ней?—Но я все-таки не пошла бы къ вамъ, потому въ этомъ разъ первое правило: не трожь, не ворошь!—Только тутъ явился къ намъ на фабрику какой-то—кто его знаетъ? Маленькій такой да хроменькій: вынь да положь ему Алексѣя Дмитрича!—И что за чудеса: сегодня утромъ эта женка его спрашивала.... а теперь вотъ этотъ хромой.—А коли, говоритъ, Алексѣя Дмитрича нѣтъ,—подавай ему Василья Осдотыча! Не пойду безъ того, говоритъ; потому, говоритъ: дѣло очень важное. Мы его гнать, какъ ту женку.—Василія-то Осдотыча, точно нѣтъ.... отлучился;—а тотъ-то-хромой: не пойду, говоритъ, буду ждать хотя до ночи.... Такъ по двору и ходитъ.—Вотъ, поднте сюда, въ корридорчикъ; увидѣть его изъ окошка можете.... не узнаете ли, что за кавалеръ такой?

Маріанна послѣдовала за Татьяной—ей пришлось пройти мимо Неждданова—и она опять замѣтила болѣзненно-нахмуренный лобъ, и опять провела по немъ платкомъ. Сквозь пыльное стекло окошка она увидѣла посѣтителя,

о которомъ говорила Татьяна. Онъ былъ ей незнакомъ.—Но въ ту же минуту изъ-за угла дома показался Соломинъ.

Маленькій хромой человѣчекъ быстро подошелъ къ нему, протянулъ ему руку.—Соломинъ взялъ ее. Онъ, очевидно, зналъ этого человѣка. Оба скрылись....

Но вотъ, уже слышатся ихъ шаги по лѣстницѣ.... Они идутъ сюда....

Маріанна проворно вернулась въ свою комнату—и остановилась по серединѣ, съ трудомъ переводя дыханіе.—Ей было страшно.... чего? Она сама не знала.

Голова Соломина показалась въ дверяхъ.

— Маріанна Викентьевна, позвольте войти къ вамъ. Я привелъ человѣка, котораго вамъ непремѣнно нужно видѣть.

Маріанна только кивнула головой въ отвѣтъ, и въ слѣдъ за Соломинымъ явился—Паклинъ.

XXXIII.

— Я другъ вашего супруга,—промолвилъ онъ, низко склоняясь передъ Маріанной и какъ-бы стараясь скрыть отъ нея свое перетревоженное, перепуганное лицо; — я также другъ Василія Оедотыча. Алексѣй Дмитричъ спитъ; —онъ, я слышу, нездоровъ: а я, къ сожалѣнью, привезъ дурныя вѣсти, которыя я уже успѣлъ частью сообщить Василію Оедотычу—и вслѣдствіе которыхъ нужно принять нѣкоторыя рѣшительныя мѣры.

Голосъ Паклина безпрестанно обрывался, какъ у человѣка, котораго сушитъ и мучитъ жажда.—Вѣсти, которыя онъ привезъ, были дѣйствительно очень дурны! — Маркелова схватили крестьяне и препроводили въ городъ. Дурковатый приказчикъ выдалъ Голушкина; его арестовали —Онъ, въ свою очередь, все и всѣхъ выдастъ, желаетъ перейти въ православіе, жертвуетъ въ гимназію нор-

треть митрополита Филарета и препроводилъ уже пять тысячъ рублей для раздачи „увѣчнымъ воинамъ“.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ выдалъ Неждановa: полиція можетъ ежеминутно нагрянуть на фабрику. Василію Ѳедотычу тоже грозитъ опасность. — Что касается до меня,—прибавилъ Наклинъ,—то я удивляюсь, какъ я еще расхаживаю на свободѣ; хотя, вѣдь, собственно политикой я никогда не занимался и ни въ какихъ планахъ не участвовалъ!—И воспользовался забывчивостью или оплошностью полиціи, чтобы предувѣдомить васъ и сообразить, какія можно употребить средства.... къ удаленію всякихъ непріятностей.

Маріанна выслушала Наклина до конца.—Она не испугалась—она даже осталась спокойною.... Но вѣдь точно: надобно же было что-нибудь предпринять!—Первымъ ея движеніемъ было обратить глаза на Соломина.

Онъ тоже казался спокойнымъ; только вокругъ губъ чуть-чуть шевелились мускулы—и это была не его обычная улыбка.

Соломинъ понялъ значеніе Маріаниина взгляда: она ждала, что́ онъ скажетъ, чтобы такъ поступить.

— Дѣло, дѣйствительно, довольно щекотливое, — началъ онъ: Нежданову, я полагаю, не худо на время скрыться.—Кстати, какимъ манеромъ узнали вы, что онъ здѣсь, г. Наклинъ?

Наклинъ махнулъ рукою.

— Одинъ индивидуй сказалъ. Видѣлъ его, когда онъ расхаживалъ по окрестностямъ и проповѣдывалъ.—Ну, и выслѣдилъ его, хоть и не съ дурной цѣлью.—Онъ изъ сочувствующихъ. — Извините. — прибавилъ онъ, обратившись къ Маріаниѣ;—но, право же другъ нашъ Неждановъ былъ очень.... очень неостороженъ.

— Упрекать его теперь не къ чему,—заговорилъ опять Соломинъ.—Жаль, что съ нимъ посовѣтоваться нельзя; но

до завтра болѣзнь его пройдетъ,—а полиція не такъ быстра, какъ вы предполагаете. Вѣдь и вамъ, Маріанна Викентьевна, придется съ нимъ удалиться.

— Непремѣнно,—глухо, но твердо отвѣчала Маріанна.

— Да!—сказалъ Соломинъ.—Надо будетъ подумать;—надо будетъ поискать: гдѣ и какъ?

— Позвольте изложить вамъ одну мысль,—началъ Наклинъ:—мысль эта пришла мнѣ въ голову, когда я сюда ѣхалъ. Спѣшу замѣтить, что извощика изъ города я отпустилъ за версту отсюда.

— Какая эта мысль?—спросилъ Соломинъ.

— Вотъ что. — Дайте мнѣ сейчасъ лошадей.... и я поскачу къ Синягинымъ.

— Къ Синягинымъ!—повторила Маріанна.... —Зачѣмъ?

— А вотъ увидите.

— Да развѣ вы ихъ знаете?

— Ни малѣйше! Но послушайте.—Обсудите мою мысль хорошенько. Она мнѣ кажется просто геніальной.—Вѣдь Маркеловъ—зять Синягина, братъ его жены. Не такъ ли? Неужели же этотъ баринъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы спасти его? И къ тому же—самъ Неждановъ!—Положимъ, что г. Синягинъ сердитъ на него.... Но вѣдь, все же, Неждановъ сталъ его родственникомъ, женившись на васъ. И опасность, которая виситъ надъ головою нашего друга....

— Я не замужемъ,—замѣтила Маріанна.

Наклинъ даже вздрогнулъ.

— Какъ?! Не успѣли въ теченіе всего этого времени!—Ну, ничего,—прибавилъ онъ:—совратъ можно. Все равно? вы теперь вступите же въ бракъ.—Право, другого ничего не придумаешь! — Обратите вниманіе на то, что до сихъ поръ Синягинъ не рѣшился васъ преслѣдовать. Слѣдовательно, въ немъ есть нѣкоторое.... великодушіе.— Я вижу, вамъ это выраженіе не нравится— скажемъ: нѣко-

торая чванливость. Отчего же намъ ею не воспользоваться и въ данномъ случаѣ? Посудите!

Маріанна подняла голову и провела рукой по волосамъ.

— Вы можете пользоваться чѣмъ вамъ угодно для Маркелова, г. Наклинъ.... или для васъ самихъ: но мы съ Алексѣемъ не желаемъ ни заступничества, ни покровительства г-на Синягина. Мы покинули его домъ не для того, чтобы стучаться въ его дверь просителями. Ни до великодушія, ни до чванливости г-на Синягина или его жены намъ нѣтъ никакого дѣла!

— Это—чувства весьма похвальныя,—отвѣчалъ Наклинъ—(а самъ подумалъ: „вишь ты! какъ водой меня окатила!“) — хотя съ другой стороны, если сообразить.... Впрочемъ, я готовъ повиноваться. Буду хлопотать о Маркеловѣ, объ одномъ нашемъ добромъ Маркеловѣ!—Замѣчу только, что онъ ему родственникъ не по крови — а по женѣ—между тѣмъ какъ вы....

— Г-нъ Наклинъ, прошу васъ!

— Слушаю.... слушаю!—Только не могу не выразить своего сожалѣнія, потому что Синягинъ человѣкъ очень сильный.

— А за себя вы не боитесь?—спросилъ Соломинъ.

Наклинъ выставилъ грудь.

— Въ подобныя минуты о себѣ не слѣдуетъ думать!—промолвилъ онъ гордо.—А между тѣмъ, онъ именно думалъ о себѣ.—Онъ хотѣлъ (бѣдненькій, слабенькій!) забѣжать, какъ говорится, зайцемъ. Въ силу оказанной услуги. Синягинъ могъ, если бы предстала въ томъ нужда, замолвить о немъ слово.—Вѣдь и онъ,—какъ тамъ ни толкуй!—былъ замѣшанъ,—слышалъ.... и даже самъ болталъ!

— Я нахожу, что ваша мысль—недурна, промолвилъ наконецъ Соломинъ,—хоть собственно на успѣхъ надѣюсь мало. Во всякомъ случаѣ, попытаться можно. Испортить—вы ничего не испортите.

— Конечно, ничего.—Ну—положимъ самое худшее: прогонятъ меня въ зáшеи.... Что́ за бѣда!

— Бѣды въ томъ, точно, нѣтъ никакой.... („Merci“ подумалъ Наклинъ—а Соломинъ продолжалъ:)—Который-то часъ?—Пятый. Времени терять нечего. Лошади вамъ сейчасъ будутъ. Павелъ!

Но на мѣсто Павла, на порогъ комнаты показался Неждановъ.—Онъ покачивался на ногахъ, придерживаясь одной рукой за притолку—и, безсильно раскрывъ губы, глядѣлъ помутившимся взоромъ. Онъ ничего не понималъ.

Наклинъ первый подошелъ къ нему.

— Алена! воскликнулъ онъ:—вѣдь ты меня признаешь? Неждановъ посмотрѣлъ на него, медленно мигая:

— Наклинъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— Да, да: это я. Ты нездоровъ?

— Да.... Я нездоровъ. Но.... зачѣмъ ты здѣсь?

— Зачѣмъ я....—Но въ эту минуту Маріанна тихонько тронула Наклина за локоть. Онъ оглянулся—и увидѣлъ, что она ему дѣлаетъ знаки....—Ахъ, да!—пробормоталъ онъ.—Да.... точно! Вотъ, видишь ли, Алена,—прибавилъ онъ громко,—я пріѣхалъ сюда по одному важному дѣлу—и сейчасъ отправлюсь дальше... Тебѣ Соломинъ все разскажетъ—а также Маріанна.... Маріанна Викентьевна.—Они оба вполнѣ одобряютъ мое намѣреніе.—Дѣло идетъ обо всѣхъ насъ:—то-есть нѣтъ, нѣтъ,—подхватилъ онъ въ отвѣтъ на взглядъ и движеніе Маріанны....—Дѣло идетъ о Маркеловѣ; о нашемъ общемъ пріятелѣ Маркеловѣ;—о немъ одномъ. Но теперь прощай! Минута каждая дорога,—прощай, другъ.... Мы еще увидимся.—

Василій Осдотычъ, угодно вамъ пойти со мною распорядиться на счетъ лошадей?

— Извольте.—Маріанна, я хотѣлъ-было сказать вамъ: будьте тверды! Да это не нужно.—Вы—настоящая!

— О, да! О, да,—поддакнулъ Наклинъ.—Вы римлянка временъ Катона! Утическаго Катона! Однако, пойдемте, Василій Ѳедотычъ,—пойдемте!

— Успѣете,—съ лѣнивой усмѣшкой промолвилъ Соломинъ. Нежда́новъ посторонился немного, чтобы пропустить ихъ обоихъ.... Но въ глазахъ его было все то же непониманіе. Потомъ онъ шагнулъ раза два—и тихо сѣлъ на стулъ, лицомъ къ Маріаннѣ.

— Алексѣй—сказала она ему:—все открылось: Маркелова схватили крестьяне, которыхъ онъ пыта́лся поднять; онъ сидитъ арестованнымъ въ городѣ, такъ же, какъ и тотъ купецъ, съ которымъ ты обѣдалъ; вѣроятно, и за нами скоро пріѣдетъ полиція.—А Наклинъ отправился къ Сипягину.

— Зачѣмъ?—прошепталъ едва слышно Нежда́новъ. Но глаза его просвѣтлѣли—лицо приняло обычное выраженіе. Хмѣль мгновенно соскочилъ съ него.

— А затѣмъ, чтобы попытаться, не заступится ли онъ.

Нежда́новъ выпрямился.—....За насъ?

— Нѣтъ: за Маркелова. Онъ хотѣлъ-было просить и за насъ.... да я не позволила. — Хорошо я сдѣлала, Алексѣй?

— Хорошо ли?—промолвилъ Нежда́новъ, и, не поднимаясь со стула, протянулъ къ ней руки.—Хорошо ли?—повторилъ онъ—и, приблизивъ ее къ себѣ и прижавшись лицомъ къ ея стану, внезапно залился слезами.

— Что́ съ тобой? Что́ съ тобой?—воскликнула Маріанна.—Какъ тотъ разъ, когда онъ палъ передъ ней на колѣни, замирая и задыхаясь отъ внезапно нахлынувшей страсти, она и теперь положила обѣ свои руки на его трепетавшую голову. — Но что́ *она* теперь чувствовала — было уже совсѣмъ не то, что тогда. Тогда она отдавалась ему—она покорялась—и только жгла, что́ онъ ей

скажетъ.—Теперь она жалѣла его—и только думала о томъ, какъ бы его успокоить.

— Что съ тобой?—повторила она.—Зачѣмъ ты плачешь? Неужели оттого, что пришелъ домой въ немного.... страномъ видѣ? Быть не можетъ!—Или тебѣ жаль Маркелова—и страшно за меня, за себя? Или нашихъ надеждъ тебѣ жаль? Не ожидалъ же ты, что все пойдетъ какъ по маслу!

Неждановъ вдругъ приподнялъ голову.

— Нѣтъ, Маріанна,—проговорилъ онъ, какъ-бы оборвавъ свои рыданія:—не страшно мнѣ ни за тебя, ни за себя.... А точно.... мнѣ жаль....

— Кого?

— Тебя, Маріанна! Мнѣ жаль, что ты соединила свою судьбу съ человѣкомъ, который этого не стóитъ.

— Почему такъ?

— А хоть бы потому, что этотъ человѣкъ, въ такую минуту, можетъ плакать!

— Это не ты плачешь: плачутъ твои нервы!

— Мои нервы и я—все едино!—Ну, послушай, Маріанна, посмотри мнѣ въ глаза: неужели ты можешь мнѣ теперь сказать, что не раскаиваешься....

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что ты ушла со мною?

— Нѣтъ!

— И ты пойдешь со мною дальше? Всюду?

— Да?

— Да? Маріанна.... Да?

— Да. Я дала тебѣ руку, и пока ты будешь тѣмъ, кого я полюбила—я ея не отниму.

Неждановъ продолжалъ сидѣть на стулѣ; Маріанна стояла передъ нимъ. Его руки лежали вокругъ ея стана; ея руки опирались объ его плечи.—„Да“, „нѣтъ“—думалъ Неждановъ.... „а между тѣмъ, бывало, прежде—когда

мнѣ случалось держать ее въ своихъ объятіяхъ — вотъ такъ, какъ теперь—ея тѣло оставалось по крайней мѣрѣ неподвижнымъ, а теперь, я чувствую: оно тихо, и—быть можетъ, противъ ея воли—бѣжитъ отъ меня прочь!“

Онъ разжалъ свои руки.... И точно, Маріанна чуть замѣтно отодвинулась назадъ.

— Вотъ что! — промолвилъ онъ громко. — Вѣдь если мы должны бѣжать.... прежде чѣмъ полиція насъ накроетъ.... я думаю, не худо бы намъ сперва обвѣнчаться. Въ другомъ мѣстѣ, пожалуй, такого податливаго попа Зосиму не найдешь!

— Я готова,—промолвила Маріанна.

Неждановъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Римлянка!— проговорилъ онъ съ нехорошей полуулыбкой.—Чувство долга!

Маріанна пожала плечомъ.

— Надо будетъ сказать Соломину.

— „Да.... Соломину.... — протянулъ Неждановъ.—Но вѣдь и ему, чай, угрожаетъ опасность. Полиція и его возьметъ.—Мнѣ кажется, онъ участвовалъ и зналъ еще больше моего.

— Это мнѣ неизвѣстно, — отвѣчала Маріанна. — Онъ никогда не говоритъ о самомъ себѣ.

— „Не то, что я!“ подумалъ Неждановъ.—„Вотъ что она хотѣла сказать“.—Соломинъ.... Соломинъ!—прибавилъ онъ, послѣ долгаго молчанія.—Вотъ. Маріанна, я бы не жалѣлъ тебя, если-бъ человѣкъ, съ которымъ ты связала навсегда свою жизнь,—былъ такой же, какъ Соломинъ.... или былъ самъ Соломинъ.

Маріанна, въ свою очередь, внимательно посмотрѣла на Нежданова.

— Ты не имѣлъ права это сказать,— промолвила она наконецъ.

— Не имѣлъ права! —Въ какомъ смыслѣ мнѣ понять

эти слова? Въ томъ ли, что ты *меня* любишь — или въ томъ, что я не долженъ былъ вообще касаться этого вопроса!

— Ты не имѣлъ права,—повторила Маріанна.

Неждановъ попурилъ голову.

— Маріанна! —произнесъ онъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ.

— Что?

— Если-бъ я теперь.... если-бъ я сдѣлалъ тебѣ тотъ вопросъ, ты знаешь?... Нѣтъ, я ничего у тебя не спрошу.... прощай.

Онъ всталъ и вышелъ; Маріанна его не удерживала. Неждановъ сѣлъ на диванъ и закрылъ лицо руками. Онъ пугался своихъ собственныхъ мыслей и старался не размышлять.—Онъ чувствовалъ одно: какая-то темная, подземная рука ухватилась за самый корень его существованія—и уже не выпуститъ его. Онъ зналъ, что то хорошее, дорогое существо, которое осталось въ сосѣдней комнатѣ, къ нему не выйдетъ;—а войти къ нему онъ не посмѣетъ. Да къ чему? Что сказать?

Быстрые, твердые шаги заставили его раскрыть глаза.—Соломинъ переходилъ черезъ его комнату и, постучавшись въ дверь Маріанны, вошелъ къ ней.

— Честь и мѣсто! шепнулъ горькимъ шёпотомъ Неждановъ.

XXXIV.

Было уже десять часовъ вечера, и въ гостиной села Ориканого—Синягинъ, его жена и Каломбѣецевъ играли въ карты, когда вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ какого-то незнакомца, г. Наклина, который желалъ видѣть Бориса Андреича по самонужнѣйшему и важнѣйшему дѣлу.

— Такъ поздно!—удивилась Валентина Михайловна.

— Какъ?—спросилъ Борисъ Андреичъ—и наморщилъ свой красивый носъ. — Какъ ты сказалъ фамилію этого господина.

— Они сказали: Паклинъ-съ.

— Паклинъ!—воскликнулъ Калломѣйцевъ. Прямо деревенское имя.—Паклинъ.... Соломинъ.... De vrais noms ruraux, hein?

— И ты говоришь, — продолжалъ Борисъ Андреичъ, обращаясь къ лакею все съ тѣмъ же наморщеннымъ носомъ,—что дѣло его важное, нужное?

— Они говорятъ-съ.

— Гмъ.... Какой-нибудь нищій или интриганъ—(„Или то и другое вмѣстѣ", ввернулъ Калломѣйцевъ).—Очень можетъ быть. Попроси его въ кабинетъ. — Борисъ Андреичъ всталъ.—Pardon, ma bonne.—Сыграйте, пока, въ экартэ.—Или подождите меня.... я скоро вернусь.

— Nous causerons.... allez! промолвилъ Калломѣйцевъ.

Когда Синягинъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ и увидалъ мизерную, тщедушную фигурку Паклина, смиренно прижавшуюся въ простѣнокъ между каминомъ и дверью—имъ овладѣло то истинно-министерское чувство высокомѣрной жалости и гадливаго снисхожденія, которое столь свойственно петербургскому сановному люду.—„Господи! Какая несчастная пиголица!" подумалъ онъ: „да еще, кажется, хромаетъ!"

— Садитесь,—промолвилъ онъ громко, пуская въ ходъ свои благосклоннѣйшія баритонныя ноты, пріятно подергивая назадъ закинутой головкой—и садясь прежде гостя.—Вы, я полагаю, устали съ дороги: садитесь и объяснитесь: какое такое важное дѣло привело васъ ко мнѣ столь поздно?

— Я, ваше превосходительство,—началъ Паклинъ осторожно опускаясь на кресло, — позволилъ себѣ явиться къ вамъ....

— Погодите, погодите, — перебилъ его Синягинъ. — Я васъ вижу не въ первый разъ. Я никогда не забываю ни одного лица, съ которымъ мнѣ случилось встрѣтиться; я помню все. — А.... а.... а.... собственно.... гдѣ я васъ встрѣтилъ?

— Вы, ваше превосходительство, не ошибаетесь. — Я имѣлъ честь встрѣтиться съ вами въ Петербургѣ, у одного человѣка, который.... который съ тѣхъ поръ... къ сожалѣнію.... возбудилъ ваше негодованіе....

Синягинъ быстро поднялся съ кресла.

— У г-на Неждапова! Я вспоминаю теперь.—Ужъ не отъ него ли вы пріѣхали?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; напротивъ.... я....

Синягинъ снова сѣлъ.

— И хорошо сдѣлали. Потому что я, въ такомъ случаѣ, попросилъ бы васъ немедленно удалиться. — Никакого посредника между мною и г-мъ Неждановымъ я допустить не могу. Г-нъ Нежда новъ нанесъ мнѣ одно изъ тѣхъ оскорбленій, которыя не забываются.... Я выше мести;—но ни о немъ я не хочу ничего знать, ни о той дѣвицѣ—впрочемъ, болѣе развращенной умомъ, нежели сердцемъ (эту фразу Синягинъ повторялъ чуть не въ тридцатый разъ послѣ бѣгства Маріанны) — которая рѣшилась покинуть кровъ дома, ее пріютившаго, чтобы сдѣлаться любовницей безроднаго проходимца! Довольно съ нихъ того, что я ихъ забываю!

При этомъ послѣднемъ словѣ Синягинъ двинулъ кистью руки прочь отъ себя, снизу вверхъ.

— Я забываю ихъ, милостивый государь!

— Ваше превосходительство, я уже доложилъ вамъ, что я явился сюда не отъ ихъ имени;—хотя, все-таки, могу, между прочимъ, сообщить вашему превосходительству, что они уже сочетались узами законнаго брака....

(„А! все равно!“ подумалъ Наклинъ: „я сказалъ, что совру.... вотъ и совралъ. Куда ни шло!“)

Синягинъ ноёрзалъ затылкомъ по спинкѣ кресла, вправо и влѣво.

— Это меня нисколько не интересуетъ, милостивый государь.—Однимъ глупымъ бракомъ на свѣтѣ больше—вотъ и все.—Но какое же то́ самонужнѣйшее дѣло, которому я обязанъ удовольствіемъ вашего посѣщенія?

„А! проклятый директоръ департамента!“ снова подумалъ Наклинъ. — „Будетъ тебѣ ломаться, англійская морда!“

— Братъ вашей супруги,—промолвилъ онъ громко,— г-нъ Маркеловъ,—схваченъ мужиками, которыхъ вздумалъ возмущать — и сидитъ въ заперти въ губернаторскомъ домѣ.

Синягинъ вскочилъ во второй разъ.

— Что́.... что́ вы сказали?—залепеталъ онъ ужъ вовсе не министерскимъ баритономъ — а такъ, какою-то гортанной дрянью.

— Я сказалъ, что вашъ зять схваченъ и сидитъ на цѣпи.—Я, какъ только узналъ объ этомъ, взялъ лошадей и пріѣхалъ васъ предувѣдомить. Я полагалъ, что могу оказать этимъ нѣкоторую услугу и вамъ, и тому несчастному, котораго вы можете спасти!

— Очень вамъ благодаренъ,—проговорилъ все тѣмъ же слабымъ голосомъ Синягинъ—и съ размаху ударилъ ладонью по колокольчику въ видѣ гриба, наполнилъ весь домъ металлическимъ звономъ стальнаго тембра. — Очень вамъ благодаренъ,—повторилъ онъ уже болѣе рѣзко; — но знайте: человѣкъ, рѣшившійся попрать всѣ законы, божескіе и человѣческіе, будь онъ сто разъ мнѣ родственникъ—въ моихъ глазахъ не есть несчастный, онъ—преступникъ!

Лакей вскочилъ въ кабинетъ.

— Изволите приказать?

– Карету! Сію минуту карету четвериней! —Я ѣду въ городъ.—Филипп и Степанъ со мною!—,Лакей выскочилъ. —,Да. сударь. мой зять—есть преступникъ: и въ городъ ѣду я не затѣмъ. чтобы его спасать!—О. нѣтъ!

— Но, ваше превосходительство....

— Таковы мои правила. милостивый государь;—и прошу меня возраженіями не утруждать!

Синягинъ принялся ходить взадъ и впередъ по кабинету, — а Наклинъ даже глаза вытаращилъ — „Фу ты. чортъ!“ думалъ онъ:—„да вѣдь про тебя говорили, что ты либералъ?!— А ты левъ рыкающій!“

,Дверь распахнулась — и проворными шагами вошли: сперва Валентина Михайловна.—а за нею Калломбѣцевъ.

— Что́ это значитъ, Борисъ? ты велѣлъ карету заложить? ты ѣдешь въ городъ? что случилось?

Синягинъ приблизился къ женѣ—и взялъ ее за правую руку, между локтемъ и кистью.—Il faut vous armer de courage, ma chère..—Вашего брата арестовали.

— Моего брата? Серёжу? за что?

— Онъ проповѣдывалъ мужикамъ соціалистическія теоріи—(Калломбѣцевъ слабо взвизгнулъ). ,Да! Онъ проповѣдывалъ имъ революцію. онъ пропагандировалъ! Они его схватили—и выдали.—Теперь онъ сидитъ.... въ городѣ.

— Безумецъ! Но кто это сказалъ?...

— Вотъ господинъ.... господинъ.... какъ бишь его?... Господинъ Конопатинъ привезъ эту вѣсть.

Валентина Михайловна взглянула на Наклина. Тотъ уныло поклонился.—(„А баба какая знатная!“ —подумалось ему.—,Даже въ подобныя трудныя минуты.... ахъ. какъ былъ доступенъ Наклинъ вліянію женской красоты!)

— И ты хочешь ѣхать въ городъ—такъ поздно?

— Я еще застану губернатора на ногахъ.

— Я всегда предсказывалъ, что это такъ должно было кончиться,—вмѣшался Каломѣйцевъ. Это не могло быть иначе!—Но какіе славные русскіе наши мужички!—Чудо! — Pardon, madame, c'est votre frère! Mais la vérité avant tout!

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ѣхать, Боря?—спросила Валентина Михайловна.

— Я убѣжденъ также,—продолжалъ Каломѣйцевъ,—что и тотъ, тотъ *приятель*, г-нъ Неждановъ, тутъ же замѣшанъ.—J'en mettrais ma main au feu.—Это все одна шайка! Его не схватили? Вы не знаете?

Сипягинъ опять двинулъ кистью руки.

— Не знаю—и не желаю знать! Кстати,—прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ—il paraît qu'ils sont mariés.

— Кто это сказалъ? Тотъ же господинъ?—Валентина Михайловна опять посмотрѣла на Наклина, но пришурилась на этотъ разъ.

— Да, тотъ же.

— Въ такомъ случаѣ,— подхватилъ Каломѣйцевъ — онъ непремѣнно знаетъ, гдѣ они.—Вы знаете, гдѣ они? Знаете, гдѣ они? А? А? А? Знаете?—Каломѣйцевъ началъ имитать передъ Наклинымъ, какъ бы желая преградить ему дорогу; хотя тотъ и не изъявлялъ никакого поползновенія бѣжать .—,Да говорите же! Отвѣчайте! А? А? Знаете? Знаете?

— Хоть бы знать-съ, — промолвилъ съ досадой Наклинъ,—въ немъ жолчь наконецъ шевельнулась, и глазки его заблистали: — хоть бы знать-съ, вамъ бы не сказалъ-съ.

— О.... о.... о.—пробормоталъ Каломѣйцевъ. Слышите.... Слышите!—,Да этотъ тожe—этотъ тожe, должно, быть, изъ ихъ банды!

— Карета готова!—гаркнулъ вошедшій лакей.

Сипягинъ схватилъ свою шляпу краснымъ, бойкимъ

жестомъ; — но Валентина Михайловна такъ настойчиво стала его упрашивать остаться до завтрашняго утра, она представила ему такіе убѣдительные доводы: и ночь-то на дворѣ, и въ городѣ всѣ будутъ спать, и онъ только разстроитъ свои нервы и простудиться можетъ,—что Синягинъ, наконецъ, согласился съ нею, воскликнулъ:

— Повинуюсь!—и такимъ же краснымъ, но уже не бойкимъ жестомъ поставилъ рюмку на столъ.

— Карету отложить!—скомандовалъ онъ лакею; — но завтра, ровно въ шесть часовъ утра, чтобы она была готова! Слышишь?—Стучай!—Стой! Окошко господина.... господина гостя отослать! Извощику заплатить!—А? Вы, кажется, что-то говорите, г-нъ Конопатинъ?—Я возьму васъ завтра съ собою, г-нъ Конопатинъ!—Что вы говорите? Я не слышу.... Вы вѣдь пьете водку? — Подай водки г-ну Конопатину! — Нѣтъ? Не пьете?—Въ такомъ случаѣ.... Осдорь! Отведи ихъ въ зеленую комнату! — Спокойной ночи, г-нъ Коно....

Наклинъ вышелъ наконецъ изъ терпѣнія.

— Наклинъ!—завопилъ онъ.—Моя фамилія: Наклинъ!

— Да.... да; ну, да это все равно.—Похоже, знаете. Какой у васъ однако громкій голосъ, при вашей сухощавой комплекціи!—До завтра, г-нъ Наклинъ.... *Tout* я теперь сказалъ? Siméon, vous viendrez avec nous?

— Je crois bien!

И Наклина отвели въ зеленую комнату. И даже заперли его. Ложась спать, онъ слышалъ, какъ щелкнулъ ключъ въ звонкомъ англійскомъ замкѣ.—Сильно онъ себя выбранилъ за свою „геніальную“ мысль—и спалъ очень дурно.

На другое утро рано, въ половинѣ шестого, его пришли разбудить. Подали ему кофе; пока онъ пилъ—лакей, съ пестрымъ аксельбантомъ на плечѣ, ждалъ, держа поднос на рукахъ и переминаясь ногами: „Поспѣшай-моль—господа дожидаются“. Потомъ его повели внизъ. Карета уже

стояла передъ домомъ.—Тутъ же стояла и коляска Калломѣйцева. Синягинъ появился на крыльцѣ, въ камлотовой шинели съ круглымъ воротникомъ. Такихъ шинелей никто уже давно не носилъ, за исключеніемъ одного очень сановнаго лица, которому Синягинъ старался прислуживать и подражать. Въ важныхъ оффиціальныхъ случаяхъ онъ потому и надѣвалъ подобную шинель.

Синягинъ довольно привѣтливо раскланялся съ Наклинымъ—и энергическимъ движеніемъ руки указавъ ему на карету, попросилъ его сѣсть въ нее.—Г-нъ Наклинъ, вы ѣдете со мною, г-нъ Наклинъ! Положите на кóзла сакъ-воякъ г-на Наклина! Я везу г-на Наклина—говорилъ онъ, напирая на слово: Наклинъ! и на букву: *а!* „Ты, молъ, имѣешь такое прозвище, да еще обижаешься, когда тебѣ его иначатъ?—Такъ вотъ же тебѣ! Купай! Подавись!“—Г-нъ Наклинъ! Наклинъ!! Звучно раздавалось злосчастное имя въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Онъ былъ такъ свѣжъ, что заставилъ выпедшаго за Синягинымъ Калломѣйцева нѣсколько разъ произнести по французски: Brrr! brrr! brrr!—и плотнѣе завернуться въ шинель, садясь въ свою щегольскую коляску съ откинутымъ вéрхомъ.—(Бѣдный его другъ, князь Михаилъ Сербскій Обреновичъ, увидѣвъ ее, купилъ себѣ точно такую же у Бендера.... „Vous savez, Binder, le grand carrossier des Champs Elysées?“) Изъ-за полураскрытыхъ ставенъ окна въ спальнѣ выглядывала „въ чепцѣ, въ ночномъ платочкѣ“, Валентина Михайловна.

Синягинъ, сѣвъ, сдѣлалъ ей ручкой.

— Вамъ ловко, г-нъ Наклинъ!—Трогай!

— Je vous recommande mon frère, épargnez-le —послышался голосъ Валентины Михайловны.

— Soyez tranquille!—воскликнулъ Калломѣйцевъ, бойко взглянувъ на нее изъ-подъ окошка какой-то, имъ самимъ сочиненной, дорожной фуражки съ кокардой....(C'est surtout l'autre, qu'il faut pincer!

— Трогай! — повторилъ Синягинъ. — Г-нъ Наклинъ, вамъ не холодно?—Трогай!

Экипажи покатились.

Первыя десять минутъ и Синягинъ, и Наклинъ безмолвствовали.—Злополучный Силуяка, въ своемъ неказистомъ пальтишкѣ и помятой фуражкѣ, казался еще мизернѣе на темно-синемъ фонѣ богатой шелковой матеріи, которою была обита внутренность кареты. Онъ молча оглядывалъ и тонкія голубыя шторы, быстро взвивавшіяся отъ одного прикосновенія пальца къ пружинѣ, и полость изъ нѣжнѣйшей бѣлой бараньей шерсти въ ногахъ—и вдѣланный спереди ящикъ краснаго дерева съ выдвижной дощечкой для письма и даже по́лочкой для книгъ—(Борисъ Андреичъ, не то, что любилъ,—а желалъ, чтобы другіе думали, что онъ любитъ—работать въ каретѣ, подобно Тье́ру, во время путешествія). Наклинъ чувствовалъ робость. Синягинъ раза два взглянулъ на него черезъ выбритую до лоска щеку—и съ медительной важностью вынувъ изъ бокового кармана серебряную сигарочницу съ кудрявымъ вензелемъ славянской вязью—предложилъ.... дѣйствительно предложилъ ему сигару, едва держа ее между вторымъ и третьимъ пальцемъ руки, облеченной въ желтую англійскую перчатку изъ собачьей кожи.

— Я не курю—пробормоталъ Наклинъ.

— А!—отвѣчалъ Синягинъ, и самъ закурилъ сигару, которая оказалась превосходнѣйшей регаліей.

— Я долженъ вамъ сказать.... любезный господинъ Наклинъ,—началъ онъ, вѣжливо попыхивая и пуская тонкія, круглыя струйки благовоннаго дыма....—что я.... въ сущности.... очень вамъ.... благодаренъ.... Я могъ показаться.... вамъ вчера.... нѣсколько рѣзкимъ.... что́ не въ моемъ.... характерѣ (Синягинъ съ намѣреніемъ неправильно разсѣкалъ свою рѣчь).—Смѣю васъ въ этомъ увѣрить.—Но, г-нъ Наклинъ! войдите же и вы въ мое....

положеніе—(Синягинъ перекатилъ сигару изъ одного угла рта въ другой).—Мѣсто, которое я занимаю, ставитъ меня.... такъ-сказать.... на виду; и вдругъ.... братъ моей жены.... компрометтируетъ и себя.... и меня такимъ невѣроятнымъ образомъ! А? Г-нъ Наклинъ!—Вы, можетъ быть, думаете: это—ничего?

— Я этого не думаю, ваше превосходительство.

— Вы не знаете, за что собственно.... и гдѣ именно его арестовали?

— Слышалъ я, что въ Т....мъ уѣздѣ.

— Отъ кого вы слышали?

— Отъ.... отъ одного человѣка.

— Конечно, не отъ птицы.—Но отъ какого человѣка?

— Отъ.... отъ одного помощника правителя дѣлъ канцеляріи губернатора....

— Какъ его зовутъ?

— Правителя?

— Нѣтъ, помощника?

— Его.... его зовутъ Ульяшевичемъ. Онъ очень хорошій чиновникъ, ваше превосходительство.—Узнавъ объ этомъ происшествіи, я тотчасъ поспѣшилъ къ вамъ.

— Ну, да, ну, да! — И я повторяю, что весьма вамъ благодаренъ.—Но какое безуміе!—Вѣдь это безуміе? а? Г-нъ Наклинъ? а?

— Совершенное безуміе!—воскликнулъ Наклинъ—а у самого по спинѣ тепло змѣйкой заструился потъ.—Это значитъ,—продолжалъ онъ:—не понимать вовсе русскаго мужика.—У г-на Маркелова, сколько я его знаю, сердце очень доброе и благородное;—но русскаго мужика онъ никогда не понималъ (Наклинъ глянулъ на Синягина, который, слегка повернувшись къ нему, обдавалъ его холоднымъ, но не враждебнымъ взоромъ). — Русскаго мужика даже въ бунтъ можно вовлечь не иначе, какъ пользуясь его преданностью высшей власти, царскому роду.

„Должно выдумать какую-нибудь легенду—вспомните Лже-Димитрія:— показать какіе-нибудь царскіе знаки на груди, выжженные раскаленными пятаками.

— Да, да. какъ Пугачевъ, — перебилъ Синягинъ такимъ тономъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: „Мы исторію еще не забыли.... не расписывай!“—и прибавилъ:—Это безуміе! это безуміе!—погрузился въ созерцаніе быстрой струйки дыма, поднимавшейся съ конца сигары.

— Ваше превосходительство!—замѣтилъ осмѣлившійся Наклинъ:—я сейчасъ сказалъ вамъ, что я не курю.... но это неправда—я курю: и сигара ваша такъ восхитительно пахнетъ....

— А? что? что такое?—проговорилъ Синягинъ, какъ-бы просыпаясь; — и, не давши Наклину повторить сказанное, чѣмъ самымъ несомнѣнно доказалъ, что очень хорошо слышалъ его слова, но сдѣлалъ учащенные вопросы единственно для важности,—подалъ ему раскрытую сигарочницу.

Наклинъ осторожно и благодарно закурилъ.

„Вотъ, кажется, удобная минута“, подумалъ онъ; но Синягинъ его предупредилъ.

— Вы, помнится, говорили мнѣ также, — произнесъ онъ небрежнымъ голосомъ, перерывая самого себя, разсматривая свою сигару, передвигая шляпу съ затылку на лобъ: —вы говорили.... а? вы говорили о томъ.... о томъ вашемъ пріятелѣ, который женился на моей.... родственницѣ. — Вы ихъ видаете? — Они недалеко поселились отсюда?

(„Ого!“—подумалъ Наклинъ:—„Сила, берегись!“).

— Я ихъ видѣлъ всего разъ, ваше превосходительство! Они живутъ, дѣйствительно.... не въ слишкомъ далекомъ разстояніи отсюда.

— Вы, конечно, понимаете,—продолжалъ тѣмъ же манеромъ Синягинъ,—что я не могу болѣе серьёзно интере-

соваться, какъ я уже объяснилъ вамъ,—ни той легкомысленной дѣвицей, ни ваннымъ пріятелемъ. — Боже мой! предразсудковъ у меня нѣтъ, но вѣдь согласитесь: это уже изъ рукъ вонъ.—Глупо, знаете. Впрочемъ, я полагаю, ихъ соединила болѣе политика.... (политика!!—повторилъ онъ, и пожалъ плечами) —чѣмъ какое-либо иное чувство.

— И я такъ полагаю, ваше превосходительство!

— Да, г-нъ Нежановъ былъ совѣмъ красный.—Отдаю ему справедливость: онъ своихъ мнѣній не скрывалъ.

— Нежановъ,—рискнулъ Наклинъ,—быть можетъ, увлекался; но сердце въ немъ....

— Доброе,—подхватилъ Синягинъ; конечно....конечно, какъ у Маркелова.—У всѣхъ у нихъ сердца добрыя.—Вѣроятно, и онъ участвовалъ,—и будетъ тоже завлеченъ.... Придется еще заступаться за него!

Наклинъ сложилъ руку передъ грудью.—Ахъ, да, да, ваше превосходительство! — Окажите ему ваше покровительство! Право.. . онъ стóитъ.... стóитъ вашего участія.

Синягинъ хмыкнулъ.

— *Вы* полагаете?

— Наконецъ, если не для него.... то для вашей племянницы; для его супруги!—(Боже мой! Боже мой!—думалъ Наклинъ,—что это я вру!)

Синягинъ прищурился.

— Вы, я вижу, очень преданный другъ. Это хорошо; это похвально, молодой человѣкъ.—Итакъ, вы говорите, они живутъ здѣсь близко!

— Да, ваше превосходительство; въ одномъ большомъ заведеніи....—Тутъ Наклинъ прикусилъ себѣ языкъ.

— Те, те, те, те.... у Соломина! вотъ гдѣ!—Впрочемъ, я это зналъ; мнѣ это сказывали, мнѣ говорили.... Да. — (Г-нъ Синягинъ нисколько этого не зналъ и никто объ этомъ ему не говорилъ; но, вспомнивъ посѣщеніе Соло-

мина, ночныя ихъ свиданія, онъ запустилъ эту удочку.... И Наклинъ разомъ пошелъ на нее).

— Коли вы это знаете,—началъ онъ, и вторично прикусилъ языкъ....—Но уже было поздно.... По одному взгляду, брошенному на него Синягинымъ, онъ понялъ, что тотъ все время игралъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

— Впрочемъ, ваше превосходительство, — залепеталъ было несчастный:—я долженъ сказать, что собственно ничего не знаю....

— Да я васъ не распрашиваю, помилуйте! Что вы?!— За кого вы меня и себя принимаете?—надменно промолвилъ Синягинъ—и немедленно ушелъ въ свою министерскую высь.

А Наклинъ снова почувствовалъ себя мизернымъ, маленькимъ, пойманнымъ.... До того мгновенія онъ, куря, клалъ свою сигару въ уголъ рта, не обращенный къ Синягину, и пускалъ дымъ тихонько, въ сторону: тутъ онъ совсѣмъ ее вынулъ изо рта и совсѣмъ пересталъ курить.

— „Боже мой!“—внутренно простоналъ онъ—а горячій потъ обильнѣе прежняго заструился по его членамъ.— „Что это я сдѣлалъ!—Я выдалъ все и всѣхъ.... Меня одурачили, меня подкупили хорошей сигарой!!.. Я доносчикъ... и какъ теперь помочь бѣдѣ? Господи!“

Помочь бѣдѣ было невозможно.—Синягинъ началъ засыпать достойно, важно, тоже какъ министръ, завернувшись въ свою „стеженую“ шинель.... Къ тому же и четверти часа не прошло, какъ оба экипажа остановились передъ губернаторскимъ домомъ.

XXXV.

Губернаторъ города С.... принадлежалъ къ числу добродушныхъ, беззаботныхъ, свѣтскихъ генераловъ, гене-

раловъ, одаренныхъ удивительно вымытымъ бѣлымъ тѣломъ и почти такой же чистой душой, генераловъ породистыхъ, хорошо воспитанныхъ, и, такъ-сказать, крупчатыхъ, которые, никогда не готовившись быть „пастырями народовъ", выказываютъ, однако, весьма изрядныя администраторскія способности — и, мало работая, постоянно вздыхая о Петербургѣ и волочась за хорошенькими провинціальными дамами, приносятъ несомнѣнную пользу губерніи и оставляютъ о себѣ хорошую память.—Онъ только-что поднялся съ постели—и, сидя въ шелковомъ шлафрокѣ и ночной рубашкѣ на распашку передъ туалетнымъ зеркаломъ, вытиралъ себѣ одеколономъ съ водою лицо и шею, съ которой предварительно снялъ цѣлую коллекцію образковъ и ладонокъ,—когда ему доложили о пріѣздѣ Синягина и Каломѣйцева, по важному и спѣшному дѣлу.—Съ Синягинымъ онъ былъ очень коротокъ, на „ты".—зналъ его съ молодыхъ лѣтъ, безпрестанно встрѣчался съ нимъ въ петербургскихъ гостиныхъ—и въ послѣднее время началъ мысленно прибавлять къ его имени — всякій разъ, когда оно приходило ему въ голову—почтительное: „А!" —какъ къ имени будущаго сановника. Каломѣйцева онъ зналъ нѣсколько меньше и уважалъ гораздо меньше, такъ какъ на него стали съ нѣкоторыхъ поръ поступать „нехорошія" жалобы; однако, считалъ его за человѣка—qui fera chemin—такъ или иначе.

Онъ велѣлъ попросить посѣтителей пожаловать къ нему въ кабинетъ—и немедленно вышелъ къ нимъ въ томъ же шелковомъ шлафрокѣ, не извиняясь даже, что принимаетъ ихъ въ такомъ неоффиціальномъ убранствѣ—и дружелюбно потрясая имъ руки.— Впрочемъ, въ кабинетъ губернатора вошли только Синягинъ и Каломѣйцевъ; Наклинъ остался въ гостиной. Выѣзжая изъ кареты, онъ хотѣлъ было ускользнуть, пробормотавъ, что у него дома дѣла; но Синягинъ съ вѣжливой твердостью удержалъ его —

(Каломѣйцевъ подскочилъ и шепнулъ Синягину на ухо: Ne le lâchez pas! Tonnerre de tonnerres!) и повелъ его съ собою. Въ кабинетъ, однако, онъ его не ввелъ—и попросилъ—все съ тою же вѣжливою твердостью—подождать въ гостиной, пока его позовутъ.—Наклинъ и тутъ надѣялся улизнуть.... но въ дверяхъ появился дюжій жандармъ, предупрежденный Каломѣйцевымъ.... Наклинъ остался.

— Ты, навѣрное, догадываешься, что́ меня привело къ тебѣ, Voldemar?—началъ Синягинъ.

— Нѣтъ, душа, не догадываюсь, — отвѣчалъ милый эпикуреецъ, — между тѣмъ какъ привѣтливая улыбка округляла его розовыя щеки и выставляла его блестящіе зубы, полузакрытые шелковистыми усами.

— Какъ?... Но вѣдь Маркеловъ?

— Что такое: Маркеловъ?— повторилъ съ тѣмъ же видомъ губернаторъ. — Онъ, во-первыхъ не совсѣмъ ясно помнилъ, что вчерашняго арестованнаго звали Маркеловымъ;—а во-вторыхъ, онъ совершенно позабылъ, что у жены Синягина былъ братъ, носившій эту фамилію.—Да что ты стоишь, Борисъ?—сядь; не хочешь ли чаю?

Но Синягину было не до чаю.

Когда онъ растолковалъ, наконецъ, въ чемъ было дѣло и по какой причинѣ они явились оба съ Каломѣйцевымъ, губернаторъ издалъ огорченное восклицаніе, ударилъ себя по лбу, и лицо его приняло выраженіе печальное.

— Да.... да.... да!—повторилъ онъ:—какое несчастье! И онъ у меня тутъ сидитъ—сегодня—пока: ты знаешь мы *такихъ* никогда больше одной ночи у себя не держимъ; да жандармскаго начальника нѣтъ въ городѣ: твой зять и застрялъ.... Но завтра его препроводятъ. Боже мой, какъ это непріятно.—Какъ твоя жена должна быть огорчена!! Чего же ты хочешь?

— Я бы хотѣлъ свидѣться съ нимъ у тебя, здѣсь,—если это не противно закону.

— Помилуй, душа моя!—Для такихъ людей, какъ ты, законъ не писанъ. — Я *так* тебѣ сочувствую.... C'est affreux, tu sais!

Онъ позвонилъ особеннымъ манеромъ. Явился адъютантъ.

— Любезный баронъ, пожалуйста—тамъ—распорядитесь.—Онъ сказалъ ему, какъ и что́ сдѣлать. Баронъ исчезъ.—Представь, mon cher ami: вѣдь его чуть не убили мужики. Руки назадъ, въ телѣгу—и маршъ!—И онъ—представь!—нисколько на нихъ не сердится—и не негодуетъ, ей-ей! И вообще такой спокойный.... Я удивился! да вотъ, ты увидишь самъ.—C'est un fanatique tranquille.

— Ce sont les pires,—сентенціозно произнесъ Каломѣйцевъ.

Губернаторъ посмотрѣлъ на него исподлобья.

— Кстати, мнѣ нужно переговорить съ вами, Семенъ Петровичъ.

— А что?

— Да такъ; нехорошо.

— А именно?

— Да знаете, вашъ должникъ-то, мужикъ этотъ, что ко мнѣ жаловаться приходилъ....

— Ну?

— Вѣдь онъ повѣсился.

— Когда?

— Это все равно, когда;— а только нехорошо.

Каломѣйцевъ пожалъ плечами и отошелъ, щегольски покачиваясь, къ окну. Въ это мгновеніе адъютантъ ввелъ Маркелова.

Губернаторъ сказалъ о немъ правду: онъ былъ — неестественно спокоенъ.—Даже обычная угрюмость сошла съ его лица—и замѣнилась выраженіемъ какой-то равнодушной усталости. Оно осталось тѣмъ же, когда онъ увидѣлъ своего зятя; и только во взглядѣ, брошенномъ имъ

на приведнаго его нѣмца-адъютанта — мелькнулъ мгновенный остатокъ его старинной ненависти къ этому сорту людей. — Нальто на немъ было разорвано въ двухъ мѣстахъ и наскоро зашито толстыми нитками: на лбу, надъ бровью и на переносицѣ виднѣлись небольшія ссадины съ засохшей кровью.—Онъ не умылся, но волосы причесалъ. Глубоко засунувъ обѣ кисти рукъ въ рукава, онъ остановился недалеко отъ двери. — Дышалъ онъ ровно.

— Сергѣй Михайловичъ!—началъ взволнованнымъ голосомъ Синягинъ, подойдя къ нему шага на два—и протянувъ настолько правую руку, чтобы она могла тронуть—или остановить его, если-бъ онъ сдѣлалъ движеніе впередъ,—Сергѣй Михайловичъ! я прибылъ сюда не для того только, чтобы выразить тебѣ наше изумленіе, наше глубокое огорченіе;—въ немъ ты не можешь сомнѣваться! — Ты самъ *хотѣлъ* погубить себя! И погубилъ!! — Но я желалъ тебя видѣть, чтобы сказать тебѣ.... э.... э.... чтобы дать.... чтобы поставить тебя въ возможность услышать голосъ благоразумія, чести и дружбы! Ты можешь еще облегчить свою участь: и, повѣрь, я, со своей стороны, сдѣлаю все, что̀ будетъ отъ меня зависѣть!—вотъ и почтенный начальникъ здѣшней губерніи тебѣ это подтвердитъ.—Тутъ Синягинъ возвысилъ голосъ:—Чистосердечное раскаяніе въ твоихъ заблужденіяхъ, полное признаніе, безо всякой утайки, которое будетъ заявлено, гдѣ слѣдуетъ....

— Ваше превосходительство—заговорилъ вдругъ Маркеловъ, обращаясь къ губернатору—и самый звукъ его голоса былъ спокоенъ, хоть и немного хрипелъ; я полагалъ, что вамъ угодно было меня видѣть—и снова допросить меня, что-ли.... Но если вы призвали меня только по желанію г-на Синягина, то велите, пожалуйста, меня отве-

сти: мы другъ друга понять не можемъ.—Все что́ онъ говоритъ—для меня та же латынь.

— Позвольте.... латынь!—вмѣшался Каломбѣйцевъ заносчиво и искливо: — а это латынь: бунтовать крестьянъ?—Это—латынь? А? Латынь это?

— Что это у васъ, ваше превосходительство, чиновникъ по тайной полиціи. что-ли? Такой усердный?—спросилъ Маркеловъ—и слабая улыбка удовольствія тронула его блѣдныя губы.

Каломбѣйцевъ запищѣлъ, затопалъ ногами.... Но губернаторъ остановилъ его.

— Вы сами виноваты, Семенъ Петровичъ. Зачѣмъ мѣшаетесь не въ ваше дѣло?

— Не въ мое дѣло.... не въ мое дѣло.... Кажется, это дѣло общее.... всѣхъ насъ, дворянъ....

Маркеловъ окинулъ Каломбѣйцева холоднымъ, медленнымъ,—какъ-бы послѣднимъ взоромъ—и повернулся немного къ Сипягину. —*А* коли *вы*, зятекъ, хотите, чтобы я вамъ объяснилъ *мои* мысли—такъ вотъ вамъ: я признаю, что крестьяне имѣли право меня арестовать и выдать, коли имъ не нравилось то, что́ я имъ говорилъ. —На то была ихъ воля.—*Я* къ нимъ пришелъ; не они ко мнѣ.—И правительство,—если оно меня сошлетъ въ Сибирь.... я роптать не буду—хоть и виноватымъ себя не почту. Оно свое дѣло дѣлаетъ. потому—защищается.—Довольно съ васъ этого?

Сипягинъ воздѣлъ руки горѣ.

— Довольно!! Что за слово!—Не въ томъ вопросъ—и не намъ судить. какъ поступитъ правительство: —а я желаю знать, чувствуете ли вы —чувствуешь ли *ты*—Сергѣй—(Сипягинъ рѣшился затронуть сердечныя струны)—безразсудство, безуміе своего предпріятія, готовъ ли ты доказать свое *раскаяніе* на дѣлѣ—и могу ли я поручиться—до нѣкоторой степени поручиться—за тебя, Сергѣй?

Маркеловъ сдвинулъ свои густыя брови.

— Я сказалъ.... и повторять сказанное не хочу.

— Но раскаяніе? раскаяніе гдѣ?

Маркелова вдругъ передернуло.

— Ахъ, отстаньте съ вашимъ „раскаяніемъ!" Вы хотите мнѣ въ душу залѣзть? Предоставьте это-хоть мнѣ самому.

Синягинъ пожалъ плечами.

— Вотъ, ты всегда такъ; не хочешь внять голосу разсудка! Тебѣ предстоитъ возможность раздѣлаться тихо, благородно....

— Тихо, благородно.... — повторялъ угрюмо Маркеловъ.—Знаемъ мы эти слова! Ихъ всегда говорятъ тому, кому предлагаютъ сдѣлать подлость. Вотъ что̀ онѣ значатъ, эти слова!

— Мы о васъ сожалѣемъ,—продолжалъ усовѣщевать Маркелова Синягинъ,—а вы насъ ненавидите.

— Хорошо сожалѣніе! Въ Сибирь насъ, на каторгу,— вотъ какъ вы сожалѣете о насъ! Ахъ, оставьте.... оставьте меня, ради Бога!

И Маркеловъ понурилъ голову.

На душѣ у него было очень смутно, какъ ни тихъ былъ его наружный видъ. Больше всего его грызло и мучило то, что выдалъ его—кто же? Голоплёцкій Еремѣй! Тотъ Еремѣй, въ котораго онъ такъ слѣпо вѣрилъ!—Что Менделѣй Дутикъ не пошелъ за нимъ, это его въ сущности не удивляло.... Менделѣй былъ пьянъ и потому струсилъ. Но Еремѣй!! Для Маркелова Еремѣй былъ какъ-бы олицетвореніемъ русскаго народа.... И онъ ему измѣнилъ!—Стало-быть—все, о чемъ хлопоталъ Маркеловъ, все было не то̀, не такъ?—И Кисляковъ вралъ,—и Василій Николаевичъ приказывалъ пустяки, и всѣ эти статьи, книги, сочиненія соціалистовъ, мыслителей, каждая буква которыхъ явля-

лась ему чѣмъ-то несомнѣннымъ и несокрушимымъ, все это—пуфъ? Неужели??—И это прекрасное сравненіе нанесеннаго вреда, ожидаемаго удара ланцета—тоже фраза? Нѣтъ! нѣтъ!—шепталъ онъ про себя, и на его бронзовыя щеки набѣгала слабая краска кирпичнаго цвѣта:—нѣтъ; то все правда; все.... а это *я* виноватъ, *я* не съумѣлъ, не то *я* сказалъ, не такъ принялся!—Надо было просто скомандовать, а если бы кто препятствовать сталъ или упираться—пулю ему въ лобъ! тутъ разбирать нечего. Кто не съ нами, тотъ права жить не имѣетъ.... убиваютъ же шпіоновъ, какъ собакъ, хуже чѣмъ собакъ!

И представились Маркелову подробности, какъ его схватили.... Сперва молчаніе, переминиванія, крики въ заднихъ рядахъ... Вотъ, одинъ приближается бокомъ, какъ-бы кланяется. Потомъ эта внезапная возня! И какъ его о̀ земь.... „Ребята.... ребята.... что вы?“ А они: „Кушакъ давай! Вяжи!...“ Кости трещатъ.... и безсильная ярость... и вонючая пыль во рту, въ ноздряхъ.... „Вали, вали его.... на телѣгу“. Кто-то густо хохочетъ.... фай!

— Не такъ.... не такъ я взялся....

Вотъ что̀, собственно, его грызло и мучило; а что онъ самъ попалъ подъ колесо, это была его личная бѣда: она не касалась общаго дѣла,—ее бы можно было перенести.... но Еремѣй! Еремѣй!

Между тѣмъ какъ Маркеловъ стоялъ съ головой, опущенной на грудь, Синягинъ отвелъ губернатора въ сторону и началъ говорить ему въ полголоса, разводя немного руками, выдѣлывая двумя пальцами небольшую трель на своемъ лбу, какъ-бы желая показать, что тутъ-дескать у этого несчастнаго неладно, и вообще стараясь возбудить если не сочувствіе, то снисхожденіе къ безумцу. — А губернаторъ пожималъ плечами, то поднималъ, то закрывалъ глаза, сожалѣлъ о собственномъ безсиліи,—и однако что-то обѣщалъ.... „Tous les égards.... certainement, tous

les égards....—слышались пріятно-картавыя слова, мягко проходившія сквозь раздушенные усы.... „Но ты знаешь: законъ!“ — Конечно: законъ!—подхватилъ Синягинъ съ какой-то строгой покорностью.

Пока они такъ разговаривали въ уголку, Каломѣйцевъ просто не могъ устоять на мѣстѣ: двигался взадъ и впередъ, слегка чмокалъ, кряхтѣлъ, являлъ всѣ признаки нетерпѣнія. Наконецъ онъ подошелъ къ Синягину и поспѣшно промолвилъ:

— Vous oubliez l'autre!

— А, да!—промолвилъ Синягинъ громко.—Merci de me l'avoir rappelé.—Я долженъ довести слѣдующій фактъ до свѣдѣнія вашего превосходительства,—обратился онъ къ губернатору.... (Онъ величалъ такъ друга своего Voldemar'a собственно для того, чтобы не скомпрометтировать престижа власти передъ бунтовщикомъ). Я имѣю основательныя причины предполагать, что сумасбродное предпріятіе моего beau-frère'a имѣетъ нѣкоторыя рамификаціи; и что одна изъ этихъ вѣтвей, т. е. одно изъ заподозрѣнныхъ лицъ—находится въ недальнемъ разстояніи отъ сего города.—Вели ввести,—прибавилъ онъ вполголоса:—тамъ, у тебя въ гостиной, есть одинъ... Я его привезъ.

Губернаторъ взглянулъ на Синягина, подумалъ съ уваженіемъ: „каковъ!“—и отдалъ приказъ.—Минуту спустя, рабъ Божій Сила Наклинъ—предсталъ предъ его очи.

Сила Наклинъ началъ съ того, что низко поклонился губернатору: но, увидѣвъ Маркелова, не докончилъ поклона, и такъ и остался, на половину согнутый, переминая шапку въ рукахъ. Маркеловъ бросилъ на него разсѣянный взглядъ, но едва-ли узналъ его; ибо снова погрузился въ думу.

— Это — вѣтвь? — спросилъ губернаторъ, указывая на

Паклина большимъ бѣлымъ пальцемъ, украшеннымъ брюзою.

— О, нѣтъ!—съ полусмѣхомъ отвѣчалъ Сипягинъ. — А впрочемъ!—прибавилъ онъ, подумавъ немного.—Вотъ, ваше превосходительство, — заговорилъ онъ снова громко,—передъ вами нѣкто г-нъ Паклинъ. Онъ, сколько мнѣ извѣстно, петербургскій житель и близкій пріятель нѣкотораго лица, которое состояло у меня въ качествѣ учителя и покинуло мой домъ, увлекши за собою, — прибавлю, краснѣя,—одну молодую дѣвицу, мою родственницу.

— Ah! oui, oui, пробормоталъ губернаторъ, и покачавъ сверху внизъ головою:—я что-то слышалъ.... Графиня сказывала....

Сипягинъ возвысилъ голосъ.

— Это лицо есть нѣкто г-нъ Нежлановъ, сильно мною заподозрѣнный въ превратныхъ понятіяхъ и теоріяхъ....

— Un rouge à tous crins,—вмѣшался Калломѣйцевъ....

— .... Въ превратныхъ понятіяхъ и теоріяхъ,—повторилъ еще отчетливѣе Сипягинъ, — и ужъ, конечно, не чуждый всей этой пропаганды; онъ находится.... скрывается, какъ мнѣ сказывалъ г-нъ Паклинъ, на фабрикѣ купца Фалѣева....

При словахъ: „какъ мнѣ сказывалъ“, Маркеловъ вторично бросилъ взглядъ на Паклина, и только усмѣхнулся, медленно и равнодушно.

— Позвольте, позвольте, ваше превосходительство, — закричалъ Паклинъ,—и вы, г-нъ Сипягинъ: я никогда.... никогда....

— Ты говоришь: купца Фалѣева?—обратился губернаторъ къ Сипягину, поигравъ только пальцами въ направленіи Паклина:—„потише, дескать, братецъ, потише“.—Что съ ними дѣлается, съ нашими почтенными бородачами? Вчера тоже одного схватили, по тому же дѣлу. Ты,

можетъ, слышалъ его имя: Голушкинъ, богачъ. Ну, этотъ революціи не сдѣлаетъ. Такъ на колѣнкахъ и ползаетъ.

— Купецъ Фалѣевъ тутъ не причемъ, — отчеканилъ Спиягинъ,—я его миѣній не знаю; я говорю только о его фабрикѣ, на которой, по словамъ г-на Наклина, находится въ настоящую минуту г-нъ Нежлановъ.

— Этого я не говорилъ!—возопилъ опять Наклинъ.— Это *вы* говорили!

— Позвольте, г-нъ Наклинъ,—все съ тою же неумолимой отчетливостью произнесъ Спиягинъ.—Я уважаю то чувство дружбы, которое внушаетъ вамъ вашу „денегацію". (Экій.... Гизо! подумалъ тутъ про себя губернаторъ). Но возьму смѣлость поставить вамъ себя въ примѣръ. Полагаете-ли вы, что во миѣ чувство родственное не столь же сильно, какъ ваше дружеское?—Но есть другое чувство, милостивый государь, которое еще сильнѣе и которое должно руководить всѣми нашими дѣйствіями и постунками: чувство долга!

— Le sentiment du devoir,—пояснилъ Каломѣйцевъ.

Маркеловъ окинулъ взоромъ обоихъ говорившихъ.

— Г-нъ губернаторъ, — промолвилъ онъ, — повторяю мою просьбу: велите, пожалуйста, увести меня прочь отъ этихъ болтуновъ.

Но тутъ губернаторъ потерялъ немножко терпѣніе.

— Г-нъ Маркеловъ!—воскликнулъ онъ:—я совѣтывалъ бы вамъ, въ вашемъ положеніи, болѣе сдержанности въ языкѣ и болѣе уваженія къ старшимъ.... особенно, когда они выражаютъ патріотическія чувства, подобныя тѣмъ, которыя вы сейчасъ слышали въ устахъ вашего beau-frére'а! — Я счастливымъ себя почту, любезный Борисъ,— прибавилъ губернаторъ, обратясь къ Спиягину,—довести твои благородные постунки до свѣдѣнія министра.—Но у кого же собственно находится этотъ г-нъ Нежлановъ—на этой фабрикѣ?

Синягинъ нахмурился.

— У нѣкоего г-на Соломина, тамошняго главнаго механика, какъ мнѣ сказывалъ тотъ же г-нъ Паклинъ.

Казалось, Синягину доставляло особенное удовольствіе терзать бѣднаго Силушку: онъ вымещалъ въ немъ теперь и данную ему въ каретѣ сигару, и фамиліарную вѣжливость своего обращенія съ нимъ, и нѣкоторое даже заигрываніе.

— И этотъ Соломинъ,—подхватилъ Калломѣйцевъ, — есть несомнѣнный радикалъ и республиканецъ,—и вашему превосходительству не худо было бы обратить ваше вниманіе также и на него.

— Вы знаете этихъ.... господъ.... Соломина.... и, какъ бишь? и.... Нежданова?—немного по-начальнически, въ носъ спросилъ губернаторъ Маркелова.

Маркеловъ злорадно раздулъ ноздри.

— А вы, ваше превосходительство, знаете Конфуція и Тита-Ливія?

Губернаторъ отвернулся.

— Il n'y a pas moyen de causer avec cet homme,—промолвилъ онъ, пожимая плечами. — Г-нъ баронъ, пожалуйте сюда.

Адъютантъ подскочилъ къ нему;—а Паклинъ, улучивъ время, приблизился, ковыляя и спотыкаясь, къ Синягину.

— Что же это вы дѣлаете,—прошепталъ онъ:—зачѣмъ же вы губите вашу племянницу? Вѣдь она съ нимъ, съ Неждановымъ!...

— Я никого не гублю, милостивый государь, — отвѣчалъ Синягинъ громко:—я дѣлаю то, что мнѣ повелѣваетъ совѣсть и....

— И ваша супруга, моя сестра, у которой вы подъ башмакомъ,—вскричалъ столь же громко Маркеловъ.

Синягинъ, какъ говорится, даже не чукнулъ.... Такъ это было ниже его!

— Послушайте,—продолжалъ шептать Паклинъ—все его тѣло трепетало отъ волненія и, быть можетъ, отъ робости, — а глаза сверкали злобой и въ горлѣ клокотали слезы—слезы сожалѣнія о *томъ* и досады на себя;—послушайте: я сказалъ вамъ, что она замужемъ—это неправда—я вамъ солгалъ!—но бракъ этотъ долженъ совершиться—и если вы этому помѣшаете, если туда явится полиція—на вашей совѣсти будетъ лежать пятно, которое вы ничѣмъ не смоете—и вы....

— Извѣстіе, сообщенное вами,—перебилъ еще громче Спиягинъ—если оно только справедливо, въ чемъ я имѣю право сомнѣваться,—это извѣстіе можетъ только ускорить тѣ мѣры, которыя я почелъ бы нужнымъ предпринять; а о чистотѣ моей совѣсти я ужъ буду просить васъ, милостивый государь, не заботиться.

— Вылощена она, братъ,—вернулъ опять Маркеловъ:—петербургскій лакъ на нее наведенъ; никакая жидкость ея не беретъ! А ты, г-нъ Паклинъ, шепчи, шепчи, сколько хочешь: не отшепчешься, паклинъ!

Губернаторъ почелъ за нужное прекратить всѣ эти пререканія.

— Я полагаю,—началъ онъ, — что вы, господа, уже достаточно высказались — а потому, любезный баронъ, уведите г-на Маркелова. N'est ce pas, Boris, ты не нуждаешься болѣе....

Спиягинъ развелъ руками.

— Я сказалъ все, что́ могъ....

— И прекрасно!...—Любезный баронъ!...

Адъютантъ приблизился къ Маркелову, щёлкнулъ шпорами, сдѣлалъ горизонтальное движеніе ручкою.... „Пожалуйте-молъ!“ Маркеловъ повернулся и пошелъ вонъ.—Паклинъ, правда, мысленно, но съ горькимъ сочувствіемъ и жалостью пожалъ ему руку.

— А на фабрику мы пошлемъ нашихъ молодцовъ, —

продолжалъ губернаторъ.—Только вотъ что́, Борисъ: мнѣ сдается—этотъ баринъ—(онъ указалъ подбородкомъ на Наклина)—тебѣ что-то сообщилъ насчетъ твоей родственницы.... Будто она тамъ, на той фабрикѣ.... Такъ какъ же....

— Ее арестовать во всякомъ случаѣ нельзя,—замѣтилъ глубокомысленно Сипягинъ: можетъ быть, она одумается и вернется. Если позволишь, я напишу ей записочку.

— Сдѣлай одолженіе. И вообще, ты можешь быть увѣренъ.... Nous coffrerons le quidam.... mais nous sommes galants avec les dames.... et avec celle-là donc!

— Но вы не принимаете никакихъ распоряженій насчетъ этого Соломина,—жалобно воскликнулъ Калломбійцевъ, который все время прислушивался ухомъ и старался вслушаться въ маленькое à parte губернатора съ Сипягинымъ.—Увѣряю васъ: это главный зачинщикъ! У меня на это нюхъ.... такой нюхъ!

— Pas trop de zèle, любезнѣйшій Семенъ Петровичъ,—замѣтилъ, осклабясь губернаторъ.—Вспомните Талейрана! Коли что́, тотъ отъ насъ тоже не уйдетъ. Вы лучше подумайте о вашемъ.... ккк.... къ!—И губернаторъ сдѣлалъ знакъ удушенія на своей шеѣ.... Да, кстати,—обратился онъ снова къ Сипягину:—et ce gaillard-là—(онъ опять указалъ подбородкомъ на Наклина).—Qu'en ferons nous? На видъ онъ не страшенъ.

— Отпусти его,—сказалъ тихо Сипягинъ и прибавилъ по-нѣмецки:—Lass'den Lumpen laufen!

Онъ почему-то подумалъ, что дѣлаетъ цитату изъ Гёте, изъ „Гёца фонъ-Берлихингена“.

— Вы можете идти, милостивый государь!—промолвилъ громко губернаторъ.—Мы болѣе въ васъ не нуждаемся.—До зобаченья!

Наклинъ отдалъ общій поклонъ и вышелъ на улицу, весь уничтоженный и разбитый. Боже! Боже! это презрѣніе его докопало.

„Что же это такое?“ —думалъ онъ съ невыразимымъ отчаяніемъ: — „и трусъ, и доносчикъ? Да нѣтъ.... нѣтъ; я честный человѣкъ, господа,—и я не совсѣмъ уже лишенъ всякаго мужества!“

Но что́ за знакомая фигура торчитъ на крыльцѣ губернаторскаго дома и смотритъ на него унылымъ, исполненнымъ упрека взоромъ? Да это—старый слуга Маркелова. Онъ, видно, пришелъ за своимъ барномъ въ городъ и не отходитъ прочь отъ его тюрьмы.... Только зачѣмъ же онъ смотритъ такъ на Наклина? Вѣдь не онъ же Маркелова выдалъ!

„И зачѣмъ я совался туда, куда мнѣ—ни къ кожѣ, ни къ рожѣ?“—думалъ онъ опять свою отчаянную думу.—„Не могъ сидѣть смирно на своей лавочкѣ?—А теперь они говорятъ, и пожалуй, напишутъ: нѣкто г-нъ Наклинъ все разсказалъ, выдалъ ихъ.... своихъ друзей—выдалъ врагамъ!“—Вспомнился ему тутъ взглядъ, брошенный на него Маркеловымъ, вспомнились эти послѣднія слова: „не отшепчешься, Наклинъ!“—а тутъ эти старческіе, унылые, убитые глаза!—И, какъ сказано въ писаніи,—онъ „плакася горько“—и побрелъ себѣ въ оазисъ, къ Оомушкѣ и Оомушкѣ, къ Снандуліи....

XXXVI.

Когда Маріанна, въ то самое утро, вышла изъ своей комнаты—она увидѣла Неждапова одѣтымъ и сидящимъ на диванѣ. Одной рукой онъ поддерживалъ голову, другая безсильно и недвижимо лежала на колѣняхъ.—Она подошла къ нему.

— Здравствуй, Алексѣй.... Ты не раздѣвался? не спалъ? Какой ты блѣдный!

Отяжелѣвшія вѣки его глазъ приподнялись медленно.

— Я не раздѣвался, я не спалъ.

— Ты нездоровъ? или это еще слѣдъ вчерашняго?

Неждановъ покачалъ головою.

— Я не спалъ съ тѣхъ поръ, какъ Соломинъ вошелъ въ твою комнату.

— Когда?

— Вчера вечеромъ.

— Алексѣй, ты ревнуешь? Вотъ новость! И нашелъ время, когда ревновать! Онъ остался у меня всего четверть часа.... И мы говорили объ его двоюродномъ братѣ, священникѣ,—и о томъ, какъ устроить нашъ бракъ.

— Я знаю, что онъ остался всего четверть часа: — я видѣлъ, когда онъ вышелъ. И я не ревную, о нѣтъ! Но, все-таки, я не могъ, заснуть съ тѣхъ поръ.

— Отчего же?

Неждановъ помолчалъ.

— Я все думалъ.... думалъ.... думалъ!

— О чемъ?

— О тебѣ.... о немъ.... и о самомъ себѣ.

— И до чего же ты додумался?

— Сказать тебѣ, Маріанна?

— Скажи.

— Я думалъ, что я мѣшаю—тебѣ.... ему.... и самому себѣ.

— Мнѣ? ему? Я воображаю, что ты этимъ хочешь сказать, хотя ты и увѣряешь, что не ревнуешь.—Но: самому себѣ?

— Маріанна, во мнѣ сидятъ два человѣка—и одинъ не дастъ жить другому. Такъ я ужъ полагаю, что лучше перестать обоимъ жить.

— Ну, полно, Алексѣй, пожалуйста.—Что́ за охота себя мучить—и меня?—Намъ слѣдуетъ теперь сообразить, какія надо принять мѣры.... Вѣдь насъ въ покоѣ не оставятъ.

Неждановъ ласково взялъ ее за руку.

— Сядь возлѣ меня. Маріанна и поболтаемъ немного, по-дружески.—Пока есть время.—Дай мнѣ руку.—Мнѣ кажется, что намъ не худо объясниться,—хотя, говорятъ, всякія объясненія ведутъ обыкновенно только къ большей путаницѣ. Но ты умна и добра; ты все поймешь—и чего я не доскажу—ты додумаешь. Сядь.

Голосъ Неждапова былъ очень тихъ—и какая-то особенная, дружеская нѣжность и просьба высказывались въ его глазахъ, пристально устремленныхъ на Маріанну.

Она тотчасъ охотно сѣла возлѣ него и взяла его руку.

— Ну, спасибо, моя милая,—и слушай.— Я тебя долго не задержу.—Я уже ночью въ головѣ все приготовилъ—что я должепъ тебѣ сказать.—Ну—слушай.—Не думай, чтобы вчераннее происшествіе меня слишкомъ смутило: я былъ, вѣроятно, очень смѣшонъ и немножко даже гадокъ; но ты, конечно, не подумала обо мнѣ ничего дурного или низкаго.... ты меня знаешь.—Я сказалъ, что это происшествіе меня не смутило; это — неправда, это вздоръ.... оно смутило меня, но не потому, что меня привезли домой пьянаго:—а потому, что оно окончательно доказало мнѣ мою несостоятельность!—И не только въ томъ, что я не могу пить, какъ пьютъ русскіе люди—а вообще! вообще! —Маріанна, я обязанъ сказать тебѣ, что я—не вѣрю больше въ то дѣло, которое насъ соединило, въ силу котораго мы вмѣстѣ ушли изъ того дома и къ которому я, говоря правду, уже охладѣвалъ—когда твой огонь согрѣлъ и зажегъ меня:—не вѣрю! не вѣрю!

Онъ положилъ свою свободную руку себѣ на глаза и умолкъ на мгновенье...—Маріанна тоже ни слова не промолвила и потупилась.... Она почувствовала, что онъ ей не сказалъ ничего новаго.

— Я думалъ прежде,—продолжалъ Неждановъ, отнявъ руку отъ глазъ, но уже не глядя больше на Маріанну,—что я въ самое-то дѣло вѣрю—а только сомнѣваюсь въ са-

момъ себѣ, въ своей силѣ, въ своемъ умѣньѣ: мои способности, думалъ я, не соотвѣтствуютъ моимъ убѣжденіямъ.... Но, видно, этихъ двухъ вещей отдѣлить нельзя—да и къ чему обманываться? Нѣтъ—я въ *самое дѣло* не вѣрю.—А ты вѣришь, Маріанна?

Маріанна выпрямилась и подняла голову.

— Да, Алексѣй, вѣрю. Вѣрю всѣми силами души—и посвящу этому дѣлу всю свою жизнь! До послѣдняго дыханія!

Неждановъ повернулся къ ней и измѣрилъ ее всю умиленнымъ и завидующимъ взглядомъ.

— Такъ, такъ: я ждалъ такого отвѣта.—Вотъ, ты и видишь, что намъ вмѣстѣ дѣлать нечего: ты сама однимъ ударомъ перерубила нашу связь.

Маріанна молчала.

— Вотъ и Соломинъ,—началъ снова Неждановъ,—хоть и онъ не вѣритъ....

— Какъ?

— Нѣтъ! Онъ не вѣритъ.... да это ему и не нужно: онъ подвигается спокойно впередъ. Человѣкъ, который идетъ по дорогѣ въ городъ, не спрашиваетъ себя: да существуетъ ли полно этотъ городъ? Онъ идетъ себѣ да идетъ. Такъ и Соломинъ. И больше ничего не нужно. А я.... впередъ не могу; назадъ не хочу; оставаться на мѣстѣ—тошно. Кому же дерзну я предложить быть моимъ товарищемъ? Знаешь поговорку: одинъ подъ одинъ конецъ, другой подъ другой—и пошло дѣло на ладъ? А коли одинъ не сможетъ нести—какъ быть другому?

— Алексѣй,—промолвила нерѣшительно Маріанна,—ты, мнѣ кажется, преувеличиваешь.—Мы вѣдь любимъ другъ друга?

Неждановъ глубоко вздохнулъ.

— Маріанна.... Я преклоняюсь передъ тобою.... а ты жалѣешь меня—и каждый изъ насъ увѣренъ въ честности

другого: вотъ настоящая правда! А любви между нами нѣтъ.

— Но постой, Алексѣй, что́ ты говоришь! Вѣдь сегодня же, сейчасъ за нами явится погоня.... Вѣдь намъ надобно уходить вмѣстѣ, а не разставаться....

— Да; и ѣхать къ попу Зосимѣ, чтобы онъ насъ обвѣнчалъ, по предложенію Соломина. Я хорошо знаю, что въ твоихъ глазахъ этотъ бракъ не что иное, какъ паспортъ, какъ средство избѣгнуть полицейскихъ затрудненій... но, все-таки, онъ нѣкоторымъ образомъ обязываетъ... къ житію вмѣстѣ, рядомъ.... или, если не *обязываетъ*, то по крайней мѣрѣ предполагаетъ желаніе жить вмѣстѣ.

— Что-жъ это, Алексѣй? Ты здѣсь останешься?

У Неждановa чуть было не сорвалось съ языка: Да—но онъ одумался и промолвилъ:

— Н.... н.... нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты удалишься отсюда не туда, куда я?

Нежданов крѣпко пожалъ ея руку, которая все еще лежала на его рукѣ.

— Оставить тебя безъ покровителя, безъ защитника, было бы преступно — и я этого не сдѣлаю, какъ я ни плохъ. У тебя будетъ защитникъ.... Не сомнѣвайся въ томъ!

Маріанна нагнулась къ Нежданову—и, заботливо приблизивъ свое лицо къ его лицу, старалась заглянуть ему въ глаза, въ душу—въ самую душу.

— Что съ тобой, Алексѣй? Что у тебя на-сердцѣ? Скажи!... Ты меня безпокоишь. Твои слова такъ загадочны, такъ странны.... И лицо твое! Я никогда не видала у тебя такого лица!

Нежданов тихонько отклонилъ ее и тихонько поцѣловалъ у ней руку. На этотъ разъ она не противилась—и не засмѣялась—и все продолжала заботливо и тревожно глядѣть на него.

— Не безпокойся, пожалуйста! Тутъ ничего страшнаго нѣтъ.—Вся бѣда моя вотъ въ чемъ. Маркелова, говорятъ, мужики побили; онъ отвѣдалъ ихъ кулаковъ, они помяли ему бока.... —Меня мужики не били, они даже пили со мною, пили мое здоровье... но душу они мою помяли, хуже чѣмъ бока у Маркелова. Я былъ рожденъ вывихнутымъ... хотѣлъ себя выправить, да еще хуже себя вывихнулъ. Вотъ именно то, что̀ ты замѣчаешь на моемъ лицѣ.

— Алексѣй,—медленно промолвила Маріанна:—тебѣ было бы грѣшно не быть откровеннымъ со мною.

Онъ стиснулъ свои руки.

— Маріанна, все мое существо передъ тобою, какъ на ладони; и что̀ бы я ни сдѣлалъ, говорю тебѣ наперед: въ сущности, ничему, ничему ты не удивишься!

Маріанна хотѣла попросить объясненія этихъ словъ, однако не попросила.... притомъ, въ это мгновенье въ комнату вошелъ Соломинъ.

Движенія его были быстрѣй и рѣзче обыкновеннаго. Глаза прищурились, широкія губы сжались, все лицо какъ будто заострилось и приняло выраженіе сухое, твердое и нѣсколько грубое.

— Друзья мои,—началъ онъ:—я пришелъ вамъ сказать, что мѣшкать нечего. Собирайтесь.... ѣхать вамъ пора. Черезъ часъ надо вамъ быть готовыми. Надо вамъ ѣхать вѣнчаться. Отъ Наклина нѣтъ никакого извѣстія; лошадей его сперва задержали въ Оржаномъ, а потомъ прислали назадъ... Онъ остался тамъ. Вѣроятно, его увезли въ городъ. Онъ, конечно, не донесетъ, но, Богъ его знаетъ, разболтаетъ, пожалуй. Да и по лошадямъ могли узнать. Мой двоюродный предупрежденъ. Павелъ съ вами поѣдетъ. Онъ и свидѣтелемъ будетъ.

— А вы.... а ты?—спросилъ Неждановъ.—Развѣ ты не поѣдешь? Я вижу, ты одѣтъ по-дорожному.—приба-

вилъ онъ, указавъ глазами на высокіе болотные сапоги, въ которыхъ пришелъ Соломинъ.

— Это я.... такъ.... на дворѣ грязно.

— Но отвѣчать ты за насъ вѣдь не будешь?

— Не полагаю.... во всякомъ случаѣ — это ужъ мое дѣло. И такъ, черезъ часъ.—Маріанна, Татьяна желаетъ васъ видѣть. Она что-то тамъ приготовила.

— А! Да! Я и сама хотѣла къ ней идти....

Маріанна направилась къ двери....

На лицѣ Неждановa изобразилось нѣчто странное, нѣчто въ родѣ испуга, тоски....

— Маріанна, ты уходишь?—промолвилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ.

Она остановилась.

— Я черезъ полчаса вернусь. Мнѣ уложиться недолго.

— Да; но подойди ко мнѣ....

— Изволь;—зачѣмъ?

— Мнѣ еще разъ хочется взглянуть на тебя.—Онъ посмотрѣлъ на нее долгимъ взоромъ. — Прощай, прощай, Маріанна!—Она изумилась.—То бишь.... Что это я?—Это я такъ.... сболтнулъ.—Ты вѣдь черезъ полчаса вернешься? Да?

— Конечно....

— Ну, да.... да... Извини. У меня въ головѣ путаница отъ безсонницы.—Я тоже сейчасъ.... уложусь.

Маріанна вышла изъ комнаты. Соломинъ хотѣлъ-было пойти за ней.

Неждановъ остановилъ его.

— Соломинъ!

— Что?

— Дай мнѣ руку. Надо-жъ мнѣ поблагодарить тебя за твое гостепріимство.

Соломинъ усмѣхнулся.

— Вотъ что вздумалъ!—Однако подалъ ему руку.

— И вотъ еще что́,—продолжалъ Неждановъ:—если со мной что́ случится, могу я надѣяться на тебя, что ты не оставишь Маріанну?

— Твою будущую жену?

— Ну, да,—Маріанну!

— Во-первыхъ, я увѣренъ, что съ тобой ничего не случится: а во-вторыхъ, ты можешь быть спокоенъ: — Маріанна мнѣ такъ же дорога́, какъ и тебѣ.

— О! Я это знаю.... знаю.... знаю! Ну, и прекрасно. И спасибо.—Такъ черезъ часъ.

— Черезъ часъ.

— Я буду готовъ. Прощай!

Соломинъ вышелъ и догналъ Маріанну на лѣстницѣ. Онъ намѣревался ей сказать что-то на счетъ Неждановa —да промолчалъ. И Маріанна, съ своей стороны, поняла, что Соломинъ намѣревался ей что-то сказать—и именно на счетъ Неждановa—и что онъ промолчалъ.—И она промолчала тоже.

XXXVII.

Какъ только Соломинъ вышелъ, Неждановъ мгновенно вскочилъ съ дивана, прошелся раза два изъ одного угла въ другой, потомъ постоялъ съ минуту въ какомъ-то каменномъ раздумьѣ посреди комнаты; внезапно встрепенулся, торопливо сбросилъ съ себя свой „маскарадный“ костюмъ, отпихнулъ его ногою въ уголъ, досталъ и надѣлъ свое прежнее платье. — Потомъ онъ подошелъ къ трехногому столику, вынулъ изъ ящика двѣ запечатанныя бумажки и еще какой-то небольшой предметъ, сунулъ его въ карманъ, а бумажки оставилъ на столѣ. Потомъ онъ присѣлъ на корточки передъ печкой, отворилъ заслонку.... Въ печкѣ оказалась цѣлая груда пепла. Это было все, что́ оставалось отъ бумагъ Неждановa, отъ за-

вѣтной тетрадки.... Онъ сжегъ все это въ теченіи ночи. Но тутъ же, въ печкѣ, сбоку, прислоненный къ одной изъ стѣнокъ, находился портретъ Маріанны, подаренный ему Маркеловымъ. Видно, у него не хватило духа сжечь и этотъ портретъ! Неждановъ бережно вынулъ его и положилъ на столъ рядомъ съ запечатанными бумажками.

Потомъ онъ рѣшительнымъ движеніемъ руки сгребъ свою фуражку и направился-было къ двери.... но остановился, вернулся назадъ и вошелъ въ комнату Маріанны. Тамъ онъ постоялъ съ минуту, оглянулся кругомъ и, приблизившись къ ея узенькой кроваткѣ, нагнулся — и съ одиночнымъ нѣмымъ рыданьемъ приникъ губами не къ изголовью, а къ ногамъ постели.... Потомъ онъ разомъ выпрямился—и, надвинувъ фуражку на лобъ, бросился вонъ.

Ни съ кѣмъ не встрѣтившись ни въ коридорѣ, ни на лѣстницѣ, ни внизу, Неждановъ проскользнулъ въ палисадникъ. День былъ сѣрый, небо висѣло низко, сырой вѣтерокъ шевелилъ верхушки травъ и качалъ листья деревьевъ; фабрика стучала и шумѣла меньше, чѣмъ о ту же пору въ другіе дни; съ двора ея несло запахомъ угля, дегтя, сала.—Зорко и подозрительно оглянулся Неждановъ и пошелъ прямо къ той старой яблонѣ, которая привлекла его вниманіе въ самый день его пріѣзда, когда онъ въ первый разъ выглянулъ изъ окна своей квартирки. Стволъ этой яблони обросъ сухимъ мохомъ; шероховатые, обнаженные сучья, съ кое-гдѣ висѣвшими красновато-зелеными листьями, искривленно поднимались кверху, на подобіе старческихъ, умоляющихъ, въ локтяхъ согбенныхъ рукъ. Неждановъ сталъ твердой ногою на темную землю, окружавшую корень яблони и вынулъ изъ кармана тотъ небольшой предметъ, который находился въ ящикѣ стола. — Потомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на окна флигелька.... „Если кто нибудь меня увидитъ въ эту ми-

нуту", подумалъ онъ, „тогда, быть можетъ, я отложу".... Но нигдѣ не показалось ни одного человѣческаго лица.... точно все вымерло, все отвернулось отъ него, удалилось навсегда, оставило его на произволъ судьбы.—Одна фабрика глухо гудѣла и выла, да сверху стали сѣяться мелкія, иглистыя капли холоднаго дождя.

Тогда Неждановъ, взглянувъ сквозь кривые сучья дерева, подъ которымъ онъ стоялъ, на низкое, сѣрое, безучастно-слѣпое и мокрое небо, зѣвнулъ, пожался, подумалъ: „вѣдь ничего другого не осталось, не назадъ же въ Петербургъ, въ тюрьму", сбросилъ фуражку долой и заранѣе ощутивъ во всемъ тѣлѣ какую-то слащавую, сильную, томительную потяготу, приложилъ къ груди револьверъ, дернулъ пружину курка....

Что-то разомъ толкнуло его, даже не слишкомъ сильно.... но онъ уже лежалъ на спинѣ и старался понять, что̀ съ нимъ и ка́къ онъ сейчасъ видѣлъ Татьяну?... Онъ даже хотѣлъ позвать ее, сказать: „Ахъ, не надо!"—но вотъ уже, онъ весь онѣмѣлъ и надъ лицомъ его въ глазахъ, на лбу, въ мозгу завертѣлся мутно-зеленый вихрь—и что-то страшно-тяжелое и плоское придавило его навсегда къ землѣ.

Татьяна недаромъ померещилась Нежданову: въ ту самую минуту, какъ онъ спустилъ курокъ револьвера, она подошла къ одному изъ оконъ флигелька и увидѣла его подъ яблоней. Не успѣла она подумать: „что это онъ въ такую погоду торчитъ подъ яблоней, простоволосый?"—какъ онъ повалился навзничь, точно сноп. Выстрѣла она не слыхала—звукъ его былъ очень слабъ,— но тотчасъ почуяла что-то недоброе и опрометью бросилась внизъ, въ полисадникъ.... Она добѣжала до Нежданова.... „Алексѣй Дмитричъ, что̀ съ вами?" Но уже имъ овладѣла темнота. Татьяна нагнулась къ нему, увидала кровь....

— Павелъ! — закричала она не своимъ голосомъ. — Павелъ!

Нѣсколько мгновеній спустя, — Маріанна, Соломинъ, Павелъ и еще двое фабричныхъ уже были въ палисадникѣ. Неждановa тотчасъ подняли, понесли во флигель и положили на тотъ самый диванъ, на которомъ онъ провелъ свою послѣднюю ночь.

Онъ лежалъ на спинѣ съ полузакрытыми недвижными глазами, съ посинѣлымъ лицомъ,—хрипѣлъ протяжно и туго, изрѣдка всхлипывая и какъ-бы давясь. Жизнь еще не покинула его.—Маріанна и Соломинъ стояли по обѣимъ сторонамъ дивана, оба почти такіе же блѣдные, какъ и самъ Неждановъ. Поражены, потрясены, уничтожены были оба—особенно Маріанна—но не изумлены. „Какъ мы этого не предвидѣли?“ думалось имъ; и въ тоже время имъ казалось, что они.... да, они это предвидѣли.— Когда онъ сказалъ Маріаннѣ: „что бы я не сдѣлалъ, говорю тебѣ напередъ; ничему ты не удивишься“—и еще, когда онъ говорилъ о тѣхъ двухъ человѣкахъ, которые въ немъ ужиться не могутъ—развѣ не шевельнулось въ ней нѣчто въ родѣ смутнаго предчувствія?—Почему же она не остановилась тотчасъ и не вдумалась и въ эти слова, и въ это предчувствіе? — Отчего она теперь не смѣетъ взглянуть на Соломина, какъ будто онъ ея сообщникъ.... какъ будто и онъ ощущаетъ угрызеніе совѣсти? Отчего ей не только безконечно, до отчаянія жаль Неждановa, но какъ-то страшно, и жутко — и совѣстно? Можетъ быть, отъ нея зависѣло его спасти? Отчего они оба не смѣютъ произнести слова? Почти не смѣютъ дышать—и ждутъ.... чего? Боже мой!

Соломинъ послалъ за докторомъ, хотя, конечно, надежды не было никакой. На маленькую, уже почернѣвшую, безкровную рану Неждановa Татьяна положила большую губку съ холодною водой, намочила его волосы то-

же холодной водою съ уксусомъ. Вдругъ Неждановъ пересталъ хрипѣть и пошевельнулся.

— Приходитъ въ память,— прошепталъ Соломинъ.

Маріанна стала на колѣни возлѣ дивана.... Неждановъ взглянулъ на нее.... до того времени его глаза были недвижны, какъ у всѣхъ умирающихъ.

— А я еще.... живъ—проговорилъ онъ чуть слышно.— И тутъ не съумѣлъ.... задерживаю васъ.

— Алёша,—простонала Маріанна.

— Да вотъ.... сейчасъ.... Помнишь, Маріанна, въ моемъ.... стихотвореніи.... „Окружи меня цвѣтами“.... Гдѣ же цвѣты?.... Но за то ты тутъ.... Тамъ, въ моемъ письмѣ....

Онъ вдругъ затрепеталъ весь.

— Охъ, вотъ она.... Дайте оба.... другъ другу.... руки—при мнѣ.... Поскорѣе.... дайте....

Соломинъ схватилъ руку Маріанны. Голова ея лежала на диванѣ, лицомъ внизъ, возлѣ самой раны.

Самъ Соломинъ стоялъ прямо и строго, сумрачный какъ ночь.

— Такъ.... хорошо.... такъ....

Неждановъ опять началъ всхлипывать, но какъ-то ужъ очень необычно.... Грудь выставилась, бока втянулись....

Онъ явно пытался положить свою руку на ихъ соединенныя руки, но его руки уже были мертвы.

— Отходитъ,—шепнула Татьяна, стоявшая у двери, и стала креститься.

Всхлипыванья стали рѣже, короче.... Онъ еще искалъ взоромъ Маріанну.... но какая-то грозная бѣлесоватость уже заволакивала изнутри его глаза....

„Хорошо“.... было его послѣднимъ словомъ.

Его не стало.... а соединенныя руки Соломина и Маріанны все еще лежали на его груди.

Вотъ что́ писалъ онъ въ двухъ оставленныхъ имъ корот-

кихъ запискахъ. Одна была адресована Силину, и содержала всего нѣсколько строкъ:

„Прощай, братъ, другъ, прощай! Когда ты получишь этотъ клочокъ—меня уже не будетъ. Не спрашивай, какъ, почему, — и не сожалѣй; знай, что мнѣ теперь лучше. Возьми ты нашего безсмертнаго Пушкина и прочти въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ" описаніе смерти Ленскаго. Помнишь: „Окна мѣломъ забѣлены; хозяйки нѣтъ" и т. д. Вотъ и все. Сказать мнѣ тебѣ нечего.... оттого, что слишкомъ много пришлось бы говорить, а времени нѣтъ. Но я не хотѣлъ уйдти, не увѣдомивъ тебя; а то бы думалъ обо мнѣ, какъ о живомъ, и я согрѣшилъ бы передъ нашей дружбой. Прощай; живи.

„Твой другъ А. Н."

Другое письмо было нѣсколько длиннѣе. Оно было адресовано на имя Соломина и Маріанны.—Вотъ что́ стояло въ немъ:

„Дѣти мои!

(Тотчасъ послѣ этихъ словъ былъ перерывъ: что-то было зачеркнуто или скорѣе замарано, какъ-будто слезы брызнули тутъ).

„Вамъ, быть можетъ, странно, что я васъ такъ величаю, я самъ почти ребенокъ—и ты, Соломинъ, конечно, старше меня. Но я умираю—и, сто́я на концѣ жизни, гляжу на себя, какъ на старика. Я очень виноватъ предъ вами обоими, особенно предъ тобой, Маріанна—въ томъ, что причиняю вамъ такое горе—(я знаю, Маріанна, ты будешь горевать)—и доставилъ вамъ столько безпокойства. Но что́ было дѣлать? Я другого выхода не нашелъ. Я не умѣлъ *опроститься;* оставалось вычеркнуть себя совсѣмъ.—Маріанна, я былъ бы бременемъ и для себя, и для тебя. Ты великодушная—ты бы обрадовалась этому бремени, какъ новой жертвѣ.... но я не имѣлъ права налагать на тебя эту жертву: у тебя есть лучшее и бо́льшее дѣло.—Дѣти

мой, позвольте мнѣ соединить васъ какъ-бы загробной рукою.—Вамъ будетъ хорошо вдвоемъ. Маріанна, ты окончательно полюбишь Соломина—а онъ.... онъ тебя полюбилъ, какъ только увидѣлъ тебя у Сипягиныхъ. Это не осталось для меня тайной, хотя мы нѣсколько дней спустя бѣжали съ тобою.—Ахъ, то утро! Какое оно было славное, свѣжее, молодое! Оно представляется мнѣ теперь какъ знаменіе, какъ символъ вашей двойной жизни,—твоей и его;—и я только случайно находился тогда на его мѣстѣ.—Но пора кончить; я не желаю тебя разжалобить.... я желаю только оправдаться.—Завтра будутъ нѣсколько очень тяжелыхъ минутъ.... Но что же дѣлать? Другого выхода вѣдь нѣтъ?—Прощай, Маріанна, моя хорошая, честная дѣвушка!—Прощай, Соломинъ!—Поручаю тебѣ ее. —Живите счастливо—живите съ пользой для другихъ; а ты, Маріанна, вспоминай обо мнѣ только когда будешь счастлива.—Вспоминай обо мнѣ, какъ о человѣкѣ тоже честномъ и хорошемъ, по которому было какъ-то приличнѣе умереть, нежели жить.—Любилъ ли я тебя любовью—не знаю, милый другъ, но знаю, что сильнѣе чувства я никогда не испыталъ, и что мнѣ было бы еще страшнѣе умереть, если-бъ я не уносилъ такого чувства съ собой въ могилу.

„Маріанна! Если ты встрѣтишь когда-нибудь дѣвушку, Машурину по имени,—Соломинъ ее знаетъ, впрочемъ и ты, кажется, ее видѣла—скажи ей, что я съ благодарностью вспомнилъ о ней незадолго передъ кончиной.... Она ужъ пойметъ.

„Надо-жъ однако оторваться. — Я сейчасъ взглянулъ изъ окна:—среди быстро мчавшихся тучъ стояла одна прекрасная звѣзда.—Какъ быстро онѣ ни мчались—онѣ не могли ея закрыть. Эта звѣзда напомнила мнѣ тебя, Маріанна. —Въ это мгновенье ты спишь въ сосѣдней комнатѣ—и ничего не подозрѣваешь.... Я подошелъ къ твоей

двери, приложилъ ухо, и, казалось, уловилъ твое чистое, спокойное дыханіе.... Прощай! прощай! прощайте, мои дѣти, мои друзья!

„Вашъ А.

„Ба, ба, ба! Какъ же это я въ *предсмертномъ* письмѣ ничего не сказалъ о нашемъ великомъ дѣлѣ? — Знать, потому, что передъ смертью лгать уже не приходится.... Маріанна, прости мнѣ эту приписку.... Ложь была во мнѣ—а не въ томъ, чему ты вѣришь!

„Да! вотъ еще что: ты, быть можетъ, подумаешь, Маріанна: онъ испугался тюрьмы, въ которую его непремѣнно засадили бы — и нашелъ *это* средство ея избѣгнуть? — Нѣтъ: тюрьма еще не важность; но сидѣть въ тюрьмѣ за дѣло, въ которое не вѣришь—это ужъ никуда не годится. И я кончаю съ собою—не изъ страха тюрьмы.

„Прощай, Маріанна! Прощай, моя чистая, нетронутая!"

Маріанна и Соломинъ поочередно прочли это письмо. — Потомъ она положила и портретъ свой, и обѣ бумажки къ себѣ въ карманъ—и осталась неподвижной.

Тогда Соломинъ сказалъ ей:

— Все готово, Маріанна: поѣдемъ. Надо исполнить его волю.

Маріанна приблизилась къ Нежданову, прикоснулась устами къ его уже похолодѣвшему лбу — и, обернувшись къ Соломину, сказала:—Поѣдемъ.

Онъ взялъ ее за руку—и оба вышли изъ комнаты.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, полиція нагрянула на фабрику, она конечно, нашла Неждановa — но уже трупомъ. — Татьяна опрятно убрала его, положила ему подъ голову бѣлую подушку, скрестила его руки, поставила даже букетъ цвѣтовъ возлѣ него на столикъ.—Навель, получившій всѣ нужныя инструкціи, принялъ полицейскихъ чиновниковъ съ величайшимъ подобострастіемъ и таковымъ же глумленіемъ,— такъ что тѣ не знали, благо-

дарить ли его или тоже арестовать? Онъ разсказалъ обстоятельно, какъ происходило дѣло самоубійства, накормилъ ихъ швейцарскимъ сыромъ, напоилъ мадерой;—но на счетъ настоящаго мѣстопребыванія Василія Өедотыча и пріѣзжей барышни отозвался совершеннымъ невѣдѣніемъ—и только ограничился увѣреньемъ, что Василій, молъ, Өедотычъ никогда долго въ отсутствіи не пребываетъ—потому дѣла́;—что онъ не нынче—завтра вернется—и тогда тотчасъ, минуточки не теряя, дастъ о томъ знать въ городъ.—Человѣкъ онъ на это—аккуратный!

Такъ господа чиновники и отъѣхали ни съ чѣмъ, приставивъ сторожей къ тѣлу и обѣщавшись прислать судебнаго слѣдователя.

XXXVIII.

Черезъ два дня послѣ всѣхъ этихъ происшествій—на дворъ къ „складному“ попу Зосимѣ въѣхала телѣжка, въ которой сидѣли мужчина и женщина, уже извѣстные намъ—и на другой же день послѣ ихъ пріѣзда они сочетались бракомъ. Вскорѣ потомъ они исчезли—и добрый Зосима нисколько не горевалъ о томъ, что́ онъ сдѣлалъ. На фабрикѣ, оставленной Соломинымъ, оказалось письмо, адресованное на имя хозяина и доставленное ему Павломъ; въ немъ отдавался полный и точный отчетъ о положеніи дѣлъ — (оно было блестящее) и выпрашивался трехмѣсячный отпускъ. Письмо это было написано за два дня до смерти Неждановa, изъ чего можно было заключить, что Соломинъ уже тогда считалъ нужнымъ ѣхать съ нимъ и съ Маріанной и скрыться на время. Слѣдствіе, произведенное по поводу самоубійства, ничего не открыло.—Труп похоронили; Сипягинъ прекратилъ всякое дальнѣйшее искапіе своей племянницы.

А мѣсяцевъ девять спустя судили Маркелова. Онъ и на

судѣ держалъ себя такъ же, какъ передъ губернаторомъ: спокойно, не безъ достоинства и нѣсколько уныло.—Его обычная рѣзкость смягчилась—но не отъ малодушія: тутъ участвовало другое, болѣе благородное чувство.—Онъ ни-въ чемъ не оправдывался, ни въ чемъ не раскаявался, ни кого не обвинялъ и никого не назвалъ: его исхудалое лицо съ потухшими глазами сохраняло одно выраженіе: покорности судьбѣ и твердости; а его короткіе, но прямые и правдивые отвѣты возбуждали въ самихъ его судьяхъ чувство похожее на состраданіе. Даже крестьяне, которые его схватили и свидѣтельствовали противъ него—даже они раздѣляли это чувство—и говорили о немъ, какъ о баринѣ „простомъ“ и добромъ. Но вина его была слишкомъ явна; избѣгнуть наказанія онъ не могъ—и, казалось, самъ принялъ это наказаніе, какъ должное.—Изъ остальныхъ его, впрочемъ немногочисленныхъ, соучастниковъ,—Машурина скрылась; Остродумовъ былъ убитъ однимъ мѣщаниномъ, котораго онъ подговаривалъ къ возстанію и который „неловко“ толкнулъ его; Голушкина, за его „чистосердечное раскаяніе“—(онъ чуть съ ума не сошелъ отъ ужаса и тоски),—подвергли легкому наказанію; Кисляков продержали съ мѣсяцъ подъ арестомъ, а потомъ выпустили и даже не препятствовали ему снова „скакать“ по губерніямъ; Неждановa избавила смерть; Соломина, за недостаткомъ уликъ,—оставили въ нѣкоторомъ подозрѣніи—и въ покоѣ. (Онъ, впрочемъ, не уклонился отъ суда и явился въ срокъ.) О Маріанѣ не было и рѣчи.... Наклинъ окончательно вывернулся; да на него и не обратили особеннаго вниманія.

Прошло года полтора, настала зима 1870 года. Въ Петербургѣ, въ томъ самомъ Петербургѣ, гдѣ тайный совѣтникъ и каммергеръ Синягинъ готовился играть значительную роль, гдѣ его жена покровительствовала всѣмъ искуствамъ, давала музыкальные вечера и устраивала дешевыя

кухни—а г. Каллом'Ѣйцевъ считался однимъ изъ надеж-н'Ѣйшихъ чиновниковъ своего министерства, — по одной изъ линій Васильевскаго острова шелъ, ковыляя и слегка переваливаясь, маленькій челов'Ѣкъ въ скромномъ пальто съ кошачьимъ воротникомъ. Т'о былъ Наклинъ. Онъ порядкомъ изм'Ѣнился въ посл'Ѣднее время: въ концахъ висковъ, выдававшихся изъ-подъ краевъ м'Ѣховой шапки, вид'Ѣлось н'Ѣсколько серебряныхъ нитей. — На встр'Ѣчу ему двигалась по тротуару дама довольно полная, высокаго роста, плотно закутанная въ темный суконный плащъ.—Наклинъ бросилъ на нее разс'Ѣянный взглядъ, прошелъ мимо.... потомъ вдругъ остановился, задумался, разставилъ руки—и, съ живостью обернувшись и нагнавъ ее, взглянулъ ей подъ шляпку въ лицо.

— Манурина?—промолвилъ онъ вполголоса.

Дама величественно изм'Ѣрила его взоромъ—и, не сказавъ слова, пошла дальше.

— Милая Манурина, я васъ узналъ, — продолжалъ Наклинъ, ковыляя съ нею рядомъ—только вы, пожалуйста, не бойтесь. В'Ѣдь я васъ не выдамъ — я *слишкомъ* радъ, что встр'Ѣтилъ васъ!—Я, Наклинъ, Сила Наклинъ, знаете, пріятель Неждапова.... Зайдите ко мн'Ѣ:—я живу въ двухъ шагахъ отсюда.... Пожалуйста!

— Io соно контесса Рокка ди Санто-Фіуме!—отв'Ѣчала дама низкимъ голосомъ, но съ удивительно-чистымъ русскимъ акцентомъ.

— Ну, что контесса.... какая тамъ контесса.... Зайдите, поболтаемте....

— Да гд'Ѣ вы живете? — спросила вдругъ по-русски итальянская графиня.—Мн'Ѣ некогда.

— Я живу зд'Ѣсь, въ этой линіи, вотъ мой домъ, тотъ с'Ѣрый, трехъ-этажный.—Какая вы добрая, что не хотите больше секретничать со мною! Дайте мн'Ѣ руку, пойдем-

те.—„Давно ли вы здѣсь? И почему вы графиня! вышли замужъ за какого-нибудь итальянскаго конта?

Машурина ни за какого конта не выходила: ее снабдили паспортомъ, выданнымъ на имя нѣкоей графини Рокка ди Санто-Фіуме, недавно передъ тѣмъ умершей — и она съ нимъ преспокойно отправилась въ Россію, хотя ни слова не понимала по итальянски—и имѣла лицо самое русское.

Наклинъ привелъ ее въ свою скромную квартиру. Горбатая сестра, съ которой онъ жилъ, вышла на встрѣчу гостьѣ изъ-за перегородки, отдѣлявшей крохотную кухню отъ такой же передней.

— Вотъ, Снаночка, — промолвилъ онъ—рекомендую: большая моя пріятельница; дай-ка намъ поскорѣе чаю.

Машурина, которая не пошла бы къ Наклину, если-бъ онъ не упомянулъ имени Неждановa, сняла шляпу съ головы,—и, поправивши своей мужественной рукой свои попрежнему коротко остриженные волосы, поклонилась и сѣла молча. Она такъ вовсе не измѣнилась; даже платье на ней было то же самое, какъ и два года тому назадъ; но въ глазахъ ея установилась какая-то недвижная печаль, которая придавала нѣчто трогательное обычно-суровому выраженію ея лица.

Снандулія побѣжала за самоваромъ — а Наклинъ помѣстился противъ Машуриной, слегка похлопалъ ее по колѣну и понурилъ голову, а когда хотѣлъ заговорить, принужденъ былъ откашляться; голосъ его прервался, и слезинки сверкнули на глазахъ. — Машурина сидѣла неподвижно и прямо, не прислоняясь къ спинкѣ стула—и угрюмо смотрѣла въ сторону.

— „Да, да,—началъ Наклинъ—были дѣла! Гляжу на васъ и вспоминаю.... многое и многихъ. — Мертвыхъ и живыхъ.—Вотъ, и мои переклитки умерли.... да вы ихъ, кажется, не знали;—и объ, какъ я предсказывалъ, въ

одинъ день. — Неждановъ.... бѣдный Неждановъ!... Вы вѣдь, вѣроятно, знаете....

— Да, знаю, — промолвила Машурина, все такъ же глядя въ сторону.

— И объ Остродумовѣ тоже знаете?

Машурина только кивнула головою. Ей хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ говорить о Неждановѣ—но она не рѣшилась просить его объ этомъ.—Онъ ее понялъ и такъ.

— Я слышалъ, что онъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ упомянулъ о васъ.—Правда это?

Машурина не тотчасъ отвѣчала.

— Правда,—произнесла она наконецъ.

— Чудесный былъ человѣкъ! Только не въ свою колею попалъ!—Онъ такой же былъ революціонеръ, какъ и я! Знаете, кто онъ собственно былъ?—Романтикъ реализма! Понимаете ли вы меня?

Машурина бросила быстрый взглядъ на Наклина. Она его не поняла—да и не хотѣла дать себѣ трудъ его понять.—Ей показалось неумѣстнымъ и страннымъ, что онъ осмѣливается приравнивать себя къ Неждanову; — но она подумала: „Пускай хвастается теперь". (Хотъ онъ вовсе не хвастался—а скорѣй, по его понятіямъ, принижалъ себя).

— Меня тутъ отыскалъ нѣкто Силинъ,—продолжалъ Наклинъ;—Неждановъ тоже писалъ къ нему передъ смертью. Такъ вотъ онъ, этотъ самый Силинъ, просилъ: нельзя ли найти какія-нибудь бумаги покойнаго?—Но Алёшины вещи были опечатаны.... да и бумагъ тамъ не было: онъ все сжегъ—и стихи свои сжегъ.—Вы, можетъ быть, не знали, что онъ стихи писалъ? Мнѣ ихъ жаль; я увѣренъ—иные должны были быть очень недурны.—Все это исчезло вмѣстѣ съ нимъ—все попало въ общій круговоротъ—и замерло на вѣки! Только что у друзей осталось воспоминаніе, — пока они сами не исчезнутъ въ свою очередь!

Паклинъ помолчалъ.

— За то Синягины,—подхватилъ онъ снова—помните, эти снисходительные, важные, отвратительные тузы—они теперь на верху могущества и славы!—Машурина вовсе не „помнила“ Синягиныхъ; но Паклинъ такъ ихъ ненавидѣлъ обоихъ—особенно его—что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи ихъ „продернуть“.—Говорятъ, у нихъ въ домѣ такой высокій тонъ!—Все о добродѣтели толкуютъ!! Только я замѣтилъ: если гдѣ слишкомъ много толкуютъ о добродѣтели—это все равно, какъ если въ комнатѣ у больнаго слишкомъ накурено благовоніями: навѣрно предъ этимъ совершилась какая-нибудь тайная пакость!—Подозрительно это!—Бѣднаго Алексѣя *они* погубили, эти Синягины!

— Что Соломинъ?—спросила Машурина.—Ей вдругъ перестало хотѣться слышать что-нибудь отъ *этого* о *немъ!*

— Соломинъ!—воскликнулъ Паклинъ. — Этотъ молодцомъ. Вывернулся отлично. Прежнюю-то фабрику бросилъ и лучшихъ людей съ собой увелъ.—Тамъ былъ одинъ.... голова, говорятъ, бѣдовая! Павломъ его звали.... такъ и того увелъ. Теперь, говорятъ, свой заводъ имѣетъ—небольшой—гдѣ-то тамъ, въ Перми, на какихъ-то артельныхъ началахъ. Этотъ дѣла своего не оставитъ! Онъ продолбитъ!—Клювъ у него тонкій—да и крѣпкій за то. Онъ — молодецъ! А главное: онъ не внезапный исцѣлитель общественныхъ ранъ.—Потому, вѣдь мы, русскіе, какой народъ? мы все ждемъ: вотъ-молъ придетъ что-нибудь, или кто-нибудь, и разомъ насъ излечитъ, всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ. Кто будетъ этотъ чародѣй?—Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война? — Что угодно! только, батюшка, рви зубъ!!—Это все—лѣность, вялость, недомысліе!—А Соломинъ не такой: нѣтъ,—онъ зубовъ не дергаетъ—онъ молодецъ!

Мапурина сдѣлала знакъ рукою, какъ-бы желая сказать, что: „этого, стало-быть, похерить надо“.

— Ну, а та дѣвушка—спросила она—я забыла ея имя—которая тогда съ нимъ—съ Неждановымъ—ушла?

— Маріанна? Да она теперь этого самого Соломина жена. Ужъ больше года, какъ она за нимъ замужемъ. Сперва только числилась—а теперь, говорятъ, настоящей женою стала. Да-а.

Мапурина опять сдѣлала тотъ же знакъ рукою.

Бывало, она ревновала Неждапова къ Маріаннѣ; а теперь она негодовала на нее за то, что какъ могла она измѣнить его памяти?!... — Чай, ребенокъ уже есть, — прибавила она съ пренебреженіемъ.

— Можетъ быть, не знаю.—Но куда же вы, куда? — прибавилъ Паклинъ, видя, что она берется за шляпу.— Подождите: Сапочка намъ сейчасъ чаю подастъ. Ему не столько хотѣлось удержать собственно Машурину, сколько не упустить случая высказать все, что́ накопилось и накипѣло у него на душѣ.—Съ тѣхъ поръ, какъ Паклинъ вернулся въ Петербургъ, онъ видѣлъ очень мало людей, особенно молодыхъ.—Исторія съ Неждановымъ его напугала, онъ сталъ очень остороженъ и чуждался общества, —и молодые люди, съ своей стороны, поглядывали на него подозрительно. Одинъ такъ даже прямо въ глаза обругалъ его доносчикомъ. Съ стариками онъ самъ не охотно сближался: вотъ ему и приходилось иногда молчать по недѣлямъ. Передъ сестрой онъ не высказывался: не потому —чтобы воображалъ ее неспособной его понять —о, нѣтъ! Онъ высоко цѣнилъ ея умъ.... Но съ ней надо было говорить серьёзно и вполнѣ правдиво; а какъ только онъ пускался „козырять“ или „запускать брандеръ“ — она тотчасъ принималась глядѣть на него какимъ-то особеннымъ, внимательнымъ и соболѣзнующимъ взглядомъ;—и ему становилось совѣстно. Но скажите, возможно ли обойтись

безъ легкой „козырки?“ Хоть съ двойки — да козыряй! Оттого-то и жизнь въ Петербургѣ начала становиться тошна Наклину, и онъ уже думалъ какъ-бы перебраться въ Москву, что-ли? — Разныя соображенія, измышленія, выдумки, смѣшныя или злыя слова, набирались въ немъ, какъ вода на запертой мельницѣ.... Заставокъ нельзя было поднимать: вода дѣлалась стоячей и портилась. — Манурина подвернулась.... Вотъ онъ и поднялъ заставки и заговорилъ, заговорилъ....

„Досталось же Петербургу, петербургской жизни, всей Россіи? — Никому и ничему не было ни малѣйшей пощады! — Манурину все это занимало весьма умѣренно; но она не возражала и не перебивала его.... а ему больше ничего не требовалось.

— „Да-съ,— говорилъ онъ: — веселое наступило времячко, доложу вамъ! Въ обществѣ застой совершенный: всѣ скучаютъ адски! Въ литературѣ пустота — хоть шаромъ покати! Въ критикѣ.... если молодому передовому рецензенту нужно сказать, что „курицѣ свойственно нести яйца“ — подавай ему цѣлыхъ двадцать страницъ для изложенія этой великой истины — да и то онъ едва съ нею сладитъ! Пухлы эти господа, доложу вамъ, какъ пуховики, размазисты, какъ тюря — и съ нѣной у рта говорятъ — общія мѣста! Въ наукѣ.... ха-ха-ха! *чистый Кантъ* есть и у насъ: — только на воротникахъ инженеровъ! Въ искусствѣ то же самое! Не угодно ли вамъ сегодня пойти въ концертъ? Услышите народнаго пѣвца Аграмантскаго.... Большимъ успѣхомъ пользуется.... А если бы лещъ съ кашей — *лещъ съ кашей*, говорю вамъ, былъ одаренъ голосомъ, то онъ именно такъ бы и пѣлъ, какъ этотъ господинъ! — И тотъ же Скоропихинъ, знаете нашъ исконный Аристархъ — его хвалитъ! Это, моль, не то, что западное искусство! Онъ же и нашихъ паскудныхъ живописцевъ хвалитъ! — Я, моль, прежде самъ приходилъ въ восторгъ отъ

Европы, отъ итальянцевъ;—а услышать Россіи и подумать!—Э! э!—увидѣть Рафаэля... Э! э!... И этого э! э!—нашимъ молодымъ людямъ совершенно достаточно; и они за Скоропихинымъ повторяютъ: э! э!—и довольны, представьте! А въ тоже время народъ бѣдствуетъ страшно, подати его разорили въ конецъ: и только та и совершилась реформа, что всѣ мужики картузы надѣли, а бабы бросили кички.... А голодъ! А пьянство! А кулаки!

Но тутъ Манурина зѣвнула—и Наклинъ понялъ, что надо перемѣнить разговоръ.

— Вы мнѣ еще не сказали,—обратился онъ къ ней, гдѣ вы эти два года были и давно-ли пріѣхали—и что дѣлали—и какимъ образомъ превратились въ итальянку и почему....

— Вамъ все это не слѣдуетъ знать,—перебила Манурина:—къ чему? Вѣдь ужъ это теперь не по вашей части.

Наклина какъ будто что-то кольнуло,—и онъ, чтобъ скрыть свое смущеніе, посмѣялся коротенькимъ, натянутымъ смѣхомъ.

— Ну, какъ угодно,—промолвилъ онъ: —я знаю, я въ глазахъ нынѣшняго поколѣнія человѣкъ отсталый; да и точно, я уже не могу считаться.... въ тѣхъ рядахъ.... Онъ не закончилъ своей фразы. — Вотъ намъ Сашочка чай несетъ. Вы выкушайте чашечку, да послушайте меня.... Можетъ быть, въ моихъ словахъ будетъ что-нибудь интересное для васъ.

Манурина взяла чашку, кусочекъ сахару и принялась пить въ прикуску.

Наклинъ разсмѣялся ужъ на́-чисто.

— Хорошо, что полиціи здѣсь нѣтъ, а то́ итальянская графиня.... какъ бишь?

— Рокка ди Санто-Фіуме,—съ невозмутимой важностью проговорила Манурина, втягивая въ себя горячую струю.

— Рокка ди Санто-Фіуме! — повторилъ Наклинъ — и

ньетъ въ прикуску чай! Ужъ очень неправдоподобно! Полиція сейчасъ возьмѣла бы подозрѣнія.

— Ко мнѣ и то на границѣ,—замѣтила Машурина,—приставалъ какой-то въ мундирѣ; все разспрашивалъ; я ужъ и не вытерпѣла: „Отвяжись ты отъ меня, говорю, ради Бога!“

— Вы это по-итальянски ему сказали?

— Нѣтъ, по-русски.

— И что же онъ?

— Что? Извѣстно, отошелъ.

— Браво! —воскликнулъ Наклинъ. — Ай да контесса! Еще чашечку! Ну, такъ вотъ что́ я хотѣлъ вамъ сказать: вы вотъ о Соломинѣ отозвались сухо.—А знаете ли, что́ я вамъ доложу? Такіе, какъ онъ—они-то вотъ и суть настоящіе. Ихъ сразу не раскусишь, а они — настоящіе, повѣрьте; и будущее имъ принадлежитъ. Это—не герои; это даже не тѣ „герои труда“, о которыхъ какой то чудакъ—американецъ или англичанинъ—написалъ книгу для назиданія насъ, убогихъ; это—крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно! Вы смотрите на Соломина: уменъ—какъ день,—и здоровъ—какъ рыба.... Какъ же не чудно! Вѣдь у насъ до сихъ поръ на Руси ка́къ было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ; съ сознаніемъ—такъ непремѣнно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше—и ненавидитъ онъ то́ же, что́ мы ненавидимъ—да нервы у него молчатъ—и все тѣло повинуется, какъ слѣдуетъ.... значитъ: молодецъ! Помилуйте: человѣкъ съ идеаломъ —и безъ фразы: образованный — и изъ народа; простой—и себѣ-на-умѣ.... Какого вамъ еще надо?...

— И вы не глядите на то, —продолжалъ Наклинъ, приходя все болѣе и болѣе въ азартъ, и не замѣчая, что Машурина его уже давно не слушала и опять уставилась куда-то въ сторону,—не глядите на то, что у насъ теперь

на Руси всякій водится народъ: и славянофилы, и чиновники, и простые, и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудаки — (знавалъ же я одну барыню, Хавронью Ирыцову по имени, которая вдругъ съ бухта-барахты сдѣлалась легитимисткой и увѣряла всѣхъ, что когда она умретъ—то стóитъ только вскрыть ея тѣло—и на сердцѣ ея найдутъ начертаннымъ имя Генриха V-го.... Это у Хавроньи Ирыцовой-то!) —Не глядите на все это, моя почтенѣйшая, а знайте, что настоящая, исконная наша дорога—тамъ, гдѣ Соломины, сѣрые, простые, хитрые Соломины! Вспомните *когда* я это говорю вамъ—зимой 1870 года, когда Германія собирается уничтожить Францію—когда....

— Слушка, — послышался за спиной Наклина тихій голосокъ Спандулій:—мнѣ кажется, въ твоихъ разсужденіяхъ о будущемъ, ты забываешь нашу религію и ея вліяніе.... И къ тому же,—посѣщно прибавила она, —г-жа Машурина тебя не слушаетъ.... Ты бы лучше предложилъ ей еще чашку чаю.

Наклинъ спохватился.

— Ахъ, да, моя почтенная—не хотите ли вы, въ самомъ-дѣлѣ?...

Но Машурина медленно перевела на него свои темные глаза и задумчиво промолвила:

— Я хотѣла спросить у васъ, Наклинъ, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь записки Неждапова —или его фотографіи?

— Есть фотографія.... есть; и кажется, довольно хорошая.—Въ столѣ.—Я сейчасъ отыщу вамъ ее.

Онъ сталъ рыться у себя въ ящикѣ—а Спандулія подошла къ Машуриной — и съ участіемъ, долго и пристально посмотрѣвъ на нее, пожала ей руки—какъ собрату.

— Вотъ она! Нашелъ! —воскликнулъ Наклинъ и подалъ фотографію. Машурина быстро,—почти не взглянувъ

на нее и не сказавъ спасибо, но покраснѣвши вся,—сунула ее въ карманъ, надѣла шляпу и направилась къ двери.

— Вы ухо́дите?— промолвилъ Наклинъ.—Гдѣ вы живете, по крайней мѣрѣ?

— А гдѣ придется.

— Понимаю: вы не хотите, чтобъ я объ этомъ зналъ. Ну, скажите, пожалуйста, хоть одно: вы все по приказанію Василія Николаевича дѣйствуете?

— На что́ вамъ знать!

— Или, можетъ, кого другого.—Сидора Сидорыча?

Машурина не отвѣчала.

— Или вами распоряжается безымянный какой?

Машурина уже переступила порогъ.

— А, можетъ быть, и безымянный!

Она захлопнула дверь.

Наклинъ долго стоялъ неподвижно передъ этой закрытой дверью.

— „Безымянная Русь!“—сказалъ онъ наконецъ.

РУДИНЪ

РОМАНЪ ВЪ XII ГЛАВАХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

[НАПИСАНО ВЪ 1855 ГОДУ].

I.

Было тихое лѣтнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистомъ небѣ, но поля еще блестѣли росой; изъ недавно проспувшихся долинъ вѣяло душистой свѣжестью, и въ лѣсу, еще сыромъ и не шумномъ, весело распѣвали ранніе птички. На вершинѣ пологаго холма, сверху до низу покрытаго только-что зацвѣтшею рожью, виднѣлась небольшая деревенька. Къ этой деревенькѣ, по узкой проселочной дорожкѣ, шла молодая женщина, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, круглой соломенной шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Казачекъ издали слѣдовалъ за ней.

Она шла не торопясь, и какъ бы наслаждаясь прогулкой. Кругомъ, по высокой, зыбкой ржи, переливаясь то серебристо-зеленой, то красноватой рябью, съ мягкимъ шелестомъ бѣжали длинныя волны; въ вышинѣ звенѣли жаворонки. Молодая женщина шла изъ собственнаго своего села, отстоявшаго не болѣе версты отъ деревеньки, куда она направляла путь; звали ее Александрой Павловной Лининой. Она была вдова, бездѣтна и довольно богата, жила вмѣстѣ съ своимъ братомъ, отставнымъ штабсъ-ротмистромъ Сергѣемъ Павлычемъ Волынцевымъ. Онъ не былъ женатъ и распоряжался ея имѣніемъ.

Александра Павловна дошла до деревеньки, остановилась у крайней избушки, весьма ветхой и низкой, и, подозвавъ своего казачка, велѣла ему войти въ нее и спросить о здоровьѣ хозяйки. Онъ скоро вернулся въ сопровожденіи дряхлаго мужика съ бѣлой бородой.

— Ну, что? спросила Александра Павловна.

— Жива еще.... проговорилъ старикъ.

— Можно войти?

— Отчего же? можно.

Александра Павловна вошла въ избу. Въ ней было тѣсно, и душно, и дымно.... Кто-то закопошился и застоналъ на лежанкѣ. Александра Павловна оглянулась и увидѣла въ полумракѣ желтую и сморщенную голову старушки, повязанной клѣтчатымъ платкомъ. Покрытая по самую грудь тяжелымъ армякомъ, она дышала съ трудомъ, слабо разводя худыми руками.

Александра Павловна приблизилась къ старушкѣ и прикоснулась пальцами до ея лба.... онъ такъ и пылалъ.

— Какъ ты себя чувствуешь, Матрена? спросила она, наклонившись надъ лежанкой.

— О-охъ! простонала старушка, всмотрѣвшись въ Александру Павловну.—Плохо, плохо, родная! Смертный часикъ пришелъ, голубушка!

— Богъ милостивъ, Матрена: можетъ быть, ты поправишься. Ты приняла лекарство, которое я тебѣ прислала?

Старушка тоскливо заохала и не отвѣчала. Она не разслышала вопроса.

— Приняла, проговорилъ старикъ, остановившійся у двери.

Александра Павловна обратилась къ нему.

— Кромѣ тебя при ней никого нѣтъ? спросила она.

— Есть дѣвочка—ея внучка, да все вотъ отлучается. Не посидитъ: такая егозливая. Воды подать испить бабкѣ—и то лѣнь. А я самъ старъ: куда мнѣ!

— Не перевезти ли ее ко мнѣ въ больницу!

— Нѣтъ! зачѣмъ въ больницу? все одно помирать-то. Пожила довольно; видно, ужъ такъ Богу угодно. Съ лежанки не сходить. Гдѣ-жъ ей въ больницу! Ее станутъ поднимать, она и помретъ.

— Охъ, застонала больная:—красавица-барыня, сироточку-то мою не оставь: наши господа далеко, а ты....

Старушка умолкла. Она говорила черезъ силу.

— Не безпокойся, промолвила Александра Павловна:—все будетъ сдѣлано. Вотъ, я тебѣ чаю и сахару принесла. Если захочется, выпей.... Вѣдь самоваръ у васъ есть? прибавила она, взглянувъ на старика.

— Самоваръ-то? Самовара у насъ нѣту, а достать можно.

— Такъ достань, а то я принлю свой. Да прикажи внучкѣ, чтобы она не отлучалась. Скажи ей, что это стыдно.

Старикъ ничего не отвѣчалъ, а свертокъ съ чаемъ и сахаромъ взялъ въ обѣ руки.

— Ну, прощай, Матрена! проговорила Александра Павловна:—я къ тебѣ еще приду, а ты не унывай и лекарство принимай аккуратно....

Старуха приподняла голову и потянулась къ Александрѣ Павловнѣ.

— Дай барыня, ручку, проленетала она.

Александра Павловна не дала ей руки, нагнулась и поцѣловала ее въ лобъ.

— Смотри же, сказала она, уходя, старику:—лекарство ей давайте непремѣнно, какъ написано. И чаемъ ее напойте....

Старикъ опять ничего не отвѣчалъ и только поклонился.

Свободно вздохнула Александра Павловна, очутившись на свѣжемъ воздухѣ. Она раскрыла зонтикъ и хотѣла-было идти домой, какъ вдругъ изъ-за угла избушки выѣхалъ,

на низенькихъ бѣговыхъ дрожкахъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, въ старомъ пальто изъ сѣрой коломянки и такой же фуражкѣ. Увидѣвъ Александру Павловну, онъ тотчасъ остановилъ лошадь и обернулся къ ней лицомъ. Широкое, безъ румянца, съ небольшими, блѣдно-сѣрыми глазками и бѣлесоватыми усами, оно подходило подъ цвѣтъ его одежды.

— Здравствуйте, проговорилъ онъ съ лѣнивой усмѣшкой:—что́ это вы тутъ такое дѣлаете, позвольте узнать?

— Я навѣщала больную.... А вы откуда, Михайло Михайлычъ?

Человѣкъ, называвшійся Михайло Михайлычемъ, посмотрѣлъ ей въ глаза и опять усмѣхнулся.

— Это вы хорошо дѣлаете, продолжалъ онъ,—что больную навѣщаете; только не лучше ли вамъ ее въ больницу перевезти?

— Она слишкомъ слаба: ее нельзя тронуть.

— А больницу свою вы не намѣрены уничтожить?

— Уничтожить? зачѣмъ!

— Да такъ.

— Что за странная мысль! Съ чего это вамъ въ голову пришло?

— Да вы вотъ съ Ласупской все знаетесь и, кажется, находитесь подъ ея вліяніемъ. А по ея словамъ, больницы, училища—это все пустяки, ненужныя выдумки. Благотвореніе должно быть личное, просвѣщеніе тоже: это все дѣло души.... такъ кажется, она выражается. Съ чьего это голоса она поетъ, желалъ бы я знать?

Александра Павловна засмѣялась.

— Дарья Михайловна умная женщина, я ее очень люблю и уважаю; но и она можетъ ошибаться, и я не каждому ея слову вѣрю.

— И прекрасно дѣлаете, возразилъ Михайло Михайлычъ, все не слѣзая съ дрожекъ:—потому что она сама

словамъ своимъ плохо вѣрить. А я очень радъ, что встрѣтилъ васъ.

— А что?

— Хорошъ вопросъ! Какъ будто не всегда пріятно васъ встрѣтить! Сегодня вы такъ же свѣжи и милы, какъ это утро.

Александра Павловна опять засмѣялась.

— Чему же вы смѣетесь?

— Какъ чему? Если-бы вы могли видѣть, съ какой вялой и холодной миной вы произнесли вашъ комплиментъ! Удивляюсь, какъ вы не зѣвнули на послѣднемъ словѣ.

— Съ холодной миной.... Вамъ все огня нужно; а огонь никуда не годится. Вспыхнетъ, надымитъ и погаснетъ.

— И согрѣетъ, подхватила Александра Павловна.

— Да.... и обожжетъ.

— Ну, что-жъ, что обожжетъ! И это не бѣда. Все же лучше, чѣмъ....

— А вотъ я посмотрю, то ли вы заговорите, когда хоть разъ хорошенько обожжетесь, перебилъ ее съ досадой Михайло Михайлычъ и хлопнулъ возжой по лошади.— Прощайте!

— Михайло Михайлычъ, постойте! закричала Александра Павловна:—когда вы у насъ будете?

— Завтра; поклонитесь вашему брату.

И дрожки покатились.

Александра Павловна посмотрѣла вслѣдъ Михайлу Михайловичу.

„Какой мѣшокъ!“ подумала она. Сгорбленный, запыленный, съ фуражкой на затылкѣ, изъ-подъ которой безпорядочно торчали косицы желтыхъ волосъ, онъ дѣйствительно, походилъ на большой мучной мѣшокъ.

Александра Павловна отправилась тихонько назадъ по дорогѣ домой. Она шла съ опущенными глазами. Близкій

топотъ лошади заставилъ ее остановиться и поднять голову.... Ей на встрѣчу ѣхалъ ея братъ верхомъ; рядомъ съ нимъ шелъ молодой человѣкъ небольшого роста, въ легонькомъ сюртучкѣ на распашку, легонькомъ галстучкѣ и легонькой сѣрой шляпѣ, съ тросточкой въ рукѣ. Онъ уже давно улыбался Александрѣ Павловнѣ, хотя и видѣлъ, что она шла въ раздумьѣ, ничего не замѣчая, а какъ только она остановилась, подошелъ къ ней и радостно, почти нѣжно произнесъ:

— Здравствуйте, Александра Павловна, здравствуйте!

— А! Константинъ Діомидычъ? здравствуйте! отвѣтила она.—Вы отъ Дарьи Михайловны?

— Точно такъ-съ, точно такъ-съ, подхватилъ съ сіяющимъ лицомъ молодой человѣкъ:—отъ Дарьи Михайловны. Дарья Михайловна послала меня къ вамъ-съ; я предпочелъ идти пѣшкомъ.... Утро такое чудесное, всего четыре версты разстоянія. Я прихожу—васъ дома нѣтъ-съ. Мнѣ вашъ братецъ говоритъ, что вы пошли въ Семеновку, и сами, — собираются въ поле: я вотъ съ ними и пошелъ-съ, къ вамъ на встрѣчу. Да-съ. Какъ это пріятно!

Молодой человѣкъ говорилъ по-русски чисто и правильно, но съ иностраннымъ произношеніемъ, хотя трудно было опредѣлить, съ какимъ именно. Въ чертахъ лица его было нѣчто азіятское. Длинный носъ съ горбиной, большіе неподвижные глаза на выкатѣ, крупныя красныя губы, покатый лобъ, черные какъ смоль волосы,—все въ немъ изобличало восточное происхожденіе, но молодой человѣкъ именовался по фамиліи Пандалевскимъ и называлъ своею родиной Одессу, хотя и воспитывался гдѣ-то въ Бѣлоруссіи, на счетъ благодѣтельной и богатой вдовы. Другая вдова опредѣлила его на службу. Вообще, дамы среднихъ лѣтъ охотно покровительствовали Константину Діомидычу: онъ умѣлъ искать, умѣлъ находить въ нихъ. Онъ и теперь жилъ у богатой помѣщицы, Дарьи Михай-

ловны Ласунской, въ качествѣ пріемыша или пахлѣбника. Онъ былъ весьма ласковъ, услужливъ; чувствителенъ и втайнѣ сластолюбивъ, обладалъ пріятнымъ голосомъ, порядочно игралъ на фортепіано и имѣлъ привычку, когда говорилъ съ кѣмъ-нибудь, такъ и виваться въ него глазами. Онъ одѣвался очень чистенько и платье носилъ чрезвычайно долго, тщательно выбривалъ свой широкій подбородокъ и причесывалъ волосокъ къ волоску.

Александра Павловна выслушала его рѣчь до конца и обратилась къ брату.

— Сегодня мнѣ все встрѣчи: сейчасъ я разговаривала съ Лежневымъ.

— А, съ нимъ! онъ ѣхалъ куда-нибудь?

— Да: и вообрази, на бѣговыхъ дрожкахъ, въ какомъ-то полотняномъ мѣшкѣ, весь въ пыли.... Какой онъ чудакъ!

— Да, быть можетъ: только онъ славный человѣкъ.

— Кто это? Г-нъ Лежневъ? спросилъ Пандалевскій, какъ бы удивясь.

— Да. Михайло Михайлычъ Лежневъ, возразилъ Волынцевъ.—Однако, прощай, сестра: мнѣ пора ѣхать въ поле; у тебя гречиху сѣютъ. Г-нъ Пандалевскій тебя проведетъ домой....

И Волынцевъ пустилъ лошадь рысью.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! воскликнулъ Константинъ Діомидычъ и предложилъ Александрѣ Павловнѣ руку.

Она подала ему свою, и оба отправились по дорогѣ въ ея усадьбу.

Вести подъ руку Александру Павловну доставляло, повидимому, большое удовольствіе Константину Діомидычу: онъ выступалъ маленькими шагами, улыбался, а восточ-

ные глаза его даже покрылись влагой, что́, впрочемъ, съ ними случалось не рѣдко: Константину Діомидычу ничего не стоило умилиться и пролить слезу. И кому бы не было пріятно вести подъ руку хорошенькую женщину, молодую и стройную? Объ Александрѣ Павловнѣ вся....ая губернія единогласно говорила, что она прелесть; и ....ая губернія не ошибалась. Одинъ ея прямой, чуть-чуть вздернутый носикъ могъ свести съ ума любого смертнаго, не говоря уже о ея бархатныхъ карихъ глазкахъ, золотисто-русыхъ волосахъ, ямкахъ на круглыхъ щечкахъ и другихъ красотахъ. Но лучше всего въ ней было выраженіе ея миловиднаго лица: довѣрчивое, добродушное и кроткое, оно и трогало, и привлекало. Александра Павловна глядѣла и смѣялась, какъ ребенокъ; барыни находили ее простенькой.... Можно ли было чего-нибудь еще желать?

— Васъ Дарья Михайловна ко мнѣ прислала, говорите вы? спросила она Пандалевскаго.

— Да-съ, прислала-съ, отвѣчалъ онъ, выговаривая букву *с*, какъ англійское *th*:—онѣ непремѣнно желаютъ и велѣли васъ убѣдительно просить, чтобы вы пожаловали сегодня къ нимъ обѣдать.... Онъ (Пандалевскій, когда говорилъ о третьемъ лицѣ, особенно о дамѣ, строго придерживался множественнаго числа):—онѣ ждутъ къ себѣ новаго гостя, съ которымъ непремѣнно желаютъ васъ познакомить.

— Кто это?

— Нѣкто Муффель, баронъ, камеръ-юнкеръ изъ Петербурга. Дарья Михайловна недавно съ нимъ познакомились у князя Гарина и съ большой похвалой о немъ отзываются, какъ о любезномъ и образованномъ молодомъ человѣкѣ. Г-нъ баронъ занимаются также литературой, или, лучше сказать.... ахъ, какая прелестная бабочка! извольте обратить ваше вниманіе.... лучше сказать, политической экономіей. Онъ написалъ статью о какомъ-то очень

интересномъ вопросѣ—и желаетъ подвергнуть ее на судъ Дарьѣ Михайловнѣ.

— Политико-экономическую статью?

— Съ точки зрѣнія языка-съ, Александра Павловна, съ точки зрѣнія языка-съ. Вамъ, я думаю, извѣстно, что и въ этомъ Дарья Михайловна знатокъ-съ. Жуковскій съ ними совѣтовался, а благодѣтель мой, проживающій въ Одессѣ благопотребный старецъ Роксолань Медіаровичъ Кандрыка.... Вамъ, навѣрное, извѣстно имя этой особы?

— Нисколько, и не слыхивала.

— Не слыхивали о такомъ мужѣ? Удивительно! Я хотѣлъ сказать, что и Роксолань Медіаровичъ очень былъ всегда высокаго мнѣнія о познаніяхъ Дарьи Михайловны въ россійскомъ языкѣ.

— А не педантъ этотъ баронъ? спросила Александра Павловна.

— Никакъ нѣтъ-съ; Дарья Михайловна разсказываютъ, что, напротивъ, свѣтскій человѣкъ въ немъ сейчасъ видѣнъ. О Бетховенѣ говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ, что даже старый князь почувствовалъ восторгъ.... Это я, признаюсь, послушалъ бы: вѣдь это по моей части. Позвольте вамъ предложить этотъ прекрасный полевой цвѣтокъ.

Александра Павловна взяла цвѣтокъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, уронила его на дорогу.... До дому ея оставалось шаговъ двѣсти, не болѣе. Недавно выстроенный и выбѣленный, онъ привѣтливо выглядывалъ своими широкими, свѣтлыми окнами изъ густой зелени старинныхъ липъ и кленовъ.

— Такъ какъ-же-съ прикажете доложить Дарьѣ Михайловнѣ, заговорилъ Пандалевскій, слегка обиженный участью поднесеннаго имъ цвѣтка: — пожалуете вы къ обѣду? Онѣ и братца вашего просятъ.

— Да, мы пріѣдемъ, непремѣнно. А что Наташа?

— Наталья Алексѣевна, слава Богу, здоровы-съ.... Но мы уже прошли поворотъ къ имѣнью Дарьи Михайловны. Позвольте мнѣ раскланяться.

Александра Павловна остановилась. — А вы развѣ не зайдете къ намъ? спросила она пронзительнымъ голосомъ.

— Душевно бы желалъ-съ, но боюсь опоздать. Дарьѣ Михайловнѣ угодно послушать новый этюдъ Тальберга: такъ надо приготовиться и подучить. Притомъ, я, признаюсь, сомнѣваюсь, чтобы моя бесѣда могла доставить вамъ какое-нибудь удовольствіе.

— Да нѣтъ.... почему же....

Пандалевскій вздохнулъ и выразительно опустилъ глаза.

— До свиданія, Александра Павловна! проговорилъ онъ, помолчавъ немного, поклонился и отступилъ шагъ назадъ.

Александра Павловна повернулась и пошла домой.

Константинъ Діомидычъ также пустился во всѣхъ. Съ лица его тотчасъ исчезла вся сладость: самоувѣренное, почти суровое выраженіе появилось на немъ. Даже походка Константина Діомидыча измѣнилась: онъ теперь и шагалъ шире, и наступалъ тяжелѣе. Онъ прошелъ версты двѣ, развязно помахивая палочкой, и вдругъ опять ослабѣлся: онъ увидѣлъ возлѣ дороги молодую, довольно смазливую крестьянскую дѣвушку, которая выгоняла телятъ изъ овса. Константинъ Діомидычъ осторожно, какъ котъ, подошелъ къ дѣвушкѣ и заговорилъ съ ней. Та сперва молчала, краснѣла и посмѣивалась, наконецъ закрыла губы рукавомъ, отворотилась и промолвила:

— Ступай, баринъ, право....

Константинъ Діомидычъ погрозилъ ей пальцемъ и велѣлъ ей принести себѣ васильковъ.

— На что тебѣ васильковъ? вѣнки, что-ль, плесть? возразила дѣвушка: —да ну, ступай же, право....

— Послушай, моя любезная красоточка, началъ-было Константинъ Діомидычъ....

— Да ну, стунай, перебила его дѣвушка:—баричи, вонъ, идутъ.

Константинъ Діомидычъ оглянулся. Дѣйствительно, по дорогѣ бѣжали Ваня и Петя, сыновья Дарьи Михайловны: за ними шелъ ихъ учитель, Басистовъ, молодой человѣкъ двадцати-двухъ лѣтъ, только что окончившій курсъ. Басистовъ былъ рослый малый, съ простымъ лицомъ, большимъ носомъ, крупными губами и свиными глазками, некрасивый и неловкій, но добрый, честный и прямой. Онъ одѣвался небрежно, не стригъ волосъ,—не изъ щегольства, а отъ лѣни; любилъ поѣсть, любилъ поспать, но любилъ также хорошую книгу, горячую бесѣду и всей душой ненавидѣлъ Пандалевскаго.

Дѣти Дарьи Михайловны обожали Басистова и ужъ сколько его не боялись; со всѣми остальными въ домѣ онъ былъ на короткой ногѣ, что́ не совсѣмъ нравилось хозяйкѣ, какъ она ни толковала о томъ, что для нея предразсудковъ не существуетъ.

— Здравствуйте, мои миленькіе! заговорилъ Константинъ Діомидычъ,—какъ вы рано сегодня гулять пошли! А я, прибавилъ онъ, обращаясь къ Басистову:—уже давно вышелъ; моя страсть—наслаждаться природой.

— Видѣли мы какъ вы наслаждаетесь природой, пробормоталъ Басистовъ.

— Вы матеріалистъ: ужъ сейчасъ Богъ знаетъ, что́ думаете. Я васъ знаю!

Пандалевскій, когда говорилъ съ Басистовымъ или подобными ему людьми, легко раздражался и букву с произносилъ чисто, даже съ маленькимъ свистомъ.

— Что же, вы у этой дѣвки, небось, дорогу спрашивали? проговорилъ Басистовъ, поводя глазами и вправо и влѣво.

Онъ чувствовалъ, что Пандалевскій глядитъ ему прямо въ лицо, а это ему было крайне непріятно.

— Я повторяю, вы матеріалистъ и больше ничего. Вы непремѣнно желаете во всемъ видѣть одну прозаическую сторону....

— Дѣти! скомандовалъ вдругъ Басистовъ:—видите вы на лугу ракиту: посмотримъ, кто скорѣе до нея добѣжитъ.... разъ! два! три!

И дѣти бросились во всѣ ноги къ ракитѣ. Басистовъ устремился за ними.

„Мужикъ!“ подумалъ Пандалевскій:—„испортитъ онъ этихъ мальчишекъ.... Совершенный мужикъ!“

И, съ удовольствіемъ окинувъ взглядомъ свою собственную опрятную и изящную фигурку, Константинъ Діомидычъ ударилъ раза два растопыренными пальцами по рукаву сюртука, встряхнулъ воротникомъ и отправился далѣе. Вернувшись къ себѣ въ комнату, онъ надѣлъ старенькій халатъ и съ озабоченнымъ лицомъ сѣлъ за фортепіано.

II.

Домъ Дарьи Михайловны Ласунской считался чуть ли не первымъ по всей ....ой губерніи. Огромный, каменный, сооруженный по рисункамъ Растрелли во вкусѣ прошедшаго столѣтія, онъ величественно возвышался на вершинѣ холма, у подошвы котораго протекала одна изъ главныхъ рѣкъ средней Россіи. Сама Дарья Михайловна была знатная и богатая барыня, вдова тайнаго совѣтника. Хотя Пандалевскій и разсказывалъ про нее, что она знаетъ всю Европу, да и Европа ее знаетъ!—однако, Европа ее знала мало; даже въ Петербургѣ она важной роли не играла; за то въ Москвѣ ее всѣ знали и ѣздили къ ней. Она принадлежала къ высшему свѣту и слыла за женщину нѣсколько странную, не совсѣмъ добрую, но чрезвычайно умную. Въ

молодости она была очень хороша собою. Поэты писали ей стихи, молодые люди въ нее влюблялись, важные господа волочились за ней. Но съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двадцать-пять или тридцать, и прежнихъ прелестей не осталось и слѣда. „Неужели, спрашивалъ себя невольно всякій, кто только видѣлъ ее въ первый разъ,—неужели эта худенькая, желтенькая, востроносая и еще не старая женщина была когда-то красавицей? Неужели это она, та самая, о которой бряцали лиры?... И всякій внутренно удивлялся перемѣнчивости всего земного. Правда, Пандалевскій находилъ, что у Дарьи Михайловны удивительно сохранились ея великолѣпные глаза; но вѣдь тотъ же Пандалевскій утверждалъ, что ее вся Европа знаетъ.

Дарья Михайловна пріѣзжала каждое лѣто къ себѣ въ деревню съ своими дѣтьми (у нея ихъ было трое: дочь Наталья, семнадцати лѣтъ, и два сына, десяти и девяти лѣтъ) и жила открыто, то-есть принимала мужчинъ, особенно холостыхъ; провинціальныхъ барынь она терпѣть не могла. За то и доставалось же ей отъ этихъ барынь! Дарья Михайловна, по ихъ словамъ, была и горда, и безнравственна, и тиранка страшная; а главное—она позволяла себѣ такія вольности въ разговорѣ, что ужасти! Дарья Михайловна, дѣйствительно, не любила стѣснять себя въ деревнѣ, и въ свободной простотѣ ея обхожденія замѣчался легкій оттѣнокъ презрѣнія столичной львицы къ окружавшимъ ее, довольно темнымъ и мелкимъ существамъ.... Она и съ городскими знакомыми обходилась очень развязно, даже насмѣшливо; но оттѣнка презрѣнія не было.

Кстати, читатель: замѣтили ли вы, что человѣкъ, необыкновенно разсѣянный въ кружкѣ подчиненныхъ, никогда не бываетъ разсѣянъ съ лицами высшими? Отчего бы это? Впрочемъ, подобные вопросы ни къ чему не ведутъ.

Когда Константинъ Діомидычъ, вытвердивъ, наконецъ,

тальберховскій этюдъ, спустился изъ своей чистой и веселенькой комнаты въ гостиную, онъ уже засталъ все домашнее общество собраннымъ. *Салонъ* уже начался. На широкой кушеткѣ, подобравъ подъ себя ноги и вертя въ рукахъ новую французскую брошюру, расположилась хозяйка; у окна, за пяльцами, сидѣли: съ одной стороны, дочь Дарьи Михайловны, а съ другой m-lle Boncourt — гувернантка, старая и сухая дѣва лѣтъ шестидесяти, съ накладкой черныхъ волосъ подъ разноцвѣтнымъ чепцомъ и хлопчатой бумагой въ ушахъ; въ углу, возлѣ двери, помѣстился Басистовъ и читалъ газету; подлѣ него Петя и Ваня играли въ шашки, а прислонясь къ печкѣ и заложивъ руки за спину, стоялъ господинъ небольшого роста, взъерошенный и сѣдой, съ смуглымъ лицомъ и бѣглыми черными глазками—нѣкто Африканъ Семенычъ Нигасовъ.

Странный человѣкъ былъ этотъ господинъ Нигасовъ. Озлобленный противу всего и всѣхъ — особенно противъ женщинъ—онъ бранился съ утра до вечера, иногда очень мѣтко, иногда довольно тупо, но всегда съ наслажденіемъ. Раздражительность его доходила до ребячества; его смѣхъ, звукъ его голоса, все его существо казалось пропитаннымъ желчью. Дарья Михайловна охотно принимала Нигасова: онъ потѣшалъ ее своими выходками. Онѣ, точно, были довольно забавны. Все преувеличивать было его страстью. Напримѣръ: о какомъ бы несчастьѣ при немъ ни говорили—разсказывали ли ему, что громомъ зажгло деревню, что вода прорвала мельницу, что мужикъ себѣ топоромъ руку отрубилъ —онъ всякій разъ съ сосредоточеннымъ ожесточеніемъ спрашивалъ:—„А какъ ее зовутъ?“ то-есть, какъ зовутъ женщину, отъ которой произошло то несчастіе, потому что, по его увѣреніямъ, всякому несчастію причиной женщина, стóитъ только хорошенько вникнуть въ дѣло. Онъ однажды бросился на колѣни передъ почти незнакомой ему барыней, которая приставала къ не-

му съ угощеніемъ, и началъ слезно, но съ написанной на лицѣ яростью умолять ее, чтобы она его пощадила, что онъ ничѣмъ передъ ней не провинился и впередъ у ней никогда не будетъ. Разъ лошадь помчала подъ-гору одну изъ прачекъ Дарьи Михайловны, опрокинула ее въ ровъ и чуть не убила. Нигасовъ съ тѣхъ поръ иначе не называлъ эту лошадь, какъ „добрый, добрый конекъ“, а самую гору и ровъ находилъ чрезвычайно живописными мѣстами. Нигасову въ жизни не повезло —онъ эту дуру и напустилъ на себя. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его занималъ разныя мелкія должности, едва зналъ грамотѣ и не заботился о воспитаніи сына: кормилъ, одѣвалъ его—и только. Мать его баловала, но скоро умерла. Нигасовъ самъ себя воспиталъ, самъ опредѣлилъ себя въ уѣздное училище, потомъ въ гимназію, выучился языкамъ французскому, нѣмецкому и даже латинскому, и выйдя изъ гимназіи съ отличнымъ аттестатомъ, отправился въ Дерптъ, гдѣ постоянно боролся съ нуждою, но выдержалъ трехгодичный курсъ до конца. Способности Нигасова не выходили изъ разряда обыкновенныхъ; терпѣніемъ и настойчивостью онъ отличался, но особенно сильно было въ немъ чувство честолюбія, желаніе попасть въ хорошее общество, не отстать отъ другихъ, на зло судьбѣ. Онъ и учился прилежно, и въ дерптскій университетъ поступилъ изъ честолюбія. Бѣдность сердила его и развила въ немъ наблюдательность и лукавство. Онъ выражался своеобразно: онъ съ молоду присвоилъ себѣ особый родъ желчнаго и раздражительнаго краснорѣчія. Мысли его не возвышались надъ общимъ уровнемъ; а говорилъ онъ такъ, что могъ казаться не только умнымъ, но даже очень умнымъ человѣкомъ. Получивъ степень кандидата, Нигасовъ рѣшился посвятить себя ученому званію: онъ понялъ, что на всякомъ другомъ поприщѣ онъ бы никакъ не могъ угнаться за своими товарищами (онъ старался выбирать ихъ изъ высшаго круга и

умѣлъ къ нимъ подлѣзаться, даже льстилъ имъ, хотя все ругался). Но тутъ въ немъ, говоря попросту, матеріала не хватило. Самоучка не изъ любви къ наукѣ, Нигасовъ въ сущности зналъ слишкомъ мало. Онъ жестоко провалился на диспутѣ, между тѣмъ, какъ живший съ нимъ въ одной комнатѣ другой студентъ, надъ которымъ онъ постоянно смѣялся, человѣкъ весьма ограниченный, но получивший правильное и прочное воспитаніе, восторжествовалъ вполнѣ. Неудача эта взбѣсила Нигасова: онъ бросилъ въ огонь всѣ свои книги и тетради и поступилъ на службу. Сначала дѣло шло недурно: чиновникъ онъ былъ хоть куда, не очень распорядительный, за то крайне самоувѣренный и бойкій; но ему захотѣлось поскорѣе выскочить въ люди—онъ запутался, споткнулся и принужденъ былъ выйдти въ отставку. Года три просидѣлъ онъ у себя въ благоприобрѣтенной деревенькѣ и вдругъ женился на богатой, полуобразованной помѣщицѣ, которую поймалъ на удочку своихъ развязныхъ и насмѣшливыхъ манеръ. Но нравъ Нигасова уже слишкомъ раздражился и окисъ; онъ тяготился семейной жизнью... Жена его, пожившъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, уѣхала тайкомъ въ Москву и продала какому-то ловкому аферисту свое имѣніе, а Нигасовъ только-что построилъ въ немъ усадьбу. Потрясенный до основанія этимъ послѣднимъ ударомъ, Нигасовъ затѣялъ-было тяжбу съ женою, но ничего не выигралъ... Онъ доживалъ свой вѣкъ одиноко, разъѣзжалъ по сосѣдямъ, которыхъ бранилъ за глаза и даже въ глаза, и которые принимали его съ какимъ-то напряженнымъ полухохотомъ, хотя серьезнаго страха онъ имъ не внушалъ, — и никогда книги въ руки не бралъ. У него было около ста душъ; мужики его не бѣдствовали.

— А! Constantin! проговорила Дарья Михайловна, какъ только Нандалевскій вошелъ въ гостиную:—Alexandrine будетъ?

— Александра Павловна велѣла васъ благодарить и за особенное удовольствіе себѣ поставляютъ, выразилъ Константинъ Діомидычъ, пріятно раскланиваясь на всѣ стороны и прикасаясь толстой, но бѣлой ручкой съ ногтями, остриженными треугольникомъ, къ превосходно причесаннымъ волосамъ.

— И Волынцевъ тоже будетъ?

— И они-съ.

— Такъ какъ же, Африканъ Семенычъ, продолжала Дарья Михайловна, обратясь къ Пигасову:—по вашему, всѣ барышни неестественны?

У Пигасова губы скрутились на бокъ, и онъ нервически задергалъ локтемъ.

— Я говорю, началъ онъ неторопливымъ голосомъ — онъ въ самомъ сильномъ припадкѣ ожесточенія говорилъ медленно и отчетливо:—я говорю, что барышни вообще— о присутствующихъ, разумѣется, я умалчиваю....

— Но это не мѣшаетъ вамъ и о нихъ думать, перебила Дарья Михайловна.

— Я о нихъ умалчиваю, повторилъ Пигасовъ.—Всѣ барышни вообще неестественны въ высшей степени—неестественны въ выраженіи чувствъ своихъ. Испугается ли, напримѣръ, барышня, обрадуется ли чему, или опечалится, она непремѣнно сперва придастъ тѣлу своему какой-нибудь этакій изящный изгибъ (и Пигасовъ пребезобразно вытянулъ свои станъ и оттопырилъ руки) и потомъ ужъ крикнетъ: ахъ! или засмѣется, или заплачетъ. Мнѣ, однако (и тутъ Пигасовъ самодовольно улыбнулся), удалось-таки добиться однажды истиннаго, неподдѣльнаго выраженія ощущенія отъ одной замѣчательно неестественной барышни!

— Какимъ это образомъ?

Глаза Пигасова засверкали.

— Я ее хватилъ въ бокъ осиновымъ коломъ сзади. Она

какъ взвизгнетъ, а я ей: браво! браво! Вотъ это голосъ природы, это былъ естественный крикъ... Вы и впередъ всегда такъ поступайте!

Всѣ въ комнатѣ засмѣялись.

— Что вы за пустяки говорите, Африканъ Семенычъ! воскликнула Дарья Михайловна.—Повѣрю ли я, что вы станете дѣвушку толкать коломъ въ бокъ!

— Ей-Богу, коломъ, пребольшимъ коломъ, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются при защитѣ крѣпостей.

— Mais c'est une horreur ce que vous dites là, monsieur, возопила m-lle Boncourt, грозно посматривая на расхохотавшихся дѣтей.

— Да не вѣрьте ему, промолвила Дарья Михайловна:—развѣ вы его не знаете?

Но негодующая француженка долго не могла успокоиться и все что то бормотала себѣ подъ носъ.

— Вы можете мнѣ не вѣрить, продолжалъ хладнокровнымъ голосомъ Пигасовъ:—но я утверждаю, что я сказалъ сущую правду. Кому-жъ это знать, коли не мнѣ? Послѣ этого вы, пожалуй, также не повѣрите, что наша сосѣдка Чепузова, Елена Антоновна, сама, замѣтьте—сама, мнѣ разсказала, какъ она уморила своего роднаго племянника?

— Вотъ еще выдумали!

— Позвольте, позвольте! Выслушайте и судите сами. Замѣтьте, я на нее клеветать не желаю, я ее даже люблю, на сколько то-есть можно любить женщину; у ней во всемъ домѣ нѣтъ ни одной книги, кромѣ календаря, и читать она не можетъ иначе, какъ вслухъ—чувствуетъ отъ этого упражненія испарину и жалуется потомъ, что у ней глаза пупомъ полѣзли..... Словомъ, женщина она хорошая, и горничныя у ней толстыя. Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?

— Ну! замѣтила Дарья Михайловна:—взобрался Афри-

кашъ Семенычъ на своего конька—теперь не слѣзетъ съ него до вечера.

— Мой конекъ.... А у женщинъ ихъ цѣлыхъ три, съ которыхъ онѣ никогда не слѣзаютъ—развѣ когда спятъ.

— Какіе же это три конька?

— Попрекъ, намекъ, и упрекъ.

— Знаете ли что, Африканъ Семенычъ, начала Дарья Михайловна:—вы не даромъ такъ озлоблены на женщинъ. Какая-нибудь, должно быть, васъ....

— Обидѣла, вы хотите сказать? перебилъ ее Пигасовъ.

Дарья Михайловна немного смутилась: она вспомнила о несчастномъ бракѣ Пигасова.... и только головой кивнула.

— Меня одна женщина точно обидѣла, промолвилъ Пигасовъ:—хоть и добрая была, очень добрая....

— Кто же это такая?

— Мать моя, произнесъ Пигасовъ, понизивъ голосъ.

— Ваша мать? Чѣмъ же она могла васъ обидѣть!

— А тѣмъ, что родила....

Дарья Михайловна наморщила брови.

— Мнѣ кажется, заговорила она: — разговоръ нашъ принимаетъ невеселый оборотъ.... Constantin, сыграйте намъ новый этюдъ Тальберга.... Авось, звуки музыки укротятъ Африкана Семеныча. Орфей укрощалъ же дикихъ звѣрей.

Константинъ Діомидычъ сѣлъ за фортепіано и сыгралъ этюдъ весьма удовлетворительно. Сначала Наталья Алексѣевна слушала со вниманіемъ, потомъ опять принялась за работу.

— Mersi, c'est charmant, промолвила Дарья Михайловна:—люблю Тальберга. Il est si distingué. Что вы задумались, Африканъ Семенычъ?

— Я думалъ, началъ медленно Пигасовъ:—что есть три разряда эгоистовъ: эгоисты, которые сами живутъ и жить

дають другимъ: эгоисты, которые сами живутъ и не дають жить другимъ; наконецъ эгоисты, которые и сами не живутъ, и другимъ не дають.... Женщины, бо́льшею частію, принадлежать къ третьему разряду.

— Какъ это любезно! Одному я только удивляюсь, Африканъ Семенычъ, какая у васъ самоувѣренность въ сужденіяхъ; точно вы никогда ошибиться не можете.

— Кто говоритъ! и я ошибаюсь: мужчина тоже можетъ ошибаться. Но знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Не знаете? Вотъ какая: мужчина можетъ, напримѣръ, сказать, что дважды-два не четыре, а пять или три съ половиною: а женщина скажетъ, что дважды-два—стеариновая свѣчка.

— Я уже это, кажется, слышала отъ васъ.... Но позвольте спросить, какое отношеніе имѣетъ ваша мысль о трехъ родахъ эгоистовъ къ музыкѣ, которую вы сейчасъ слышали?

— Никакого, да я и не слушалъ музыки.

— Ну, „ты, батюшка, я вижу, неисправимъ, хоть брось“, возразила Дарья Михайловна, слегка искажая Грибоѣдовскій стихъ.—Что́ же вы любите, коли вамъ и музыка не нравится? литературу, что ли?

— Я литературу люблю, да только не нынѣшнюю.

— Почему!

— А вотъ почему. Я недавно переѣзжалъ черезъ Оку на паромѣ съ какимъ то барономъ. Паро́мъ присталъ къ крутому мѣсту: надо было втаскивать экипажи на рукахъ. У барина была коляска претяжёлая. Пока перевозчики надсаживались, втаскивая коляску на берегъ, баринъ такъ кряхтѣлъ, стоя на паромѣ, что даже жалко его становилось.... Вотъ, подумалъ я, новое примѣненіе системы раздѣленія работъ! Такъ и нынѣшняя литература: другіе везутъ, дѣло дѣлаютъ, а она кряхтитъ.

Дарья Михайловна улыбнулась.

— И это называется воспроизведеніемъ современнаго быта, продолжалъ неутомимый Пигасовъ: — глубокимъ сочувствіемъ къ общественнымъ вопросамъ и еще какъ-то.... Охъ, ужъ эти мнѣ громкія слова!

— А вотъ женщины, на которыхъ вы такъ нападаете—тѣ, по-крайней-мѣрѣ, не употребляютъ громкихъ словъ.

Пигасовъ пожалъ плечомъ.

— Не употребляютъ, потому что онѣ не умѣютъ.

Дарья Михайловна слегка покраснѣла.

— Вы начинаете дерзости говорить, Африканъ Семенычъ! замѣтила она съ принужденной улыбкой.

Все затихло въ комнатѣ.

— Гдѣ это Золотоноша? спросилъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ у Басистова.

— Въ Полтавской губерніи, мой милѣйшій, подхватилъ Пигасовъ:—въ самой Хохландіи. (Онъ обрадовался случаю перемѣнить разговоръ).—Вотъ, мы толковали о литературѣ, продолжалъ онъ:—если-бъ у меня были лишнія деньги, я бы сейчасъ сдѣлался малороссійскимъ поэтомъ.

— Это что́ еще? хорошъ поэтъ! возразила Дарья Михайловна:—развѣ вы знаете по малороссійски!

— Нимало; да оно и не нужно.

— Какъ не нужно?

— Да такъ же, не нужно. Стоитъ только взять листъ бумаги и написать наверху: „Дума“: потомъ начать такъ: „гой, ты доля моя, доля!“ или: „сѣде казачино Наливайко на курганѣ!“ а тамъ: „по-пидъ горо́ю, по-пидъ зелено́ю, грае, грае воронае, гонъ! гонъ!“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. И дѣло въ шляпѣ. Печатай и издавай. Малоросъ прочтетъ, подопретъ рукою щеку и непремѣнно заплачетъ,—такая чувствительная душа!

— Помилуйте! воскликнулъ Басистовъ. — Что вы это такое говорите? Это ни съ чѣмъ несообразно. Я жилъ въ

Малороссіи, люблю ее и языкъ ея знаю.... „грае, грае воронае“ совершенная безсмыслица.

— Можетъ быть, а хохолъ все-таки заплачетъ. Вы говорите: языкъ.... Да развѣ существуетъ малороссійскій языкъ? Я попросилъ разъ одного хохла перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: „грамматика есть искусство правильно читать и писать“. Знаете, какъ онъ это перевелъ: „храматика е выскуство правыльно чытаты и пысаты“.... Что-жъ, это языкъ, по вашему? самостоятельный языкъ? Да скорѣй, чѣмъ съ этимъ согласиться, я готовъ позволить лучшаго своего друга истолочь въ ступѣ....

Басистовъ хотѣлъ возражать.

— Оставьте его, промолвила Дарья Михайловна: — вѣдь вы знаете, отъ него кромѣ парадоксовъ ничего не услышишь.

Пигасовъ язвительно улыбнулся. Лакей вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Александры Павловны и ея брата.

Дарья Михайловна встала на встрѣчу гостямъ.

— Здравствуйте, Alexandrine! заговорила она, подходя къ ней:—какъ вы умно сдѣлали, что пріѣхали.... Здравствуйте, Сергѣй Павлычъ!

Волынцевъ пожалъ Дарьѣ Михайловнѣ руку и подошелъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ.

— А что, этотъ баронъ, вашъ новый знакомый, пріѣдетъ сегодня? спросилъ Пигасовъ.

— Да, пріѣдетъ.

— Онъ, говорятъ, великій философъ: такъ Гегелемъ и брызжетъ.

Дарья Михайловна ничего не отвѣчала, усадила Александру Павловну на кушетку и сама помѣстилась возлѣ нея.

— Философія, продолжалъ Пигасовъ:—высшая точка зрѣнія! Вотъ еще смерть моя: эти высшія точки зрѣнія.

И что́ можно увидать сверху? Небось, коли захочешь лошадь купить, не съ калачи на нее смотрѣть станешь!

— Вамъ этотъ баронъ хотѣлъ привезти статью какую-то? спросила Александра Павловна.

— Да, статью, отвѣчала съ преувеличенною небрежностью Дарья Михайловна: — объ отношеніяхъ торговли къ промышленности въ Россіи.... Но не бойтесь: мы ее здѣсь читать не станемъ.... я васъ не за тѣмъ позвала. Le baron est aussi aimable que savant. И такъ хорошо говоритъ по-русски! C'est un vrai torrent.... il vous entraine.

— Такъ хорошо по-русски говорить, проворчалъ Пигасовъ:—что заслуживаетъ французской похвалы.

— Поворните еще, Африканъ Семенычъ, поворните.... Это очень идетъ къ вашей взъерошенной прическѣ.... Однако, что же онъ не ѣдетъ? Знаете-ли что́, messieurs et mesdames, прибавила Дарья Михайловна, взглянувъ кругомъ:—пойдемте въ садъ.... До обѣда еще около часу осталось, а погода славная....

Все общество поднялось и отправилось въ садъ.

Садъ у Дарьи Михайловны доходилъ до самой рѣки. Въ немъ было много старыхъ липовыхъ аллей, золотисто-темныхъ и душистыхъ, съ изумрудными просвѣтами по концамъ, много бесѣдокъ изъ акацій, и сирени.

Волынцевъ вмѣстѣ съ Натальей и m-lle Boncourt забрались въ самую глушь сада. Волынцевъ шелъ рядомъ съ Натальей и молчалъ. M-lle Boncourt слѣдовала немного поодаль.

— Что же вы дѣлали сегодня? спросилъ наконецъ Волынцевъ, подергивая концы своихъ прекрасныхъ темно-русыхъ усовъ.

Онъ чертами лица очень походилъ на сестру: но въ выраженіи ихъ было меньше игры и жизни, и глаза его красивые и ласковые, глядѣли какъ-то грустно.

— Да ничего, отвѣчала Наталья:—слушала, какъ Пигасовъ бранится, вышивала по канвѣ, читала.

— А что́ такое вы читали?

— Я читала.... исторію крестовыхъ походовъ, проговорила Наталья съ небольшой запинкой.

Волынцевъ посмотрѣлъ на нее.

— А! произнесъ онъ наконецъ: — это должно быть интересно.

Онъ сорвалъ вѣтку и началъ вертѣть ей по воздуху. Они прошли еще шаговъ двадцать.

— Что это за баронъ, съ которымъ ваша матушка познакомилась? спросилъ опять Волынцевъ.

— Камеръ-юнкеръ, пріѣзжій; папаш его очень хвалитъ.

— Ваша матушка способна увлекаться.

— Это доказываетъ, что она еще очень молода сердцемъ, замѣтила Наталья.

— Да. Я скоро пришлю вамъ вашу лошадь. Она уже почти совсѣмъ выѣзжена. Мнѣ хочется, чтобы она съ мѣста поднимала въ галопъ, и я этого добьюсь.

— Mercі.... Однако, мнѣ совѣстно. Вы сами ее выѣзжаете.... это, говорятъ, очень трудно.

— Чтобы доставить вамъ малѣйшее удовольствіе, вы знаете, Наталья Алексѣевна, я готовъ.... я.... и не такіе пустяки....

Волынцевъ замялся.

Наталья дружелюбно взглянула на него и еще разъ сказала: mercі.

— Вы знаете, продолжалъ Сергѣй Павлычъ послѣ долгаго молчанья:—что нѣтъ такой вещи.... Но къ чему я это говорю? вѣдь вы все знаете!

Въ это мгновеніе въ домъ прозвенѣлъ колоколъ.

— Ah! la cloche du diner! воскликнула m-lle Boncourt:—rentrons.

„Quel dommage", подумала про себя старая француженка, взбираясь на ступеньки балкона вслѣдъ за Волынцевымъ и Натальей: — quel dommage que ce charmant garçon ait si peu de ressources dans la conversation.... что по-русски можно такъ—перевести: ты, мой милый, милъ, но плохъ немножко.

Баронъ къ обѣду не пріѣхалъ. Его прождали съ полчаса. Разговоръ за столомъ не клеился. Сергѣй Павлычъ только посматривалъ на Наталью, возлѣ которой сидѣлъ, и усердно наливалъ ей воды въ стаканъ. Пандалевскій тщетно старался занять сосѣдку свою, Александру Павловну: онъ весь закипалъ сладостью, а она чуть не зѣвала.

Басистовъ катал шарики изъ хлѣба и ни о чемъ не думалъ; даже Пигасовъ молчалъ и, когда Дарья Михайловна замѣтила ему, что онъ очень не любезенъ сегодня, угрюмо отвѣтилъ: когда же я бываю любезнымъ? Это не мое дѣло.... И, усмѣхнувшись горько, прибавилъ: — потерпите маленько. Вѣдь я квасъ, du prostoï русскій квасъ; а вотъ вашъ камеръ-юнкеръ....

— Браво! воскликнула Дарья Михайловна.—Пигасовъ ревнуетъ, заранѣе ревнуетъ!

Но Пигасовъ ничего не отвѣтилъ ей и только посмотрѣлъ изъ подлобья.

Пробило семь часовъ и всѣ опять собрались въ гостиную.

— Видно, не будетъ, сказала Дарья Михайловна....

Но вотъ, раздался стукъ экипажа, небольшой тарантасъ въѣхалъ на дворъ, и черезъ нѣсколько мгновеній лакей вошелъ въ гостиную и подалъ Дарьѣ Михайловнѣ письмо на серебряномъ блюдечкѣ. Она пробѣжала его до конца и, обратясь къ лакею, спросила:

— А гдѣ же господинъ, который привезъ это письмо?

— Въ экипажѣ сидитъ-съ. Прикажете принять-съ?

— Проси.

Лакей вышелъ.

— Вообразите, какая досада, продолжала Дарья Михайловна:—баронъ получилъ предписаніе тотчасъ вернуться въ Петербургъ. Онъ прислалъ мнѣ свою статью съ однимъ господиномъ Рудинымъ, своимъ пріятелемъ. Баронъ хотѣлъ мнѣ его представить—онъ очень его хвалилъ. Но какъ это досадно! я надѣялась, что баронъ поживетъ здѣсь....

— Дмитрій Николаевичъ Рудинъ, доложилъ лакей.

III.

Вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, курчавый, смуглый, съ лицомъ неправильнымъ, но выразительнымъ и умнымъ, съ живымъ блескомъ въ быстрыхъ, темно-синихъ глазахъ, съ прямымъ, широкимъ носомъ и красиво очерченными губами. Платье на немъ было не ново и узко, словно онъ изъ него выросъ.

Онъ проворно подошелъ къ Дарьѣ Михайловнѣ, поклонясь коротким поклономъ, сказалъ ей, что онъ давно желалъ имѣть честь представиться ей, и что пріятель его, баронъ, очень сожалѣетъ о томъ, что не могъ проститься лично.

Тонкій звукъ голоса Рудина не соотвѣтствовалъ его росту и его широкой груди.

— Садитесь.... очень рада, промолвила Дарья Михайловна и, познакомивъ его со всѣмъ обществомъ, спросила, здѣшній ли онъ, или заѣзжій.

— Мое имѣніе въ Т*****ой губерніи, отвѣчалъ Рудинъ, держа шляпу на колѣняхъ:—а здѣсь я недавно. Я пріѣхалъ по дѣлу и поселился пока въ вашемъ уѣздномъ городѣ.

— У кого?

— У доктора. Онъ мой старинный товарищъ по университету.

— А! у доктора.... Его хвалятъ. Онъ, говорятъ, свое дѣло разумѣетъ. А съ барономъ вы давно знакомы?

— Я нынѣшней зимой въ Москвѣ съ нимъ встрѣтился и теперь провелъ у него около недѣли.

— Онъ очень умный человѣкъ—баронъ.

— Да-съ.

Дарья Михайловна понюхала узелокъ носового платка, напитанный одеколономъ.

— Вы служите? спросила она.

— Кто? я-съ?

— Да.

— Нѣтъ.... Я въ отставкѣ.

Наступило небольшое молчаніе. Общій разговоръ возобновился.

— Позвольте полюбопытствовать, началъ Нигасовъ, обратясь къ Рудину:—вамъ извѣстно содержаніе статьи, присланной господиномъ барономъ?

— Извѣстно.

— Статья эта трактуетъ объ отношеніяхъ торговли.... или нѣтъ, бишь, промышленности къ торговлѣ въ нашемъ отечествѣ.... Такъ, кажется, вы изволили выразиться, Дарья Михайловна?

— Да, она объ этомъ....—проговорила Дарья Михайловна и приложила руку ко лбу.

— Я, конечно, въ этихъ дѣлахъ судья плохой, продолжалъ Нигасовъ:—но я долженъ сознаться, что мнѣ самое заглавіе статьи кажется чрезвычайно.... какъ бы это сказать поделикатнѣе?.... чрезвычайно темнымъ и запутаннымъ.

— Почему же оно вамъ такъ кажется?

Нигасовъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ исподлобья на Дарью Михайловну.

— А вамъ оно ясно? проговорилъ онъ, снова обративъ свое лисье личико къ Рудину.

— Мнѣ? Ясно.

— Гм.... Конечно, это вамъ лучше знать.

— У васъ голова болитъ? спросила Александра Павловна Дарью Михайловну.

— Нѣтъ. Это у меня такъ.... C'est nerveux.

— Позвольте полюбопытствовать, заговорилъ опять носовымъ голоскомъ Пигасовъ:—вашъ знакомецъ, господинъ баронъ Муффель.... такъ, кажется, ихъ зовутъ?

— Точно такъ.

— Господинъ баронъ Муффель спеціально занимается политической экономіей, или только такъ, посвящаетъ этой интересной наукѣ часы досуга, остающагося среди свѣтскихъ удовольствій и занятій по службѣ?

Рудинъ пристально посмотрѣлъ на Пигасова.

— Баронъ въ этомъ дѣлѣ дилеттантъ, отвѣчалъ онъ, слегка краснѣя:—но въ его статьѣ много справедливаго и любопытнаго.

— Не могу спорить съ вами, не зная статьи.... Но смѣю спросить, сочиненіе вашего пріятеля, барона Муффеля, вѣроятно, болѣе придерживается общихъ разсужденій, нежели фактовъ?

— Въ немъ есть и факты, и разсужденія, основанныя на фактахъ.

— Такъ-съ, такъ съ. Доложу вамъ, по моему мнѣнію.... а я могу-таки, при случаѣ, свое слово молвить: я три года въ Деритѣ выжилъ.... всѣ эти, такъ-называемыя, общія разсужденія, гипотезы тамъ, системы.... извините меня, я провинціалъ, правду-матку рѣжу прямо.... никуда не годятся. Это все одно умствованіе—этимъ только людей морочатъ. Передавайте, господа, факты, и будетъ съ васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! возразилъ Рудинъ.—Ну, а смыслъ фактовъ передавать слѣдуетъ?

— Общія разсужденія, продолжалъ Пигасовъ:—смерть моя эти общія разсужденія, обозрѣнія, заключенія. Все это основано на такъ-называемыхъ убѣжденіяхъ, всякій толкуетъ о своихъ убѣжденіяхъ, и еще уваженія къ нимъ требуетъ, носится съ ними.... Эхъ!

И Пигасовъ потрясъ кулакомъ въ воздухѣ. Пандалевскій разсмѣялся.

— Прекрасно! промолвилъ Рудинъ: — стало-быть, по вашему, убѣжденій нѣтъ?

— Нѣтъ—и не существуетъ.

— Это ваше убѣжденіе?

— Да.

— Какъ-же вы говорите, что ихъ нѣтъ? Вотъ вамъ уже одно на первый случай.

Всѣ въ комнатѣ улыбнулись и переглянулись.

— Позвольте, позвольте, однако, началъ-было Пигасовъ....

Но Дарья Михайловна захлопала въ ладоши, воскликнула: браво, браво, разбитъ Пигасовъ, разбитъ! и тихонько вынула шляпу изъ рукъ Рудина.

— Погодите радоваться, сударыня: успѣете! заговорилъ съ досадой Пигасовъ.—Недостаточно сказать, съ видомъ превосходства, острое словцо: надобно доказать, опровергнуть.... Мы отбились отъ предмета спора.

— Позвольте, хладнокровно замѣтилъ Рудинъ:—дѣло очень просто. Вы не вѣрите въ пользу общихъ разсужденій, вы не вѣрите въ убѣжденія....

— Не вѣрю, не вѣрю, ни во что́ не вѣрю!

— Очень хорошо. Вы скептикъ.

— Не вижу необходимости употреблять такое ученое слово. Впрочемъ....

— Не перебивайте же! вмѣшалась Дарья Михайловна.

— „Кусь, кусь, кусь!“ сказалъ про себя въ это мгновенье Пандалевскій и весь осклабился.

— Это слово выражаетъ мою мысль, продолжалъ Рудинъ. Вы его понимаете: отчего же не употреблять его? Вы ни во что́ не вѣрите... Почему же вѣрите вы въ факты?

— Какъ почему? вотъ прекрасно! Факты—дѣло извѣстное, всякій знаетъ, что́ такое факты.... Я сужу о нихъ по опыту, по собственному чувству.

— Да развѣ чувство не можетъ обмануть васъ? Чувство вамъ говоритъ, что солнце вокругъ земли ходитъ.... или, можетъ быть, вы не согласны съ Коперникомъ? Вы и ему не вѣрите?

Улыбка опять промчалась по всѣмъ лицамъ, и глаза всѣхъ устремились на Рудина. „А онъ человѣкъ не глупый“, подумалъ каждый.

— Вы все изволите шутить, заговорилъ Нигасовъ.— Конечно, это очень оригинально, но къ дѣлу нейдетъ.

— Въ томъ, что́ я сказалъ до сихъ поръ, возразилъ Рудинъ:—къ сожалѣнію, слишкомъ мало оригинальнаго. Это все очень давно извѣстно и тысячу разъ было говорено. Дѣло не въ томъ....

— А въ чемъ же? спросилъ не безъ наглости Нигасовъ.

Въ споръ онъ сперва подтруниваль надъ противникомъ, потомъ становился грубымъ, а наконецъ дулся и умолкалъ.

— Вотъ въ чемъ, продолжалъ Рудинъ:—я, признаюсь, не могу не чувствувать искренняго сожалѣнія, когда умные люди при мнѣ нападаютъ....

— На системы? перебилъ Нигасовъ.

— Да, пожалуй, хоть на системы. Что́ васъ пугаетъ такъ это слово? Всякая система основана на знаніи основныхъ законовъ, началъ жизни...

— Да ихъ узнать, открыть ихъ нельзя.... помилуйте!

— Позвольте. Конечно, не всякому они доступны, и человѣку свойственно ошибаться. Однако, вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что, напримѣръ, Ньютонъ открылъ хо-

тя нѣкоторые изъ этихъ основныхъ законовъ. Онъ былъ геній, положимъ; но открытія геніевъ тѣмъ и велики, что становятся достояніемъ всѣхъ. Стремленіе къ отысканію общихъ началъ въ частныхъ явленіяхъ есть одно изъ коренныхъ свойствъ человѣческаго ума, и вся наша образованность....

— Вотъ вы куда съ! перебилъ растянутымъ голосомъ Нигасовъ.—Я практическій человѣкъ и во всѣ эти метафизическія тонкости не вдаюсь и не хочу вдаваться.

— Прекрасно! Это въ вашей волѣ. Но замѣтьте, что самое ваше желаніе быть исключительно практическимъ человѣкомъ есть уже своего рода система, теорія....

— Образованность, говорите вы! подхватилъ Нигасовъ: —вотъ еще чѣмъ удивить вздумали! Очень нужна она, эта хваленая образованность! Гроша мѣднаго не дамъ я за вашу образованность!

— Однако, какъ вы дурно спорите, Африканъ Семенычъ! замѣтила Дарья Михайловна, внутренно весьма довольная спокойствіемъ и изящной учтивостью новаго своего знакомца.—„C'est un homme comme il faut“, подумала она, съ доброжелательнымъ вниманіемъ взглянувъ въ лицо Рудину. „Надо его приласкать“. Эти послѣднія слова она мысленно произнесла по-русски.

— Образованность я защищать не стану, продолжалъ, помолчавъ немного, Рудинъ—она не нуждается въ моей защитѣ. Вы ея не любите.... у всякаго свой вкусъ. Притомъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко. Позвольте вамъ только напомнить старую поговорку: „Юпитеръ, ты сердишься: стало-быть, ты виноватъ“. Я хотѣлъ сказать, что всѣ эти нападенія на системы, на общія разсужденія и т. д. —потому особенно огорчительны, что, вмѣстѣ съ системами, люди отрицаютъ вообще знаніе, науку и вѣру въ нее, стало-быть, и вѣру въ самихъ себя, въ свои силы. А людямъ нужна эта вѣра: имъ нельзя жить одними впечат-

лѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался безплодностію и безсиліемъ....

— Это все слова! пробормоталъ Пигасовъ.

— Можетъ быть. Но позвольте вамъ замѣтить, что, говоря: „это все слова!“—мы часто сами желаемъ отдѣлаться отъ необходимости сказать что-нибудь подѣльнѣе одинихъ словъ.

— Чего-съ? спросилъ Пигасовъ и прищурилъ глаза.

— Вы поняли, что́ я хотѣлъ сказать вамъ, возразилъ съ невольнымъ, но тотчасъ сдержаннымъ нетерпѣніемъ, Рудинъ.—Повторяю, если у человѣка нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣритъ, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, ка́къ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ подробностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего народа? ка́къ можетъ онъ знать, что́ онъ долженъ самъ дѣлать, если....

— Честь и мѣсто! отрывисто проговорилъ Пигасовъ, поклонился и отошелъ въ сторону, ни на кого не глядя.

Рудинъ посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся слегка и умолкъ.

— Ага! обратился въ бѣгство! заговорила Дарья Михайловна.—Не безпокойтесь, Дмитрій.... Извините, прибавила она съ привѣтливой улыбкой:—какъ васъ по батюшкѣ.

— Николаичъ.

— Не безпокойтесь, любезный Дмитрій Николаичъ. Онъ никого изъ насъ не обманулъ. Онъ желаетъ показать видъ, что не *хочетъ* больше спорить.... Онъ чувствуетъ, что не *можетъ* спорить съ вами. А вы лучше присядьте-ка къ намъ поближе, да поболтаемте.

Рудинъ пододвинулъ свое кресло.

— Какъ это мы до сихъ поръ не познакомились? продолжала Дарья Михайловна. Это меня удивляетъ.... Читали-ли вы эту книгу? C'est de Tocqueville, vous savez!

И Дарья Михайловна протянула Рудину французскую брошюру.

Рудинъ взялъ тоненькую книжонку въ руки, перевернулъ въ ней нѣсколько страницъ и, положивъ ее обратно на столъ, отвѣчалъ, что собственно этого сочиненія г-на Токвиля онъ не читалъ, но часто размышлялъ о затронутомъ имъ вопросѣ. Разговоръ завязался. Рудинъ сперва какъ будто колебался, не рѣшался высказаться, не находилъ словъ, но наконецъ разгорѣлся и заговорилъ. Черезъ четверть часа одинъ его голосъ раздавался въ комнатѣ. Всѣ столпились въ кружокъ около него.

Одинъ Нигасовъ оставался въ отдаленіи, въ углу, подлѣ камина. Рудинъ говорилъ умно, горячо, дѣльно; выказалъ много знанія, много начитанности. Никто не ожидалъ найти въ немъ человѣка замѣчательнаго.... Онъ былъ такъ посредственно одѣтъ, о немъ такъ мало ходило слуховъ. Всѣмъ непонятно казалось и странно, какимъ это образомъ вдругъ, въ деревнѣ, могъ проявиться такой умница. Тѣмъ болѣе удивилъ онъ и, можно сказать, очаровалъ всѣхъ, начиная съ Дарьи Михайловны.... Она гордилась своей находкой и уже заранѣе думала о томъ, какъ она выведетъ Рудина въ свѣтъ. Въ первыхъ ея впечатлѣніяхъ было много почти дѣтскаго, несмотря на ея года. Александра Павловна, правду сказать, поняла мало изо всего, что́ говорилъ Рудинъ, но была очень удивлена и обрадована; братъ ея тоже дивился; Пандалевскій наблюдалъ за Дарьей Михайловной и завидовалъ; Нигасовъ думалъ: „дамъ пятьсотъ рублей — еще лучше соловья достану!“... Но больше всѣхъ были поражены Басистовъ и Наталья. У Басистова чуть дыханье не захватило; онъ сидѣлъ все время съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами — и слушалъ, слушалъ какъ отроду не слушалъ никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, непод-

внимательно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ, и заблисталъ....

— Какіе у него славные глаза! шепнулъ ей Волынцевъ.

— Да, хороши.

— Жаль только, что руки велики и красны.

Наталья ничего не отвѣчала.

Подали чай. Разговоръ сталъ болѣе общимъ, но уже по одной внезапности, съ которой всѣ замолкали, лишь только Рудинъ раскрывалъ ротъ, можно было судить о силѣ произведеннаго впечатлѣнія. Дарьѣ Михайловнѣ вдругъ захотѣлось подразнить Пигасова. Она подошла къ нему и вполголоса проговорила: „Что же вы молчите и только улыбаетесь язвительно? Попытайтесь-ка, схватитесь съ нимъ опять“, и не дождавшись его отвѣта, подозвала рукою Рудина.

— Вы про него еще одной вещи не знаете, сказала она ему, указывая на Пигасова:—онъ ужасный ненавистникъ женщинъ, безпрестанно нападаетъ на нихъ; пожалуйста, обратите его на путь истины.

Рудинъ посмотрѣлъ на Пигасова.... поневолѣ свысока: онъ былъ выше его двумя головами. Пигасова чуть не покоробило со злости, и желчное лицо его побѣднѣло.

— Дарья Михайловна ошибается, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ:—я не на однихъ женщинъ нападаю: я до человѣческаго рода не большой охотникъ.

— Что же вамъ могло дать такое дурное мнѣніе о немъ? спросилъ Рудинъ.

Пигасовъ глянулъ ему прямо въ глаза.

— Вѣроятно, изученіе собственнаго сердца, въ которомъ я съ каждымъ днемъ открываю все болѣе и болѣе дряни. Я сужу о другихъ по себѣ. Можетъ, быть это и несправедливо, и я гораздо хуже другихъ, но что прикажете дѣлать? привычка!

— Я васъ понимаю и сочувствую вамъ, возразилъ Ру-

динъ. Какая благородная душа не испытала жажда самоунижения? Но не слѣдуетъ останавливаться на этомъ безвыходномъ положеніи.

— Покорно благодарю за выдачу моей душѣ аттестата въ благородствѣ, возразилъ Пигасовъ:—а положеніе мое—ничего, недурно, такъ что если даже есть изъ него выходъ, то Богъ съ нимъ! я его искать не стану.

— Но это значитъ—извините за выраженіе—предпочитать удовлетвореніе своего самолюбія желанію быть и жить въ истинѣ....

— Да еще бы! воскликнулъ Пигасовъ: — самолюбіе—это и я понимаю, и вы, надѣюсь, понимаете, и всякій понимаетъ: а истина— что́ такое истина? Гдѣ она, эта истина?

— Вы повторяетесь, предупреждаю васъ, замѣтила Дарья Михайловна.

Пигасовъ поднялъ плечи.

— Такъ что-жъ за бѣда? Я спрашиваю: гдѣ истина! Даже философы не знаютъ, что́ она такое. Кантъ говоритъ: вотъ она, моль, что́; а Гегель—нѣтъ, врешь, она вотъ что́.

— А вы знаете, что́ говоритъ о ней Гегель? спросилъ, не возвышая голоса, Рудинъ.

— Я повторяю, продолжалъ разгорячившійся Пигасовъ:—что я не могу понять, что́ такое истина. Но моему, ея вовсе и нѣтъ на свѣтѣ, то-есть, слово-то есть, да самой вещи нѣтъ.

— Фи! фи! воскликнула Дарья Михайловна: — какъ вамъ не стыдно это говорить, старый вы грѣшникъ! Истины нѣтъ? Для чего же жить послѣ этого на свѣтѣ?

— Да ужъ я думаю, Дарья Михайловна, возразилъ съ досадой Пигасовъ: —что вамъ, во всякомъ случаѣ, легче было бы жить безъ истины, чѣмъ безъ вашего повара Степана, который такой мастеръ варить бульоны! И на что

вамъ истина, скажите на милость? вѣдь чепчика изъ нея сшить нельзя!

— Шутка не возраженіе, замѣтила Царья Михайловна;—особенно, когда сбивается на клевету....

— Не знаю, какъ истина, а правда, видно, глаза колетъ, пробормоталъ Пигасовъ и съ сердцемъ отошелъ въ сторону.

А Рудинъ заговорилъ о самолюбіи, и очень дѣльно заговорилъ. Онъ доказывалъ, что человѣкъ безъ самолюбія ничтоженъ, что самолюбіе—архимедовъ рычагъ, которымъ землю съ мѣста можно сдвинуть, но что, въ то же время, тотъ только заслуживаетъ названіе человѣка, кто умѣетъ овладѣть своимъ самолюбіемъ, какъ всадникъ конемъ, кто свою личность приноситъ въ жертву общему благу....

— Себялюбіе, такъ заключилъ онъ:—самоубійство. Себялюбивый человѣкъ засыхаетъ, словно одинокое, безплодное дерево; но самолюбіе, какъ дѣятельное стремленіе къ совершенству, есть источникъ всего великаго.... Да! человѣку надо надломить упорный эгоизмъ своей личности, чтобы дать ей право себя высказывать!

— Не можете ли вы одолжить мнѣ карандашика? обратился Пигасовъ къ Басистову.

Басистовъ не тотчасъ понялъ, что́ у него спрашивалъ Пигасовъ.

— Зачѣмъ вамъ карандашъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— Хочу записать вотъ эту послѣднюю фразу г. Рудина. Не записавъ, позабудешь, чего добраго! А согласитесь сами, такая фраза —все равно, что больной племъ въ сералашѣ.

— Есть вещи, надъ которыми смѣяться и трунить грѣшно, Африканъ Семенычъ! съ жаромъ проговорилъ Басистовъ, и отвернулся отъ Пигасова.

Между тѣмъ Рудинъ подошелъ къ Натальѣ. Она встала: лицо ея выразило замѣшательство.

Волынцевъ, сидѣвшій подлѣ нея, тоже всталъ.

— Я вижу фортепіано, началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ: не вы ли играете на немъ?

— Да, я играю, проговорила Наталья:—но не очень хорошо. Вотъ, Константинъ Діомидычъ гораздо лучше меня играетъ.

Пандалевскій выставилъ свое лицо и оскалилъ зубы.

— Напрасно вы это говорите, Наталья Алексѣевна: вы играете нисколько не хуже меня.

— Знаете-ли вы „Erlkönig“ Шуберта? спросилъ Рудинъ.

— Знать, знаетъ! подхватила Дарья Михайловна.— Садитесь, Constantin.... А вы любите музыку, Дмитрій Николаичъ?

Рудинъ только наклонилъ слегка голову и провелъ рукой по волосамъ, какъ бы готовясь слушать.... Пандалевскій заигралъ.

Наталья стала возлѣ фортепьяно, прямо напротивъ Рудина. Съ первымъ звуковъ лицо его приняло прекрасное выраженіе. Его темно-синіе глаза медленно блуждали, изрѣдка останавливаясь на Натальѣ. Пандалевскій кончилъ.

Рудинъ ничего не сказалъ и подошелъ къ раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленою надъ садомъ; дремотной свѣжестью дышали близкія деревья. Звѣзды тихо теплились. Лѣтняя ночь и нѣжилась, и нѣжила. Рудинъ поглядѣлъ въ темный садъ—и обернулся.

— Эта музыка и эта ночь, заговорилъ онъ:—напомнили мнѣ мое студенческое время въ Германіи: наши сходки, наши серенады....

— А вы были въ Германіи? спросила Дарья Михайловна.

— Я провелъ годъ въ Гейдельбергѣ и около года въ Берлинѣ.

— И одѣвались студентомъ? Говорятъ, они тамъ какъ-то особенно одѣваются.

— Въ Гейдельбергѣ я носилъ большіе сапоги со шпорами и венгерку со шнурками, и волосы отростилъ до самыхъ плечъ.... Въ Берлинѣ студенты одѣваются, какъ всѣ люди.

— Разскажите намъ что-нибудь изъ вашей студенческой жизни, промолвила Александра Павловна.

Рудинъ началъ разсказывать. Разсказывалъ онъ не совсѣмъ удачно. Въ описаніяхъ его недоставало красокъ. Онъ не умѣлъ смѣшить. Впрочемъ, Рудинъ отъ разсказовъ своихъ заграничныхъ похожденій скоро перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о значеніи просвѣщенія и науки, объ университетахъ и жизни университетской вообще. Широкими и смѣлыми чертами набросалъ онъ громадную картину. Всѣ слушали его съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ говорилъ мастерски, увлекательно, не совсѣмъ ясно.... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его рѣчамъ.

Обиліе мыслей мѣшало Рудину выражаться опредѣлительно и точно. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями. Не самодовольной изысканностью опытнаго говоруна—вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ: они сами послушно и свободно приходили къ нему на уста, и каждое слово, казалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ владѣлъ едва ли не высшей тайной—музыкой краснорѣчія. Онъ умѣлъ ударяя по одинъмъ струнамъ сердецъ, заставлять смутно звенѣть и дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь; но грудь его высоко поднималась, какія-то завѣсы разверзались передъ его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди.

Всѣ мысли Рудина казались обращенными въ будущее; это придавало имъ что-то стремительное и молодое.... Стоя у окна, не глядя ни на кого въ особенности, онъ говорилъ—и, вдохновенный общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, близостію молодыхъ женщинъ, красотою ночи, увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній, онъ возвысился до краснорѣчія, до поэзіи.... Самый звукъ его голоса, сосредоточенный и тихій, увеличивалъ обаяніе; казалось, его устами говорило что-то высшее, для него самого неожиданное.... Рудинъ говорилъ о томъ, что́ придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка.

— Помню я одну скандинавскую легенду, такъ кончилъ онъ:—царь сидитъ съ своими воинами въ темномъ и длинномъ сараѣ, вокругъ огня. Дѣло происходитъ ночью, зимой. Вдругъ небольшая птичка влетаетъ въ раскрытыя двери и вылетаетъ въ другія. Царь замѣчаетъ, что эта птичка—какъ человѣкъ въ мірѣ: прилетѣла изъ темноты и улетѣла въ темноту, и недолго побыла въ теплѣ и свѣтѣ.... „Царь“—возражаетъ самый старый изъ воиновъ:—„птичка и во тьмѣ не пропадетъ и гнѣздо свое сыщетъ“.... Точно, наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается черезъ людей. Сознаніе быть орудіемъ тѣхъ высшихъ силъ должно замѣнить человѣку всѣ другія радости: въ самой смерти найдетъ онъ свою жизнь, свое гнѣздо....

Рудинъ остановился и потупилъ глаза съ улыбкой невольнаго смущенія.

— Vous êtes un poète, вполголоса проговорила Дарья Михайловна.

И всѣ съ ней внутренно согласились,—всѣ, исключая Пигасова. Не дождавшись конца длинной рѣчи Рудина, онъ тихонько взялъ шляпу и, уходя, озлобленно прошепталъ стоявшему близъ двери Пандалевскому:

— Нѣтъ! поѣду къ дуракамъ.

Впрочемъ никто его не удерживалъ и не замѣтилъ его отсутствія.

Люди внесли ужинъ, и полчаса спустя, всѣ разъѣхались и разошлись. Дарья Михайловна упросила Рудина остаться ночевать. Александра Павловна, возвращаясь съ братомъ домой въ каретѣ, нѣсколько разъ принималась ахать и удивляться необыкновенному уму Рудина. Волынцевъ соглашался съ ней, однако замѣтилъ, что онъ иногда выражается немного темно.... то-есть не совсѣмъ вразумительно, прибавилъ онъ, желая, вѣроятно, пояснить свою мысль; но лицо его омрачилось, и взглядъ, устремленный въ уголъ кареты, казался еще грустнѣе.

Пандалевскій, ложась спать и снимая свои вышитыя шелкомъ помочи, проговорилъ вслухъ: „очень ловкій человѣкъ!“ и вдругъ, сурово взглянувъ на своего казачка-камердинера, приказалъ ему выйти. Басистовъ цѣлую ночь не спалъ и не раздѣвался: онъ до самаго утра все писалъ письмо къ одному своему товарищу въ Москву, а Наталья хотя и раздѣлась, и легла въ постель, но тоже ни на минуту не уснула и не закрывала даже глазъ. Подперши голову рукою, она глядѣла пристально въ темноту; лихорадочно бились ея жилы, и тяжелый вздохъ часто приподнималъ ея грудь.

IV.

На другое утро, Рудинъ только-что успѣлъ одѣться, какъ явился къ нему человѣкъ отъ Дарьи Михайловны съ приглашеніемъ пожаловать къ ней въ кабинетъ и откушать съ ней чай. Рудинъ засталъ ее одну. Она очень любезно съ нимъ поздоровалась, освѣдомилась, хорошо ли онъ провелъ ночь, сама налила ему чашку чаю, спросила даже, довольно ли сахару, предложила ему напроску и раза два опять повторила, что удивляется, какъ она давно

съ нимъ не познакомилась. Рудинъ сѣлъ-было нѣсколько поодаль; но Дарья Михайловна указала ему на небольшое патé, стоявшее подлѣ ея кресла, и, слегка наклонясь въ его сторону, начала разспрашивать его объ его семействѣ, объ его намѣреніяхъ и предположеніяхъ. Дарья Михайловна говорила небрежно, слушала разсѣянно; но Рудинъ очень хорошо понималъ, что она ухаживала за нимъ, чуть не льстила ему. Не даромъ же она устроила это утреннее свиданіе, не даромъ одѣлась просто, но изящно, à la madame Récamier! Впрочемъ, Дарья Михайловна скоро перестала его разспрашивать: она начала ему разсказывать о себѣ, о своей молодости, о людяхъ, съ которыми она зналась. Рудинъ съ участіемъ внималъ ея разглагольствованіямъ, хотя—странное дѣло!—о какомъ бы лицѣ ни заговорила Дарья Михайловна, на первомъ планѣ оставалась все-таки она, она одна, а то лицо какъ-то скрадывалось и исчезало. За то, Рудинъ узналъ въ подробности, что́ именно Дарья Михайловна говорила такому-то извѣстному сановнику, какое она имѣла вліяніе на такого-то знаменитаго поэта. Судя по разсказамъ Дарьи Михайловны, можно было подумать, что всѣ замѣчательные люди послѣдняго двадцатипятилѣтія только о томъ и мечтали, какъ бы повидаться съ ней, какъ бы заслужить ея расположеніе. Она говорила о нихъ просто, безъ особенныхъ восторговъ и похвалъ, какъ о своихъ, называя иныхъ чудаками. Она говорила о нихъ, и, какъ богатая оправа вокругъ драгоцѣннаго камня, имена ихъ ложились блестящей каймой вокругъ главнаго имени—вокругъ Дарьи Михайловны....

А Рудинъ слушалъ, покуривая папироску, и молчалъ, лишь изрѣдка вставляя въ рѣчь разболтавшейся барыни небольшія замѣчанія. Онъ умѣлъ и любилъ говорить; вести разговоръ было не по немъ, но онъ умѣлъ также слушать. Всякій, кого онъ только не занугивалъ сначала, до-

вѣрчиво распускался въ его присутствіи; такъ охотно и одобрительно слѣдилъ онъ за нитью чужого разсказа. Въ немъ было много добродушія,—того особеннаго добродушія, которымъ исполнены люди, привыкшіе чувствовать себя выше другихъ. Въ спорахъ онъ рѣдко давалъ высказываться своему противнику и подавлялъ его своей стремительной и страстной діалектикой.

Дарья Михайловна изъяснялась по-русски. Она щеголяла знаніемъ роднаго языка, хотя галлицизмы, французскія словечки попадались у ней частенько. Она съ намѣреніемъ употребляла простые народные обороты, но не всегда удачно. Ухо Рудина не оскорблялось странной нестротою рѣчи въ устахъ Дарьи Михайловны, да и врядъ ли имѣлъ онъ на это—ухо.

Дарья Михайловна утомилась наконецъ и, приклонясь головой къ задней подушкѣ кресель, устремила глаза на Рудина и умолкла.

— Я теперь понимаю, началъ медленнымъ голосомъ Рудинъ,—я понимаю, почему вы каждое лѣто пріѣзжаете въ деревню. Вамъ этотъ отдыхъ необходимъ: деревенская тишина, послѣ столичной жизни, освѣжаетъ и укрѣпляетъ васъ. Я увѣренъ, что вы должны глубоко сочувствовать красотамъ природы.

Дарья Михайловна искоса посмотрѣла на Рудина.

— Природа.... да.... да, конечно.... я ужасно ее люблю; но знаете ли, Дмитрій Николаичъ, и въ деревнѣ нельзя безъ людей. А здѣсь почти никого нѣтъ. Пигасовъ самый умный человѣкъ здѣсь.

— Вчерашній сердитый старикъ? спросилъ Рудинъ.

— Да, этотъ.... Въ деревнѣ, впрочемъ, и онъ годится—хоть разсмѣшитъ иногда.

— Онъ человѣкъ не глупый, возразилъ Рудинъ: — но онъ на ложной дорогѣ. Я не знаю, согласитесь ли вы со мною, Дарья Михайловна, но въ отрицаніи въ отрица-

ній полномъ и всеобщемъ — нѣтъ благодати. Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стоите выше того, что́ отрицаете. А это часто неправда. Во-первыхъ, во всемъ можно сыскать пятна, а во-вторыхъ, если даже вы и дѣло говорите,—вамъ же хуже; вашъ умъ, направленный на одно отрицаніе, обѣдиѣетъ, сохнетъ. Удовлетворяя ваше самолюбіе, вы лишитесь истинныхъ наслажденій созерцанія; жизнь — сущность жизни—ускользаетъ отъ вашего мелкаго и желчнаго наблюденія, и вы кончите тѣмъ, что будете лаяться и смѣшить. Порицать, бранить имѣетъ право только тотъ, кто любитъ.

— Voilà m-r Pigassoff enterré, проговорила Дарья Михайловна. Какой вы мастеръ опредѣлять человѣка! Впрочемъ, Пигасовъ, вѣроятно, и не понялъ бы васъ. А любитъ онъ только собственную свою особу.

— И бранитъ ее для того, чтобы имѣть право бранить другихъ, подхватилъ Рудинъ.

Дарья Михайловна засмѣялась.

— Съ больной.... какъ это говорится.... съ больного на здороваго. Кстати, что вы думаете о баронѣ?

— О баронѣ? Онъ хорошій человѣкъ, съ добрымъ сердцемъ и знающій.... но въ немъ нѣтъ характера.... и онъ весь свой вѣкъ останется полу-ученымъ, полу-свѣтскимъ человѣкомъ, т. е. диллетантомъ, т. е., говоря безъ обиняковъ,—ничѣмъ.... А жаль!

— Я сама того же мнѣнія, возразила Дарья Михайловна. Я читала его статью.... Entre nous.... cela a assez peu de fond....

— Кто же еще у васъ тутъ есть? спросилъ, помолчавъ, Рудинъ.

Дарья Михайловна отряхнула пятымъ пальцемъ пепелъ съ пахитоски.

— Да больше почти никого нѣтъ. Лишина, Александра Павловна, которую вы вчера видѣли: она очень мила,—но и только. Братъ ея—тоже прекрасный человѣкъ, un parfait honnête homme. Князя Гарина вы знаете. Вотъ и всѣ. Есть еще два-три сосѣда, но тѣ уже совсѣмъ ничего. Либо ломаются—претензіи страшныя—либо дичатся, или ужъ не кстати развязны. Барынь я, вы знаете, не вижу. Есть еще одинъ сосѣдъ, очень, говорятъ, образованный, даже ученый человѣкъ, но чудакъ ужасный, фантазёръ. Alexandrine его знаетъ, и кажется, къ нему неравнодушна.... Вотъ, вамъ бы заняться ею, Дмитрій Николаичъ: это милое существо; ее надо только развить немножко, непремѣнно надо ее развить!

— Она очень симпатична, замѣтилъ Рудинъ.

— Совершенное дитя, Дмитрій Николаичъ, ребенокъ настоящій. Она была замужемъ, mais c'est tout comme.... Если-бъ я была мужчина, я только въ такихъ бы женщинъ влюблялась.

— Неужели?

— Непремѣнно. Такія женщины, по крайней мѣрѣ, свѣжи, а ужъ подъ свѣжесть поддѣлаться нельзя.

— А подо все другое можно? спросилъ Рудинъ и засмѣялся, что́ съ нимъ случалось очень рѣдко. Когда онъ смѣялся, лицо его принимало странное, почти старческое выраженіе, глаза сжились, носъ морщился....

— А кто же такой этотъ, какъ вы говорите, чудакъ, къ которому г-жа Лишина неравнодушна? спросилъ онъ.

— Нѣкто Лежневъ, Михайло Михайлычъ, здѣшній помѣщикъ.

Рудинъ изумился и поднялъ голову.

— Лежневъ. Михайло Михайлычъ? спросилъ онъ: — развѣ онъ сосѣдъ вашъ?

— Да. А вы его знаете?

Рудинъ помолчалъ.

— Я его зналъ прежде.... тому давно. Вѣдь онъ, кажется, богатый человѣкъ? прибавилъ онъ, пощипывая рукою бахрому кресла.

— Да, богатый, хотя одѣвается ужасно и ѣздитъ на бѣговыхъ дрожкахъ, какъ прикащикъ. Я желала залучить его къ себѣ: онъ, говорятъ, умепъ; у меня же съ нимъ дѣло есть.... Вѣдь, вы знаете, я сама распоряжаюсь моимъ имѣніемъ.

Рудинъ наклонилъ голову.

— Да, сама, продолжала Дарья Михайловна: — я никакихъ иностранныхъ глупостей не вожу, придерживаюсь своего, русскаго, и видите, дѣла, кажется, идутъ недурно, прибавила она, проведя рукой кругомъ.

— Я всегда былъ убѣжденъ, замѣтилъ вѣжливо Рудинъ:—въ крайней несправедливости тѣхъ людей, которые отказываютъ женщинамъ въ практическомъ смыслѣ.

Дарья Михайловна пріятно улыбнулась.

— Вы очень снисходительны, промолвила она:—но что бишь я хотѣла сказать? О чемъ мы говорили? Да! о Лежневѣ. У меня съ нимъ дѣло по размежеванію. Я его нѣсколько разъ приглашала къ себѣ, и даже сегодня я его жду; но онъ, Богъ его знаетъ, не ѣдетъ.... такой чудакъ!

Пологъ передъ дверью тихо распахнулся, и вошелъ дворецкій, человѣкъ высокаго роста, сѣдой и плѣшивый, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстухѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Что ты? спросила Дарья Михайловна и, слегка обратясь къ Рудину, прибавила вполголоса—n'est ce pas, comme il ressemble a Canning?

— Михайло Михайлычъ Лежневъ пріѣхали, доложилъ дворецкій:—прикажете принять?

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Дарья Михайловна:—вотъ легокъ на поминѣ. Проси!

Дворецкій вышелъ.

— Такой чудакъ, пріѣхалъ наконецъ, и то не кстати: нашъ разговоръ перервалъ.

Рудинъ поднялся съ мѣста; но Дарья Михайловна его остановила.

— Куда же вы? Мы можемъ толковать и при васъ. А я желаю, чтобы вы его опредѣлили, какъ Нигасова. Когда вы говорите, vous gravez comme avec un burin. Останьтесь.

Рудинъ хотѣлъ-было что-то сказать, но подумалъ и остался.

Михайло Михайлычъ, уже знакомый читателю, вошелъ въ кабинетъ. На немъ было то же сѣрое пальто, и въ загорѣлыхъ рукахъ онъ держалъ ту же старую фуражку. Онъ спокойно поклонился Дарьѣ Михайловнѣ и подошелъ къ чайному столу.

— Наконецъ-то вы пожаловали къ намъ, мосьё Лежневъ! проговорила Дарья Михайловна.—Прошу садиться. Вы, я слышала, знакомы, продолжала она, указывая на Рудина.

Лежневъ взглянулъ на Рудина и какъ-то странно улыбнулся.

— Я знаю господина Рудина, промолвилъ онъ съ небольшимъ поклономъ.

— Мы вмѣстѣ были въ университетѣ, замѣтилъ вполголоса Рудинъ и опустилъ глаза.

— Мы и послѣ встрѣчались, холодно проговорилъ Лежневъ.

Дарья Михайловна посмотрѣла съ нѣкоторымъ изумленіемъ на обоихъ и попросила Лежнева сѣсть. Онъ сѣлъ.

— Вы желали меня видѣть, началъ онъ: — на счетъ размежеванія?

— Да, на счетъ размежеванія, но я и такъ-таки желала васъ видѣть. Вѣдь мы близкіе сосѣди и чуть ли не съ родни.

— Очень вамъ благодаренъ, возразилъ Лежневъ:—что

же касается до размежеванія, то мы съ вашимъ управляющимъ совершенно покончили это дѣло: я на всѣ его предложенія согласенъ.

— Я это знала.

— Только онъ мнѣ сказалъ, что безъ личнаго свиданія съ вами бумаги подписать нельзя.

— Да; это у меня ужъ такъ заведено. Кстати, позвольте спросить, вѣдь у васъ, кажется, всѣ мужики на оброкѣ?

— Точно такъ.

— И вы сами хлопочете о размежеваніи? Это похвально.

Лежневъ помолчалъ.

— Вотъ, я и явился для личнаго свиданія, проговорилъ онъ.

Дарья Михайловна усмѣхнулась.

— Вижу, что явились. Вы говорите это такимъ тономъ.... Вамъ, должно быть, очень не хотѣлось ко мнѣ ѣхать.

— Я никуда не ѣзжу, возразилъ флегматически Лежневъ.

— Никуда? А къ Александрѣ Павловнѣ вы ѣздите?

— Я съ ея братомъ давно знакомъ.

— Съ ея братомъ! Впрочемъ, я никого не принуждаю... Но, извините меня, Михайло Михайлычъ, я старше васъ годами и могу васъ пожурить: что́ вамъ за охота жить этакимъ бирюкомъ? Или собственно *мой* домъ вамъ не нравится? я вамъ не нравлюсь?

— Я васъ не знаю, Дарья Михайловна, и потому вы мнѣ не нравиться не можете. Домъ у васъ прекрасный; но, признаюсь вамъ откровенно, я не люблю стѣснять себя. У меня и фрака порядочнаго нѣтъ; перчатокъ нѣтъ; да я и не принадлежу къ вашему кругу.

— По рожденію, по воспитанію, вы принадлежите къ нему. Михайло Михайлычъ! vous êtes des nôtres.

— Рожденіе и воспитаніе въ сторону, Дарья Михайловна! Дѣло не въ томъ....

— Человѣкъ долженъ жить съ людьми, Михайло Михайлычъ! Что́ за охота сидѣть, какъ Діогенъ въ бочкѣ?

— Во-первыхъ ему тамъ было очень хорошо, а во-вторыхъ, почему вы знаете, что я не съ людьми живу?

Дарья Михайловна закусила губы.

— Это другое дѣло! Мнѣ остается только сожалѣть о томъ, что я не удостоилась попасть въ число людей, съ которыми вы знаетесь.

— Мосьё Лежневъ, вмѣшался Рудинъ:—кажется преувеличиваетъ весьма похвальное чувство—любовь къ свободѣ.

Лежневъ ничего не отвѣтилъ и только взглянулъ на Рудина. Наступило небольшое молчаніе.

— Итакъ-съ, началъ Лежневъ, поднимаясь: — я могу считать наше дѣло покончennымъ и сказать вашему управляющему, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ бумаги.

— Можете.... хотя, признаться, вы такъ нелюбезны.... мнѣ бы слѣдовало отказать вамъ.

— Да вѣдь это размежеваніе гораздо выгоднѣе для васъ, чѣмъ для меня.

— Дарья Михайловна пожала плечами.

— Вы не хотите даже позавтракать у меня? спросила она.

— Покорно васъ благодарю: я никогда не завтракаю, да и тороплюсь домой.

Дарья Михайловна встала.

— Я васъ не удерживаю, промолвила она, подходя къ окну:—не смѣю васъ удерживать.

Лежневъ началъ раскланиваться.

— Прощайте, мосьё Лежневъ! Извините, что обезпокоила васъ.

— Ничего, помилуйте, возразилъ Лежневъ и вышелъ.

— Каковъ? спросила Дарья Михайловна у Рудина.—Я слыхала про него, что онъ чудакъ; но вѣдь ужъ это изъ рукъ вонъ!

— Онъ страдаетъ той же болѣзнью, какъ и Пигасовъ, проговорилъ Рудинъ:—желаньемъ быть оригинальнымъ. Тотъ прикидывается Мефистофелемъ, этотъ—циникомъ. Во всемъ этомъ много эгоизма, много самолюбія и мало истины, мало любви. Вѣдь это тоже своего рода разсчетъ: надѣлъ на себя человѣкъ маску равнодушія и лѣни, авось, молъ, кто-нибудь подумаетъ: вотъ человѣкъ, сколько талантовъ въ себѣ погубилъ! А поглядѣть попристальнѣе—и талантовъ-то въ немъ никакихъ нѣтъ.

— Et de deux! промолвила Дарья Михайловна. — Вы ужасный человѣкъ на опредѣленія. Отъ васъ не скроешься.

— Вы думаете? промолвилъ Рудинъ.... Впрочемъ, продолжалъ онъ:—по настоящему, мнѣ бы не слѣдовало говорить о Лежневѣ; я его любилъ, любилъ, какъ друга.... но потомъ, вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній....

— Вы разсорились?

— Нѣтъ. Но мы разстались, и разстались, кажется, навсегда.

— То-то, я замѣтила, вы во все время его посѣщенія были какъ будто не по себѣ.... Однако, я весьма вамъ благодарна за сегодняшнее утро. Я чрезвычайно пріятно провела время. Но надо же и честь знать. Отпускаю васъ до завтрака, а сама иду заниматься дѣлами. Мой секретарь, вы его видѣли—Constantin, c'est lui qui est mon sécrétaire —должно быть, уже ждетъ меня. Рекомендую его вамъ: онъ прекрасный, преуслужливый молодой человѣкъ, и въ совершеномъ восторгѣ отъ васъ. До свиданія, cher Дмитрій Николаичъ! Какъ я благодарна барону за то, что онъ познакомилъ меня съ вами!

И Дарья Михайловна протянула Рудину руку. Онъ

сперва пожалъ ее, потомъ поднесъ къ губамъ и вышелъ въ залу, а изъ залы на террасу. На террасѣ онъ встрѣтилъ Наталью.

V.

Дочь Дарьи Михайловны, Наталья Алексѣевна, съ перваго взгляда могла не понравиться. Она еще не успѣла развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ея лица были красивы и правильны, хотя слишкомъ велики для семнадцатилѣтней дѣвушки. Особенно хорошъ былъ ея чистый и ровный лобъ надъ тонкими, какъ бы надломленными по серединѣ бровями. Она говорила мало, слушала и глядѣла внимательно, почти пристально,—точно она себѣ во всемъ хотѣла дать отчетъ. Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лицѣ ея выражалась тогда внутренняя работа мыслей.... Едва замѣтная улыбка появится вдругъ на губахъ и скроется; большіе, темные глаза тихо подымутся.... Qu'avez vous? спроситъ ее m-lle Boncourt и начнетъ бранить ее, говоря, что молодой дѣвицѣ неприлично задумываться и принимать разсѣянный видъ. Но Наталья не была разсѣянна: напротивъ, она училась прилежно; читала и работала охотно. Она чувствовала глубоко и сильно, но тайно; она и въ дѣтствѣ рѣдко плакала, а теперь даже вздыхала рѣдко, и только блѣднѣла слегка, когда что-нибудь ее огорчало. Мать ее считала добронравной, благоразумной дѣвушкой, называла ее въ шутку: mon honnête homme de fille, но не была слишкомъ высокаго мнѣнія объ ея умственныхъ способностяхъ. „Наташа у меня, къ счастью, холодна — говаривала она — не въ меня.... тѣмъ лучше. Она будетъ счастлива". Дарья Михайловна ошибалась. Впрочемъ, рѣдкая мать понимаетъ дочь свою.

Наталья любила Дарью Михайловну и не вполнѣ ей довѣряла.

— Тебѣ нечего отъ меня скрывать, сказала ей однажды Дарья Михайловна: —а то бы ты скрытничала: ты таки себѣ на умѣ....

Наталья поглядѣла матери въ лицо и подумала: „для чего же не быть себѣ на умѣ?“

Когда Рудинъ встрѣтилъ ее на террасѣ, она вмѣстѣ съ m-lle Boncourt шла въ комнату, чтобы надѣть шляпу и отправиться въ садъ. Утреннія ея занятія уже кончились. Наталью перестали держать, какъ дѣвочку, m-lle Boncourt давно уже не давала ей уроковъ изъ миѳологіи и географіи; но Наталья должна была каждое утро читать историческія книги, путешествія и другія назидательныя сочиненія—при ней. Выбирала ихъ Дарья Михайловна, будто бы придерживаясь особой, своей системы. На самомъ дѣлѣ, она просто передавала Натальѣ все, что ей присылалъ французъ-книгопродавецъ изъ Петербурга, исключая, разумѣется, романовъ Дюма́-фиса и Коми. Эти романы Дарья Михайловна читала сама. M-lle Boncourt особенно строго и кисло посматривала черезъ очки свои, когда Наталья читала историческія книги: по понятіямъ старой француженки, вся исторія была наполнена непозволительными вещами, хотя она сама изъ великихъ мужей древности знала, почему-то только одного Камбиза, а изъ новѣйшихъ временъ—Людовика XIV и Наполеона, котораго терпѣть не могла. Но Наталья читала и такія книги, существованія которыхъ m-lle Boncourt не подозрѣвала: она знала наизусть всего Пушкина....

Наталья слегка покраснѣла при встрѣчѣ съ Рудинымъ.

— Вы идете гулять? спросилъ онъ ее.

— Да. Мы идемъ въ садъ.

— Можно идти съ вами?

Наталья взглянула на m-lle Boncourt.

— Mais certainement, monsieur, avec plaisir, поспѣшно проговорила старая дѣва.

Рудинъ взялъ шляпу и пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Натальѣ было сперва неловко идти рядомъ съ Рудинымъ по одной дорожкѣ; потомъ ей немного легче стало. Онъ началъ разспрашивать ее о ея занятіяхъ, о томъ, какъ ей нравится деревня. Она отвѣчала не безъ робости, но безъ той торопливой застѣнчивости, которую такъ часто и выдаютъ, и принимаютъ за стыдливость. Сердце у ней билось.

— Вы не скучаете въ деревнѣ? спросилъ Рудинъ, окидывая ее боковымъ взоромъ.

— Какъ можно скучать въ деревнѣ? Я очень рада, что мы здѣсь. Я здѣсь очень счастлива.

— Вы счастливы.... Это великое слово. Впрочемъ, это понятно: вы молоды.

Рудинъ произнесъ это послѣднее слово какъ-то странно: не то онъ завидовалъ Натальѣ, не то онъ сожалѣлъ о ней.

— Да! молодость! прибавилъ онъ.—Вся цѣль науки—дойти сознательно до того, что́ молодости дается даромъ.

Наталья внимательно посмотрѣла на Рудина: она не поняла его.

— Я сегодня цѣлое утро разговаривалъ съ вашей матушкой, продолжалъ онъ:—она необыкновенная женщина. Я понимаю, почему всѣ наши поэты дорожили ея дружбой. А вы любите стихи? прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

„Онъ меня экзаменуетъ“, подумала Наталья и промолвила:—да, очень люблю.

— Поэзія —языкъ боговъ. Я самъ люблю стихи. Но не въ однихъ стихахъ поэзія: она разлита вездѣ, она вокругъ насъ.... Взгляните на эти деревья, на это небо—отовсюду вѣетъ красотою и жизнью; а гдѣ красота и жизнь, тамъ и поэзія.

— Сядемте здѣсь, на скамью, продолжалъ онъ.—Вотъ такъ. Мнѣ почему-то кажется, что когда вы попривыкне-

те ко мнѣ (и онъ съ улыбкой посмотрѣлъ ей въ лицо), мы будемъ пріятели съ вами. Какъ вы полагаете?

„Онъ обращается со мной, какъ съ дѣвочкой", подумала опять Наталья и, не зная, что́ сказать, спросила его, долго ли онъ намѣренъ остаться въ деревнѣ.

— Все лѣто, осень, а можетъ быть и зиму. Я, вы знаете, человѣкъ очень небогатый; дѣла мои разстроены, да и притомъ, мнѣ уже наскучило таскаться съ мѣста на мѣсто. Пора отдохнуть.

Наталья изумилась.

— Неужели вы находите, что вамъ пора отдыхать? спросила она робко.

Рудинъ повернулся лицомъ къ Натальѣ.

— Что́ вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, возразила она съ нѣкоторымъ смущеніемъ:—что отдыхать могутъ другіе; а вы.... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ. Кому же, какъ не вамъ....

— Благодарю за лестное мнѣніе, перебилъ ее Рудинъ.—Быть полезнымъ.... легко сказать! (Онъ провелъ рукою по лицу). Быть полезнымъ! повторилъ онъ. — Если-бъ даже было во мнѣ твердое убѣжденіе: какъ я могу быть полезнымъ?—если-бъ я даже вѣрилъ въ свои силы —гдѣ найти искреннія, сочувствующія души?...

И Рудинъ такъ безнадежно махнулъ рукою и такъ печально поникъ головою, что Наталья невольно спросила себя: полно, его ли восторженныя, дышащія надеждой, рѣчи она слышала наканунѣ?

— Впрочемъ, нѣтъ, прибавилъ онъ, внезапно встряхнувъ своей львиной гривой: — это вздоръ, и вы правы. Благодарю васъ, Наталья Алексѣевна, благодарю васъ искренно. (Наталья рѣшительно не знала, за что онъ ее благодаритъ). Ваше одно слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу.... Да, я долженъ дѣйствовать.

Я не должен скрывать свой талантъ, если онъ у меня есть; я не должен растрачивать свои силы на одну болтовню пустую, безполезную болтовню, на одѣ слова....

И слова его полились рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно—о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками, доказывалъ, что разсуждать напередъ о томъ, что́ хочешь сдѣлать, такъ же вредно, какъ накалывать булавкой наливающійся плодъ, что это только напрасная трата силъ и соковъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ благородной мысли, которая бы не нашла себѣ сочувствія, что непонятными остаются только тѣ люди, которые либо еще сами не знаютъ, чего хотятъ, либо не сто́ятъ того, чтобы ихъ понимали. Онъ говорилъ долго, и окончилъ тѣмъ, что еще разъ поблагодарилъ Наталью Алексѣевну и совершенно неожиданно стиснулъ ей руку, промолвивъ:—Вы прекрасное, благородное существо!

Эта вольность поразила m-lle Boncourt, которая, несмотря на сорокалѣтнее пребываніе въ Россіи, съ трудомъ понимала по-русски и только удивлялась красивой быстротѣ и плавности рѣчи въ устахъ Рудина. Впрочемъ, онъ въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста; а отъ подобнаго рода людей, по ея понятіямъ, невозможно было требовать соблюденія приличій.

Она встала, и порывисто поправивъ на себѣ платье, объявила Натальѣ, что пора идти домой, тѣмъ болѣе, что monsieur Volinsoff (такъ она называла Волынцева) хотѣлъ быть къ завтраку.

— Да вотъ и онъ! прибавила она, взглянувъ въ одну изъ аллей, ведущихъ отъ дому.

Дѣйствительно, Волынцевъ показался не вдалекѣ.

Онъ подошелъ нерѣшительнымъ шагомъ, издали раскланялся со всѣми и, съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ обратясь къ Натальѣ, проговорилъ:

— А! вы гуляете?

— Да, отвѣчала Наталья,—мы уже шли домой.

— А! произнесъ Волынцевъ.—Чтожъ, пойдемте.

— И всѣ пошли къ дому.

— Какъ здоровье вашей сестры? спросилъ, какимъ-то особенно ласковымъ голосомъ, Рудинъ у Волынцева. Онъ и наканунѣ былъ очень съ нимъ любезенъ.

— Покорно благодарю. Она здорова. Она сегодня, можетъ быть, будетъ.... Вы, кажется, о чемъ-то разсуждали, когда я подошелъ!

— Да, у насъ былъ разговоръ съ Натальей Алексѣевной. Она мнѣ сказала одно слово, которое сильно на меня подѣйствовало....

Волынцевъ не спросилъ, какое это было слово, и всѣ въ глубокомъ молчаніи возвратились въ домъ Дарьи Михайловны.

Передъ обѣдомъ опять составился салонъ. Ишасовъ, однако, не пріѣхалъ. Рудинъ не былъ въ ударѣ; онъ все заставлялъ Пандалевскаго играть изъ Бетховена. Волынцевъ молчалъ и поглядывалъ на полъ. Наталья не отходила отъ матери, и то задумывалась, то принималась за работу. Басистовъ не спускалъ глазъ съ Рудина, все выжидая, не скажетъ ли онъ чего-нибудь умнаго? Такъ прошло часа три довольно однообразно. Александра Павловна не пріѣхала къ обѣду—и Волынцевъ, какъ только встали изъ-за стола, тотчасъ велѣлъ заложить свою коляску и ускользнулъ, не простясь ни съ кѣмъ.

Ему было тяжело. Онъ давно любилъ Наталью и все собирался сдѣлать ей предложеніе.... Она къ нему благоволила — но сердце ея оставалось спокойнымъ: онъ это ясно видѣлъ. Онъ и не надѣялся внушить ей чувство болѣе нѣжное и ждалъ только мгновенья, когда она совер-

шенно привыкнетъ къ нему, сблизится съ нимъ. Что же могло взволновать его? какую перемѣну замѣтилъ онъ въ эти два дня? Наталья обращалась съ нимъ точно такъ же, какъ и прежде....

Запала ли ему въ душу мысль, что онъ, быть можетъ, вовсе не знаетъ права Натальи, что она ему еще болѣе чужда, чѣмъ онъ думалъ, — ревность ли проснулась въ немъ, смутно ли почуялъ онъ что-то недоброе.... но только онъ страдалъ, какъ ни уговаривалъ самого себя.

Когда онъ вошелъ къ своей сестрѣ, у ней сидѣлъ Лежневъ.

— Что это ты такъ рано вернулся? спросила Александра Павловна.

— Такъ! соскучилось.

— Рудинъ тамъ?

— Тамъ.

Волынцевъ бросилъ фуражку и сѣлъ.

Александра Павловна съ живостью обратилась къ нему.

— Пожалуйста, Сережа, помоги мнѣ убѣдить этого упрямаго человѣка (она указала на Лежнева) въ томъ, что Рудинъ необыкновенно уменъ и краснорѣчивъ.

Волынцевъ промычалъ что-то.

— Да я нисколько съ вами не спорю, началъ Лежневъ,—я не сомнѣваюсь въ умѣ и краснорѣчіи г. Рудина; я говорю только, что онъ мнѣ не нравится.

— А ты его развѣ видѣлъ? спросилъ Волынцевъ.

— Видѣлъ сегодня поутру, у Дарьи Михайловны. Вѣдь *онъ* у ней теперь великимъ визиремъ. Придетъ время, она и съ нимъ разстанется—она съ однимъ Пандалевскимъ никогда не разстанется.—но теперь онъ царитъ. Видѣлъ его, какъ же! Онъ сидитъ—а она меня ему показываетъ: глядите, моль, батюшка, какіе у насъ водятся чудаки. Я не заводская лошадь—къ выводкѣ не привыкъ. Я взялъ, да уѣхалъ.

— Да зачѣмъ ты былъ у ней?

— По размежеванію; да это вздоръ: ей просто хотѣлось посмотрѣть на мою физіономію. Барыня — извѣстно!

— Васъ оскорбляетъ его превосходство—вотъ что! заговорила съ жаромъ Александра Павловна:—вотъ чего вы ему простить не можете. А я увѣрена, что, кромѣ ума, у него и сердце должно быть отличное. Вы взгляните на его глаза, когда онъ....

— „О честности высокой говорить“.... подхватилъ Лежневъ.

— Вы меня разсердите, и я запла́чу. Я отъ души сожалѣю, что не поѣхала къ Дарьѣ Михайловнѣ и осталась съ вами. Вы этого не сто́ите. Полноте дразнить меня, прибавила она жалобнымъ голосомъ.—Вы лучше разскажите мнѣ объ его молодости.

— О молодости Рудина?

— Ну, да. Вѣдь вы мнѣ сказали, что хорошо его знаете и давно съ нимъ знакомы.

Лежневъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Да, началъ онъ: — я его хорошо знаю. Вы хотите, чтобы я разсказалъ вамъ его молодость? Извольте. Родился онъ въ Т...вѣ, отъ бѣдныхъ помѣщиковъ. Отецъ его скоро умеръ. Онъ остался одинъ у матери. Она была женщина добрѣйшая и души въ немъ не чаяла: толокномъ одномъ питалась, и всѣ, какія были у ней, денежки употребляла на него. Получилъ онъ свое воспитаніе въ Москвѣ, сперва на счетъ какого-то дяди, а потомъ, когда онъ подросъ и оперился, на счетъ одного богатаго князька, съ которымъ сноха́лся.... ну, извините, не буду.... съ которымъ сдружился. Потомъ онъ поступилъ въ университетъ. Въ университетѣ я узналъ его и сошелся съ нимъ очень тѣсно. О нашемъ тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ я поговорю съ вами когда-нибудь послѣ. Теперь не могу. Потомъ онъ уѣхалъ за границу....

Лежневъ продолжалъ разхаживать по комнатѣ; Александра Павловна слѣдила за нимъ взоромъ.

— Изъ-за границы, продолжалъ онъ, — Рудинъ писалъ къ своей матери чрезвычайно рѣдко, и посѣтилъ ее всего одинъ разъ, дней на десять.... Старушка и скончалась безъ него, на чужихъ рукахъ; но до самой смерти не спускала глазъ съ его портрета. Я къ ней ѣзжалъ, когда проживалъ въ Т....вѣ. Добрая была женщина и прегостепріимная; вишневымъ вареньемъ, бывало, все меня потчивала. Она любила своего Митю безъ памяти. Господа Печоринской школы скажутъ вамъ, что мы всегда любимъ тѣхъ, которые сами мало способны любить: а *мнѣ* такъ кажется, что всѣ матери любятъ своихъ дѣтей, особенно отсутствующихъ. Потомъ, я встрѣтился съ Рудинымъ за границей. Тамъ къ нему одна барыня привязалась, изъ нашихъ русскихъ, синій чулокъ какой-то, уже не молодой и некрасивый, какъ оно и слѣдуетъ синему чулку. Онъ довольно долго съ ней возился, и наконецъ ее бросилъ.... или нѣтъ, виноватъ: она его бросила. И я тогда его бросилъ. Вотъ и все.

Лежневъ умолкъ, провелъ рукою по лбу и, словно усталый, опустился на кресло.

— А знаете ли что, Михайло Михайлычъ, начала Александра Павловна:—вы, я вижу, злой человѣкъ; право, вы не лучше Пигасова. Я увѣрена, что все, что вы сказали, правда, что вы ничего не присочинили, и между тѣмъ, въ какомъ непріязненномъ свѣтѣ вы все это представили! Эта бѣдная старушка, ея преданность, ея одинокая смерть, эта барыня.... Къ чему это все?... Знаете ли, что можно жизнь самаго лучшаго человѣка изобразить въ такихъ краскахъ — и ничего не прибавляя, замѣтьте — что всякій ужаснется! Вѣдь это тоже своего рода клевета!

Лежневъ всталъ и опять прошелся по комнатѣ.

— Я вовсе не желалъ заставить васъ ужаснуться, Александра Павловна, проговорилъ онъ наконецъ.—Я не клеветникъ. А впрочемъ, прибавилъ онъ, подумавъ немного:—дѣйствительно, въ томъ, что̀ вы сказали, есть доля правды. Я не клеветалъ на Рудина; но—кто знаетъ!—можетъ быть, онъ съ тѣхъ поръ успѣлъ измѣниться—можетъ быть, я несправедливъ къ нему.

— А! вотъ видите.... Такъ обѣщайте же мнѣ, что вы возобновите съ нимъ знакомство, узнаете его хорошенько и тогда уже выскажете мнѣ свое окончательное мнѣніе о немъ.

— Извольте.... Но что же ты молчишь, Сергѣй Павлычъ?

Волынцевъ вздрогнулъ и поднялъ голову, какъ будто его разбудили.

— Что̀ мнѣ говорить? Я его не знаю. Притомъ, у меня сегодня голова болитъ.

— Ты, точно, что-то блѣденъ сегодня, замѣтила Александра Павловна:—здоровъ ли ты?

— У меня голова болитъ, повторилъ Волынцевъ и вышелъ вонъ.

Александра Павловна и Лежневъ посмотрѣли ему въ слѣдъ и обмѣнялись взглядомъ, но ничего не сказали другъ другу. Ни для него, ни для нея не было тайной, что̀ происходило въ сердцѣ Волынцева.

VI.

Прошло два мѣсяца слишкомъ. Въ теченіи всего этого времени Рудинъ почти не выѣзжалъ отъ Дарьи Михайловны. Она не могла обойтись безъ него. Разсказывать ему о себѣ, слушать его разсужденія, стало для нея потребностью. Онъ, однажды, хотѣлъ уѣхать, подъ тѣмъ предлогомъ, что у него вышли всѣ деньги: она дала ему пять-

сотъ рублей. Онъ занялъ также у Волынцева рублей двѣсти. Нигасовъ гораздо рѣже прежняго посѣщалъ Дарью Михайловну: Рудинъ давилъ его своимъ присутствіемъ. Впрочемъ, давленіе это испытывалъ не одинъ Нигасовъ.

— Не люблю я этого умника, говаривалъ онъ:—выражается онъ неестественно, ни дать, ни взять, лицо изъ русской повѣсти: скажетъ: „я“, и съ умиленіемъ остановится.... „Я, моль, я....“ Слова употребляетъ все такія длинныя. Ты чихнешь,—онъ тебѣ сейчасъ станетъ доказывать, почему ты именно чихнулъ, а не кашлянулъ.... Хвалитъ онъ тебя—точно въ чинъ производитъ.... Начнетъ самого себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ—ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя понотчивалъ.

Пандалевскій побаивался Рудина и осторожно за нимъ ухаживалъ. Волынцевъ находился въ странныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Рудинъ называлъ его рыцаремъ, превозносилъ его, въ глаза и за глаза; но Волынцевъ не могъ полюбить его и всякій разъ чувствовалъ невольное нетерпѣніе и досаду, когда тотъ принимался въ его же присутствіи разбирать его достоинства. „Ужъ не смѣется ли онъ надо мною?“ думалъ онъ, и враждебно шевелилось въ немъ сердце. Волынцевъ старался переломить себя; но онъ ревновалъ его къ Натальѣ. Да и самъ Рудинъ, хотя всегда шумно привѣтствовалъ Волынцева, хотя называлъ его рыцаремъ и занималъ у него деньги, едва ли былъ къ нему расположенъ. Трудно было бы опредѣлить, что собственно чувствовали эти два человѣка, когда, стискивая по-пріятельски одинъ другому руки, они глядѣли другъ другу въ глаза....

Басистовъ продолжалъ благоговѣть передъ Рудинымъ и ловить на лету каждое его слово. Рудинъ мало обращалъ на него вниманія. Какъ-то, разъ, онъ провелъ съ нимъ цѣ-

лое утро, толковалъ съ нимъ о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ, и возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ; но потомъ онъ его бросилъ.... Видно, онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ. Съ Лежневымъ, который началъ ѣздить къ Дарьѣ Михайловнѣ, Рудинъ даже въ споръ не вступалъ и какъ будто избѣгалъ его. Лежневъ такъ же обходился съ нимъ холодно, а впрочемъ не высказывалъ своего окончательнаго мнѣнія о немъ, что́ очень смущало Александру Павловну. Она преклонялась передъ Рудинымъ; но и Лежневу она вѣрила. Всѣ въ домѣ Дарьи Михайловны покорялись прихоти Рудина: малѣйшія желанія его исполнялись. Порядокъ дневныхъ занятій отъ него зависѣлъ. Ни одна partie de plaisir не составлялась безъ него. Впрочемъ, онъ не большой былъ охотникъ до всякихъ внезапныхъ поѣздокъ и затѣй, и участвовалъ въ нихъ, какъ взрослые въ дѣтскихъ играхъ, съ ласковымъ и слегка скучающимъ благоволеніемъ. За то онъ входилъ во все: толковалъ съ Дарьей Михайловной о распоряженіяхъ по имѣнію, о воспитаніи дѣтей, о хозяйствѣ, вообще о дѣлахъ; выслушивалъ ея предположенія, не тяготился даже мелочами, предлагалъ преобразованія и нововведенія. Дарья Михайловна восхищалась ими на словахъ —и только. Въ дѣлѣ хозяйства она придерживалась совѣтовъ своего управляющаго, пожилого одноглазаго малоросса, добродушнаго и хитраго плута. — „Старенькое-то жирненько, молоденькое худенько“, говаривалъ онъ, спокойно ухмыляясь и подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ.

Послѣ самой Дарьи Михайловны Рудинъ ни съ кѣмъ такъ часто и такъ долго не бесѣдовалъ, какъ съ Натальей. Онъ тайкомъ давалъ ей книги, повѣрялъ ей свои планы, читалъ ей первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій.— Смыслъ ихъ часто оставался недоступнымъ для Натальи. Впрочемъ, Рудинъ, казалось, и не

очень заботился о томъ, чтобы она его понимала—лишь бы слушала его. Близость его съ Натальей была не совѣмъ понутру Дарьѣ Михайловнѣ. Но — думала она — пускай она съ нимъ поболтаетъ въ деревнѣ. Она забавляетъ его, какъ дѣвочка. Бѣды большой нѣтъ, а она все-таки поумнѣетъ.... Въ Петербургѣ я это все перемѣню....

Дарья Михайловна ошибалась. Не какъ дѣвочка болтала Наталья съ Рудинымъ: она жадно внимала его рѣчамъ, она старалась вникнуть въ ихъ значеніе; она повергала на судъ его свои мысли, свои сомнѣнія: онъ былъ ея наставникомъ, ея вождемъ. Пока—одна голова у ней кипѣла.... но молодая головка недолго кипитъ одна. Какія сладкія мгновенія переживала Наталья. когда, бывало, въ саду, на скамейкѣ, въ легкой, сквозной тѣни ясени, Рудинъ начнетъ читать ей гётевскаго Фауста, Гоффмана, или Письма Беттины, или Новалиса, безпрестанно останавливаясь и толкуя то, что̀ ей казалось темнымъ! Она по-нѣмецки говорила плохо, какъ почти всѣ наши барышни, но понимала хорошо. а Рудинъ былъ весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ, и увлекалъ ее за собой въ тѣ заповѣдныя страны. Невѣдомыя, прекрасныя. раскрывались онѣ передъ ея внимательнымъ взоромъ; со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивные образы, новыя, свѣтлыя мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу, и въ сердцѣ ея. потрясенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга....

— Скажите, Дмитрій Николаичъ, начала она однажды, сидя у окна за пяльцами:—вѣдь вы на зиму поѣдете въ Петербургъ?

– Не знаю. возразилъ Рудинъ, опуская на колѣни книгу, которую перелистывалъ:—если соберусь со средствами, поѣду.

Онъ говорилъ вяло: онъ чувствовалъ усталость и бездѣйствовалъ съ самаго утра.

— Мнѣ кажется, какъ не найти вамъ средства?

Рудинъ покачалъ головой.

— Вамъ такъ кажется!

И онъ значительно глянулъ въ сторону.

Наталья хотѣла было что-то сказать и удержалась.

— Посмотрите, началъ Рудинъ, и указалъ ей рукой въ окно:—видите вы эту яблоню: она сломилась отъ тяжести и множества своихъ собственныхъ плодовъ. Вѣрная эмблема генія....

— Она сломилась оттого, что у ней не было подпоры, возразила Наталья.

— Я васъ понимаю, Наталья Алексѣевна; но человѣку не такъ легко сыскать ее, эту подпору.

— Мнѣ кажется, сочувствіе другихъ.... во всякомъ случаѣ, одиночество....

Наталья немного запуталась и покраснѣла.

— И что вы будете дѣлать зимой въ деревнѣ? поспѣшно прибавила она.

— Что я буду дѣлать? Окончу мою большую статью—вы знаете—о трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ—я вамъ третьяго-дня планъ разсказывалъ—и пришлю ее вамъ?

— И напечатаете?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Для кого же вы будете трудиться?

— А хоть бы для васъ.

Наталья опустила глаза.

— Это не по моимъ силамъ, Дмитрій Николаичъ!

— О чемъ, позвольте спросить, статья? скромно спросилъ Басистовъ, сидѣвшій поодаль.

— О трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ, повторилъ Рудинъ.—Вотъ и г. Басистовъ прочтетъ. Впрочемъ, я не

совѣмъ еще сладилъ съ основною мыслью. Я до сихъ поръ еще не довольно уяснилъ самому себѣ трагическое значеніе любви.

Рудинъ охотно и часто говорилъ о любви. Сначала, при словѣ: любовь, m-lle Boncourt вздрагивала и навастривала уши, какъ старый полковой конь, заслышавшій трубу, но потомъ привыкла и только, бывало, съежитъ губы и съ разстановкой понюхаетъ табаку.

— Мнѣ кажется, робко замѣтила Наталья — трагическое въ любви—это несчастная любовь.

— Вовсе нѣтъ! возразилъ Рудинъ: — это скорѣе комическая сторона любви.... Вопросъ этотъ надобно совѣмъ иначе поставить.... надо поглубже зачерпнуть.... Любовь! продолжалъ онъ: — въ ней все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ. То является она вдругъ, несомнѣнная, радостная, какъ день, то долго тлѣетъ, какъ огонь подъ золой, и пробивается пламенемъ въ душѣ, когда уже все разрушено: то вопьется она въ сердце, какъ змѣя, то вдругъ выскользнетъ изъ него вонъ.... Да, да; это вопросъ важный. Да и кто любитъ въ наше время, кто дерзнетъ любить?

И Рудинъ задумался.

— Что это Сергѣя Павлыча давно не видать? спросилъ онъ вдругъ.

Наталья вздохнула и нагнула голову къ пяльцамъ.

— Не знаю, прошептала она.

— Какой это прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ! промолвилъ Рудинъ, вставая. — Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ настоящаго русскаго дворянина....

M-lle Boncourt посмотрѣла на него вкось своими французскими глазками.

Рудинъ прошелся по комнатѣ.

— Замѣтили ли вы, заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ: — что на дубъ — а дубъ крѣпкое дере-

во—старые листья только тогда отпадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?

— Да, медленно возразила Наталья:—замѣтила.

— Точно то же случается и съ старой любовью въ сильномъ сердцѣ: она уже вымерла, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить.

Наталья ничего не отвѣтила.

„Что это значитъ?“ подумала она.

Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился.

А Наталья пошла къ себѣ въ комнату. Долго сидѣла она въ недоумѣніи на своей кроватки, долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала. О чемъ она плакала—Богъ вѣдаетъ! Она сама не знала, отчего у ней такъ внезапно полились слезы. Она утирала ихъ; но онѣ бѣжали вновь, какъ вода изъ давно накопившагося родника.

VII.

Въ тотъ же самый день и у Александры Павловны происходилъ разговоръ о Рудинѣ съ Лежневымъ. Сперва онъ все отмалчивался; но она рѣшилась добиться толку.

— Я вижу, сказала она ему:—вамъ Дмитрій Николаевичъ, по прежнему, не нравится. Я нарочно до сихъ поръ васъ не разспрашивала; но вы теперь уже успѣли убѣдиться, произошла ли въ немъ перемѣна, и я желаю знать, почему онъ вамъ не нравится.

— Извольте, возразилъ съ обычной флегмой Лежневъ:—коли ужъ вамъ такъ не терпится; только, смотрите, не сердитесь....

— Ну, начинайте, начинайте.

— И дайте мнѣ выговорить все до конца.

— Извольте, извольте, начинайте.

— И такъ-съ, началъ Лежневъ, медлительно опускаясь

на диванъ:—доложу вамъ, мнѣ Рудинъ, дѣйствительно, не нравится. Онъ умный человѣкъ....

— Еще бы!

— Онъ замѣчательно умный человѣкъ, хотя въ сущности пустой....

— Это легко сказать!

— Хотя въ сущности пустой, повторилъ Лежневъ:—но это еще не бѣда: всѣ мы пустые люди. Я даже не ставлю въ вину ему то, что онъ деспотъ въ душѣ, лѣнивъ, не очень свѣдущъ....

Александра Павловна всплеснула руками.

— Не очень свѣдущъ! Рудинъ! воскликнула она.

— Не очень свѣдущъ, точно тѣмъ же голосомъ повторилъ Лежневъ:—любитъ пожить на чужой счетъ, разыгрывать роль, и такъ далѣе.... это все въ порядкѣ вещей. Но дурно то, что онъ холоденъ, какъ лёдъ.

— Онъ, эта пламенная душа, холоденъ! перебила Александра Павловна.

— Да, холоденъ, какъ лёдъ, и знаетъ это, и прикидывается пламеннымъ. Худо то, продолжалъ Лежневъ, постепенно оживляясь:—что онъ играетъ опасную игру,—опасную не для него, разумѣется: самъ конѣйки, волоска не ставитъ на карту—а другіе ставятъ душу....

— О комъ, о чемъ вы говорите? я васъ не понимаю, проговорила Александра Павловна.

— Худо то, что онъ не честенъ. Вѣдь онъ умный человѣкъ: онъ долженъ же знать цѣну словъ своихъ,—а произносить ихъ такъ, какъ будто они ему что-нибудь стоятъ.... Спору нѣтъ, онъ краснорѣчивъ; только краснорѣчіе его не русское. Да и, наконецъ, красно говорить простительно юношѣ, а въ его года стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться!

— Мнѣ кажется, Михайло Михайлычъ, для слушателя все равно, рисуетесь ли вы или нѣтъ....

— Извините, Александра Павловна, не все равно. Иной скажетъ мнѣ слово, меня всего пройметъ, другой то же самое слово скажетъ, или еще красивѣе,—я и ухомъ не поведу. Отчего это?

— То-есть *вы* не поведете, перебила Александра Павловна.

— Да, не поведу, возразилъ Лежневъ:—хотя, можетъ быть, у меня и большія уши. Дѣло въ томъ, что слова Рудина такъ и остаются словами, и никогда не станутъ поступкомъ—а между тѣмъ, эти самыя слова могутъ смутить, погубить молодое сердце.

— Да о комъ, о комъ вы говорите, Михайло Михайлычъ?

Лежневъ остановился.

— Вы желаете знать, о комъ я говорю? О Натальѣ Алексѣевнѣ.

Александра Павловна смутилась на мгновеніе, но тотчасъ же усмѣхнулась.

— Помилуйте, начала она:—какія у васъ всегда странныя мысли! Наталья еще ребенокъ; да, наконецъ, если-бъ что нибудь и было, неужели вы думаете, что Дарья Михайловна....

— Дарья Михайловна, во-первыхъ, эгоистка и живетъ для себя; а во-вторыхъ, она такъ увѣрена въ своемъ умѣньѣ воспитывать дѣтей, что ей и въ голову не приходитъ безпокоиться о нихъ. Фи! какъ можно! одно мгновенье, одинъ величественный взглядъ—и все пойдетъ, какъ по ниточкѣ. Вотъ что́ думаетъ эта барыня, которая и меценаткой себя воображаетъ, и умницей, и Богъ знаетъ чѣмъ, а на дѣлѣ она больше ничего, какъ свѣтская старушонка. А Наталья не ребенокъ: она, повѣрьте, чаще и глубже размышляетъ, чѣмъ мы съ вами. И надобно же, чтобы этакая честная, страстная и горячая натура наткнулась на такого актера, на такую кокетку! Впрочемъ, и это въ порядкѣ вещей.

— Кокетка! Это вы его называете кокеткой?

— Конечно его.... Ну, скажите сами, Александра Павловна, что за роль его у Дарьи Михайловны? Быть идоломъ, оракуломъ въ домѣ, вмѣшиваться въ распоряженія, въ семейныя сплетни и дрязги — неужели это достойно мужчины?

Александра Павловна съ изумленіемъ посмотрѣла Лежневу въ лицо.

— Я не узнаю васъ, Михайло Михайлычъ, проговорила она. Вы покраснѣли, вы пришли въ волненіе.—Право, тутъ что-нибудь должно скрываться другое....

— Ну, такъ и есть! Ты говоришь женщинѣ дѣло, по убѣжденію; а она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не придумаетъ какой-нибудь мелкой, посторонней причины, заставляющей тебя говорить именно такъ, а не иначе.

Александра Павловна разсердилась.

— Браво, мосьё Лежневъ! вы начинаете преслѣдовать женщинъ не хуже г. Питасова; но, воля ваша, какъ вы ни проницательны, все-таки мнѣ трудно повѣрить, чтобы вы въ такое короткое время могли всѣхъ и все понять. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь. По вашему, Рудинъ Тартюфъ какой-то.

— Въ томъ-то и дѣло, что онъ даже не Тартюфъ. Тартюфъ, тотъ, по-крайней-мѣрѣ, зналъ, чего добивался; а этотъ, при всемъ своемъ умѣ....

— Что же, что же онъ? Договаривайте вашу рѣчь, несправедливый, гадкій человѣкъ!

Лежневъ всталъ.

— Послушайте, Александра Павловна, началъ онъ:— несправедливы-то вы, а не я. Вы досадуете на меня за мои рѣзкія сужденія о Рудинѣ: я имѣю право говорить о немъ рѣзко! Я, можетъ быть, не дешевой цѣной купилъ это право. Я хорошо его знаю: я долго жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Помните, я обѣщался разсказать вамъ когда-ни-

будь наше житье въ Москвѣ. Видно, придется теперь это сдѣлать. Но будете ли вы имѣть терпѣніе меня выслушать?

— Говорите, говорите!

— Ну, извольте.

Лежневъ принялся ходить медленными шагами по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь и наклоняя голову впередъ.

— Вы можетъ быть, знаете, заговорилъ онъ:—а можетъ быть, и не знаете, что я осиротѣлъ рано и уже на семнадцатомъ году не имѣлъ надъ собою набольшаго. Я жилъ въ домѣ тетки, въ Москвѣ, и дѣлалъ, что́ хотѣлъ. Малый я былъ довольно пустой и самолюбивый, любилъ порисоваться и похвастать. Вступивъ въ университетъ, я велъ себя, какъ школьникъ, и скоро попался въ исторію. Я вамъ ее разсказывать не стану: не сто́итъ. Я солгалъ, и довольно гадко солгалъ.... Меня вывели на свѣжую воду, уличили, пристыдили.... Я потерялся и заплакалъ какъ дитя. Это происходило на квартирѣ одного знакомаго, въ присутствіи многихъ товарищей. Всѣ принялись хохотать надо мною, всѣ, исключая одного студента, который, замѣтьте, больше прочихъ негодовалъ на меня, пока я упорствовалъ и не сознавался въ своей лжи. Жаль ему, что-ли, меня стало, только онъ взялъ меня подъ руку и увелъ къ себѣ.

— Это былъ Рудинъ? спросила Александра Павловна.

— Нѣтъ, это не былъ Рудинъ.... это былъ человѣкъ.... онъ уже теперь умеръ.... это былъ человѣкъ необыкновенный. Звали его Покорскимъ. Описать его въ немногихъ словахъ я не въ силахъ, а начать говорить о немъ, уже ни о комъ другомъ говорить не захочешь. Эта была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ. Покорскій жилъ въ маленькой, низенькой комнаткѣ, въ мезонинѣ стараго деревяннаго домика. Онъ былъ очень бѣденъ и перебивался кое-какъ уроками. Бывало, онъ даже чашкой чаю не могъ попотчивать гостя, а одни-

ственный его диванъ до того провалился, что сталъ похожъ на лодку. Но, несмотря на эти неудобства, къ нему ходило множество народа. Его всѣ любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Вы не повѣрите, какъ сладко и весело было сидѣть въ его бѣдной комнаткѣ! У него я познакомился съ Рудинымъ. Онъ уже отсталъ тогда отъ своего князька.

— Что же было такого особеннаго въ этомъ Покорскомъ? спросила Александра Павловна.

— Какъ вамъ сказать? Поэзія и правда—вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотанье, и въ то же время онъ—

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра....

Такъ выразился о немъ одинъ полу-сумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка.

— А какъ онъ говорилъ? спросила опять Александра Павловна.

— Онъ говорилъ хорошо, когда былъ въ духѣ, но не удивительно. Рудинъ и тогда былъ въ двадцать разъ краснорѣчивѣе его.

Лежневъ остановился и скрестилъ руки.

— Покорскій и Рудинъ не походили другъ на друга. Въ Рудинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, больше энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Покорскаго, а на самомъ дѣлѣ, онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ. Рудинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски; но мысли его рождались не въ его головѣ; онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Покорскаго. Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ—и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить, и не далъ бы никому въ обиду. Рудинъ

казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холодень и чуть ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ онъ ихъ во имя общихъ началъ и идей, и дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ; одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили.... Покорскому всѣ отдавались сами собой. За то Рудинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ.... Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Покорскій и чѣмъ всѣ мы; притомъ, умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею.... молодежь васъ и слушать не станетъ. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя на половину вѣрили, что обладаете истиной.... Оттого-то Рудинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла, и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ—и недоученыхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи этихъ понятій, общаго закона мірового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ....

Слушая Рудина, намъ впервые показалось, что мы наконецъ схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконецъ завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло! но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что́ мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду.... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и, въ тоже время, таинственное; каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому.... Вамъ все это не смѣшно?

— Нисколько!—медленно возразила Александра Павловна:—почему вы это думаете? Я васъ не совсѣмъ понимаю, но мнѣ не смѣшно.

— Мы съ тѣхъ поръ успѣли поумнѣть, конечно,—продолжалъ Лежневъ:—все это намъ теперь можетъ казаться дѣтствомъ.... Но, я повторяю, Рудину мы тогда были обязаны многимъ. Покорскій былъ несравненно выше его, безспорно; Покорскій вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу; но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый; за то, когда онъ расправлялъ свои крылья,—Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Рудинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ; страсть его была во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась.... политическая натура-съ! Я о немъ говорю, какимъ я его зналъ тогда. Впрочемъ, онъ, къ несчастію, не измѣнился. За то онъ и въ вѣрованіяхъ своихъ не измѣнился.... въ

тридцать-пять лѣтъ!... Не всякій можетъ сказать это о себѣ.

— Сядьте, проговорила Александра Павловна: — что́ вы, какъ маятникъ, по комнатѣ ходите?

— Этакъ мнѣ лучше, возразилъ Лежневъ.—Ну-съ, попавъ въ кружокъ Покорскаго, я доложу вамъ, Александра Павловна, я совсѣмъ переродился: смирился, разспрашивалъ, учился, радовался, благоговѣлъ—однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ вспомню я наши сходки, ну, ей-Богу же, много въ нихъ было хорошаго, даже трогательнаго. Вы представьте: сошлись человѣкъ пять-шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые, престарые; а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи,—говоримъ мы иногда вздоръ, восхищаемся пустяками; но что за бѣда!.... Покорскій сидитъ, поджавъ ноги, подпираетъ блѣдную щеку рукой; а глаза его такъ и свѣтятся. Рудинъ стоитъ по серединѣ комнаты и говоритъ, говоритъ прекрасно, ни дать ни взять—молодой Демосоенъ передъ шумящимъ моремъ; взъерошенный поэтъ Субботинъ издаетъ, по временамъ, и какъ бы во снѣ, отрывистыя восклицанія; сорокалѣтній буршъ, сынъ нѣмецкаго пастора, Шеллеръ, прослывшій между нами за глубочайшаго мыслителя, по милости своего вѣчнаго, ничѣмъ непарушимаго молчанья, какъ-то особенно торжественно безмолвствуетъ;—самъ веселый Щитовъ, Аристофанъ нашихъ сходокъ, утихаетъ и только ухмыляется; два-три новичка слушаютъ съ торжественнымъ наслажденіемъ.... А ночь летитъ тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тог-

да не было, съ какой-то пріятной усталостью на душѣ... и даже на звѣзды какъ-то довѣрчиво глядишь, словно онѣ и ближе стали, и понятнѣе.... Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало,—не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ.... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стóитъ только произнести при немъ имя Покорскаго—и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами....

Лежневъ умолкъ; его безцвѣтное лицо раскраснѣлось.

— Но отчего же? когда вы поссорились съ Рудинымъ? заговорила Александра Павловна, съ изумленіемъ глядя на Лежнева.

— Я съ нимъ не поссорился, а съ нимъ разстался, когда узналъ его окончательно за границей. А уже въ Москвѣ я бы могъ разсориться съ нимъ. Онъ со мной уже тогда сыгралъ недобрую штуку.

— Чтó такое?

— А вотъ чтó. Я.... какъ бы это сказать?... къ моей фигурѣ оно нейдетъ.... но я всегда былъ очень способенъ влюбиться.

— Вы?

— Я. Это странно, не правда ли? А между тѣмъ, оно такъ.... Ну-съ, вотъ, я и влюбился тогда въ одну очень миленькую дѣвочку.... Да чтó вы на меня такъ глядите? Я бы могъ сказать вамъ о себѣ вещь, гораздо болѣе удивительную.

— Какую это вещь, позвольте, узнать?

— А хоть бы вотъ какую вещь. Я, въ то, московское-то время, хаживалъ по ночамъ на свиданіе.... съ кѣмъ бы вы думали? съ молодой липой на концѣ моего сада.

Обниму ея тонкій и стройный стволъ, и мнѣ кажется, что я обнимаю всю природу, а сердце расширяется и млѣетъ такъ, какъ будто, дѣйствительно, вся природа въ него вливается.... Вотъ-съ я былъ какой!... Да что? Вы, можетъ, думаете, я стиховъ не писалъ? Писалъ-съ, и даже цѣлую драму сочинилъ, въ подражаніе Манфреду. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ былъ призракъ съ кровью на груди, и не съ своей кровью, замѣтьте, а съ кровью человѣчества вообще.... Да-съ, да-съ, не извольте удивляться.... Но я началъ разсказывать о моей любви. Я познакомился съ одной дѣвушкой....

— И перестали ходить на свиданіе съ липой? спросила Александра Павловна.

— Перестали. Дѣвушка эта была предобренькое и прехорошенькое существо, съ веселыми, ясными глазками и звенящимъ голосомъ.

— Вы хорошо описываете, замѣтила съ усмѣшкой Александра Павловна.

— А вы очень строгій критикъ, возразилъ Лежневъ. Ну-съ, жила эта дѣвушка со старикомъ-отцомъ.... Впрочемъ, я въ подробности вдаваться не стану. Скажу вамъ только, что эта дѣвушка была точно предобренькая—вѣчно, бывало, нальетъ тебѣ три-четверти стакана чаю, когда ты проснешь только половину!... На третій день, послѣ первой встрѣчи съ ней, я уже пылалъ, а на седьмой день не выдержалъ и во всемъ сознался Рудину. Молодому человѣку, влюбленному, невозможно не пробалтаться; а я Рудину исповѣдывался во всемъ. Я тогда находился весь подъ его вліяніемъ, и это вліяніе, скажу безъ обиняковъ, было благотворно во многомъ. Онъ первый не побрезгалъ мною, обтесалъ меня. Покорскаго я любилъ страстно и ощущалъ нѣкоторый страхъ передъ его душевной чистотой; а къ Рудину я стоялъ ближе. Узнавъ о моей любви, онъ пришелъ въ восторгъ неописанный: поздравилъ, об-

нялъ меня и тотчасъ же пустился вразумлять меня, толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія. Я уши развѣсилъ.... Ну, да вѣдь вы знаете, какъ онъ умѣетъ говорить. Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьёзный и смѣяться пересталъ. Помнится, я даже ходить началъ тогда осторожнѣе, точно у меня въ груди находился сосудъ, полный драгоцѣнной влаги, которую я боялся расплескать.... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно. Рудинъ пожелалъ познакомиться съ моимъ предметомъ; да чуть ли не я самъ настоялъ на томъ, чтобы представить его.

— Ну, вижу, вижу теперь, въ чемъ дѣло, перебила Александра Павловна.—Рудинъ отбилъ у васъ вашъ предметъ, и вы до сихъ поръ ему простить не можете.... Держу пари, что не ошиблась!

— И проиграли бы пари, Александра Павловна: вы ошибаетесь. Рудинъ не отбилъ у меня моего предмета, да онъ и не хотѣлъ его у меня отбивать; а все-таки онъ разрушилъ мое счастье, хотя, разсудивъ хладнокровно, я теперь готовъ сказать ему спасибо за это. Но тогда я чуть не рехнулся. Рудинъ нисколько не желалъ повредить мнѣ, — напротивъ! по вслѣдствіе своей проклятой привычки каждое движеніе жизни, и своей, и чужой, приниливать словомъ, какъ бабочку булавкой, онъ пустился обоимъ намъ объяснять насъ самихъ, наши отношенія, какъ мы должны вести себя, деспотически заставлялъ отдавать себѣ отчетъ въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ, хвалилъ насъ, порицалъ, вступилъ даже въ переписку съ нами, вообразите!... ну, сбилъ насъ съ толку совершенно! Я бы едва ли женился тогда на моей барышнѣ (столько-то во мнѣ еще здраваго смысла оставалось), но, по крайней мѣрѣ, мы бы съ ней славно провели нѣсколько мѣсяцевъ, въ родѣ Павла и Виргиніи; а тутъ пошли недоразумѣнія, на-

пряженности всякія, — чепуха пошла, однимъ словомъ. Кончилось тѣмъ, что Рудинъ, въ одно прекрасное утро, договорился до того убѣжденія, что ему, какъ другу, предстоитъ священнѣйшій долгъ извѣстить обо всемъ старика-отца,—и онъ это сдѣлалъ.

— Неужели! воскликнула Александра Павловна.

— Да, и, замѣтьте, съ моего согласія сдѣлалъ—вотъ что чудно!.... Помню до сихъ поръ, какой хаосъ поселя я тогда въ головѣ: просто все кружилось и представлялось, какъ въ камеръ-обскурѣ: бѣлое казалось чернымъ, черное—бѣлымъ, ложь—истиной, фантазія—долгомъ.... Ой! даже и теперь совѣстно вспоминать объ этомъ! Рудинъ—тотъ не унывалъ.... куда! носится, бывало, среди всякаго рода недоразумѣній и путаницы, какъ ласточка надъ прудомъ.

— И такъ, вы разстались съ вашей дѣвицей? спросила Александра Павловна, наивно склонивъ головку на бокъ и приподнявъ брови.

— Разстался... и нехорошо разстался, оскорбительно-неловко, гласно, и безъ нужды гласно.... Самъ я плакалъ, и она плакала, и чортъ знаетъ, что́ произошло.... Гордіевъ узелъ какой-то затянулся—пришлось перерубить, а больно было! Впрочемъ, все на свѣтѣ устраивается къ лучшему. Она вышла замужъ за хорошаго человѣка и благоденствуетъ теперь....

— А признайтесь, вы все таки не могли простить Рудину.... начала-было Александра Павловна.

— Какое! перебилъ Лежневъ:— я плакалъ, какъ ребенокъ, когда провожалъ его за границу. Однако, правду сказать, сѣмя тамъ у меня на душѣ залегло тогда же. И когда я встрѣтилъ его потомъ за границей.... ну, я тогда уже и постарѣлъ.... Рудинъ предсталъ мнѣ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

— Что́ же именно вы открыли въ немъ?

— Да все то, о чемъ я говорилъ вамъ съ часъ тому назадъ. Впрочемъ, довольно о немъ. Можетъ быть все обойдется благополучно. Я только хотѣлъ доказать вамъ, что если я сужу о немъ строго, такъ не потому, что его не знаю.... Что же касается до Натальи Алексѣевны, я не буду тратить лишнихъ словъ: но вы обратите вниманіе на вашего брата.

— На моего брата! А что?

— Да посмотрите на него. Развѣ вы ничего не замѣчаете?—Александра Павловна потупилась.

— Вы правы, промолвила она:—точно.... братъ.... съ нѣкоторыхъ поръ я его не узнаю.... Но неужели вы думаете....

— Тише! онъ, кажется, идетъ сюда,—произнесъ шёпотомъ Лежневъ.—А Наталья не ребенокъ, повѣрьте мнѣ, хотя, къ несчастію, неопытна, какъ ребенокъ. Вы увидите, эта дѣвочка удивитъ всѣхъ насъ.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какимъ образомъ.... Знаете ли, что именно такія дѣвочки тонятся, принимаютъ ядъ и такъ далѣе? Вы не глядите, что она такая тихая: страсти въ ней сильныя, и характеръ—тоже ой-ой!

— Ну, ужъ это, мнѣ кажется, въ въ поэзію вдаетесь. Такому флегматику, какъ вы, пожалуй, и я покажусь вулканомъ.

— Ну, нѣтъ! проговорилъ съ улыбкой Лежневъ.... А что до характера,—у васъ, слава Богу, характера нѣтъ вовсе.

— Это еще что́ за дерзость?

— Это? Это величайшій комплиментъ, помилуйте....

Волынцевъ вошелъ и подозрительно посмотрѣлъ на Лежнева и на сестру. Онъ похудѣлъ въ послѣднее время. Они оба заговорили съ нимъ; но онъ едва улыбался въ отвѣтъ на ихъ шутки и глядѣлъ, какъ выразился о немъ однажды Пигасовъ, грустнымъ зайцемъ. Впрочемъ, вѣроятно, не

было еще на свѣтѣ человѣка, который, хотя разъ въ жизни, не глядѣлъ еще хуже того. Волынцевъ чувствовалъ, что Наталья отъ него удалялась, а вмѣстѣ съ ней, казалось, и земля бѣжала у него изъ-подъ ногъ.

VII.

На другой день было воскресенье, и Наталья поздно встала. Наканунѣ она была очень молчалива до самаго вечера, втайнѣ стыдилась слезъ своихъ и очень дурно спала. Сидя, полуодѣтая, передъ своимъ маленькимъ фортепьяно, она то брала аккорды, едва слышные, чтобы не разбудить m-lle Boncourt, то прижимала лбомъ къ холоднымъ клавишамъ и долго оставалась неподвижной. Она все думала—не о самомъ Рудинѣ, но о какомъ-нибудь словѣ, имъ сказанномъ, и погружалась вся въ свою думу. Изрѣдка приходилъ ей Волынцевъ на память. Она знала, что онъ ее любитъ. Но мысль ея тотчасъ его покидала.... Странное она чувствовала волненіе. Утромъ она поспѣшно одѣлась, сошла внизъ и, поздоровавшись съ своею матерью, улучила время и ушла одна въ садъ.... День былъ жаркій, свѣтлый, лучезарный день, несмотря на перепадавшіе дождики. По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, низкія, дымчатыя тучи и, по временамъ, роняли на поля обильные потоки внезапнаго и мгновеннаго ливня. Крупныя, сверкающія капли сыпались быстро, съ какимъ-то сухимъ шумомъ, точно алмазы; солнце играло сквозь нихъ мелькающую свѣтку; трава, еще недавно взволнованная вѣтромъ, не шевелилась, жадно поглощая влагу; орошенныя деревья томно трепетали всѣми своими листочками; птицы не переставали пѣть, и отрадно было слушать ихъ болтливое щебетанье при свѣжемъ гулѣ и ропотѣ пробѣгавшаго дождя. Пыльныя дороги дымились и слегка пестрѣли подъ рѣзкими ударами частыхъ брызгъ. Но вотъ,

тучка пронеслась, запорхалъ вѣтерокъ, изумрудомъ и золотомъ начала переливать трава.... Прилипая другъ къ дружкѣ, засквозили листья деревьевъ.... Сильный запахъ поднялся отовсюду....

Небо почти все очистилось, когда Наталья пошла въ садъ. Отъ него вѣяло свѣжестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человѣка отзывается сладкимъ томленіемъ тайнаго сочувствія и неопредѣленныхъ желаній....

Наталья шла вдоль пруда, по длинной аллеѣ серебристыхъ тополей; внезапно, передъ нею, словно изъ земли, выросъ Рудинъ.

Она смутилась. Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Вы одни? спросилъ онъ.

— Да, я одна, отвѣчала Наталья:—впрочемъ, я вышла на минуту.... Мнѣ пора домой.

— Я васъ провожу.

И онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Вы какъ будто печальны? промолвилъ онъ.

— Я?... А я хотѣла вамъ замѣтить, что вы, мнѣ кажется, не въ духѣ.

— Можетъ быть.... это со мною бываетъ. Мнѣ это извинительнѣе, чѣмъ вамъ.

— Почему же? Развѣ вы думаете, что мнѣ не отъ чего быть печальной.

— Въ ваши годы надо наслаждаться жизнью.

Наталья сдѣлала нѣсколько шаговъ молча.

— Дмитрій Николаевичъ! проговорила она.

— Что?

— Помните вы.... сравненіе, которое вы сдѣлали вчера.... помните.... съ дубомъ.

— Ну, да, помню. Что же?

Наталья взглянула украдкой на Рудина.

— Зачѣмъ вы.... что вы хотѣли сказать этимъ сравненіемъ?

Рудинъ наклонилъ голову и устремилъ глаза вдаль.

— Наталья Алексѣевна! началъ онъ, съ свойственнымъ ему сдержаннымъ и значительнымъ выраженіемъ, которое всегда заставляло слушателя думать, что Рудинъ не высказывалъ и десятой доли того, что̀ тѣснилось ему въ душу:—Наталья Алексѣевна! вы могли замѣтить, я мало говорю о своемъ прошедшемъ. Есть нѣкоторыя струны, до которыхъ я не касаюсь вовсе. Мое сердце.... кому какая нужда знать о томъ, что̀ въ немъ происходило? Выставлять это на показъ мнѣ всегда казалось святотатствомъ. Но съ вами я откровеннѣе: вы возбуждаете мое довѣріе.... Не могу утаить отъ васъ, что и я любилъ и страдалъ, какъ всѣ.... Когда и какъ? объ этомъ говорить не сто́итъ; но сердце мое испытало много радостей и много горестей....

Рудинъ помолчалъ немного.

— То, что̀ я вамъ сказалъ вчера, продолжалъ онъ:— можетъ быть до нѣкоторой степени примѣнено ко мнѣ, къ теперешнему моему положенію. Но, опять-таки, объ этомъ говорить не сто́итъ. Эта сторона жизни для меня уже исчезла. Мнѣ остается теперь тащиться по знойной и пыльной дорогѣ, со станціи до станціи, въ тряской телѣгѣ.... Когда я доѣду, и доѣду-ли —Богъ знаетъ.... Поговоримте лучше о васъ.

— Неужели же, Дмитрій Николаевичъ, перебила его Наталья: —вы ничего не ждете отъ жизни?

— О, нѣтъ! я жду многаго, но не для себя.... Отъ дѣятельности, отъ блаженства дѣятельности я никогда не откажусь, но я отказался отъ наслажденія. Мои надежды, мои мечты —и собственное мое счастіе не имѣютъ ничего общаго. Любовь (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечомъ).... любовь —не для меня; я.... ея не стою; женщина, которая любитъ, въ правѣ требовать всего человѣка, а я уже весь отдаться не могу. Притомъ, нравиться — это дѣло

юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы? Дай Богъ свою сносить на плечахъ!

— Я понимаю, промолвила Наталья: — кто стремится къ великой цѣли, уже не долженъ думать о себѣ; но развѣ женщина не въ состояніи оцѣнить такого человѣка? Мнѣ кажется, напротивъ, женщина скорѣе отвернется отъ эгоиста.... Всѣ молодые люди, эти юноши, по вашему, всѣ— эгоисты, всѣ только собою заняты, даже когда любятъ. Повѣрьте, женщина не только способна понять самопожертвованіе: она сама умѣетъ пожертвовать собою.

Щеки Натальи слегка зарумянились, и глаза ея заблестѣли. До знакомства съ Рудинымъ она никогда бы не произнесла такой длинной рѣчи и съ такимъ жаромъ.

— Вы не разъ слышали мое мнѣніе о призваніи женщинъ, возразилъ съ снисходительной улыбкой Рудинъ: — вы знаете, что, по моему, одна Жанна д'Аркъ могла спасти Францію.... но дѣло не въ томъ. Я хотѣлъ поговорить о васъ. Вы стоите на порогѣ жизни.... Разсуждать о вашей будущности и весело, и не безплодно.... Послушайте: вы знаете, я вашъ другъ; я принимая въ васъ почти родственное участіе.... А потому, я надѣюсь, вы не найдете моего вопроса нескромнымъ: скажите, ваше сердце до сихъ поръ совершенно спокойно?

Наталья вся вспыхнула и ничего не сказала. Рудинъ остановился, и она остановилась.

— Вы не сердитесь на меня? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, проговорила она: — но я никакъ не ожидала....

— Впрочемъ, продолжалъ онъ:—вы можете не отвѣчать мнѣ. Ваша тайна мнѣ извѣстна.

Наталья почти съ испугомъ взглянула на него.

— Да.... да; я знаю, кто вамъ нравится. И я долженъ сказать — лучшаго выбора вы сдѣлать не могли. Онъ человѣкъ прекрасный; онъ съумѣетъ оцѣнить васъ; онъ не из-

мять жизнью—онъ проетъ и ясенъ душою.... онъ составитъ ваше счастіе.

— О комъ говорите вы, Дмитрій Николаичъ?

— Будто вы не понимаете, о комъ я говорю? Разумѣется, о Волынцевѣ. Что-жъ? развѣ это неправда?

Наталья отвернулась немного отъ Рудина. Она совершенно растерялась.

— Развѣ онъ не любитъ васъ? Помилуйте! онъ не сводитъ съ васъ глазъ, слѣдитъ за каждымъ вашимъ движеніемъ; да и наконецъ, развѣ можно скрыть любовь! И вы сами развѣ неблагосклонны къ нему? Сколько я могъ замѣтить, и матушкѣ вашей онъ также нравится.... Вашъ выборъ....

— Дмитрій Николаичъ, перебила его Наталья, въ смущеніи протягивая руку къ близъ стоявшему кусту:—мнѣ, право, такъ неловко говорить объ этомъ, но я васъ увѣряю.... вы ошибаетесь.

— Я ошибаюсь? повторилъ Рудинъ.... Не думаю.... Я съ вами познакомился недавно: но я уже хорошо васъ знаю. Что же значитъ перемѣна, которую я вижу въ васъ, вижу ясно? Развѣ вы такая, какою я засталъ васъ шесть недѣль тому назадъ?... Нѣтъ, Наталья Алексѣевна, сердце ваше не спокойно.

— Можетъ быть, отвѣтила Наталья едва внятно: — но вы все-таки ошибаетесь.

— Какъ это? спросилъ Рудинъ.

— Оставьте меня, не спрашивайте меня! возразила Наталья и быстрыми шагами направилась къ дому.

Ей самой стало страшно всего того, что она вдругъ почувствовала въ себѣ.

Рудинъ догналъ и остановилъ ее.

— Наталья Алексѣевна! заговорилъ онъ:—этотъ разговоръ не можетъ такъ кончиться: онъ слишкомъ важенъ и для меня.... Какъ мнѣ понять васъ?

— Оставьте меня! повторила Наталья.

— Наталья Алексѣевна, ради Бога!

На лицѣ Рудина изобразилось волненіе. Онъ поблѣднѣлъ.

— Вы все понимаете, вы и меня должны понять! сказала Наталья, вырвала у него руку и пошла, не оглядываясь.

— Одно только слово! крикнулъ ей вслѣдъ Рудинъ.

Она остановилась, но не обернулась.

— Вы меня спрашивали, что́ я хотѣлъ сказать вчерашнимъ сравненіемъ. Знайте же, я обманывать васъ не хочу. Я говорилъ о себѣ, о своемъ прошедшемъ, — и о васъ.

— Какъ? обо мнѣ?

— Да, о васъ: я, повторяю, не хочу васъ обманывать... Вы теперь знаете, о какомъ чувствѣ, о какомъ новомъ чувствѣ, я говорилъ тогда.... До нынѣшняго дня я никогда бы не рѣшился....

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и побѣжала къ дому.

Она такъ была потрясена неожиданной развязкой разговора съ Рудинымъ, что и не замѣтила Волынцева, мимо котораго пробѣжала. Онъ стоялъ неподвижно, прислонясь спиною къ дереву. Четверть часа тому назадъ, онъ пріѣхалъ къ Дарьѣ Михайловнѣ и засталъ ее въ гостиной: сказалъ слова два, незамѣтно удалился и отправился отыскивать Наталью. Руководимый чутьемъ, свойственнымъ влюбленнымъ людямъ, онъ пошелъ прямо въ садъ и наткнулся на нее и на Рудина въ то самое мгновеніе, когда она вырвала у него руку. У Волынцева потемнѣло въ глазахъ. Проводивъ Наталью взоромъ, онъ отдѣлился отъ дерева и шагнулъ раза два? самъ не зная, куда и зачѣмъ. Рудинъ увидѣлъ его, поровнявшись съ нимъ. Оба посмотрѣли другъ на друга въ глаза, поклонились и разошлись молча.

„Это такъ не кончится“, подумали оба.

Волынцевъ пошелъ на самый конецъ сада. Ему горько и тошно стало; а на сердце залегъ свинецъ, и кровь по временамъ поднималась злобно. Дождикъ сталъ опять накрапывать. Рудинъ вернулся къ себѣ въ комнату. И онъ не былъ спокоенъ: вихремъ кружились въ немъ мысли. Довѣрчивое, неожиданное прикосновеніе молодой, честной души смутитъ хоть кого.

За столомъ все шло какъ-то неладно. Наталья, вся блѣдная, едва держалась на стулѣ и не поднимала глазъ. Волынцевъ сидѣлъ, по обыкновенію, возлѣ нея и, время отъ времени, принужденно заговаривалъ съ нею. Случилось такъ, что Пигасовъ въ тотъ день обѣдалъ у Дарьи Михайловны. Онъ больше всѣхъ говорилъ за столомъ. Между прочимъ, онъ началъ доказывать, что людей, какъ собакъ, можно раздѣлить на куцыхъ и длинохвостыхъ. Куцыми бываютъ люди—говорилъ онъ—и отъ рожденія, и по собственной винѣ. Куцымъ плохо: имъ ничего не удается — они не имѣютъ самоувѣренности. Но человѣкъ, у котораго длинный пушистый хвостъ — счастливецъ. Онъ можетъ быть и плоше, и слабѣе куцаго, да увѣренъ въ себѣ; распуститъ хвостъ—всѣ любуются. И вѣдь вотъ что достойно удивленія! вѣдь хвостъ совершенно безполезная часть тѣла, согласитесь; на что можетъ пригодиться хвостъ? а всѣ судятъ о вашихъ достоинствахъ по хвосту.

— Я, прибавилъ онъ со вздохомъ: — принадлежу къ числу куцыхъ, и, что досаднѣе всего, я самъ отрубилъ себѣ хвостъ.

— То-есть, вы хотите сказать, замѣтилъ небрежно Рудинъ,—что, впрочемъ уже давно до васъ сказалъ ла-Рошфуко: будь увѣренъ въ себѣ, другіе въ тебя вѣрятъ. Къ чему тутъ было примѣшивать хвостъ, я не понимаю.

— Позвольте же каждому, рѣзко заговорилъ Волынцевъ, и глаза его загорѣлись: —позвольте каждому выра-

жаться, какъ ему вздумается. Толкуютъ о деспотизмѣ.... По моему, нѣтъ хуже деспотизма такъ-называемыхъ умныхъ людей. Чортъ бы ихъ побралъ!

Всѣхъ изумила выходка Волынцева, всѣ притихли. Рудинъ посмотрѣлъ-было на него, но не выдержалъ его взора, отворотился, улыбнулся и рта не разинулъ.

„Эге! да и ты куцъ!“ подумалъ Нигасовъ; а у Натальи душа замерла отъ страха. Дарья Михайловна долго, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Волынцева и, наконецъ, первая заговорила; начала разсказывать о какой-то необыкновенной собакѣ министра N. N...

Волынцевъ уѣхалъ скоро послѣ обѣда. Раскланиваясь съ Натальей, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ ей:

— Отчего вы такъ смущены, словно виноваты? вы ни передъ кѣмъ виноваты быть не можете!...

Наталья ничего не поняла, и только посмотрѣла ему вслѣдъ. Передъ часомъ, Рудинъ подошелъ къ ней, и, нагнувшись надъ столомъ, какъ будто разбирая газеты, шепнулъ:

— Все это какъ сонъ, не правда-ли? Мнѣ непремѣнно нужно видѣть васъ наединѣ.... хотя минуту.—Онъ обратился къ m-lle Boncourt. —Вотъ, сказалъ онъ ей: тотъ фельетонъ, который вы искали,—и снова наклоняясь къ Натальѣ, прибавилъ шепотомъ:—постарайтесь быть около десяти часовъ возлѣ террасы, въ сиреневой бесѣдкѣ: я буду ждать васъ....

Героемъ вечера былъ Нигасовъ. Рудинъ уступилъ ему поле сраженія. Онъ очень смѣшилъ Дарью Михайловну; сперва онъ разсказывалъ объ одномъ своемъ сосѣдѣ, который, состоя лѣтъ тридцать подъ башмакомъ жены, до того обабился, что переходя однажды, въ присутствіи Нигасова, мелкую лужицу, занесъ назадъ руку и отвелъ въ бокъ фалды сюртука, какъ женщины это дѣлаютъ со своими юбками. Потомъ онъ обратился къ другому помѣ-

щику, который сначала былъ масономъ, потомъ меланхоликомъ, потомъ желалъ быть банкиромъ.

— Какъ же это вы были масономъ, Филиппъ Степанычъ? спросилъ его Пигасовъ.

— Извѣстно какъ: я носилъ длинный ноготь на пятомъ пальцѣ.

Но больше всего смѣялась Дарья Михайловна, когда Пигасовъ пустился разсуждать о любви и увѣрять, что и о немъ вздыхали, что одна пылкая нѣмка называла его даже „апоститымъ Африканчикомъ“ и „хрипунчикомъ“. Дарья Михайловна смѣялась, а Пигасовъ не лгалъ: онъ дѣйствительно имѣлъ право хвастаться своими побѣдами. Онъ утверждалъ, что ничего не можетъ быть легче, какъ влюбить въ себя какую угодно женщину: стóитъ только повторять ей десять дней сряду, что у ней въ устахъ рай, а въ очахъ блаженство, и что остальныя женщины передъ ней простыя тряпки, и на одиннадцатый день она сама скажетъ, что у ней въ устахъ рай и въ очахъ блаженство, и полюбитъ васъ. Все на свѣтѣ бываетъ. Почему знать, можетъ быть, Пигасовъ и правъ.

Въ половинѣ девятаго Рудинъ уже былъ въ бесѣдкѣ. Въ далекой и блѣдной глубинѣ неба только-что проступали звѣздочки; на западѣ еще алѣло—тамъ и небосклонъ казался яснѣй и чище; полукругъ луны блестѣлъ золотомъ сквозь черную сѣтку плакучей березы. Другія деревья либо стояли угрюмыми великанами съ тысячью просвѣтовъ, на подобіе глазъ, либо сливались въ сплошныя, мрачныя громады. Ни одинъ листокъ не шевелился; верхнія вѣтки сиреней и акацій какъ будто прислушивались къ чему-то и вытягивались въ тепломъ воздухѣ. Домъ темнѣлъ вблизи; пятнами красноватаго свѣта рисовались на немъ освѣщенныя длинныя окна. Кротокъ и тихъ былъ вечеръ, но сдержанный, страстный вздохъ чудился въ этой тишинѣ.

Рудинъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, и слушалъ съ

напряженнымъ вниманіемъ. Сердце въ немъ билось сильно, и онъ невольно удерживалъ дыханіе. Наконецъ ему послышались легкіе, торопливые шаги, и въ бесѣдку вошла Наталья.

Рудинъ бросился къ ней, взялъ ее за руки. Онѣ были холодны какъ ледъ.

— Наталья Алексѣевна! заговорилъ онъ трепетнымъ шопотомъ:—я хотѣлъ васъ видѣть.... я не могъ дождаться завтрашняго дня. Я долженъ вамъ сказать, чего я не подозрѣвалъ, чего я не сознавалъ даже сегодня утромъ: я люблю васъ!

Руки Натальи слабо дрогнули въ его рукахъ.

— Я люблю васъ, повторилъ онъ:—и какъ я могъ такъ долго обманываться, какъ я давно не догадался, что люблю васъ!... А вы?... Наталья Алексѣевна, скажите, вы?....

Наталья едва переводила духъ.

— Вы видите, я пришла сюда, проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, скажите, вы любите меня?

— Мнѣ кажется.... да.... прошептала она.

Рудинъ еще крѣпче стиснулъ ея руки и хотѣлъ-было привлечь ее къ себѣ....

Наталья быстро оглянулась.

— Пустите меня,—мнѣ страшно,— мнѣ кажется, кто-то насъ подслушиваетъ.... Ради Бога, будьте осторожны. Волынцевъ догадывается.

— Богъ съ нимъ! Вы видѣли, я и не отвѣчалъ ему сегодня.... Ахъ, Наталья Алексѣевна, какъ я счастливъ! Теперь уже насъ ничто не разъединитъ!

Наталья взглянула ему въ глаза.

— Пустите меня, прошептала она:—мнѣ пора.

— Одно мгновенье, началъ Рудинъ....

— Нѣтъ, пустите, пустите меня....

— Вы какъ будто меня боитесь?

— Нѣтъ; но мнѣ пора....

— Такъ повторите, по-крайней-мѣрѣ, еще разъ....

— Вы говорите, вы счастливы? спросила Наталья.

— Я? Нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня! Неужели вы сомнѣваетесь?

Наталья приподняла голову. Прекрасно было ея блѣдное лицо, благородное, молодое и взволнованное—въ таинственной тѣни бесѣдки, при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ ночного неба.

— Знайте же, сказала она:—я буду ваша.

— О, Боже! воскликнулъ Рудинъ....

Но Наталья уклонилась и ушла. Рудинъ постоялъ немного, потомъ, вышелъ медленно изъ бесѣдки. Луна ясно освѣтила его лицо; на губахъ его блуждала улыбка.

— Я счастливъ, произнесъ онъ вполголоса. — Да, я счастливъ, повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя.

Онъ выпрямилъ свой станъ, встряхнулъ кудрями и пошелъ проворно въ садъ, весело размахивая руками.

А между тѣмъ, въ сиреневой бесѣдкѣ тихонько раздвинулись кусты и показался Пандалевскій. Онъ осторожно оглянулся, покачалъ головой, сжалъ губы, произнесъ значительно: „Вотъ какъ-съ. Это надобно будетъ довести до свѣдѣнія Дарьи Михайловны“, и скрылся.

VIII.

Возвратясь домой, Волынцевъ былъ такъ уныль и мраченъ, такъ неохотно отвѣчалъ своей сестрѣ и такъ скоро запершся къ себѣ въ кабинетъ, что она рѣшилась послать гонца за Лежневымъ. Она прибѣгала къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Лежневъ велѣлъ ей сказать, что пріѣдетъ на слѣдующій день.

Волынцевъ и къ утру не повеселѣлъ. Онъ хотѣлъ-было

послѣ чаю отправиться на работы, но остался, легъ на диванъ и принялся читать книгу, что̀ съ нимъ случалось не часто. Волынцевъ къ литературѣ влеченія не чувствовалъ, а стиховъ просто боялся.—Это непонятно какъ стихи, говаривалъ онъ, и, въ подтвержденіе словъ своихъ, приводилъ слѣдующія строки поэта Абубулата:

И до конца печальныхъ дней
Ни гордый опытъ, ни разсудокъ
Не изомнутъ рукой своей
Кровавыхъ жизни незабудокъ.

Александра Павловна тревожно посматривала на своего брата, но не безпокоила его вопросами. Экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу. „Ну—подумала она—слава Богу, Лежневъ“.... Слуга вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Рудина.

Волынцевъ бросилъ книгу на полъ и поднялъ голову.

— Кто пріѣхалъ? спросилъ онъ.

— Рудинъ, Дмитрій Николаичъ, повторилъ слуга.

Волынцевъ всталъ.

— Проси, промолвилъ онъ:—а ты, сестра, прибавилъ онъ, обратясь къ Александрѣ Павловнѣ:—оставь насъ.

— Да почему же? начала она....

— Я знаю, перебилъ онъ съ запальчивостью:—я прошу тебя.

Вошелъ Рудинъ. Волынцевъ холодно поклонился ему, стоя посреди комнаты, и не протянулъ ему руки.

— Вы меня не ждали, признайтесь, началъ Рудинъ и поставилъ шляпу на окно.

Губы его слегка передергивало. Ему было неловко; но онъ старался скрыть свое замѣшательство.

— Я васъ не ждалъ, точно, возразилъ Волынцевъ:— я скорѣе, послѣ вчерашняго дня, могъ ждать кого-нибудь съ порученіемъ отъ васъ.

— Я понимаю, что̀ вы хотите сказать, промолвилъ Рудинъ, садясь:—и очень радъ вашей откровенности. Этакъ

гораздо лучше. Я самъ пріѣхалъ къ вамъ, какъ къ благородному человѣку.

— Нельзя ли безъ комплиментовъ? замѣтилъ Волынцевъ.

— Я желаю объяснить вамъ, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Мы съ вами знакомы: почему же вамъ и не пріѣхать ко мнѣ? Притомъ же, вы не въ первый разъ удостоиваете меня своимъ посѣщеніемъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, какъ благородный человѣкъ къ благородному человѣку, повторилъ Рудинъ:—и хочу теперь сослаться на собственный вашъ судъ.... Я довѣряю вамъ вполнѣ....

— Да въ чемъ дѣло? проговорилъ Волынцевъ, который все еще стоялъ въ прежнемъ положеніи и сумрачно глядѣлъ на Рудина, изрѣдка подергивая концы усовъ.

— Позвольте.... я пріѣхалъ затѣмъ, чтобы объясниться конечно; но, все-таки, это нельзя разомъ.

— Отчего же нельзя?

— Здѣсь замѣшано третье лицо....

— Какое третье лицо?

— Сергѣй Павлычъ, вы меня понимаете.

— Дмитрій Николаичъ, я васъ нисколько не понимаю.

— Вамъ угодно....

— Мнѣ угодно, чтобы вы говорили безъ обиняковъ! подхватилъ Волынцевъ.

Онъ начиналъ сердиться не на шутку.

Рудинъ нахмурился.

— Извольте.... мы одни.... Я долженъ вамъ сказать впрочемъ, вы, вѣроятно, уже догадываетесь (Волынцевъ нетерпѣливо пожалъ плечами)—я долженъ вамъ сказать, что я люблю Наталью Алексѣевну и имѣю право предполагать, что и она меня любитъ.

Волынцевъ побѣдѣлъ, но ничего не отвѣтилъ, отошелъ къ окну и отвернулся.

— Вы понимаете, Сергѣй Павлычъ, продолжалъ Рудинъ: — что если бы я не былъ увѣренъ....

— Помилуйте! поспѣшно перебилъ Волынцевъ, — я нисколько не сомнѣваюсь.... Что-жъ! на здоровье! Только я удивляюсь, съ какого дьявола вамъ вздумалось ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ пожаловать.... Я-то тутъ что? Что мнѣ за дѣло, кого вы любите и кто васъ любитъ? Я просто не могу понять.

Волынцевъ продолжалъ глядѣть въ окно. Голосъ его звучалъ глухо.

Рудинъ всталъ.

— Я вамъ скажу, Сергѣй Павлычъ, почему я рѣшился пріѣхать къ вамъ, почему я не почелъ себя даже въ правѣ скрыть отъ васъ нашу.... наше взаимное расположеніе. Я слишкомъ глубоко уважаю васъ — вотъ почему я пріѣхалъ; я не хотѣлъ.... мы оба не хотѣли разыгрывать передъ вами комедію. Чувство ваше къ Натальѣ Алексѣевнѣ было мнѣ извѣстно.... Повѣрьте, я знаю себѣ цѣну: я знаю, какъ мало достоинъ я того, чтобы замѣнить васъ въ ея сердцѣ; но если ужъ этому суждено было случиться, неужели же лучше хитрить, обманывать, притворяться? Неужели лучше подвергаться недоразумѣніямъ или даже возможности такой сцены, какая произошла вчера за обѣдомъ? Сергѣй Павлычъ, скажите сами?

Волынцевъ скрестилъ руки на груди, какъ бы усиливаясь укротить самого себя.

— Сергѣй Павлычъ! продолжалъ Рудинъ: — я огорчилъ васъ, я это чувствую.... но поймите насъ.... поймите, что мы не имѣли другого средства доказать вамъ наше уваженіе, доказать, что мы умѣемъ цѣнить ваше прямодушное благородство. Откровенность, полная откровенность со всякимъ другимъ была бы неумѣстна; но съ вами она становится обязанностью. Намъ пріятно думать, что наша тайна въ вашихъ рукахъ.

Вольницевъ принужденно захохоталъ.

— Спасибо за довѣренность? воскликнулъ онъ; — хотя, прошу замѣтить, я не желалъ ни знать вашей тайны, ни своей вамъ выдать, а вы ею распоряжаетесь, какъ своимъ добромъ. Но, позвольте: вы говорите, какъ бы отъ общаго лица. Стало-быть, я могу предполагать, что Натальѣ Алексѣевнѣ извѣстно ваше посѣщеніе и цѣль этого посѣщенія?

Рудинъ немного смутился.

— Нѣтъ, я не сообщилъ Натальѣ Алексѣевнѣ моего намѣренія; но, я знаю, она раздѣляетъ мой образъ мыслей.

— Все это прекрасно, заговорилъ, помолчавъ немного, Вольницевъ и забарабанилъ пальцами по стеклу: — хотя, признаться, было бы гораздо лучше, если бы вы поменьше меня уважали. Мнѣ, по правдѣ сказать, ваше уваженіе ни къ чорту не нужно; но что же вы теперь хотите отъ меня?

— Я ничего не хочу.... или, нѣтъ! я хочу одного: я хочу, чтобы вы не считали меня коварнымъ и хитрымъ человѣкомъ, чтобы вы поняли меня.... Я надѣюсь, что вы теперь уже не можете сомнѣваться въ моей искренности.... Я хочу, Сергѣй Павлычъ, чтобы мы разстались друзьями.... чтобы вы, по прежнему, протянули мнѣ руку....

И Рудинъ приблизился къ Вольницеву.

— Извините меня, милостивый государь, промолвилъ Вольницевъ, обернувшись и отступивъ шагъ назадъ: — я готовъ отдать полную справедливость вашимъ намѣреніямъ, все это прекрасно, положимъ, даже возвышенно, но мы люди простые, ѣдимъ пряники неписаные, мы не въ состояніи слѣдить за полетомъ такихъ великихъ умовъ, каковъ вашъ.... Что вамъ кажется искреннимъ, намъ кажется навязчивымъ и нескромнымъ.... Что для васъ про-

сто и ясно, для насъ запутанно и темно.... Вы хвастаетесь тѣмъ, что́ мы скрываемъ: гдѣ же намъ понять васъ! Извините меня: ни другомъ я васъ считать не могу, ни руки я вамъ не подамъ.... Это, можетъ быть, мелко: да вѣдь я самъ мелокъ.

Рудинъ взялъ шляпу съ окна.

— Сергѣй Павлычъ! проговорилъ онъ печально: — прощайте: я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Посѣщеніе мое, дѣйствительно, довольно странно; но я надѣялся, что вы.... (Волынцевъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе).... Извините, я больше говорить объ этомъ не стану. Сообразивъ все, я вижу, точно: вы правы и иначе поступить не могли. Прощайте и позвольте, по-крайней-мѣрѣ, еще разъ, въ послѣдній разъ, увѣрить васъ въ чистотѣ моихъ намѣреній.... Въ вашей скромности я убѣжденъ....

— Это уже слишкомъ! воскликнулъ Волынцевъ и затрясся отъ гнѣва: — я нисколько не напрашивался на ваше довѣріе; а потому разсчитывать на мою скромность вы не имѣете никакого права!

Рудинъ хотѣлъ что-то сказать, но только руками развелъ, поклонился и вышелъ, а Волынцевъ бросился на диванъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Можно войти къ тебѣ? послышался у двери голосъ Александры Павловны.

Волынцевъ не тотчасъ отвѣчалъ и украдкой провелъ рукой по лицу.—Нѣтъ, Саша, проговорилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ:—погоди еще немножко.

Полчаса спустя, Александра Павловна опять подошла къ двери.

— Михайло Михайлычъ пріѣхалъ, сказала она:—хочешь ты его видѣть?

— Хочу, отвѣтилъ Волынцевъ: пошли его сюда.

Лежневъ вошелъ.

— Что—ты нездоровъ? спросилъ онъ, усаживаясь на кресла возлѣ дивана.

Волынцевъ приподнялся, опершя на локоть, долго, долго посмотрѣлъ своему пріятелю въ лицо, и тутъ же передалъ ему весь свой разговоръ съ Рудинымъ, отъ слова до слова. Онъ никогда до тѣхъ поръ и не намекалъ Лежневу о своихъ чувствахъ къ Натальѣ, хотя и догадывался, что они для него не были скрыты.

— Ну, братъ, удивилъ ты меня, проговорилъ Лежневъ, какъ только Волынцевъ кончилъ свой разсказъ.—Много странностей ожидалъ я отъ него, но ужъ это.... Впрочемъ, узнаю его и тутъ.

— Помилуй! говорилъ взволнованный Волынцевъ:—вѣдь это просто наглость! Вѣдь я чуть-чуть его за окно не выбросилъ! Похвастаться, что-ли, онъ хотѣлъ передо мной, или струсилъ? Да съ какой стати? Какъ рѣшиться ѣхать къ человѣку....

Волынцевъ закинулъ руки за голову и умолкъ.

— Нѣтъ, братъ, это не то, спокойно возразилъ Лежневъ.—Ты, вотъ, мнѣ не повѣришь, а вѣдь онъ это сдѣлалъ изъ хорошаго побужденія. Право.... Оно, вишь ты, и благородно, и откровенно, ну, да и поговорить представляется случай, краснорѣчіе въ ходъ пустить; а вѣдь намъ вотъ чего нужно, вотъ безъ чего мы жить не въ состояніи.... Охъ, языкъ его—врагъ его.... Ну, за то же онъ и слуга ему.

— Съ какой торжественностью онъ вошелъ и говорилъ, ты себѣ представить не можешь!...

— Ну, да безъ этого ужъ нельзя. Онъ сюртукъ застегиваетъ, словно священный долгъ исполняетъ. Я бы посадилъ его на необитаемый островъ и посмотрѣлъ бы изъ-за угла, какъ бы онъ тамъ распоряжаться сталъ. А онъ толкуетъ о простотѣ!

— Да скажи мнѣ, братъ, ради Бога, спросилъ Волынцевъ—что́ это такое: философія, что́-ли?

— Какъ тебѣ сказать? съ одной стороны, пожалуй, это точно философія—а съ другой ужъ это совсѣмъ не то́. На философію всякій вздоръ сваливать тоже не приходится.

Волынцевъ взглянулъ на него.

— А не солгалъ ли онъ, какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, сынъ мой, не солгалъ. А впрочемъ, знаешь ли что? Довольно разсуждать объ этомъ. Давай-ка, братецъ, закуримъ трубки, да попросимъ сюда Александру Павловну.... При ней и говорится лучше, и молчится легче. Она насъ чаемъ напоитъ.

— Пожалуй, возразилъ Волынцевъ. — Саша, войди! крикнулъ онъ.

Александра Павловна вошла. Онъ схватилъ ея руку и крѣпко прижалъ ее къ своимъ губамъ.

Рудинъ вернулся домой въ состояніи духа смутномъ и странномъ. Онъ досадовалъ на себя, упрекалъ себя въ непростительной опрометчивости, въ мальчишествѣ. Недаромъ сказалъ кто-то: нѣтъ ничего тягостнѣе сознанія только-что сдѣланной глупости.

Раскаяніе грызло Рудина.

„Чортъ меня дернулъ“, шепталъ онъ сквозь зубы, „съѣздить къ этому помѣщику! Вотъ пришла мысль! Только на дерзости напрашиваться!“...

А въ домѣ Дарьи Михайловны происходило что-то необыкновенное. Сама хозяйка цѣлое утро не показывалась, и къ обѣду не вышла: у ней, по увѣренію Пандалевскаго, единственнаго допущеннаго до ней лица, голова болѣла. Наталью Рудинъ также почти не видалъ: она сидѣла въ своей комнатѣ съ m-lle Boncourt.... Встрѣтясь съ нимъ въ столовой, она такъ печально на него посмотрѣла, что

у него сердце дрогнуло. Ея лицо измѣнилось, словно несчастье обрушилось на нее со вчерашняго дня. Тоска неопредѣленныхъ предчувствій начала томить Рудина. Чтобы какъ-нибудь развлечься, онъ занялся съ Басистовымъ, много съ нимъ разговаривалъ и нашелъ въ немъ горячаго, живого малаго, съ восторженными надеждами и нетронутой еще вѣрой. Къ вечеру Дарья Михайловна появилась часа на два въ гостиной. Она была любезна съ Рудинымъ, но держалась какъ-то отдаленно, и то посмѣивалась, то хмурилась, говорила въ носъ, и все больше намеками.... Такъ отъ нея придворной дамой и вѣяло. Въ послѣднее время она, какъ будто, охладѣла немного къ Рудину.— „Что́ за загадка?“ думалъ онъ, глядя съ боку на ея закинутую головку.

Онъ не долго дожидался разрѣшенія этой загадки. Возвращаясь, часу въ двѣнадцатомъ ночи, въ свою комнату, шелъ онъ по темному корридору. Вдругъ кто-то сунулъ ему въ руку записку. Онъ оглянулся: отъ него удалялась дѣвушка, какъ ему показалось, Натальина горничная. Онъ пришелъ къ себѣ, услалъ человѣка, развернулъ записку и прочелъ слѣдующія строки, начертанныя рукою Натальи:

„Приходите завтра, въ седьмомъ часу утра, не позже, къ Авдюхину пруду, за дубовымъ лѣсомъ. Всякое другое время невозможно. Это будетъ наше послѣднее свиданіе, все будетъ кончено, если.... Приходите. Надо будетъ рѣшиться....

P. S. Если я не приду, значитъ, мы не увидимся больше: тогда я вамъ дамъ знать....“

Рудинъ задумался, повертѣлъ записку въ рукахъ, положилъ ее подъ подушку, раздѣлся, легъ, но заснулъ не скоро, спалъ чуткимъ сномъ, и не было еще пяти часовъ, когда онъ проснулся.

IX.

Авдюхинъ прудъ, возлѣ котораго Наталья назначила свиданіе Рудину, давно переставъ быть прудомъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ его прорвало и съ тѣхъ поръ его забросили. Только по ровному и плоскому дну оврага, нѣкогда затянутому жирнымъ иломъ, да по остаткамъ плотины можно было догадаться, что здѣсь былъ прудъ. Тутъ же существовала усадьба. Она давнымъ-давно исчезла. Двѣ огромныя сосны напоминали о ней; вѣтеръ вѣчно шумѣлъ и угрюмо гудѣлъ въ ихъ высокой, тощей зелени.... Въ народѣ ходили таинственные слухи о страшномъ преступленіи, будто бы совершенномъ у ихъ корня; поговаривали также, что ни одна изъ нихъ не упадетъ, не причинивъ кому-нибудь смерти; что тутъ прежде стояла третья сосна, которая въ бурю повалилась и задавила дѣвочку. Все мѣсто около стараго пруда считалось нечистымъ; пустое и голое, но глухое и мрачное, даже въ солнечный день—оно казалось еще мрачнѣе и глуше отъ близости дряхлаго дубоваго лѣса, давно вымершаго и засохшаго. Рѣдкіе сѣрые остовы громадныхъ деревьевъ высились какими-то унылыми призраками надъ низкой порослью кустовъ. Жутко было смотрѣть на нихъ: казалось, злые старики сошлись и замышляютъ что-то недоброе. Узкая, едва проторенная дорожка вилась въ сторонѣ. Безъ особенной нужды никто не проходилъ мимо Авдюхина пруда. Наталья съ намѣреніемъ выбрала такое уединенное мѣсто. До него отъ дома Дарьи Михайловны было не болѣе полуверсты.

Солнце уже давно встало, когда Рудинъ пришелъ къ Авдюхину пруду; но не веселое было утро. Сплошныя тучи молочнаго цвѣта покрывали все небо; вѣтеръ быстро гналъ ихъ, свистя и взвизгивая. Рудинъ началъ ходить взадъ и впередъ по плотинѣ, покрытой рѣдкимъ лопушни-

комъ и почернѣлой крапивой. Онъ не былъ спокоенъ. Эти свиданія, эти новыя ощущенія занимали, но и волновали его, особенно послѣ вчерашней записки. Онъ видѣлъ, что развязка приближалась, и втайнѣ смущался духомъ, хотя никто бы этого не подумалъ, глядя, съ какой сосредоточенной рѣшимостью онъ скрещивалъ руки на груди и поводилъ кругомъ глазами. Не даромъ про него сказалъ однажды Пигасовъ, что его, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшивала голова. Но съ одной головой, какъ бы она сильна ни была, человѣку трудно узнать даже то, что въ немъ самомъ происходитъ.... Рудинъ, умный, проницательный Рудинъ, не въ состояніи былъ сказать навѣрное, любитъ ли онъ Наталью, страдаетъ ли онъ, будетъ ли страдать, разставшись съ нею. Зачѣмъ же, не прикидываясь даже Ловласомъ — эту справедливость отдать ему слѣдуетъ—сбилъ онъ съ толку бѣдную дѣвушку? Отчего ожидалъ ее съ тайнымъ трепетомъ? На это одинъ отвѣтъ: никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди.

Онъ ходилъ по плотинѣ, а Наталья спѣшила къ нему прямо черезъ поле, по мокрой травѣ.

— Барышня! барышня! вы себѣ ноги замочите, говорила ей ея горничная, Маша, едва поспѣвая за ней.

Наталья не слушала ее и бѣжала безъ оглядки.

— Ахъ, какъ бы не подсмотрѣли насъ! твердила Маша.—Ужъ и тому дивиться надо, какъ мы изъ дому-то вышли. Какъ бы мамзель не проснулась... Благо, недалеко... А ужъ они ждутъ-съ, прибавила она, увидѣвъ внезапно статную фигуру Рудина, картинно стоявшаго на плотинѣ:—только напрасно они этакъ на юру стоятъ—сошли бы въ лощину.

Наталья остановилась.

— Подожди здѣсь, Маша, у сосенъ, промолвила она и спустилась къ пруду.

Рудинъ подошелъ къ ней и остановился въ изумленіи. Такого выраженія онъ еще не замѣчалъ на ея лицѣ. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, глаза глядѣли прямо и строго.

— Дмитрій Николаичъ, начала она:—намъ время терять некогда. Я прибыла на пять минутъ. Я должна сказать вамъ, что матушка все знаетъ. Г-нъ Пандалевскій подсмотрѣлъ насъ третьяго дня и разсказалъ ей о нашемъ свиданіи. Онъ всегда былъ шпіономъ у матушки. Она вчера позвала меня къ себѣ.

— Боже мой! воскликнулъ Рудинъ: — это ужасно.... Что же сказала ваша матушка?

— Она не сердилась на меня, не бранила меня, только пожалѣла мнѣ за мое легкомысліе.

— Только?

— Да, и объявила мнѣ, что она скорѣе согласится видѣть меня мертвою, чѣмъ вашей женою.

— Неужели она это сказала?

— Да; и еще прибавила, что вы сами нисколько не желаете жениться на мнѣ, что вы только такъ, отъ скуки, приволокнулись за мной, и что она этого отъ васъ не ожидала; что, впрочемъ, она сама виновата, зачѣмъ позволила мнѣ такъ часто видѣться съ вами.... что она надѣется на мое благоразуміе, что я ее очень удивила.... да уже я и не помню всего, что́ она говорила мнѣ.

Наталья произнесла все это какимъ-то ровнымъ, почти беззвучнымъ голосомъ.

— А вы, Наталья Алексѣевна, что вы ей отвѣтили? спросилъ Рудинъ.

— Что́ я ей отвѣтила? повторила Наталья.... Что́ *вы* теперь намѣрены дѣлать?

— Боже мой! Боже мой! возразилъ Рудинъ:—это жестоко! Такъ скоро!... такой внезапный ударъ!... И ваша матушка пришла въ такое негодованіе?

— Да.... да, она слышать о васъ не хочетъ.

— Это ужасно! Стало-быть, никакой надежды нѣтъ?

— Никакой.

— За что́ мы такъ несчастливы! Глупый этотъ Пандалевскій!... Вы меня спрашиваете, Наталья Алексѣевна, что́ я намѣренъ дѣлать? У меня голова кругомъ идетъ—я ничего сообразить не могу.... Я чувствую только свое несчастіе.... удивляюсь, какъ вы можете сохранить хладнокровіе!...

— Вы думаете, мнѣ легко? проговорила Наталья.

Рудинъ началъ ходить по плотинѣ. Наталья не спускала съ него глазъ.

— Ваша матушка васъ не разспрашивала? промолвилъ онъ наконецъ.

— Она меня спросила, люблю ли я васъ.

— Ну.... и вы?

Наталья помолчала.—Я не солгала.

Рудинъ взялъ ее за руку.

— Всегда, во всемъ благородна и великодушна! О, сердце дѣвушки—это чистое золото! Но неужели ваша матушка такъ рѣшительно объявила свою волю насчетъ невозможности нашего брака?

— Да, рѣшительно. Я ужъ вамъ сказала: она убѣждена, что вы сами не думаете жениться на мнѣ.

— Стало-быть, она считаетъ меня за обманщика! Чѣмъ я заслужилъ это?

И Рудинъ схватилъ себя за голову.

— Дмитрій Николаичъ! промолвила Наталья: мы тратимъ попусту время. Вспомните, я въ послѣдній разъ вижусь съ вами. Я пришла сюда не плакать, не жаловаться—вы видите, я не плачу—я пришла за совѣтомъ.

— Да какой совѣтъ могу я дать вамъ, Наталья Алексѣевна?

— Какой совѣтъ? Вы мужчина: я привыкла вамъ вѣ-

рить, я до конца буду вѣрить вамъ. Скажите мнѣ, какія ваши намѣренія?

— Мои намѣренія? Ваша матушка, вѣроятно, откажетъ мнѣ отъ дому.

— Можетъ быть. Она уже вчера объявила мнѣ, что должна будетъ раззнакомиться съ вами.... Но вы не отвѣчасте на мой вопросъ.

— На какой вопросъ?

— Какъ вы думаете, что́ намъ надобно теперь дѣлать?

— Что́ намъ дѣлать? возразилъ Рудинъ:—разумѣется, покориться.

— Покориться, медленно повторила Наталья, и губы ея поблѣднѣли.

— Покориться судьбѣ, продолжалъ Рудинъ.—Что́ же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо; но, посудите сами, Наталья Алексѣевна, я бѣденъ.... Правда, я могу работать; но если-бъ я былъ даже богатый человѣкъ, въ состояніи ли вы перенести насильственное расторженіе съ вашимъ семействомъ, гнѣвъ вашей матери?... Нѣтъ, Наталья Алексѣевна; объ этомъ и думать нечего. Видно, намъ не суждено было жить вмѣстѣ, и то счастье, о которомъ я мечталъ, не для меня!

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и заплакала. Рудинъ приблизился къ ней.

— Наталья Алексѣевна! милая Наталья! заговорилъ онъ съ жаромъ: — не плачьте, ради Бога, не терзайте меня, утѣшьтесь....

Наталья подняла голову.

— Вы мнѣ говорите, чтобы я утѣшилась, начала она, и глаза ея заблестѣли сквозь слезы?—я не о томъ плачу, о чемъ вы думаете.... Мнѣ не то больно: мнѣ больно то, что я въ васъ обманулась.... Какъ! я прихожу къ вамъ за совѣтомъ, и въ какую минуту!—и первое ваше

слово: покориться.... Покориться! Такъ вотъ какъ вы примѣняете на дѣлѣ ваши толкованія о свободѣ, о жертвахъ, которыя....

Ея голосъ прервался.

— Но, Наталья Алексѣевна, началъ смущенный Рудинъ: вспомните.... я не отказываюсь отъ словъ моихъ.... только....

— Вы спрашивали меня, продолжала она съ новой силой:—что́ я отвѣтила моей матери, когда она объявила мнѣ, что скорѣе согласится на мою смерть, чѣмъ на бракъ мой съ вами: я ей отвѣтила, что скорѣе умру, чѣмъ выйду за другого замужъ.... А вы говорите: покориться! Стало-быть, она была права: вы, точно, отъ нечего дѣлать, отъ скуки, пошутили со мной....

— Клянусь вамъ, Наталья Алексѣевна.... увѣряю васъ.... твердилъ Рудинъ.

Но она его не слушала.

— Зачѣмъ же вы не остановили меня? зачѣмъ вы сами.... Или вы не разсчитывали на препятствія? Мнѣ стыдно говорить объ этомъ.... но, вѣдь, все уже кончено.

— Вамъ надо успокоиться, Наталья Алексѣевна, началъ-было Рудинъ:—намъ надо вдвоемъ подумать, какія мѣры....

— Вы такъ часто говорили о самопожертвованіи, перебила она:—но, знаете-ли, если-бъ вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ: „я тебя люблю, но я жениться не могу, я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной“,—знаете ли, что я бы пошла за вами, знаете ли, что я на все рѣшилась? Но, вѣрно, отъ слова до дѣла еще далеко, и вы теперь струсили точно такъ же, какъ струсили третьяго дня, за обѣдомъ, передъ Вольнцевымъ.

Краска бросилась въ лицо Рудину. Неожиданная восторженность Натальи его поразила; но послѣднія слова ея уязвили его самолюбіе.

— Вы слишкомъ раздражены теперь, Наталья Алексѣевна, началъ онъ:—вы не можете понять, какъ вы жестоко оскорбляете меня. Я надѣюсь, что современемъ вы отдадите мнѣ справедливость; вы поймете, чего мнѣ стóило отказаться отъ счастія, которое, какъ вы говорите сами, не налагало на меня никакихъ обязанностей. Ваше спокойствіе мнѣ дороже всего въ мірѣ, и я былъ бы человѣкомъ самымъ низкимъ, если-бъ рѣшился воспользоваться....

— Можетъ быть, можетъ быть, перебила Наталья:—можетъ быть, вы правы, я не знаю чтó говорю. Но я до сихъ поръ вамъ вѣрила, каждому вашему слову вѣрила.... Впередъ, пожалуйста, взвѣшивайте ваши слова, не произносите ихъ на вѣтеръ. Когда я вамъ сказала, что я люблю васъ, я знала, чтó значитъ это слово: я на все была готова.... Теперь мнѣ остается благодарить васъ за урокъ—и проститься.

— Остановитесь, ради Бога, Наталья Алексѣевна, умоляю васъ. Я не заслуживаю вашего презрѣнія, клянусь вамъ. Войдите же и вы въ мое положеніе. Я отвѣчаю за васъ и за себя. Если-бъ я не любилъ васъ самой преданной любовью—да Боже мой! я бы тотчасъ самъ предложилъ вамъ бѣжать со мною.... Рано или поздно, матушка ваша проститъ насъ.... и тогда.... Но прежде чѣмъ думать о собственномъ счастьѣ....

Онъ остановился. Взоръ Натальи, прямо на него устремленный, смущалъ его.

— Вы стараетесь мнѣ доказать, что вы честный человѣкъ, Дмитрій Николаичъ, промолвила она! – я въ этомъ не сомнѣваюсь. Вы не въ состояніи дѣйствовать изъ разсчета; но развѣ въ этомъ я желала убѣдиться, развѣ для этого я пришла сюда....

— Я не ожидалъ, Наталья Алексѣевна....

— А! вотъ когда вы проговорились! Да, вы не ожидали

всего этого—вы меня не знали. Не безпокойтесь.... вы не любите меня, а я никому не навязываюсь.

— Я васъ люблю! воскликнулъ Рудинъ.

Наталья выпрямилась.

— Можетъ быть; но какъ вы меня любите! Я помню всѣ ваши слова, Дмитрій Николаичъ. Помните, вы мнѣ говорили: безъ полнаго равенства нѣтъ любви.... Вы для меня слишкомъ высоки, вы не мнѣ чета.... Я подѣломъ наказана, Вамъ предстоятъ занятія, болѣе достойныя васъ. Я не забуду нынѣшняго дня.... Прощайте....

— Наталья Алексѣевна, вы уходите? Неужели мы такъ разстанемся?

Онъ протянулъ къ ней руки. Она остановилась. Его умоляющій голосъ, казалось, поколебалъ ее.

— Нѣтъ, промолвила она наконецъ:—я чувствую, что-то во мнѣ надломилось.... Я шла сюда, я говорила съ вами точно въ горячкѣ; надо опомниться. Этому не должно быть, вы сами сказали, этого не будетъ. Боже мой, когда я шла сюда, я мысленно прощалась съ моимъ домомъ, со всѣмъ моимъ прошедшимъ,—и что же? кого я встрѣтила здѣсь? малодушнаго человѣка.... И почему вы знали, что я не въ состояніи буду перенести разлуку съ семействомъ? „Ваша матушка не согласна.... Это ужасно!“ Вотъ все, что я слышала отъ васъ. Вы ли это, вы ли это, Рудинъ? Нѣтъ! прощайте.... Ахъ! если бы вы меня любили, я бы почувствовала это теперь, въ это мгновеніе... Нѣтъ, нѣтъ, прощайте!...

Она быстро повернулась и побѣжала къ Машѣ, которая уже давно начала безпокоиться и дѣлать ей знаки.

— *Вы* трусите, а не я! крикнулъ Рудинъ вслѣдъ Натальѣ.

Она уже не обращала на него вниманія и спѣшила черезъ поле домой. Она благополучно возвратилась къ себѣ

въ спальню; но только лишь переступила порогъ, силы ей измѣнили, и она безъ чувствъ упала на руки Машѣ.

А Рудинъ долго еще стоялъ на плотинѣ. Наконецъ, онъ встрепенулся, медленными шагами добрался до дорожки и тихо пошелъ по ней. Онъ былъ очень пристыженъ.... и огорченъ. „Какова?“ думалъ онъ. „Въ восемнадцать лѣтъ!... Нѣтъ, я ея не зналъ.... Она замѣчательная дѣвушка. Какая сила воли!... Она права; она стóитъ не такой любви, какую я къ ней чувствовалъ.... Чувствовалъ?...“ спросилъ онъ самого себя. „Развѣ я уже больше не чувствую любви? Такъ вотъ какъ это все должно было кончиться! Какъ я былъ жалокъ и ничтоженъ передъ ней!“

Легкій стукъ бѣговыхъ дрожекъ заставилъ Рудина поднять глаза. Къ нему на встрѣчу, на неизмѣнномъ своемъ рысачкѣ, ѣхалъ Лежневъ. Рудинъ молча съ нимъ раскланялся, и, какъ пораженный внезапной мыслью, свернулъ съ дороги и быстро пошелъ по направленію къ дому Дарьи Михайловны.

Лежневъ далъ ему отойти, посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ и, подумавъ немного, тоже поворотилъ назадъ свою лошадь—и поѣхалъ обратно къ Волынцеву, у котораго провелъ ночь. Онъ засталъ его спящимъ, не велѣлъ будить его и, въ ожиданіи чая, сѣлъ на балконъ и закурилъ трубку.

X.

Волынцевъ всталъ часу въ десятомъ и, узнавъ, что Лежневъ сидитъ у него на балконѣ, очень удивился и велѣлъ его попросить къ себѣ.

— Что́ случилось? спросилъ онъ его. — Вѣдь ты хотѣлъ къ себѣ поѣхать.

— Да, хотѣлъ, да встрѣтилъ Рудина.... Одинъ шагаетъ по полю, и лицо такое разстроенное. Я взялъ, да и вернулся.

— Ты вернулся оттого, что встрѣтилъ Рудина?

— То-есть, правду сказать, я самъ не знаю, почему я вернулся; вѣроятно, потому, что о тебѣ вспомнилъ; хотѣлось съ тобой посидѣть; а къ себѣ я еще успѣю.

Волынцевъ гордо усмѣхнулся.

— Да, о Рудинѣ нельзя теперь подумать, не подумавъ также и обо мнѣ.... Человѣкъ! крикнулъ онъ громко— дай намъ чаю.

Пріятели начали пить чай. Лежневъ заговорилъ было о хозяйствѣ, о новомъ способѣ крыть амбары бумагой....

Вдругъ Волынцевъ вскочилъ съ кресель и съ такой силой ударилъ по столу, что чашки и блюдечки зазвенѣли.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ:—я дольше этого выносить не въ силахъ! Я вызову этого умника, и пусть онъ меня застрѣлитъ, либо ужъ я постараюсь влѣпить пулю въ его ученый лобъ!

— Что́ ты, что́ ты, помилуй! пробормоталъ Лежневъ:— какъ можно такъ кричать! я чубукъ уронилъ.... Что́ съ тобой?

— А то что я слышать равнодушно имени его не могу: вся кровь у меня такъ и заходитъ.

— Полно, братъ, полно! какъ тебѣ не стыдно! возразилъ Лежневъ, поднимая съ полу трубку.—Брось!- Ну его!...

— Онъ меня оскорбилъ, продолжалъ Волынцевъ, расхаживая по комнатѣ.... да! онъ оскорбилъ меня. Ты самъ долженъ съ этимъ согласиться. На первыхъ порахъ я не нашелся: онъ озадачилъ меня; да и кто могъ ожидать этого? Но я ему докажу, что шутить со мной нельзя.... Я его, проклятаго философа, какъ куропатку застрѣлю.

— Много ты этимъ выиграешь, какъ-же! Я уже о сестрѣ твоей не говорю. Извѣстно, ты обуреваемъ страстью.... гдѣ тебѣ о сестрѣ думать! Да въ отношеніи къ другой осо-

бѣ, что̀ ты думаешь, убивши философа, ты дѣла свои поправишь?

Волынцевъ бросился въ кресла.

— Такъ уѣду я куда-нибудь! А то здѣсь тоска мнѣ просто сердце отдавила: просто, мѣста нигдѣ найти не могу.

— Уѣдешь.... вотъ это другое дѣло! Вотъ съ этимъ я согласенъ. И знаешь ли, что̀ я тебѣ предлагаю. Поѣдемъ-ка вмѣстѣ—на Кавказъ или такъ просто въ Малороссію, галушки ѣсть. Славное, братъ, дѣло!

— Да; а сестру-то съ кѣмъ оставимъ?

— А почему же Александрѣ Павловнѣ не поѣхать съ нами? Ей-Богу, отлично выйдетъ. Ухаживать за ней,—ужъ за это я берусь! Ни въ чемъ недостатка имѣть не будетъ; коли захочетъ, каждый вечеръ серенаду подъ окномъ устрою; ямщиковъ одеколономъ надушу, цвѣты по дорогамъ натыкаю. А ужъ мы, братъ, съ тобой просто переродимся; такъ наслаждаться будемъ, брюханами такими назадъ пріѣдемъ, что никакая любовь насъ ужъ не пройметъ!

— Ты все шутишь, Мина!

— Вовсе не шучу. Это тебѣ блестящая мысль въ голову пришла.

— Нѣтъ! вздоръ! вскрикнулъ опять Волынцевъ; — я драться, драться съ нимъ хочу!...

— Опять! Экой ты, братъ, сегодня съ колеромъ!...

Человѣкъ вошелъ съ письмомъ въ рукѣ.

— Отъ кого? спросилъ Лежневъ.

— Отъ Рудина, Дмитрія Николаевича. Ласунскихъ человѣкъ привезъ.

— Отъ Рудина? повторилъ Волынцевъ:—къ кому?

— Къ вамъ-съ.

— Ко мнѣ.... подай.

Волынцевъ схватилъ письмо, быстро распечаталъ его, сталъ читать. Лежневъ внимательно глядѣлъ на него:

странное, почти радостное изумленіе изображалось на лицѣ Волынцева; онъ опустилъ руки.

— Что такое? спросилъ Лежневъ.

— Прочти, проговорилъ Волынцевъ вполголоса и протянулъ ему письмо.

Лежневъ началъ читать. Вотъ что писалъ Рудинъ:

„Милостивый государь, Сергѣй Павловичъ!

„Я сегодня уѣзжаю изъ дома Дарьи Михайловны, и уѣзжаю навсегда. Это васъ, вѣроятно, удивитъ, особенно послѣ того, что произошло вчера. Я не могу объяснить вамъ, что именно заставляетъ меня поступить такъ; по мнѣ почему-то кажется, что я долженъ извѣстить васъ о моемъ отъѣздѣ. Вы меня не любите, и даже считаете меня за дурного человѣка. Я не памѣренъ оправдываться: меня оправдаетъ время. По-моему, и недостойно мущины, и безполезно доказывать предубѣжденному человѣку несправедливость его предубѣжденій. Кто захочетъ меня понять, тотъ извинитъ меня, а кто понять не хочетъ или не можетъ— обвиненія того меня не трогаютъ. Я ошибся въ васъ. Въ глазахъ моихъ вы, по прежнему, остаетесь благороднымъ и честнымъ человѣкомъ; но я полагалъ, вы съумѣете стать выше той среды, въ которой развились.... Я ошибся. Что дѣлать?! Не въ первый и не въ послѣдній разъ. Повторяю вамъ: я уѣзжаю. Желаю вамъ счастія. Согласитесь, что это желаніе совершенно безкорыстно, и надѣюсь, что вы теперь будете счастливы. Можетъ быть, вы со временемъ измѣните свое мнѣніе обо мнѣ. Увидимся ли мы когда-нибудь, не знаю, но, во всякомъ случаѣ, остаюсь искренно васъ уважающій—

Д. Р.“

„P. S. Должныя мною вамъ двѣсти рублей я вышлю, какъ только пріѣду къ себѣ въ деревню, въ Т....ую губер-

нію. Также прошу васъ не говорить при Дарьѣ Михайловнѣ объ этомъ письмѣ."

„P. P. S. Еще одна послѣдняя, но важная просьба: такъ какъ я теперь уѣзжаю, то, я надѣюсь, вы не будете упоминать передъ Натальей Алексѣевной о моемъ посѣщеніи у васъ...."

— Ну, что́ ты скажешь? спросилъ Волынцевъ, какъ только Лежневъ окончилъ письмо.

— Что́ тутъ сказать! возразилъ Лежневъ,—воскликнуть по восточному: „Аллахъ! Аллахъ!" и положить въ ротъ палецъ изумленія—вотъ все, что можно сдѣлать. Онъ уѣзжаетъ.... Ну! доро́га скатертью. Но вотъ что любопытно: вѣдь и это письмо онъ почелъ *за долгъ* написать, и являлся онъ къ тебѣ по чувству долга.... У этихъ господъ на каждомъ шагу долгъ, и все долгъ—да долги, прибавилъ Лежневъ, съ усмѣшкой указывая на post scriptum.

— А каковы онъ фразы выпускаетъ? воскликнулъ Волынцевъ.—Онъ ошибся во мнѣ: онъ ожидалъ, что я стану выше какой-то среды.... Что за ахинея, Господи! хуже стиховъ!

Лежневъ ничего не отвѣтилъ; одни глаза его улыбнулись. Волынцевъ всталъ.

— Я хочу съѣздить къ Дарьѣ Михайловнѣ, промолвилъ онъ:—я хочу узнать, что́ все это значитъ....

— Погоди, братъ: дай ему убраться. Къ чему тебѣ опять съ нимъ сталкиваться? Вѣдь онъ исчезаетъ—чего тебѣ еще? Лучше поди-ка лягъ, да усни; вѣдь ты, чай, всю ночь съ боку на бокъ проворочался. А теперь дѣла твои поправляются....

— Изъ чего ты это заключаешь?

— Да такъ мнѣ кажется. Право, усни; а я пойду къ твоей сестрѣ—посижу съ ней.

— Я вовсе спать не хочу. Съ какой стати мнѣ спать?...

Я лучше поѣду, поля осмотрю, сказалъ Волынцевъ, одергивая полы пальто.

— И то добре. Поѣзжай, братъ, поѣзжай, осмотри поля...

И Лежневъ отправился на половину Александры Павловны. Онъ засталъ ее въ гостиной. Она ласково его привѣтствовала. Она всегда радовалась его приходу; но лицо ея осталось печально. Ее безпокоило вчерашнее посѣщеніе Рудина.

— Вы отъ брата? спросила она Лежнева:—каковъ онъ сегодня?

— Ничего, поѣхалъ поля осматривать.

Александра Павловна помолчала.

— Скажите, пожалуйста, начала она, внимательно разсматривая кайму носового платка: — вы не знаете, зачѣмъ....

— Пріѣзжалъ Рудинъ? подхватилъ Лежневъ: — Знаю: онъ пріѣзжалъ проститься.

Александра Павловна подняла голову.

— Какъ—проститься?

— Да. Развѣ вы не слыхали? Онъ уѣзжаетъ отъ Дарьи Михайловны.

— Уѣзжаетъ?

— Навсегда; по-крайней-мѣрѣ, онъ такъ говоритъ.

— Да помилуйте, какъ-же это понять, послѣ всего того...

— А это другое дѣло! Понять этого нельзя, но оно такъ. Должно быть, что-нибудь тамъ у нихъ произошло. Струну слишкомъ натянулъ—она и лопнула.

— Михайло Михайлычъ! начала Александра Павловна: я ничего не понимаю: вы, мнѣ кажется, смѣетесь надо мной....

— Да ей-Богу же нѣтъ.... Говорятъ вамъ, онъ уѣзжаетъ, и даже письменно извѣщаетъ объ этомъ своихъ знакомыхъ. Оно, если хотите, съ нѣкоторой точки зрѣнія, недурно; но отъѣздъ его помѣшалъ осуществиться одному удивитель-

нѣйшему предпріятію, о которомъ мы начали-было толковать съ вашимъ братомъ.

— Что́ такое? какое предпріятіе?

— А вотъ какое. Я предлагалъ вашему брату поѣхать, для развлеченія, путешествовать, и взять васъ съ собой. Ухаживать, собственно за вами, брался я....

— Вотъ прекрасно! воскликнула Александра Павловна:—воображаю себѣ, какъ бы вы за мною ухаживали. Да вы бы меня съ голоду уморили.

— Вы это потому такъ говорите, Александра Павловна, что не знаете меня. Вы думаете, что я чурбанъ, чурбанъ совершенный, деревяшка какая-то: а извѣстно ли вамъ, что я способенъ таять, какъ сахаръ, дни простаивать на колѣняхъ?

— Вотъ это бы я, признаюсь, посмотрѣла!

Лежневъ вдругъ поднялся.—Да выдьте за меня замужъ, Александра Павловна, вы все это и увидите.

— Александра Павловна покраснѣла до ушей.

— Что́ вы это такое, сказали, Михайло Михайлычъ? повторила она съ смущеніемъ.

— А то я сказалъ, отвѣтилъ Лежневъ:—что́ уже давнымъ-давно и тысячу разъ у меня на языкѣ было. Я проговорился наконецъ, и вы можете поступить, какъ знаете. А чтобы не стѣснять васъ, я теперь выйду. Если вы хотите быть моею женою.... Удаляюсь. Если вамъ не противно, вы только велите меня позвать: я уже пойму....

Александра Павловна хотѣла-было удержать Лежнева, но онъ проворно ушелъ, безъ шапки отправился въ садъ, опершя на калитку и началъ глядѣть куда-то.

— Михайло Михайлычъ! раздался за нимъ голосъ горничной:—пожалуйте къ барынѣ. Онѣ васъ велѣли позвать.

Михайло Михайловичъ обернулся, взялъ горничную, къ великому ея изумленію, обѣими руками за голову, поцѣловалъ ее въ лобъ и пошелъ къ Александрѣ Павловнѣ.

XI.

Вернувшись домой, тотчасъ послѣ встрѣчи съ Лежневымъ, Рудинъ запершся въ своей комнатѣ и написалъ два письма: одно—къ Волынцеву (оно уже извѣстно читателямъ) и другое — къ Натальѣ. Онъ очень долго сидѣлъ надъ этимъ вторымъ письмомъ, многое въ немъ перемарывалъ и передѣлывалъ и, тщательно списавъ его на тонкомъ листѣ почтовой бумаги, сложилъ его какъ можно мельче и положилъ въ карманъ. Съ грустью на лицѣ прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ на кресло передъ окномъ, подперся рукою; слеза тихо выступила на его рѣсницы.... Онъ всталъ, застегнулся на всѣ пуговицы, позвалъ человѣка и велѣлъ спросить у Дарьи Михайловны, можетъ ли онъ ее видѣть.

Человѣкъ скоро вернулся и доложилъ, что Дарья Михайловна приказала его просить. Рудинъ пошелъ къ ней.

Она приняла его въ кабинетѣ, какъ въ первый разъ, два мѣсяца тому назадъ. Но теперь она не была одна: у ней сидѣлъ Пандалевскій, скромный, свѣжій, чистый и умиленный, какъ всегда.

Дарья Михайловна любезно встрѣтила Рудина, и Рудинъ любезно ей поклонился, но, при первомъ взглядѣ на улыбавшіяся лица обоихъ, всякій хотя нѣсколько опытный человѣкъ понялъ бы, что между ними, если и не высказалось, то произошло что-то неладное. Рудинъ зналъ, что Дарья Михайловна на него сердится. Дарья Михайловна подозрѣвала, что ему уже все извѣстно.

Донесеніе Пандалевскаго очень ее разстроило. Свѣтская спѣсь въ ней зашевелилась. Рудинъ, бѣдный, нечиновный и пока неизвѣстный человѣкъ, дерзалъ назначить свиданіе ея дочери—дочери Дарьи Михайловны Ласунской!!

— Положимъ, онъ уменъ, онъ геній! говорила она:—

да что́ же это доказываетъ? Послѣ этого всякій можетъ надѣяться быть моимъ зятемъ?

— Я долго глазамъ своимъ не вѣрилъ, подхватилъ Пандалевскій.—Какъ это не знать своего мѣста, удивляюсь!

Дарья Михайловна очень волновалась, и Натальѣ доставалось отъ нея.

Она попросила Рудина сѣсть. Онъ сѣлъ, но уже не какъ прежній Рудинъ, почти хозяинъ въ домѣ, даже не какъ хорошій знакомый, а какъ гость, и не какъ близкій гость. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе.... Такъ вода внезапно превращается въ твердый ледъ.

— Я пришелъ къ вамъ, Дарья Михайловна, началъ Рудинъ!—поблагодарить васъ за ваше гостепріимство. Я получилъ сегодня извѣстіе изъ моей деревеньки и долженъ непремѣнно сегодня же ѣхать туда.

Дарья Михайловна пристально посмотрѣла на Рудина. „Онъ предупредилъ меня; должно быть, догадывается“, подумала она. „Онъ избавляетъ меня отъ тягостнаго объясненія; тѣмъ лучше. Да здравствуютъ умные люди!“

— Неужели? промолвила она громко.—Ахъ, какъ это непріятно! Ну, что́ дѣлать! Надѣюсь увидѣть васъ нынѣшней зимой въ Москвѣ. Мы сами скоро отсюда ѣдемъ.

— Я не знаю, Дарья Михайловна, удастся ли мнѣ быть въ Москвѣ; но если соберусь со средствами, за долгъ почту явиться къ вамъ.

— „Ага, братъ!“ подумалъ въ свою очередь Пандалевскій: „давно ли ты здѣсь распоряжался барином, а теперь вотъ какъ пришлось выражаться!“

— Вы, стало-быть, неудовлетворительныя извѣстія изъ вашей деревни получили? произнесъ онъ съ обычной разстановкой.

— Да, сухо возразилъ Рудинъ.

— Неурожай, можетъ быть?

— Нѣтъ.... другое.... Повѣрьте, Дарья Михайловна,

прибавилъ Рудинъ:—я никогда не забуду времени, проведеннаго мною въ вашемъ домѣ.

— И я, Дмитрій Николаичъ, всегда съ удовольствіемъ буду вспоминать наше знакомство съ вами.... Когда вы ѣдете?

— Сегодня, послѣ обѣда.

— Такъ скоро!... Ну, желаю вамъ счастливаго пути. Впрочемъ, если ваши дѣла не задержатъ васъ, можетъ быть, вы еще насъ застанете здѣсь.

— Я едва ли успѣю, возразилъ Рудинъ и всталъ.—Извините меня, прибавилъ онъ:—я не могу тотчасъ выплатить мой долгъ вамъ; но какъ только пріѣду въ деревню....

— Полноте, Дмитрій Николаичъ! перебила его Дарья Михайловна: — какъ вамъ не стыдно!... Но который-то часъ? спросила она.

Пандалевскій досталъ изъ кармана жилета золотые часики съ эмалью и посмотрѣлъ на нихъ, осторожно, налегая розовой щекой на твердый и бѣлый воротничекъ.

— Два часа и тридцать-три минуты, промолвилъ онъ.

— Пора одѣваться, замѣтила Дарья Михайловна.—До свиданья, Дмитрій Николаичъ!

Рудинъ всталъ. Весь разговоръ между нимъ и Дарьей Михайловной носилъ особый отпечатокъ. Актеры такъ репетируютъ роли, дипломаты такъ на конференціяхъ мѣняются заранѣе условленными фразами....

Рудинъ вышелъ. Онъ теперь зналъ по опыту, какъ свѣтскіе люди даже не бросаютъ, а просто роняютъ человѣка, ставшаго имъ ненужнымъ: какъ перчатку послѣ бала, какъ бумажку съ конфетки, какъ невыигравшій билетъ лотереи-томболы.

Онъ наскоро уложился и съ нетерпѣніемъ началъ ожидать мгновенія отъѣзда. Всѣ въ домѣ очень удивились, узнавъ объ его намѣреніи; даже люди глядѣли на него съ недоумѣніемъ. Басистовъ не скрывалъ своей горести. На-

талья явно избѣгала Рудина. Она старалась не встрѣчаться съ нимъ взорами; однако онъ успѣлъ всунуть ей въ руку свое письмо. За обѣдомъ Дарья Михайловна еще разъ повторила, что надѣется увидѣть его передъ отъѣздомъ въ Москву, но Рудинъ ничего не отвѣчалъ ей. Пандалевскій чаще всѣхъ съ нимъ заговаривалъ. Рудина не разъ подмывало броситься на него и поколотить его цвѣтущее и румяное лицо. M-lle Boncourt частенько посматривала на Рудина, съ лукавымъ и страннымъ выраженіемъ въ глазахъ: у старыхъ, очень умныхъ лягавыхъ собакъ можно иногда замѣтить такое выраженіе.... „Эге!“ казалось, говорила она про себя:—„вотъ какъ тебя!“

Наконецъ, пробило шесть часовъ и подали тарантасъ Рудина. Онъ сталъ торопливо прощаться со всѣми. На душѣ у него было очень скверно. Не ожидалъ онъ, что такъ выѣдетъ изъ этого дома: его какъ-будто выгоняли.... „Какъ это все сдѣлалось! и къ чему было сѣзжить? А впрочемъ, одинъ конецъ“—вотъ что́ думалъ онъ, раскланиваясь на всѣ стороны съ принужденной улыбкой. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на Наталью, и сердце его шевельнулось: глаза ея были устремлены на него съ печальнымъ, прощальнымъ упрекомъ.

Онъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ въ тарантасъ. Басистовъ вызвался проводить его до первой станціи и сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Помните ли вы, началъ Рудинъ, какъ только тарантасъ выѣхалъ со двора на широкую дорогу, обсаженную елками:—помните вы, что́ говоритъ донъ-Кихотъ своему оруженосцу, когда выѣзжаетъ изъ дворца герцогини? „Свобода—говоритъ онъ—другъ мой Санчо, одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній человѣка, и счастливъ тотъ, кому небо даровало кусокъ хлѣба, кому не нужно быть за него обязаннымъ другому!“ Что́ донъ-Кихотъ чувствовалъ

тогда,—я чувствую теперь.... Дай Богъ и вамъ, добрый мой Басистовъ, испытать когда-нибудь это чувство!

Басистовъ стиснулъ руку Рудину, и сердце честнаго юноши забилось сильно въ его растроганной груди. До самой станціи говорилъ Рудинъ о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы,—говорилъ горячо, благородно и правдиво—и когда наступило мгновеніе разлуки, Басистовъ не выдержалъ, бросился ему на шею и зарыдалъ. У самого Рудина полились слезы; но онъ плакалъ не о томъ, что разставался съ Басистовымъ, и слезы его были самолюбивыя слезы.

Наталья ушла къ себѣ и прочла письмо Рудина.

„Любезная Наталья Алексѣевна—писалъ онъ ей—я рѣшился уѣхать. Мнѣ другого выхода нѣтъ. Я рѣшился уѣхать, пока мнѣ не сказали ясно, чтобы я удалился. Отъѣздомъ моимъ прекращаются всѣ недоразумѣнія; а сожалѣть обо мнѣ едва-ли кто-нибудь будетъ. Чего же ждать?... Все такъ; но для чего же писать къ вамъ?

„Я разстаюсь съ вами, вѣроятно, навсегда, и оставить вамъ о себѣ память еще хуже той, которую я заслуживаю, было бы слишкомъ горько. Вотъ для чего я пишу къ вамъ. Я не хочу ни оправдываться, ни обвинять кого бы то ни было, кромѣ самого себя: я хочу, по мѣрѣ возможности, объясниться.... Происшествія послѣднихъ дней были такъ неожиданны, такъ внезапны....

„Сегодняшнее свиданіе послужитъ мнѣ памятнымъ урокомъ. Да, вы правы: я васъ не зналъ, а я думалъ, что зналъ васъ! Въ теченіи моей жизни я имѣлъ дѣло съ людьми всякаго рода, я сближался со многими женщинами и дѣвушками; но, встрѣтясь съ вами, я въ первый разъ встрѣтился съ душой *совершенно* честной и прямой. Мнѣ это было не въ привычку, и я не съумѣлъ оцѣнить васъ. Я почувствовалъ влеченіе къ вамъ съ перваго дня нашего знакомства—вы это могли замѣтить. Я проводилъ съ вами ча-

сы за часами, и я не узналъ васъ; я едва ли даже старался узнать васъ.... и я могъ вообразить, что полюбилъ васъ!! За этотъ грѣхъ я теперь наказанъ.

„Я и прежде любилъ одну женщину, и она меня любила.... Чувство мое къ ней было сложно, какъ и ея ко мнѣ; но такъ какъ она сама не была проста, оно и пришлось кстати. Истина мнѣ тогда не сказалась: я не узналъ ея и теперь, когда она предстала передо мною.... Я ее узналъ наконецъ, да слишкомъ поздно.... Прошедшаго не воротишь.... Наши жизни могли бы слиться—и не сольются никогда. Какъ доказать вамъ, что я могъ бы полюбить васъ настоящей любовью—любовью сердца, не воображенія—когда я самъ не знаю, способенъ ли я на такую любовь!

„Мнѣ природа дала много—я это знаю, и изъ ложнаго стыда не стану скромничать передъ вами, особенно теперь, въ такія горькія, въ такія постыдныя для меня мгновенія.... Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ; я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ. Мнѣ недостаетъ.... я самъ не могу сказать, чего именно недостаетъ мнѣ.... Мнѣ недостаетъ, вѣроятно, того, безъ чего такъ же нельзя двигать сердцами людей, какъ и овладѣть женскимъ сердцемъ; а господство надъ одними умами и непрочно, и безполезно. Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь, съ жадностью, вполнѣ—и не могу отдаться. Я кончу тѣмъ, что пожертвую собой за какой-нибудь вздоръ, въ который даже вѣрить не буду.... Боже мой! въ тридцать-пять лѣтъ все еще собираться что-нибудь сдѣлать!...

„Я еще ни передъ кѣмъ такъ не высказывался—это моя исповѣдь.

„Но довольно обо мнѣ. Мнѣ хочется говорить о васъ,

дать вамъ нѣсколько совѣтовъ: больше я ни на что не годенъ.... Вы еще молоды; но, сколько бы вы ни жили, слѣдуйте всегда внушеніямъ вашего сердца, не подчиняйтесь ни своему, ни чужому уму. Повѣрьте, чѣмъ проще, чѣмъ тѣснѣе кругъ, по которому пробѣгаетъ жизнь, тѣмъ лучше; не въ томъ дѣло, чтобы отыскивать въ ней новыя стороны, но въ томъ, чтобы всѣ переходы ея совершались своевременно. „Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ“... Но я замѣчаю, что эти совѣты относятся гораздо болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ вамъ.

„Признаюсь вамъ, Наталья Алексѣевна, мнѣ очень тяжело. Я никогда не обманывалъ себя въ свойствѣ того чувства, которое я внушалъ Дарьѣ Михайловнѣ; но я надѣялся, что нашелъ хотя временную пристань.... Теперь опять придется мыкаться по свѣту. Что́ мнѣ замѣнить вашъ разговоръ, ваше присутствіе, вашъ внимательный и умный взглядъ?... Я самъ виноватъ; но согласитесь, что судьба какъ бы нарочно подсмѣялась надъ нами. Недѣлю тому назадъ, я самъ едва догадывался, что люблю васъ. Третьяго-дня, вечеромъ, въ саду, я въ первый разъ услыхалъ отъ васъ.... но къ чему напоминать вамъ то, что́ вы тогда сказали—и вотъ, уже я уѣзжаю сегодня, уѣзжаю съ позоромъ, послѣ жестокаго объясненія съ вами, не унося съ собой никакой надежды.... И вы еще не знаете, до какой степени я виноватъ передъ вами.... Во мнѣ есть какая-то глупая откровенность, какая-то болтливость.... Но къ чему говорить объ этомъ! Я уѣзжаю навсегда“.

(Здѣсь Рудинъ разсказалъ было Натальѣ свое посѣщеніе у Волынцева, но подумалъ и вымаралъ все это мѣсто, а въ письмѣ къ Волынцеву прибавилъ второй postscriptum).

„Я остаюсь одинокъ на землѣ для того, чтобы предаться, какъ вы сказали мнѣ сегодня поутру съ жестокой усмѣшкой, другимъ, болѣе свойственнымъ мнѣ занятіямъ. Увы! если-бъ я могъ, дѣйствительно, предаться этимъ за-

нятіямъ, побѣдить наконецъ свою лѣнь.... Но нѣтъ! я останусь тѣмъ же неоконченнымъ существомъ, какимъ былъ до сихъ поръ.... Первое препятствіе—и я весь разсыпался; происшествіе съ вами мнѣ это доказало. Если-бъ я, по-крайней-мѣрѣ, принесъ мою любовь въ жертву моему будущему дѣлу, моему призванію; но я просто испугался отвѣтственности, которая на меня падала, и потому я, точно, недостоинъ васъ. Я не стóю того, чтобы вы для меня отторглись отъ вашей сферы.... А впрочемъ, все это, можетъ быть, къ лучшему. Изъ этого испытанія я, можетъ быть, выйду чище и сильнѣй.

„Желаю вамъ полнаго счастія. Прощайте! Иногда вспоминайте обо мнѣ. Надѣюсь, что вы еще услышите обо мнѣ.

„Рудинъ“.

Наталья опустила письмо Рудина къ себѣ на колѣни и долго сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на полъ. Письмо это, яснѣе всѣхъ возможныхъ доводовъ, доказало ей, какъ она была права, когда по-утру, разставаясь съ Рудинымъ, она невольно воскликнула, что онъ ея не любитъ! Но отъ этого ей не было легче. Она сидѣла не шевелясь; ей казалось, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ ея головой, и она шла ко дну, застывая и нѣмѣя. Всякому тяжело первое разочарованіе; но для души искренней, не желавшей обманывать себя, чуждой легкомыслія и преувеличенія, оно почти нестерпимо. Вспомнила Наталья свое дѣтство, когда, бывало, гуляя вечеромъ, она всегда старалась идти по направленію къ свѣтлому краю неба, тамъ, гдѣ заря горѣла, а не къ темному. Темна стояла теперь жизнь передъ нею, и спиной она обратилась къ свѣту....

Слезы навернулись на глазахъ Натальи. Не всегда благотворны бываютъ слезы. Отрадны и цѣлебны онѣ, когда, долго накипѣвъ на груди, потекутъ онѣ наконецъ—сперт-

ва съ усиліемъ, потомъ все легче, все слаще; нѣмое томленіе тоски разрѣшается ими.... Но есть слезы холодныя, скупо льющіяся слезы: ихъ по каплѣ выдавливаетъ изъ сердца тяжелымъ и недвижнымъ бременемъ налегшее на него горе; онѣ безотрадны и не приносятъ облегченія. Нужда плачетъ такими слезами, и тотъ еще не былъ несчастливъ, кто не проливалъ ихъ. Наталья узнала ихъ въ этотъ день.

Прошло часа два. Наталья собралась съ духомъ, встала, отерла глаза, засвѣтила свѣчку, сожгла на ея пламени письмо Рудина до конца и пепелъ выкинула за окно. Потомъ она раскрыла на удачу Пушкина и прочла первыя попавшіяся ей строки (она часто загадывала такъ по немъ). Вотъ что́ вышло:

Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней....
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ....

Она постояла, посмотрѣла съ холодной улыбкой на себя въ зеркало и, сдѣлавъ небольшое движеніе головою сверху внизъ, сошла въ гостиную.

Дарья Михайловна, какъ только ее увидѣла, повела ее въ кабинетъ, посадила подлѣ себя, ласково потрепала по щекѣ, а между тѣмъ, внимательно, почти съ любопытствомъ, заглядывала ей въ глаза. Дарья Михайловна чувствовала тайное недоумѣніе: въ первый разъ ей пришло въ голову, что она дочь свою, въ сущности, не знаетъ. Услышавъ отъ Пандалевскаго объ ея свиданіи съ Рудинымъ, она не столько разсердилась, сколько удивилась тому, какъ могла благоразумная Наталья рѣшиться на такой поступокъ. Но когда она ее призвала къ себѣ и принялась бранить ее—вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало ожидать отъ европейской женщины, а довольно крикливо

и не изящно — твердые отвѣты Натальи, рѣшимость ея взоровъ и движеній, смутили, даже испугали Дарью Михайловну.

Внезапный, тоже не совсѣмъ понятный отъѣздъ Рудина снялъ большую тяжесть съ ея сердца: но она ожидала слезъ, истерическихъ припадковъ.... Наружное спокойствіе Натальи опять ее сбило съ толку.

— Ну, что́, дитя, начала Дарья Михайловна: — какъ ты сегодня?

Наталья посмотрѣла на свою мать.

— Вѣдь онъ уѣхалъ.... твой предметъ. Ты не знаешь, отчего онъ такъ скоро собрался?

— Маменька! заговорила Наталья тихимъ голосомъ:— даю вамъ слово, что если вы сами не будете упоминать о немъ, отъ меня вы никогда ничего не услышите.

— Стало-быть, ты сознаешься, что была виновата передо мною?

Наталья опустила голову и повторила:

— Вы отъ меня никогда ничего не услышите.

— Ну, смотри же! возразила съ улыбкой Дарья Михайловна. — Я тебѣ вѣрю. А третьяго-дня, помнишь ли ты, какъ... Ну, не буду. Кончено, рѣшено и похоронено. Не правда ли? Вотъ, я опять тебя узнаю; а то я совсѣмъ было втупикъ пришла. Ну, поцѣлуй же меня, умница!...

Наталья подносла руку Дарьи Михайловны къ своимъ губамъ, а Дарья Михайловна поцѣловала ее въ наклоненную голову.

— Слушайся всегда моихъ совѣтовъ, не забывай, что ты Ласунская и моя дочь, прибавила она:—и ты будешь счастлива. А теперь ступай.

Наталья вышла молча. Дарья Михайловна поглядѣла ей вслѣдъ и подумала: „она въ меня — тоже будетъ увлекаться: mais aura moins d'abandon". И Дарья Михайловна погрузилась въ воспоминанія о прошедшемъ.... о давно прошедшемъ....

Потомъ она велѣла кликнуть m-lle Boncourt и долго сидѣла съ ней, запершись вдвоемъ. Отпустивъ ее, она позвала Пандалевскаго. Ей непремѣнно хотѣлось узнать настоящую причину отъѣзда Рудина.... но Пандалевскій ее успокоилъ совершенно. Это было по его части.

На другой день Волынцевъ съ сестрою пріѣхалъ къ обѣду. Дарья Михайловна была всегда очень любезна съ нимъ, а на этотъ разъ она особенно ласково съ нимъ обращалась. Натальѣ было невыносимо тяжело; но Волынцевъ такъ былъ почтителенъ, такъ робко съ ней заговаривалъ, что она въ душѣ не могла не поблагодарить его.

День прошелъ тихо, довольно скучно, но всѣ, разъѣзжаясь, почувствовали, что попали въ прежнюю колею: а это много значитъ, очень много.

Да, всѣ попали въ прежнюю колею.... всѣ, кромѣ Натальи. Оставшись наконецъ одна, она съ трудомъ дотащилась до своей кровати и, усталая, разбитая, упала лицомъ на подушки. Ей такъ горько, и противно, и пошло казалось жить, такъ стыдно ей стало самой себя, своей любви, своей печали, что въ это мгновеніе она бы, вѣроятно, согласилась умереть.... Много еще предстояло ей тяжелыхъ дней, ночей безсонныхъ, томительныхъ волненій, но она была молода—жизнь только-что начиналась для нея, а жизнь рано или поздно свое возьметъ. Какой бы ударъ ни поразилъ человѣка, онъ въ тотъ же день, много на другой—извините за грубость выраженія—поѣстъ, и вотъ вамъ уже первое утѣшеніе....

Наталья страдала мучительно, она страдала впервые.... Но первыя страданія, какъ первая любовь, не повторяются,—и слава Богу!

XII.

Минуло около двухъ лѣтъ. Настали первые дни мая. На балконѣ своего дома сидѣла Александра Павловна, но уже не Лынина, а Лежнева; она болѣе года какъ вышла замужъ за Михайла Михайлыча. Она, по прежнему, была мила, только пополнѣла въ послѣднее время. Передъ балкономъ, отъ котораго въ садъ вели ступени, расхаживала кормилица, съ краснощекимъ ребенкомъ на рукахъ, въ бѣлой пинелькѣ и съ бѣлымъ помпономъ на шляпѣ. Александра Павловна то-и-дѣло взглядывала на него. Ребенокъ не пищалъ, съ важностью сосалъ свой палецъ и спокойно посматривалъ кругомъ. Достойный сынъ Михайла Михайлыча уже сказывался въ немъ.

Возлѣ Александры Павловны сидѣлъ на балконѣ старый нашъ знакомецъ, Пигасовъ. Онъ замѣтно посѣдѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, сгорбился, похудѣлъ и шипѣлъ, когда говорилъ: одинъ передній зубъ у него вывалился; шипѣніе придавало еще болѣе ядовитости его рѣчамъ.... Озлобленіе не уменьшалось въ немъ съ годами, но остроты его притупялись, и онъ чаще прежняго повторялся. Михайла Михайлыча не было дома; его ждали къ чаю. Солнце уже сѣло. Тамъ, гдѣ оно закатилось, полоса блѣдно-золотого, лимоннаго цвѣта тянулась вдоль небосклона; на противоположной сторонѣ ихъ было двѣ: одна, пониже, голубая, другая, выше, красноліловая. Легкія тучки таяли въ вышинѣ. Все обѣщало постоянную погоду.

Вдругъ Пигасовъ засмѣялся.

— Чему вы, Африканъ Семенычъ? спросила Александра Павловна.

— Да такъ... Вчера, слышу я, одинъ мужикъ говоритъ женѣ—а она, этакъ, разболталась:—не скрыпи!... Очень это мнѣ понравилось. Не скрыпи! Да и въ самомъ дѣлѣ, о

чемъ можетъ разсуждать женщина? Я, вы знаете, никогда не говорю о присутствующихъ. Наши старики умѣе насъ были. У нихъ въ сказкахъ красавица сидитъ подъ окномъ, во лбу звѣзда, а сама ни гугу. Вотъ это какъ слѣдуетъ. А то, посудите сами: третьяго-дня наша предводительша какъ изъ пистолета мнѣ въ лобъ выстрѣлила: говоритъ мнѣ, что ей не нравится моя *тенденція*! Тенденція! Ну, не лучше ли было бы и для нея, и для всѣхъ, если-бъ какъ-нибудь, благодѣтельнымъ распоряженіемъ природы, она лишилась вдругъ употребленія языка?

— А вы все такой же, Африканъ Семенычъ: все нападаете на насъ бѣдныхъ.... Знаете ли, вѣдь это въ своемъ родѣ несчастье право. Я о васъ сожалѣю.

— Несчастье? Что́ вы это изволите говорить! Во-первыхъ, по моему, на свѣтѣ только три несчастья и есть: жить зимой въ холодной квартирѣ, лѣтомъ носить узкіе сапоги, да ночевать въ комнатѣ, гдѣ пищитъ ребенокъ, котораго нельзя посыпать персидскимъ порошкомъ; а во-вторыхъ, помилуйте, я самый смирный сталъ теперь человѣкъ. Хоть прописи съ меня пиши! Вотъ какъ я нравственно веду себя.

— Хорошо вы ведете себя, нечего сказать! Не дальше, какъ вчера, Елена Антоновна мнѣ на васъ жаловалась.

— Вотъ какъ-съ! А что́ она вамъ такое говорила, позвольте узнать?

— Она говорила мнѣ, что вы, въ теченіе цѣлаго утра, на всѣ ея вопросы только и отвѣчали, что „чего-съ? чего-съ?“ да еще такимъ писклявымъ голосомъ.

Пигасовъ засмѣялся.

— А вѣдь хорошая это была мысль, согласитесь, Александра Павловна.... а?

— Удивительная! Развѣ можно быть этакъ съ женщиной невѣжливымъ, Африканъ Семенычъ?

— Какъ? Елена Антоновна, по вашему,—женщина?

— Что́ же она по вашему?

— Барабанъ, помилуйте, обыкновенный барабанъ, вотъ, по которому бьютъ палками....

— Ахъ, да! перебила Александра Павловна, желая перемѣнить разговоръ: — васъ, говорятъ, поздравить можно?

— Съ чѣмъ?

— Съ окончаніемъ тяжбы. Глиновскіе луга остались за вами.

— Да, за мною, мрачно возразилъ Пигасовъ.

— Вы сколько лѣтъ этого добивались, а теперь словно недовольны.

— Доложу вамъ, Александра Павловна, медленно промолвилъ Пигасовъ:—ничего не можетъ быть хуже и обиднѣе слишкомъ поздно пришедшаго счастья. Удовольствія оно все-таки вамъ доставить не можетъ, а за то лишаетъ васъ права, драгоцѣннѣйшаго права—браниться и проклинать судьбу. Да, сударыня, горькая и обидная штука—позднее счастіе.

Александра Павловна только плечами пожала.

— Няпюшка, начала она:—я думаю, Мишѣ пора спать лечь. Подай его сюда.

И Александра Павловна занялась своимъ сыномъ, а Пигасовъ отошелъ, ворча, на другой уголъ балкона.

Вдругъ не въ далекѣ, по дорогѣ, ведущей вдоль сада, показался Михайло Михайлычъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ. Передъ лошадью его бѣжали двѣ огромныя дворныя собаки: одна желтая, другая сѣрая; онъ недавно завелъ ихъ. Онѣ безпрестанно грызлись и жили въ неразлучной дружбѣ. Имъ навстрѣчу вышла изъ воротъ старая шавка, раскрыла ротъ, какъ бы собираясь залаять, а кончила тѣмъ, что зѣвнула и отправилась назадъ, дружелюбно повиливая хвостомъ.

— Глядь-ка, Саша,—закричалъ Лежневъ изъ-за своей женѣ;—кого я тебѣ везу....

Александра Павловна не сразу узнала человѣка, сидѣвшаго за спиной ея мужа.

— А! г. Басистовъ! воскликнула она наконецъ.

— Онъ, онъ, отвѣчалъ Лежневъ! — и какія славныя вѣсти привезъ. Вотъ, погоди, сейчасъ узнаешь.

И онъ въѣхалъ на дворъ.

Нѣсколько мгновеній спустя, онъ съ Басистовымъ явился на балконѣ.

— Ура! воскликнулъ онъ и обнялъ жену. — Сережа женится!

— На комъ? съ волненіемъ спросила Александра Павловна.

— Разумѣется, на Натальѣ... Вотъ, пріятель привезъ это извѣстіе изъ Москвы, и письмо къ тебѣ есть.... Слышишь, Мишукъ? прибавилъ онъ, схвативъ сына на руки;— дядя твой женится!... Экая флегма злодѣйская! и тутъ только глазами хлопаетъ!

— Онъ спать хотятъ, замѣтила няня.

— Да-съ, промолвилъ Басистовъ, подойдя къ Александрѣ Павловнѣ:—я сегодня пріѣхалъ изъ Москвы, по порученію Дарьи Михайловны — счеты по имѣнію ревизовать. А вотъ и письмо.

Александра Павловна поспѣшно распечатала письмо своего брата. Оно состояло въ нѣсколькихъ строкахъ. Въ первомъ порывѣ радости онъ увѣдомлялъ сестру, что сдѣлалъ предложеніе Натальѣ, получилъ ея согласіе и Дарьи Михайловны, обѣщался больше написать съ первой почтой и заочно всѣхъ обнималъ и цѣловалъ. Видно было, что онъ писалъ въ какомъ-то чаду.

Подали чай, усадили Басистова. Разспросы посыпались на него градомъ. Всѣхъ, даже Пигасова, обрадовало извѣстіе, привезенное имъ.

—Скажите, пожалуйста, сказалъ, между прочимъ, Лежневъ:—до насъ доходили слухи о какомъ-то господинѣ Корчагинѣ. Стало-быть, это былъ вздоръ?

(Корчагинъ былъ красивый молодой человѣкъ—свѣтскій левъ, чрезвычайно надутый и важный: онъ держался необыкновенно величественно, точно онъ былъ не живой человѣкъ, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подпискѣ).

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ вздоръ, съ улыбкой возразилъ Басистовъ.—Царья Михайловна очень къ нему благоволила; но Наталья Алексѣевна и слышать о немъ не хотѣла.

—Да вѣдь я его знаю, подхватилъ Нигасовъ: — вѣдь онъ махровый болванъ, съ трескомъ болванъ.... помилуйте! Вѣдь если-бъ всѣ люди были на него похожи, надо бы большія деньги брать, чтобы согласиться жить.... помилуйте!

— Можетъ быть, возразилъ Басистовъ: — а въ свѣтѣ онъ играетъ роль не изъ послѣднихъ.

— Ну, все равно! воскликнула Александра Павловна:— Богъ съ нимъ! Ахъ, какъ я рада за брата!... И Наталья весела, счастлива?

—Да-съ.—Она спокойна, какъ всегда — вы вѣдь ее знаете—но, кажется, довольна.

Вечеръ прошелъ въ пріятныхъ и оживленныхъ разговорахъ. Сѣли за ужинъ.

—Да, кстати, спросилъ Лежневъ у Басистова, наливая ему лафиту:—вы знаете, гдѣ Рудинъ?

Теперь навѣрное не знаю. Онъ пріѣзжалъ прошлой зимой въ Москву на короткое время, потомъ отправился съ однимъ семействомъ въ Симбирскъ; мы съ нимъ нѣкоторое время переписывались: въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ извѣщалъ меня, что уѣзжаетъ изъ Симбирска—не сказалъ куда—и вотъ, съ тѣхъ поръ я ничего о немъ не слышу.

— Не пропадетъ! подхватилъ Нигасовъ: — гдѣ-нибудь сидитъ да проповѣдуетъ. Этотъ господинъ всегда найдетъ себѣ двухъ или трехъ поклонниковъ, которые будутъ его слушать, разинувъ ротъ, и давать ему взаймы деньги. Посмотрите, онъ кончитъ тѣмъ, что умретъ гдѣ-нибудь въ Царевококшайскѣ или въ Чухломѣ—на рукахъ престарѣлой дѣвы въ парикѣ, которая будетъ думать о немъ, какъ о геніальнѣйшемъ человѣкѣ въ мірѣ....

— Вы очень рѣзко о немъ отзываетесь, замѣтилъ вполголоса и съ неудовольствіемъ Басистовъ.

— Ничуть не рѣзко! возразилъ Нигасовъ: — а совершенно справедливо. По моему мнѣнію, онъ, просто, не что иное, какъ лизоблюдъ. Я забылъ вамъ сказать, продолжалъ онъ, обращаясь къ Лежневу:—вѣдь я познакомился съ этимъ Герлаховымъ, съ которымъ Рудинъ заграницу ѣздилъ. Какъ-же! какъ-же! Что онъ мнѣ разсказывалъ о немъ, вы себѣ представить не можете — умора, просто! Замѣчательно, что всѣ друзья и послѣдователи Рудина со-временемъ становятся его врагами.

— Прошу меня исключить изъ числа такихъ друзей! съ жаромъ перебилъ Басистовъ.

— Ну, вы—другое дѣло! О васъ и рѣчи нѣтъ.

— А что такое вамъ разсказывалъ Герлаховъ? спросила Александра Павловна.

— Да многое разсказывалъ: всего не упомнишь. Но самый лучшій вотъ какой случился съ Рудинымъ анекдотъ. Безпрерывно развиваясь (эти господа все развиваются: другіе, напримѣръ, просто спятъ, или ѣдятъ — а они находятся въ моментѣ развитія спанья или ѣды; не такъ ли, г. Басистовъ? — Басистовъ ничего не отвѣтилъ).... И такъ, развиваясь постоянно, Рудинъ дошелъ, путемъ философіи, до того умозаключенія, что ему должно влюбиться. Началъ онъ отыскивать предметъ, достойный такого удивительнаго умозаключенія. Фортуна ему улыбнулась.

Познакомился онъ съ одной француженкой, прехорошенькой модисткой. Дѣло происходило въ одномъ нѣмецкомъ городѣ, на Рейнѣ, замѣтьте. Началъ онъ ходить къ ней, носить ей разныя книги, говорить ей о природѣ и Гегелѣ. Можете себѣ представить положеніе модистки? она считала его за астронома. Однако, вы знаете, малый онъ изъ себя ничего; ну—иностранецъ, русскій—понравился. Вотъ, наконецъ, назначаетъ онъ свиданіе, и очень поэтическое свиданіе: въ гондолѣ, на рѣкѣ. Француженка согласилась; пріодѣлась получше и поѣхала съ нимъ въ гондолѣ. Такъ они катались часа два. Чѣмъ же, вы думаете, занимался онъ все это время? Гладилъ француженку по головѣ, задумчиво глядѣлъ въ небо и нѣсколько разъ повторилъ, что чувствуетъ къ ней отеческую нѣжность. Француженка вернулась домой взбѣшенная, и сама потомъ все разсказала Герлахову. Вотъ онъ какой господинъ!

И Пигасовъ засмѣялся.

— Вы старый циникъ! замѣтила съ досадой Александра Павловна:—а я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что про Рудина даже тѣ, которые его бранятъ, ничего дурного сказать не могутъ.

— Ничего дурнаго? Помилуйте! а его вѣчное житье на чужой счетъ, его займы.... Михайло Михайлычъ? вѣдь онъ и у васъ, навѣрное, занималъ?

— Послушайте, Африканъ Семенычъ! началъ Лежневъ, и лицо его приняло серьёзное выраженіе:—послушайте: вы знаете, и жена моя знаетъ, что я въ послѣднее время особеннаго расположенія къ Рудину не чувствовалъ и даже часто осуждалъ его. Со всѣмъ тѣмъ (Лежневъ разлилъ шампанское по бокаламъ), вотъ что́ я вамъ предлагаю: мы сейчасъ пили за здоровье дорогого нашего брата и его невѣсты; я предлагаю вамъ выпить теперь за здоровье Дмитрія Рудина!

Александра Павловна и Пигасовъ съ изумленіемъ по-

смотрѣли на Лежнева, а Басистовъ встрепенулся весь, покраснѣлъ отъ радости и глаза вытаращилъ.

— Я знаю его хорошо, продолжалъ Лежневъ:—недостатки его мнѣ хорошо извѣстны. Они тѣмъ болѣе выступаютъ наружу, что самъ онъ не мелкій человѣкъ.

— Рудинъ—геніальная натура! подхватилъ Басистовъ.

— Геніальность въ немъ, пожалуй, есть, возразилъ Лежневъ;—а натура.... Въ томъ-то вся его бѣда, что натуры-то собственно въ немъ нѣтъ.... Но не въ этомъ дѣло. Я хочу говорить о томъ, что̀ въ немъ есть хорошаго, рѣдкаго. Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку, самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ! Пора! Помнишь, Саша, я разъ говорилъ съ тобой о немъ и упрекалъ его въ холодности. Я былъ и правъ, и не правъ тогда. Холодность эта у него въ крови—это не его вина а не въ головѣ. Онъ не актеръ, какъ я называлъ его, не надувало, не плутъ; онъ живетъ на чужой счетъ не какъ прожыра, а какъ ребенокъ.... Да, онъ, дѣйствительно, умретъ гдѣ-нибудь въ нищетѣ и въ бѣдности; но неужели-жъ и за это пускать въ него камнемъ? Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего именно потому, что въ немъ натуры, крови нѣтъ; но кто въ правѣ сказать, что онъ не принесетъ, не принесъ уже пользы? что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣніи исполнять собственные замыслы? Да я самъ, я первый, все это испыталъ на себѣ.... Саша знаетъ, чѣмъ былъ для меня въ молодости Рудинъ. Я, помнится, также утверждалъ, что слова Рудина не могутъ дѣйствовать на людей; но я говорилъ тогда о людяхъ, подобныхъ мнѣ, въ теперешніе мои годы, о людяхъ уже пожившихъ и по-

ломанныхъ жизнью. Одинъ фальшивый звукъ въ рѣчи —и вся ея гармонія для насъ исчезла; а въ молодомъ человѣкѣ, къ счастью, слухъ еще не такъ развитъ, не такъ избалованъ. Если сущность того, что̀ онъ слышитъ, ему кажется прекрасной, что ему за дѣло до тона! Тонъ онъ самъ въ себѣ найдетъ.

— Браво! браво! воскликнулъ Басистовъ: — какъ это справедливо сказано! А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!

— Вы слышите? продолжалъ Лежневъ, обращаясь къ Нигасову:—какого вамъ еще доказательства нужно? Вы нападаете на философію; говоря о ней, вы не находите довольно презрительныхъ словъ. Я самъ ее не больно жалую и плохо ее понимаю: но не отъ философіи наши главныя невзгоды! Философическія хитросплетенія и бредни никогда не привьются къ русскому: на это у него слишкомъ много здраваго смысла; но нельзя же допустить, чтобы подъ именемъ философіи нападали на всякое честное стремленіе къ истинѣ и къ сознанію. Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится. Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи. Но, опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то ужъ винить его не станемъ. Насъ бы очень далеко завело, если бы мы хотѣли ра-

зобрать, отчего у насъ являются Рудины. А за то, что̀ въ немъ есть хорошаго, будемъ же ему благодарны. Это легче, чѣмъ быть несправедливымъ къ нему, а мы были къ нему несправедливы. Наказывать его не наше дѣло, да и не нужно: онъ самъ себя наказалъ гораздо жесточе, чѣмъ заслуживалъ.... И дай Богъ, чтобы несчастье вытравило изъ него все дурное и оставило въ немъ одно прекрасное! Пью за здоровье Рудина! Пью за здоровье товарища моихъ лучшихъ годовъ, пью за молодость, за ея надежды, за ея стремленія, за ея довѣрчивость и честность, за все то, отъ чего и въ двадцать лѣтъ бились наши сердца, и лучше чего мы, все таки, ничего не узнали и не узнаемъ въ жизни.... Пью за тебя, золотое время, пью за здоровье Рудина?

Всѣ чокнулись съ Лежневымъ. Басистовъ сгоряча чуть не разбилъ своего стакана и осушилъ его разомъ, а Александра Павловна пожала Лежневу руку.

— Я, Михайло Михайлычъ, и не подозрѣвалъ, что вы такъ краснорѣчивы, замѣтилъ Пигасовъ:—хоть бы самому г. Рудину подъ-стать; даже меня проняло.

— Я вовсе не краснорѣчивъ, возразилъ Лежневъ не безъ досады;—а васъ, я думаю, пронять мудрено. Впрочемъ, довольно о Рудинѣ; давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.... Что̀.... какъ бишь его?... Пандалевскій все у Дарьи Михайловны живетъ? прибавилъ онъ, обратясь къ Басистову.

— Какъ-же, все у ней! Она выхлопотала ему очень выгодное мѣсто.

Лежневъ усмѣхнулся.

— Вотъ этотъ не умретъ въ нищетѣ, за это можно поручиться.

Ужинъ кончился. Гости разошлись. Оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ, Александра Павловна съ улыбкой посмотрѣла ему въ лицо.

— Какъ ты хорошъ былъ сегодня, Миша, промолвила

она, лаская его рукой по лбу,—какъ ты умно и благородно говорилъ! Но сознайся, что ты немного увлекся въ пользу Рудина, какъ прежде увлекался противъ него....

— Лежачаго не бьютъ.... а я тогда боялся какъ бы онъ тебѣ голову не вскружилъ.

— Нѣтъ, простодушно возразила Александра Павловна:—онъ мнѣ казался всегда слишкомъ ученымъ, я боялась его и не знала, что говорить въ его присутствіи. А вѣдь Пигасовъ довольно зло посмѣялся надъ нимъ сегодня, сознайся?

— Пигасовъ? проговорилъ Лежневъ.—Я оттого именно и заступился такъ горячо за Рудина, что Пигасовъ былъ тутъ. Онъ смѣетъ называть Рудина лизоблюдомъ! А по моему, его роль, роль Пигасова, во сто разъ хуже. Имѣетъ независимое состояніе, надо всѣмъ издѣвается, а ужъ какъ льнетъ къ знатнымъ да къ богатымъ! Знаешь ли, что этотъ Пигасовъ, который съ такимъ озлобленіемъ все и всѣхъ ругаетъ, и на философію нападаетъ, и на женщинъ, — знаешь ли ты, что онъ, когда служилъ, бралъ взятки, и какъ еще! А! Вотъ то-то и есть!

— Неужели? воскликнула Александра Павловна. Этого я никакъ не ожидала!... Послушай, Миша, прибавила она, помолчавъ немного:—что я хочу у тебя спросить....

— Что?

— Какъ ты думаешь? будетъ ли Рать счастливъ съ Натальей?

— Какъ тебѣ сказать.... вѣроятности всѣ есть.... Командовать будетъ она—между нами таить это не для чего—она умнѣй его; но онъ славный человѣкъ и любитъ ее отъ души. Чего же больше? Вѣдь вотъ, мы другъ друга любимъ и счастливы, не правда ли?

Александра Павловна улыбнулась и стиснула руку Михайлѣ Михайлычу.

Въ тотъ самый день, когда все, разсказанное нами происходило въ домѣ Александры Павловны,—въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи, тащилась, въ самый зной, по большой дорогѣ, плохенькая рогожная кибитка, запряженная тройкой обывательскихъ лошадей. На облучкѣ торчалъ, упираясь искоса ногами въ валёкъ, сѣдой мужичекъ въ дырявомъ армякѣ, и то-и-дѣло подергивалъ веревочными возжами и помахивалъ кнутикомъ; а въ самой кибиткѣ сидѣлъ, на тощемъ чемоданѣ, человѣкъ высокаго роста въ фуражкѣ и старомъ запыленномъ плащѣ. То былъ Рудинъ. Онъ сидѣлъ понуривъ голову и нахлобучивъ козырекъ фуражки на глаза. Неровные толчки кибитки бросали его съ стороны на сторону, онъ казался совершенно безчувственнымъ, словно дремалъ. Наконецъ онъ выпрямился.

— Когда же это мы до станціи доѣдемъ? спросилъ онъ мужика, сидѣвшаго на облучкѣ.

— А вотъ, батюшка, заговорилъ мужикъ и еще сильнѣе задергалъ возжами:—какъ на взволочекъ взберемся, версты двѣ останется, не болѣ.... Ну, ты! думай.... Я тебѣ подумаю, прибавилъ онъ тоненькимъ голосомъ, принимаясь стегать правую пристяжную.

— Ты, кажется, очень плохо ѣдешь, замѣтилъ Рудинъ:—мы съ самаго утра тащимся и никакъ доѣхать не можемъ. Ты бы хоть спѣлъ что-нибудь.

— Да что́ будешь дѣлать, батюшка! лошади, вы сами видите, замореныя.... опять—жара. А нѣтъ мы не можемъ: мы не ямщики.... Барашекъ, а барашекъ! воскликнулъ вдругъ мужичекъ, обращаясь къ прохожему въ бурой свитченкѣ и стоптанныхъ лаптишкахъ:—посторонись, барашекъ.

— Вишь ты.... кучеръ? пробормоталъ ему въ слѣдъ прохожій, и остановился.—Московская косточка! прибавилъ онъ голосомъ, исполненнымъ укоризны, тряхнулъ головой и заковылялъ далѣе.

— Куда ты! подхватилъ мужичекъ съ разстановкой, дергая коренную;—ахъ ты, лукавая! право, лукавая....

Измученныя лошадёнки кое-какъ доплелись, наконецъ, до почтоваго двора. Рудинъ вылѣзъ изъ кибитки, расплатился съ мужикомъ (который ему не поклонился и деньги долго поповыривалъ на ладони—знать, на водку мало досталось) и самъ внесъ чемоданъ въ станціонную комнату.

Одинъ мой знакомый, много покатавшійся на своемъ вѣку по Россіи, сдѣлалъ замѣчаніе, что если въ станціонной комнатѣ на стѣнахъ висятъ картинки, изображающія сцены изъ Кавказскаго Плѣнника или русскихъ генераловъ, то лошадей скоро достать можно; но если на картинкахъ представлена жизнь извѣстнаго игрока Жоржа-де-Жермани, то путешественнику нечего надѣяться на быстрый отъѣздъ: успѣетъ онъ налюбоваться на закрученный кокъ, бѣлый раскидной жилетъ и чрезвычайно узкіе и короткіе панталоны игрока въ молодости, на его вступленную физіономію, когда онъ, будучи уже старцемъ, убиваетъ, высоко взмахнувъ стуломъ, въ хижинѣ съ крутою крышей, своего сына. Въ комнатѣ, куда вошелъ Рудинъ, висѣли именно эти картины изъ „Тридцати лѣтъ или жизнь игрока“. На крикъ его явился смотритель, заспанный (кстати—видѣлъ ли кто-нибудь смотрителя не заспаннаго?) и, не выждавъ даже вопроса Рудина, вялымъ голосомъ объявилъ, что лошадей нѣтъ.

— Какъ-же вы говорите, что лошадей нѣтъ, промолвилъ Рудинъ: а даже не знаете, куда я ѣду? Я сюда на обывательскихъ пріѣхалъ.

— У насъ никуда лошадей нѣтъ, отвѣчалъ смотритель. А вы куда ѣдете?

— Въ ....скъ.

— Нѣтъ лошадей, повторилъ смотритель и вышелъ вонъ.

Рудинъ съ досадой приблизился къ окну и бросилъ фуражку на столъ. Онъ не много измѣнился, но пожелтѣлъ

въ послѣдніе два года; серебряныя нити заблистали кой-гдѣ въ кудряхъ, и глаза, все еще прекрасные, какъ-будто потускнѣли; мелкія морщины, слѣды горькихъ и тревожныхъ чувствъ, легли около губъ, на щекахъ, на вискахъ.

Платье на немъ было изношенное и старое, и бѣлья не видѣлось нигдѣ. Пора его цвѣтенія видимо прошла: онъ, какъ выражаются садовники, пошелъ въ сѣмя.

Онъ принялся читать надписи по стѣнамъ.... извѣстное развлеченіе скучающихъ путешественниковъ.... вдругъ дверь заскрипѣла, и вошелъ смотритель.

— Лошадей въ ....скѣ нѣтъ, и долго еще не будетъ, заговорилъ онъ, а вотъ въ ....овѣ есть обратныя.

— Въ ....въ? промолвилъ Рудинъ.— Да помилуйте! это мнѣ совсѣмъ не по дорогѣ. Я ѣду въ Неизу, а ....овъ лежитъ, кажется, въ направленіи къ Тамбову.

— Что-жъ? вы изъ Тамбова можете тогда проѣхать, а не то изъ ....ова какъ-нибудь свернете.

Рудинъ подумалъ.

— Ну, пожалуй, проговорилъ онъ наконецъ: — велите закладывать лошадей. Мнѣ все равно: поѣду въ Тамбовъ.

Лошадей скоро подали. Рудинъ вынесъ свой чемоданчикъ, взлѣзъ на телѣгу, сѣлъ, понурился по-прежнему. Было что-то безпомощное и грустно-покорное въ его нагнутой фигурѣ.... И тройка поплелась неторопливой рысью, отрывисто позвякивая бубенчиками.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Былъ осенній холодный день. Къ крыльцу главной гостиницы губернскаго города С....а подъѣхала дорожная коляска; изъ нея, слегка потягиваясь и покряхтывая, вылѣзъ господинъ, еще не пожилой, но уже успѣвшій пріобрѣсть ту полноту въ туловищѣ, которую привыкли назы-

вать почтенной. Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ остановился у входа въ широкій корридоръ и, не видя никого передъ собою, громкимъ голосомъ спросилъ себѣ нумеръ. Дверь гдѣ-то стукнула, изъ-за низкихъ ширмочекъ выскочилъ длинный лакей и пошелъ впередъ проворной, боковой походкой, мелькая въ полутьмѣ корридора глянцовитой спиной и подвороченными рукавами. Войдя въ нумеръ, проѣзжій тотчасъ сбросилъ съ себя шинель и шарфъ, сѣлъ на диванъ и оперпись въ колѣни кулаками, сперва поглядѣлъ кругомъ, какъ бы съ просонья, потомъ велѣлъ позвать своего слугу. Лакей сдѣлалъ уклончивое движеніе и исчезъ. Проѣзжій этотъ былъ не кто иной, какъ Лежневъ. Рекрутскій наборъ вызвалъ его изъ деревни въ С....ъ.

Слуга Лежнева, малый молодой, курчавый и краснощекій, въ сѣрой шинели, подпоясанный голубымъ кушакомъ, и мягкихъ валенкахъ, вошелъ въ комнату.

— Ну вотъ, братъ, мы и доѣхали, продолжалъ Лежневъ:—а ты все боялся, что шина съ колеса соскочитъ.

— Доѣхали! возразилъ слуга, силясь улыбнуться черезъ поднятый воротникъ шинели:—а ужъ отчего эта шина не соскочила....

— Никого здѣсь нѣтъ? раздался голосъ въ корридорѣ.

Лежневъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться.

— Эй! кто тамъ? повторилъ голосъ.

Лежневъ всталъ, подошелъ къ двери и быстро отворилъ ее.

Передъ нимъ стоялъ человѣкъ высокаго роста, почти совсѣмъ сѣдой и сгорбленный, въ старомъ плисовомъ сюртукѣ съ бронзовыми пуговицами. Лежневъ узналъ его тотчасъ.

— Рудинъ! воскликнулъ онъ съ волненіемъ.

Рудинъ обернулся. Онъ не могъ разобрать черты Леж-

нева, стоявшаго къ свѣту спиною, и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на него.

— Вы меня не узнаете? заговорилъ Лежневъ.

— Михайло Михайлычъ! воскликнулъ Рудинъ, и протянулъ руку, но смутился, и отвелъ ее было назадъ....

Лежневъ поспѣшно ухватился за нее своими обѣими.

— Войдите, войдите ко мнѣ! сказалъ онъ Рудину, и ввелъ его въ нумеръ.

— Какъ вы измѣнились! произнесъ Лежневъ, помолчавъ и невольно понизивъ голосъ.

— Да, говорятъ! возразилъ Рудинъ, блуждая по комнатѣ взоромъ.—Года.... А вотъ вы—ничего. Какъ здоровье Александры.... вашей супруги?

— Благодарствуйте,—хорошо. Но какими судьбами вы здѣсь?

— Я? Это долго разсказывать. Собственно, сюда я заѣхалъ случайно. Я искалъ одного знакомаго. Впрочемъ, я очень радъ....

— Гдѣ вы обѣдаете?

— Я? Не знаю. Гдѣ нибудь въ трактирѣ. Я долженъ сегодня же выѣхать отсюда.

— Должны?

Рудинъ значительно усмѣхнулся.

— Да-съ, долженъ. Меня отправляютъ къ себѣ въ деревню, на жительство.

— Пообѣдайте со мной.

Рудинъ въ первый разъ взглянулъ прямо въ глаза Лежневу.

— Вы мнѣ предлагаете съ собой обѣдать? проговорилъ онъ.

— Да, Рудинъ, по старинному, по товарищески. Хотите? Не ожидалъ я васъ встрѣтить, и Богъ знаетъ, когда мы увидимся опять. Не разстаться же намъ съ вами такъ!

— Извольте, я согласенъ.

Лежневъ пожалъ Рудину руку, кликнулъ слугу, заказалъ обѣдъ и велѣлъ поставить въ ледъ бутылку шампанскаго.

Въ теченіи обѣда, Лежневъ и Рудинъ, какъ бы сговорившись, все толковали о студенческомъ своемъ времени, припоминали многое и многихъ - мертвыхъ и живыхъ. Сперва Рудинъ говорилъ неохотно, но онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина, и кровь въ немъ разгорѣлась. Наконецъ, Лаконъ вынесъ послѣднее блюдо. Лежневъ всталъ, заперъ дверь и, вернувшись къ столу, сѣлъ прямо напротивъ Рудина и тихонько опершя подбородкомъ на обѣ руки.

— Ну, теперь, началъ онъ: -разсказывайте-ка мнѣ все что́ съ вами случилось съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ.

Рудинъ посмотрѣлъ на Лежнева.

„Боже мой!“—подумалъ опять Лежневъ—„какъ онъ измѣнился, бѣднякъ“

Черты Рудина измѣнились мало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его на станціи, хотя печать приближающейся старости уже успѣла лечь на нихъ; но выраженіе ихъ стало другое. Иначе глядѣли глаза; во всемъ существѣ его, въ движеніяхъ, то замедленныхъ, то безсвязно порывистыхъ, въ похолодѣвшей, какъ бы разбитой рѣчи высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь, далеко различная отъ той полупритворной грусти, которою онъ щеголялъ бывало, какъ вообще щеголяетъ сіе молодежь, неполненная надежда и довѣрчиваго самолюбія.

— Разсказать вамъ все, что́ со мною случилось? заговорилъ онъ.- Всего разсказать нельзя и не сто́итъ.... Маялъ-

ся я много, скитался не однимъ тѣломъ—душой скитался. Въ чемъ и въ комъ я не разочаровывался, Богъ мой! съ кѣмъ не сближался! Да, съ кѣмъ! повторилъ Рудинъ, замѣтивъ, что Лежневъ съ какимъ-то особеннымъ участіемъ посмотрѣлъ ему въ лицо. Сколько разъ мои собственныя слова становились мнѣ противными—не говорю уже въ моихъ устахъ, но и въ устахъ людей, раздѣлявшихъ мои мнѣнія! Сколько разъ переходилъ я отъ раздражительности ребенка къ тупой безчувственности лошади, которая уже и хвостомъ не дрягаетъ, когда ее сѣчетъ кнутъ.... Сколько разъ я радовался, надѣялся, враждовалъ и унижался напрасно! Сколько разъ вылетать соколомъ— и возвращался ползкомъ, какъ улитка, у которой раздавили раковину!... Гдѣ не бывалъ я, по какимъ дорогамъ не ходилъ!... А дороги бываютъ грязныя, прибавилъ Рудинъ, и слегка отвернулся. Вы знаете.... продолжалъ онъ....

— Послушайте, перебилъ его Лежневъ; —мы когда-то говорили: „ты“ другъ другу.... Хочешь? возобновимъ старину.... Выпьемъ на *ты!*

Рудинъ встрепенулся, приподнялся, а въ глазахъ его промелькнуло что-то, чего слово выразить не можетъ.

— Выпьемъ, сказалъ онъ:—спасибо тебѣ, братъ, выпьемъ!

— Лежневъ и Рудинъ выпили по бокалу.

— *Ты* знаешь, началъ опять, съ ударѐніемъ на словѣ „ты“ и съ улыбкою, Рудинъ:—во мнѣ сидитъ какой-то червь, который грызетъ меня и гложетъ, и не даетъ мнѣ успокоиться до конца. Онъ наталкиваетъ меня на людей— они сперва подвергаются моему вліянію, а потомъ...

Рудинъ провелъ рукой по воздуху.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами.... съ тобою, я перечиталъ и перечувствовалъ многое.... Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать—и вотъ— видишь!

— Выдержки въ тебѣ не было, проговорилъ, какъ бы про себя Лежневъ.

— Какъ ты говоришь, выдержки во мнѣ не было!.... Строить я никогда ничего не умѣлъ; да и мудрено, братъ, строить, когда и почвы-то подъ ногами нѣту, когда самому приходится собственный свой фундаментъ создавать! Всѣхъ моихъ похожденій, то-есть, собственно говоря, всѣхъ моихъ неудачъ, я тебѣ описывать не буду. Передамъ тебѣ два-три случая.... тѣ случаи изъ моей жизни, когда, казалось, успѣхъ уже улыбался мнѣ, или нѣтъ, когда я начиналъ надѣяться на успѣхъ,—что̀ не совсѣмъ одно и тоже....

Рудинъ откинулъ назадъ свои сѣдые и уже жидкіе волосы тѣмъ самымъ движеніемъ руки, какимъ нѣкогда отбрасывалъ свои темныя и густыя кудри.

— Ну, слушай, началъ онъ.—Сошелся я, въ Москвѣ, съ однимъ довольно страннымъ господиномъ. Онъ былъ очень богатъ и владѣлъ обширными помѣстьями; не служилъ. Главная, единственная его страсть была любовь къ наукѣ, къ наукѣ вообще. До сихъ поръ я постигнуть не могу, почему эта страсть въ немъ проявилась! Шла она къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Самъ онъ съ усиліемъ держался на высотѣ ума, и говорить почти не умѣлъ, только поводилъ выразительно глазами и значительно покачивалъ головой. Я, братъ, не встрѣчалъ бездарнѣе и бѣдней его природы.... Въ Смоленской губерніи есть такія мѣста—песокъ и больше ничего, да изрѣдка трава, которую ни одно животное ѣсть не станетъ. Ничего ему въ руки не давалось—все такъ и ползло отъ него прочь, подальше: а онъ еще помѣшанъ былъ на томъ, чтобы все легкое дѣлать труднымъ. Если бы это зависѣло отъ его распоряженій, у него бы люди ѣли пятками, право. Работалъ, писалъ и читалъ онъ неутомимо. Онъ ухаживалъ за наукой съ какой-то упрямой настойчивостью, съ терпѣніемъ

страннымъ; самолюбіе въ немъ было огромное, и характеръ онъ имѣлъ желѣзный. Онъ жилъ одинъ и слылъ чудакомъ. Я познакомился съ нимъ.... ну, и понравился ему. Я признаюсь, скоро его понялъ; но рвеніе его меня тронуло. Притомъ, онъ владѣлъ такими средствами, столько можно было черезъ него сдѣлать добра, принести пользы существенной.... Я поселился у него и уѣхалъ съ нимъ, наконецъ, въ его деревню.—Планы, братъ, у меня были громадные: я мечталъ о разныхъ усовершенствованіяхъ, нововведеніяхъ....

— Какъ у Ласунской, помнишь, замѣтилъ Лежневъ съ добродушной улыбкой.

— Какое! тамъ я зналъ, въ душѣ, что изъ словъ моихъ ничего не выйдетъ; а тутъ.... тутъ совсѣмъ другое поле раскрывалось передо мною.... Я навезъ съ собою агрономическихъ книгъ.... правда, я до конца не прочелъ ни одной.... ну, и приступилъ къ дѣлу. Сначала оно не пошло, какъ я и ожидалъ; а потомъ оно какъ-будто и пошло. Мой новый другъ все помалчивалъ, да посматривалъ, не мѣшалъ мнѣ, т. е. до извѣстной степени не мѣшалъ мнѣ. Онъ принималъ мои предложенія и исполнялъ ихъ, но съ упорствомъ, тупо, съ тайной недовѣрчивостью, и все гнулъ на свое. Онъ чрезвычайно дорожилъ каждой своей мыслью. Взберется на нее съ усиліемъ, какъ Божія коровка на конецъ былинки; и сидитъ-сидитъ на ней, все какъ-будто крылья расправляетъ и полетѣть собирается—и вдругъ свалится, и опять полѣзетъ.... Не удивляйся всѣмъ этимъ сравненіямъ: они еще тогда накипѣли у меня на душѣ. Такъ я вотъ и бился года два. Дѣло подвигалось плохо, не смотря на всѣ мои хлопоты. Началъ я уставать, пріятель мой надоѣдалъ мнѣ, я сталъ язвить его, онъ давилъ меня, словно перина: недовѣрчивость его перешла въ глухое раздраженіе, непріязненное чувство охватывало насъ обоихъ, мы уже не могли говорить ни о

чемъ; онъ изъ-подтишка, но безпрестанно старался доказать мнѣ, что не подчиняется моему вліянію, распоряженія мои либо искажались, либо отмѣнялись вовсе.... Я замѣтилъ, наконецъ, что состою у господина помѣщика въ качествѣ прижигальщика по части умственныхъ упражненій. Горько мнѣ стало тратить попусту время и силы, горько почувствовать, что я опять и опять обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Я зналъ очень хорошо, что я терялъ, уѣзжая; но я не могъ сладить съ собой, и въ одинъ день, вслѣдствіе тяжелой и возмутительной сцены, которой я былъ свидѣтелемъ и которая показала мнѣ моего пріятеля со стороны уже слишкомъ невыгодной, я разсорился съ нимъ окончательно и уѣхалъ, бросилъ барича-неданта, вылѣпленнаго изъ стеной муки съ примѣсью нѣмецкой патоки....

— То-есть, бросилъ насущный кусокъ хлѣба, проговорилъ Лежневъ и положилъ объ руки на плечи Рудину.

— Да, и очутился опять легокъ и голъ въ пустомъ пространствѣ. Лети, моль, куда хочешь.... Эхъ, выпьемъ!

— За твое здоровье! промолвилъ Лежневъ, приподнялся и поцѣловалъ Рудина въ лобъ. — За твое здоровье и въ память Покорскаго.... Онъ также умѣлъ остаться нищимъ.

— Вотъ тебѣ и нумеръ первый моихъ похожденій, началъ, спустя немного, Рудинъ.—Продолжать, что-ли?

— Продолжай, пожалуйста.

— Эхъ! да говорить-то не хочется. Усталъ я говорить, братъ.... Ну, однако, такъ и быть. Потолкавшись еще по разнымъ мѣстамъ.... кстати, я бы могъ разсказать тебѣ, какъ я попалъ-было въ секретари къ благонамѣренному сановному лицу, и что́ изъ этого вышло; но это завело бы насъ слишкомъ далеко.... Потолкавшись по разнымъ мѣстамъ, я рѣшился сдѣлаться, наконецъ.... не смѣйся, пожалуйста.... дѣловымъ человѣкомъ, практическимъ. Слу-

чай такой вышелъ: я сошелся съ однимъ.... ты, можетъ быть, слыхалъ о немъ.... съ однимъ, Курбѣевымъ.... нѣтъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Но, помилуй, Рудинъ, какъ же ты, съ своимъ умомъ, не догадался, что твое дѣло не въ томъ состоитъ, чтобы быть.... извини за каламбуръ.... дѣловымъ человѣкомъ?

— Знаю, братъ, что не въ томъ; а впрочемъ, въ чемъ оно состоитъ-то?... Но если-бъ ты видѣлъ Курбѣева! Ты, пожалуйста, не воображай его себѣ какимъ-нибудь пустымъ болтуномъ. Говорятъ, я былъ краснорѣчивъ когда-то. Я передъ нимъ просто ничего не значу. Это былъ человѣкъ удивительно ученый, знающій, голова, творческая, братъ, голова въ дѣлѣ промышленности и предпріятій торговыхъ. Проекты самые смѣлые, самые неожиданные, такъ и кипѣли у него на умѣ. Мы соединились съ нимъ и рѣшились употребить свои силы на общее полезное дѣло....

— На какое, позволь узнать?

Рудинъ опустилъ глаза.

— Ты засмѣешься.

— Почему же? Нѣтъ, не засмѣюсь.

— Мы рѣшились одну рѣку въ К....ой губерніи превратить въ судоходную, проговорилъ Рудинъ съ неловкой улыбкой.

— Вотъ какъ! Стало-быть, этотъ Курбѣевъ капиталистъ?

— Онъ былъ бѣднѣе меня, возразилъ Рудинъ, и тихо поникнулъ своей сѣдой головой.

Лежневъ захохоталъ, но вдругъ остановился и взялъ за руку Рудина.

— Извини меня, братъ, пожалуйста, заговорилъ онъ:— но я этого никакъ не ожидалъ. Ну, что-жъ, это предпріятіе ваше такъ и осталось на бумагѣ?

— Не совсѣмъ. Начало исполненія было. Мы наняли

работниковъ.... ну, и приступили. Но тутъ встрѣтились различныя препятствія. Во-первыхъ, владѣльцы мельницъ никакъ не хотѣли понять насъ, да сверхъ того мы съ водой безъ машины справиться не могли, а на машину не хватило денегъ. Шесть мѣсяцевъ прожили мы въ землянкахъ. Курбѣевъ однимъ хлѣбомъ питался, я тоже не добѣдалъ. Впрочемъ, я объ этомъ не сожалѣю: природа тамъ удивительная. Мы бились, бились, уговаривали купцовъ, письма писали, циркуляры. Кончилось тѣмъ, что я послѣдній грошъ свой добилъ на этомъ проектѣ.

— Ну! замѣтилъ Лежневъ:—я думаю, добить твой послѣдній грошъ было не мудрено.

— Не мудрено, точно.

Рудинъ глянулъ въ окно.

— А проектъ, ей Богу, былъ не дуренъ и могъ бы принесть огромныя выгоды.

— Куда же Курбѣевъ этотъ дѣлся? спросилъ Лежневъ.

— Онъ? онъ въ Сибири теперь, золотопромышленникомъ сдѣлался. И ты увидишь, онъ себѣ составитъ состояніе; онъ не пропадетъ.

— Можетъ быть; но ты, вотъ, ужъ навѣрное состоянія себѣ не составишь.

— Я? что дѣлать! Впрочемъ, я знаю: я всегда въ глазахъ твоихъ былъ пустымъ человѣкомъ.

— Ты? Полно, братъ!... Было время, точно, когда мнѣ въ глаза бросались одни твои темныя стороны; но теперь, повѣрь мнѣ, я научился цѣнить тебя. Ты себѣ состоянія не составишь.... Да я люблю тебя за это.... помилуй!

Рудинъ слабо усмѣхнулся.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я уважаю тебя за это! повторилъ Лежневъ:—понимаешь ли ты меня?

Оба помолчали.

— Что-жъ, переходить къ нумеру третьему? спросилъ Рудинъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Изволь. Нумеръ третій и послѣдній. Съ этимъ нумеромъ я только теперь раздѣлался. Но не наскучилъ ли я тебѣ?

— Говори, говори.

— Вотъ, видишь ли, началъ Рудинъ:—я однажды подумалъ на досугѣ.... досуга-то у меня всегда много было.... я подумалъ: свѣдѣній у меня довольно, желанія добра.... послушай, вѣдь и ты не станешь отрицать во мнѣ желанія добра?

— Еще бы!

— На другихъ всѣхъ пунктахъ я болѣе или менѣе срѣзался.... отчего бы мнѣ не сдѣлаться педагогомъ, или, говоря попросту, учителемъ.... чѣмъ такъ жить даромъ....

Рудинъ остановился и вздохнулъ.

— Чѣмъ жить даромъ, не лучше ли постараться передать другимъ, что́ я знаю: можетъ быть, они извлекутъ изъ моихъ познаній хотя нѣкоторую пользу. Способности мои не дюжинныя же наконецъ, языкомъ я владѣю.... Вотъ, я и рѣшился посвятить себя этому новому дѣлу. Хлопотно мнѣ было достать мѣсто; частныхъ уроковъ давать я не хотѣлъ; въ низшихъ училищахъ мнѣ дѣлать было нечего. Наконецъ, мнѣ удалось достать мѣсто преподавателя въ здѣшней гимназіи.

— Преподавателя—чего? спросилъ Лежневъ.

— Преподавателя русской словесности. Скажу тебѣ, ни за одно дѣло не принимался я съ такимъ жаромъ, какъ за это. Мысль дѣйствовать на юношество меня воодушевила. Три недѣли просидѣлъ я надъ составленіемъ вступительной лекціи.

— Ея нѣтъ у тебя? перебилъ Лежневъ.

— Нѣтъ: затерялась куда-то. Она вынула недурна и понравилась. Какъ теперь вижу лица моихъ слушателей,—лица добрыя, молодыя, съ выраженіемъ чистосердечнаго вниманія, участія, даже изумленія. Взошелъ я на каоедру, прочелъ лекцію въ лихорадкѣ: я думалъ, ее хватитъ на часъ слишкомъ, а я ее въ двадцать минутъ кончилъ. Инспекторъ тутъ же сидѣлъ—сухой старикъ, въ серебряныхъ очкахъ и короткомъ парикѣ, — онъ изрѣдка наклонялъ голову въ мою сторону. Когда я кончилъ и соскочилъ съ кресель, онъ мнѣ сказалъ: „Хорошо-съ, только высоко немножко, темновато, да и о самомъ предметѣ мало сказано". А гимназисты съ уваженіемъ проводили меня взорами.... право. Вѣдь вотъ чѣмъ драгоцѣнна молодежь! Вторую лекцію я принесъ написанную, и третью тоже.... потомъ я сталъ импровизировать.

— И имѣлъ успѣхъ? спросилъ Лежневъ.

— Имѣлъ большой успѣхъ. Я передавалъ слушателямъ все, что́ у меня было въ душѣ. Между ними было три-четыре мальчика, дѣйствительно замѣчательныхъ; остальные меня понимали плохо. Впрочемъ, сознаться надо, что и тѣ, которые меня понимали, иногда смущали меня своими вопросами. Но я не унывалъ. Любить-то меня всѣ любили; я на репетиціяхъ ставилъ полные баллы всѣмъ. Но тутъ началась противъ меня интрига.... или нѣтъ! никакой интриги не было; а я, просто, попалъ не въ свою сферу. Я стѣснялъ другихъ, и меня тѣснили. Я читалъ гимназистамъ, какъ и студентамъ не всегда читаютъ; слушатели мои выносили мало изъ моихъ лекцій.... факты я самъ зналъ плохо. Притомъ, я не удовлетворялся кругомъ дѣйствій, который былъ мнѣ назначенъ.... ужъ это, ты знаешь, моя слабость. Я хотѣлъ коренныхъ преобразованій, а, клянусь тебѣ, эти преобразованія были и дѣльны, и легки. Я надѣялся провести ихъ черезъ директора, добраго и честнаго человѣка, на котораго я сначала имѣлъ вліяніе.

Его жена мнѣ помогала. Я, братъ, въ жизни своей немного встрѣчалъ такихъ женщинъ. Ей уже было лѣтъ подъ сорокъ; но она вѣрила въ добро, любила все прекрасное, какъ пятнадцати-лѣтняя дѣвушка, и не боялась высказывать свои убѣжденія передъ кѣмъ бы то ни было. Я никогда не забуду ея благородной восторженности и чистоты. По ея совѣту, я написалъ-было планъ.... Но тутъ подъ меня подкопались, очернили меня передъ ней. Особенно повредилъ мнѣ учитель математики, маленькій человѣкъ, острый, желчный и ни во что́ не вѣрившій, въ родѣ Пигасова, только гораздо дѣльнѣе его.... Кстати, что́ Пигасовъ, живъ?

— Живъ и, вообрази, женился на мѣщанкѣ, которая, говорятъ, его бьетъ.

— Поддѣломъ! Ну, а Наталья Алексѣевна здорова?

— Да.

— Счастлива?

— Да.

Рудинъ помолчалъ.

— О чемъ, бишь, я говорилъ.... да! объ учителѣ математики. Онъ меня возненавидѣлъ; сравнивалъ мои лекціи съ фейерверкомъ, подхватывалъ на-лету каждое не совсѣмъ ясное выраженіе, разъ даже сбилъ меня на какомъ-то памятникѣ XV-го вѣка.... а главное, онъ заподозрилъ мои намѣренія; послѣдній мой мыльный пузырь наткнулся на него, какъ на булавку, и лопнулъ. Инспекторъ, съ которымъ я сразу не поладилъ, возстановилъ противъ меня директора; вышла сцена; я не хотѣлъ уступить, погорячился, дѣло дошло до свѣдѣнія начальства; я принужденъ былъ выйти въ отставку. Я этимъ не ограничился, я хотѣлъ показать, что со мной нельзя поступить такъ.... но со мной можно было поступить, какъ угодно.... Я теперь долженъ выѣхать отсюда.

Наступило молчаніе. Оба пріятеля сидѣли, понуривъ головы.

Первый заговорилъ Рудинъ.

— Да, братъ, началъ онъ:—я теперь могу сказать съ Кольцовымъ: „До чего ты, моя молодость, довела меня, домыкала, что ужъ шагу ступить некуда“.... И между тѣмъ, неужели я ни на что́ не былъ годенъ, неужели для меня такъ-таки нѣтъ дѣла на землѣ? Часто я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и какъ я ни старался себя унизить въ собственныхъ глазахъ, не могъ же я не чувствовать въ себѣ присутствія силъ не всѣмъ людямъ данныхъ! Отчего же эти силы остаются безплодными? И вотъ еще что́: помнишь, когда мы съ тобой были за границей, я былъ тогда самонадѣянъ и ложенъ.... Точно, я тогда ясно не сознавалъ, чего я хотѣлъ, я упивался словами и вѣрилъ въ призраки; но теперь, клянусь тебѣ, я могу громко, передо всѣми высказать все, чего я желаю. Мнѣ рѣшительно скрывать нечего: я виолнѣ, и въ самой сущности слова, человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ! не удается! Что это значитъ? Что́ мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе?... Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нея долой.... Я сталъ бояться ея—моей судьбы.... Отчего все это? Разрѣши мнѣ эту загадку!

— Загадку! повторилъ Лежневъ.—Да, это правда. Ты и для меня былъ всегда загадкой. Даже въ молодости, когда, бывало, послѣ какой-нибудь мелочной выходки, ты вдругъ заговоришь такъ, что сердце дрогнетъ, а тамъ—опять начнешь.... ну, ты знаешь, что́ я хочу сказать.... даже тогда я тебя не понималъ: оттого-то я разлюбилъ

тебя.... Силъ въ тебѣ такъ много, стремленіе къ идеалу такое неутомимое....

— Слова, все слова! дѣлъ не было! прервалъ Рудинъ.

— Дѣлъ не было! Какія же дѣла....

— Какія дѣла? Слѣпую бабку и все ея семейство своими трудами прокормить, какъ помнишь, Пряженцевъ.... Вотъ тебѣ и дѣло.

— Да; но доброе слово—тоже дѣло.

Рудинъ посмотрѣлъ молча на Лежнева и тихо покачалъ головой.

Лежневъ хотѣлъ-было что-то сказать и провелъ рукой по лицу.

— И такъ, ты ѣдешь въ деревню? спросилъ онъ наконецъ.

— Въ деревню.

— Да развѣ у тебя осталась деревня?

— Тамъ что-то такое осталось. Дѣвъ души съ половиною. Уголъ есть, гдѣ умереть. Ты, можетъ быть, думаешь въ эту минуту: „И тутъ не обошелся безъ фразы!“ Фраза, точно, меня сгубила: она заѣла меня, я до конца не могъ отъ нея отдѣлаться. Но то, что́ я сказалъ, не фраза. Не фраза, братъ, эти бѣлые волосы, эти морщины; эти прорванные локти—не фраза. Ты всегда былъ строгъ ко мнѣ, и ты былъ справедливъ; но не до строгости теперь, когда уже все кончено, и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ-вотъ, сейчасъ докурится фитиль.... Смерть, братъ, должна примирить наконецъ....

Лежневъ вскочилъ.

— Рудинъ! воскликнулъ онъ, зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Чѣмъ я заслужилъ это отъ тебя? Что я за судья такой, и что́ бы я былъ за человѣкъ, если-бъ, при видѣ твоихъ вялыхъ щекъ и морщинъ, слово: фраза—могло прійти въ голову? Ты хочешь знать, что́ я думаю о тебѣ? Извольте! я думаю: вотъ человѣкъ.... съ его способностями,

чего бы не могъ онъ достигнуть, какими земными выгодами не обладалъ бы теперь, если-бъ захотѣлъ!... а я его встрѣчаю голоднымъ, безъ пристанища....

— Я возбуждаю твое сожалѣніе, промолвилъ глухо Рудинъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься. Ты уваженіе мнѣ внушаешь — вотъ что. Кто тебѣ мѣшалъ проводить годы за годами у этого помѣщика, твоего пріятеля, который, я вполнѣ увѣренъ, если-бъ ты только захотѣлъ подъ него подлаживаться, упрочилъ бы твое состояніе? Отчего ты не могъ ужиться въ гимназіи, отчего ты—страшный человѣкъ!—съ какими бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была?

— Я родился перекати-полемъ, продолжалъ Рудинъ съ унылой усмѣшкой. —Я не могу остановиться.

— Это правда: но ты не можешь остановиться не оттого, что въ тебѣ червь живетъ, какъ ты сказалъ мнѣ сначала.... Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ праздная безпокойства, —огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ и видно, не смотря на всѣ твои дрязги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый, на твоемъ мѣстѣ, давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ; а въ тебѣ даже желчи не прибавилось, и ты, я увѣренъ, сегодня же, сейчасъ, готовъ опять приняться за новую работу, какъ юнона.

— Нѣтъ, братъ, я теперь усталъ, проговорилъ Рудинъ.— Съ меня довольно.

— Усталъ! Другой бы умеръ давно. Ты говоришь, смерть примиряетъ; а жизнь, ты думаешь, не примиряетъ? Кто пожилъ, да не сдѣлался снисходительнымъ къ другимъ,

тотъ самъ не заслуживаетъ снисхожденія. А кто можетъ сказать, что онъ въ снисхожденіи не нуждается? Ты сдѣлалъ, что́ могъ, боролся, пока могъ.... Чего же больше? Наши дороги разошлись....

— Ты, братъ, совсѣмъ другой человѣкъ, нежели я, перебилъ Рудинъ со вздохомъ.

— Наши дороги разошлись, продолжалъ Лежневъ: — можетъ быть, именно оттого, что, благодаря моему состоянію, холодной крови, да другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, ничто мнѣ не мѣшало сидѣть сиднемъ, да оставаться зрителемъ, сложивъ руки; а ты долженъ былъ выйти на полѣ, засучивъ рукава, трудиться, работать. Наши дороги разошлись.... но посмотри, какъ мы близки другъ другу. Вѣдь мы говоримъ съ тобой почти однимъ языкомъ, съ полунамека понимаемъ другъ друга; на однихъ чувствахъ выросли. Вѣдь ужъ мало насъ остается, братъ; вѣдь мы съ тобой послѣдніе могикане! Мы могли расходиться, даже враждовать въ старые годы, когда еще много жизни оставалось впереди; но теперь, когда толпа рѣдѣетъ вокругъ насъ, когда новыя поколѣнія идутъ мимо насъ къ не нашимъ цѣлямъ, намъ надобно крѣпко держаться другъ за друга. Чокнемся, братъ, и давай-ка, по старинному: Gaudeamus igitur!

Пріятели чокнулись стаканами и пропѣли растроганными и фальшивыми, прямо русскими голосами старинную студенческую пѣсню.

— Вотъ, ты теперь въ деревню ѣдешь, заговорилъ опять Лежневъ.—Не думаю, чтобъ ты долго въ ней остался, и не могу себѣ представить, чѣмъ, гдѣ и какъ ты кончишь.... Но помни: что́ бы съ тобою ни случилось, у тебя всегда есть мѣсто, есть гнѣздо, куда ты можешь укрыться. Это мой домъ.... слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтобъ и у нихъ былъ пріютъ.

Рудинъ всталъ.

— Спасибо тебѣ, братъ, продолжалъ онъ.—Спасибо! Не забуду я тебѣ этого. Да только пріюта я не стою. Испортилъ я свою жизнь, и не служилъ мысли, какъ слѣдуетъ.

— Молчи! продолжалъ Лежневъ. — Каждый остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа, и больше требовать отъ него нельзя! Ты назвалъ себя Вѣчнымъ Жидомъ.... А почему ты знаешь, можетъ-быть, тебѣ и слѣдуетъ такъ вѣчно странствовать, можетъ-быть, ты исполняешь этимъ высшее, для тебя самого неизвѣстное назначеніе: народная мудрость гласитъ не даромъ, что мы всѣ подъ-Богомъ ходимъ.—Ты ѣдешь, продолжалъ Лежневъ, видя, что Рудинъ брался за шапку.—Ты не останешься ночевать?

— Ѣду! прощай. Спасибо.... А кончу я скверно.

— Это знаетъ Богъ.... Ты рѣшительно ѣдешь?

— Ѣду. Прощай. Не поминай меня лихомъ.

— Ну, не поминай же лихомъ и меня.... и не забудь что́ я сказалъ тебѣ. Прощай....

Пріятели обнялись. Рудинъ быстро вышелъ.

Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполголоса: „бѣднякъ!“ и, сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ.

А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ.... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!

Въ знойный полдень 26 іюля 1848 года, въ Парижѣ, когда уже возстаніе „національныхъ мастерскихъ“ было почти подавлено, въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ предмѣстія св. Антонія, баталіонъ линейнаго войска бралъ бар-

рикаду. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже разбили ее; ея защитники, оставшіеся въ живыхъ, ее покидали и только думали о собственномъ спасеніи, какъ вдругъ на самой ея вершинѣ, на продавленномъ кузовѣ повалennаго омнибуса, появился высокій человѣкъ въ старомъ сюртукѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ и соломенной шляпѣ на сѣдыхъ, растрепанныхъ волосахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ красное знамя, въ другой—кривую и тупую саблю, и кричалъ что-то напряженнымъ, тонкимъ голосомъ, карабкаясь кверху и помахивая и знаменемъ, и саблей.— Венесскій стрѣлокъ прицѣлился въ него—выстрѣлилъ... Высокій человѣкъ выронилъ знамя—и, какъ мѣшокъ, повалился лицомъ внизъ, точно въ ноги кому-то поклонился.... Пуля прошла ему сквозь самое сердце.

— Tiens! сказалъ одинъ изъ убѣгавшихъ инсургентовъ другому: on vient de tuer le Polonais.

— Bigre! отвѣтилъ тотъ, и оба бросились въ подвалъ дома, у котораго всѣ ставни были закрыты и стѣны исстрѣлли слѣдами пуль и ядеръ.

Этотъ „Polonais“ былъ—Дмитрій Рудинъ.

КОНЕЦЪ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ENDE

20.84.2.1/4